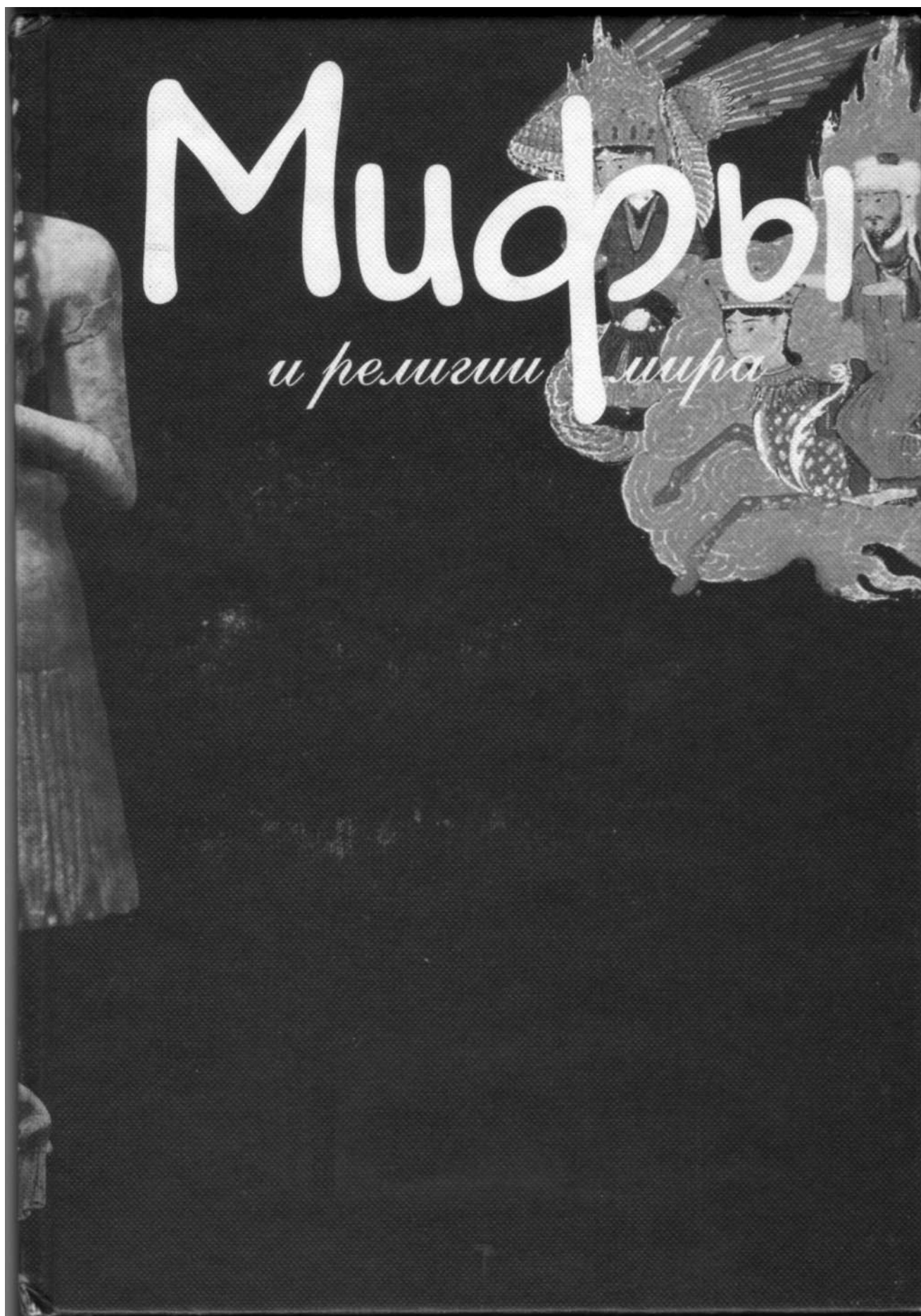

Мудры

и религии мира

Российский государственный гуманитарный университет

Институт высших гуманитарных исследований

Центр типологии и семиотики фольклора

Мифы и религии мира

Учебное пособие

Москва

2004

ББК 92
М 68

Составление и редакция
С.Ю. Неклюдова

Художник Михаил Гуров

ISBN 5-7281-0407-X

© Неклюдов С.Ю., сост., 2004
© Российский государственный
гуманитарный университет, 2004

Содержание

От составителя 7

Что знаем мы о верованиях и обрядах
человека доисторических времен
(Е.В. Антонова) 11

Мифы и религии народов мира

1

Древние египтяне (О.В. Томашевич,
М.А. Чегодаев) 19
Народы древнего Двуречья
(В.К. Афанасьева) 27
Финикийцы (Ю.Б. Циркин) 36
Древние евреи. — Иудаизм
(С.С. Аверинцев). Каббала.
Саббатанство. Франкианство.
Хасидизм (М.Б. Мейлах) 43
Мандеизм 63
Езидейство 64
Народы древней Малой Азии
(Вяч. Вс. Иванов, М.Л. Хачикян) 68
Древние греки (А.Ф. Лосев) 73
Этруски (В.Л. Цымбурский) 87
Умбры и римляне (В.Л. Цымбурский) 93
Иранские народы. — Маздеизм.
Зороастризм (Б.А. Литвинский) 101
Митраизм (Е.Б. Смагина) 108
Манихейство (Е.Б. Смагина) 111
Скифы и сарматы (Д.С. Раевский) 117
Нуристанцы (Б.А. Литвинский) 121
Народы Индии. Брахманизм.
Индийский буддизм. Джайнизм.
Индуизм. Вишнуизм. Шиваизм
(В.Г. Эрман) 127
Китайцы (В.В. Малявин) 143
Корейцы (Р.Ш. Джарылгасинова) 157
Японцы (А.Р. Садокова) 163
Айны (Е.К. Симонова-Гудзенко) 167
Тибетцы (Е.Д. Огнева) 171
Тибето-бирманские народы (Я.В. Чеснов) 175
Тайские народы (Я.В. Чеснов) 178
Мон-кхмерские народы (Я.В. Чеснов) 182
Вьетнамцы (Н.И. Никулин) 186
Народы малайского архипелага
(Е.В. Ревуненкова) 190

2

Армяне (С.Б. Арутюнян) 195
Грузины (И.К. Сургуладзе) 201

Народы Северного Кавказа и
Дагестана (А.И. Алиева).
Осетинский нартский эпос (Б.А. Калоев) 208
Кельты (С.В. Шкунаев) 218
Германские народы (В.Я. Петрухин) 223
Балтийские народы (Вяч. Вс. Иванов,
В.Н. Топоров) 229
Славянские народы (Е.Е. Левкиевская) 234
Финно-угорские и самодийские
народы (Е.А. Хелимский) 245
Кеты (Е.А. Алексеенко) 256
Древние тюрки (С.Г. Кляшторный) 261
Тюркские народы Сибири
(А.М. Сагалаев) 266
Тюркские народы, живущие в Средней
Азии и к западу от нее (В.Н. Басилов) 269
Монгольские народы (С.Ю. Неклюдов) 272
Маньчжуры (К.С. Яхонтов) 278
Тунгусо-маньчжурские народы
(Е.С. Новик) 282
Палеоазиатские народы
(Е.М. Мелетинский) 289
Эскимосы и алеуты (С.Я. Серов) 293

3

Индейцы Северной Америки
(А.В. Ващенко) 299
Индейцы Центральной Америки
(Р.В. Кинжалов) 307
Индейцы Южной Америки
(Ю.Е. Березкин) 313

4

Аборигены Австралии (О.Ю. Артемова) 321
Меланезийцы (Б.Н. Путилов) 327
Микронезийцы (В.И. Беликов) 332
Полинезийцы (В.И. Беликов) 334

5

Народы Африки южнее Сахары
(Е.С. Котляр) 341

Мировые религии

Буддизм (Н.Л. Жуковская) 354
Христианство (С.С. Аверинцев) 365
Ислам (М.Б. Пиотровский) 381

Религии в современном мире

(П.И. Пучков) 392

Краткий словарь 416

Библиография 421

От составителя

Можно смело утверждать, что в нашем недавнем прошлом книга, подобная этой, не могла быть издана, причем сразу по нескольким причинам. Прежде всего, советская идеология, атеистическая по форме и устремлениям, но религиозная по существу, имела свою собственную «священную историю», своих пророков и подвижников и крайне ревниво относилась ко всякой подлинно религиозной традиции, в которой неизбежно ощущала иное, конкурентное, а потому недопустимое мировоззрение. Изучение религии было сведено к так называемому научному атеизму, который на протяжении десятилетий оставался единственной (и обязательной для преподавания) религиозно-ведческой дисциплиной в отечественных вузах.

Суть его критического рассмотрения заключалась в опровержении с «единственно научных» (т. е. марксистско-ленинских) позиций основных догматов веры, учения о Боге, душе, ее загробном существовании и т. д., а роль священнослужителей (жрецов, шаманов) сводилась к «одурманиванию трудящихся масс» в интересах «эксплуататорских классов». Нравственное и культурное значение религии всячески принижалось или отрицалось; признавалась лишь историческая неизбежность ее существования.

Отношение к мифологии (далеко не только в рамках научного атеизма) было двойственным. С одной стороны, ей предоставлялся статус донаучной формы общественного сознания, наивного истолкования мироустройства и миропорядка, которое исторически предшествовало рационально-логическому знанию, а потому относилось к более или менее далекому прошлому. С другой стороны, миф рассматривался преимущественно как фольклорный жанр (или совокупность жанровых разновидностей фольклора). Вместе с тем в мифологии видели арсенал сюжетов, мотивов и образов словесности (как устной, так — отчасти — и книжной), а также искусства — прежде всего, до наступления «эпохи реализма».

Конечно, нельзя сказать, чтобы эти представления о мифологии обнаружили свою абсолютную несостоятельность и были бы полностью отвергнутыми. Скорее они оказались недостаточными и в этом смысле не соответствующими уровню развития современного гуманитарного знания. Во-первых, в результате углубленных культурно-антропологических и структурно-семиотических исследований стала очевидной регулятивная (а отнюдь не только объяснительная) функция мифа, выступающего как один из важнейших механизмов организации социальной, хозяйственной и культурной жизни коллектива.

Во-вторых, стало ясно, что мифологическое мышление не является исключительной принадлежностью архаических сообществ. Мифологическое осмысление человеком его духовного и практического опыта, некогда безраздельно господствующее, естественно, в целом предшествует формам рационально-ло-

гического знания. Однако отсюда не следует, что мифологическое мышление остается только наследием далекого прошлого или является лишь уделом доживших до нашего времени бесписьменных архаических традиций. Отнюдь нет! Мы являемся свидетелями того, как по древним моделям, идущим из глубины веков, в современной политике и идеологии воссоздаются старые мифы в новых оболочках (социальные, национальные); они всегда ориентированы на массовое сознание и подсознание, они иррациональны, но часто и охотно рядятся в квазинаучные одежды. Массовое сознание во многих отношениях вообще является мифологическим: хотя состав религиозно-мифологических представлений меняется сообразно изменениям культурно-исторических обстоятельств, сама структура этого сознания сохраняет относительное постоянство. Это дает основание ставить вопрос о мифологическом компоненте любой культурной традиции, по-видимому обусловленном самой ее природой.

Наконец, пересмотр философско-методологических основ познания позволил усомниться в слишком жестком разграничении «рационального» и «мифологического» знаний: в некотором смысле (для обыденного мышления во всяком случае) мифологические модели сохраняют свое значение и эвристические возможности вплоть до наших дней.

Соединение в данной книге проблем общего рассмотрения религии и мифологии (в противоположность дисциплинарному разведению этих предметов в советской научной традиции) следует довольно простой логике. Героями мифов прежде всего являются боги и другие сверхъестественные существа, наличие которых в мифологическом прошлом или настоящем, как правило, не подвергается сомнению и которые — реально или потенциально — представляют собой объекты религиозного почитания. Религиозная модель мира мифологична; миф может играть роль своего рода священной истории, сценария или словесной иллюстрации обряда, речей божественного предка или богатворца, адресованных людям. Мы привычно (и с основанием) называем мифологическими многие фрагменты священных текстов, жизнеописания пророков и святых, часто весьма сходные в традициях разных времен и народов.

Отчасти именно по этой причине оказалось трудно соблюсти определенный баланс в рассмотрении собственно религии и собственно мифологии; к тому же и реальная представленность материала подчас побуждала к более обстоятельному освещению в предложенном обзоре какой-либо одной из этих тематических составляющих. В целом мифологические темы в книге, вероятно, преобладают; однако напомним еще раз, что во многих случаях речь скорее идет о разных ракурсах изучения одного предмета, чем о разных предметах.

Итак, мифология и религия являются составной частью всякой культуры и идеологии. Кроме того, их темы и образы получают специфическое развитие в литературе и искусстве, куда они проникают через фольклор и другие формы народных традиций, всегда сохраняющие связь с мифом и обрядом.

Знакомство с религиозно-мифологическими традициями народов мира — один из важных компонентов воспитания человека. Отсутствие соответствующих курсов и дисциплин в нашей системе образования чрезвычайно обеднило духовную жизнь нескольких поколений, лишив их знания образов и символов, лежащих в основе изобразительного и словесного искусства древности, средневековья, а в значительной степени — и нового времени. Большие пласты мировой культуры остались для нас не востребованными из-за невладения языком, на котором она говорит.

Все это касается прежде всего библейско-христианских, античных и средневековых европейских традиций, известных нам постыдно мало. Даже действительные результаты изучения славянской мифологии и славянского (в том числе — древнерусского) язычества почти не известны за пределами узкого круга

специалистов, а это открывает дорогу псевдонаучным спекуляциям и прямым фальсификациям (типа пресловутой «Велесовой книги»), обычно — с сильным националистическим привкусом. Но еще меньше мы знаем о своих более далеких соседях по земному шару, скажем, о народах Африки или Индокитая.

Помимо всеобщей индустриальной цивилизации нашего времени, в мире существует великое множество своеобразных национальных культур, причем истоки каждой из них коренятся в религиозно-мифологической сфере, являющейся фундаментом всех прочих форм идеологии и творческой деятельности человека. Справедливо сказано: чтобы понять другой народ, надо в первую очередь узнать, во что он верит и каким богам молится. Такое знакомство имеет не только образовательное, но и глубокое нравственное значение: видя во многообразии форм духовной жизни разных народов общие черты, мы скорее способны излечиться от национального эгоцентризма и атаквистической ксенофобии.

Перед авторами учебного пособия стояла сложная задача: на сравнительно небольшой площади текста следовало уместить рассказ о мифологии и религии всех народов мира, не только живущих на Земле сейчас, но и живших когда-либо (конечно, в той мере, в какой это доступно современной науке). Каждая из включенных в книгу статей описывает либо мифологию и религию одного народа (например, армян или японцев), либо целой языковой семьи (славянской или тибето-бирманской), либо даже целого региона (Австралии или Африки). Столь различное распределение материала в статьях связано и с возможностями его более или менее широких обобщений, и с уровнем знаний о той или иной традиции, и непосредственно с интересами читателей, степенью их подготовленности и пр. Авторы стремились к достаточной доступности изложения, но избегали чрезмерных упрощений, могущих исказить суть предмета; невозможно было полностью обойтись и без специальной терминологии (для облегчения ее понимания — применительно к данному контексту — в конце приводится небольшой пояснительный словарь).

В начале книги обсуждается проблема изучения обрядов и верований «доисторического» человека, завершается же она обзором состояния религиозной жизни в современном мире. Остальные статьи сгруппированы по принципам региональным и культурно-языковым, а иногда — и историко-хронологическим (если речь идет о религиозно-мифологических системах древнего мира).

Основная часть учебного пособия делится на пять разделов, из которых первые два посвящены традициям народов Евразии. Прежде всего рассказывается о древних мифологиях и религиях Средиземноморья — от Египта до Рима, причем речь идет о давно умолкнувших, мертвых цивилизациях, известных лишь по старым письменным и археологическим источникам. Исключением является древнееврейская ветхозаветная традиция, имевшая непосредственное продолжение в иудаизме средневековья и нового времени и специфическое развитие в христианстве и исламе; с теми же источниками связаны такие синтетические религии (т. е. сложившиеся из многих разнородных элементов), как мандеизм и езидейство.

Далее мы обращаемся к народам индо-иранской группы, религиозно-мифологические системы которых также сформировались в глубокой древности и отражены в старейших книжных памятниках (кроме тесно связанной с индо-иранским миром нуристанской мифологии, бытующей лишь устно). Иранскую основу имели также синтетические религии митраизм и манихейство, распространившиеся далеко за пределы иранского мира, но довольно рано утратившие свою жизнеспособность.

Продолжая двигаться дальше, мы попадем на Дальний Восток, где опять-таки встречаемся с чрезвычайно древними, известными по многочисленным письменным памятникам религиозно-мифологическими системами Китая,

Кореи и Японии; линия развития этих традиций, не угасая, тянется вплоть до нашего времени. Здесь же рассказывается об устной мифологической традиции айнов — потомков древнейших обитателей Японских островов. Особое положение занимает Тибет, культура которого связана с Центральной, Южной, а также Юго-Восточной Азией. Рассмотрением мифов и религий этого последнего региона (включая примыкающие к нему острова Малайского архипелага) и заканчивается первый раздел, посвященный, как можно было убедиться, в основном народам южной части Евразийского континента — от Средиземноморья до Индокитая, культурам, как правило, известным начиная с их древних, «классических», письменно зафиксированных форм, а также некоторым тесно связанным с ними традициям.

Во втором разделе рассказывается о мифах и религиях Кавказа, Центральной, Северной и Восточной Европы, Центральной Азии и Сибири, т. е. речь идет преимущественно о северных областях Евразии и по большей части об устных традициях, известных нам не столько по древним письменным памятникам, сколько по относительно поздним фольклорно-этнографическим материалам. Следует добавить, что дважды мы были здесь вынуждены выйти за пределы собственно Евразии: в начале, при рассказе о Древнем Египте (географически относящемся к Африке), и в конце, в очерке об эскимосах и алеутах, живущих в различных областях циркумполярной зоны Старого и Нового Света, а в культурном отношении связанных как с палеоазиатами, так и с северо-американскими индейцами.

Дальнейшее повествование является менее подробным. В третьем разделе рассказывается о религии и мифологии аборигенов Америки, в четвертом мы переходим к аборигенам Австралии и Океании, а пятый посвящен народам Африки южнее Сахары (последнее ограничение понадобилось для того, чтобы отделить автохтонные традиции этого континента от североафриканских, относящихся к ближневосточному средиземноморскому культурному кругу). Надо подчеркнуть, что предложенная группировка материала является сугубо прагматической, выработанной специально для этого издания; границы же между разделами, как можно было убедиться, проводились там, где это удавалось сделать. Наконец, отдельно рассматриваются мировые (или великие) религии (буддизм, христианство, ислам).

Книга «Мифы и религии мира» опирается на опыт создания двухтомной энциклопедии «Мифы народов мира» (1-е изд.: М., 1980–1981), а также значительно дополняющего ее однотомного «Мифологического словаря» (1-е изд.: М., 1990), но не является их повторением, хотя некоторые совпадения неизбежны, когда речь идет об одном и том же предмете, рассматриваемом одним и тем же — часто единственным в нашей стране — специалистом. Из работ наиболее общего характера укажем также следующие: Е.М. Мелетинский «Поэтика мифа» (М., 1975; 3-е изд.: 2000) и «Мифологии древнего мира» (Пер. с англ. Отв. ред. В.А. Яковсон. Предисл. И.М. Дяконова. М., 1977). Дополнительную литературу к отдельным разделам читатель найдет в конце книги.

Книга, которую читатель держит в руках, задумывалась в конце 80-х годов и предназначалась для опубликования в издательстве «Знание». Она была написана, отредактирована и подготовлена к печати, но ее выходу помешал полиграфический кризис начала 90-х. Выпуская теперь в свет учебное пособие «Мифы и религии мира», мы считаем своим долгом выразить признательность коллективу этого издательства, участвовавшему в работе над книгой: редактору Ю.Н. Медведеву, мл. редактору И.В. Грачевой, художнику А.В. Лисицыну, художественному редактору Л.С. Морозовой, техническому редактору А.О. Найденовой. Мы благодарны также О.Б. Христофоровой за помощь при подготовке книги к изданию в РГГУ.

1 Что знаем мы о верованиях и обрядах человека доисторических времен

Изучение мифов и религии палеолитической и неолитических эпох связано со значительными трудностями, так как в то время не существовало письменности, а образ жизни, общественные отношения и понимание людьми мира имели своеобразные формы, подобные которым лишь отчасти могут быть обнаружены в позднейшие периоды. История исследования этих эпох недолга: она началась лишь немногим более ста лет назад, когда благодаря рождающейся науке археологии стали изучаться пещеры каменного века, поселения неолита, наскальные изображения, погребения. Попытки проникнуть в духовную культуру отдаленного прошлого делались одновременно с усилиями понять особенности мышления и способы понимания мира «примитивными» людьми, еще обитавшими в районах Земли, мало затронутых западной цивилизацией. Особенно плодотворными были годы после второй мировой войны, когда были найдены важнейшие свидетельства высокого развития культуры людей неолита, а духовный мир «нецивилизованных» племен предстал во всей своеобразной сложности и яркости.

К обрядам и верованиям людей каменного века исследователей заставляли обращаться в первую очередь особые, небытовые остатки материальной культуры. Действительно, уже на самых ранних этапах своего существования люди совершали действия и изготавливали вещи, в которых их отношение к миру, его

понимание воплощались как бы в концентрированной форме. Но все это находит отражение в вещах и действиях, с нашей точки зрения, обыденных, и чем ниже техническая оснащенность общества, проще его организация, короче связи между ним и природой, тем ближе быт и обряд, фантастическое и обычное. Поэтому и в бытовых, утилитарных вещах и действиях воплощаются те же (или близкие им) представления, которые проявляются в обрядах и мифах. Задача, таким образом, состоит в том, чтобы научиться читать язык вещей, выражающийся в их форме, материале, назначении, способах размещения в находимых археологами поселениях, погребениях и т. д. В понимании этого языка большую роль играют сведения о культуре охотников, собирателей и примитивных земледельцев и скотоводов недавнего прошлого или наших дней. Помогает и обращение к мифам и религиозным представлениям древних народов, уже обладавших письменностью, но сохранивших образное, мифологическое восприятие мира, так как они многое унаследовали непосредственно от своих первобытных предков. Наконец, для соединения всех имеющихся в его распоряжении фактов исследователь должен обладать научной теорией, позволяющей определить их не случайные, а закономерные взаимосвязи, взаимообусловленность явлений различных сфер человеческого бытия. Нет никаких сомнений, что даже самые фантастические образы древних мифов не были результатом случайной игры

фантазии. Облик их персонажей, их действия, мир, в котором эти действия разворачивались, строились по определенным правилам, подобно тому, как правилами определяется любая даже самый древний язык человеческого общения, хотя люди об этом могут и не подозревать. Оказывается, что между правилами, определяющими такие на первый взгляд различные вещи, как формы жилищ, облик мифических персонажей и их действия, материал и формы орудий, размещение изображений на стенах пещер или построек, есть много общего. Мы никогда, по-видимому, не узнаем мифов, которые в тех или иных формах воспроизводили в общинах охотников или в деревушках первых земледельцев, но, опираясь на эти правила, можем построить вероятную схему образа мира и тех действий, которые предпринимали люди, чтобы поддерживать с этим миром необходимые им отношения.

Нельзя представить себе мифологические представления и обряды охотников и собирателей, а потом земледельцев и скотоводов каменного века без реконструкции их общественной организации. Охотники жили небольшими группами, члены которых были связаны узами родства. Они перемещались в пределах своих территорий, следуя за годовыми изменениями в поведении животных, рыб, собирая растения. Жилищами им служили гроты или пещеры, а также искусственные временные жилища, которые они сооружали из предоставляемых природой материалов — камней, костей животных, шкур. Из камня, кости, дерева изготавливали орудия и оружие, из шкур — одежду. В коллективах было первобытное равенство, и хотя более сильные, опытные и умелые обладали большим влиянием, это налагало на них и большую ответственность за жизнь и безопасность остальных членов. Занятия определялись полом и возрастом: мужчины в основном охотились, женщины и дети собирали то, что годи-

лось в пищу. Такие сообщества представляли собой целостные организмы, в которых индивидуальные стороны личности проявлялись очень слабо и лишь постольку, поскольку они не грозили конфликтами. Теснейшим образом они были связаны с природой, подчинены ее изменениям, «присваивали» ее дары (поэтому их хозяйство условно называют присваивающим).

Первые предполагаемые следы обрядов относятся ко времени существования неандертальцев (эпоха мустье, 100 000 — 35 000 лет назад) — это погребения людей в специально выкопанных ямах на краю пещер или внутри них (Спи, Ле Мустье, Ля Ферраси во Франции и др.), а также захоронения человеческих черепов. С какими-то зарождающимися обрядами связывают специально собранные медвежьи черепа и кости, помещенные иногда в «ящики» из плит (пещера Драхенлох в Швейцарских Альпах и др.). Следы в пещере Базуа (Италия) свидетельствуют как будто о специальном бросании глиняных комьев в чучело медведя. Найденные на стенах верхнепалеолитических (35 000 — 10 000 лет назад) пещер изображения позволяют проследить, как постепенно на смену полуосмысленному желанию выразить какие-то ощущения или впечатления приходит способность воплотить в зримом образе характерные особенности зверей. Таковы знаменитые рисунки бизонов, лошадей, оленей и других животных в пещерах Франко-Кантabriи и мамонтов в Каповой пещере Урала, вырезанные из кости и камня фигурки женщин и животных. Таким образом, первые свидетельства обрядов и, по-видимому, мифологических представлений относятся к эпохе формирования и завершения формирования человека современного типа.

Обряды и мифологические представления людей первобытной эпохи всегда были тесно связаны с их хозяйственной деятельностью, с теми способами получения продуктов питания,

которые были своеобразными в разных природных условиях. У всех были обряды, цель которых — удачная охота или умножение животных и дикорастущих растений. Поэтому и изображения животных в палеолитических пещерах исследователи нередко считали магическими, а условные изображения на их фигурах или рядом с ними — рисунками копий и ловушек. Но такая прямолинейная связь упрощает сложные отношения между деятельностью людей и ее осмыслением ими. В обрядах хозяйственного типа воплощался образ мира со всеми особенностями, присущими людям той или иной эпохи или культуры. Размещение изображений животных и условных знаков в пещерах показывает, что оно подчинено определенной системе — одни помещали в глубине, в нишах, как будто специально скрывая, другие — близ входа. Их изучение позволило высказать предположение о существовании каких-то групп животных, каких-то классификаций. Разные виды животных как будто объединяются в группы «мужских» и «женских» (напомним, что противопоставление «мужское — женское» играет важную роль в мировосприятии людей как древности, так и современности). В восприятии мира охотниками и собирателями верхнего палеолита много значило живое зрительное впечатление, окрашенное эмоциями. Вероятно, древнейшие обряды представляли комплексное действие, где воспроизведение различных ситуаций сочеталось с пением, подражанием голосам живых существ и природным шумам, танцами, зачатками повествований мифологического характера. Участники таких обрядов, как видно из некоторых изображений в пещерах, надевали маски и шкуры. Вероятно, частым, если не постоянным, элементом обрядов было совместное вкушение пищи. Вряд ли в это время можно говорить о существовании мифов как обособившихся от обрядовых действий повествований.

Слияние людей с природой не было абсолютным: обладающий сознанием человек наблюдал и осмыслил доступный его чувствам мир, активно на него воздействовал, планировал свою деятельность и уже этим отделял себя от природы. Но субъективно люди воспринимали себя как часть мира, в котором все было живо, все могло вести себя как живое существо. Они не видели своих сущностных отличий от живых и даже неживых явлений природы. Коллективы людей скреплялись не только биологическими связями, они были объединениями существ, обладавших сознанием. Это единство нуждается уже в символическом оформлении, в признании родства всех членов своей группы с каким-либо объектом природы (тотемизм), в совершении своих, особых для каждого коллектива обрядов. То обстоятельство, что коллектив не был расчленен внутри, воспринимался как единый организм, в котором отдельные люди не осознавали своего своеобразия, отличия от других, не позволяло людям посмотреть на себя со стороны, понять человеческий мир через призму тоже человеческого, но другого, а также увидеть в природе действия подобных себе существ, как это позже было, например, у греков. Об этом же говорит и относительно небольшое число изображений людей на стенах пещер, а абсолютное преобладание женских статуэток в коллективах, где доминирующую роль играли охотники-мужчины, по-видимому, свидетельствует об отнесении женских существ к миру особому, природному, где обитали животные, которые также были объектами изображения.

В представлявшемся их сознанию мире действовали существа, совмещавшие признаки внешности и поведения людей и животных, явлений живой и неживой природы. Облик их изменчив и нечеток. Вероятно: персонажами зарождающихся мифических повествований были и умершие, погребения которых делали и люди

верхнего палеолита. Действия этих существ протекали в конкретном, известном людям данного коллектива пространстве и заключались в передвижениях, охоте, каких-то особых событиях, поразивших воображение. По-видимому, в это время начинают формироваться первые мифы о происхождении людей, элементов пространства, вещей. Развертывание явлений мира, скорее всего, рисовалось как спонтанное возникновение, результат нахождения или доделывания мифическим существом, рождение. Мир воспринимался как раскрывающийся в движении, как бы лишенный центра, хотя в нем были пункты более и менее важные. Вопросы о возникновении мира вообще, о появлении из первичной пустоты, о начале времени еще не возникали.

Вероятно, обрядами отмечались все сколько-нибудь значительные события — миграции животных, выход на охоту, возвращение с добычей, рождение и смерть, встреча с чужим коллективом. В обрядах было много имитативных действий, ритмизированной передачи реальности. В этом целостном обществе из общего потока жизни религия не могла выделиться как относительно независимая сфера, как не выделились ремесло, искусство, где управление не стало прерогативой особой группы лиц, хотя, вероятно, были более одаренные и умелые, которые были знатоками и руководителями обрядов.

Жизнь коллективов охотников и собирателей меняется с завершением верхнего палеолита, совпадающим с окончанием ледниковой эпохи. Становятся более изощренными приемы охоты, совершенствуются орудия и оружие, расширяются познания о животных и растениях, что позволяет интенсифицировать хозяйственную деятельность и в непродолжительную мезолитическую эпоху перейти в благоприятных условиях к временной оседлости. К мезолиту и — в основном — к неолиту относят наскальные изображения (Испания, Северная

Европа), в которых в отличие от палеолитических много людей, совершающих те или иные действия, охотящихся, отправляющих обряды. Таким образом, в изображения вводится повествовательное начало, сюжет, который в палеолитических росписях оставался «за кадром». Это обстоятельство позволяет думать, что и в обрядово-мифологической сфере происходит обособление различных, прежде составлявших единство элементов, в том числе повествования.

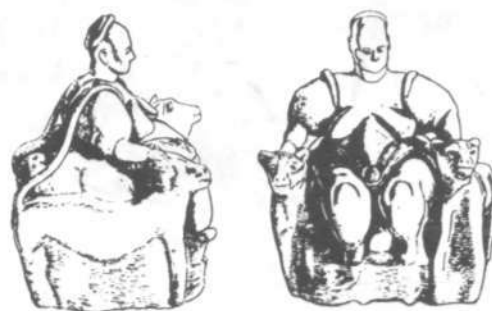
Смена археологических эпох происходила в послепалеолитическое время в разных регионах Земли неодновременно. На большей части обитаемой Земли люди оставались охотниками и собирателями, а в Передней Азии уже в 9—8-м тысячелетии до н. э. начали осваивать приемы земледелия и скотоводства. Новые формы хозяйства охватывают всю Переднюю Азию и прилегающие к ней области в 7—6-м тысячелетии до н. э.; в Южной и Центральной Европе они распространяются в 6—5-м тысячелетии до н. э., как и в некоторых районах Восточной Азии. Переход к производящему хозяйству был связан с целой системой перемен в материальной и духовной жизни. Вместо временных поселков появились постоянные деревни, построенные в зоне сухих субтропиков из необожженной глины. Сильно расширяется сфера практического освоения мира: люди обрабатывают землю, разводят животных, начинают использовать утварь из обожженной глины, узнают полезные свойства металлов. Их материальная культура становится богаче и разнообразней, чем прежде. Они приобретают большую независимость от природы, хотя связь с ней становится в чем-то даже более тесной, но по-другому, она усложняется, требует от людей более разнообразных усилий, в том числе с участием нескольких коллективов. В эту эпоху усиливаются контакты между общинами, что является условием распространения различных достижений и знаний. Именно в эту

эпоху человек начинает становиться «хозяином» природы.

Расширение сферы осознанного планирования деятельности отразилось в изменении образа мира. Оставаясь конкретным, наполненным всеми важными для жизни людей явлениями и существами, он начинает приобретать признаки абстрактной геометрической модели, круга или квадрата, в центре которого находится свое селение. Недаром в культурах ранних земледельцев и скотоводов такого расцвета достигает орнамент, игравший подчиненную роль в культуре охотников и собирателей: орнамент организует вещь, выявляет ее строение, структуру. Мир, как и вещи, созданные людьми, осмысливается теперь как имеющий верх и низ, четыре стороны по горизонтали и центр, в котором находится самое ценное, важное, «свое». Сделанное из шкур вместилище может не иметь верха и низа, но сосуд, стоящий на плоском поде очага, должен иметь плоское дно и не может функционировать в ином положении. Окраины мира — мир «чужой», где обитают нередко враждебные люди, но это также и мир природы, лежащий за пределами своего селения и своих полей. В то же время «чужой» мир не только опасен, он — источник полезных и необходимых вещей, отсюда поступают и продукты питания. Из этого мира люди когда-то получили все, что они имеют, здесь обитают их мифические доброжелатели, которые, однако, капризны и любят, чтобы их задабривали. Из этого мира когда-то от «хозяев» были получены растения и животные, разводимые в хозяйстве. С ним устанавливается связь посредством различных обрядов и существ, среди которых важное место принадлежит своим умершим сородичам. Людей после смерти не отрывают от живых родственников: их зарывают неподалеку от жилищ, а иногда их кости или черепа сохраняют, чтобы сделать участниками обрядов. Таким образом, мир в целом

делится теперь на два — человеческий, «наш», и «чужой», мир таинственных, особых существ, мир природы, диких животных и т. д. Со всеми ими надо поддерживать постоянные отношения, основанные на взаимных обязательствах.

Все эти изменения приводят к тому, что своеобразие человеческого рода, его отличие от других существ, наполняющих мир, начинают осознаваться. Характерно, что именно в эту эпоху становятся очень распространенными статуэтки людей (вероятно, мифологизированных предков, которые играли роль участников различных обрядов). Людей изображали также на сосудах, стенках построек, скалах. Через образ человеческого тела понимаются вещи (в частности, в виде фигур женщин лепят сосуды) и, вероятно, явления природы. Женщина отождествляется с землей, рождающей и выкармливающей, подобно ей, растения, животных да и самих людей. Возникновение мира и населяющих его существ рисуется теперь не как спонтанное или случайное, не как доделывание того, что уже существует в природе. Оно приобретает признаки целенаправленного действия, подобного человеческим усилиям по обработке земли, лепке сосудов или фигурок из глины, рождению женщиной. С переходом к оседлости возрастает значение связей между людьми во многих коленах и связях между коллективами и местами их

Фигурка рожавшей женщины. VI тыс. до н. э. Чатал Хююк, Турция

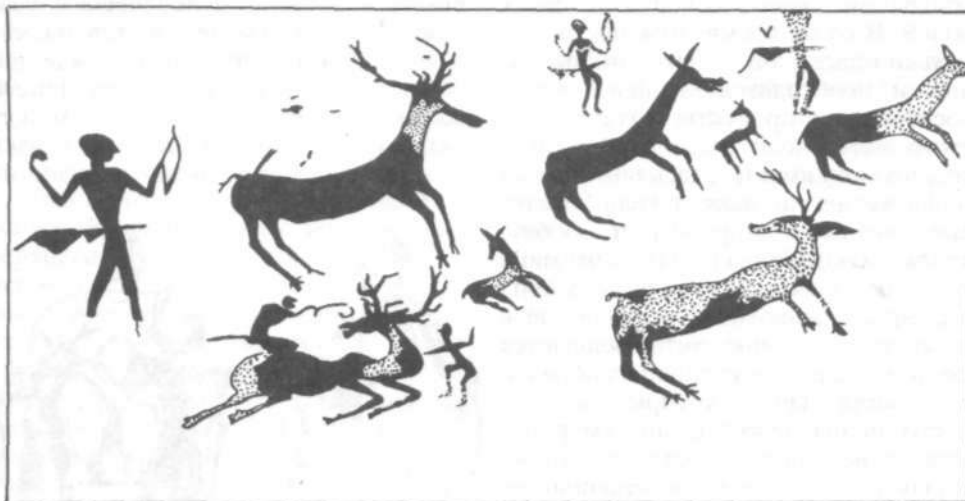

обитания, иногда постоянными на протяжении многих столетий. Единство осознается как происхождение от общего, уже человеческого предка. Поэтому особое значение приобретают родословия, в которых реальные события и персонажи рассматриваются через призму мифа, имеют фантастические черты. Как более важная, чем прежде, воспринимается роль женщины — матери, кормилицы и хозяйки дома, запасов пищи.

Ушедший охотничий быт не забывается. Зародившиеся в ту эпоху образы продолжают существовать, но переосмыслиются, приобретают новые черты. Охота начинает приобретать в некоторых районах характер ритуального действия, занятия предков. Сохранились безусловные свидетельства этого: в поселении 7—6-го тысячелетия до н. э. Чатал Хююк (Турция) найдены нарисованные на стенах построек изображения охоты на быков и оленей, черепа животных приносили сюда же, их укрепляли на стенах и скамьях, облицовывали глиной и раскрашивали. Примечательно, что труд земледельца и скотовода в первобытную эпоху почти никогда не

изображался. Покровители диких и домашних животных и растений были одними и теми же.

В условиях производящего хозяйства особое развитие достигают сезонные обряды, столь характерные для земледельцев и скотоводов позднейших эпох. В них звучит мотив неразрывной связи жизни людей и космоса в том виде, каким он рисовался людям, — не в виде беспредельного пространства, а как своя, конкретная округа с небом над ней и подземной областью — местом жизни умерших предков. В этих обрядах мифологизированная природа, земля и вода, небесные светила, растения, животные и община людей выступают как две взаимнеобходимые стороны. Обряды проводили на лоне природы, в полях, у водных источников, около деревьев, но частично и в пределах поселений, в том числе в особых постройках, предназначавшихся для всякого рода общественных собраний. В обрядах все шире используются созданные человеческими руками «посредники» между «своим» коллективом и теми существами, к которым обращаются: это

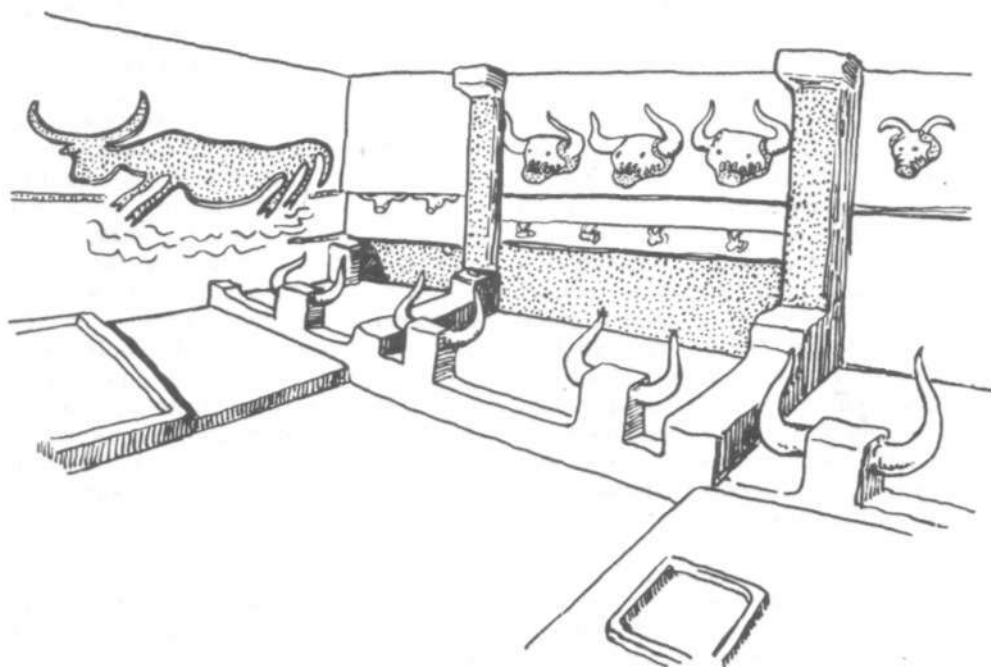

Изображение охоты на стене постройки. VI тыс. до н. э. Чатал Хююк, Турция

разнообразные сосуды с условными изображениями, фигурки людей и животных и т. д. Отделяясь от природы, люди стремятся как бы привлечь ее в свои жилища, создать «вторую природу» своими руками. Все действия, даже связанные с отдельными людьми, носили характер коллективных, в чем проявлялся первобытный коллективизм. Важным элементом всех обрядов была совместная трапеза, на которую приглашали и «невидимых участников» — умерших и различных духов.

Отношения в общинах строились на основах равенства, хотя разные роли, которые приходилось играть людям на протяжении жизни, обладали в глазах их сородичей разным престижем. В то же время усложнение форм деятельности, потребность планирования сроков сельскохозяйственных работ и работ, требовавших участия значительного количества людей, необходимость поддержания контактов с близкими и отдаленными соседями и т. д. — все это привело к росту

значения функции управления. Но первобытный коллективизм преобладал на протяжении позднего каменного века во всех областях жизни, и человек воспринимался не как носитель индивидуальных черт, а как один из многих, как член общины или своей половозрастной группы. Этому соответствовала мифологическая картина мира, в котором действовали живые существа, различающиеся внешним обликом и свойствами, но еще не отделившиеся от своих явлений, как это случилось позже. Солнце было жгучим диском или колесом со своим характером, но оно не могло прийти в дом к человеку, как позднее делали божества греков. Все, наполняющее природу, вело себя как люди, но оставалось в пределах своих областей обитания, если такие существа нельзя было, как воду в сосуде или сноп злаков, принести в свой дом. Того разделения на явление и сущность, которое присуще мировоззрению людей послепервобытной эпохи, еще не произошло, поэтому духи или

Обрядовое убранство постройки. VI тыс. до н. э. Чатал Хююк, Турция

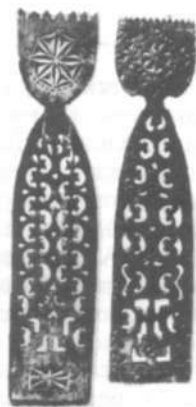

боги не являлись еще в виде людей. Исключениями были лишь те духи, которые «по природе» имели человеческий облик как духи умерших. К природным стихиям обращались непосредственно или используя их условные знаки. На этой стадии развития естественно отсутствие храмов — обряды проводили в общинных домах, где хранились общие запасы и обрядовые предметы, принадлежавшие всему коллективу.

И в новом каменном веке религия как самостоятельный институт еще не сложилась. Обрядами руководили обладатели особых знаний, которых уважали, которые были авторитетны,

но не обладали ни властью, ни преимуществами. Они не стали профессионалами, совмещая свои функции руководителей обрядов с присущей их полу и возрасту деятельностью. В их знаниях было много рационального, которое не воспринималось как отличное от ритуального, все, служащее достижению цели, как подсказывал опыт, считалось важным.

Неолит — последняя эпоха существования первобытного варианта обрядов и верований во всемирно-историческом масштабе. В эпоху металла с формированием первых государств формируются и религии в собственном смысле слова.

2

Мифы и религии народов мира

1.

Древние египтяне

Цивилизация долины Нила — одна из древнейших и блистательнейших на Земле. Грандиозные архитектурные сооружения египтян поражают и избалованных сенсациями технического прогресса современных людей. В наследство человечеству Древний Египет оставил не только эти великие свидетельства материальной культуры, но и бесценные сокровища культуры духовной. Увековеченные с помощью удивительной иероглифической письменности, эти памятники цепко хранят многие свои тайны, хотя египтология неумолимо приближается к своему 200-летнему юбилею («днем рождения» науки считается 27 сентября 1822 г. — дата дешифровки иероглифики Ж.-Ф. Шампольоном).

Надо сразу сказать, что древнеегипетская религия уникальна тем, что сохранила колоссальный пласт архаических верований, зафиксированных памятниками. Надежно защищенный самой природой (Ливийская и Аравийская пустыни с запада и востока и Средиземное море с севера) от сокрушительных иноземных вторжений, Египет за свою долгую историю прошел практически никем не пресекавшийся путь от первых проблесков первобытного сознания до высот

великой цивилизации. На протяжении тысячелетий египетская религия, естественно, развивалась, появлялись новые воззрения, но никогда не забывались и представления, возникшие на самой заре египетской истории. Новое никогда не вытесняло старое, и даже в самые последние годы существования древнеегипетской религии она имела некоторые поразительно архаические черты, что, быть может, и делает ее такой привлекательной и загадочной. Примером тому может служить культ животных, доживший до самого конца древнеегипетской цивилизации и так поражающий воображение греков, чьи боги уже только изредка принимали облик животных.

Древнеегипетская религия, историю которой памятники позволяют проследить на протяжении более трех тысячелетий, часто характеризуется как крайне политеистическая. Никогда ничего не забывавшие египтяне почитали великое множество богов. Их воплощения исключительно разнообразны: предмет (каменный обелиск Ра или пара скрещенных стрел богини Нэйт), растение (сикамор богини Хатхор), животное или птица (крокодил для Себека, бык для Аписа, павиан для Тота, баран и гусь

для Амона). Но уже на самых древних изображениях эпохи первых династий фараонов (XXXI—XXVIII вв. до н. э.) боги могут быть представлены и антропоморфно, являя собой человеческие черты. Легко и изящно египетские художники создавали довольно гармоничные образы: божества гордо несут головы птиц и зверей на человеческих телах (Хор — соколиную, Тот — ибиса, Анубис — шакалью, Сахмет — львицы и т. д.). В гробничных росписях Нового царства (XVI—XI вв. до н. э.) боги в людском обличье часто обозначены их символами, помещенными на головы вместо короны или головного убора (скорпион — у Селкет, трон — у Исида). Конечно, животные и символы раскрывают некоторые черты сущностей божеств (так, если Нэйт покровительствовала охоте и войне, то Исида — персонификация престола). Помимо богатой иконографии, есть и другой источник наших сведений о религии долины Нила — тексты.

Тексты и изображения указывают основные функции многих богов, но нельзя забывать, что для их почитателей не только общеегипетские, но и местные божества, малоизвестные или совсем не известные в других районах долины, были универсальными и всемогущими владыками мира. В каждом селении был свой бог-покровитель, со своей «историей», символикой, священными животными, и если это селение становилось центром области (в литературе традиционно называемой греческим термином «ном»), то его божество возглавляло локальный пантеон. Боги — покровители царских династий и столиц приобретали значение общегосударственных. Показательна в этом плане история культа Амона — первоначально второстепенного божества, избранного царями XII династии в качестве «владыки» новой столицы — Фив. Отождествление с более древними и популярными Мином, Монту и особенно Ра (тексты часто так его и называют: «Амон-Ра») открывает ему

дорогу на вершину египетского пантеона. Ему посвящаются главные храмы страны — Карнакский и Луксорский, и имя его славится в бесчисленных гимнах. Чаще всего демиургом и верховным божеством оказываются солярные боги: Ра, Атум, Хор, поэтому с ними часто старались отождествить то или иное местное божество.

Таким образом, можно сказать, что египетская религия представляла собой совокупность множества местных традиционных культов при преобладании культа божества столицы. От этого древнеегипетская религия кажется пестрой и противоречивой, что осознавали и сами египетские жрецы, пытавшиеся ее как-то упорядочить. Так что по большей части мы имеем дело с религиозным творчеством различных богословских школ, создавших собственные космогонии и теогонии, обрабатывавших разные циклы мифов.

Каждый главный город всех 42 номов, как и мелкие города и селения, имел своих богов. Их культы возникли в глубочайшей древности и исчезли только со смертью древнеегипетской религии. Однако надо заметить, что эти местные боги — далеко не всегда исконные божества тех мест, где им поклонялись. Часто местные культы вытеснялись культами божеств других областей, не исчезая, однако, насовсем. Так случилось с Атумом — древним богом Гелиополя, вытесненным культом бога Ра, но не исчезнувшим и даже слившимся с ним в божество Ра — Атум. То же самое произошло с древним богом Абидоса Хентиamentiу, которого там отодвинул на второй план Осирис, объединившийся с ним в Осириса—Хентиamentiу. Возможно, в результате богословских спекуляций возникли местные триады — семьи богов, состоявшие из бога, жены-богини, бога-сына или реже богини-дочери. Существовали и более многолюдные сообщества богов — восьмерки, девятки и т. п. Вокруг них складывались свои тео-

гонии и космогонии, слагались легенды и мифы. Некоторые боги имели всеегипетское поклонение, несмотря на то что не были покровителями столиц, например, такие, как Осирис, Исида, сын их Хор и др. Надо заметить, что провести четкую границу между локальными и всеегипетскими божествами невозможно. Оставаясь покровителями «своих» городов, некоторые из них в результате работы различных жреческих школ получали специфические обязанности именно как всеегипетские божества: Тот был богом письма и мудрости, Сахмет — богиня войны, Бастет — богиня домашнего очага и уюта, Хатхор была богиней любви, пляски и веселья, Анубис — бог мумификации и т. д. Некоторые боги, игравшие в древнеегипетской мифологии огромную роль, вообще не имели ни общеегипетских, ни местных культов. В основном это боги природных стихий: Геб (бог земли), Нут (богиня неба), Шу (бог света и воздуха) и т. д. Не имел одного какого-то конкретного места почитания и Хапи — бог разливов Нила. Вернее сказать, что он был «всеобщим достоянием», поскольку от разливов реки напрямую зависела жизнь всех обитателей Долины.

Богами были и фараоны — и здравствующий, и уже почившие. Мифы рассказывают нам, что первым владыкой Египта был бог солнца Ра, создавший эту страну. Когда он состарился и удалился на небо на спине небесной коровы Нут, чтобы совершать там свое бесконечное плавание в дневной и ночной ладьях, его трон занял Осирис. Он правил мудро и справедливо, но был коварно убит своим братом Сэтхом. Сын Осириса и Исиды Хор отомстил своему дядюшке и по справедливости занял трон отца. После него Египтом стали править фараоны — воплощения бога на земле. В текстах фараон именуется «малым богом», «малым солнцем» (по отношению к великому солнцу — Ра), «сияющим на троне обеих земель» (т. е. Верхнего и Нижнего Египта). Эта

концепция сложилась в очень отдаленные времена, видимо, вскоре после того как на египетской земле появились первые фараоны. Одна из сказок папируса Весткар повествует о том, как во времена Хеопса (IV династия) на свет появились три младенца — сыновья бога Ра и Раджедет, жены гелиопольского жреца, ставшие впоследствии фараонами V династии. На рельефах храма в Дейр-эль-Бахри рассказывается и показывается история рождения великой царицы Хатшепсут (XVIII династия), дочери бога, на сей раз Амона, принявшего на время облик фараона Тутмоса I. Через фараона связывается между собой мир людей и мир богов, отстоявших от людей гораздо дальше, чем божества Греции, где полубоги — герои — были обычным явлением. Фараон — «молодой бог» — на троне был для египтян персонификацией государства — понятия, незнакомого жителям нильской долины. Устройство Египта они себе представляли как единое тело, живущее по законам идеального мирового порядка — Маат (олицетворение правды и справедливости), которому подчинялись и люди и боги. В случае нарушения этого порядка всему миру вновь грозил хаос.

Таким образом, Египет — это то место, где все совершается по повелениям богов, согласно законам Маат, через фараона — земное проявление бога. Божественная сущность почившего фараона продолжала жить среди сонма богов: «Золотой сокол взлетел на небо — божественная плоть слилась с тем, кто породил ее». Умершему царю устанавливали посмертный культ. Аменхотеп III первым среди фараонов приказал ставить себе колоссальные статуи в храмах и молиться еще при его жизни как богу. Культы большинства фараонов быстро угасали, у других же сохранялись весьма долго — как у Сенусерта III (XII династия) и Аменхотепа I (XVIII династия).

Но обожествлялись иногда и про-

стые смертные, такие, как Имхотеп — великий мыслитель, везирь Джосера (III династия) — строитель первой на египетской земле пирамиды, ставший покровителем писцов и отождествленный греками с богом медицины Асклепием (Эскулапом), или Аменхотеп, сын Хапу, везирь и архитектор Аменхотепа III, автор Луксорского храма.

Мы уже говорили о столь распространенном в Египте явлении, как культ животных. Точно так же, как культы различных богов, культы животных были локальными и обще-египетскими. Обожествлялась практически вся египетская фауна, хотя некоторые животные, например совершенно безобидная черепаха, считались воплощением темных сил. И бывало так, что в одном номе, скажем, какую-то рыбу считали священной, а в соседнем ее благополучно ловили и ели. Но были животные, которым поклонялись повсеместно, например священному быку Апису или кошке. Повсюду чтили и жука-скарабея, катившего по песку свой навозный шарик. Египтяне считали, что жук создает самого себя, и называли его хепри — что-то вроде «самовозникающий», уподобляя его солнечному богу, тоже создавшему самого себя и также именовавшемуся Хепри. До нас дошло бесчисленное множество амулетов и изображений солнца в виде сияющего шара, который катит по небу крылатый скарабей.

Поклонялись и некоторым неодушевленным предметам, например царским диадемам, в честь которых были сложены специальные гимны, каменным обелискам (символы солнечного луча) или некоторым видам оружия (пара скрещенных стрел).

В Египте не существовало единой теории происхождения мира, богов и людей. Каждая крупная богословская школа имела свою космогонию и теогонию, где честь создания Вселенной приписывалась различным божествам — каждая школа считала демиургом того бога, которому поклонялись

в данном религиозном центре. Методы творения тоже были разными; пожалуй, единственное, что объединяет все различные концепции, — это представление о том, что в начале времен существовал хаос, в результате творения преобразованный затем в упорядоченное мироздание, живущее по вполне определенным законам. К сожалению, мы не имеем почти что ни одного полного изложения мифа о творении Вселенной. Наши сведения о различных космогониях почерпнуты из множества разных отрывков, упоминаний и даже намеков, разбросанных по самым разнообразным письменным источникам.

Видимо, самой древней была гелиопольская космогония. В основном она известна нам по «Текстам пирамид» — сборнику заупокойных формул и изречений, писавшихся на внутренних стенах царских усыпальниц V—VIII династий, хотя кое-какие фрагменты известны и из текстов гораздо более позднего времени. В начале Всего существовал только первобытный водный хаос — Нун, безмолвный, бесконечный, но несший в себе потенцию к развитию, до времени не реализовавшуюся. В какой-то момент из темных вод Нуна возник солнечный бог, породивший себя сам, — Атум, чье имя одновременно может означать «не существующий» и «совершенный». Атум, он же Хепри, утвердился на первородном холме, поднявшемся из океана — Нуна. Это было началом мироздания. Первый бог был один, и, подобно самовозрождающемуся Хепри, он оплодотворил самого себя и породил первую пару богов — Шу (свет, воздух) и его женскую пару Тефнут (влага). От этой пары появилось третье поколение богов: Геб (земля) и богиня Нут (небо). От них, в свою очередь, родились Осирис, Исида, Сэтх и Нефтис. Так возникла знаменитая гелиопольская девятка богов (эннеада). Согласно гелиопольской доктрине происхождение людей было необычайно поэтичным: одна-

жды солнечный бог оплакал безмолвность и пустоту расстилавшихся под ним просторов, и его слезы, дождем посыпавшиеся на землю, превратились в людей, заселивших ее. Таким образом, люди — это слезы солнца, что подтверждалось и игрой слов «ремет» — «люди» и «ремет» — «слезы». Но созданная Атумом Вселенная не бесконечна во времени. В конце Всего она исчезнет. В 175-й главе «Книги мертвых» Атум говорит Осирису: «Земля снова будет океаном, морем, как было вначале, а я превращусь в змея, незнаемого людьми, которого не видят боги».

Другая великая космогония происходит из Мемфиса, где демиургом почитался Птах — несколько загадочное божество, покровитель искусств и ремесел, всегда выступавший только в антропоморфном облике. О сотворении мира Птахом рассказывает текст времен XXV династии, известный в науке как «Мемфисский богословский трактат». Он высечен на каменной плите по приказу фараона Шабак и, как сказано в тексте, является копией древнего папируса, который был настолько ветхий, что уже рассыпался и был «насквозь изъеден червями». Творение мира в мемфисской космогонии выглядит совсем иначе, чем в гелиопольской. Птах создал Вселенную и богов с помощью своего творящего божественного слова. Все, что должно было существовать, возникло сначала в сердце бога, а затем воссуществовало уже как данность в момент произнесения Птахом его названия или имени вслух. Таким образом, все, что существует, имеет свое имя и все, что имеет имя, — существует. В мире нет того, что не имело бы имени. Имя и предмет или явление — суть одно и то же, поэтому все на свете продолжает существовать, пока живет имя, и наоборот, уничтожая имя, мы уничтожаем и то, что его носит. Так возникли земля, небо, боги. Мемфисские богословы знали о гелиопольской космогонии и утверждали, что тамошняя Эннеада

во главе с Атумом была создана Птахом: они — уста Птаха, которыми он произносил названия всего сущего. Представление о творческой силе слова в мемфисской космогонии напрашивается на сопоставление с учением о «логосе» в том виде, в каком оно представлено у Филона Александрийского (I в. до н. э.). Возникшая в седую древность идея о творческой силе божественного слова — это представление высокой философской мысли, через тысячелетия вновь появившееся в ветхозаветной книге Бытия, позднее отозвалось в потрясающих своей величиемностью словах Иоанна Богослова: «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог. Оно в начале было у Бога. Все через Него начало быть, и без Него ничто не начало быть, что начало быть».

В третьей знаменитой космогонии — гермопольской — первоначальный волевой акт бога-демиурга отсутствует. Вселенная по ней зародилась сама. В мире изначально существовало восемь богов (в облике змей и лягушек), фактически олицетворявших разные формы извечной космической материи, бытовавшей еще до того, как возник нынешний мир: Нун и его женское соответствие Наунет (первозданный океан), Ху и Хаухет (бесконечность, пространство), Кук и Каукет (мрак, тьма), Амон и Амаунет (невидимость, сокровенность). Из этой огдоады (восьмерки) впоследствии, кроме Нуна, широкую известность получил Амон, ставший владыкой Фив и покровителем фараонов и потерявший свой первоначальный лягушачий облик. Эта существовавшая вне времени и упорядоченности материя оказалась основой самозародившейся Вселенной, когда из волн океана поднялся первохолм, на котором позднее и возник Гермополь.

Были и другие, менее распространенные представления о возникновении мира. По одному из них солнце родилось из цветка лотоса, по другому — из яйца, в тот момент, когда

вечную до этого тишину Вселенной разорвал крик «Великого Гоготуна» — первоптицы, принесшей это яйцо на поднявшийся из Нуна холм. Было и представление, что Вселенную соткала на своем ткацком станке Нэйт — великая богиня Саиса (города на западе дельты). Люди же, по некоторым представлениям, появились, как мы знаем, из слез бога солнца, или же из яйца, положенного богами на первохолм, или были вылеплены богом Хнумом на гончарном круге.

Наше самое беглое знакомство с религиозными представлениями древних египтян в общих чертах показывает весьма сложную и во многом противоречивую картину сосуществования разнообразных культов и верований, характерную для, казалось бы, крайнего политеизма. Но многобожие явилось предпосылкой очень распространенного явления: по представлениям египтян, бог мог воплощаться в образе другого божества или даже части его тела, наконец в имени — неотъемлемой части личности. Эти представления, иногда не совсем точно именуемые в научной литературе синкретизмом, имели своим естественным продолжением мысль о том, что боги — это разные ипостаси одного божества. Именно таким Богом представлен Птах в «Мемфисском богословском трактате» — творцом мира и других богов, которые суть его эманации, истечения. Лейденский гимн Амону говорит о едином Боге в трех лицах. В мифе о Ра и Исиде солнечный Бог говорит о себе: «Я Хепри утром, я Ра в полдень, я Атум вечером» и т. д.

Таким образом, египетский политеизм оказывался, по сути, отражением еще не осознанных представлений о едином Боге, чья сущность пронизывает Вселенную, только проявляясь в различных образах. Как сказал об этом замечательный русский египтолог Б. А. Тураев, «египтянин-язычник не мог яснее выразить монотеистические идеи». Отсюда остается всего один шаг до подлинного моноте-

изма. И он был сделан в XIV в. до н. э. во время религиозного переворота, совершенного Аменхотепом IV — Эхнатомом, который ввел поклонение единому божеству, являющемуся нам в виде солнечного диска — Атона, низвергнув культы старых богов, в первую очередь фиванского Амона. 11 лет из 17-летнего правления Эхнатона Египет жил при единобожии. После смерти фараона-реформатора его слишком умозрительное для основной массы населения учение, где мало внимания уделяется жизни после смерти, было отброшено и древнее верование реставрировано. Реформа потерпела поражение, оставив, впрочем, неизгладимый след во всех областях египетской жизни, особенно заметный в искусстве и литературном языке. Но, видимо, нельзя утверждать, как это иногда делается, что идея единобожия целиком принадлежала исключительно Эхнату. Правильнее, может быть, сказать, что он сформулировал то, что уже фактически витало в воздухе и солнечный монотеизм был логическим продолжением всего хода развития египетской богословской мысли. Продолжением, заявившим, однако, о себе слишком рано, чтобы быть принятым культурой с тысячелетними религиозными традициями. Египетская религия так и не сделала этот последний шаг, и подлинный монотеизм стал достоянием уже другого народа, вышедшего из «египетского плена».

В этом маленьком обзоре нет возможности подробно остановиться на формах богослужения, имевшего в Египте весьма пышные проявления. И все же надо сказать, что одним из важнейших элементов культа были храмы. Они считались жилищем божества в отличие, скажем, от храмов христианских, которые являются местом общения с Богом. От храмов Древнего и Среднего царств почти ничего не осталось, а от Нового царства до нас дошли грандиозные сооружения, которые можно разделить на храмы долины, колоссальные по про-

тяженности, обнесены стеной с вратами-башнями (пилонами), с аллеями сфинксов, множеством дворов и залов, с целым лесом колон и статуй, и скальные — не менее величественные, вырубленные в горных массивах. К первым относятся такие знаменитые храмы, как Карнакский и Луксорский, ко вторым — такие, как замечательный храм Рамсеса II в Абу-Симбеле. Были и другие разновидности храмов, например небольшие прямоугольные здания, так называемые киоски, в которых почитали в основном местных божеств. Изображение бога — статуя — находилось в святой святых храма — отдаленном помещении, куда вход простым смертным был закрыт. При каждом храме состоял клир жрецов, которые и совершали богослужения, довольно хорошо нам известные по сохранившимся текстам, но не доступные глазам большинства египтян. Это был особый, детально разработанный ритуал ухода за статуей бога, «кормления» ее и т. д. Но совершались и открытые богослужения, например, по праздникам, которых было великое множество. В такие дни статую Бога торжественно выносили в роскошной ладье, и толпы людей следовали за процессиями, сопровождавшимися песнопениями и представлениями событий описываемых тем мифом, к которому обычно и бывал приурочен праздник. В особо торжественные дни бог отправлялся в гости к своей «жене» или «сыну», чей храм мог находиться даже в другом городе, и такие путешествия занимали несколько дней.

Огромную роль в Древнем Египте играла вера в загробную жизнь, тесно связанная еще с одним очень характерным для него явлением — магией. Вера в посмертное существование, видимо, возникла тогда же, когда у людей вообще появились какие-то верования. Надо сказать, что вопрос о том, откуда приходят в этот мир люди и куда они уходят после смерти, несмотря на все разнообразие образ-

ных выражений, практически у всех народов решался одинаково: человек приходит из иного мира и туда же возвращается. В некоторых случаях он мог делать это и при жизни. В Египте, где сила традиций была чрезвычайно велика, концепции посмертного существования, возникшие на самой заре его истории, естественно развиваясь и трансформируясь, дожили до того момента, когда главным религиозным символом в стране стал крест. Но и после окончательной победы христианства эти древнейшие представления о посмертной казни оказывали сильнейшее влияние на идеи о посмертном бытии последователей новой религии.

Бытует такое мнение, что у египтян был культ смерти и что вся их жизнь была только подготовкой к смерти. Это глубочайшее заблуждение. Действительно, египтяне уделяли много внимания своим будущим похоронам, но только потому, что правильное соблюдение ритуала обеспечивало счастливую жизнь за гробом, и наоборот, нарушение его могло все испортить. Упомянутое же мнение возникло из-за того, что подавляющее большинство памятников древнеегипетской культуры, дошедших до нас, сохранилось в гробницах и потому, что вообще вся египетская религия, имевшая, как мы уже отмечали, массу очень архаических черт, так или иначе обращалась к иному миру.

Смерть египтяне считали врагом и стремились победить ее с помощью мумификации, гробниц и снабжения умершего жертвами и текстами. Египетская погребальная литература весьма обширна, и мы имеем возможность проследить все этапы ее развития.

Самым ранним по времени записи произведением погребальной литературы являются «Тексты пирамид». Как мы уже говорили, эти тексты впервые стали записываться во времена V династии (первый раз — в весьма скромной по размерам усыпальнице фараона Униса, последнего

ее представителя); грандиозные же сооружения предшествующих эпох, такие, как знаменитые гизэские пирамиды, безмолвны. Крушение Древнего царства и так называемый I переходный период ознаменовали появление нового сборника погребальных текстов, которые получили распространение в эпоху Среднего царства, — «Текстов саркофагов», писавшихся на стенках больших прямоугольных гробов (отсюда и это прижившееся в науке название).

«Тексты саркофагов» имели иное назначение, нежели «Тексты пирамид», — они обслуживали уже простых смертных (хотя и царей тоже) и потому значительно отличаются от них, хотя и, естественно, имеют выдержки оттуда. Похоже, что отчасти «Тексты саркофагов» основываются на погребальных верованиях, так сказать, «широких масс» населения. В отличие от «Текстов пирамид», где основную роль играют божества солярного культа, в них на первый план выдвигаются божества подземного мира — хтонические, и в первую очередь Осирис, называемый благим богом, повелителем царства мертвых, которому уподобляется покойный. Культ этого бога был необычайно распространен в Египте, хотя он никогда не был «государственным» богом. В мифе об Осирисе рассказывается, что он правил Египтом после Ра, научил людей земледелию и ремеслам и пользовался всеобщей любовью. Но завидовавший ему коварный брат Сэтх подло убил Осириса и бросил его тело в реку. Исида — безмерно любящая и преданная сестра и жена Осириса — отыскала тело своего мужа и чудесным образом зачала от него сына Хора. Из тела убитого Осириса бог Ану비스 изготовил первую мумию, которую и похоронили в Абидосе. Хор в результате бесконечно долгой борьбы одолел Сэтха и сел на трон фараонов. Осирис же, хотя и воскрес, был после всего пережитого «утомлен сердцем» и удалился в Аменти — загробный мир, где

он и царствует, верша суд над умершими в присутствии 42 богов. Именно туда — к Залу Двух Истин, где сидит Осирис, и направляется покойный, минуя по дороге множество опасностей, преодолеть которые ему помогают «Тексты саркофагов».

Во времена Нового царства «Тексты саркофагов» уступают место следующему по времени записи сборнику погребальных текстов, писавшихся теперь на свитках папируса. Этот сборник дошел до нас в тысячах экземпляров. В науке он имеет название «Книга мертвых». Подлинное его наименование — «Изречения выхода днем», в котором, собственно, и заключена основная цель произведения: помочь пройти через суд Осириса — взвешивание сердца на весах, где оно не должно оказаться из-за грехов тяжелее пера Маат, лежащего на другой чаше, — достичь полей вечного блаженства и, наконец, в ладье бога Ра, совершающего свое еженощное плавание по небу загробного мира, через Врата Неба вновь вернуться на землю. В «Книге мертвых» мы впервые встречаемся с идеей загробного воздаяния за прожитую жизнь — ведь грешник, осужденный Осирисом, погибал окончательно: его пожирало страшное чудовище Амаит, сидевшее тут же в Зале Двух Истин. И хотя магия помогала на том свете, мысль, что за грехи все-таки придется отвечать, получала в Египте все большее распространение. Мысль, столь важная для этических взглядов христиан, чьи описания ада весьма напоминают пылающие котлованы, в которых сжигались души грешников, и другие ужасы Дуата — потустороннего мира древних египтян...

Древнеегипетская религия, создавшая множество великолепных памятников искусства и духовной культуры, просуществовала не одно тысячелетие. Она благополучно проходила через многие потрясения и вторжения иноземцев, дожила до VI в. н. э., вступив в конце своего существования в смертельную схватку с противником,

фактически взорвавшим ее изнутри. В 535 г. н. э. по приказу византийского императора Юстиниана был закрыт последний храм Исиды на острове Филэ, что ознаменовало окончательную победу христианства в долине Нила. Светильники, горевшие тысячелетия, погасли навсегда, древ-

няя письменность была забыта, и только постепенно разрушавшиеся грандиозные храмы и величественные громады пирамид напоминали о тех временах, когда на берегах Нила безраздельно властвовали боги с головами животных.

Народы древнего Двуречья

В XVI—XVII вв. (а по некоторым данным еще и в XI в. при Ярославе Мудром) на Руси большой популярностью пользовалась некая древняя повесть. Называлась она «Синагрип, царь Адоров и Наливской страны» или «Повесть Акира Премудрого, книгочия Синагрифа, царя Адорского и Наливского». Читателей привлекали живые образы и яркость сказания, носящего характер поучительный, а пословицы, притчи и наставления, заключающие повесть, воспринимались как образцы мудрости народной. Повесть была переведена с греческого языка и пришла на Русь из Византии, куда, в свою очередь, она попала с Востока. Научные исследования последних десятилетий показали, что это сказание восходит к VII в. до н. э. и относится к памятникам клинописной ассирийской литературы, а сам обычай составления нравоучительных сборников, включающих притчи, поговорки и пословицы, приписываемые древнему мудрецу, принадлежит к еще более раннему слою культуры — к литературе шумерской 3-го тысячелетия до н. э. Таким образом, первое знакомство русского читателя с древневосточной культурой произошло тогда, когда он сам и не подозревал об этом.

В этом явлении, как в капле воды, отразилась главная особенность восприятия и узнавания древневосточной культуры современным миром — она входила в сознание европейской цивилизации, не заявляя о себе, прямо вплоть до середины XIX в., когда

археологические раскопки и научные изыскания удревнили нашу историю еще на несколько тысячелетий.

Древнее Двуречье, или Месопотамия, располагалось в долине рек Тигр и Ефрат, там, где сейчас находится современный Ирак. Начиная по крайней мере с середины 6-го тысячелетия до н. э. и по первые века н. э. на территории Двуречья прошла жизнь многих разнообразных племен и народов; не о всех из них сохранились сведения, по которым мы могли бы восстановить древнюю жизнь и тогдашние представления о мире, — только о некоторых.

О самом раннем периоде мы узнали сравнительно недавно — из раскопок середины и конца нашего века. Были обнаружены остатки небольших поселений, святилищ, а также глиняные раскрашенные и каменные фигурки животных и существ, соединявших в себе растительное, животное и человеческое (точнее, человекоподобное) начала. У мужских или женских статуэток были звериные морды, а в глаза и плечи вставлены плодовые косточки. Такие фигурки найдены и в погребениях, и в святилищах, и в домашних очагах. Связанные скорее всего с идеями умножения плодородия, они свидетельствуют о большой способности к обобщению и об отсутствии примитивного подхода к представлениям о соотношении человеческих и природных сил и возможностей, о взаимозависимости и связанности растительного, животного и человеческого миров. Изящная керамика,

покрытая росписью, алебастровые сосудики и статуэтки, служившие древним, большей частью неразгаданным культам, являют собой образцы высокого искусства, демонстрируют художественное чутье и развитый вкус.

В 4-м тысячелетии до н. э. в Двуречье, судя по раскопкам, существовали уже города-поселения с храмом или комплексом храмов в центре. Так, в поселениях Убайд, Тель-Укайр, Эшнунна, Хафаджа, Варка и др. были найдены остатки монументальных храмовых сооружений, а в Тель-Укайре — даже фрагменты богатых росписей с изображением фигуры леопарда перед алтарем. Но только с находкой письменных памятников оказалось возможным более определенно судить о религиозных обычаях и духовной жизни древних жителей Двуречья. Письменность была изобретена на рубеже 4—3-го тысячелетий до н. э., ее создателями оказались шумерийцы — народ неизвестного происхождения, пришедший в долину Двуречья где-то в середине 5-го тысячелетия до н. э. смешавшийся с более древними местными жителями, как о том заставляют предполагать данные языка.

Шумерийцы явились создателями древнейшей в Двуречье цивилизации — именно они осушили болотистые местности, занялись земледелием, добились небывалых по тем временам урожаев, начали формовать из глины кирпич, строить дома, дворцы, храмы, организовали общественную жизнь, занялись обменом и торговлей, поскольку природными ресурсами Двуречье было небогато.

Материалом изобретенной шумерийцами письменности стали главным образом глина и тростник (на глине писали косо срезанными тростниковыми палочками) — и «глиняные книги» шумерийцев пережили пожары, разрушения, гибель цивилизаций. Эти книги — основной источник наших сведений о шумерских верованиях и представлениях о мире. Но раскрыва-

ются такие знания в сопоставлении с изобразительными памятниками — каменными печатями-амулетами, рельефами, скульптурами, настенными росписями. Именно благодаря сопоставлению изображения и текста мы утверждаем, что фигура с лучами за спиной, стоящая перед дверными створками, — бог солнца Уту, всевидящее око, и оттого — праведный судья; нередко он изображался восседающим на троне и вершащим суд. Плывущий в ладье или восседающий на троне длиннобородый человек, из боков которого изливаются струи воды с плавающими в них рыбками, — это Энки, также божество, повелитель подземного мирового океана и владыка пресных вод на Земле; о его странствиях по водам сохранилось немало сказаний. Женщина с колчаном стрел за спиной или окруженная цветами о восьми лепестках и стадами животных Инанна, богиня любви, плодородия и распри, супруга пастуха Думузи, отданного ею в подземное царство. Бык с лазуритовой темно-синей бородой и рогами — месяц Нанна-Зуэн; в молитвенных обращениях к нему его часто называют молодым растущим тельцом. Изображали его и в облике человека, а рядом помещали лунный серп.

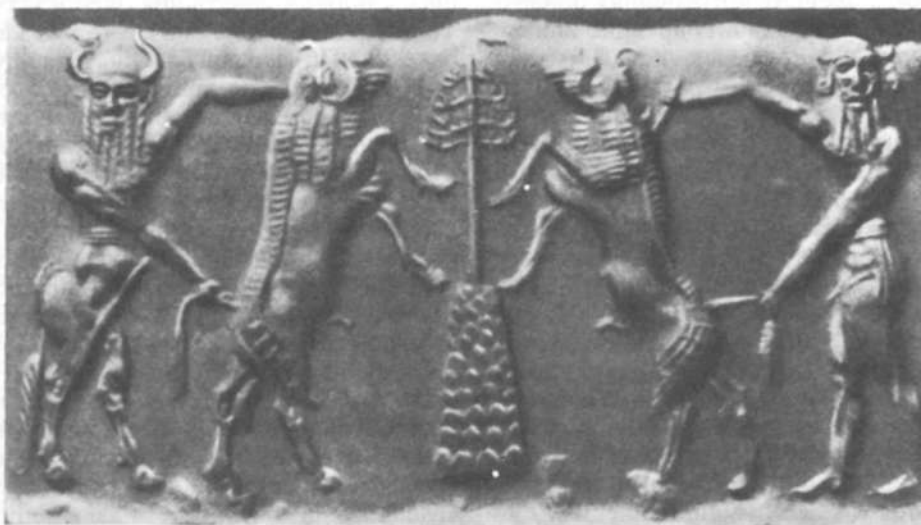
От самого древнего периода письменной истории Шумера до нас дошли очень разные тексты — списки богов, хозяйственные отчеты больших храмов и малых святилищ, гимны богам, сказания о деяниях божьих, отражающие шумерские представления о законах мироздания и природы. Но основное число письменных памятников на шумерском языке датируется началом 2-го тысячелетия до н. э. В это время на территории Двуречья образовалось другое государство — Вавилония с главным городом Вавилоном. Исторически вавилоняне явились наследниками шумерийцев — они переняли шумерскую систему письменности и приспособили к своему языку, совершенно иного грамматического строя. Однако и шумер-

ский язык, который к этому времени стал мертвым, был сохранен — его изучали в школах, переписывались шумерские литературные произведения, на этом языке создавались новые тексты, велись богослужения. Были восприняты и главные шумерские боги, равно как и многие представления шумерийцев о мире. Так, шумерская Инанна получила аккадское (вавилонское) имя Ишатр; имени Уту соответствует у вавилонян имя Шамаш, Нанна — Син, Энки — Эйя или Эа. Некоторые из богов сохранили и свои прежние шумерские имена — Эллия (из шум. Энлиль), владыка-ветер, или дуновение воздуха, грозный и суровый покровитель древнего шумерского города Ниппура; Ан, повелитель неба (в вавилонской форме его имя звучит как Ану(м), но это прежнее шумерское имя); Нинурта, сын Энлиля, — божество войны. Конечно, появились и начали почитаться и другие, новые боги — Мардук, Набу и т. д.

Вавилонская культура развивала и продолжала шумерские традиции

более полутора тысяч лет, вплоть до завоевания Вавилонии персами в 539 г. до н. э. К концу 1-го тысячелетия до н. э. стал мертвым и вавилонский язык — разговорным языком сделался арамейский, относящийся, как и аккадский (ассиро-вавилонский), к группе семитических языков. Тем не менее разнообразные тексты на шумерском языке изучались, сохранялись, им пользовались даже и в новых сочинениях. Так было еще и в первые века нашей эры.

Во второй половине 1-го тысячелетия до н. э. важную политическую роль играло государство Ассирия, образовавшееся в конце 2-го тысячелетия до н. э. и одно время подчинившее себе Вавилон. Ассирия много воевала, была агрессивным и захватническим государством. Тем не менее именно в столице ее Ниневии была обнаружена одна из древнейших библиотек, принадлежавшая ассирийскому царю Ашшурбанапалу. Ашшурбанапал рассылал писцов во многие города Двуречья, заставляя копировать литературные и религиозные

Мотив «Гильгамеш и кедр» в глиптике аккадского времени. Гильгамеш — шумерский и аккадский мифо-эпический герой. В одной из эпических

песен рассказывается о его походе во главе отряда воинов в горы за кедами для добычи себе «славного имени»

шумерские и вавилонские произведения, благодаря чему они сохранились и до наших дней. Таково было почитание древними «слова запечатленного», на каком бы языке оно ни было записано, так сберегались веками сокровища человеческой мысли.

Воспринимать и объяснять сведения, относящиеся к далекому прошлому и попавшие в поле нашего зрения после долгого человеческого забвения, — это дело, требующее большой осторожности, исключаящее поспешные выводы. Ведь встречаются изображения, о смысле и назначении которых ничего не написано, тексты на языке, который полностью и до конца не понят, а значит, скорее всего, от нас ускользнул какой-то очень важный оттенок или мы слишком буквально перевели то, что имеет значение более глубокое и тонкое, чем это кажется на первый взгляд. Буквально понятая фраза, обычай, внутренний смысл которого утерян, могут склонять исследователя к выводу о примитивности и наивности древних верований. Но так ли все просто?

Вот в древних погребениях обнаружена посуда. Значит, древние наивно верили, что человек после смерти будет так же есть и пить, как он это делал при жизни? Однако во многих случаях посуда, вылепленная специально для погребального обряда и особенно тщательно и искусно расписанная (скажем, в памятниках конца 4-го тысячелетия до н. э., найденных в древних Сузах), пропускает воду и тем самым в быту употребляться не может. И это не единственный факт, создающий трудности в истолковании. Так, имеется огромное количество глиняных документов, в которых перечисляется скот, выращивавшийся для храма или при храме, и сообщается о жертвоприношениях — «кормлении богов». Об этом же говорят и литературные, и мифологические тексты. По шумерским и вавилонским мифам люди затем и были созданы, чтобы «кормить» богов, принося

им жертвы. Сохранившиеся списки достаточно многочисленного и весьма разнообразного по рангу жреческого сословия, а также упоминания больших прихрамовых празднеств как будто бы объясняют на первый взгляд, куда на самом деле шел этот скот. Но и тут дело обстоит не так просто. Достаточно пристальнее взглянуть в одно из сохранившихся от довольно позднего времени описаний обычая «кормления божества».

Кормили, естественно, статую, идола, которому поклонялись. Уже сам процесс изготовления такой статуи сопровождался особыми обрядами и церемониями, имевшими символическое значение. Выбирался и освящался день, материал, из которого делалась статуя. Изображения богов изготавливались из ценных пород дерева или камня, там, где тело не покрывалось одеждой, его прикрывали золотые пластины. Из золота и драгоценных камней выполнялись украшения и головной убор. Вставленные глаза из белого мрамора и синего лазурита придавали статуе живой вид. Когда статуя была готова, над ней совершался обряд «отверзания очей и уст». Только после этого она считалась как бы живой и могущей вкушать пищу. Ритуал освящения представлял собой таинство, совершался он, как правило, ночью и превращал безжизненную материю в сосуд присутствия божества. После того как статуя «оживала» (не исключено, что в какие-то периоды такой обряд производился каждую ночь), совершался ритуал омовения рта. Он придавал особую святость как идолу, так и последующим действиям. Трапез было две, иногда и три в день. Основная, первая трапеза приходилась на утро, когда открывался храм. Она состояла из двух блюд, называемых «главное» и «второе». Различались они, по всей видимости, только по количеству подаваемой пищи, не по составу продуктов. Вначале торжественно вносился стол и ставился перед изображением. Затем на столе

размещались сосуды с жидкой и полужидкой пищей, кувшины с напитками. Перед трапезой в чаше подавали воду для омовений рук. Основным блюдом было мясо, приготовленное особым образом. В конце трапезы подавались фрукты. Как подчеркивалось в одном из текстов, фрукты должны были быть уложены красиво. Играла музыка, дымились воскурения — запах благовоний был особенно приятен богам. Через определенное время блюда убирались, стол выносили, а статуе снова подавали воду для омовения рук. Нередко блюда, побывавшие у божества, отсылали на стол царю: после контакта с божеством пища считалась наделенной силой и благодатью. Существовал также обычай брызгать водой из чаши, которой «коснулись» пальцы бога, на царя и на жрецов, присутствовавших во время божьей трапезы.

Приносили в жертву божеству также печень, сердце, жир и кровь жертвенного животного, но уже не путем «кормления статуи», а как бы непосредственно — перед алтарем или в открытой местности, сжигая часть мяса и приглашая богов на пир. Как и в случае с погребальными сосудами, речь шла не о том, что божество ест. Оно впитывает ту нематериальную часть, что содержится в пище. Момент поглощения божеством жертвенной трапезы как бы превращал материальность продуктов в ту энергию и могущество, которые требовались изображению божества для деятельности, для того, чтобы быть источником силы и поддержки людей, давать силу стране и народу. Когда статую увозил враг, то этот источник, или, по понятиям шумерийцев, ее «сути», покидал страну вместе с ней и переходил к тому, кто ее захватил. Поэтому такой акт воспринимался как глубочайшее всенародное бедствие.

Представление о «сутях», по шумерски «ме», — одно из важнейших в мировоззрении Двуречья. «Сутями» обладали страна, народ, каждое божество,

его статуи, храмы, города, священные предметы. «Сути» проявлялись в ремеслах и видах искусств, во всех видах человеческой деятельности. В одном шумерском мифе богиня Инанна, заботясь о процветании города Урука, которому она покровительствует, отправляется к богу Энки и во время пира, устроенного в честь ее прибытия, улепиванием и хитростью вынуждает захмелевшего бога подарить ей многие и великие «сути»: «доблесть, могучесть, неправедность, праведность, градов ограбление, плачей устроение... лживость, земель мятежность, мирность... плотничество, медничество, ремесло грамотейное... тростниковых циновок плетение...» В одной только сохранившейся части списка перечислено около ста названий. Именно представление о незримой субстанции «судей» и может пролить свет на внутренний смысл обрядов погребения и «кормления богов».

А вот пример еще одного непонятного и загадочного действия, которое также было связано с обрядами: шумерское сказание о верховном боге Энлиле и юной богине Нинлиль. Энлиль встретил на берегу реки Нинлиль, куда та пришла, нарушив запрет матери. Он возжелал ее и, несмотря на первоначальные отказы девушки в любви, все же овладел ею, по-видимому, хитростью. За это он был изгнан советом богов, которые назвали его нарушителем запретов. Энлиль покорно уходит. Куда? Судя по всему, в подземный мир, хотя об этом прямо в тексте и не говорится, упоминаются лишь стражи и перевозчики подземного мира. Нинлиль, которая уже носит в чреве будущего бога луны Нанну, идет вслед за ним. И тут-то и начинаются загадки: Энлиль, который знает, что его возлюбленная его сопровождает, запрещает говорить стражам о том, где он, а сам при ее приближении принимает поочередно вид каждого стража и соединяется с Нинлиль (это происходит три раза), говоря: «Семя моего господина — к

небу, семя мое в землю пусть идет, семя мое за семя моего господина в землю пусть идет». Нинлиль таким образом зачинает еще трех богов, которые, как намекается в тексте, связаны с подземным миром. Кончается сказание хвалой богу Энлилю — «господину плодородия, хозяину льна и зерна». Сам текст исполнялся (а вероятно, и разыгрывался) как священное действо.

Этот миф делается понятным лишь в сопоставлении с другим шумерским произведением — о нисхождении в подземный мир богини Инанны. Богиня Инанна отправляется в подземный мир, ее встречает там владычица этого мира сестра ее Эрешкигаль и оставляет ее у себя, «превратив в труп». Обеспокоенный ее исчезновением, Энки отправляет в подземное царство созданные им волшебные существа, обучает их заклятью, которое должно подействовать на Эрешкигаль, и дает травы и воды жизни. Инанна оживает и хочет выйти, подняться на землю. Но тут судьи подземного мира Ануннаки хватают ее со словами:

*«Кто из спустившихся в мир подземный
Выходил невредимо из мира подземного?
Если Инанна покинет Страну без возврата,
За голову голову пусть оставит!»*

Богиня вынуждена искать себе замену и в сопровождении неумолимых и страшных демонов подземного мира она идет по земле Шумера, выбирая свою жертву. Этой жертвой становится ее собственный супруг, пастух Думузи. Думузи обращается с мольбой к справедливому судье, богу солнца Уту, восклицая: «Сестру твою я в жены брал, а она в подземный мир ушла, она в подземный мир ушла, меня заменой отдала!»

Вот, оказывается, о чем велась речь в сказании об Энлиле и Нинлиль: он создавал замену себе, Нинлиль и будущему первенцу Нанну — трое за троих. Шумерийцу не надо было подробно объяснять, в чем причина поведения Энлиля, она крылась в представлениях о законах подземного

мира и земного. Вдумаемся в слова еще одного сказания, на этот раз уже аккадского. Снова рассказывается о нисхождении богини. Аккадская Иштар отправляется в подземное царство. Придя к воротам «Страны без возврата», она грозит стражу подземного мира: если ее не впустят, она выпустит мертвых, «живых поедающих, на свете мертвых станет больше, чем живых». Или живых станет больше, чем мертвых — так в другом варианте. Но это неважно. Важно, что будет нарушено равновесие: во всех высказываниях и формулах сквозит мысль о необходимости стремиться к некоей соразмерности между миром мертвых и миром живых. Нигде, однако, об этом прямо не говорится. Тем не менее без знания этой идеи, выраженной в поэтическом образе, но весьма точно, невозможно понять ни шумерские, ни аккадские сказания, связавшие и объединившие жизнь со смертью представлением о гармоничной целостности мира.

В шумерских и аккадских сказаниях об уходе божества в подземное царство повествуется довольно часто. Боги и богини, которые отправлялись в подземный мир, а затем с превеликими трудностями извлекались оттуда, возвращались на землю, «воскресали», так или иначе были ответственны за изобилие на земле, за произрастание на ней всего живого, за умножение потомства. В аккадском мифе о нисхождении Иштар под землю прямо говорится: «С тех пор, как владычица Иштар спустилась в Страну без возврата, не прыгает бык на корову, не скачет осел на ослицу... молодец с девою не ложится...»

Они как бы умирали и воскресали снова, возвращаясь в круговорот непрерывной жизни. Но для того чтобы новая жизнь могла возродиться, необходима была кровавая и в конечном итоге добровольная жертва. Когда Инанна отдала своего супруга, пастуха Думузи, за себя заменою, он обратился к Уту с мольбой превратить его в газель или змею,

дабы он мог ускользнуть от своих злобных преследователей. Уту оказывает ему эту милость, однако ничего не помогает — демоны настигают и разрывают его. Характерно, что в одном из вариантов мифа Инанна уговаривала Думузи сойти за нее в мир подземный добровольно. Он отказался. Но не отказалась принять страдания за своего брата Гештинанна — «Виноградная лоза небес». Она вытерпела мучения, которым подвергли ее демоны, пытаясь узнать, где скрылся ее брат, не выдала места его убежища. И она же согласилась заменить его в подземном царстве. По окончательному решению Инанны пребывание каждого должно было длиться полгода — полгода Гештинанна, полгода Думузи.

Идея жертвенности заключена и в мифах о сотворении человека. Человек лепится из глины, но замешанной на крови бога. В одном из сказаний по общему совету богов убивается бог — представитель сил мирового хаоса, один из предводителей восстания против молодого поколения богов, в другом — просто один из богов. Он также был предназначен к убиению божественным собранием.

Все эти мысли и ощущения о движении жизни к смерти и смерти к жизни не были абстрактными рассуждениями или просто поэтическими образами — они воспроизводились в обрядах и праздниках, которые совершались и исполнялись совместно как действие, необходимое для поддержания существующей жизни, — так, плачи о гибели Думузи и песни радости о возвращении его на землю составляли часть практического человеческого опыта. В один из девяти дней, что отводились на празднование Нового года, читалась большая поэма о сотворении мира, в которой рассказывалось о первозданных стихиях (хаосе), последовательном сотворении поколений богов, борьбе старых и молодых сил, устройении мира и земли и сотворении человека.

В древней литературе вопросы

мироздания — сотворения Вселенной, происхождения земли и жизни на ней, роли человека в мире — занимали очень важное место. Почти каждое большое произведение начиналось рассказом о стародавних днях, когда совершались акты творения мира, причем созиданию предшествовало состояние небытия, отсутствия необходимых для жизни условий. Так, введение к рассказу о споре-соревновании между Зерном (Ашнан) и Овцой (Лахар) начинается перечислением отсутствия зерна, чьего наименования не было создано, ткацкого стана и прядильных нитей богини ткачества Утту, овец и ягнят («овца не рождала двойню, коза не рождала тройню» — просто-напросто потому, что их еще не существовало). Соответственно «человечество тех далеких дней хлеба для пропитанья не знало, как обернуться одеждой не знало, голыми по Шумеру бродили». Откуда появился на Земле человек, уже существующий в этом сказании, говорится в других мифах, как и о том, для чего боги создали человека: «трудиться на богов и кормить их своими жертвоприношениями». Но в сказании о Лахаре и Ашнане, наоборот, богини, ответственные за «производство скота и зерна», спускаются на землю, дабы человек мог питаться, равно как создавать и пользоваться изделиями растениеводства и скотоводства.

Из древних шумерских сказаний мы узнаем, что было время, когда небо и земля существовали в единой целостности, а потом «небеса от земли отделились» или были отделены богом Энлилем — мотыгой, специально им для этого сотворенной, — что боги появились в процессе самозарождения, но затем объединились в пары и стали рождать новые поколения богов, что земля была поделена между главными богами и тогда-то бог Ан получил небо, Энлиль — землю, Энки — океан подземных пресных вод, богиня Эрешкигаль была отправлена царствовать в подземное царство. Разделив владения, боги

занились благоустройством земли и назначили других, менее значительных божеств надсмотрщиками над той или иной областью хозяйства. Весь мир предстает перед нами, таким образом, как хорошо устроенное и заботливо опекаемое большое хозяйство. Царственность также спускается богами с неба и переходит от одного царства к другому по воле верховных богов. Любое творение, будь то область хозяйства, предмет, животное или человек, вначале должно было получить имя, быть названо словом, после чего можно было определить ему судьбу. Не исключено, что имелось также представление о некоем параллельном существовании вещей: то, что сперва творилось на небе, происходило там, происходило как отражение и на земле.

Так, в мифе о похищении «судей» Инанна ведет свою ладью как бы одновременно в сферах небесной и земной; в аккадской поэме «Энума Элиш» сперва создается Вавилон небесный, а затем земной. И земное и небесное тесно связаны между собой и взаимозависят. Поэтому самое малое событие и явление соотносены с событиями вселенскими, включены в мировой порядок и ориентируются на космос. В аккадском заклинании против зубной боли создание «зубного червя», который хочет «глодать кости зуба», связано с сотворением мира, ибо «когда Ану сотворил небо, небеса сотворили землю, земля сотворила реки, реки сотворили каналы, каналы сотворили болота, болота червя сотворили». И уже после этого сотворенный червь отправляется к богу Шамашу, прося его определить ему судьбу и назначить пропитание.

В шумерском плаче о разрушении города Ура боги приговаривают цветущее царство к гибели, и покровительница города богиня Нингаль не может противостоять решению главных богов Ана и Энлиля, «принятому и утвержденному» советом верховных богов Ануннаков. Перед принятием этого решения Нингаль видит вещи

сны и образ бури и беды, которые падут на город, но предотвратить их она не в состоянии. То, что присудили главные боги, необратимо. А причина — не грех, не преступление, просто «кто и когда видел царствование столь долгое?» — таким вопросом отвечает Энлиль на вопрос лунного бога Нанны, супруга Нингаль, покровителя города, за что же городу присуждена злая участь. И в решении богов устроить всемирный потоп (самый ранний рассказ о потопе восходит к шумерскому периоду истории и написан по-шумерски) тоже нет прямой мотивировки, не вполне ясно, почему «боги решились на гибель мира» (хотя в одной из более поздних аккадских версий сказано, что люди начали докучать Энлилю — «шум людей его тревожит»).

В таком ощущении закономерности ужасных и благих событий и их взаимосвязанности как будто бы нет никаких представлений о наказании за грехи, о соотношении добра и зла в этом мире. Из покаянных молитв и просьб можно сделать вывод, что людьми должен был руководить страх перед богами и боязнь нарушить какое-нибудь ритуальное правило. Однако и этот вопрос не решается однозначно. Действительно, никаких специальных философских трактатов, никаких обоснований, почему человек должен поступать так, а не иначе, до нас не дошло, но в шумерских «Поучениях мудреца Шуруппака» сформулированы те шесть заповедей из десяти, которые впоследствии лягут в основу заповедей Моисея в Ветхом завете. Причем это как раз такие заповеди, которые устанавливают правила человеческих взаимоотношений (остальные четыре говорят об отношении к Богу): «Не убей, не укради, чти отца и мать, не возжелай жены ближнего...» и т. д. В очень плохо сохранившемся отрывке из сказания, затрагивающего вопрос о мироустройстве, в третьей части, которая посвящена законам подземного мира, совершенно явственно

намечаются темы посмертной судьбы людей, имеющих и не имеющих потомства (тема продолжения рода), погибших насильственной смертью или от несчастного случая, т. е. не успевших подготовиться к смерти (тема рока?), и наконец, судьбы людей, живших на Земле несправедливой жизнью. Такие отдельные, разбросанные в разных произведениях высказывания не дают, конечно, возможности составить цельную картину мировоззрения древних жителей Двуречья, но они заставляют нас, современных людей, задуматься над тем, не являются ли представления, которые нам кажутся возникшими сравнительно недавно, гораздо более глубокими и древними, чем мы думали до сих пор. В этом же шумерском тексте есть упоминания и о нерожденных зародышах (или преждевременно умерших младенцах?), веселящихся за столами из серебра и золота, и о том, что погибший в пламени человек не имеет духа-тени в подземном мире, дух этот прямо возносится к небесам, — эти положения еще ждут своего раскрытия и понимания.

Все дохристианские религии, исключая иудаизм, основаны на почитании многих богов. Многобожие — отличительный признак древних верований. Однако мы не можем точно сказать, с какого времени и как развилось понимание или хотя бы ощущение существования единой творческой силы. На первый взгляд кажется, что этот процесс эволюционный, т. е. последовательный и постепенный: сперва люди верили во многих богов, затем начало складываться представление о каком-то боге как о главном, и представление это соответствовало идее укрепления единой царской власти на земле. Действительно, когда мы сравниваем религиозные тексты разных периодов, такое впечатление возникает. То и дело мы видим, как функции и подвиги одного божества приписываются другому, которое становится все более и более значительным, могуще-

ственным, и в основе создания таких образов могут лежать соображения политического или идеологического характера. Так, например, во 2-м тысячелетии до н. э. на первый план выдвигается бог — покровитель города Вавилона Мардук, о котором в более древние времена почти ничего не знали, так же, как и о самом городе Вавилоне. Мардук объявляется прямым наследником самых первых богов, для чего подробно рассказывается о последовательном рождении целого ряда поколений. Он — сын Эйа, мудрейшего и хитроумнейшего из богов. Мардуку начинают приписывать подвиги и великие деяния многих других богов, в том числе и самого Эйа. Создается образ единого всемогущего бога, перед которым склоняются все остальные божества, в том числе и старшего поколения. В Ассирии почти все эти подвиги и деяния приписываются богу Ашшуру. В конце 1-го тысячелетия до н. э. очень важную роль начинает играть бог писцового искусства Набу. Все это так, однако и в более древние времена всегда какой-то один бог почитался самым главным.

Можно сказать, что в Шумере «отцом всех богов» был бог неба Ан. Правда, он свое главенство не проявлял так ярко, как Энлиль, который в какой-то момент сравнился с ним. (Можно даже сказать, что Ан представлял как бы неучаствующим в земной жизни, непроявлявшимся и непроявленным, в то время как другие боги свои силы проявляли и, может быть, были воплощением и олицетворением этих сил.) Есть древний текст, где говорится, что было время, когда все народы поклонялись одному Энлилю и обращались к нему с молитвой на «одном языке», пока ревнивый Энки не разделил языки, вызвав тем самым взаимонепонимание среди людей. Здесь мы встречаемся (как и в мифе о потопе, равно как и во многих других шумерских текстах) с ранней формой библейского сказания о происхождении взаимонепонимания среди людей

оттого, что бог смешал языки. Но для нас в данном случае важна сама идея молитвы одному, единому богу независимо от того, каким именем он назван. Может быть, именно поэтому так явственно ощущается в любой древней молитве к Энки, Энлилю, Нанне или Иштар, что в тот момент, когда человек произносит ее, он молится только одному богу, он обращается к этому божеству как к единственному в мире, он только с ним беседует в это время, ощущая его как представителя высших сил. И не просто представителя, но покровителя, на кого возлагаются самые сокровенные надежды, с кем можно беседовать душевно и кому можно даже послать письмо, продиктовав его писцу так, как диктовались письма людей друг к другу: «Богу Энки, вседержителю мира, чья мощь несравненна, так скажи: «Бог-вседержитель, меня сотворивший!» — и далее вот

что ему добавь...». Или можно ото всей души попытаться выразить восторг перед красотой и величием небесных сил, как это звучит в гимне, восхваляющем бога луны Нанну-Зуэна: «Боже, прелестью какой наполнил небо ты! Лунный твой луч искрист, блескуч! Словно солнышко ты, пастушок страны!»

Очень трудно рассказать достаточно полно и вместе с тем кратко о представлениях, развивавшихся и живших тысячелетиями, особенно если они дошли до нас лишь в немногих разрозненных и отрывочных свидетельствах. Но и эти обрывки и обломки материальных свидетельств человеческой деятельности доносят до нас вопрос древнего человека, вопрос, который он задавал миру о мире и о себе самом, и вопрос этот мало разнится с тем, что ныне задает человек нашего времени.

ФИНИКИЙЦЫ

Среди народов, сыгравших значительную роль в культурной жизни древнего мира, достойное место занимают финикийцы. Территория, занятая ими, представляла собой длинную и узкую полосу земли между Средиземным морем и Ливанскими горами. От этих гор отходили отроги, зачастую пересекавшие всю прибрежную долину и выступавшие мысами в море. Это разделяло Финикию на отдельные районы и затрудняло связь между ними, что и явилось одной из причин отсутствия политического и экономического единства страны во время всего периода ее независимого и полунезависимого существования.

Финикия была разделена на ряд городов-государств, важнейшими из которых были Тир, Сидон, Библ, Арвад. Эти небольшие государства не имели сил эффективно сопротивляться могущественным державам. В

середине 2-го тысячелетия до н. э. финикийские города были подчинены Египту, который сохранил там местные династии, но поставил их под свой политический, финансовый и военный контроль. Позже египтяне уступили северную часть Финикии хеттам. К концу этого тысячелетия в условиях острого кризиса, поразившего весь Восточноесредиземноморско-Переднеазиатский регион, прежние великие державы или гибнут, или приходят в упадок. В этих условиях на сравнительно короткий период наступает расцвет мелких государств, в том числе финикийских. Однако в IX—VIII вв. до н. э. возрождается Ассирия, и ассирийские цари включают в свою державу и Финикию. После падения Ассирии Финикия становится объектом экспансии Вавилона, а затем вместе с Вавилонским царством она вошла в состав Персии, в 333—332 гг. до н. э. завоевана Александром

Македонским. При преемниках Александра страна стала яблоком раздора, и ее города не раз переходили из рук в руки. В 64 г. до н. э. здесь утвердились римляне, а при разделе Римской империи Финикия оказалась в составе Восточной империи (Византии). В VII в. финикийские города захватили арабы, которые ассимилировали остатки финикийцев.

Природа Финикии во многом определила характер экономики. Земля здесь была плодородна, а расположенные террасами западные склоны Ливанских гор давали возможность заниматься земледелием. Мягкий климат с дождливой зимой и долгим сухим летом способствовал высоким урожаям зерна, винограда, олив, фруктов. Но территория страны была слишком небольшой, чтобы при существовавшей тогда технике обеспечить нужды жителей. А так как сил для грабежа соседей у финикийцев было мало, необходимые продукты они получали в результате торговли. Торговали финикийцы своим великолепным лесом, продуктами ремесла (финикийцы славились стеклом, пурпурными тканями, ювелирными изделиями, слоновой костью, кораблями) и преимущественно чужими изделиями. Финикия была расположена на стыке нескольких цивилизаций, а море открывало им путь на запад вплоть до выхода в океан.

Нужды торговли, относительное перенаселение городов (особенно Тира), социальная напряженность в сочетании с великолепным судостроением и навыками мореходства привели к финикийской колонизации, т. е. массовому переселению части финикийцев за море. Во многих местах Сицилии и Сардинии, Северной Африки и Испании возникают финикийские города-колонии. Важнейшим и крупнейшим из них стал Карфаген. Он объединил западнофиникийские города под своей властью и создал в Западном Средиземноморье могучую державу, включавшую в себя и местное население. Эта держава претендо-

вала на господство на Западе, но потерпела поражение в войнах с Римом, который в 146 г. до н. э. разрушил Карфаген. Колонизация, благодаря которой история отдельных районов Средиземноморья начала сливаться в единый исторический процесс, явилась одним из важнейших вкладов финикийцев в мировую цивилизацию.

Во многом с нуждами торговли связано и второе достижение финикийцев. Купцам была необходима более простая система письменности. И финикийцы отобрали и частично преобразовали 22 знака, каждый из которых обозначал определенный согласный звук, к которому в зависимости от контекста можно было мысленно прибавить любой гласный или не прибавлять вовсе, если этого не требовалось. Такая простая система, состоящая из 22 знаков, была довольно быстро заимствована соседями финикийцев. Греки прибавили к ней знаки для обозначения гласных, положив тем самым начало подлинному алфавиту, из которого выросли и латинская, и славянская азбуки, а восточные соседи (арамеи, евреи, позже арабы), трансформировав сами знаки, сохранили старую систему без буквенных обозначений гласных. Таким образом, финикийцы создали ту систему письма, которая стала родоначальницей почти всех ныне существующих.

Финикийцы, жившие на перекрестке многих культур, естественно, поддавались их влияниям. Тем не менее финикийская культура сохранила свои оригинальные черты. Особенно это относится к религии.

Б о г и. Финикийцы относились к западносемитским народам, к которым принадлежали также ханаанеи, амореи, евреи и другие близкие им народы. И они сохранили в своей религии многое, свойственное старой аморейско-ханаанейской культурной общности. Поэтому в финикийской религии и мифологии обильны черты, общие с представлениями аморейс-

кого Угарита у древних евреев (по крайней мере до того времени, как религия последних была изменена реформами и утверждением единобожия). Сохранила финикийская религия и архаичность самой своей структуры.

Раздробленность страны, сложное переплетение старых родовых и новых, возникших уже в период государственности, представлений, неравномерное влияние других народов — все это привело к почитанию множественности богов, функции которых зачастую переплетались. Появлялись различные божества с одинаковыми или близкими «обязанностями», культы которых тем не менее были самостоятельны. Порой унаследованные от седой старины божества, сохраняя прежние имена, приобретали новые черты, причем разные в разных городах. Финикийцы унаследовали от родового общества страх перед именами тех или иных божеств и поэтому часто использовали такие слова, как «Эл» («бог»), «Баал» или «Баалат» («владыка», «владычица»), «Адон» («господь»). Так что бывает очень трудно порой разобрать, о каком именно божестве идет речь в том или ином случае.

В финикийской религии существовали общепиникийские божества (хотя в каждом городе они могли приобретать специфические черты) и божества, почитаемые только в определенном месте. Каждый город имел божество-покровителя, в образе которого воплощал все самое ценное жителями, не смущаясь приписыванием своему патрону черт и функций других божеств. К этому надо прибавить заимствование чужих богов, почитание вод, гор, деревьев, тех или иных животных. Все это придавало финикийской религии довольно хаотичный вид.

Делались попытки и как-то упорядочить этот хаос, создать более или менее непротиворечивую систему богов, оформить ее в некую разновидность «священного писания». Древ-

нейшая из этих систем приписывалась богу писцов Таавту. Другая была создана (или записана) Санхунйатоном. Произведение последнего много позже использовал Филон из Библа, преобразовавший финикийскую систему в духе модных в его время эллинистических философских и религиозных учений. Все эти попытки все же были неудачны. По существу, в каждом центре сохранялась своя система культов, в целом совпадающая с общепиникийской, но отличающаяся (и порой весьма значительно) своими деталями.

Во 2-м тысячелетии до н. э. верховным богом финикийцев считался Эл («бог»). Он был царем богов и людей, властвовал над страной. Однако реально Эл уступил власть другим богам, оставаясь, видимо, их верховным сюзереном. В 1-м тысячелетии до н. э. реальный культ Эла не отмечается ни в самой Финикии, ни в ее колониях. Возможно, что в это время Эл, трансформировавшись, выступал под именем Баал-Хаммона («владыка жара»), культ которого был широко распространен в Карфагене, но иногда встречался и в Восточном Средиземноморье. Это был солнечный бог и одновременно бог земного и человеческого (мужского) плодородия, а также повелитель подземного мира. Изображался он в виде могучего старца, восседавшего на троне, украшенном керубами (крылатые звери с человеческими головами, бывшими стражами и символами святости места). Этот бог обычно поднимал в благословляющем жесте правую руку, а в левой держал посох, украшенный либо хлебным колосом, либо сосновой шишкой — символом плодородия и мужской силы.

Баал-Хаммон был связан с небесным миром. Но у финикийцев существовал и отдельный бог — Баал-Шамем («Владыка небес»), считавшийся одним из самых высших богов, одним из первых появившихся божеств, а в некоторых мифах — и единственным господином неба.

Финикийцы почитали также небесные светила. Они обожествляли утреннюю звезду. Особая звезда была посвящена Элу. Были и самостоятельные божества солнца (Шемеш) и луны (Йарих).

Особым божеством выступает земля (Арц). В финикийской мифологии она является сестрой и супругой Неба и матерью Эла. Но в какой степени она реально почиталась, сказать трудно. Отдельные горы, страны, участки земли имели своих владык. Финикийцы почитали таких богов, как Баал-Либанон («Владыка Ливана»), господствующий над Ливанскими горами, и Баал-Цапон («владыка горы Цапон»), властвующий над севером их вселенной. Последний был, однако, не только царем севера, но и богом грома и бури, умирающим и воскресающим богом.

Искусные мореплаватели и морские торговцы, финикийцы не могли не почитать морских божеств. Древним ханаано-аморейским богом моря был Йам. Существовали какие-то финикийские морские божества, которых греки и римляне называли привычными им именами — Понт, Посейдон или Нептун.

Древним общефиникийским богом был Решеф, чье имя означает «искра, молния, пламя». Это был бог войны и бури, дождя, дающего плодородие земле, молнии и небесного света, эпидемии и излечения от нее. Решеф был связан с солнцем и считался также хранителем договоров. Изображался он обычно в виде юноши с луком. Другим воинственным богом был Баал-Магоним («владыка щитов»), символ которого — конь. Круг его почитателей со временем уменьшался, хотя в воинских кругах он пользовался почетом довольно долго.

Финикийцы почитали бога судьбы Хагада (или Гада) и бога смерти Мота. Жизнь будущему урожаю давал Дагон, брат Эла. Богом-ремесленником был Хусор (или Баал-Малаки — «владыка работы»).

Особое место в финикийской рели-

гии занимали боги-врачеватели. Наиболее популярным из них был Эшмун. Это умирающее и воскресающее божество, связанное и с миром смерти, и с плодородием земли. Его отец Сидик («праведный») был, вероятно, судьей в подземном мире. Эшмун и его братья Кабирь были предками профессиональных врачей и изобретателями судна, перевозящего души умерших через небесный океан. С Эшмуном финикийцы связывали надежды на исцеление не только от болезней, но и от смерти, т. е. на воскрешение. Поэтому священным животным этого бога была змея, служившая символом вечного обновления и вечной жизни. Близкими богами были также Цид и Шадрара (имя последнего связано с корнем «лечить»).

Из богинь особенно выделяется Астарта (Аштарт), принадлежавшая к самому древнему слою не только финикийского, но и общесемитского пантеона, т. е. мира богов. В первую очередь она являлась богиней плодородия. Затем эти ее функции были перенесены на мир людей, и она стала богиней любви. Часто Астарта изображалась в виде обнаженной женщины с подчеркнутыми признаками пола, сжимающей руками груди. Но иногда появлялась вооруженной, ибо одновременно была богиней воинственной. Порой на ее голове появлялись коровьи рога, бывшие знаком царственности. Астарта выступает и как покровительница царской власти, и как богиня-охотница; она была связана с луной (как Баал-Хаммон с солнцем). Возможно, что все эти черты богиня приобретала постепенно, вбирая в себя черты других богинь, все более отступавших на задний план. Одной из таких богинь была, вероятно, Анат, бывшая во 2-м тысячелетии до н. э. весьма почитаемой как богиня любви и богиня-воительница, но в следующем тысячелетии пользовавшаяся уже гораздо меньшей популярностью. И Астарта, и Анат были одновременно и девами,

и супругами, и даже матерями. Это представление (о деве и матери одновременно) относится, возможно, также к весьма древним семитским верованиям.

С плодородными силами земли связана Тиннит, бывшая вместе с тем и небесной богиней. Вообще ее функции поразительно совпадают с функциями Астарты. В самой Финикии она была, видимо, сравнительно незначительным божеством, связанным с Астартой, возможно, была ее дочерью. В Карфагене же, начиная с V в. до н. э., Тиннит выросла до положения главной покровительницы города и державы.

Наряду с такими божествами существовали и божества, связанные с одним городом. Такова была Баалат-Гебал («владычица Библа»), считавшаяся дочерью Эла. В Тире покровителем города был Мелькарт, т. е. Царь города, иногда называемый также Баал-Цор («владыка Тира»). Роль Тира как основной метрополии финикийских колоний привела к тому, что культ Мелькарта широко распространился по всему Средиземноморью. Так, на его крайнем западе Мелькарт стал покровителем города Гадеса. Следствием большой экономической роли Тира стало принятие культа его бога и за пределами финикийского мира, в частности, в Дамаске и на какое-то время, по-видимому, в Израиле. В Библие большим почитанием пользовался Адонис («мой господин»), бог умирающей и возрождающейся растительности, неразрывно связанный с водными источниками, особенно с соседней рекой.

Среди богов, заимствованных финикийцами, значительное место занимал Бес. По-видимому, под этим именем скрывалось несколько божеств со сходными функциями — защитой людей, особенно моряков. Бес изображался в виде кривоногого карлика со змеями. Его культ был широко распространен в финикийском мире — и на западе, и на востоке.

Божества с похожими или даже одинаковыми «обязанностями» могли сливаться в единый образ с двойным или даже тройным именем. Таковыми были Милькарстарт (хотя Астарта была богиней, новое божество приобрело мужской пол), Цидтиннит, Цидмелькарт и т. п. Почитали финикийцы также различных мелких божков (демонов), отвращающих беды от живых и мертвых. Объектами культа были реки, озера, камни, деревья.

Представления о мире и смерти. Жизнь финикийцев была тесно связана с водной стихией, и океан играл огромную роль в их представлениях о мире. Вся видимая Вселенная располагалась между двумя океанами: верхним, разливающимся выше видимого неба, и подземным, по которому солнечный бог путешествовал с вечера до утра. Выше верхнего океана находилось обиталище человеческих душ.

По мнению финикийцев, каждый человек имеет две души — растительную и дыхательную. Растительная душа продолжает существовать и после смерти, требуя себе всего, в чем нуждался человек в этом мире: пищи, воды, света, порой различных украшений и амулетов, отвращающих несчастья. Возможно, что растительная душа была тесно связана с телом, и поэтому финикийцы очень заботились о нерушимости гробниц. Наиболее распространенным обрядом погребения было трупоположение, хотя иногда, особенно на западе, применялось и трупосожжение. Видимо, сохранение тела и могилы обеспечивало сохранение растительной души. Дыхательная же душа на магическом корабле в сопровождении Эшмуна, излечившего душу от всех страданий, а иногда и его братьев Кабиров, отправляется через верхний океан в царство богов. К середине 1-го тысячелетия до н. э. у финикийцев появилось представление о добродетели и грехе и о воздаянии за них. Возможно, с этим связана и судьба дыхательной души в потустороннем мире.

Сотворение мира. Все народы в начале своих мифологических повествований помещают рассказ о сотворении мира и богов. Финикийцы, как, по-видимому, и другие западные семиты, считали, что в начале всего находилась какая-то влажная, илистая субстанция, из которой бог затем и сотворил Вселенную. Таким творцом для одних был Эл, который иногда носил титул «создателя земли», для других — бог смерти Мот, содержащий в себе и животворное начало, для третьих — бог-ремесленник Хусор. Затем были созданы яйцеобразные «стражи неба»: солнце, луна, звезды. Следующей ступенью творения явилось создание животных. Среди первых обитателей Вселенной важное место занимают ветры. Понятие о ветре как о первообитателе мира подобно библейскому представлению о духе божьем, веющем над землей. В городе Берите (может быть, и в других местах) рассказывали, что от восточного ветра и темной пустоты родились первые люди. Мифы Тира говорят несколько иначе: люди появились из земли и были формованы из ила. По мнению беритян, первые люди поселились в Финикии. По мнению же тирийцев, предки финикийцев жили сначала на Эритрейском море, т. е. вероятнее всего в районе Персидского залива, и только позже прибыли в Финикию.

Финикийцы, как и другие народы, рассматривали развитие мира как смену нескольких поколений богов. Однако созданные в различных городах Финикии генеалогии богов отличаются друг от друга. Довольно ясно выделяются две мифологические системы: библская и тирская. Сохранились и остатки сидонской мифологии.

Библская мифология. В начале библской генеалогии богов стоят Элиун («Высочайший») и его супруга Берут. Ее имя довольно загадочное. Оно может означать либо божественную пищу и тем самым быть символом жертвоприношений,

либо договор и быть олицетворением особого договора, заключенного между богом и людьми (подобно договору между Йахве и его народом). Их детьми были Небо и Земля, ставшие супругами и родителями следующего поколения богов.

Детями Земли и Неба были Эл, Бетил (воплощение камней, почитаемых финикийцами), Дагон (т. е. «зерно», бог урожая) и Атлант. Но у Неба были и другие возлюбленные, от которых он имел детей. Старший сын Эл, возмужав, решил отомстить за оскорбленную мать и выступил против отца, которого он победил и лишил власти. Свергнутый отец еще не раз пытался взять реванш, то подсылая к победившему сыну своих дочерей, дабы те справились с Элом хитростью, то открыто идя войной, но каждый раз неудачно. Эл перехитрил отца и привлек своих сводных сестер, сделав их своими женами, а затем, устроив засаду, лишил Небо его мужской силы, тем самым окончательно отняв у него возможность возвращения к власти.

Эл, главная фигура этой части библского мифологического цикла, совершил много значительных деяний. Он установил в случае великой нужды жертвоприношения в огне, жертвами были первородные сыновья (ужасный и в то же время героический старинный западносемитский обычай, которым особенно известны были именно финикийцы), ввел обрезание как знак союза с божеством. Он окружил свое жилище стеной и построил первый финикийский город Библ. Эл был отцом многих богов, в том числе Анат, Решефа, Баала (или Адода). Будучи верховным главой божественного мира, Эл, однако, сам не правил. По одному варианту мифа он передал землю Баалу, подземный мир — Моту, а море — Йаму. По другому, власть над землей Эл отдал сводной сестре и жене Астарте, сводному брату Демарунту и сыну Адоду. При этом он особо выделил Библ, владычицей которого сделал сводную

сестру и жену — Баалат-Гебал. Финикийцы считали Эла господином всего мира и поэтому позже приписали ему передачу Египта Таавту, а Аттики — Анат. Этот миф о передаче реальной власти другим божествам отражает тот факт, что в I-м тысячелетии до н. э. действенного культа Эла уже не существовало.

Несколько особняком в библской мифологии стоит миф об Адонисе. Библисты рассказывали, что прекрасный юноша Адонис, сын Хусора, любил Астарту. Но прежний возлюбленный Астарты Решеф, ревнуя, наслал на него свирепого вепря, который и убил того на охоте. Астарта воскресила своего возлюбленного, но только частично: часть года он проводит на земле, а часть — в царстве мертвых. По другому варианту между богиней любви и царицей преисподней возник спор за обладание Адонисом, и по решению верховного бога Адонис должен был проводить часть времени в подземном мире, а часть — на земле. В любом случае перед нами умирающее и воскресающее божество, в честь которого в Библие справляли пышные празднества. Жил Адонис в садах, и люди посвящали ему специальные «сады Адониса», представлявшие собой сосуды с содержащейся в них растительностью.

Тирская мифология. То место, на котором в библской мифологической системе находился Элиун, в тирской занимал Шамемрум («Высшее небо»). Он изобрел шалаши, строя их из тростника, лоз и папируса, и основал город Тир. Братом Шамемрума был Усой, бог-охотник. Финикийцы почитали бога-охотника Циды, который к тому же был и врачом. Видимо, Усой и Цид — одна и та же фигура (даже если первоначально они различались, то позже слились). Оба брата враждовали между собой. Тир находился на острове, а напротив него на материке располагался город Ушу, и Усой явно рассматривался как его основатель. Вражда братьев отражала, по-видимому, соперничество

двух соседних городов. С течением времени Тир взял верх, и Ушу превратился в его материковый пригород, а бог Цид (Усой) — в спутника и излечителя Мелькарта — покровителя Тира. Потомком Шамемрума был кузнец и литейщик Хусор.

К общефиникийской и библской системе тирский цикл присоединялся довольно искусственно. Во время войны между Небом и Элом последний взял в плен наложницу отца, которую отдал в жены своему брату Дагону. Эта наложница была уже беременна от Неба и вскоре родила сына Демарунта. Таким образом, Демарунт не относится к потомству Эла и занимает в мире богов особое место. Возможно, в этом образе почитался старинный семитский бог Астар, мужская ипостась Астарты. Вместе с последней и племянником Адодом Демарунт получил от Эла власть над землей. Вероятно, Астарта была той звездной девой Астерией, которая родила Демарунту сына Мелькарта. Имя последнего означает «царь города», т. е. Тира. Это бог — покровитель Тира, его владыка — Баал-Цор.

Как и Адонис, Мелькарт был умирающим и воскресающим богом. По одному варианту сказания он был убит богом смерти Мотом и воскрешен Цидом, который дал ему понюхать запах перепелов. Другой вариант рассказывает о смерти Мелькарта в огне, из которого он возродился как бог. Существовал и третий вариант рассказа о гибели и возрождении Мелькарта: он был ребенком, когда его мать, спасаясь от преследования обезумевшего мужа, бросилась с младенцем на руках в море, где оба и превратились в богов.

Тирийцы приписывали Мелькарту все самое ими ценное. Они рассказывали, как во время охоты пес Мелькарта раскусил пурпурную раковину и окрасил красным цветом пасть, а нимфа Тир (в финикийском языке «город» — женского рода) убедила Мелькарта окрасить свою одежду,

что и привело к открытию пурпурной краски, которой так славился Тир. Мелькарт выступал и предводителем далеких походов. В частности, он возглавил поход в далекую Испанию, где и умер (а затем воскрес), а его многонациональное войско распалось, и многие бывшие воины, оставшись на западе, стали предками ряда народов этого региона. Мелькарт, воплощавший светлое начало, всю жизнь боролся с темными силами: чудовищной змеей, оленем и человекоподобным быком, воплощавшими водные потоки; со львом, вепрем и могучим великаном — символами земных чудовищ; с адским псом, конями и конями с человеческой головой, связанными с миром смерти. А затем он погиб и за свои труды был удостоен воскрешения в виде бога, что и явилось завершением его многотрудной жизни. Тирийцы и тирские колонисты (особенно жители Гадеса) отмечали праздник смерти и воскрешения Мелькарта.

Сидонская мифология. Мифология Сидона, к сожалению, известна очень мало. Нимфа Сидон считалась дочерью морского бога (вероятно, Йама). В Библии сохранилось предание о Сидоне как о первенце Ханаана, а Ханаан в данном случае — предок всех финикийцев. Покровителями Сидона были Астарта и Эшмун.

И сейчас трудно сказать, то ли сидоняне «присвоили» себе эти общефиникийские божества, то ли их общефиникийское значение отражает ведущую роль Сидона, какую он явно играл в Финикии какое-то время.

Чисто сидонским (ставшим затем общефиникийским) был миф об Эшмуне, одном из восьми сыновей Сидика («праведного»). Прекрасный юноша Эшмун был охотником. Его увидела и стала преследовать своей любовью Астарта. Испуганный Эшмун бежал от нее, но та стала его настигать. Тогда Эшмун отрубил себе топором половой орган и умер. Но Астарта своей животворной теплотой вернула юношу к жизни и сделала богом. Таким образом, Эшмун, подобно Адонису и Мелькарту, был умирающим и воскресающим богом, но в отличие от них стал богом-врачевателем по преимуществу. В библскую генеалогию фигура Эшмуна введена мифом, по которому одна из дочерей Астарты и Эла стала женой Сидика и родила ему Эшмуна.

Итак, оказалось возможным восстановить, хотя бы частично, различные системы финикийской мифологии. Это, конечно, только жалкие остатки того фольклорного богатства, которым владел удивительный, своеобразный, динамичный народ древности — финикийцы.

Древние евреи. — Иудаизм. Каббала. Саббатрианство. Франкианство. Хасидизм

Иудаизм как монотеистическая религия Яхве сложился в общих чертах во 2—1-м тыс. до н. э. у древних евреев. Он преемственно связан с западносемитской мифологией и на ранней стадии представлял собой ее переработку в духе поступательно

крепнувшей монотеистической тенденции; в различные периоды он испытывал влияние египетской, шумеро-аккадской и особенно иранской (в частности, зороастрийской) мифологий, а позднее — синкретистско-гностической мистики.

Центральный цикл источников для раннего иудаизма — библейские (ветхозаветные) тексты, возникавшие на протяжении более чем тысячелетия (от XIII—XII вв. до н. э.) и впитавшие в себя тексты самого разного характера (в том числе и фольклорного происхождения): мифы, древние народные предания, фрагменты хроник, исторические документы, законодательные памятники, ритуальные предписания, победные, свадебные и другие ритуальные песнопения, сочинения религиозно-философского характера и т. д., собранные и обработанные в религиозном духе еврейскими компиляторами в довольно поздний период. Сохранив многочисленные реликты разных эпох, Библия отразила наряду с собственно иудаистической системой идей более ранние религиозные представления древних евреев и сопредельных народов. Все это явилось причиной того, что нередко мифы и исторические предания представлены в Библии не одной, а несколькими (иногда взаимоисключающими и содержащими разные концепции мировосприятия) версиями.

Иудейский (ветхозаветный) канон делится, согласно традиции, на три части: 1) Тора («Закон»), или «Пятикнижие Моисея» (позднее было приписано Моисею): книги Бытие, Исход, Левит, Числа и Второзаконие; 2) «Пророки», куда входят так называемые исторические книги: Иисуса Навина, Судей, 1—4-я книги Царств (1—2-я книги Самуила и 1—2-я книги Царей), излагающие историю Палестины по начало VI в. до н. э., и сборники речей «больших» пророков — Исаии, Иеремии, Иезекииля (в православном и католическом каноне Библии также и книга Даниила) и двенадцати «малых» пророков; 3) «Писания», к которым относятся Псалмы (Псалтирь), Притчи Соломона, книга Иова и так называемый Плач Иеремии, сборник свадебной лирики Песнь песней, 1—2-я книги хроник (1—2-й Паралипоменон), а также книги

Ездры, Неемии, Руфи, Есфири, Даниила, Екклесиаста. Для выявления мифологических представлений наряду с книгой Бытия (ее разновременные пласты были сведены в IX—VII вв. до н. э.), излагающей такие традиционнo-мифологические темы, как сотворение мира (в том числе человека), утрата человеком первоначального рая, потоп и т. д., и предания о начале истории еврейского народа, особенно важны поэтические части канона — книга Псалмов (антология культовых гимнов 1-го тысячелетия до н. э.) и книга Иова (предположительно IV в. до н. э.), фиксирующие в своей метафорике некоторые забытые и вытесненные мифологические мотивы. Следует упомянуть также ряд произведений, возникших в эллинистическую эпоху и получивших распространение в греческом переводе (например, 1-я книга Маккавеев, книга Премудрости Иисуса, сына Сирахова) или написанных по-гречески (например, 2-я и 3-я книги Маккавеев), подчас не без влияния греческой философской лексики (например, книга Премудрости Соломона); они были восприняты ранними христианами вместе с древним переводом Ветхого завета на греческий язык (так называемая Септуагинта, выполненная иудейскими учеными Александрии, впоследствии отвергнутая синагогой) и вошли в библейский канон православной и католической церквей, но оказались исключенными как из иудаистического, так и из протестантского канона; их принято называть деветероканоническими (второканоническими). Фаза развития иудаистической мифологии, связанная с идейными кризисами поздней античности и переходом к средневековью, отражена в текстах апокрифической апокалиптики, агады и предкаббалистической мистики. В апокалиптике особенно акцентируется тема эсхатологии (например, Апокалипсис Баруха и 4-я книга Ездры, конец I в.), иногда даются подробные сведения по мистической космологии, разрабаты-

вается учение о мессии (книга Еноха, дошедшая — в различных версиях, восходящих к периоду II в. до н. э. — 3 в. н. э. — на эфиопском, старославянском и древнееврейском языках). Агада (аггада, «сказание») расцвечивала библейские сюжеты более или менее свободно измышленными назидательными или занимательными подробностями; она выросла из школьной раввинской интерпретации нарративных частей Библии и запечатлелась в первые века нашей эры прежде всего в так называемых мидрашах (толкованиях на библейские тексты) и таргумах (парафразах библейских книг на арамейском языке); отчасти в текстах Талмуда и двух его версиях — иерусалимской (возникла к IV в.) и особенно вавилонской (завершена к концу V в.). Важнейшим источником для изучения средневековой мистической традиции, представленной в учении каббалы, является «Книга сияния», или «Зогар» (написана на арамейском языке в Кастилии в последней четверти XIII в.), имеющая характерную форму аллегорического толкования на библейские тексты.

Иудаистическая мифология в целом — не столько мифология священного космоса (что характерно для большинства мифологических систем мира), сколько мифология истории народа; поэтому для ее понимания особенно важны некоторые моменты истории народа, у которого она возникла. Библия и здесь является важнейшим источником. Данные, добытые современной научной библеистикой (в частности, библейской археологией), не оставляют места для гиперкритицизма, рассматривавшего чуть ли не все библейские имена и сюжеты как материал чистого мифа. Разумеется, ввиду отмеченной выше жанровой неоднородности библейской литературы, соотношение исторических фактов и мифологизирующего изложения может быть различным — от трезвой хроникальности книг Царств до легенд о «праотцах» человечества;

но даже в преданиях об Аврааме и его потомках вычлняются исторически реконструируемые ситуации родового и семейного быта и т. д.

Библейские предания отразили связь предков древних евреев (группы западносемитских племен) с обширным культурно-историческим ареалом древних цивилизаций Ближнего Востока; это выразилось не только в близости многих мифологических сюжетов, но и, например, в предании об Аврааме, выступающем в Ветхом завете как родоначальник не одного еврейского, но и более широкого круга семитских народов, как выходец из Месопотамии, переселившийся в Ханаан по «божественному внушению». Предки древних евреев (возможно, ими были упоминаемые в ближневосточных документах середины 2-го тыс. до н. э. хабиру, хапиру, апиру) — кочевники на территории

Жертвоприношение Авраама. Мозаика из синагоги в Бет-Альфе, VI в.

государств Ханаана и на земле египетской державы, постоянно переходившие со своими стадами с места на место. Книга Бытия описывает прародителей еврейского народа именно как кочевников-скотоводов, лишь в редких случаях приобретающих земельные участки (отголосок пребывания в Египте — рассказ об Иосифе и переселении к нему его братьев и всего рода). В XIII в. до н. э. еврейские племена, сплотившиеся вокруг культа Яхве и бежавшие, согласно ветхозаветному преданию, от египетского фараона, вторглись в Палестину. «Исход из Египта» предание связывает с именем Моисея — вождя, обрисованного как законодатель, учащий народ религии Яхве, с теми ее чертами, которые в основном принадлежат уже эпохе пророков (см. ниже). Реликтом кочевого быта вплоть до X в. до н. э. остается заменявшая какое-либо неподвижное святилище переносная «скиния» Яхве (шатер), содержавшая «Ковчег Завета» (особый ларец), с которым связывалось таинственное «присутствие» божества. Яхве воспринимался как племенной бог, идущий перед людьми племени в их странствиях и ведущий их войны. Вопрос о реальности божеств других религий пока не ставился;

Исход из Египта и переход через Красное море. Фреска синагоги в Дура-Европос. Первые века н. э. Дамаск, Национальный музей

достаточно того, что они «чужие» и что поклонение им запрещено.

В борьбе с оседлым местным населением (ханаанеями) и завоевателями с запада (филистимлянами) сложился союз 12 племен («колен»), принявший наименование «Израиль»; отголоски этих исторических событий — в предании о двенадцати сыновьях Иакова (как родоначальниках-эпонимах колен израильских), в рассказах о военных походах сменившего Моисея Иисуса Навина (взятие Иерихона и др.), а затем о «судьях израильских» — Деворе, Иефффе, Гедоне, а также богатыре Самсоне и др. Эпоха царей Давида и Соломона (конец XI в. — ок. 928 г. до н. э.) — кульминация могущества Израильско-Иудейского царства (централизованного государства типа древневосточных деспотий, пришедшего на смену патриархальной военной демократии, управляемой шофетами — «судьями»). В этот период культ Яхве локализуется и упорядочивается в Иерусалиме, где Соломон строит для него храм (позднее осознаваемый как единственно правомочное место жертвенного культа). В условиях, когда единое Израильско-Иудейское царство распадается (на южное, Иудейское, ок. 928—587/6 гг. с центром в Иерусалиме, и северное, Израильское) и когда возрастает угроза со стороны Ассирии (уже в 722 г. уничтожившей Израильское царство), а затем Вавилонии, важнейшим фактом идейно-религиозной жизни становится так называемое пророческое движение.

Прорицатели и проповедники призывают к восстановлению патриархальных норм всенародной солидарности, к смягчению социального неравенства. Обличительная социальная программа пророков связывалась ими с требованием отказа от языческих культовых традиций и от почитания каких-либо божеств, кроме Яхве, — так впервые в истории выявляется идейная структура (так называемый этический монотеизм), соединяющая определенные социально-нравствен-

ные требования с притязанием на исключительные права одной веры против всех остальных. Важное значение имело в этом отношении обнаружение в 622 г. (при царе Иосии, пытавшемся частично проводить в жизнь программу пророческого движения) книги завета, тождественной, по-видимому, в каком-то объеме с Второзаконием и подытоживавшей учение пророков. Опыт жизни на чужбине — в эпоху так называемого вавилонского пленения (после того как Иудейское царство было в 587/6 гг. завоевано вавилонским царем Навуходоносором II, Иерусалим и храм разрушены, а наиболее активная часть населения выслана в Месопотамию — дает решающий толчок к дальнейшей кристаллизации иудаистической идеологии. Религиозное истолкование политических и социальных проблем, предложенное пророками, теперь становится последовательным, как никогда: катастрофа интерпретируется как кара, наложенная Яхве за неверность ему, и как обещание тем большей награды в будущем, если верность будет проявлена. Мечта о возрождении своей государственности, о восстановлении Иерусалима, о возвращении к власти потомков Давида поднимается на мистический уровень: государственность, которую хотят возродить, мыслится как теократическая, а царь из рода Давида — как мессия: общая для всех деспотий Востока мифологизация царской власти переплавляется в теологию «царства Божьего». За возвращением (с переходом вавилонских владений в руки персов) в Палестину следует восстановление Иерусалима и храма («второй храм»), которым руководят религиозные деятели Эзра (Ездра) и Неемия, преданные делу всеохватывающей системы заповедей и запретов, регламентирующие жизнь «народа Божьего» до мелочей. Именно к последнему периоду относится редактирование и объединение в один сборник первых пяти книг Ветхого завета

(предпринятое в V в. до н. э. Ездрой), что было важным шагом на пути становления Библии как канона и иудаизма как религии Писания с соответствующими мифологическими мотивами (следующие наиболее важные этапы канонизации — I и VI—IX вв. н. э.).

Из последующей истории еврейского народа для дальнейшего формирования религиозно-мифологических представлений иудаизма особенно важны: вхождение Палестины (завоеванной в IV в. до н. э. Александром Македонским) в круг земель эллинской цивилизации, сопровождавшееся отказом верхушки иудейского общества от обычаев, освященных авторитетом Яхве, и принятием ею греческих норм поведения и культуры (процесс, активно поощрявшийся македонскими царями Сирии из династии Селевкидов, особенно Антиохом IV, 175—163 гг., перешедшим к репрессиям против ревнителей иудейской веры); повстанческое движение во главе с Иудой Маккавеем, приведшее к установлению в 142 г. временной независимости Иудеи; римская оккупация (с 63 г. до н. э.). В круг представлений иудейской веры и мифа входят мотивы мученичества, требующего награды по воскресении мертвых, — уже в книге Даниила (II в. до н. э.), последней по времени составления книги Ветхого завета, которая является ранним произведением, созданным в жанре апокалиптики.

Ессеи (к которым принадлежала община Кумрана) в безбрачии, аскезе и пустынножительстве искали духовную подготовку к близкой эсхатологической схватке мировых сил добра и зла. После двух попыток сбросить иго Рима (Иудейская война, 66—73 гг. и восстание Бар-Кохбы, 132—135 гг.) иудеям под страхом смерти запрещается вступать на территорию разрушенного до дотла Иерусалима. Иудейская диаспора, рассеянная по Римской и Сасанидской империям (прежде всего общины в Александрии, Риме и Месопотамии), лишает-

ся объединяющего центра; это было концом древнееврейской культуры.

Место библейских повествований среди мифологических систем не обычно. Анализ легко выявляет несколько рядов признаков, по которым она может быть сопоставима с ними. Так, большинство ее центральных тем и мотивов находит соответствия в различных мифологиях мира, прежде всего в мифологиях ближневосточного круга — западносемитской и шумеро-аккадской, отчасти египетской, хеттской и др. Сами имена единого Бога иудаизма: Яхве (Иево), Элохим или Эль (Илу), Эльон, «всевышний», Мелек, «царь», — были именами богов западносемитского пантеона. Ветхозаветный рассказ о шести днях творения функционально сопоставим с таким необходимым компонентом любой мифологической системы, как космогонические мифы (во многих из которых в более или менее важной роли выступает демиург — творец и упорядочиватель вещей). Картина исходного состояния мира как водного хаоса (Быт. 1, 2) имеет аккадские параллели (Тиамат — букв. «море» — персонифицирует первозданный водный хаос). Мотивы «райского начала» путей человечества (золотого века), нарушенного приходом в мир зла, самого Эдема как блаженного места на земле (наподобие острова Тильмун в шумеро-аккадской мифологии и т. п.), наконец, мирового древа (намеченного в Библии в двух вариантах — как древо жизни и как древо познания добра и зла) присутствуют в самых различных мифологических системах. Особенно много параллелей представляет разработка весьма важного для мифологических систем Месопотамии и отчасти восточного Средиземноморья мотива потопа: роль Ноя соответствует роли шумеро-аккадского Зиусудры (Ут-напшты), греческого Девкалиона и т. п., повторяются мотивы предупреждения от божества; строительства ковчега;

высылания на разведку птиц; жертвы по окончании потопа.

Однако библейская доктрина в сложном, длительном и противоречивом процессе своего отделения от общих западносемитских религиозно-мифологических представлений, а с ними и от всякого «язычества» вообще выработала и развила догматически закреплённый впоследствии новый тип сознания, отличный от мифологических систем других народов восточного Средиземноморья. Это особенно явно выступает именно тогда, когда Библия берет самые традиционные мифологические мотивы, перестраивая их внутреннюю структуру и меняя их смысл на противоположный. Яркий пример — обращение с мотивом рождения героев от соития «сыновей Божиих» с «дочерьми человеческими» (Быт. 6, 1—4). Именно так рождаются герои в греческой мифологии (например, Геракл, Минос, Тесей) и в других типологически сходных мифологиях (римской, кельтской и др., например, Ромул и Рем, Сервий, Туллий, Кухулин), где полубожественная порода великих воинов и основателей династий — предмет преклонения. Библия тоже говорит о рождении «исполинов» и «мужей славы издревле» от неземных соитий, но для нее блуд ангельских существ (какими только и могут быть в монотеистической системе «сыны Божии») с земными женщинами, как и рождение исполинов, суть события безусловно недолжные, нарушение установленной Богом меры, причина «развращения человеков на земле» (6, 5) и следующих за ним кар — сначала укорочения человеческого века (ведь библейские «патриархи» наделены если не бессмертием, утраченным родом человеческим в результате «грехопадения», то сверхъестественным долголетием), а потом и потопа. Иногда отталкивание Библии от традиционно-мифологического способа объяснять миф сказывается в самой лексике. Так, в заключение рассказа о сотворении мира говорится, что это

«родословие» (в синодальном переводе с еврейского — «происхождение») неба и земли, но родословие «при сотворении их» (2, 4). Слово «родословие» направляет нас к обычному в мифологии изложению космогонии как теогонии, как космической череды божественных зачатий. Но здесь как бы сказано: вот как были «порождены» небо и земля, а именно так, что они вообще не были порождены, но, напротив того, сотворены. Вообще, библейский рассказ о сотворении мира отличается от других космогонических мифов не столько тем, что в нем есть, сколько тем, чего в нем нет, — строжайшим устранением мотивов демиургического брака и демиургической битвы. «Бездна», на которой «в начале» лежала тьма (Быт. 1, 2), недаром созвучна с именем Тиамат; но в отличие от персонафицированной Тиамат она безобразна, безымянна, безлична и пассивна. У Яхве нет антагониста, какого имеют не только демиурги более далеких от монотеизма мифологий, но и иранский Ахура-Мазда в лице Ахримана; все противоречия бытия восходят к нему как единственной творческой причине — «Создающий свет и творящий тьму, делающий мир и производящий бедствия — Я, Яхве, делающий все это» (Ис. 45, 7 — едва ли не прямое возражение на дуализм зороастрийской мифологии). Мир во всей своей совокупности сотворен десятью речениями Яхве (Быт. 1—3, 6, 9, 11, 14, 20, 22, 24, 26, 28), соответствующими десяти заповедям Божьего закона (Исх. 20, 2—17), так что ближайшую аналогию сотворению мира представляет не брак и порождение, не битва, даже не работа мастера над изделием (хотя эта метафора применена в Иерем. 18, 2—6, где творение Яхве сравнивается с глиной в руке горшечника), но суверенное изрекание законов законодателем.

Конечно, доктрина о сотворении мира Богом «из ничего» — поздний догмат (сформулированный в преде-

лах библейской литературы лишь во 2-й книге Маккавеев 7, 28, т. е. во II в. до н. э.); однако образность первой главы книги Бытия в смысловом отношении ближе к этому догмату, чем к параллельным мифологическим версиям. То же можно сказать и о других центральных темах и мотивах иудаистической мифологии. Так, в рассказе о «грехопадении» идея табу, с нарушением которого связана утрата первоначальной гармонии, выставлена особенно четко и для этого освобождена от всякой расцвечивающей детализации: это движение от поэтики мифа к поэтике притчи. По шумеро-аккадской версии рассказа о потопе, это бедствие вызвано тем, что люди очень шумели и мешали богам спать; в эпосе о Гильгамеше рисуется, как боги не могут сговориться между собой, во время потопа дрожат, подобно псам, а после слетаются на запах жертвоприношения Утнапишти, подобно мухам. Тема библейского рассказа — правосудный гнев Яхве, который властно карает «развращение человека на земле» и милосердно спасает праведника. Но среди центральных тем иудаистической мифологии есть и такие, которые должны быть признаны специфическими. Такова (не только и не столько сама по себе, сколько в совокупности своих функциональных связей и смысловых нагрузок) тема исхода из Египта. В любой мифологической системе может быть сколько угодно рассказов о том, как бог при определенных обстоятельствах помог своему народу; но ни один из этих рассказов не становился ни центральным критерием для суждения о самой сущности этого бога (между тем как Яхве может быть чуть ли не формально определен как Бог, осуществивший исход, — ср. Пс. 77/78 и особенно «исповедание веры» Втор. 26, 5—9), ни центральным символом для выражения самой сущности верующего в этого бога человека (см. ниже). Причина в том, что тема исхода становится материализацией темы «завета»

(«союза», «договора») между Яхве и его народом, темы, на службу которой в Библии поставлены все другие темы и мотивы, от самых важных до самых периферийных.

Чтобы понять значение идеи «завета», следует обратить внимание на особенность образа Божества в Ветхом завете. Если каждый бог Египта и Месопотамии, Ханаана или Греции имеет свою «биографию», т. е. историю своего происхождения (генеалогию, играющую столь важную роль, например, у Гесиода), браков, подвигов, побед и страданий («страстей»), то у Яхве ничего подобного нет, причем не просто нет, но быть не может, и эта принципиальная невозможность подчеркивается в текстах вновь и вновь (уже в постбиблейских текстах один мидраш в насмешку над фараоном заставляет его задавать вопросы о Яхве: молод ли он, стар ли он, сколько городов он победил? Соль рассказа — в полной неприменимости таких вопросов к Богу). Не имея «биографии», Яхве совершенно логично не имеет и портрета. Для иудаистической мифологии специфично иное отношение к своему центральному персонажу: «...говорил Яхве к вам из среды огня; глас слов вы слышали, но образа не видели, а только глас... твердо держите в душах ваших, что вы не видели никакого образа в тот день, когда говорил к вам Яхве на Хориве из среды огня, — дабы вы не развратились и не сделали себе изваяний» (Втор. 4, 12 и 15—16). Наглядность обычного мифа и овеещающая эту наглядность пластика «кумира» отвергнуты как одно и то же «развращение». С Яхве можно вступить в общение, повинувшись или не повинувшись его «гласу», но его нельзя увидеть и изобразить; если мифологические тексты, как правило, охотно говорят о богах в третьем лице, рассказывая о них или даже описывая их, то для Библии характерна не речь о Яхве, но речь к Яхве и речь от имени Яхве.

Разумеется, миф «священной исто-

рии» генетически не мог не быть связан с материалом мифа природы. Ярость Яхве может обернуться пылением совершенно физического огня: «Яхве был разгневан, его гнев воспылал, и огонь Яхве возгорелся среди них, и пожрал край стана» (Чис. 11, 1). Во время явления Яхве Моисею на Синае от горы идет дым, как от печи (Исх. 19, 18). «Дух» Яхве может выразиться как стихия ветра, порывом подхватывающего стаю перепелов (Чис. 11, 31). «Глас» Яхве, которого надо слушаться, описывается как самый настоящий гром. (Пс. 28/29, где немалое внимание уделено последствиям этого грома в мире природы.) Было бы грубым нарушением историзма понимать эти стихийные черты самообнаружений Яхве как простую метафору для «чисто» трансцендентного содержания; но не меньшей ошибкой было бы сводить к ним образ в целом. В конце концов, связь образа Яхве (и образов его ангелов — Пс. 103/104, 4) со стихиями огня и ветра, которые наиболее динамичны и наименее вещественны, не отрицает, а наглядно утверждает внеприродную, волевою доминанту иудаистической мифологии. Напротив, тяжкая косность земли дальше от этой доминанты, и поэтому у Яхве нет на земле места, с которым он был бы природно связан, в отличие от западносемитских локальных ваалов, самые имена которых включали обозначение принадлежащей им местности (Ваал Пеор, «хозяин Пеора», Мелькарт, «царь города»). И у Яхве есть святыне места, по преимуществу нежилые, бесплодные горы; свята и пустыня в отличие от плодородных земель, присвоенных ваалами; но библейские тексты упорно подчеркивают, что Яхве не привязан к этим локальным объектам, он — скиталец, свободно проходящий сквозь все пространства и по сути своей «не вмещаемый небом и землей» (2 Парал. 6, 18 и др.): «Вот, Он пройдет предо мной, и не увижу Его, пронесется, и не замечу Его» (Иов 9, 11).

Бытовой опорой для таких представлений был кочевой образ жизни, когда-то присущий предкам древних евреев, а позднее — многочисленные переселения, «пленения» и изгнания. Однако для того, чтобы образ Бога-странника, не вмещаемого физическим космосом, был представлен с такой последовательностью, необходимы были наряду с бытовыми особые идейно-исторические предпосылки. Характерно, что Яхве вновь и вновь требует от своих избранников, чтобы они, вступив в общение с ним, прежде всего «выходили» в неизвестность из того места, где они были укоренены в родовой жизни: так Он поступает в Авраамом, а затем и со всем еврейским народом, который понуждает к исходу из Египта. Этот мотив «выхода» имеет значение центрального символа: человек и народ должны «выйти» из инерции своего существования, чтобы «ходить пред Яхве» (ср. Быт. 17, 1). Судьба часто мучительной призванности, постигающая всякого рода шаманов, прорицателей и т. п. (ср. библейских пророков), вообще людей исключительных, играет здесь роль парадигмы судьбы народа в целом. Ибо если Бог на своем собственном божественном уровне бытия не имеет партнеров — ни друга, ни антагониста, ни супруги, — то его партнером оказывается человек или совокупность людей. С ним разыгрывается драма деяний и страданий божества, и ему достаются все перечисленные роли: как верный партнер «завета» с Яхве человек есть «друг» Яхве (традиционный эпитет Авраама), его «домочадец», дружинник, который должен приходить «на помощь» Яхве (Суд. 5, 23), вести под водительством Яхве его, Яхве, войны (Чис. 21, 14 упоминает утраченную книгу войн Яхве); как отступник и противоборник «завета» и «царства Божия» человек есть антагонист Яхве. Наконец, община в целом оказывается перед лицом Яхве его «супругой» (напр., Иерем., 1, 2; 3, 1—20; Иезек. 16, 3—63) — поклонение иным

богам постоянно обозначается у пророков как нарушение брачной верности. Так, мотив священного брака, обычно стоящий в центре мифологии природы, имеющий горизонтальную структуру (бог — богиня), в иудаистической мифологии перемещен в центр мифологии священной истории и получает вертикальную структуру (Бог — люди), вся энергия, изливавшаяся в акте оплодотворения весеннего расцвета, направляется теперь на совокупность священного народа, как благословение любви и ярость ревности. Поэтому Яхве при всей своей грозной внемирности или, вернее, именно благодаря ей гораздо ближе к человеку, чем антропоморфные боги древнегреческой мифологии. Он ревниво и настойчиво требует от человека именно любви (ср., например Ис. Нав. 22, 5). У Яхве в конце концов только одна цель, единственная, как он сам: найти человека в послушании и преданности себе. Полновластного обладания «небесами и землей» ему недостаточно. Только в людях Яхве может «прославиться». В мидраше на Пс. 122/123 библейские тексты истолкованы следующим образом: «Вы Мои свидетели, — говорит Яхве, — и Я Бог» (Ис. 43, 12), т. е., если вы Мои свидетели, Я Бог, а если вы не Мои свидетели, Я как бы не Бог». К Тебе я поднимаю глаза, о Ты, восседающий на небесах» (Пс. 122/123, 1); это означает, что если бы я не поднимал глаз, Ты не восседал бы на небесах. Чтобы иметь «свидетелей», Яхве избирает Себе отдельных избранников и целый народ, причем избирает их по свободному произволению. В других системах отношения между народом и его богом не таковы: Мардук — за вавилонян, Амон — за жителей Фив и вообще за египтян, Афина — за афинян и вообще за греков, все они — против чужаков, но не потому, что они избрали свои народы, а в силу некой естественной принадлежности.

Из этого ощущения, свободы и космической важности выбора Богом

человека, принимающего «завет», вытекает мистический историзм этой мифологии. Так, в книге Бытия многократно повторяются благословения и обещания, даваемые Яхве Аврааму и его потомкам, в силу чего возникает образ неуклонно растущей суммы божественных гарантий будущего блага. Эта идея поступательного движения и соединяет разрозненные повествования разновременных книг библейского канона в единый религиозно-исторический эпос. В Библии господствует длящийся ритм исторического движения, которое не может замкнуться и каждое звено которого (например, новеллы об Иосифе или о Руфи) получает свой окончательный смысл лишь по связи со всеми остальными. Со временем этот мистический историзм выступает все отчетливее и сознательнее; кульминации историзм достигает в пророческих и особенно апокалиптических текстах.

Таковы центральные темы, заданные уже в Ветхом завете и составившие основу религиозно-мифологических представлений иудаизма. Они дополнялись иными темами и мотивами, чуть намеченными или вообще отсутствующими в Библии, но развивавшимися в послебиблейские эпохи. Разработка этой топики была тройкой: в раввинистической учености Талмуда и мидрашей, в полуортодоксальной и внеортодоксальной мистической среде и, наконец, в народных поверьях. Именно здесь, на периферии, принципиальная «антимифологичность», отмечающая иудаистическую мифологию в центре (эта мифология по отношению к «классическим» образцам мифов знаменует начало процесса демифологизации), уравнивается большим простором для мифотворчества в собственном смысле.

Потусторонности, запредельности Бога, провозглашенной иудаизмом, на периферии противопоставляется его «посюстороннее» присутствие, не только материализующееся, но и отделяющееся от него самого, а

потому становящееся возможным объектом теургических или просто магических операций. Это присутствие — Шехина, превращающаяся у каббалистов в женскую ипостась самого Яхве, разлученную с ним в космической муке изгнания и имеющую воссоединиться с ним в эсхатологическом событии избавления (гностико-манихейский мотив, наложенный на психологию средневековой еврейской диаспоры). Это «заповедное имя» Яхве — необыкновенно популярный и устойчивый мотив иудаистической мифологии, благодаря которому в средневековье и позднее прослеживаются архаичные представления (выявленные, например, в египетской мифологии) о том, что знание имени божества дает магическую власть над божеством. «Заповедное имя» иногда отождествлялось с тетраграматоном, т. е. табуированным именем «Яхве», звучание которого было забыто; его представляли себе и как иное, совершенно неведомое речение. Овладев именем, можно овладеть прерогативой Бога — способностью созидать живое: так, в легендах о големе «заповедное имя», начертанное на лбу глиняного истукана, животворит его, как Яхве оживил некогда созданного из глины Адама. «Чудотворец», т. е. наполовину святой, наполовину мастер белой магии особого рода, каким его рисуют многочисленные рассказы о каббалистах и о хасидских цадиках, назывался «балшем», т. е. «хозяин имени» (ср. прозвище Бешта, основателя хасидизма, XVIII в.).

Эта линия прослеживается на протяжении тысячелетий: магические действия с именем Бога запрещены еще в ветхозаветной книге Исхода (20, 7), но они расцвели пышным цветом на исходе античности и не переставали стоять в центре народных поверий в средние века и позднее. Ибо мифологема имени служила тому, чтобы впустить через потайной ход изгнанные языческие представления о возможности для смертного

получить власть над Богом. К этому же ряду относится понятие «славы Божьей», т. е. самообнаружения, самораскрытия сокровенного Бога. Отправную точку для размышлений и фантазий на эту тему искали в начале книги Иезекииля (меркава, т. е. престол-колесница Яхве, описанная в этом библейском тексте, стала излюбленным символом таинственного мира «славы»). Мифологическое воображение стремилось выделить и классифицировать различные уровни, сферы или духовные пространства «славы». Мистическая литература поздней античности и раннего средневековья любит образ небесного дворца или конгломерата семи дворцов с бесконечными переходами от одних залов или покоев (хехалот) к другим; каждый раз на пороге стоит стража, строго проверяющая достоинство пропускаемого. Все чувственные черты этой мифологемы явно навеяны придворным бытом сасанидского Ирана, Византии, Халифата и т. п. Другой способ классификации — выделение десяти сефирот; оно было особенно характерно для каббалы, но еще ранее, в трактате «Сефер йецира» («Книга творения», между III и VI вв.) было соединено с доктриной о космическом смысле 22 букв еврейского алфавита: 10 + 22 дают «32 сокровенных пути премудрости», из которых Яхве построил все сущее. Мистика букв, каждой из которых придан тройкий смысл — в мире людей, в мире звезд и планет, в ритме времен года, специфична для иудаистической мифологии, дающей Торе именно как книге, как написанному тексту ранг космической парадигмы. Обособление ступеней «славы», таким образом, переходит в космологию, детализируемую впервые именно в послебиблейских текстах. Так, представлению о семи дворцах небес, рисуящему мистический маршрут души, восходящей к Богу, отвечает более материальное представление о семи небесах, каждое из которых имеет фиксированную функцию в

«хозяйстве» Яхве (например, Вилон — поднимающийся и опускающийся над солнцем «занавес», Ракиа — «твердь», к которой прикреплено солнце, Маком — «вместилище», т. е. кладовая града и дождя, снега и тумана, и т. п.). На седьмом небе дожидаются своего воплощения души нерожденных. Идея предсуществования человеческих душ, соединяющихся с телом в момент зачатия или после него, не только не чужда послебиблейской иудаистической мифологии, но и дополняется у мистиков представлениями о перевоплощениях душ.

Эта мифология в своей ветхозаветной стадии проявляла необычное отсутствие интереса к индивидуальной эсхатологии: загробная участь представлялась как полунебытие в шеоле, без радостей и без острых мучений (ср. Аид у Гомера), в окончательной отлученности от Бога (например, Пс. 6, 6; 87/88, 11). В эллинистическую эпоху в иудаистическую мифологию входит представление (долго еще вызывавшее споры в кругах иудейских теологов разного толка) о воскресении мертвых и суде над ними, когда праведные будут приняты в царство мессии, а грешные отвергнуты. Здесь, однако, речь еще шла не о загробной жизни в узком смысле, т. е. не о рае или аде для отрешенной от тела души, но о преображении всего мира, входящего в свое новое состояние, и о блаженстве или гибели для души, воссоединившейся со своим телом. Именно эти чаяния, в которых индивидуальная эсхатология была соединена с космической эсхатологией и строго подчинена ей, были восприняты ранним христианством. Детализация системы наказаний в аду, совершенно чуждая Библии и не так уж далеко зашедшая в талмудическо-мидрашистской литературе, доведена до предела лишь на исходе средневековья («Розга наставления»). Следует отметить послебиблейскую разработку образа мессии и картин мессианского времени. В средние века еще острее, чем во времена «вавилон-

ского пленения», понятие «изгнания», преодолеваемого в эсхатологической перспективе, становится центральной религиозно-мировоззренческой категорией. С талмудических времен циркулируют слухи о локализуемой то там, то здесь праведной стране, в которой на берегах реки Симбатюн в независимости и древней чистоте веры и обычая живут потомки «колен Израилевых» (кроме колен Иуды и Вениамина, от которых, как предполагалось, только и происходят евреи диаспоры); в контексте иудаистической мифологии подобные представления выступали как антитеза «изгнания» и как предвосхищение мессианского времени. Сюда же относится мифологизация образов Палестины и Иерусалима, представляющихся земными эквивалентами и соответствиями горного мира «славы».

Персонифицируется «слава» в ангелах. Детализация учения об ангелах (их имена, отчасти используемые в магических целях, например, на амулетах, субстанция света или огненной, вихревой и водной стихии, из которой они сотворены, и т. п.) тоже разрабатывается именно послебиблейской стадией иудаизма. Талмуд описывает могущество ангелов, но предостерегает от смешения их с самим Яхве. Ангелам противостоят смутные образы демонологических суеверий — Асмодей, Лилит и другие женские демоны, подобно ей соблазнительные для мужчин и губительные для рожен и младенцев, как Аграт Бат-Махлат, Наама и т. п. (ср. в той же роли Ламию греческой мифологии). Представления иудаистической мифологии об ангелах и демонах в наибольшей степени сопоставимы с образами зороастрийской мифологии: семь архангелов — с семью амеша спента, сатана — с Ангро-Майнью и т. д. Раввинистическая традиция довольно холодно относилась к рассказам об этих существах, но в быту страх перед ними играл большую роль: так, от 17 таммуза до 9 аба по еврейскому календарю следовало остерегаться встречи

с Кететом Мерири — демоном с головой теленка, с вращающимися рогами и единственным глазом в груди.

Мистическая литература, испытывавшая влияние иранской и особенно гностической мифологии, а также греческой идеалистической философии (пифагореизма, платонизма, неоплатонизма) и внеконфессионального «тайноведения» (астрологии, алхимии, физиогномики, наукообразной магии) и находившаяся в тесных отношениях с апокалиптикой, была подозрительной для ревнителей ортодоксии, но она определяла представления, фольклорные мотивы, бытовые поверья, философскую мысль носителей иудаистической традиции на многие века, возрождаясь в каббале и близких направлениях иудаизма.

* * *

Учение **каббалы** (др.-евр. «полученное по преданию»), не только сыгравшее огромную роль в дальнейшем развитии мифологии иудаизма, но и оказавшее известное влияние и на европейскую (шире — средиземноморскую) культуру в целом, явилось одним из важнейших и своеобразнейших позднейших ответвлений иудаистической мифологии. Каббалистические идеи окрасили мировоззрение гуманистов Возрождения, Парацельса и Якова Бёме (через последнего повлияв на немецких романтиков и на немецкую философию классического идеализма), отчасти Спинозы и Лейбница, Гёте и Блейка. Огромное влияние эти идеи оказали на европейские мифологизирующие системы оккультизма, масонства, в России — на ереси жидовствующих и т. п.

Каббала развивает, с добавлением многообразных элементов неоплатонизма и гностицизма, заимствуемых из средневековой европейской и арабской философии и частично разброшенных в Талмуде, более ранние направления иудейской мистики, сохранявшиеся в «устном предании», позже перешедшем в учение «тайной

мудрости». Важнейшим памятником этой традиции, подвергавшейся на протяжении веков влиянию различных соседствующих мифологических и религиозных систем, является Сефер Йецира («Книга творения», ок. VII в.), ставшая впоследствии краеугольным камнем каббалы. В ней мы уже встречаемся с философской идеей эманации, отнесенной к Богу на основании учения о сефирот — о творческих силах, исходящих от Божества, и о 22 буквах еврейского алфавита, наделенных космической символикой.

В основе эзотерического учения каббалы лежит утверждение непостижимости Бога, лишённого всяких конкретных атрибутов, кроме бесконечности, и именуемого «Эн-соф» (др.-евр. «бесконечное»). Трансцендентный Бог, как Бесконечное, не может, не ограничивая себя и не изменяя себе, непосредственно создавать конечный мир с его испорченностью и тленностью, поэтому между Эн-соф и сотворенным миром устанавливаются десять посредствующих творческих сил, или сефирот, первая из которых происходит непосредственно от Бога путем эманации и творит вторую, вторая третью и т. д. Эти десять сефирот, подобных Богу, но не равных ему по сущности, обладают наряду с признаком бесконечности также признаками конечности и материальности. Они распадаются на три триады, служащие посредствующими звеньями между Эн-соф и видимым миром. До сотворения мира Бог, будучи непознаваемым, как бы не существовал, явившись в акте творения через субстанции сефирот, из которых проистекает чувственный мир. Так разрешает каббалистическая космология парадокс трансцендентности Эн-соф и его единства с миром.

Важнейший этап в формировании каббалистической мифологии составила книга «Зогар» (др.-евр. «сияние»), написанная в Кастилии в конце XIII в. Книга эта, на протяжении последующих веков игравшая

роль священного писания каббалистов, исходит из принципа аллегорического истолкования Торы, представляя собой мистический комментарий к Библии в форме небесных видений и откровений, якобы записанных со слов жившего во II в. н. э. в Палестине знаменитого рабби Симона бен-Иохай, когда он скрывался от римлян в пещере, и в течение тысячелетия уберегавшихся от непосвященных. Хотя в основе «Зогара» лежат, по-видимому, фрагменты более древних сочинений палестино-вавилонских мистиков, книга эта является искусным псевдографом, составляющим продукт коллективной работы неизвестных мистиков прежних веков и каббалистов XIII в. Симон бен-Иохай представлен в ней в ореоле второго Моисея, получающего откровение от запредельного ангела Метатрона и вещающего в кругу избранных о тайнах неба, земли и человеческой души, разъясняемых им на основании текста Торы, причем толкования эти отличаются крайней расплывчатостью. «Зогар» дал толчок аллегоризированию в толковании Писания, при котором Авраам и Сарра начинают обозначать материю и форму вещей, фараон — дурное воление, Египет — тело, страна Гошен — сердце, Моисей — Божественный дух и т. п. Согласно «Зогару» законы Торы следует рассматривать как части и члены высшего мира; они распадаются на тайны мужского и женского порядка (позитивные и негативные), и только при схождении обеих частей возможно высшее единство. С другой стороны, единство Бога нарушено рассеянием Израиля: Бог станет вновь единым лишь тогда, когда женская ипостась Бога, Матрона, сблизится со Священным Царем, чему на земле должно соответствовать соединение народа с Мессией на обетованной земле.

Мифологизирующая систематизация космоса фиксируется в «Зогаре» с помощью характерной мифологической терминологии для именования

Бога и высших духовных субстанций в их совокупности и частных проявлениях, например: «святой старец», «отец», «мать», «первый человек», «невеста», «матрона», «белая голова», «высшее небо», «высшая земля», «длинный и короткий лик», «лилия» и многое другое. Сложная мифологическая система «Зогара» основана на вышеупомянутом учении об эманациях сефирот. Здесь уже намечена развитая позже теория градации миров: мир излучения, или эманации, обнаруживает себя в трех происходящих из него мирах — мире творения, мире формообразования и мире делания, между которыми протянуты невидимые нити, так что действия людей на низшей ступени «делания» находят отзвук на высшей ступени «творения» (отсюда, как будет показано ниже, намечается переход к позднейшей практической каббале). Другие, хотя и второстепенные, аспекты зогарической мифологии во многом определили иудаистическое мирозерцание последующих веков, придавая ему, вопреки оптимистическому характеру ранней каббалы, отрицающему самостоятельное существование Зла (зло — кажущаяся оборотная сторона добра), колорит экзальтированности и аскетически окрашенной мистической напряженности, вообще характерной для мироощущения позднего средневековья. Речь идет о первоначально не присущих каббалистической мифологии элементах дуализма, заимствованных, по-видимому, из сопрокосновения с гностическими и неоманихейскими верованиями. Согласно зогарической мифологии, душа человека находится не только под влиянием творческих сил, чистых божественных сефирот: под царством светлых духов помещается темное царство злых духов, демонов, разрушительных сил, увлекающих душу человека в свои сети. Первое царство относится ко второму как лицевая сторона к оборотной, как ядро к скорлупе. Царство демонов во главе с древним Змием Самаэлем

имеет свои десять ступеней или негативных сефирот (миров пустоты), откуда в душу человека идет все греховное. Любое нарушение религиозного закона предаст человека во власть демонов; напротив, его соблюдение приводит его душу в связь с чистыми творческими силами, с которыми она должна вступить в брак, в чем и заключается главное назначение Торы. С этим же связано весьма далеко от библейской мифологии ушедшее учение о душе и о загробной жизни как о метампсихозе (переселении душ). По окончании земной жизни человека душа, сохранившая свою чистоту и достигшая полного развития всех своих задатков, поднимается в царство вечных духов, душа же, оскверненная грехами, переселяется в тело другого новорожденного или даже в животное и пребывает в земной оболочке до тех пор, пока не искупит своих грехов и не очистится. «Зогар» в причудливых фантастических картинах описывает наготу души, рай и ад, часто останавливается на мрачных сторонах жизни и всевозможных порочных ее аспектах. Позже к этому было добавлено вполне гностическое по своему духу учение о том, что после грехопадения Адама и Евы в мире образовалась смесь добра и зла, из которых первое воплощено в Адаме, а второе — в Каине, и цель человеческой жизни состоит в том, чтобы подвигами веры и совершенствованием души извлечь, собрать и вознести к Первоисточнику заключенные во мраке зла «божественные искры». Более того, некоторые позднейшие каббалистические теории стали выводить испорченность мира из чрезмерного разлития в нем Божественного начала: так как мир не мог вместить всю полноту последнего, вследствие этого возник беспорядок, доброе и зло перемешались между собой и зло взяло верх над добром. Лишь по очищении сотворенных душ явится Мессия, который один и может утвердить идеальный мир совершенства, какого не мог построить

сам Бог и где все материальное будет одухотворено и вознесено до Первопричины. В «Зогаре» разбросаны намеки, предсказывающие наступление в ближайшие века «мессианских чудес», которым должны предшествовать всевозможные потрясения «мессианских мук», — крушение царств и народов, торжество Израиля, возвращение его в Святую Землю и, наконец, чудо воскресения из мертвых.

Именно эсхатологическими и мессианскими ожиданиями стимулируется дальнейшее развитие каббалистической мифологии в русле так называемой практической каббалы. Поскольку Эн-Соф создал видимый мир не непосредственно, а при помощи сефирот, то все существа и объекты нижнего мира имеют свои прообразы в высшем; таким образом, ничто на земле не маловажно, все имеет свое более или менее высокое значение. Вселенная уподобляется гигантской висячей цепи, движения нижнего, волочащегося по земле звена которой отзываются на верхних звеньях, или дереву, чьи корни образуют духовный мир сефирот. Существование нитей между различными мирами, высшими и низшими, позволяет воздействовать на ту или иную из сефирот. Человеческая душа, будучи обитательницей высшего мира, находится в связи со всеми сефирот и может воздействовать на них и на самое Божество. Более того, прообраз совершенного человека (Адам кадмон), являющийся суммой всех десяти сефирот и абсолютной идеей бытия, отражение которого он представляет в миниатюре, занимает центральную роль в мироздании и призван в нем играть исключительную роль. Человек не пассивно воспринимает Божью благодать, но сам влияет на высшие сферы и вместе с ними на весь мир; каждый добрый поступок действует как «возбуждение снизу», вызывающее в высших сферах соответствующее «возбуждение сверху», которое влияет на излияние света из Эн-Соф в сефирот (по каббалисти-

ческому выражению: «богослужение — потребность высших сфер»). Каждое слово молитвы и даже самое исполнение предписаний Торы как Божественных законов производит определенные колебания в высших мирах, тогда как греховные действия — в низших. Постепенно преобладание получает магическая сторона практической каббалы — ее своеобразное «филологическое» ответвление, основанное, во-первых, на разложении слов Священного Писания, в особенности имен Бога, на буквы как символы космических явлений, принимаемые как самостоятельные понятия; во-вторых, на различных методах перестановки и сочетания букв и частей слов, дающих возможность составлять новые слова, включая рассмотрение слов как аббревиатур выражений и целых фраз; наконец, на использовании числовых значений букв слова с заменой его словом с эквивалентным числовым значением (например, имен Авраам, Разиил и Захария со значением 248). Такие операции со священными буквами священного текста обладали, согласно adeptам практической каббалы, силой непосредственного влияния на мир сефирот с их буквенными обозначениями, а также на ускорение тех мировых процессов, которые необходимо завершить до пришествия Мессии, сроки которого вычислялись сходными же методами.

В эту эпоху элементы каббалистической мифологии получают широкое распространение в народе, выражаясь в близкие к шаманистическим поверья о том, что человек каждым своим действием, словом и движением создает ангела или дьявола. Путем заклинаний и магических формул, надписываемых, в частности, на амулетах, можно изгонять дьяволов и можно принудить приходить на помощь поражающих их ангелов. Воздействием нечистой силы объясняются болезни и несчастья, для избавления от которых следует путем тех же нашептываний, заговоров и

талисманов изгнать соответствующих духов. В отличие от светлого взгляда ранней каббалы, видевшей в космосе чистую игру духовных сил, мир, с точки зрения каббалы XVI в., превращается в обиталище демонов, с которыми необходимо вести неустанную борьбу. Знаково-символическое отношение к миру, вообще характерное для каббалы как мифологизирующей системы с установкой на глобальную мифологизацию (от физиогномики Зогира, символически истолковывающей черты лица человека, и до вышеупомянутых методов толкования Священного писания), теперь доходит до предела. Весь мир, все человеческие поступки начинают рассматриваться как знаки, полные сокровенного смысла. Символически объясняются части тела человека, вообще всякий объект и всякое действие (десять пальцев — десять сефирот, сердце — олицетворение Святой святых, акт еды (принимающий пищу — священнослужитель, трапеза — жертва, стол — жертвенник, пост — освятительная жертва самого человека). Все большую роль приобретает мессианско-аскетический элемент каббалистического учения, отвлеченно-космогонические его элементы отступают перед мистическо-мессианскими чаяниями искупления и эсхатологического конца, получающими разрешение в саббатизме и происшедшем из него франкианстве.

Саббатизм выросло из приложения, в русле каббалистических идей, одной из центральных мифологем иудаизма, а именно мессианской, к личности экзальтированного мистика Саббата Цви (1626—1676), каббалиста из Смирны. Формирование и развертывание саббатизма мифа характеризуются стремительными, столь характерными для новейших мифологизирующих систем, модификациями.

Характерным образом в восточной каббалистической школе мотивы личной святости переходили в мессианские: считалось, что с помощью нрав-

ственной чистоты, аскетизма и каббалистических упражнений можно достичь святости, заключающейся в высвобождении чистого — из мира нечистого, божественных искр, заложенных во все существующее, от власти сил зла, и достигающей высшей меры в воплощении Мессии, вслед за чем последует возвращение Израиля на Обетованную землю. Мессианские настроения, вообще развитые в иудаизме XVI—XVII в., поддерживались, кроме того, каббалистическими вычислениями, при помощи которых на протяжении этого времени пришествие Мессии неоднократно предсказывалось и даже магически «вызывалось». Под влиянием этих и подобных чаяний Саббата приходит к убеждению, что он и есть Мессия, каковым провозглашает себя сначала в кругу учеников, затем публично путем серии символических действий. Первым из этих действий было провозглашение в синагоге, после семикратных ударов по кивоту Завета, произносимого четырехбуквенного имени Бога (тетраграммы) — прерогативы одного лишь первосвященника в праздник Йом-Кипур в эпоху иерусалимского храма. Вынужденный после этого покинуть Смирну, Саббата прибыл в Салоники, где устроил свадебный пир и пошел под венец со свитком Торы в руках, символизируя этим мистический союз Торы — дочери неба — с Мессией, сыном Эн-Софа.

Дальнейшая программа Саббата заключалась в низвержении турецкого султана и воцарении его самого в качестве Священного царя в Палестине, бывшей тогда турецким пашалыком, куда он должен был привести колена Израильские, после чего Бог спустится к нему с неба на колеснице и начнется воскресение мертвых. Усиливалась волна истерической экзальтации и массового психоза, сопровождающаяся невероятными самоистязаниями. Люди не спали ночей, чтобы с помощью каббалистических заклинаний в полуночный час смы-

вать совершенные грехи, зарываясь в землю, купаясь в ледяной воде, а после очищения предавались оргиастическому ликованию. Повсюду, включая Европу, появлялись пророки, возвещавшие о пришествии Мессии в лице Саббатай Цеви и скором восстановлении храма.

По достижении апокалиптического 1666 г. Саббатай с целью свергнуть султана и стать палестинским царем отправляется в Константинополь, предварительно разделив мир на 26 частей, розданных им его приближенным. Популярность его достигает апогея. Повсюду люди продают дома и имущество и готовятся к переселению в Палестину, причем многие верят, что Мессия перенесет их на облаке в Иерусалим. Там его, однако, немедленно арестовывают и заключают в крепость. Это еще не подрывает веры в него — мифология саббатизма с мобильностью, свойственной новейшим мифологизирующим системам, мгновенно приспосабливается к новым обстоятельствам. Вожди движения объясняют случившееся недостаточной мерой народного покаяния. Тем временем, однако, приближается крах. Султан, признав Саббатай самозванцем, присуждает его к смертной казни, тот спасает свою жизнь, приняв мусульманство.

История саббатизма как самовосстанавливающейся мифологизирующей системы на этом, однако, не кончается. Распространяются слухи, что не Саббатай принял мусульманство, а «тень его», сам же он вознесся на небо, а также различные объяснения непостижимого тайного смысла его отступничества. Так, Саббатай якобы принял мусульманство, чтобы освободить божественные искры, тлеющие под покровом нечистоты в душах мусульман, происходящих от Исмаила, сына Авраама. Подлаживаясь под меняющиеся условия, саббатизм мифологизирующее сознание мгновенно превращает «Мессию торжествующего» в «Мессию отвер-

женного», к нему применяется толкуемое обычно в христологическом смысле пророчество Исая о страждущем Мессии (Ис. 53,8). Саббатизм проповедуют вслед за мифом о сорокалетнем блуждании евреев по Синайской пустыне воскресение его через сорок лет, когда он явится снова и закончит начатое им дело. Исходя из формулы «по наружности грешник, в душе праведник», саббатизм в Смирне исповедует парадоксальную доктрину, что грехи мира могут быть искуплены только высшей ступенью внешней греховности, и чем грязнее тело, тем чище душа; согласно этой доктрине Саббатай достиг единения с Богом только тогда, когда окунулся в ритуальную нечистоту ислама. Опираясь на старую каббалистическую идею о необходимости «скорлупы» (в данном случае — ислама) для сохранения «ядра» (т. е. саббатизма), члены этой группы сами принимают ислам, положив начало дожившей в законсервированном виде до начала XX в. мусульманско-саббатизмской религиозной общине денме (тур. «отступники») с ее основным догматом «Нет Бога, кроме Бога, и Саббатай Цеви пророк его» и характерной эротико-мистической обрядностью. Праздники денмехов приурочены к памятным дням из жизни Саббатай — его рождения, обрезания, появления в роли Мессии и т. д.

Другая ветвь саббатизмской мифологии, постепенно отошедшая в своем развитии от личности Саббатай, утвердилась в Польше, где его история интерпретировалась в свете более широких философско-каббалистических умозрений; развиваясь от политико-мистического мессианства к чисто мистическому, эта ветвь достигает завершения в XVIII в. во **франкианстве**. Мифология эта, будучи продолжением саббатизма, в то же время завершила собой ряд тенденций иудаистической мифологии, связанных с мистическим мессианством и практической каббалой.

Авантюрная история ее основателя

Якова Франка (имя, даваемое на Востоке выходцам из Европы), прозванного еврейским Калиостро, во многом напоминает жизнь самого Саббата. Уроженец Галиции и сын саббатянина, Франк юношей попадает в Смирну, где знакомится с каббалой и принимает саббатянианское посвящение. Франк задумывает встать во главе общины денме, для чего принимает мусульманство и проповедует доктрину о последовательном воплощении души Мессии как элемента Божественного духа в царе Давиде, Иисусе, Магомете, Саббатае Цеве и его приемниках, наконец — в нем самом. В дальнейшем Франк обращается к другому бывшему оплоту саббатянианства — Польше, где развивает постсаббатянианскую концепцию «трех узлов веры», добавляющую к двум Божественным ипостасям классической каббалы — трансцендентной (Эн-Соф) и посредствующей, в лице Святого отца или Святого царя, между миром и человеком — женское начало Божества Шехину (др.-евр. «Славу Божию»).

Развивая эту концепцию, Франк учил, что преданность Мессии, воплощающему в себе эту вторую ипостась Бога, рождает гармонию между мужской и женской его ипостасями. Именно на таком отвлеченном истолковании мессианства и строит Франк свою доктрину, упразднив его исконную национальную интерпретацию и сведя его к формуле «Мессия никогда не придет, и Иерусалим во веки не возродится». Из традиции турецкого саббатянианства денме заимствовано было оргиастическое начало — на том основании, что страсти, являющиеся искрами Божьими, в интересах достижения той же гармонии нуждаются в выходе, в чем им препятствуют талмудические установления; устраивались мистерии, в которых Шехина, или божественная Матрона (Матронита), выступала в облике молодой женщины, вокруг которой танцевали, доводя себя плясками и эротическими движениями до экста-

тического состояния, мужчины. Франкианцы объявили войну Талмуду, шире — аскетическому раввинскому законодательству и вообще ортодоксальному иудаизму. По словам Франка, он «пришел избавить мир от всяких законов, до того существовавших». Подобно тому как Саббатай Цеве принял ислам для искупления грешных душ мусульман — потомков Исмаила, так и Франк с последователями переменили религию ради спасения христиан, по раввинскому мифу — детей Исава. После этого франкианская религия стала называться эдомитской — по второму имени Исава, мифического родоначальника эдомитов (от корня со значением «красный»). Ритуальным цветом эдомитов стал красный, Франк выезжал в пышных платьях красного цвета, а свои послания, насыщенные библейской символикой, писал красными чернилами.

Франкианская мифология характеризуется сочетанием христианской формы с теми же расплывчатыми доктринами каббалистического мессианизма. От слегка модифицированного учения о «трех узлах веры» — ипостасях Божества, определяемых как святой Старец, святой Царь и святая Владычица, перекинут был мост к догмату Троицы, а от утверждения божественности природы души Мессии, в котором воплощается второе, царственное лицо триады, — к догмату Богочеловека. Как всегда, к новой вере приспособлены были многие частные мифы классического иудаизма и разнообразные мифологические архетипы. Так, Франк беседовал с пророком Илией, был приведен в Польшу ангелом, мог творить чудеса, воскрешал мертвых, видел вещие сны, предвидел будущее и т. п. На основе каббалистической символики формировалась и новая обрядность.

Новая религия была, однако, признана польской католической церковью еретической, а сам Франк на тринадцать лет заключен в Ченстоховскую крепость. Как и в случае с

Саббатаем Цеви, мифологизирующее сознание приверженцев Франка не замедлило превратить его в Мессию страждущего. После раздела Польши Франк был освобожден русскими войсками, причем распространялся миф о том, что он некто иной, как император Петр III, а его дочь Ева будто бы приходится дочерью императрице Елизавете Петровне. После смерти самого Франка в 1791 г. франкианская традиция, с одним из ее центров в Праге, просуществовала до начала XIX в., причем новые adeпты получали специальную подготовку, заключающуюся, помимо изучения Библии, «Зогара» и каббалы, в усвоении эзотерического знания — «тайной науки», основанной на сновидениях и пророчествах. Так прослеживается путь саббатинской мифологии от ортодоксального в своих истоках аскетического мессианизма Саббата Цеви до вырождения в выхолащенные каббалистические догматы и оргиастические проявления под покровом мусульманской или католической формы.

Если франкианство явилось формой вырождения саббатинской мифологии, то некоторые аспекты последней получили, напротив, развитие в качественно новом, сформировавшемся параллельно с франкианством движении, распространившемся под именем **хасидизма** (др.-евр. *хасид* — «благочестивый»). Среди этих аспектов, усвоенных хасидизмом, надо назвать ту же антиталмудическую и антиобрядовую установку, элементы мессианизма и практической каббалы, лишенной, однако, того мрачного демонического колорита, какой каббалистическая мифология приобрела в позднейшую эпоху. В целом же хасидизм явился скорее реакцией против разрушительного характера саббатинства и порожденного им франкианства, противопоставив им оптимистическую доктрину усовершенствования личности и ее слияния с Богом при помощи горячей молитвы и только таким путем

ускорения грядущего пришествия Мессии.

Новое «учение благочестия», охватившее к концу XIX в. до половины всего еврейского населения Восточной Европы, противопоставляло себя одновременно раввинской ортодоксии, саббатинскому мессианизму и каббалистической премудрости, вырождавшейся в представления о полчищах демонов, на каждом шагу подстерегающих душу человека, о муках загробной жизни, переселении душ, заклинании духов и таинственных сочетаниях букв. На смену мрачному колориту изживающей себя каббалистической мифологии выступило проникнутое радостью мировоззрение хасидизма, проповедником которого выступил в 30-е годы XVIII в. рабби Израиль из Медзибожа (ок. 1700—1760) по прозвищу Баал-шем-тов, сокращенно Бешт (буквально «добрый хозяин имени» или «добрый волшебник» — так называли народных лекарей, торговавших амулетами, состоявшими преимущественно из начертаний священных имен и магических символов). Хасидские мифы наделяют Бешта многими чертами сказочного героя. От роли лекаря, целителя телесных недугов, он незаметно переходит к роли вероучителя, находящего путь к сердцу простых людей и завоевывающего в народе огромную популярность как «Божий человек», обладающий даром пророчаний и чудесных знамений. Бешт учил, что истинное спасение — не в талмудической учености, а в сердечной привязанности к Богу. В отличие от постсаббатинской мифологии с ее догматом трансцендентного Бога-первопричины в основе хасидизма лежит религиозный пантеизм — идея всебожия или вездесущности Божества, а также утверждение постоянного взаимодействия между человеком и Богом. Вопреки учению каббалы, мир, согласно хасидизму, есть не эманация Бога, а лишь его проявление. Знаменитая хасидская притча утверждает, что, подобно тому как складка

платья состоит из самого платья и находится в платье, так и мир есть Бог и в Боге пребывает. Хасидская концепция мира, непрерывно создаваемого Богом и не имеющего собственной реальности, но являющегося своего рода миражом, находит широкие параллели от мифологии майя в индуизме до философии Платона. Постигнув истину, мудрец, не привязанный более к мирскому, стремится к слиянию только с Единой и Вечной субстанцией. Божество же присутствует как в праведнике, так и в грешнике. Отсюда необходимость любви к каждому человеку и радикальный оптимизм хасидов вплоть до их бытового жизнеутверждающего веселья, чуждавшего всякого аскетизма. Хасидизм утверждает необходимость познания человеком себя самого в качестве проявления Божества и слияния с Ним, достигаемого не путем изучения закона и каббалы, а с помощью восторженной молитвы, идущей прямо из сердца. Молитва, согласно Бешту, есть род брачного союза между человеком и Шехиной и должна совершаться в состоянии особого экстатического возбуждения, стимулируемого выкриками, резкими телодвижениями и т. п., культивируемыми во многих культах (например, у русских молокан-прыгунов, североамериканских трясун и многих других), причем в хасидской интерпретации такими движениями человек «отряхивается от нечистой силы», «стряхивает с себя все земное». Шире — молитвенное отношение должно окрашивать всю жизнь человека, который должен жить таким образом, чтобы земные его дела превращались в божественные. Высшим назначением человека, по хасидизму, является обожение материального мира, или, по знакомой нам каббалистической терминологии, отыскание в материальных предметах «божественных искр». Всякое слово и всякое действие, по теории практической каббалы, порождает добро или зло как в

низших, так и в высших мирах, куда оно передается как бы по канату, связывающему человеческую душу, которая объединяет все сущее в мир, с миром горним. С другой стороны, посредством сокровенных «каналов» нисходит в мир Божья благодать, причем посредником, своего рода «трубой» служит цадик (др.-евр. «праведник»), достигающий единения с Богом в момент экстаза.

Цадик — и здесь мы снова встречаемся с вырожденным мотивом саббатанства — быстро вырастает в фигуру огромного значения в хасидизме, рассматриваемую уже не просто как духовный руководитель, но как воплощение Божественного совершенства на земле. Почитание цадика вырождается в безудержное суеверное поклонение, стимулируемое доктриной о двоякой милости Бога, оказываемой Им миру, во-первых, ради Себя; во-вторых, благодаря представительству праведников, причем дело доходит до присвоения некоторыми цадиками свойства абсолютной непогрешимости.

Предпосылки цадикизма коренятся в самой личности Бешта, вокруг которого формировались различные мифы, например, о том, что когда все души были еще внутри души Адама, то в час, когда тот подвергался искушению, душа Баал-Шема вышла из него и не ела запретного плода и таким образом избежала грехопадения. Уместно упомянуть, что, по утверждению Бешта, к нему являлся с просьбой об искуплении дух Саббатая Цеви, чья Божественная искра, как объяснил Бешт, пленена духом зла — Самаэлем.

Хасидская мифология, помимо вышеизложенных вкратце содержательных основ, зафиксирована в огромном количестве легенд о цадиках, составивших значительный корпус хасидской литературы, наиболее известная выборка из которой принадлежит Мартину Буберу.

Мандеизм

Сабейская, или мандейская, мифология (от названия сабиев — от семитского корня со значением «погружаться», или мандеев — от арамейск. «знание») — синкретическая мифология гностического толка, носителями которой являются названные сабии, или мандеи, проживающие преимущественно в Ираке, а также в Иране, числом до 15 тысяч человек, говорящие на выходящем из употребления мандейском диалекте арамейского языка. Их также называют назореями, хотя в строгом смысле слова это наименование охватывает религиозных наставников, составляющих высшую духовную касту в строгом теократическом обществе сабиев; наконец, в Европе начиная с XVII в. они известны под именем «крестильников», «иоаннитов» или «христиан св. Иоанна», т. е. Иоанна Крестителя (по роли последнего в их мифологии, а также крещения путем погружения в воду в их обрядности), хотя христианами они отнюдь не являются. Возможно, они ведут свое происхождение от воспринявшей гностическое учение иудейской секты назореев. Мандейские тексты, древнейшие из которых восходят к III в. н. э., написаны письменностью, близкой к пальмирской; их язык изобилует сложными символами, метафорами и персонификациями отвлеченных идей и понятий. Важнейшими священными книгами являются «Гинза» («Сокровище»), или «Великая книга», написанная в VII—X вв. и содержащая изложение креационных мифов, а также тексты, посвященные загробной жизни души, «Книги Иоанна» и сборник молитв и гимнов «Коласта». Сабейская мифология сохраняет многие реликтные черты гностицизма — конгломерата религиозно-мифологических представлений, сложившегося около I в. н. э. на основе иудаизма, эллинизма, христианства, а также иранских и ближневосточных мифо-

логий и культов. Так, в основе ее лежат представления о последовательности эманаций светлого Божества, составляющих ряд эонов, однако представления эти не всегда дифференцированы и часто противоречивы. Первоначально высшее, непредставимое, лишенное качеств и формы Божество манифестирует себя в триаде Пира Рабба («великий плод»), Аяр Зива Рабба («эфир великого сияния») и Мана Рабба («великая пища»), в которой главнейшим является Мана, царь света и демиург. Он творит пронизывающий весь эфир «великий Иордан» и «жизнь первую», а сотворив ее, удаляется от мира (подчеркнут мотив трансцендентности Божества); из нее, в свою очередь, происходит Юшамин («жизнь вторая»). Юшамин, соотносимый с иудаистическим Богом Яхве и обнаруживающий черты громовержца, пытался, по одному из вариантов, захватить верховную власть, за что был изгнан в мир «низшего света». Здесь обнаруживается фундаментальный дуализм сабейской мифологии как гностической — дуализм, пронизывающий представления как о микро-, так и о макрокосмосе. Та же судьба постигла ангела Петахиэля (ср. егип. Птах), который вслед за «жизнью третьей» — Абатуром («отцом духов»), сидящим на краю мира и взвешивающим на весах деяния умерших, представляет собой «Жизнь четвертую» (другие великие ангелы — Сардоникс и Азазель, послуживший источником образа в романе Булгакова «Мастер и Маргарита»). До его падения Петахиэлю было поручено создать и населить землю, что он и исполнил, сотворив Адама и Еву, в которых он, однако, не смог вдохнуть жизнь. Это делает высокая божественная эманация Манда д-хайте (познание, или слово жизни), вдыхающая в Адама его сокровенный дух, который есть дух самого Мана Рабба,

по чьему образу создана Вселенная. Человека, несущего в себе искру высшего духа, падшие зоны увлекают, однако, в низший мир, где он пребывает в плену тьмы материального бытия. Манда д-хайте, соответствующая, по крайней мере некоторыми своими аспектами, гностической Софии, представляется иногда в виде объемлющего космос дерева с душами-птицами на ветвях. Она является людям, в частности, в ипостасях трех братьев — Гибилла, Шитиэля и Аноша (библейские Авель, Сиф и Енох); первый из них есть ангел веры, открывающий людям их высшее происхождение. Наряду с ангелами, окружающими Владыку света, существуют и «ангелы лишения», или тьмы, окружающие Владыку мрака и населяющие семь низших миров с их правителями-архидемонами. Гибил, спустившись в низший мир преисподней, где властвует царь Шедун (соответствующий Асмодею), сотворил там Руху, царицу тьмы и обмана (ср. Лилит). Руха родила сначала семь, потом двенадцать, потом пять сыновей, которые были унесены на небо, где стали соответственно планетами и знаками Зодиака; судьба последних пяти является тайной. Возвращаясь после смерти в небесный мир света, душа человека проходит эти семь демонизированных планетных миров и может в них задерживаться. Каждая из планет управляет одной из семи

эпох, в течение которых будет существовать мир и которые в сумме составляют 480 000 лет. На протяжении своей истории человечество, за исключением единственной пары, три раза подвергалось истреблению. Ради освобождения человека из-под власти сил тьмы светлые зоны вселяются в избранных — водителей душ, важнейшим из которых был Яхья, т. е. Иоанн Креститель, к которому возводился давший сабеям их название аналогичный христианскому крещению обряд погружения в воду — символ очищения души, возносящейся обратно к свету. Среди важнейших условий такого очищения — аскетизм, воздержание от общения с составляющими остальной мир нечистыми и сохранение от них тайны учения, неукоснительное соблюдение этических требований и участие в таинствах-мистериях.

Надо, однако, заметить, что ни в мандейских текстах, ни, очевидно, в сознании ее адептов сабейская мифология не носит систематизированного характера и в силу уже одного своего синкретизма далека от упорядоченной системы. Сами зоны, о которых говорилось выше, то предстают как последовательные эманации Божества, то действуют как синхронно существующие силы, не всегда четко разграниченные, а лишь выявляющие различные его аспекты и как бы друг в друга плавно перетекающие.

Езидейство

Езидейство — сложный конгломерат верований и мифологических представлений, носителями которых являются езиды (курд. *йезд* — «относящийся к Богу»), часть курдского народа, расселяющаяся на территории северного Ирака, Сирии и Армении (в отрогах массива Арагац и в Араратской долине); небольшое число езидов проживает в Иране и в Турции, а также в Тбилиси. Согласно

представлениям самих езидов, езидейство объединяло первоначально всех курдов, часть которых позже была насильно обращена в мусульманство, однако не только происхождение езидейства, но и самый этногенез езидов является недостаточно выясненным. Между тем сами езиды возводят свое происхождение к непорочно зачатому от семени Адама близнецам, по другому варианту мифа — к Шаиду ибн

эль-Джарра («мученик-сын-кувшина»), родившемуся от семени Адама, которое девять месяцев выдерживалось в кувшине, в то время как от подобным же образом выдерживавшегося семени Евы произошли лишь мухи и черви; в дальнейшем от брака Шаида с райской гурией Лейлой (в семитской мифологии — дух конкубинции и зачатия, от слова со значением «ночь») и произошел езидский народ. Наконец, согласно более древнему мифу, ези́ды циклически порождались землей, оплодотворенной солнцем, с чередованием в течение семи (семидесяти) циклов рас великанов и карликов. Мифы об уникальном (божественном) происхождении езидов являются одной из мотивировок презумпции их национальной и религиозной исключительности, отрицающей возможность прозелитизма, — езидом нельзя стать, а можно лишь родиться, самым же страшным для ези́да наказанием является экскоммуникация, практикуемая лишь в редких случаях. Эта презумпция исключительности поддерживается теократической структурой общества с его жесткой наследственно-кастовой организацией.

Как целостная система езидская мифология продолжает оставаться недостаточно изученной, что объясняется прежде всего ее эзотерическим характером. Помимо сказанного, доступ к езидейству затруднен реликтами когда-то, очевидно, доминировавших инициационных моментов, а также особой недоверчивостью езидов к иностранцам, которая, выработавшись в результате многовековой вражды к ним как к «дьяволопоклонникам» со стороны как христиан, так и мусульман, заставляет их скрывать свое вероучение. Еще одна причина недостаточной изученности езидейства состоит в том, что, несмотря на существование двух езидских священных книг, написанных особой тайнописью на арабском языке («Книга откровения» и «Черная книга»; сохранилось также предание о пропавшей

книге «Забур» (ар. «Псалмы»), вероятно, составленной гимнами и возводимой легендой к царю Давиду), запрет на грамотность распространяется на всех езидов за исключением единственного рода шейхов (существуют особые мифы об «отнятии грамоты»), отчего езидская мифология бытует почти исключительно в устной традиции, претерпев на протяжении веков сильное вырождение и испытав многообразные влияния. Противоречивость, фрагментарность и крайнюю запутанность печатных материалов по езидейству автор этих строк имел, однако, привилегию корректировать ценнейшими сообщениями шейха Шейхбавки Халифе-Али из Тбилиси.

Вследствие своего изузистного характера езидская мифология, которой был, по-видимому, изначально присущ синкретический характер, вобрала в себя огромное количество мифов разнообразного происхождения. Так, наряду с пережитками природной религии (астральные мифы, почитание Луны, планет и Солнца под именем Шейх-Шемса с утренней молитвой ему, солярная природа Малаки-Тауза — см. ниже) и шаманизма (культивирование экстатических состояний, ониромантия на могиле святого с получением от него во сне указаний о лечении больного и раскрытием им тайн прошлого и будущего), ирано-зороастрийская основа езидской мифологии и обрядности обогащена влияниями иудаистической мифологии (заимствование целого ряда мифов, в том числе библейской космогонии, мифа о потопе и многих других, а также ограничений в области пищевого кода), христианства несторианского толка (крещение младенцев, род евхаристии в форме преломления хлеба, почитание христианских святынь), наконец, манихейзма (эзотерический характер вероучения, мифы, связанные со светом, в том числе о солнце как отражении божественного луча от трона Божия), мандеизма (вера в метампсихоз), мусуль-

манства (обрезание, посты, паломничество, употребление арабского языка в качестве сакрального в священных книгах и на могильных эпитафиях), суфизма (священные пляски, почитание суфийских святых, характерная философичность учения).

Отличительной чертой мифологии езидов, ответственной за их репутацию дьяволопоклонников в глазах других народов, является почитание наряду с единым и трансцендентным Богом архангела Зазаила. Бог, будучи не вмешивающимся в земные дела демиургом, общается с миром не непосредственно, а через семь ангелов — Зазаила, Дардаила, Асрафила, Михаила, Азраила, Шатмаила и Нураила, важнейшим из которых является Зазаил, чье имя езиды избегают произносить, заменяя его именем Малаки-Тауз (т. е. ар. «ангел-павлин»). Парадоксальность и глубинное значение мифологического значения фигуры Малаки-Тауза выявляется из сочетания в нем функции носителя активного начала в феноменальном мире с представлением о нем как о падшем ангеле, который, однако, непременно будет Богом прощен (в некоторых вариантах мифа — уже прощен). Европейское представление о поклонении езидов Малаки-Таузу как форме умиловления сил зла (например, в Британской энциклопедии) основано на полном непонимании езидейства, вообще отрицающем существование зла как самостоятельного начала (ср. езидский миф об «уничтожении ада» — адский огонь был залит слезами томившегося в аду мученика Абрикия или, по другому варианту, самого Малаки-Тауза, наполнившими в течение семи тысяч лет семь сосудов). Миф о падении Малаки-Тауза в корне отличен как от иудео-христианского представления о дьяволе Люцифере, так и от зороастрийского и манихейского дуализма с его известной автономностью злого начала, с которым езидский миф, при всех отличиях, по-видимому, генетически связан. Езидский миф может

скорее реконструироваться в терминах отпадения Малаки-Тауза от трансцендентного Бога вследствие его связи с сотворенным миром. Так, по одному из вариантов мифа вина Малаки-Тауза, никогда не видевшего лица Бога, состояла в том, что он попросил его об этом, за что Бог «бросил его на тот свет и сделал царем рая, потому что на этом свете лицо Бога видеть нельзя»; отсюда следует, что Малаки-Тауз хотел увидеть лицо Бога, находясь «на этом свете». В мифе о сотворении человека Малаки-Тауз играет роль, сходную с ролью библейского искусителя: он является творцом Евы, далее Бог поручает ему вывести прародителей из рая, чтобы заселить их потомством созданную им землю. Для этого Малаки-Тауз побуждает их попробовать виноград (пшеницу), отчего у них начинается боль в желудке и они узнают, что такое страдание. Малаки-Тауз пробивает в теле Адама и Евы отверстия, необходимые для отправления желудка и деторождения (по другому варианту их проклевывает птица), и они, лишившись невинности, изгоняются из рая. В этой связи следует указать на восточную легенду о дьяволе, представшем перед Евой, которую он искушал в образе павлина. Металлическое изображение Малаки-Тауза в виде павлина (так называемый санджак), носимое при сборе податей вместе с санджаками шести других ангелов по езидским деревням, выполняет роль оберега. Обозначение и изображение Малаки-Тауза в виде павлина, отождествляемого, кроме того, с солярным божеством езидов Шейх-Шемсом, соотносится с общей солярной символикой павлина в других мифологиях (например, Юго-Восточной Азии), возводимой к элементам круга, до которого разворачивается его хвост, и лучей, представляемых характерными павлиньими перьями, увенчанными круглыми же «глазками». Укажем также персидско-суфийскую легенду, по которой Бог создал Миро-

вой дух в образе павлина и дал ему поглядеть на его собственное отражение в волшебном зеркале; из капелек пота, оброненных изумленным павлином, произошли все остальные существа.

Помимо преодоленного езидской мифологией дуализма, с зороастризмом ее связывает почитание стихий, персонифицируемых, в частности, семью названными ангелами, которые могут быть сопоставлены с зороастрийскими Амэша-Спэнтами; Малаки-Тауз, называемый иногда ангелом веры, может быть, кроме того, соотнесен с зороастрийским Сраоша, охраняющим мир от бедствий. Как и в зороастризме, наиболее чтимой стихией является у езидов огонь; мотив сотворения Богом человека из четырех стихий сближает езидский миф с манихейским. Отметим также веру в метампсихоз: перевоплощение в низшие существа — удел неправедных до судного дня, которому будут предшествовать всевозможные смуты, сходные с апокалиптическими.

Езиды почитают огромное число (124 тысячи) святых и пророков, главным из которых является живший в XII в. суфийский шейх Адэ, чья гробница в Месопотамии (близ Мосула) является единственным святилищем езидов и местом их ежегодного паломничества. Вполне, однако, возможно, что ни шейх Адэ, бывший ортодоксальным мусульманином, ни чтимый (вероятно, по созвучию имен) оммейядский халиф Езид ибн Мусавийа (680—683 гг.) не имели никакого отношения к езидаизму. Вместе с Малаки-Таузом последние два святых образуют в езидской мифологии своеобразную триаду, однако каждый из них может являться и его воплощением. Подобным же образом воплощениями шести остальных ангелов являются святые — ученики и последователи шейха Адэ (Дардаил — шейх Гассан, Михаил — Абу Бакр и т. п.), так что основная молитва езидов открывается перечислением именно этих

имен. Манифестациями Малаки-Тауза езидская мифология склонна считать, как сказано, и божество солнца Шейх-Шемса, и пророков других народов, и даже Иисуса Христа.

В заключение коснемся популярнейшего среди европейцев, наряду с представлением о езидах как дьяволопоклонниках, езидского поверья, делающего для езида невозможным без специального разрешения шейха выйти за пределы очерченного вокруг него круга. При общей магической символике круга, а также при множественности объяснений этого поверья самими езидами (ссылающимися на миф о «вознесении в петле» одного из ангелов, либо на позднейший миф об огораживании всех верных езидов при насильственной мусульманизации курдов) корни этого установления надо, по-видимому, видеть в пережитках иконографически зафиксированных митраистских представлениях о божествах со змеей (или веревкой) на шее. Укажем на подобные же реликты в езидских обычаях инициации в эзотерическое братство факиров, выделяемых из среды шейхов, когда посвящаемый в течение сорока дней носит на шее веревку черного цвета, свисающую ему на грудь в виде ожерелья, или же в обычае храмовых служителей (кочаков) не расставаться с данной им веревкой, которую они наматывают вокруг шеи, служащей эмблемой исполняемой ими священной обязанности.

Езидская мифология, с ее таинственностью и экзотичностью, за пределами езидского сообщества долгое время служила основанием лишь для недоразумений и кривотолков. Она повлияла на некоторые новейшие мифологизирующие системы, в особенности на индивидуальное мифотворчество создателя системы «Четвертого пути» Георгия Гюрджиева. Центральный персонаж его основной книги «Все и вся» — Вельзевул, сосланный Богом в некий дальний угол Вселенной, каким является наша Земля, впоследствии, однако, полу-

часть от Бога прощение и возвращается в Его лоно; образ этот был, по-видимому, навеян езидским Малаки-Таузом, что вполне вероятно,

исходя из закавказского происхождения самого Гюрджиева и его интереса к езидаизму, отмечавшегося им в его сочинениях.

Народы древней Малой Азии

Хеттское царство (Древнее — XVII—XVI вв. до н. э., Среднее — XV в. до н. э. и Новое — XIV—XIII вв. до н. э.) существовало на территории Малой Азии (Анатолии), распространяясь временами на части Сирии и Северной Месопотамии. Оно состояло из трех основных областей: страны Хатти в северной и центральной части Малой Азии, Лувии — на юго-западе Малой Азии и Палы — на северо-востоке.

Древнейшей являлась мифология и религия народа хатти (протохеттов), оказавшая существенное влияние на хеттские мифологические воззрения. Язык хатти 3-го тыс. до н. э., видимо, был родствен современному северо-западным кавказским (абхазо-адыгским) языкам, а также имел черты, общие с северо-восточнокавказскими (нахско-дагестанскими) языками; однако ко 2-му тыс. до н. э. он сохранился лишь в качестве священного.

На основании документов из архива столицы Хеттского царства Хатусаса (современный Богазкёй) можно составить достаточно полное представление о мифологии и религии хатти. Главными богами являлись бог солнца Эстан (хетт. Истанус), богиня солнца города Аринна по имени Вурунсеми, ее муж — бог грозы Тару (Сару) и ее дочь — солнечное божество Мецулла; «царица богиня» Каттахцифури (хетт. Камрусеп), бог-кузнец Хасамили (Хасамиль), бог престола Хальмасуит, бог-пастух Хапантали, бог плодородия Телепину (хетт. Телепинус), покровительница города Хаттусаса воинственная богиня Инара, божества подземного мира Лельвани и пара Иштуштайя и Папайя, богиня зерна Каит, охранитель цар-

ского дворца Цилипури, божество луны Кашку, бог-щит Цитхарийя, Куду-или («душа») и др.

Важнейшие мифы, известные по хаттским и хеттским текстам, — о строительстве храма Эстана в священном городе Лахцан, об исчезновении и возвращении бога плодородия Телепину, о лунном затмении, описываемом как падение с неба бога луны Кашку, которого возвращает царица-богиня Каттахцифури-Камрусеп. К неолитической культуре Чатал Хююка 7—6-го тыс. до н. э. (Южная Турция) возводятся хаттские обряды поклонения пчеле (пчела активно участвует в поисках Телепину), леопарду (который, как и лев, являлся, в частности, зооморфным символом хеттского царя), похоронные обряды, связанные с мышью. Особую социальную значимость имел цикл мифов и обрядов, связанных с богом престола Хальмасуитом и богом Цилипури, охраняющим царский дворец.

Согласно мифу боги, распределяя земли, дали город Хаттусас хаттскому царю. Эти представления были целиком восприняты хеттами в эпоху хаттско-хеттского двуязычия и культурного сосуществования (около конца 3-го тыс. до н. э.). Хаттским влиянием объясняются также хеттские мифологические представления о языке богов и людей: согласно двуязычным хаттско-хеттским текстам, одно и то же божество по-разному называлось «среди богов» и «среди людей»; некоторые собственно хеттские имена божеств представляют собой перевод хаттских. Несомненно влияние мифологии хатти на хеттский миф о поединке бога грозы со змеем,

имеющий параллели во многих традициях Восточного Средиземноморья.

Наряду с неиндоевропейским хаттским слоем выделяется группа древнейших индоевропейских, собственно хеттских (несийских) богов, связанных с первой столицей хеттов — городом Неса (Канес): бог-защитник Пирва (который может быть сопоставлен с балтийским Перкунасом, славянским Перуном), бог дня Сиват («день»; в функции бога солнца его впоследствии вытеснил хаттский Эстан), бог грозы Тархунт («могущественный»), Сиу-Суммис («бог-наш»), бог луны Арма и др. Из мифов индоевропейского происхождения следует отметить миф о рождении 30 сыновей и 30 дочерей царицей города Несы. Посадив сыновей в горшки с нечистотами, царица пустила их плыть по реке (обычный для близнецных мифов мотив расправы с близнецами), а дочерей вырастила. Река принесла сыновей к городу Цальпа, где их спасли боги. Выросши, они возвратились в Несу и, не узнав сестер, вступили с ними в кровосмесительный брак. В индоевропейских мифологиях параллель этому сюжету составляет древнеирландский рассказ о братьях-близнецах по имени Финдеамна, которых сестра уговорила вступить с ней в брачную связь, а также индоиранский миф о близнецах (Яме-Йиме и его сестре). К индоевропейской традиции

восходят, по-видимому, такие обрядовые тексты, как песня бога Пирвы, описания царского похоронного ритуала, имеющие близкие соответствия в других индоевропейских ритуалах, в частности индийских (в «Атхарваведе») и греческих (у Гомера).

Ответвления той же индоевропейской анатолийской мифологической традиции представляют собой лувийская и палайская мифологии; в некоторых отношениях они ближе к исходной анатолийской, чем собственно хеттская (например, в них сохраняется индоевропейское имя бога солнца: лувийск. Тиват, палайск. Тият; у хеттов же Сиват-день вытеснен Эстаном (Истанусом). Палайская мифология, как и хеттская, испытала значительное влияние хаттской; многие хаттские божества, в частности Каттахцифури, почитались палайцами под их хаттскими именами. Лишь в немногих палайских текстах можно предполагать след индоевропейских мифологических представлений (например, в гимне солнцу, связываемому, как и в хеттской и индийской традициях, с морем). Вместе с тем лувийская мифология испытала ранние влияния соседствовавших с пралувийцами семитских народов и особенно хурритов. В новохеттский период, когда культурный центр страны сместился в южные области с

Хеттский миф о поединке бога грозы со Змеем. Рельеф 1050—850 гг. до н. э. Малатья, Турция

лувийским и хурритским населением, в хеттский пантеон был включен ряд лувийских богов, в частности вооруженные луком боги войны Ярри (возможна связь с другими индоевропейскими богами типа славянских Яровит, Ярила), Санда (позднее был включен и в местные греческие пантеоны).

С эпохи Среднехеттского царства в состав хеттского пантеона начинают включаться боги хурритов — народа, обитавшего в Месопотамии и прилегающих к ней областях. Среди этих богов в новохеттский период особую роль приобретает Шавушка (Иштар); в поздних текстах (молитва царицы Пудухепы) она отождествляется с древнехеттской богиней солнца города Аринны (по происхождению хаттской — Вурунсеми).

Период Нового царства характеризуется развитием религиозного синкретизма; в результате соединения хеттских и хурритских мифологических представлений возникает хурритская интерпретация древнехеттского пантеона. Писцы-богословы не ограничиваются перечислением «1000 богов», составляющих, согласно текстам (в частности, государственным договорам), хеттский пантеон, но и устанавливают между ними классификационные связи, отождествляя богов, имеющих сходные функции (например, богов грозы). Две основные группы богов официального пантеона хурритские по происхождению. Первую возглавляет бог грозы Тешуб со свитой, которую составляют его брат и помощник в сражениях Ташмису, побежденный Тешубом «отец богов» Кумарби, бог луны Кужух, бог солнца Шимеги (Шимиге) и др. Вторая группа включает супругу Тешуба Хебат, ее сына Шаррума, дочерей Алланцу (Алланзу) и Хунзишалли, служанку Дарру-Дакиту и ряд других женских божеств. Обе группы изображены на рельефах святилища Язылык близ современного Богазкёя.

В составе «1000 богов» Хеттского царства наряду с хеттскими, древнехеттскими (несийскими), хурритскими

и немногочисленными лувийскими богами выделяются персонифицированные воплощения стихий — скорее всего, архаические хеттские, в позднейшее время сближавшиеся с хурритскими; ср. Аруна («океан»), выступающий в сюжетах о сватовстве бога плодородия Телепинуса к дочери океана, о солнце и океане и др. Использование в качестве имен богов нарицательных существительных (ср. также Желание, Река, Темная земля и др.) — характерная особенность индоевропейских мифологий, в том числе римской и индоиранской; аналогичные божества, например Доля, Правда, имеются и в славянской мифологии. В конце перечислений богов пантеона помещались боги изгоев — людей хабиру (по-видимому, наименование ряда древнеханаанейских племен) и лулахи (слово хурритского происхождения, связанное с восточнокавказским обозначением мужа, невольника).

Характерный для новохеттского времени религиозный синкретизм проявлялся также в отнесении одного мифологического сюжета к разным богам. Миф о божестве, которое исчезает, унося с собой плодородие, а потом (после долгих поисков, предпринятых богами) возвращается (вызывая восстановление плодородия), связывается с Телепинусом, богами солнца, грозы, богиней Инарой, богиней Анцили (в последнем случае миф приурочен к избавлению от страданий во время родов). В числе других повторяющихся сюжетных схем, не зависящих от конкретных действующих лиц, — мотивы смены поколений богов (о чем речь пойдет ниже), унесения светил с неба (например, Аруной солнца, Серебром солнца и луны), сватовства к богу (например, Телепинуса, Кумарби к дочери Аруны).

* * *

Язык хурритов, родственный (вместе с урартским) северо-восточнокавказским (нахо-дагестанским) языкам,

был распространен в северной Сирии и Месопотамии, на юге Армянского нагорья и юго-восточной части Малой Азии. В мифологии хурритов (по литературным сочинениям, дошедшим до нас в хеттских переложениях, ритуальных текстах из Богазкёйского архива, списках богов в хурритских и хеттских источниках) наибольшее развитие получили космо- и теогонические мифы, в значительной степени восходящие к месопотамским. В них действуют божества Ану, Алалу, Эа, Никкаль, Тапкина и др., шумеро-аккадские по своему происхождению; сохранены представления о первоначальном единстве мира, предшествовавшем отделению неба от земли, о смене поколений богов и т. д. Мир делился на три сферы: небо, населенное богами молодого поколения («богами верха»), земля и подземное царство, в котором обитают божества старшего поколения («боги низа» или минувшие древние боги; ср. Ануннаки в шумеро-аккадской мифологии).

Хурритская мифология не знала единого пантеона. Более известны локальные пантеоны, нашедшие отражение в хуррито-хеттских источниках из Богазкёя («анатолийский», или «малоазийский») и хурритских списках богов из Угарита («западноевропейский»), менее — из Митанни и Нузи (населенная хурритами область в бассейне реки Диала). При их сопоставлении выделяется общехурритское ядро: боги (в том числе и уже упоминавшиеся выше) Кумарби, Тешуб, Аштаби, Нубадиг, Кужух, Шимиге, Шавушка. Среди них Тешуб и, возможно, Шимиге имеют точные соответствия в урартской мифологии: Тейшеба и Шивини. Верховное божество «анатолийского» пантеона — бог грозы Тешуб — соответствует шумеро-аккадскому Ададу, западносемитскому Балу. Его спутники — быки Хурри («утро») и Шери («вечер»), обожествленные горы Намни (возможно, соответствует античному Аманус в Сирии) и Хаззи (западноевропейский Цапану, библейский Цафон,

античный Касиус, современный Джебель аль-Акра). Далее следуют «отец богов» Кумарби, отождествленный с западносемитским Дагоном, бог подземных вод и мудрости Эа, бог солнца Шимиге, бог луны Кужух, воинственные боги Аштаби и Нубадиг, бог огня Иршаппа (соответствующий западносемитскому божеству огня Рашапу), многочисленные анатолийские по происхождению боги-защитники.

Как уже было сказано, во главе женских божеств стоит Хебат, супруга Тешуба. Далее надо назвать супругу Кумарби — богиню Шалуш (Шалаш) Пидинскую, супругу Эа (как и в Аккаде) — Тапкину (аккадская Дамкина, шумерская Дамгальнуна), супругу Кужуха — Никкаль (в Аккаде — Нингаль, жена бога луны Нанна), супругу бога Шимиге — Айа (в Аккаде — жена бога солнца Шамаша). Сюда же относится Шавушка (выступающая иногда и как мужское божество) — хуритская ипостась вавилоно-ассирийской Иштар, сестра Тешуба, богиня плодородия и любви, в мифах наиболее активно действующий женский персонаж. Ее окружают богини Ниннатта, Кулитта и, возможно, Ишхара; богини судьбы — Худены (Худеллуры), богиня преисподней Алани («госпожа»), соответствующая шумеро-аккадской Эрешкигаль. Адамма, по-видимому, идентична госпоже города Кархемиша богине плодородия Кубабе. Среди богов подземного царства выделяются Энлиль, Абаду, отец и мать Ишхары, Нара, Намшара, Минки, Амунки, Амизаду, Алалу.

Западноевропейский пантеон, включая большинство перечисленных богов, менее упорядочен (при их перечислении не соблюдалась строгая иерархическая последовательность), значительное место в них занимали локальные западносемитские элементы. В пантеон Митанни, правящая династия которого была, по-видимому, арийской по происхождению, входили не встречающиеся более нигде в

Передней Азии древнеиндийские божества Митра, Индра, Насатьи и, возможно, Варуна (хотя необычное написание его имени вызывает сомнения в справедливости такого отождествления).

Наибольшее отражение хурритские мифы нашли в хеттских эпических сочинениях о Кумарби. В первом из них («О царствовании на небесах») повествуется о смене трех поколений богов. В прежние времена на небе царствовал бог Алалу, и даже могучий бог неба Ану прислуживал ему. По истечении девяти лет правления Алалу Ану изгоняет его на землю и воцаряется на небесах. Ему прислуживает Кумарби, но через девять лет восстает против него. Ану в испуге бежит, взлетая на небо, но Кумарби настигает его и оскопляет, откусив ему «мужскую силу». Ликующему Кумарби Ану предвещает рождение трех грозных богов: Тешуба, его помощника Ташмишу и реки Аранзах (хурритское название Тигра). Услышав это, Кумарби выплевывает сперму Ану, но, очевидно, не всю, так как отдельные фрагменты мифа повествуют о рождении из головы Кумарби бога грозы Тешуба и двух других богов (не называвшихся Ану). Земля беременеет и производит на свет двоих детей (возможно, от семени Ану, выплюнутого Кумарби).

По-видимому, к этому же циклу относится отрывок, в котором говорится, что Тешуб возжелал убить Кумарби. Ану пытается убедить его отказаться от своего намерения и, видимо, предлагает сделать царем бога Эа. Тешуб в итоге все же низвергает Кумарби и занимает небесный престол.

Затем, очевидно, следуют события, описанные в мифе о кратковременном царствовании на небесах бога-хранителя, который побеждает Тешуба и восходит на престол с согласия Эа — в этом отрывке именно он назначает и свергает небесных прави-

телей. Однако недовольный его правлением Эа смещает бога-хранителя. Потом Тешуб вместе со своим визирем Нинуртой (хуррит. Аштаби) наносит ему увечья, и тот признает власть Тешуба.

В «Песни об Улликумме» Кумарби, свергнутый Тешубом, пытается отомстить ему и вернуть утраченную власть. Для этого, сочетавшись со Скалой, он порождает каменное чудовище Улликумме, призванное разрушить священный город Тешуба Куммию и низвергнуть узурпатора. По поручения, которое дал Кумарби, боги Ирширры несут младенца в море и кладут на плечо Убеллури — гиганта, поддерживающего Вселенную. Улликумме растет не по дням, а по часам и через пятнадцать дней достигает неба. Первым его замечает Шимиге и сообщает Тешубу. Встревая Тешуб вместе со своим братом Ташмишу и сестрой Шавушкой отправляется на гору Хаззи взглянуть на чудовище. Его вид приводит богов в трепет. Шавушка пытается сразить Улликумме своими чарами, но безуспешно: Кумарби предусмотрительно (видимо, потому, что ранее Шавушка очаровала и погубила другое чудовище — Хедамму) создал его слепым и глухим. Тешуб созывает богов и готовится к битве. Но боги бессильны перед каменным чудовищем. Лишь Эа принадлежащим «богам низа» резакон (которым в минувшие времена земля была отделена от неба) удается отрезать Улликумме от Убеллури и тем лишить силы. В хеттской передаче дошел также миф о змее Хедамму, ненасытном чудовище, уничтожающем человечество, рожденном Куммарби и дочерью моря Шертабшухури. С ним удастся справиться лишь Иштар Ниневийской (Шавушке), покорившей его своими чарами. Трудно судить, входит ли этот миф в цикл о Кумарби или является самостоятельным.

Древние греки

Сущность греческой мифологии становится понятной только при учете особенностей первобытнообщинного строя греков, воспринимавших мир как жизнь одной огромной родовой общины и в мифе обобщавших все многообразие человеческих отношений и природных явлений. Греческую мифологию следует рассматривать не как привычную и неподвижную картину (хотя и прекрасную), но в постоянно изменяющемся социальном и историческом контексте античного мира. Образы Аполлона, красивого юноши с лирой в руках, Афродиты, исполненной женственности и привлекательности, Афины Паллады — воительницы относятся к определенному периоду развития греческой мифологии. Такими периодами являются: древнейший хтонический, или дофессалийский, доолимпийский; фессалийский, олимпийский, классический, или героический. В героический период происходит централизация мифологических образов вокруг мифологии, связанной с горой Олимп, и начинается переход к художественно развитому и строгому героизму. По мере разложения общинно-родовой формации складываются утонченные формы террической гомеровской мифологии. В дальнейшем наивная мифология — своего рода единственная форма первобытного мышления — гибнет как самостоятельное творчество и приобретает служебный характер, став одной из форм художественного выражения разного рода религиозных, социально-политических, моральных и философских идей рабовладельческой полисной идеологии, превращается в философскую аллегория, широко используется в литературе и искусстве.

Сведения о греческой мифологии дошли до нас в огромном количестве памятников письменной литературы: художественной и научной. Основ-

ными источниками изучения греческой мифологии являются «Илиада» и «Одиссея» Гомера. Миф у Гомера излагается как объективное явление, сомнение в реальности которого у автора не возникает. Иное отношение к мифологии у Гесиода, жившего в период становления греческой полисной системы и идеологии. Он собирает и сводит воедино мифы и генеалогии богов, излагает космогоническую систему в связи с историей происхождения богов («Теогония»), обнаруживая большую склонность к хтонической мифологии. Греческая драма (V в. до н. э. — Эсхил, Софокл, Еврипид) явилась синтезом внеличного, созерцательного эпоса и личного субъективного самоощущения в лирике. В трагедии судьба, рок — вся эта трудно усваиваемая бездна античного пессимизма получила свою логику, историю, свои образы.

Из собраний гимнов важны так называемые Гомеровские гимны, пять из которых (к Аполлону — два, к Гермесу, Афродите и Деметре) возникли в классический период (но позже «Илиады» и «Одиссеи»), остальные — в эллинистическую эпоху.

Сведения по греческой мифологии содержатся в произведениях римских авторов I в. до н. э. — II в. н. э. (Овидий, Вергилий, Гораций, Лукреций Кар, Тибулл, Проперций, Апулей, Стаций, Лукиан, Силий Италик). «Метаморфозы» Овидия представляют собой, по существу, мифологическую энциклопедию.

Мифографы — собиратели и излагатели мифов — появились в Греции не позднее V в. до н. э. К ним относятся софист Гиппий. Дионисий Самосский составил генеалогические таблицы и изучал трагические мифы. Ученику Аристотеля Палефату принадлежат сборник мифологических рассказов под названием «О невероятном».

Особенно много для собирания и

толкования древних мифов сделали александрийцы (III—II вв. до н. э.): Каллимах, Истр, Филостефан, Лисимах Александрийский, Аполлодор Афинский (ему приписывают обширную мифологическую «Библиотеку», дающую подробное изложение теогонии и главнейших мифических родословных Девкалиона, Инаха, Агенора, Пеласага, Атланта, Асопа, Кекропа и Пелопа). Аполлодор излагает мифы по Гомеру, Гесиоду и особенно по трагикам. Поздние мифографы делятся на две группы: собиратели мифов «превращений» и «звездных» мифов.

На рубеже V и VI вв. появилась книга мифов Фульгенция, она отличалась часто некритическим отношением к мифографическим источникам.

Большую ценность представляют сочинения трех мифографов VIII в., известных под названием Ватиканских мифографов. Эти авторы, заимствуя друг у друга, а также из Сервия и поздней комментаторской литературы, дают в систематическом виде обзор всей античной мифологии. Изложение изобилует множеством разного рода вариантов и отдельных редкостных мелочей.

При рассмотрении греческой мифологии в развитии в пределах каждого отдельного мифа устанавливается и прослеживаются разновременные рудименты (т. е. остатки прежних эпох), которые сосуществуют с ферментами нового, возникающего в сюжете мифа. Например, в мифе о рождении Афины Паллады в полном вооружении из головы Зевса, проглотившего свою забеременевшую супругу Метиду, можно различить остатки фетишистских представлений и каннибализма, предшествовавшие развитому патриархату, примат мужского индивидуума над женским и символику мудрости верховного божества — свидетельства патриархата, наконец, гротеск, свойственный времени распада общинно-родовой формации и начальному периоду греческой классики.

Один и тот же мифологический мотив может и составлять основное содержание мифа, и играть второстепенную роль. Для эпохи последовательного зооморфизма отождествление солнца с быком является центральным содержанием мифа о солнце, так же как совиный вид Афины Паллады — основное в содержании мифа. Но в гомеровской мифологии в связи с тем, что центральное содержание мифа о солнце для этого времени было уже антропоморфическим, солнце, воплощенное в быке, стало рудиментом. Аналогичен по своему происхождению рудиментарный характер совоокости Афины Паллады у Гомера с изменением основного содержания мифа.

Греческая мифология в ее наиболее развитом, так называемом классическом, состоянии представляет собой мифологию героическую, а не стихийно-фетишистскую и не стихийно-демоническую (эти два типа мифологии относятся к хтонической мифологии). Героическая мифология связана с периодом патриархата, однако в ней прослеживаются главнейшие типы хтонических рудиментов.

До олимпийский период. Процесс жизни воспринимается первобытным сознанием в беспорядочно нагроможденном виде, окружающее материализуется, одушевляется, населяется какими-то непонятными слепыми силами. Все вещи и явления в сознании первобытного человека исполнены беспорядочности, несоразмерности, диспропорции и дисгармонии, доходящей до прямого уродства и ужаса. Земля с составляющими ее предметами представляется первобытному сознанию живой, одушевленной, все из себя производящей и все собой питающей, включая небо, которое она тоже рождает из себя. Как женщина является главой рода, матерью, кормилицей и воспитательницей в период патриархата, так и земля понимается как источник и лоно всего мира, богов, демонов, людей. Поэтому древнейшая мифоло-

гия может быть названа хтонической. В ее развитии прослеживаются отдельные этапы. На раннем этапе, т. е. на стадии собирательного-охотничьего хозяйства, сознание ограничено непосредственно чувственным восприятием, непосредственно видимыми и осязаемыми вещами и явлениями, которые одушевляются, на них переносятся социальные функции общинно-родовой формации. Такая вещь, с одной стороны, насквозь материальная, с другой — одушевленная первобытным сознанием, есть фетиш, а мифология — фетишизм. Древний человек понимал фетиш как средоточие магической, демонической, живой силы. А так как весь предметный мир представлялся одушевленным, то магической силой наделялся весь мир, и демоническое существо никак не отделялось от предмета, в котором оно обитало. Например, Зевс — верховное божество в позднейшей греческой мифологии — почитался первоначально в городе Сикионе (Пелопоннес) в виде каменной пирамиды, на Ликейской горе в Аркадии — в виде колонны. Геру в городе Феспиях (Беотия) представляли как обрубок древесного ствола, а на острове Самос — в виде доски. Аполлона представляли пирамидой, его мать Лето на Делосе — необработанным поленом и др.

Несмотря на все позднейшее идейно-художественное развитие таких образов, как Зевс, Гера, Аполлон, Афина, Паллада, Афродита, Эрот, хариты, Геракл и др., их продолжали почитать в виде камней и кусков дерева (обработанных и необработанных) даже в период наибольшего расцвета греческой цивилизации. Примером архаического фетиша является дельфийский омфал, или «пуп земли». Когда-то Рея, желая спасти от своего мужа Кроноса новорожденного Зевса, дала ему вместо младенца Зевса завернутый в пеленки камень, который и был проглочен Кроносом. Извергнутый Кроносом, он был помещен в Дель-

фах как центр земли («пуп земли») и стал почитаться как святыня; его облачали в разные одежды и умащали благовониями. Виноградная лоза и плющ, хотя первоначально и не связывались с Дионисом (который вначале был богом производительных сил природы вообще), в дальнейшем прочно вошли в его мифологию. Об этом свидетельствует множество эпитетов Диониса, связанных либо с самим этим растением, либо с вином как продуктом виноградной лозы. «Виноградный», «многогроздный», «виноносец», «виноразливатель» и др. — главные эпитеты Диониса, а название одного из дионисовских праздников Ленеи связано со словом, имеющим значение «давления», «точило», «чан». Плющ тоже был связан с культом и мифом Диониса, кипарис — с погребальным трауром, платан — с культом Аполлона, Диониса, Геракла и многих героев, тополь понимался как символ мрака, горя и слез, лавровое дерево — наоборот, как символ света, исцеления и было связано с культом Аполлона, дуб — прежде всего с культом Зевса (очевидно, как царь среди деревьев).

Змей и змея — наиболее типичные хтонические животные. Появление в поздних мифах героев, убивающих драконов, является наилучшим свидетельством борьбы новой культуры с хтонизмом вообще. Даже такие светлые и прекрасные богини, как Афина, Паллада, имели свое змеиное прошлое. У Софокла она называется «живущей со змеей», а в Орфическом гимне она просто змея. На афинском акрополе в храме Афины Паллады содержалась священная змея; в Аргосе змеи считались неприкосновенными.

Немалую роль в культе и мифе играла собака, вплоть до представления человеческих душ в виде хтонических собак. Волк имел ближайшее отношение к Аполлону; однако Зевс Ликейский в Аркадии тоже некогда почитался в образе волка. Особой популярностью пользовалась также

мифология быка и коровы. Распространено было представление о верховном божестве как о быке на Крите. В виде коня представлялся Посейдон, архаический миф указывает на его брак с Деметрой в образе лошади.

Несомненно, сам человек мыслился вполне фетишистски; его духовная жизнь целиком отождествлялась либо с его функциями, либо со всем человеческим организмом. Фетишистски представлялся человеческий и вообще животный организм и его части. Например, голова растерзанного вакханками Орфея плывет к Лесбосу, пророчествует и творит чудеса. Глаза Афины Паллады поражают своим диким и магнетическим выражением. Глаза Медузы, одной из горгон, превращают в камень все, на что она устремляет свой взор. Из зубов дракона появляются спарты — родоначальники фиванских царей. Согласно теогонии орфиков, Афина Паллада появляется не из головы Зевса, а из сердца, причем такое происхождение не противоречит указанию на мудрость богини, поскольку само сердце толкует у философов-орфиков как начало мыслительное. Кровь тоже является носителем души. У раненого душа выходит через рану, очевидно, в виде крови: «Чрез! отверстие зияющей раны вышла поспешно душа» (Гомер, *Иллиада*, XIV 518 след.). Патрокл вырвал из тела одновременно «душу и жало копья» (XVI 505). Фетишистские представления переносились не только на отдельного человека, но и на всю родовую общину. Люди думали, что весь данный род представлен каким-нибудь животным, каким-нибудь растением или даже неодушевленной вещью (например, происхождение народа мирмидонян от муравьев). Фетишистское понимание охватывало всю природу, весь мир, который представлялся как единое живое тело, на первых порах обязательно женское. Небо и земля, земля и море, море и преисподняя очень слабо различались между собой в первобытном сознании. Такое пред-

ставление сохранялось в Греции еще в классическую эпоху, когда говорили о Зевсе Олимпийском и Зевсе Подземном, о Посейдоне как «земледержце» и «землетрясателе» и в то же время о Посейдоне как о морском божестве.

По мере развития производящего хозяйства человек начинает интересоваться вопросами производства вещей, их составом, их смыслом и принципами их строения. Тогда-то человек научился отделять «идею» вещи от самой вещи, а так как вещами являлись фетиши — отделять идею фетиша от самого фетиша, т. е. отделять магическую силу демона вещи от самой вещи — так совершился переход к анимизму. Как и фетишизм, анимизм (*animus*, «дух», *anima*, «душа») имел свою историю. Вначале существовало представление, что демон вещи настолько неотделим от самой вещи, что с ее уничтожением он тоже прекращает свое существование (подобно нимфам дерева гаматридам, умирающим вместе с порубкой самого дерева). В дальнейшем росло представление о самостоятельности этих демонов, которые не только отличаются от вещей, но и способны отделяться от них и сохраняться в течение более или менее длительного срока после уничтожения этих вещей (подобно нимфам дерева дриадам, уже остающимся в живых после уничтожения самого дерева). Первоначальный анимизм связан с представлением о демонизме как о некоей силе, злой или (реже) благотворной, определяющей судьбу человека. У Гомера имеется много примеров именно такого безымянного, безликого, внезапно действующего, совершенно неожиданного и страшного демона. Олимпийские боги тоже бывают страшными, но они имеют человеческий вид, имена, к ним можно обращаться с просьбами, с ними возможно общение. Но то, что Гомер называет демоном, часто совершенно противоположно этому. Это есть именно мгновенно возника-

ющая и мгновенно уходящая страшная и роковая сила, о которой человек не имеет никакого представления, которую не может назвать по имени и с которой нельзя вступить ни в какое общение, так как этот демон еще не имеет никакой фигуры и никакого лица, никакого вообще очертания. Внезапно нахлынув неизвестно откуда, он мгновенно производит катастрофу и тут же бесследно исчезает. Элементы этого, так называемого внезапного, преанимизма (по терминологии немецкого ученого Г. Узенера, преанимистический демон есть не что иное, как «бог данного мгновения») многократно встречаются у Гомера; с преанимизма начинается общее анимистическое мировоззрение. Древний преанимистический элемент замечен даже в крупных мифологических фигурах. Демон — это первоначально та внезапно действующая сила, о которой человеку ничего не известно, его законченного образа еще не существует, но он уже не является фетишем. В дальнейшем в результате освоения мифологическим мышлением этих демонов появляются демоны отдельных вещей, событий, обладающие разной силой воздействия на человеческую жизнь и природу. С момента, когда прежде безличный демон получает ту или иную индивидуализацию, происходит переход от преанимизма к анимизму. Боги и демоны греческой мифологии мыслятся обычно как существа материальные, чувственные. Они обладают самым обыкновенным телом, хотя оно возникает из разных видов материи. Если древние греки представляли себе, что самая грубая и тяжелая материя — это земля, вода же есть нечто более разреженное, а воздух еще тоньше, чем вода, и тоньше воздуха огонь, то и демоны состояли из всех этих стихий. Боги же состояли из материи еще более тонкой, чем огонь, а именно из эфира. Древнейшее анимистическое представление греков выражено в мифе о Мелеagre.

Древние анимистические демоны представляются, как правило, в беспорядочном и дисгармоничном виде. Так называемые тератологические мифы (от греч. «чудо» и «чудовище») повествуют о чудовищах и страшилищах, символизирующих силы земли. Гесиод подробно рассказывает о порожденных небом Ураном и землей Геей титанах, циклопах и сторуких. В последних чудовищность подчеркнута особенно: у каждого из них по 100 рук и 50 голов. Порождением земли и тартара является стоглавый Тифон (по другой версии, его породила Гера, ударив ладонью по земле и получив от нее магическую силу). Среди порождений земли эринии — страшные, седые окровавленные старухи с собачьими головами и со змеями в распущенных волосах. Они блюдают уставы земли и преследуют всякого преступника против земли и прав материнского родства. От эхидны и Тифона рождаются собака Орф, медногласый и пятидесятиголовый кровожадный страж Аида Кербер, лернейская гидра, Химера с тремя головами: львицы, козы и змеи с пламенем изо рта, Сфинкс, убивающая всех, кто не разгадал ее загадок; а от Эхидны и Орфа — немейский лев. Миксантропическими (т. е. соединившими в себе черты человека и животного) демонами являются сирены (полуптицы-полуженщины), кентавры (полукони-полулюди). Все это примеры невыделенности в первобытном человеческом сознании человека из природы, рассматривавшего себя как неотъемлемую ее часть.

Стихийно-чудовищная тератологическая мифология эпохи матриархата (Медуза, горгоны, Сфинкс, Эхидна, Химера — чудовища женского пола) получает обобщение и завершение в образе Великой матери или богини-матери. В классическую эпоху Греции эти образы были оттеснены на задний план, но в глубинах догомеровской истории, а затем в эллинистическо-римский период, когда происходит возрождение архаики, тератологичес-

кая мифология (и прежде всего культ богини-матери) имела огромное значение.

В развитом анимизме трансформация демона или бога приводит к антропоморфическому, т. е. очеловеченному, их пониманию. Именно у греков этот антропоморфизм достиг своего наивысшего оформления и выразился в целой системе художественных или пластических образов. Но каким бы совершенным ни был антропоморфический образ бога, демона или героя в греческой мифологии, он всегда содержал в себе черты более раннего, чисто фетишистского развития (ср. свиные глаза Афины, змея — постоянный ее атрибут, глаза коровы у Геры). К поздним, так называемым героизированным, формам матриархальной мифологии относятся прежде всего амазонки; их образ — явный рудимент среди нематриархальной и уже чисто героической мифологии. Мифы о вступлении в брак богинь со смертными героями в период патриархата и героической мифологии также звучат как странная экзотика и рудимент давно ушедшей эпохи (браки Фетиды и Пелея, Афродиты и Анхиса, Гармонии и Кадма, дочери Гелиоса Кирки и Одиссея и др.).

Олимпийский период. Ранняя классика. В мифологии этого периода, связанного с переходом к патриархату, появляются герои, которые расправляются с чудовищами и страшилищами, некогда пугавшими воображение человека, задавленного непонятной ему и всемогущей природой. Аполлон убивает пифийского дракона и основывает на этом месте свое святилище. Тот же Аполлон убивает двух чудовищных великанов — сыновей Посейдона Ота и Эфиальта, которые выросли настолько быстро, что, едва возмужав, уже мечтали взобраться на Олимп, овладеть Герой и Артемидой и, вероятно, царством самого Зевса. Так же убивает дракона Кадм и на месте битвы основывает город Фивы,

Персей убивает Медузу, Беллерофонт — Химеру, Мелеагр — калидонского вепря. Совершает свои 12 подвигов Геракл.

Вместо мелких богов и демонов появляется один главный, верховный бог Зевс, которому подчиняются все остальные боги и демоны. Патриархальная община водворяется теперь на небе, или, что то же самое, на горе Олимп (отсюда понятия «олимпийские боги», «олимпийская мифология»). Зевс сам ведет борьбу с разного рода чудовищами, побеждает титанов, киклопов, Тифона и гигантов и заточает их под землю, в тартар. Появляются боги нового типа. Женские божества, оформившиеся из многогранного древнего образа богини-матери, получили новые функции в эпоху героизма. Гера стала покровительницей браков и моногамной семьи. Деметра — культурного земледелия, Афина Паллада — честной, открытой и организованной войны (в противоположность буйному, анархическому и аморальному Аресу), Афродита — богиней любви и красоты (вместо прежней дикой всепорождающей и всеуничтожающей богини), Гестия — богиней домашнего очага. Даже Артемида, которая сохранила древние охотничьи функции, приобрела красивый и стройный вид и превратилась в образец дружелюбного и сердечного отношения к людям. Ремесло также обрело своего покровителя, а именно — Гефеста. В XX гомеровском гимне ему приписывается покровительство всей цивилизации. Богами патриархального уклада жизни стали Афина Паллада и Аполлон, которые славятся мудростью, красотой и художественно-конструктивной деятельностью. Гермес из прежнего примитивного божества превратился в покровителя всякого человеческого предприятия, включая скотоводство, искусство, торговлю, он водит по дорогам земли и даже сопровождает души в загробный мир. Не только боги и герои, но и вся жизнь получила в мифах совершенно

новое оформление. Прежде всего преобразается вся природа, которая раньше была наполнена страшными и непонятными для человека силами. Власть человека над природой значительно возросла, он уже умел более уверенно ориентироваться в ней (вместо того чтобы прятаться от нее), находить в ней красоту, использовать природу для своих надобностей. Если раньше нимфы рек и озер — океаниды или нимфы морей — нереиды, а также нимфы гор, лесов, полей и др. — это воплощения дикости и хаоса, то теперь природа предстает умиротворенной и поэтизированной. Власть над морской стихией принадлежит не только грозному Посейдону, но и довольно мирному и мудрому богу морей Нерею. Рассеянные в природе нимфы становятся предметом поэтического любования.

Всем правил Зевс, и все стихийные силы оказались в его руках. Прежде он сам был и ужасным громом, и ослепительной молнией, не было никакого божества, к кому можно было бы обратиться за помощью против него. Теперь же гром и молния, равно как и вся атмосфера, стали не больше как атрибутами Зевса. Греки стали представлять, что от разумной воли Зевса зависит, когда и для каких целей пользуется он своим перуном. Характерно окружение Зевса на Олимпе. Около него Ника («победа») — уже не страшный и непобедимый демон, но прекрасная крылатая богиня, которая является только символом мощи самого же Зевса. Фемида раньше тоже ничем не отличалась от земли и была страшным законом ее стихийных и беспорядочных действий. Теперь она воспринимается как богиня права и справедливости, богиня правопорядка, находящаяся возле Зевса как символ его благоустроенного царства. Дети Зевса и Фемиды — горы, или оры, — веселые, прелестные, благодетельные, вечно танцующие богини времен года и государственного распорядка, справедливейшим образом ниспосыла-

ющие с неба атмосферные осадки путем открывания и закрывания небесных ворот. Рядом с Зевсом также и Геба — символ вечной юности, и мальчик-виночерпий Ганимед, некогда похищенный с земли Зевсом-орлом. Даже мойры — страшные и неведомые богини рока и судьбы, управлявшие всем мирозданием, — трактуются теперь как дочери Зевса и ведут блаженную жизнь на Олимпе. Мудрое, веселое и изящное окружение характерно и для Аполлона с его музами, и для Афродиты с ее Эротом и другими игривыми демонами любви, с ее харитами, с ее вечными танцами, улыбкой и смехом, беззаботностью и непрерывными радостями. Человеческий труд также получил свое дальнейшее отражение в мифологии: по повелению богини земледелия Деметры Триптолем разъезжает по всей земле и учит всех законам земледелия. Звери приручаются человеком — отголосок этого сохранился в мифе о Геракле, усмирившем диких коней Диомеда. Гермес и Пан следят за стадами и не дают их никому в обиду. Появляются мифические образы знаменитых художников (среди них Дедал), которые поражают мир своими открытиями и изобретениями, своим художественно-техническим творчеством. Дедал построил на Крите знаменитый лабиринт, великолепные здания для спасшего его царя Кокала, площадку для танцев Ариадны, соорудил крылья для своего полета с сыном Икаром (рассказ об этом и о трагической гибели Икара дан Овидием в «Метаморфозах»). Посейдон и Аполлон строят стены города Трои. Характерен миф об Амфионе, своей игрой на лире заставляющем камни складываться в стены города Фивы. Сохранились мифологические предания о таких необыкновенных певцах, как Мусей, Эвмолп, Фамирид, Лин и особенно Орфей, которым приписываются черты, характеризующие их как деятелей восходящей цивилизации.

Подвиги Геракла — вершина герои-

ческой деятельности. Этот сын Зевса и смертной женщины Алкмены — не только истребитель разного рода чудовищ (немейского льва, лернейской гидры, керинейской лани, эриманфского вепря и стимфалийских птиц), не только победитель природы в мифе об авгиевых конюшнях и борец против матриархата в мифе о поясе, добытом у амазонки Ипполиты. Если своими победами над марафонским быком, конями Диомеда и стадами Гериона он еще сравним с другими героями, то двумя подвигами, ставшими апофеозом человеческой мощи и героического дерзания, он

превзошел всех героев древности: на крайнем западе, дойдя до сада Гесперид, он овладел их яблоками, дарующими вечную молодость; в глубине земли он добрался до самого Кербера и вывел его на поверхность.

Тема победы смертного человека над природой звучит и в других греческих мифах олимпийского периода. Когда Эдип разгадал загадку Сфинкса, она бросилась со скалы. Когда Одиссей (или Орфей) не поддавался завораживающему пению сирен и невредимо проплыл мимо них, сирены в тот же момент погибли. Когда аргонавты благополучно проплыли среди скал

Афродита обучает Эроса (Эрота) стрельбе из лука. Бронзовое зеркало. IV в.

Симплегад, которые до тех пор непрерывно сходились и расходились, то Симплегады остановились навсегда. Когда же аргонавты прибыли в сад Гесперид, те рассыпались в пыль и только потом приняли свой прежний вид.

Поздний героизм. Процесс разложения родовых отношений, формирования раннеклассовых государств в Греции нашел отражение в греческой мифологии, в частности в гомеровском эпосе. В нем отразилась переходная ступень между старым, суровым героизмом и новым, утонченным. Примеров воинской доблести у Гомера сколько угодно, но у него же много примеров религиозного равнодушия, доходящего даже до критики авторитетнейших из богов. Герои в этой мифологии заметно смеются, их свободное обращение с

богами растет, они осмеливаются даже вступать в состязание с богами. Лидийский царь Тантал, который был сыном Зевса и пользовался всеобщим благоволением богов, возгордился своей властью, огромными богатствами и дружбой с богами, похитил с неба амбросию и нектар, стал раздавать эту божественную пищу обыкновенным людям. Сисифф подсмотрел любовные встречи Зевса и Эгины и разгласил эту тайну среди людей. Царь Иксион влюбился в Геру — супругу верховного бога Зевса и, обнимая тучу, думал, что обнимает Геру. Диомед вступает в рукопашный бой с Аресом и Афродитой. Салмоней и вовсе объявил себя Зевсом и стал требовать божеских почестей. Конечно, все эти неблагочестивые или безбожные герои несут то или иное наказание. Но это уже первые признаки

Пан. Бронзовая статуэтка из Аркадии. V в.

того периода греческой истории, когда мифология станет предметом литературной обработки. Для этой эпохи разложения героической мифологии характерны мифы о родовом проклятии, которое приводит к гибели нескольких поколений подряд. Фиванский царь Лай украл ребенка и был за это проклят отцом этого ребенка. Проклятие лежало на всем роде Лая: сам он погиб от руки собственного сына Эдипа. Покончила с собой Иокаста — жена сначала Лая, а потом Эдипа, узнав, что Эдип — ее сын. Вступив в единоборство, погибли оба сына Эдипа — Этеокл и Полиник, потом погибли и их сыновья. Проклятие легло и на род Пелопа — сына Тантала. Преступления самого Тантала были умножены его потомством. Пелоп обманул возницу Миртила, пообещав полцарства за помощь в победе над царем Эномаем, и попал под проклятие Миртила, в результате чего сыновья Пелопа Атрей и Фиест находятся во взаимной вражде; Атрей по недоразумению убивает собственного сына, подосланного Фиестом; за это он угощает Фиеста зажаренным мясом детей Фиеста. Свою жену Аэропу, способствовавшую козням Фиеста, он тоже бросает в море и подсылает сына Фиеста к самому Фиесту, чтобы его убить, но, понявший козни Атрея, сын Фиеста убивает Атрея. Один из сыновей Атрея Агамемнон погибает

*Геракл борется с Немейским львом.
Деталь афинской амфоры*

от руки собственной жены Клитемистры и своего двоюродного брата Эгисфа. Того же убивает сын Агамемнона Орест, за что его преследуют богини-мстительницы эринии. Характерно, что очищение от своего преступления Орест получает не только в святилище Аполлона в Дельфах, но и в Афинах — решением ареопага (светского суда) под председательством Афины Паллады. Так выход из тупика общинно-родовых отношений возникает уже за пределами первобытного строя, на путях афинской государственности и гражданственности.

Известны два мифа, по которым можно проследить, как греческая мифология приходила к самоотрицанию. Прежде всего это был миф, связанный с Дионисом — сыном Зевса и смертной женщины Семелы, который прославился как учредитель оргий и бог неистовствовавших вакханок. Эта оргиастическая религия Диониса распространилась по всей Греции в VII в. до н. э., объединила в своем служении богу все сословия и потому была глубоко демократической, направленной к тому же против аристократического Олимпа. Экстаз и экзальтация поклонников Диониса создавали иллюзию внутреннего единения с божеством и тем самым как бы уничтожали непроходимую пропасть между богами и людьми. Поэтому культ Диониса, усиливая человеческую самостоятельность, лишал его мифологической направленности. Возникшая из культа Диониса греческая трагедия использовала мифологию только в качестве служебного материала, а развивавшаяся также из культа Диониса комедия прямо приводила к резкой критике древних богов и к полному их попранию. У греческих драматургов Еврипида и Аристофана боги сами свидетельствуют о своей пустоте и ничтожестве; явно, что мифология и в жизни, и в греческой драме приходит к самоотрицанию. Другой тип мифологического самоотрицания возник в связи с обра-

зом Прометея. Сам Прометей — божество, он либо сын титана Иапета, либо сам титан, т. е. он или двоюродный брат Зевса, или даже его дядя. Когда Зевс побеждает титанов и наступает героический век, Прометей за свою помощь людям терпит от Зевса наказание — он прикован к скале в Скифии или на Кавказе. Наказание Прометея понятно, поскольку он противник олимпийского героизма, т. е. мифологии, связанной с Зевсом. Поэтому в течение всего героического века Прометей прикован к скале, и у Гомера о Прометее нет ни слова. Но вот героический век подходит к концу, незадолго до Троянской войны — последнего большого деяния героического века — Геракл освобождает Прометея. Между Зевсом и Прометеем происходит великое примирение, которое означает торжество Прометея, даровавшего людям огонь и зачатки цивилизации, сделавшего человечество независимым от бога. Таким образом, Прометей, будучи сам богом, разрушал веру в божество вообще и в мифологическое восприятие мира. Недаром мифы о Дионисе и Прометее распространились на заре классового общества, в период формирования греческой полисной системы.

Художественная разработка древних оборотнических мифов тоже свидетельствует о самоотрицании мифологии. В эллинистическо-римский период античной литературы выработывался даже специальный жанр превращений, или метаморфоз, который нашел воплощение в сочинении Овидия «Метаморфозы». Обычно имеется в виду миф, который в результате тех или других перипетий заканчивается превращением фигурирующих в нем героев в какие-нибудь предметы неодушевленного мира, в растения или в животных. Например, Нарцисс, иссохший от любви к своему собственному изображению в воде, превращается в цветок, получающий такое же название. Гиакинф умирает, проливая свою кровь на землю, и из

этой крови вырастает цветок гиацинт. Кипарис, убивший оленя, очень сожалел об этом и от тоски превратился в дерево кипарис. Все явления природы одушевлялись, считались живыми существами в далеком прошлом — мифическом времени, но теперь в этот поздний героический век утратили свою мифичность, и только людская память поздней античности сохранила воспоминание о мифическом прошлом, находя в этом уже одну художественную красоту. Популярность этого жанра превращений в литературе эллинистическо-римского периода иной раз свидетельствует о печали людей по поводу безвозвратного мифического времени и невозможности иметь старинную наивную и нетронутую веру в буквальный реализм мифа. Эти мифы свидетельствовали о гибели наивной мифологии в эллинистическо-римский период, о замене ее обыкновенной, трезвой и реалистической поэтизацией природы и человека.

* * *

Будучи одной из древнейших форм освоения мира, греческая мифология имеет огромное самостоятельное эстетическое значение. Наиболее отчетливо и завершено эта эстетическая направленность греческой мифологии выявлена в гомеровском эпосе и в «Теогонии» Гесиода, где мифологическая картина всего космоса, богов и героев приняла законченно-систематический вид. У Гомера красота есть божественная субстанция и главные художники — боги, создающие мир по законам искусства. Недаром красота мира создается богами в страшной борьбе, когда олимпийцы уничтожают архаических и дисгармоничных чудовищ. Правда, эта дикая доолимпийская архаика тоже полна своеобразной красоты. Тератоморфизм совмещает в себе чудовищность и чудесность, ужас и красоту. Однако красота архаической мифологии гибельна: сирены привле-

кают моряков прекрасными голосами и умерщвляют их. Красота мифологической архаики достигает подлинного совершенства в удивительном безобразии причудливых форм таких чудовищ, как Тифон или сторукие. Гесиод с упоением изображает стоголового Тифона, у которого пламенем горят змеиные глаза. Головы Тифона рычат львом, ревут яростным быком, заливаются собачьим лаем. Жуткий сторукий Котт именуется у Гесиода безупречным. Ужас и красота царят в «Теогонии» Гесиода, где сама Афродита рождается из крови оскотленного Урана, а богиня Земля-великанша неустанно порождает чудовищных детей, «отдавись страстным объятиям Тартара». Зевс, сражаясь с титанами, тоже прекрасен своим грозным видом. Он пускает в ход перуны, гром и молнии так, что дрожит сам Аид, а Земля-великанша горестно стонет. Когда олимпийцы и титаны швыряют друг в друга скалы и горы, жар от Зевсовых молний опалает мир, поднимается вихрь пламени, кипит земля, океан и море. Жар охватывает тартар и хаос, солнце закрыто тучей от камней и скал, которые мечут враги, ревет море, земля дрожит от топота великанов, а их дикие крики доносятся до звездного неба. Перед нами — космическая катастрофа, картина мучительной гибели мира доолимпийских владык. В муках рождается новое царство Зевса и великих героев, оружием и мудрой мыслью создающих новую красоту, ту, которая основывается не на ужасе и дисгармонии, а на строе, порядке, гармонии, которая освящена музами, харитами, горами, Аполлоном в его светлом обличье, мудрой Афиной, искусником Гефестом и которая как бы разливается по всем миру, преображая его и украшая. Гомеровская мифология — это красота героических подвигов, поэтому она и выражена в свете и сиянии солнечных лучей, блеске золота и великолепии оружия. В мире этой красоты мрачные хтонические силы заключены в

тартар или побеждены героями. Чудовища оказываются смертными. Гибнут горгона Медуза, Пифон, Эхидна, Химера, лернейская гидра. Прекрасные олимпийские боги жестоко расправляются со всеми, кто покушается на гармонию установленной ими власти, той разумной упорядоченности, которая выражена в самом слове «космос» (греч. «украшение»). Однако побежденные древние боги вмешиваются в эту новую жизнь. Они дают, как Земля, коварные советы Зевсу, они готовы вновь возбудить силы разрушения. Да и сам героический мир становится настолько дерзким, что нуждается в обуздании. И боги посылают в этот мир красоту, воплощая ее в облике женщины, несущей с собой соблазны, смерть и самоуничтожение великих героев. Так появляется созданная богами прекрасная Пандора с лживой душой. Так рождается от Зевса и богини мести Немесиды — Елена, из-за красоты которой убивают друг друга ахейские и троянские герои. Прекрасные женщины (Даная, Семела или Алкмена) соблазняют богов и изменяют им и даже презирают их (как Коронида или Кассандра). Ушедший в прошлое мир матриархальной архаики мстит новому героизму, используя женскую красоту, столь воспеваемую в эпоху классического олимпийства. Женщины вносят зависть, раздор и смерть в целые поколения славных героев, заставляя богов наложить проклятие на своих же потомков.

Прекрасное в мифе оказывается активным, беспокойным началом. Оно, воплощаясь в олимпийских богах, является принципом космической жизни. Сами боги могут управлять этой красотой и даже изливать ее на людей, преображая их. Например, мудрая Афина у Гомера одним прикосновением своей волшебной палочки сделала Одиссея выше, прекраснее и завila ему кудри, наподобие гиацинта. Афина преобразила Пенелопу накануне встречи ее с супругом: сделала ее выше, белее и

вылила на нее амбросийную мазь, которой пользуется сама Афродита. Здесь красота предстает собой некую тончайшую материальную субстанцию, обладающую небывалой силой. Древняя фетишистская магия, на которой основана вся практика оборотничества, преобразована в благодетельное воздействие мудрого божества на любимого им героя. Но еще важнее та внутренняя красота, которой наделяют олимпийские боги певцов и музыкантов. Это красота поэтического мудрого вдохновения. Мифический поэт и певец вдохновляется музами или Аполлоном. Но музы и Аполлон — дети Зевса, так что в конечном счете красота поэтического таланта освящается отцом людей и богов. Поэт, певец и музыкант обладает пророческим даром, ведая не только прошлое, но и будущее. Вся греческая мифология пронизана преклонением и восхищением перед этой внутренней вдохновенной красотой, обладающей великой колдовской силой. Орфей заставлял своей игрой на лире двигаться скалы и деревья и очаровал Аиду с Персефоной. Играя на лире, Амфион двигал огромные камни, складывая из них стены Фив. Представление о красоте прошло в греческой мифологии долгий путь развития от губительных функций к благодетельным, от совмещения с безобразным к воплощению ее в чистейшем виде, от фетишистской магии до милых и мудрых олимпийских муз. Греческая мифология в историческом развитии — неисчерпаемый источник для освоения в плане эстетическом и раскрытия ее художественного воздействия в литературе и искусстве.

* * *

Соответственно политическим взглядам и стилю того или иного автора греческая мифология получает то или иное оформление и использование. Например, у Эсхила Афина Паллада выступает защитницей афин-

ской гражданственности и государственности («Орестея»), образ Прометея был наделян им же передовыми и даже революционными идеями («Прикованный Прометей»), борьба Антигоны и Креонта представлена у Софокла как борьба семейно-родовых традиций с государством («Антигона»). Роль греческой мифологии в таких случаях чисто служебная: например, у Еврипида от мифических героев иной раз остаются только божественные имена. Они являются у него то самыми обыкновенными, даже слабыми людьми, то наделяны сильными страстями, раздираемыми противоречиями. Аристофан в своих комедиях изображает богов в комическом и издевательском духе, следуя традиционной вседозволенности, связанной с ритуальным происхождением театра.

Философы древности, понимая под богами те или иные философские категории, строили на них целую систему философии. Платон и Аристотель рассматривали греческую мифологию в качестве художественной формы или одной из форм наивного народного мышления. Для стоиков греческая мифология имела также аллегорический смысл. Для эпикурейцев боги — особого рода существа, возникшие из атомов, не имеющие ни силы, ни желания воздействовать на мир и являющиеся идеалами спокойной, безоблачной жизни. Скептики, отрицая познаваемость всего существующего, доказывали непознаваемость и немислимость мифологических существ. В III в. до н. э. получила распространение теория писателя и философа Евгемера, трактовавшая всех богов и героев как действительно живших некогда людей, прославившихся своими деяниями и возведенных современниками в ранг сверхъестественных существ. За Евгемером следовали многие историки (Диодор Сицилийский и др.). Саркастической критике подвергает традиционную мифологию Лукиан (II в.).

Наряду с просветительской критикой мифологии в эпоху эллинизма наблюдается тенденция к ее реставрации. С падением классического полиса формируются огромные военно-монархические государства (куда Греция вошла как составная часть), требовавшие для себя такой же грандиозной и импозантной мифологической системы. Римская империя создала не только внушительные формы религии мифологического синкретизма, но и глубоко продуманную систему религиозно-мифологических образов, которая была превращена в универсальную систему логических категорий неоплатонизма. В середине IV в. римский император Юлиан, борясь с христианством, которое уже было официальной религией, пытался восстановить язычество с его философско-мифологическими темами. Его деятельность завершилась крахом, а в 529 г. император Юстиниан, закрыв платоновскую академию, изгнал последних неоплатоников-философов за пределы Греции и Рима.

В средние века греческая мифология рассматривалась либо как область малозначащих сказок, либо как цитадель земных соблазнов, когда каждый греческий бог расценивался как некий бес. Тем не менее, образуя низовое течение средневековой культуры, греческая мифология сохранилась вплоть до эпохи Возрождения и стала одним из источников расцветшего в эпоху Возрождения гуманизма. Греческие боги и герои рассматривались как чисто художественные образы, содержательные, глубокие, красивые и благородные. Эти образы обретают новое содержание, в котором выражалось желание личности сбросить с себя гнет средневековья и защитить свои земные и интимно-личные права. «Триумф Вакха и Ариадны» Лоренцо Медичи (1559) или «Венера и Адонис» У. Шекспира (1593) позволяют понять, какими земными страстями наделялись боги греческой мифологии. Во французском классицизме

XVII в. греческая мифология приобретает ясные и четкие формы, выражая собой идеи и вкусы абсолютной монархии (например, в трагедиях П. Корнеля, Ж. Расина, в эстетике Н. Буало). В XVIII в. наблюдается салонный подход в греческой мифологии (Грекур, Грессе, Парни); греческая мифология была превращена в собрание шуточных анекдотов, среди которых главную роль играли изящные, но не всегда пристойные образы Амура, Купидона, Вакха и разного рода веселые и забавные приключения греческих богов и героев. В XVIII—XIX вв. огромное значение имела теория немецкого ученого И. И. Винкельмана, понимавшего античность с ее искусством и мифологией чисто пластически, в стиле благородной простоты и спокойного величия. Однако уже романтики начали трактовать античные мифологические образы с точки зрения глубоких и стихийных человеческих страстей (немецкий писатель Г. Клейст) или как символы революционной борьбы (английский поэт П. Б. Шелли). С последней трети XIX в. (немецкий философ Ф. Ницше и др.) при рассмотрении греческой мифологии на первый план начали выдвигаться не пластика и наивная безоблачная красота греческих богов и героев, а темные стихийные экстазы. Ницше представлял греческую трагедию как синтез двух начал — дионисийского (оргастического, иступленного, экзальтированного) и аполлоновского (спокойного, величавого, уравновешенного и пластического). Подобное отношение к греческой мифологии нашло поэтическое отражение у поэтов-символистов (В. Брюсов, Ин. Анненский, Вяч. Иванов, Ф. Сологуб). Гегель и особенно Шеллинг дали систематическую философскую концепцию мифологии. С этого времени, сначала на материале греческой мифологии как более изученной, а затем и на материале других мифологий строятся многочисленные мифологические направления и школы.

Этруски

Этруски, также известные в античности как туски, тирсены или тиррены, создали в Италии в I-м тысячелетии до н. э. оригинальную религиозно-мифологическую культуру, которая произвела сильное впечатление на соседние народы, включая римлян. Этрускам приписывалось особое совершенство в прорицаниях и в совершении обрядов, способных влиять на волю демонов и богов, отсрочивая предназначенное ими как отдельному человеку, так и целому народу. Правители Рима в сложных политических обстоятельствах часто обращались либо прямо к этруским гадателям, либо к зафиксированной в специальных книгах этруской науке. Христианские же авторы звали Этрурию матерью всех суеверий.

По языку этруски сильно отличались от окружающих племен Италии: последние говорили на языках, которые вместе с греческим, славянским и многими другими относятся к индоевропейской языковой семье. Этруский же язык не имеет среди языков мира близких родственников, за одним исключением. Это исключение — не тождественный этрускому, но очень сходный с ним язык одной надписи VI в. до н. э., найденной на острове Лемносе у берегов Малой Азии. Лемноская надпись подтверждает древнюю традицию, говорящую о восточном происхождении этрусков. По легенде, записанной греческим историком Геродотом, некогда герой Тирсен привел их в Италию из малоазийской области Лидии. По другим авторам, Тирсену в этом плаваньи сопутствовал брат его Тархонт, а общего их отца звали Телефом. За фигурами Телефа и Тархонта на деле стоят образы малоазийских богов: хеттского бога плодородия Телепи, или Телепина, и бога грома Тарху, либо Тархунта, что по-хеттски значило «победитель, герой».

Переосмысленный в качестве

героя-предка, Тарху (Тархонт) был на самом деле популярен в Этрурии, где в его честь назывался большой город Тархна, по-латински Тарквинии. С окрестностями этого города связывался фундаментальный для этруской религии миф о том, как во время пахоты из борозды поднялся божественный ребенок с седой головой Таг, который начал петь и пропел полный свод правил взаимодействия людей с богами и организации всей человеческой жизни по предписанным свыше нормам. Окончив пение, Таг умер, но поведенное им успели записать собравшиеся на это чудо правители 12 этруских городов, называвшиеся лукумонами. Присутствовал при этом и герой Тарквиний — Тархонт-Тарху, владевший искусством заклинать молнии в согласии со своими исконными малоазийскими функциями грозового бога. С тех пор вся религиозная жизнь этрусков стала регулироваться законом, который будто бы дал Таг и который был занесен в книги, названные Тагетовыми.

Верования этрусков восстанавливаются, по сообщениям римских и греческих писателей, а также по этруским текстам, лишь в очень ограниченной степени поддающимся достоверному истолкованию, и памятникам этруского искусства, на которых художники, изображая мифологические сцены, часто указывали имена персонажей. Согласно византийскому автору Свиде этруски думали, что миру отведены на существование 12 000 лет — по числу знаков зодиака. В 1-е тысячелетие некий бог-творец создавал небо и землю, во 2-е — зримую небесную твердь, видимо, не тождественную небу 1-го тысячелетия, в 3-е — зажигал солнце, луну и звезды, в 4-е же сотворил воду в море и на земле, в 5-е — животных, а в 6-е — людской род, каковому определил жить 6000 лет, после чего мир должен погибнуть. Ученые спорят о досто-

верности этого свидетельства, указывая параллели к нему в библейской книге Бытия, в индуистской мифологии и священных книгах иранцев.

В этой связи привлекают текст, переведенный в конце II или начале I в. до н. э. с этрусского на латынь и содержащий прорицания мифической нимфы Вегои, будто бы научившей людей в дополнение к Тагетову закону гадать по молниям. В этом тексте вспоминаются времена, когда море было отдалено (или отделено) от неба, после чего громовержец Юпитер, с которым отождествлялся этрусский бог неба Тин, взял себе во владение землю Этрурии: он размежевал ее на участки, поставив на их рубежах камни, каковые людям запрещено сдвигать. Здесь также может идти речь о создании мира. Тогда, как и у Свида, укрепление неба предшествует образованию моря, а затем начинается деятельность бога-творца на Земле. Но прорицание Вегои может иметь и другой смысл — например, образ моря, подступившего к небу, перекликается с мифами о потопе. В этом тексте размежевание этрусской земли мыслится установленным и неизменным с доисторических времен вопреки сказанию об этрусках как малоазиатских пришельцах и завоевателях в Италии.

В этрусской «науке» видное место занимало утверждение о чередовании особых веков в жизни каждого племени, каждого города. Века отсчитывались так: I в. истекал со смертью последнего из граждан, родившихся в день основания города, II в. — со смертью последнего из бывших в живых в день окончания I в. и т. д. В то же время жители всей Этрурии мыслились как одно сообщество: потому существовал и единый отсчет веков этрусского народа. Начало первого века приходилось на первую половину X в. до н. э. Века были разной длины — по 100, 119, 123 года — в зависимости от возраста этруска-долгожителя, чьей жизнью вымерялся каждый из веков. Считалось, что всего этрускам

положены на Земле 10 веков, после чего исчезнет имя их народа. Судя по всему, конец X в. должен был прийти на I—II вв. н. э., и можно считать, что пророчество сбылось, ибо в это время исчезают надписи на этруском языке и завершается романизация Этрурии.

Этруски верили во многих богов. Некоторых из них они переняли у греков, а также у своих итальянских соседей. Таковы Аполлон и Артемида, по-этруски Аплу и Артумес; загробные повелители Аид и Персефона, у этрусков Аита и Пхерсипнаи; герой-воитель Геракл, в Этрурии Херкле; итальянский бог вод Нептун, ставший у этрусков Нетхуном; сходный с греческим Аидом подземный бог итальянцев Ведис, или Вейовис, этрусский Ветис; наконец, широко почитавшаяся в Италии богиня плодородия Весона, или Весуна. Другие этрусские боги перенесены из хеттской Малой Азии. Например, бог Кулсан с двумя всевидящими лицами, обращенными, как у римского Януса, в противоположные стороны света, и женский демон Кулсу, сторожащий вход в загробный мир, восходят к хеттским демонам *гулсам*, или *гулцанникам*, буквально «надзирающим» или «записывающим», от которых зависели жизнь, здоровье и благополучие человека. Не случайно на этрусских надгробьях рядом с Кулсу предстает крылатая богиня Вантх со свитком, где зафиксированы дела умершего.

С другой стороны, ряд фигур из олимпийского пантеона греков этруски приравнивали к своим собственным, исконным богам и в этом ключе усвоили некоторые греческие мифы. В их искусстве Зевс выступает под именем Тин или Тиния, что по-этруски значило «день», «бог дневного света», греческая Гера зовется Уни, Афина — Менрва, Гермес — Турмс, бог-кузнец Гефест — Сетхланс, Дионис-Вакх именуется Фуфлунс, иногда с поясняющим эпитетом *Фуфлунс Пакхийес*, т. е. «Фуфлунс Вакхический». Афродиту этруски отожде-

ствили со своей богиней плодородия и красоты Туран. Это имя некоторые ученые толкуют как «повелительница», по созвучию с греческим титулом *тираннос* («правитель»), откуда происходит и русское «тиран». Но скорее имя Туран образовано от встречающегося в этрусских надписях глагола *тур* «давать, дарить» — и характеризует великую богиню как подательницу всяких благ.

В результате на этрусских изображениях мифологические мотивы, известные в Греции, соединяются с иными, не находящими у греков никаких соответствий. Афродите-Туран окружают крылатые обнаженные нимфы, по-этрусски *ласы*, в том числе и пророчица Вегоя, чье имя в этрусском оригинале звучит как Ласа Веку. Взяв у греков образ перевозчика мертвых на тот свет Харона, этруски превратили его в целую группу демонов под общим именем *кхару*, которым придали острые носы, похожие на клювы, крылья хищных птиц, звериные уши, а в руки вложили молоты, которыми *кхару* разят свои жертвы. Вместе с *кхару* у этрусков фигурирует грозный демон Тукхулкха со змеями, вздымающимися над головой. Вообще, оригинальность этрусских представлений о стране смерти проявляется не только в самобытных образах *кхару*, Тукхулкхи, Кулсу, Вантх, но и в страшных фигурах волков и пантер, встающих на пути умершего. Усвоив себе греческие представления об Аиде и италийские о подземном Юпитере Ведисе, этруски, судя по надписям, не забыли имени своего давнего бога мертвых Калу, противопоставлявшегося богине рождения Тханр. Синтез разнородных, разновременных напластований в мифологии мы видим, когда, изображая Афину-Менрву, рождавшуюся в согласии с греческим мифом из головы Зевса-Тина, этруск тут же вводит в сюжет помогающих громовержцу при родах богинь Тханр и Тхалну.

Пестрота и богатство этрусских

мифов, экзотическое смешение в них образов и тем, перенятых у других народов, затрудняют проникновение в древнейший, изначальный слой этой традиции. В этом плане особенно интересны поверья и обряды крупнейшего этрусского центра — Вольсиний, где правители этрусских городов имели обыкновение собираться для совместного решения вопросов, затрагивающих судьбы всего народа. При этом они обращались к оракулу бога Вольсиний по имени Велтхуне, или в латинской передаче Волтумна. Этого бога, изображавшегося в виде воителя с копьем и связанного с силами Земли, римляне считали главным этрусским богом. Перенеся его в свою столицу, они переделали его имя в Вертумна, т. е. «поворотного», видя в нем бога сменяющихся годовых сезонов, урожая и торговли и сделав его супругой богиню садов Помону. Но поразительным образом та же основа, что в имени Велтхуне-Волтумна, представлена в имени страшного персонажа местного вольсинийского сказания — чудища Волты, будто бы опустошившего некогда окрестности Вольсиний. Ученые полагают, что миф о Волте отражен на этрусских погребальных урнах, где представлен лезущий из земли великан, иногда с волчьей головой. Его безуспешно атакуют воины, а некто, по видимости — жрец, льет ему на голову жидкость из священного сосуда. В этрусских ритуальных текстах противопоставляется эпитет *айсуна*, образованный от *айс* — «бог» (множественное число *айсер* «боги») и означающий «относящееся к богам, небесное», эпитету *велтхина*, который по смыслу должен определять нечто демоническое, возможно связанное с Землей. Видимо, Велтхуне-Волтумн, как и страшная Волта, представлял в мифологии этрусков низовую силу земных недр в отличие от силы бога грозы Тина и близких к нему божеств.

Главной богиней Вольсиний, дополняющей Велтхуне, была богиня судьбы Нортия, изображавшаяся с длин-

ным гвоздем и носившая эпитет греческого происхождения *Αμχρνα* — «неотвратимая». Такой гвоздь ежегодно вбивали в стену ее храма в ознаменование Нового Года. Похоже, что в Вольсиниях сохранился очень архаичный фрагмент этрусской мифологии, какой она была до начала усвоения греческих элементов, хотя эпитет и выдает сближение Нортии с мойрами — владычицами судьбы у греков.

Среди этрусских священных книг, возводимых к Тагу и его слушателям — лукумонам, выделялись книги «молнийные», посвященные гаданию на печени, и собственно ритуальные. Молниям принадлежало видное место в религиозной практике этрусов. Когда молния била в землю, совершался специальный обряд ее погребения: пораженные предметы зарывались в жертву овцу и, объявив его священным, запрещали на него ступать. Этрусски особо выделяли 9 богов, которым приписывалась власть над молниями. По римским пересказам, это Юпитер, т. е. этрусский Тин, его супруга Юнона-Уни, его дети Минерва-Менрва и Геракл-Херкле, но, кроме того, некий военный бог, которого римляне приравнивали к Марсу, Сатурн, за которым стоит известный из этрусских источников бог Сатрес, и другие, чьи имена и функции неизвестны. В отличие от прочих Юпитер-Тин владел молниями трех видов. Молнию «пронизывающую», не приносящую вреда, но посылаемую людям в предупреждение, он мог испускать по своей воле, когда захочет. «Разбивающую» молнию, опасную для человека, он посылал только с согласия некоего совета из 12 «соприсущих» ему богов, чьих имен этрусски не ведали, зная только, что среди них 6 имеют мужской образ и 6 — женский. Наконец, самую грозную, «всеиспепеляющую» молнию он не мог обрушить без соизволения таинственных сил, что звались Божеествами Наивысшими и Сокрытыми, или согласно иным источникам

Потаенными Благоволениями, по-латински *Фаворес Опертаней*. Ни числа их, ни облика никто в мире не знал.

Страшнее всего считались молнии тех богов, которых римляне звали именами Сатурна и Марса, ибо эти молнии якобы били не с неба, а из земли. Говорили, что Марс некогда подземными молниями дотла изничтожил Вольсинии. Здесь под Марсом может пониматься бог-воин и владыка Вольсиний, воплощающий силу Земли, Велтхуне-Волтумн. Кстати, в мифе о нашествии на Вольсинии чудовища Волты, как бы сниженной, чисто демонической версии бога Велтхуне, в развязке также видим молнии: выступивший против Волты царь Порсенна, чье имя по-этрусски значит просто «правитель», магическим искусством вызывает грозу и уничтожает врага. Видимо, в этой группе вольсинийских сказаний выразилось противопоставление грозных молнийных сил, будто бы скрытых в земле и подвластных богу Велтхуне, небесному огню бога-громовника Тина.

Похоже, то же различие выразилось и в этрусском гадании по молниям. При этом небо условно делилось на 4 сектора, а из них каждый — еще на 4 участка, в каждом из которых обитал особый бог или группа богов. Гадатели смотрели, из какого участка молния исходит и куда направляется. Тин и близкие ему боги обитали на северо-востоке, поэтому молнии с востока сулили добро, а с запада — зло. В то же время и добро и зло различались по силе: наибольшее значение имели молнии, появляющиеся на севере, меньшее — на юге.

Сходные принципы членения мира проявились и в этрусском гадании по печени животных. Зародившись в Вавилонии, это гадание распространилось во всем древнем мире. Но найденная вблизи итальянского города Пьяченцы этруская бронзовая модель гадательной печени для обучения начинающих жрецов-гадателей обнаруживает, что в Этрурии это

искусство обрело новые формы, неведомые на Востоке. В восточном варианте гадатель заключал о будущем, наблюдая за изменениями в облике естественных анатомических деталей печени, получавших условные названия вроде «ворота дворца», «отросток», «оружие» и т. д. Предсказания звучали так: «когда «ворота дворца» слишком широки, враг войдет в двери твоего города» или «когда один «отросток» верхом на другом, ты съешь урожай врага» и т. п. У этрусков же печень предстает уменьшенным образом космоса, разделенного на жилища добрых и злых богов.

На лицевой стороне печени из Пяченцы различаются ободок и внутренняя часть. Ободок разделен на 16 участков в согласии с разбиением неба при гадании по молниям, но из-за неправильной, некруглой формы печени эти участки имеют неодинаковую величину. Из них 8 отданы добрым восточным богам, в числе которых Тин, его жена Уни, некие боги тхуфлтхас, отождествляемые рядом ученых с 12 богами-советниками Тина, бог вод Нетхунс и бог солнца Катха. Среди 8 злых западных богов — подземный Юпитер Ветис, приравняемый к Дионису Фуфлунс и бог Селва, ставший у римлян хозяином лесов Сильваном. Бог Летхнс, он же Летхам, получает жилища на обеих сторонах мира.

Во внутренней части печени то же самое противопоставление проводится по-другому. Если перевернуть печень, становится видно, что оборотная сторона разделена пополам, причем одна часть помечена словом *утил* «солнце», другая словом *тивр* — «луна». Так вот, на лицевой стороне все добрые боги сосредоточены в «солнечной» части, разбитой на прямоугольные жилища Тина, Нетхунса, тхуфлтхас, солнечного бога Катхи и известного по этруским мифологическим изображениям бога-мальчика Мариса. Боги же земли, в том числе лесной Селва и Сатрес, переделанный римлянами в полевого бога Сатурна,

разместились в части «луны», в большой круглой розетке. Дионис-Фуфлунс на этот раз оказывается на обочине «солнечной» части, там, где она смыкается с «лунной», а бог Летхнс-Летхам опять получает место и среди благих богов, живущих в прямоугольных домах, и в розетке. Похоже, что различение 8 добрых и 8 недобрых богов на ободке так же, как богов «солнечной» и «лунной» сторон во внутренней области, отвечает противопоставлению *айсуна* и *велтхина*, «небесного, божественного» и «земного, демонического» в ритуалах. Скорее всего, гадание производилось таким образом, что особенности тех или иных участков на поверхности печени толковались как свидетельства о благоприятных или опасных намерениях соответствующих богов.

Разделение мира на две сферы играло важную роль в сознании этрусков. Например, все деревья разделялись на счастливые, покровительствуемые небесными богами, — сюда относили разные породы дуба, бук, яблоню и т. д. — и несчастливые, принадлежащие богам подземным: различные виды кустарников, смоква, папоротники. Были, впрочем, и такие виды гадания, где этот дуализм мог не браться в расчет: таковы были гадания по грому, когда учитывались лишь месяц и день. В I в. до н. э. римский автор Нигидий Фигул составил по Тагетовым книгам такой громовник, использовавшийся Цицероном и другими политическими деятелями Рима.

Этруски верили, что исполнение недобрых знамений может быть отсрочено специальными жертвами Тину-Юпитеру, а в особо серьезных случаях — божествам судьбы, т. е., по всей вероятности, таинственным Потаенным Благоволениям. При этом для государства его судьба могла отсрочиваться до 30 лет, а для отдельного человека — до 10. Но при этом законный срок человеческой жизни ограничивался 84 годами — 12 семилетиями. Судьбу можно отодвинуть до

70 лет — возраста, после которого у богов ничего нельзя было выпросить, да и просить считалось непристойным. Когда же этруск достигал 84 лет, в глазах богов его жизнь была закончена, и с этого времени ему не посылались знамений. Но после его смерти близкие могли особыми кровавыми жертвами добиться его приобщения к кругу «обоженных душ», может быть, тождественных упоминаемым в этруских ритуалах священным «отцам» (*anxep*).

В этруских ритуальных книгах было много и других предписаний, начиная с того, как уничтожать предметы и существа, способные служить предвестием бед, и кончая правилами основания новых городов. Последнее вершилось с опаживанием их пространным, обычно по квадрату, медным плугом, куда запрягали белых быка и корову, и вырыванием в центре этого квадрата ямы — *мундуса*, считавшейся входом в загробное царство. Туда основатели города бросали пригоршни земли, принесенной каждым с прежней родины. Сообщалось, что Рим также был основан по этрускому обряду.

Из различных источников узнаем об этруских поверьях и обычаях, либо не отмеченных, либо неправильно истолкованных греками и римлянами. Очень интересен обряд, представленный в серии росписей на этруских зеркалах: богиня Менрва, обычно с изображенным рядом оружием, иногда в присутствии воителя Херкле и богини красоты и плодородия Туран, купает в сосуде с какой-то пенящейся жидкостью бога Мариса — обнаженного мальчика. Марис может представляться одетым в шлем и держащим в руках щит и копье. Он способен выступать сразу в нескольких ипостасях — Марис Хусрнана, Марис Хална, Марис Исминтианс. Тогда Менрва совершает обряд над первым, а других держит обнаженная женщина, или Гермес-Турмс, или один из демонов смерти. Неясно, представляют ли три Мариса разных мифоло-

гических персонажей или одного и того же бога, принимающего разные имена на различных ступенях обряда. Некоторые специалисты видят здесь ритуал, связанный с культом плодородия, а в Марисе — растительного бога, восстающего из своего обиталища в земле. Но правдоподобнее догадка французского ученого Ж. Дюмезиля, объясняющего сцену с Марисом как отражение обряда инициации — посвящения мальчика в юношу, способного участвовать в войне и вступать в брак.

Римские предания о наделенной даром пророчества царице этруского происхождения Танаквили, взрастившей и посадившей на престол сына рабыни, который стал великим римским царем Сервием Туллем, давно объяснены как отголосок мифа о женском божестве, по своей воле передающем трон любимцам. Однако напрямую наличие у этрусков такой концепции подтвердилось лишь в 1960-х гг. с открытием в святилище богини Уни, находившемся в портовом городе Пирги со смешанным многоязычным населением, параллельной надписи на этруском и финикийском языках: в ней правитель соседнего города Цере Тефарий Велиана благодарит Уни, отождествляемую с финикийской Астартой, за то, что она его, сделав своим рабом, затем возвела на царство. Эта надпись разительно перекликается как с легендой о Сервии Туллии, так и с аналогичными историями на Древнем Востоке. Особенно точную параллель представляет автобиография хеттского царя XIII в. до н. э. Хаттусилиса III, повествующего, как богиня Иштар — ассирио-вавилонский вариант имени финикийской Астарты, — избрав его с малых лет в свои слуги, позднее помогла ему получить престол, на который он изначально не мог рассчитывать. В передаче этого мифологического мотива, повлиявшего, как показывает случай с Тефарием Велианой, и на реальную политическую идеологию этрусков, последние

оказываются связующим звеном между Малой Азией и Римом.

Есть сведения о том, что после романизации этрусков их мифология отнюдь не прекратила существования как явление живой народной традиции. Еще в конце XIX в. английский фольклорист Ч. Леланд, записывая фольклор итальянских крестьян Тоскании, тех самых мест, где по преимуществу цвела культура этрусков, обнаружил в народных песнях этого района мифические образы, прямо восходящие к этруским богам. Таковы дух молнии Тиниа, королева фей красавица Туранна, незримые

духи ласы, демон огня Сеттрано, соответствующий этрускому богу-кузнецу Сетхлану, божество вина Фафлон и даже демон-ребенок Таго. Особенно знаменательно то, что этрусская Нортия, в храме которой ежегодно вбивался гвоздь, оказалась в песнях, записанных Леландом, феей, помогающей при поисках грибов-трюфелей, на местном диалекте называемых «гвоздями». Публикации Леланда в свое время произвели сенсацию, однако за истекшее с тех пор столетие, кажется, никто не предпринял попытки перепроверить его данные.

Умбры и римляне

При большой племенной дробности населения древней Италии, что не могло не выразиться в многообразии местных верований и культов, кроме этрусков, нам достаточно детально известны религиозные традиции лишь двух групп итальянцев, сыгравших совершенно непоставимую роль в истории. С одной стороны, это римляне, а с другой — умбское население небольшого города Игувия к северу от современной Перуджи, где сохранился записанный на близком латинскому умбском языке устав жреческой коллегии Атиедийских братьев. Хотя римская религия отразилась в массе письменных памятников разных жанров, однако умбский материал ценен своей архаичностью, отсутствием признаков мощного греческого влияния, сказавшегося в Риме. Поэтому начинать лучше с Игувия.

Устав Атиедийских братьев записан на семи бронзовых таблицах. Из них первые пять восходят к III в. до н. э. и текст их выполнен местным алфавитом, созданным на основе этруского. Две более поздние таблицы составлены в I в. до н. э. уже при помощи латинского алфавита и дают новое, более подробное изложение только

двух, но зато самых значительных ритуалов из числа тех, что содержала старая версия: обрядов священного очищения Игувинской общины и господствовавшего над городом Фисийского акрополя. Обстоятельно записаны молитвы, которые в прежнее время не доверялись письму, передаваясь изустно. Впечатление таково, что в I в. до н. э. традиция уже умирает: жрецы не верят в надежность устной передачи молитв и обрядов на выходящем из употребления умбском языке. Некоторые старые обряды перестают справляться, возникает стремление сохранить хотя бы основные, но зато с максимальной дотошностью.

Очищение акрополя совершалось после предварительного гадания по птицам, отличающего религиозную культуру умбров и римлян от этруской. В гадании участвовали двое — приноситель жертвы и собственно гадающий, пребывающие на специально очерченном священном участке вблизи городской стены. Гадающий, сидя в открытой палатке, кричал приносителю жертвы, дабы тот велел ему высматривать птиц-вестниц — сову, ворона, дятла, сороку, — из которых одни должны

появиться на западе, другие на востоке. Тот отдавал такое повеление, добавляя, что птицы-вестницы должны высматриваться «для него (жреца), для общины Игувинской, для устроенного строя». Гадатель обретался в палатке, пока не усматривал птиц, о чем и возвещал приносителю жертвы. Если во время процедуры кто-то проходил между участниками, нарушая их священную связь, все повторялось заново.

Получив знамение, приноситель жертвы поочередно обходил ворота города. Их было три, и в каждом горел священный огонь. Совершая очищение, жрец от старого огня возжигал новый. Надо отметить, что культ огня, принадлежавший к древним обычаям индоевропейских народов, бытовал и в Риме. Правда, здесь в отличие от Игувии священный огонь поддерживался в особом храме богини очага Весты, чьи служительницы-весталки пользовались всеобщим прекословным уважением, но подвергались беспощадной казни в случае нарушения обета целомудрия. В храме Весты на алтаре и совершалось в первый день римского года, 1 марта, обновление священного огня, а месяцем раньше, в начале февраля, — очищение города, когда его обходили с факелами и жертвенными животными. По аналогии с Римом допустимо, что игувинское очищение акрополя с обновлением огня в воротах тоже совершалось на стыке старого и нового годов. Что касается связи культа огня со входом, то в Риме она наблюдается применительно к частным домам, где Весте посвящалось входное помещение — вестибюль.

Важнейшей особенностью очищения акрополя в Игувии было почитание триады великих божеств, каждое из которых получало жертву перед одними из трех ворот, и противопоставление им такой же триады «внешних» богов, жертвы которым приносились за воротами. Во «внутреннюю» триаду входит Йовис, т. е. Юпитер, бог грозы, Марс и Вофион,

носившие одинаковый эпитет «грабовый», родственный русскому слову «граб» и образованный от названия священного дерева, скорее всего, какой-то породы дуба. Каждый из этих богов получал по 3 быка, при заклании которых соответственно 3 раза твердилась молитва, каковую предписывалось произносить с особой осторожностью — по-видимому, даже молча, в уме. Так молитва Йовису перед Требланскими воротами содержала формулы: «К тебе воззванием зываю, бог Грабовый, за акрополь Фисийский, за общину Игувинскую, во имя его, во имя ее: милостив будь, благосклонен будь к акрополю Фисийскому, к общине Игувинской, к имени его, к имени ее... Очисти акрополь Фисийский, очисти общину Игувинскую, бог Грабовый, очисти имя акрополя Фисийского, общины Игувинской, очисти вождей, жречество, мужей, скот, постройки, плоды...» Тожественные молитвы с уточнением имени молимого бога — Марс Грабовый или Вофион Грабовый — возносились перед другими воротами.

Во «внешнюю» триаду входили боги Треб Йовий, Фис Санций и Тефр Йовий, из которых первый получал 3 беременные свиньи, второй — 3 молочных поросенка, третий — 3 ягненка. В предписанный момент совершалась специальная молитва с поднесением жертвенного пирога божку Фисовию Санцию, видимо, гению очищаемого акрополя, с просьбой даровать благо «акрополю Фисийскому, общине Игувинской и акрополя Фисийского, общины Игувинской двуногим и четвероногим, сделанному и сказанному, что впереди и что позади, кто наедине и кто в собрании, кто за обетами, птицегаданиями, жертвоприношениями». В заключение жертвовали еще в особых рощах по 3 быка Марсу в особой его ипостаси Марса Ходия и богу Хонду Церфию, принадлежащему к подземному миру. Но случись во время обряда, в любой его точке,

какая-то заминка или нарушение, все повторяли вновь, начиная с гадания. Таким образом, очищение крепости приобретало характер огромного пира всех основных богов общины, обитающих в самой твердыне и за ее пределами, а также в лице Хонда Церфия — в глубине земли.

Между тем обряд очищения народа был посвящен в основном богам, причислявшимся к семейству Марса — его сыну Церфу Мартию и дочерям Церфа — Престоте и Турсе, т. е. «защите» и «угрозе». В начале очищения приноситель жертв и его помощники, опять-таки после предварительного птицегадания, выходили в предназначенное место с толпой сограждан. Здесь произносили грозные заклания в адрес иноплеменных соседей, этрусков и япигов, которые могли бы оказать при этом обряде, — если бы это случилось, таковых соглядатаев было велено «доставить куда следует, и сделать с ними что следует». Церфа, Престоту и Турсу звали обрушиться на соседние племена, на самые имена их и всех, носящих эти этнические имена «мужей препоясанных и непрепоясанных, юношей с копьями и без копий запугать, застрашать, снегом засыпать, водой залить, оглушить, изранить, обвить, опутать». Потом, построив народ, жрец трижды его обходил с жертвами и огнем, творя молитвы. Далее в трех пунктах Игувия творили жертвы Церфу, Престоте и Турсе, принося ему 3 пестрых кабанов, а им соответственно 3 поросят и телят. Причем Престоте, олицетворенной защите, возносились 2 молитвы: в одной просили вместе о своем благе и о гибели соседей, преподнося богине черные жертвенные сосуды, а в другой умоляли только о преуспевании для себя, никому не желая зла и поднося белые сосуды. Дополнительным эпизодом в обряде очищения народа был прогон через город 3 телок, которых затем убивали в честь Турсы Йовии, т. е. Угрозы, рождающейся от Йовиса (Юпитера).

Преимущественное участие в очищении народа богов из семейства Марса, так же как приношение специальной жертвы Марсу в конце очищения акрополя, имеет четкие соответствия в Риме. Здесь при ежегодном очищении римских полей в мае опахивавшие пространство вокруг города жрецы из коллегии Арвальских братьев взывали к Марсу. А для очищения народа граждане должны были через 4 года собираться на Марсовом поле, где этому богу приносили тройную жертву из свиньи, овцы и быка — *суоветаврилию*. Обращение к Марсу в моменты годового или более крупного временного цикла, когда земля и народ восстанавливают свою ритуальную чистоту, как видим, характерно для разных народов италийской группы.

Кроме этих двух великих ритуалов, старая версия устава Атинийских братьев, записанная в III в. до н. э., содержит еще несколько интересных обрядов. Среди них — жертвоприношение разным богам, если птицегадание дает неблагоприятные результаты. При этом читалась молитва с просьбой сделать так, как если бы выпавшего знамения и не было.

Умбры Игувия, как и многие италийцы, чтили бога Семона Санция, состоявшего в особо близких отношениях с грозным Йовисом-Юпитером и в то же время, судя по его имени, которое родственно русскому *семя* и латинскому *семен*, причастному к произрастанию посевов. Семону жертвовали свинью и козла, причем каждая из этих жертв предварялась даром Йовису, более того, в день ублаготворения Семона считали пристойным отдельно заклать Йовису теленка. В Риме Семон, по преданию пришедший сюда вместе с влившимся в число римлян племенем сабинян, был отождествлен с особой ипостасью Юпитера — блюстителем клятв Дием Фидием.

Кроме того, в роще за городом игувинцы справляли совместное приношение Йовису, богине плодородия

Весоне и богу садов Помону Публику. Тогда же оделялись жертвенными пирогами демоны Пурдовит, или «Податель», Турса-Угроза и Хола, что, вероятно, значит «гибель». Подчеркивалось, что, умиливляя последнюю, дары надо не протягивать вверх, как Турсе, а класть наземь, к ногам — явно в знак обитания Погибели в глубине земли. К подземным богам относился и бог Хонд, которого чтили как Хонда Церфия в конце очищения акрополя, а отдельно в качестве Хонда Йовия, т. е. связанного с Йовисом-Юпитером, одаряли специальной жертвой — щенком, убиваемым в определенное время года в полнолуние. Кстати, в числе проклятий, посылаемых при очищении народа соседям, выделяются слова *хонду холту*, обозначающие низвержение проклинаемых под землю, их посвящение Хонду и Холе-Погибели.

Переходя от Игувия к Риму, помимо уже отмеченных сходжений: роли Марса в очищениях города и народа, процедуры обновления священного огня, усвоения римлянами культа Семона Санкуса как ипостаси Юпитера, неизбежно обращаешь внимание на исключительно важную аналогию: древнейшими культами Рима традиция считала поклонение триаде богов — Юпитеру, Марсу и Квирину. Но ведь в этой триаде первые 2 имени тождественны именам из сходной триады игувинских богов Грабовиев. Исследовавший эту параллель Ж. Дюмезиль много сделал для установления изначальных функций бога Квирина, чье имя обычно связывают с латинским словом *вир* — «муж, мужчина», с выделением приставки *к(о)-*, означающей в латыни, «соединение, совместность», и толкуют в смысле «бог собрания мужей, бог общины». Как подчеркивает этот ученый, день Квирина, 17 февраля, совпадал с римским карнавалом, праздником Дураков, и одновременно с чествованием богини Форнакс, обожествленной печи для сушки зерна. Кроме того, жрец Квирина участвовал в праздни-

ках полевого бога Робига, защитника колосьев, и Конса, хранителя запасов зерна, а кроме того, в Ларенталиях, справлявшихся в память мифической героини Ларенции, возлюбленной Геракла-Геркулеса, облагодетельствовавшей римлян богачки. Тем самым в Квирина распознается бог запасов, преуспевания и богатств.

Рассматривая Юпитера как царя богов, хранителя устоев космоса и общества, а Марса как бога войны и отмечая, что жрецами Юпитера, Марса и Квирина совместно осуществлялся культ богини Фидес-Верности, олицетворявшей единство римского общества, Дюмезиль пришел к важным выводам. В триадах римских и игувинских богов он увидел отражение той же системы, которая прослеживается для пантеонов ряда индоевропейских народов: индоарийцев, кельтов, германцев — и характеризуется выделением трех ведущих божественных функций, а именно священной власти, ведения войны и преумножения богатств. По Дюмезилю, такая мифологическая система отвечала тройному членению общества на жрецов, воинов и производителей — земледельцев и скотоводов. Этот ученый даже предполагал, что римские предания о четырех первых мифических царях города — суровом правителе Ромуле и кротком, благочестивом Нуме Помпилии, олицетворяющем разные аспекты власти, о грозном воителе Тулле Гостилии и пекущемся о богатстве и преуспевании народа Анке Марции — на деле повествуют об утверждении этих 3 функций, необходимых для жизни общества.

Теория Дюмезиля удачно объясняет многие аспекты римской и игувинской религий: взять хотя бы молитвы игувинского жреца 3 богам Грабовиям, когда в составе общины ясно выделяются вожди, жречество и «мужи» со скотом, постройками и плодами. Но некоторые явления не могут быть до конца объяснены этой теорией, и в первую очередь это

касается функций италийского Марса. Разумеется, в древней Италии, где война и хозяйственная деятельность тесно переплетались: военные походы преумножали богатство общины, земледelec и скотовод легко выступал в качестве воинов и наоборот, — функции соответствующих богов должны были пересекаться. Голову коня, приносимого Марсу в жертву в октябре по окончании сезона военных походов, украшали хлебами в знак причастности этого бога к преуспеянию и насыщению народа. Первый римский царь Ромул, отождествлявшийся с Квирином, считался сыном Марса. Как защитнику от враждебных сил Марсу молились о плодородии и здоровье, а иногда прямо полагали Квирина умиротворяющей, успокоенной ипостасью Марса.

Но, отмечая это своеобразное сращение военной и производительной функций в конкретных общественных условиях, есть основания вообще сомневаться в изначальности роли Марса как бога войны, из чего исходил Дюмезиль. Имя Марса, имеющее много вариантов — Маворс, Мамерс, Мамар и т. д., — отражено и в прозвище Мамурия Ветурия, карнавального персонажа, символизирующего старый год, которого в первые дни марта, месяца, посвященного Марсу и открывавшего в древнейшем Риме годичный цикл, водили по улицам и избивали, чтобы потом выгнать за пределы города. На этом празднестве Марс предстает воплощением годового круговорота — не зря его имя *Ма-ворс* толковалось как «поворачивающий Мать-Землю». Сходстве представление выражалось и в шуточных мартовских песнях о сексуальном розыгрыше, учиненном над Марсом переодетой старухой Анной Перенной, чье имя буквально означает «вечный год», круговорот лет. Не исключено, что этот бог был осмыслен как покровитель воинов, постольку, поскольку на первый весенний месяц приходились обряды, выражаю-

щие подготовку к войне, — ритуальное очищение оружия и военных труб, а также конские скачки — экуррии.

Изначально Марс мог быть божеством, сходным с этрусским Велтхуне-Волтумном, богом земной силы, также представлявшимся в виде воина с копьем, в Риме же переосмысленным в Вертумна, олицетворение годового цикла, покровителя торговли и супруга богини садов. Как уже говорилось, в предании о Марсе, опустошившем молниями Вольсинии, скорее всего подразумевается именно Велтхуне. Можно думать, что выделяемая Дюмезилем трехфункциональная схема, идущая из индоевропейской древности и по-разному накладывающаяся у различных народов на материал их мифологий, включив в свою сферу фигуру Марса, побудила подчеркивать в этом столь излюбленном италийцами образе черты, которые исконно не были в нем главными.

Вообще грань между богами «природными» и «социальными», мифологизированными принципами естественных сил, независимых от человека, и мифотворческим же осмыслением становления и устройства человеческого общества никогда не была слишком жесткой, если вообще существовала. Следуя Дюмезилю, приходится по одну сторону этой грани помещать богиню мощи и изобилия Опис, покровительницу юношества Ювенту, бога рубежей Термина, а по другую — хозяина источников Нептуна, позже сопоставленного с греческим Посейдоном и превращенного в морского бога, или владыку огня и пожаров Вулкана, лишь по аналогии с греческим Гефестом ставшего богом-кузнецом. Но гораздо труднее разделить «природное» и «социальное» в образах, персонифицирующих производящую мощь Земли. Таковы не только сама Мать-Земля, Теллус Матер, получавшая каждый год в жертву беременную корову, «две души через одну смерть» (старый обряд индоевропейских народов,

отразившийся в тождественном жертвоприношении Земле в Индии), но также богиня произрастания Церера и супружеская чета богов растительности — Либера и Либера. Глава освящавших римские поля Арвальских братьев в императорскую эпоху творил специальную торжественную молитву за императорский дом, народ и свою жреческую коллегию, что точно соответствует по структуре древней, с индоевропейскими истоками, молитве игувинских священнослужителей за «вождей, жречество и народ». При этом божествами, к которым обращались Арвальские братья, были Марс и богиня, прозываемая ими «Деа Диа», т. е. «Богиня Пребожественная», под которой, вероятно, разумелась либо Церера, либо сама Земля. Марс здесь может выступать в древнейшем своем качестве бога — спутника Матери-Земли. Если Церера не только взращивала посевы, но и хранила их от воров (изобличенного вора приносили ей в жертву), то жрец бога общины Квирина, как мы помним, принимал участие в чествовании мелких аграрных божков. Наконец, в V—IV вв. до н. э. в пору своей борьбы с патрициями, выдвигавшими культ Юпитера, Марса и Квирина как охранителей социальных устоев, римские плебеи в противовес этой триаде объявили божеств роста и созревания Цереру, Либера и Либера триадой своих собственных, плебейских владык и покровителей. Так «природные» божества Земли и плодородия втягивались в сферу социальной мифологии общества с преимущественно аграрной экономикой.

К божествам полей и почвы естественно примыкали владыки мертвых — подземный Юпитер Ведис-Вейовис, возможно близкий игувинскому Хонду Йовию, и его ипостась Диспатер, буквально «отец-богач», чье имя тождественно по смыслу известному эпитету греческого Аида «Плутон». Коллективу живых приходилось тщательно улаживать свои отношения с

сообществом мертвых. Особенно значимы были в этом отношении те дни в конце лета и осенью, когда, почитая Цереру, римляне кидали первины плодов в мундус — вырытую среди города яму, как считалось, сообщавшуюся с загробным царством. Эта процедура требовала большой бдительности, ибо в это время маны — духи умерших, хотя и ублаговлялись живыми по весне, тем не менее могли вырваться на свет и принести беду. Познакомившись с мифологией греков, римляне перенесли на Цереру мифы о Деметре, в богине Либере увидели дочь Деметры и супругу Плутона Персефону, ставшую в римском произношении Просерпиной, под влиянием этрусской формы Пхерсипнаи. Наконец, Элевсинские празднества греков с совместным почитанием Деметры, Персефоны и Диониса подтолкнули отождествить с последним латинского бога Либера.

Казалось бы, типично природным, стихийным божеством был волчий бог Фавн, демон-прорицатель, получивший в феврале в жертву козла и собаку и за это оберегавший стада, носитель буйной и необузданной сексуальной мощи. Его дочь Фавну, покровительницу животных, — отсюда и слово «фауна» — усматривали в римской богине, которую обычно звали просто Доброй Богиней — Бона Деа. Рассказывали, что некогда она после долгих и безуспешных домогательств была совращена своим отцом Фавном, принявшим образ змеи. Бона Деа всячески помогала женщинам, в том числе в магии и колдовстве, мужчины же не допускались ни в ее святилище, где привольно ползали змеи, ни на ее празднества, имевшие чисто женский характер. В конце года, в декабре, супруга римского консула совершала ей жертву от всего города. Вообще прозвище Доброй Богини явно из числа тех заменительных, табуистических выражений, которыми в традициях многих древних народов обозначались опасные, «непредсказуемые» божества.

На февральских праздниках в честь Фавна — Луперкалиях — юноши-луперки, вдохновленные яркой силой этого бога, нагие, лишь опоясанные козьими шкурами, носились по городу, бичуя женщин, которые после того милостью Фавна должны были забеременеть. Для мифологической мысли римлян, однако, симптоматично, что этот сакральный разгул природной силы она связывала с особой фазой в становлении народа и государства: прообразом бега луперков считалась пастушеская юность Ромула и Рема; героев-близнецов, якобы рожденных весталкой от Марса. Римские календарные праздники конца зимы и всей весны постоянно перемежались или даже совпадали с датами, напоминающими об эпизодах истории Ромула и Рема: об их осуждении после рождения на смерть жестоким царем Амулием; об их вскармливании сперва волчицей, а затем женой пастуха Фаустула Аккой Ларенцией (исходно, как полагают ученые, тождественной Ларенции-гетере), матерью 12 сыновей, в память о которых Ромул после их смерти основал коллегии Арвальских братьев; наконец, о ссоре близнецов при священном опахивании Рима и убийстве Ромулом, первым царем, Рема, ставшего первым из неуспокоенных мертвецов-лемуров. Этот основополагающий миф в разных его эпизодах подводился под множество праздников начала года — от Луперкалий до справляемых 21 апреля Парилий (или Палилий, в честь богини скота Палес), одновременно празднуемых как день основания Рима, и майских Лемуралий. Предыстория Рима и его возникновение оказываются как бы закодированы в календарной последовательности дат и обрядов, отражающих весеннее обновление Земли: так переводятся друг в друга линейное время истории — пусть легендарной — и циклическое время сельскохозяйственного календаря, судьба города и державы и естественный ритм природы.

Особое место в мифологии римлян принадлежало Янусу, богу всех начал, входов и источников, с двумя лицами, глядящими в противоположные стороны. По Овидию, Янус существовал до сотворения мира как изначальный хаос; сейчас же он — основа, на которой держится мир. В жреческих песнях Янус превозносился как «бог богов» и «создатель». Жрец Януса звался царем священнодействий и ставился выше всех жрецов, так же как сам Янус часто поминался в молениях раньше иных богов. Посвященный ему месяц предшествовал февралю, когда в преддверии нового годового цикла совершалось обрядовое очищение города; январь был как бы промежуточным месяцем между старым и новым годами. Можно сказать, что в образе Януса выразилось понятие о бесформенных глубинах мироздания, над которыми надстраивается, выкристаллизовываясь из них же, все сущее и в которых заключены все возможности и судьбы мира. Верили, будто в постоянно замкнутом в мирное время храме этого бога концентрировалась гигантская магическая мощь, которая в дни войны, с растворением дверей храма, вырывалась наружу, сокрушая врагов Рима.

Не подлежит сомнению, что воцарившаяся в Риме в VI в. до н. э. этрусская династия Тарквиниев способствовала укреплению этрусского и вместе с тем греческого влияния в этом городе. Выше уже упоминалось предание о царице Танаквили с его мифологическим мотивом, принесенным этрусками с Востока. При этрусках же в Риме был учрежден объединенный культ трех великих богов: Юпитера Наилучшего и Величайшего (тождественного греческому Зевсу, этрусскому Тину), а также его жены Юноны (покровительницы браков, равной греческой Гере и этрусской Уни) и его дочери Минервы (т. е. этрусской Менрвы, соответствующей Афине Палладе, а в Риме слившейся с богиней войны Беллоной).

Так этруски положили начало элли-

лей не просто об урожае, но отдельно о жатве, обмолоте, отвозе зерна на ригу и т. д.). Наконец, римлянин чтит и одарял в дни своего рождения собственного гения-хранителя, будто бы рождающегося вместе с человеком и сопутствующего ему всю жизнь. Так

реальность до малейших элементов обрела мифологическую изнанку, с утверждением христианства в некоторой мере преобразовавшуюся в народную бытовую мифологию и, в частности, демонологию средневековья и позднейшего времени.

Иранские народы. — Маздеизм. Зороастризм

Сейчас в мире насчитывается около 80 миллионов человек (примерная оценка), говорящих на иранских языках. Основное ядро их проживает в Центральной Азии (в широком смысле включая Среднюю Азию, Афганистан, Пакистан), Иране, Ираке, Турции, на Кавказе. Наиболее многочисленными ираноязычными народами являются курды, персы, таджики, пуштуны. На иранских языках говорят осетины, белуджи, жители Памира (шугнанцы, ваханцы и др.), ягнобцы, таты, талыши, луры и др. Известны и древние иранские языки: язык Авесты (авестийский), древнеперсидский, скифский, мидийский, среднеперсидский, парфянский, согдийский, хорезмийский, бактрийский и другие языки, многие из которых были связаны с определенными древними народами (со скифами, со среднеазиатскими народами — парфянами, согдийцами, хорезмийцами, бактрийцами и т. д.). Все эти языки происходят от общеиранского языка-основы, который существовал в глубочайшей древности, а затем, в процессе исторического развития, дифференцировался на множество родственных, но различающихся языков. В еще более глубокой древности возникла значительно более обширная — индоиранская общность, куда наряду с иранцами входили и индийские племена (все вместе — протоиндоиранцы), их языки в то время были очень близки, что известно из сопоставления языков древнеиндийского рели-

гиозного памятника «Ригведы» и древнеиранского — «Авесты» (особенно ее древнейшей части — «Гат»). Протоиндоиранцы — часть древних индоевропейцев. В индоевропейскую языковую общность входят также славянские, германские, романские, греческий и некоторые другие языки. Древние иранцы и близкородственные им племена называли себя *арья*. От этого термина происходит, в частности, название страны Арьянам, позже — Эран, современное Иран.

Ираноязычные народы пережили длительную и бурную историю. Уже в III тыс. до н. э. в Западном Иране возникло государство Элам (ок. 2500—644 гг. до н. э.), позже, в VIII в. до н. э., — Мидия (727—550 гг. до н. э.). С VI по IV в. до н. э. весь Иран и значительные территории от долины Инда до Египта объединила династия Ахеменидов (559—331 гг. до н. э.). Громило римские легионы другое государство — Парфия (248 г. до н. э. — ок. 226 г. н. э.), кроме Ирана, включавшее Месопотамию и соседние области, Армению, юг Туркмении. На смену ему пришло еще более обширное и могущественное Сасанидское государство (226—651 гг. н. э.). Наряду с этими государствами важную роль в истории сыграли среднеазиатские государства, например кушанское, а также скифы и родственные им кочевые ираноязычные племена Центральной Азии.

В VII—VIII вв. Иран и Центральная Азия были завоеваны арабами,

которые принесли новую религию — ислам. Значительная часть населения стала мусульманами, земли, населенные иранцами, вошли в состав Арабского халифата. Позже на территории, заселенной иранцами, возникли самостоятельные государства Саманидов, Буидов и др.

У протоиндоиранцев и древнейших иранцев существовали развитая мифология и религиозная культовая практика. Они обожествляли воду и совершали культовые возлияния — *заотра* (более позднее значение — жертвоприношения), состоящие из

молока и сока из листьев растений. Другим объектом поклонения был огонь *Атар*. Воде и огню поклонялись ежедневно (*ясна* — «поклонение»). Считалось, что не только у человека, но и у домашних животных есть душа. Ритуальное жертвоприношение включало возбуждающий сок растения — *хаому*.

Была развитая мифология. С божеством дождя Вата ассоциировалась Харахвати — Ардви — Сура. Она олицетворяла мифическую реку, которая ниспадала с высокой горы, располагавшейся в центре мира. Река текла в

Шаханишах Арташир II (379—383 гг.) в сцене божественной инвеституры. Рельеф в Так- и -Бостане. Справа от

шаханишаха — Ахура-Мазда, вручающий ему венец власти, слева — бог Митра

срединое море Ворукаша. Из него вытекают все реки мира, из него наполняются облака, несущие дождь. Ежегодно божество звезды Сириус по имени Тиштрайа в виде белого жеребца приближается к морю. Там он встречается демона засухи в виде черного уродливого жеребца. Жеребцы сражаются друг с другом. Если люди достаточно почитали Тиштрайу, побеждает белый жеребец. Он кидается в волны моря, а волны — это кобылы. После встречи с жеребцом Тиштрайей они выделяют влагу, и бог ветра Вата возносит ее вверх, затем она низвергается вниз в виде дождя, в котором смешаны имена растений, ибо в водах моря росло «древо всех семян».

Весь мир состоял из 7 областей — *каршваров*. Самая большая из них, расположенная в центре, населена людьми. Именно в середине этой области расположена вершина мира — гора Хара, с которой стекает река Харахвати.

В мире существует космический и религиозный порядок, который понимался как закон — *аша*, который вмещал и этические понятия, в том числе понятия «истина» и «справедливость». Правда, истина называлась «аша». Этому понятию противостояла ложь, искажение истины — *друг*. Божество, следившее за выполнением соглашения, договора, называлось Митра. Похоже, это бог войны, сражающийся на стороне праведного, солнечное божество, сопровождающее солнце. Имелись божества сил природы, божества, символизирующие те или иные положительные качества и силы и другие, отрицательные, качества.

Митра, как и другой персонаж, Варуна, назывались *ахура* («божество», «господин»). Верховным божеством является Ахура-Мазда («господь мудрости»). Ему противостоял его антагонист Анхра-Манью («злой дух»), носитель несправедности, лжи, зла, который так же изначален, как Ахура-Мазда. Между ними постоянное противоборство, борьба. Мир —

арена борьбы этих двух сил, где в конце концов победит Ахура-Мазда. Человек должен выбрать, на чьей стороне выступать.

Существовала сложная иерархия божеств. Помимо вышеназванных, большую роль играл Вэрэтрагна — бог победы.

У древнейших иранцев существовал космогонический миф (миф о сотворении мира). Его можно реконструировать следующим образом. «Боги создали мир в семь приемов. Сначала они сотворили небеса из камня, твердые, как огромная круглая скорлупа. В нижнюю часть этой скорлупы они поместили воду. Затем они создали Землю, покоящуюся, словно большое плоское блюдо, на воде. Затем в центре Земли они поставили три одушевленных творения в виде одного растения, одного животного («единожды созданного быка») и одного человека (по имени Гайо-марэтан — буквально «смертная жизнь»). Наконец, они разожгли огонь, как видимый, так и невидимый, в качестве жизненной силы, наполняющей одушевленные творения. Солнце, как часть огня, неподвижно сияло навверху, словно постоянно стоял полдень, ибо мир оставался неподвижным и неизменным, как при создании. Тогда боги совершили тройное жертвоприношение, убили быка и человека. После этого благотворного жертвоприношения появилось много растений, быков и людей. Так был приведен в движение мировой цикл с его жизнью и смертью, за которой следует новая жизнь. Солнце стало двигаться по небу и регулировать смену времен года в соответствии с истиной — аша» (М. Бойс).

Первым царем на Земле и первым из умерших людей был Йима, который также являлся царем загробного мира.

Как и в некоторых других религиях, на каком-то этапе (вероятно, между 1000 и 600 г. до н. э.) появился пророк-реформатор. Им стал Заратуштра (в европейской традиции — Зороастр)

— реально существовавшая историческая личность. Он происходил из рода Спитама, отца звали Поурушаспа, мать — Дугдова. У него было 4 брата, двое из которых были старше его. Вероятно, его отец принадлежал к жреческому сословию, он сам, очевидно, с семилетнего возраста готовился стать жрецом. И он им стал — он сам называет себя *заотар* — «жрец». Вероятно, к 15 годам он закончил обучение, а в 20 покинул родной дом. В 30 когда он достиг полной духовной зрелости, однажды, во время весенней праздничной церемонии, он глубоко вошел в текущую воду реки, чтобы набрать чистой воды для ритуальных целей. Когда он вышел на берег, ему явилось видение: существо, сияющее, подобно Свету. Он увидел и услышал Ахура-Мазду, который призвал его к себе на службу, для того чтобы разъяснить людям божественную правду. Вначале Заратуштра не имел успеха, за целые 10 лет ему удалось получить лишь одного приверженца. Несмотря на пламенные молитвы и обращения к Ахура-Мазде, пророку приходилось трудно. Но постепенно появился круг приверженцев. По-видимому, его земное благосостояние было недостаточным и зависело от подарков, сохранилась его жалоба, что он не получил обещанного дара — 10 кобыл с жеребцом и верблюда. Зависть и недоброжелательство заставили его думать о бегстве, он действительно уехал со своей родины. На новом месте в проповедуемую им веру обратилась жена правителя, а затем и сам правитель. Он не только обратился сам и предоставил все условия для проповеди пророку, но и повел войны, главным героем которых был его сын Спэнтодата (Исфандиар более позднего иранского эпоса), с соседними князьями, везде утверждая новую религию. Затем Заратуштра до своей смерти в 77 лет (все это — по поздним источникам) жил в довольстве и почете. Он трижды женился, имел 3 сыновей и 3 дочерей.

Несомненно, проповедь Заратуштры дошла до широких масс и имела успех лишь потому, что ее ярко эмоциональная форма отвечала религиозным и социальным условиям своего времени. Проповеди и личность Заратуштры произвели столь сильное впечатление на окружающих, что их, заучивая наизусть, передавали из поколения в поколение, и они таким образом дошли до нас.

Часть священной книги приверженцев пророка — зороастрийцев, или маздаяснийцев (по имени Ахура-Мазды зороастризм часто называют также маздеизмом, а его последователи определяют себя как маздаяснийцы: от слов *мазда-ясна* — «почитающий Мазду»), включает в себя «Гаты» («гимны», «песнопения») — 17 глав, входящих в раздел «Ясна». Это обращенные к людям эмоциональные проповеди и откровения Заратуштры, отражающие его религиозные представления. Язык «Гат» очень архаический, смысл значительной части современные ученые улавливают с трудом. Сама священная книга носит название «Авеста». Помимо «Ясны» с включенными в нее «Гатами», в состав «Авесты» первоначально входила 21 часть, сейчас сохранилось значительно меньше. Из сохранившихся отметим «Видэват» («закон против дэвов»; в зороастризме дэвы — враждебные демоны). Он состоит из 22 разделов — фрагардов, составленных в разное время.

В первом фрагарде рассказывается легенда о создании Ахура-Маздой обитаемых стран. Во втором фрагарде излагается мифологическая легенда о царе Йима. Он был первым смертным, которого Ахура-Мазда обратил в свою веру и сделал царем над людьми и всем миром, сказав ему: «Будь защитником, охранителем и надсмотрщиком моего мира», — и дал ему драгоценные знаки царского достоинства. На Земле наступил золотой век: перестали дуть холодные и горячие иссушающие ветры, исчезли болезни и сама смерть, наступило

невиданное благоденствие и процветание. Прошло 300 лет. Количество людей, стад домашних животных и птиц, ритуальных огней безмерно выросло. Земля оказалась переполненной, она уже не вмещала всех. Йима встретился с Солнцем, а затем, пользуясь божественными знаками власти, воззвал к Духу Земли, и Земля увеличилась на одну треть.

Золотой век продолжался, но через 600 лет Земля опять оказалась переполненной. Все повторилось, и по просьбе Йимы Земля выросла на две трети. Затем прошло 900 лет, и снова божественному Йиме пришлось обращаться к Духу Земли — и Земля выросла на три трети, т. е. вдвое.

Но затем на Землю надвинулась космическая катастрофа. Ахура-Мазда известил Йиму, что наступает пора, когда на Землю надвинутся суровые, всеуничтожающие холода, от которых может погибнуть все живое. Поэтому предложил он ему построить огромное квадратное убежище — *вару*. Йима воздвиг вару и поместил в нее тысячи зародышей лучших людей, скота, птиц, собак, деревьев и т. д. Затем стали рождаться потомки, и «люди в варе жили с Йимой счастливейшей жизнью».

В следующем (третьем) фрагарде прославляется земледелие, четвертый фрагард носит юридический характер, дальше излагаются правила поведения верующего.

Еще одна часть «Авесты» — это «Яшт» («почитание»), состоящая из 21 молитвы-гимна. Это по своему содержанию очень древняя часть «Авесты». Гимны посвящены различным божествам, силам природы, небесным светилам. Здесь сохранилось значительное количество мифологических образов и сюжетов.

Так, пятый яшт (гимн) посвящен богине вод и плодородия Ардви-Суре (Ардви — буквально «влага», Сура — «сильная»), которую называли Анахита (если это не заимствованное слово, то «незапятнанная, чистая»).

Подобно гимнам других индоевропейских народов, он состоит из трех частей: первой — с призывом к боже-ству, второй — с рассказом об обращении к боже-ству других божеств и героев, их жертвах и о том, чем они их жаловали, третьей — с просьбами тех, кто обращается к Ардви-Суре. Согласно гимну боже-ство Ардви-Сура «растит жито», «кормит стадо», «ширит именье», «освящает она мужское семя и матерей утробу, чтоб легки были роды, обильно молоко», спасает и защищает селенья, округи, стада.

В этом яште содержится миф о борьбе героя-змееборца Трайтоана, который пожертвовал Ардви-Суре 100 жеребцов, 1000 коров и мириад овец.

Вот так просил он Ардви:

*«Такую дай удачу,
Благая Ардви-Сура,
Чтоб одолел я Змея
Трехглавого Дахаку —
Трехпастьный, шестиглазый,
Коварный, криводушный,
Исчадь дэвов, злой,
Могущественный, сильный,
Он сделан Анхра-Манью
Сильнейшим быть во лжи
На гибель всего мира,
Всех праведных существ;
И чтобы у Дахаки
Я двух его любимиц,
Сахнавак и Арнавак,
Увел прекрасных телом,
Пригоднейших для родов
И лучших среди жен.*

Пер. И. М. Стеблина-Каменского

Ардви-Сура выполнила просьбу Трайтоана. Следует отметить, что этот миф индоевропейского происхождения прекрасно зафиксирован и в древнеиндийской мифологии. В иранской мифологии он получил в после-авестийские времена дальнейшее развитие, и у Фирдоуси в его «Шахнамэ» это Феридун, освободивший иранский народ от царя-тирана Зохака, у которого из плечей росли змеи-драконы, кормившиеся человеческим мозгом.

Мифологические сюжеты есть и в других яштах, в еще одной части Авесты — «Висперед» («Все боже-ства»), в более поздних зороастрийских сочинениях.

Ахура-Мазда имел универсальный характер — он является в «Гатах» не только верховным, но и всеобъемлющим богом. Вместе с тем у него был двойник — враждебный дух Ангра-Майнью, его имя лишь однажды встречается в «Гатах». В остальных частях «Авесты» он называется Анхра-Манью («злой дух»), а в среднеиранском наименовании — Ахриман. Как говорится в «Гатах», доброду и злуду божествам соответствуют два вида мыслей, речей и действий — хороший и плохой. Мудрый выбирает праведный путь, глупый — противоположный. «И затем, когда эти два духа впервые встретились, они оба создали жизнь и не-жизнь», худшее существование — для последователей Лжи, лучшее — для последователей Аша («истины») («Ясна» 30,3—5). Из этих основополагающих принципов следует принцип свободы воли для человека — каждый может выбрать.

Однако монотеизм Ахура-Мазды не был абсолютным. Он первым актом творения породил (он прямо называется Отцом) семь индивидуальных Амэша-Спэнтов («бессмертных святых»), таких, как Аша — мировой религиозный «порядок», или «истина», Воху Манах — «праведные намерения» (мысли) и др. Иногда их рассматривают как абстрактные принципы, характеризующие Бога, но все же это скорее индивидуальные существа. Кроме них, Ахура-Мазда создал и другие, меньшие по значению, добрые божества. Все они именуются *язата* («достойный поклонения»).

Ахура-Мазда вместе с сотворенными им помощниками ведет постоянную борьбу с Анхра-Манью. Созданный Ахура-Маздой человек, свободный в своем выборе, может обратиться к любому из этих антагонистов и доступен воздействию как сил добра, так и сил зла. Праведная жизнь, праведные мысли, намерения, дела способствуют приобщению человека к сонму праведных. К числу праведных дел относились занятия земледе-

лием и скотоводством, ибо это приводило к преумножению материальных благ, созданных Ахура-Маздой для человека. Тело живого человека при условии выполнения обрядов очищения символизировало доброе начало, смерть же вызывалась Анхра-Манью, труп был абсолютно нечистым. Существовал рай, и существовал ад, в зависимости от поведения человека он попадал или в рай, где его встречали прекрасные девушки, была замечательная пища, или же в темный ад с его муками.

Сам Заратуштра высказывал сложные эсхатологические взгляды, позже они были развиты в сложную эсхатологическую систему.

Существует два мира: *меног* и *гетиг* (среднеперсидские термины); первый был «духовным», второй «материальным», и вся космическая история разворачивается в этих мирах. Ее продолжительность жрецы определяли в 12 тысяч лет. Это так называемое конечное, ограниченное время (есть и бесконечное время). Оно делится на две эпохи: первая соответствует времени, начавшемуся тогда, когда Ахура-Мазда и Анхра-Манью сделали свой выбор между добром и злом. Именно тогда Ахура-Мазда сотворил все в обоих мирах, в том числе одного человека, одно растение и животное, а в духовном мире — множество *фраваши* — ангелов. Это был золотой век. Но затем началась вторая эпоха, когда начал действовать Анхра-Манью. Он убивает Первочеловека, Первобыка, уничтожает священное растение Хаому. Но Ахура-Мазда не остается бездейственным — он создает множество людей, растений, животных. Не дремлет и Анхра-Манью, который опустошает физический мир, превращает часть земли в пустыню, снабжает священный огонь черным дымом (злым началом) и т. д., злые силы пытаются проникнуть (и это им частично удается) и внутрь существ. Мир становится «смешанным».

Но наступит момент, когда явится

Саошьянт — «тот, кто приносит благодеяние», «спаситель». Произойдет чудо, осуществится полная победа Ахура-Мазды. На этом завершается конечное время и наступает бесконечное время царства добра. Возникнет идеальное царство Ахура-Мазды, зло исчезнет.

Зороастризм признавал почитание священных стихий, обладавших к тому же божественными персонификациями: Вода, Земля, Ветер, Огонь, почиталось также Солнце. Вначале не было храмов, затем они появились: храмы Огня, а также отдельных божеств, в частности Анахиты.

В ахеменидское и особенно в парфянское и сасанидское время зороастризм, распространившийся по огромной территории и ставший религией очень многих иранских племен и народов, претерпел значительную эволюцию и вместе с тем, приспосабливаясь к местным условиям, впитывая локальные иранские верования, приобрел ярко выраженное разнообразие у каждого из исповедовавших его народов. Наиболее детально известен зороастризм, исповедовавшийся населением собственно Ирана, отраженный в поздних зороастрийских сочинениях VIII—IX вв. н. э. Несравненно меньше освещены в источниках религиозные представления древних среднеазиатских народов — здесь зороастризм выступал далеко не в ортодоксальной форме, фоном всегда оставались специфические для данного региона, восходящие к древнеиранским, верования, и религия каждого из среднеазиатских народов являлась сложным сплавом этих верований (не вошедших в зороастризм или даже противоречащих зороастрийским) и собственно зороастризму.

В Иране существовало особое религиозное течение, которое называют зерванизмом, или зурванизмом. Слово *зурван* в «Авесте» означает «время». Так называлось одно из незначительных божеств. Приверженцы учения считали, что у Ахура-

Мазды и Анхра-Манью был отец; им было бесконечное время — Зурван. Позже был создан миф о том, что андрогинное (двуполое) божество Зурван мечтает о сыне Ормазде (Ахура-Мазде), но у родителя возникли сомнения в качествах сына, и зародился второй сын — Ахриман (Анхра-Манью). Надеясь, что первым родится Ормазд, Зурван обещает первому родившемуся даровать власть над миром. Но зловредный младенец Ахриман разорвал чрево своего родителя (родительницы) и первым вышел на свет. Хотя Зурван понял, что произошла ошибка, он вынужден был передать Ахриману власть на 10 тысяч лет. Поэтому наш мир — царство зла, а когда власть перейдет к Ормазду — начнется царство добра.

Арабское завоевание, обращение в ислам ираноязычных жителей Ирана, Афганистана, Средней Азии и прилегающих областей, были длительным и сложным процессом. Фактически ни в этот период, ни в дальнейшем (вплоть до современности) ислам не мог полностью вытеснить из сознания иранцев их древних мифологии и религии, которые продолжали существовать, переплетаясь с исламом, порой лишь прикрывая старые сюжеты и обряды новыми одеждами.

Местное, не-мусульманское содержание сохранила, в частности, мифологическая история иранцев. Начинается этот цикл персонажем по имени Каюмарс (от авестийского Гайа-Мартан) — «первоцарь». В поздних зороастрийских сочинениях он вместе с тем и прототип человека, созданный Ахура-Маздой на шестом этапе творения. Из семени Каюмарса выросло дерево — ремень, из которого появились первые земные мужчины и женщины — Машья и Машьяна. Затем, когда появилось множество людей, Каюмарс перевел людей из пещер в селения, он же обучил их приготовлению пищи.

Далее последовал Сиямак, то ли сын Каюмарси, то ли Машья и Машьяна; он был убит демонами. Его сына

(по другим источникам — внука) звали Хушанг (от авестийского Хаошьянха). Он носил титул «пишдад», отсюда название династии Пишдадидов, чьим основателем он был. Это был могущественный царь, он даже сумел усмирить самого Ахримана и зловредных демонов. Вместе с тем это был и культурный герой: он научил людей извлекать металл из руды, строить оросительные каналы, дома и разводить домашних животных, он же открыл огонь. Тахмурад (некоторые, но не все, источники считают его сыном Хушанга), имя которого связано с авестийским Тахмуради-азинавант, сумел полностью подчинить себе демонов; чтобы заслужить его благорасположение, они выдали ему тайну письма, а самого Ахримана он превратил в лошадь и ездил на нем верхом. Он продолжил подвиги своего предшественника в качестве культурного героя. Он первый выткал шерстяную ткань для одежды, начал применять собак для охраны стад, а хищных птиц — для охоты. Тахмураду наследовал его брат Джемшид (авестийский Йима) — «одна из наиболее красочных фигур иранской мифологии» (слова Э. Яршатера). Он правил людьми и демонами свыше 600 лет. Он значительно развил человеческую культуру: научил людей изготавливать

металлическое оружие, прясть и ткать шелк и хлопок, добывать золото и серебро, воздвигать постройки из камня, добытого в каменоломнях. Он разделил людей на четыре сословия, т. е. установил социальное деление общества. Но затем Джемшида обуяла гордыня, и, побуждаемый Ахриманом, он возомнил себя богом. Затем начинается царствование Зохака (от авестийского Ажи-Дахака). Развращенный дьяволом, его бесовским поцелуем в плечи, он был наделен двумя змеями, которые не давали ему покоя, пока он не накормит их человеческим мозгом. Так продолжалось тысячу лет без одного дня, пока кузнец Кова, подняв свой кожаный фартук как знамя, не возглавил народное восстание, и тиран был свергнут. Трон занял Феридун (авестийское Трэтон), потомок Джемшида. Феридун приковал Зохака цепями к горе Демавенд, а на земле вновь воцарилось светлое царство.

Наряду с этими мифами существовали многочисленные циклы мифов, связанные с почитанием стихий и небесных светил, особенно земли, воды, огня, солнца, почитанием различных демонических существ, например пэри, дэвов и др., многие из которых восходят к индоиранской древности.

Митраизм

В основе митраизма лежит культ Митры — древнеиранского бога, свидетельства о котором сохранились и в древнеиранских («Авеста»), и в древнеиндийских («Веды») письменных памятниках. Митраизм эллинистического и позднеантичного времени представляет собой развитый и видоизмененный культ иранского божества Митры.

В древнеиранской религии Митра — один из богов-язата, покровитель договоров, а также божество-воитель

и светлый бог, постепенно приобретающий солярные черты. После персидского завоевания Междуречья культ Митры широко распространяется в Месопотамии, а также проникает в восточную часть Малой Азии. В эллинистическую эпоху он получает дальнейшее распространение. Так, есть свидетельство о существовании святилища Митры в Египте в III в. до н. э. (где культ этого божества мог быть заимствован в результате персидского завоевания Египта). Только с I в.

до н. э. видоизмененное митраистское учение начинает широко распространяться в пределах Римской империи как на востоке, так и на западе. Много святилищ Митры обнаружено в Риме и в Италии. С конца II в. н. э. императоры покровительствуют митраизму с его поверьем о божественном происхождении законной царской власти. Начало упадка митраизма в Римской империи — конец III в. В V в. из западных областей митраизм сохранился только в некоторых долинах Альп. Еще некоторое время он продолжал существовать на Востоке.

Источники о митраизме позднеантичной эпохи — среднеиранская литература, греческие и латинские авторы, а также археологический материал — надписи, скульптуры и барельефы из митреумов (святилищ Митры).

Изложение легенды о Митре в ее позднем варианте до нас не дошло, и поэтому исследователи реконструируют ее по археологическому материалу, очень обильному (найденно множество больших и малых митреумов с сотнями скульптур, рельефов, росписей, немалое количество надписей, по преимуществу посвященных).

Судя по этим, а также литературным источникам, Митра был центральным божеством митраистского пантеона, в который входили также другие боги, прежде всего иранские. Прародителем богов, очевидно, считался Зерван Акарана, «бесконечное время», верховное божество зерванизма — одной из разновидностей зороастризма ахеменидской и сасанидской эпох. От него произошли Земля и Небо, а также морское божество Океан. Остальные боги произошли от Земли и Неба. В митраистском пантеоне присутствуют светлое и темное божества иранского зороастризма — Ормазд и Ахриман (среднеперсидский вариант имен). Кроме названных божеств, значительное место в культе занимает бог солнца,

отождествляемый с греческим Гелиосом, а также трехликая богиня, соединившая в себе в этом варианте черты египетской Исиды, греческих Селены-Луны, Гекаты и Персефоны, прежде всего лунное божество и владычица царства мертвых, возможно, также богиня водной стихии и подательница мистического просветления. Засвидетельствован также культ стихий (возможно, сформировавшийся под влиянием античных философских учений о стихиях), солнечный и лунный культ, обожествление звезд и знаков зодиака; культ светил — наследие прежде всего месопотамско-иранских представлений. В митраизме почитались также священные животные и растения. Изображаются на рельефах и малые божества — например, Каутос и Каутопатес, божества, очевидно, восходящего и заходящего солнца, один с поднятым факелом, другой с опущенным, а также боги четырех ветров.

Легенда о Митре, реконструируемая по археологическому материалу, выглядит приблизительно так. Митра чудесным образом родился из скалы. Его рождение видели пастухи, которые поклонились и преподнесли дары новому богу. Митра вкусил плодов и оделся в листья фигового дерева. Он заключил дружеский союз с богом Солнца (иногда Митра отождествляется с солнечным богом — ср. римский культ Митры как Солнца Непобедимого). Взяв в плен созданного богом Ормаздом священного быка, Митра по велению бога Солнца, переданному через вестника-ворона, приносит животное в жертву. Душа быка поднялась в небесные сферы и стала божеством по имени Сильван, хранителем стад, а из крови произошла земная жизнь, хотя Ахриман сам и с помощью своих животных старался предотвратить это. Есть изображения, свидетельствующие об эпизодах, где Ахриман насылает на Землю засуху, потоп, пожар. На рельефах существует сцена, где Митра высекает воду из скалы, чтобы предотвратить

засуху. Митра пирует с богом Солнца и вместе с ним на колеснице Солнца воспаряет к богам. Митра — покровитель людей, служащий посредником между миром людей и божеств. Он спасает души своих приверженцев, которые после смерти проходят через 7 планетных сфер и воспаряют в мир божеств. Неправедные души становятся достоянием Ахримана. Митра считается также подателем *хварено* — это, по иранским поверьям, ореол божественного огня, которым боги окружают носителя законной царской власти.

Святыни Митры — митреумы — обычно представляют собой пещерный храм или имитацию пещерного храма. Самые большие вмещают до 100 человек. Скульптуры, рельефы и росписи митреумов можно подразделить на несколько иконографических групп. Самая распространенная сцена — «Митра Тавроктонос» («Митра, закалывающий быка»). Митра в виде юного бога в персидской одежде и конической шапке сидит верхом на

священном быке, вонзая в него нож. На таком рельефе могут быть изображены также бог Солнца, божества-факелоносцы Каутос и Каутопатес, животные — скорпион, змея, собака, ворон Солнца, дерево смоковница.

Распространено также изображение так называемого Вечного бога, или митраистского Эона; это божество вечного времени, в митраизме прежде всего выполняющее роль владыки космоса и привратника небесных сфер; имена эти условные, исследователи называют его также «Кронос», а иногда отождествляют с Ахриманом. Митраистский Эон — мужское божество, обнаженное (или в набедренной повязке, реже одетое), с львиной головой (отсюда название Леонтокефал), четырехкрылое, в несколько витков обвитое большой змеей, голова которой обычно находится над львиной головой Эона-Леонтокефала. В руках бог держит чаще всего ключи, реже жезл или факел, меч, перун. Иногда вместо львиной головы изображается бородастая мужская голова. Засвидетельствовано изображение Митры как Эона: вместо львиной головы изображается юношеская голова Митры. Изображению Эона-Леонтокефала часто сопутствует вереница или замкнутая рамка знаков Зодиака.

Бог Гелиос-Солнце изображается с сиянием вокруг головы; такое же сияние-венец носит Митра, когда отождествляется с Гелиосом.

Засвидетельствованы и другие сцены из жизни Митры: например, рождение его из скалы. Есть сцены, где обнаженный Митра срывает плод и листья со смоковницы; Митра высекает воду из скалы; гонится за быком; несет быка на плечах; пирует с Гелиосом; на колеснице Гелиоса вместе с ним поднимается в небеса, над головой бога Океана. Есть сцены, изображающие и других божеств: боги, держащие шар (Теллус и Атлант); битва Ормазда с великаном божества судьбы; боги четырех ветров и т. д.

Что касается организации и струк-

Рельеф из Модены. Италия.

туры митраистской общины, то она реконструируется главным образом по письменным источникам. В митраистском культе и мистериях участвовали исключительно мужчины. При посвящении мист проходил под руководством учителя-мистагога длительный и разнообразный иску, куда входили испытания огнем, холодом, пост, бичевание. Культ носил мистериальный характер: при таинствах душа миста должна была, судя по всему, воспарять в небесные сферы, чтобы узреть божество.

Посвященный проходил семь степеней иерархии, очевидно, соответствующих семи планетным сферам, через которые проходит душа: Ворон, Крифий (т. е. «тайный»), Воин, Лев, Перс, Гелиодром («гонец Солнца») и Отец. Посвященные, достигшие степени Отца, управляли культом; жрецы тоже часто были, очевидно, в степени Отца. Посвященные первых трех степеней назывались «служителями», а начиная со ступени Льва — «участники» (очевидно, они были основными участниками главных мистерий). Для высших степеней засвидетельствован обряд священной трапезы — вкушения за общим столом хлеба и воды, иногда, возможно, и вина.

Во главе общины каждого города стоял верховный жрец. Были, очевидно, посвященные, соблюдавшие аскезу и обет безбрачия; верховному жрецу позволялось жениться, но

только 1 раз.

Митраистские общины могли иметь свою собственность. Судя по большому количеству надписей, в общины приносились пожертвования.

Праздники были приурочены к солнечному году. Дни недели были, по вавилонской традиции, посвящены Солнцу, Луне и планетам, причем самым священным считался день Солнца.

В основе митраизма, как уже было сказано, лежит древний иранский культ, уходящий корнями в индоиранскую общность. Но митраизм в его окончательном виде имеет характер синкретического культа, типичной религии эллинистического и позднеантичного времени. Он претерпел влияние греческих и восточных мистериальных религий, а также античных философских представлений, с участием которых, без сомнения, сложились митраистские представления о строении мира. Некоторое сходство с христианством, особенно в обрядности, происходит, очевидно, оттого, что некоторые аспекты обеих религий имеют общее происхождение. Митраизм, в свою очередь, оказал влияние на другие учения: митраистское влияние прослеживается в манихействе и, очевидно, также в гностицизме. Митраистский элемент присутствует также в позднеантичных оккультных науках, возможно, и в ранней иудаистской мистике.

Манихейство

Манихейство — религия, зародившаяся в Иране в середине III в. н. э.

Согласно традиции основателем этой религии был Мани, перс по происхождению. Родился он в Вавилонии, вероятнее всего, весной 216 г. н. э. Еще в раннем детстве Мани был взят отцом в аскетическую иудео-христианскую общину секты элхасаитов

(или «баптистов») в Южной Месопотамии, где вырос и жил до 24 лет. Выступив с реформаторской проповедью и порвав с общиной, Мани с немногими учениками отправился в миссионерское путешествие (240 г.). Поначалу деятельность Мани имела успех: он проповедовал при дворе первых царей персидской династии Сасанидов, путешествовал в Мидию,

Армению (возможно, также в Кавказскую Албанию), Центральную Азию, в Северную Индию, послал своих учеников с миссиями в Центральную Азию, в Армению и в пределы Римской империи (эта миссия дошла до Египта). Предположительно с 243 по 253 г. он постоянно находился при дворе царя Шапура I, который относился благосклонно к его проповедям, и состоял в свите царя в одном из походов против римлян (256—260 гг.?). Впоследствии Шапур и его последователи охладели к Мани; возможно, здесь роковую для него роль сыграло влияние зороастрийского жречества. По возвращении Мани из второго миссионерского путешествия весной 176 г. (наиболее вероятная дата) после беседы с царем Бахрамом I Мани по приказу царя был схвачен и отправлен в тюрьму. После почти месячного пребывания в тюрьме в цепях и колодках Мани скончался.

После смерти Мани манихейская церковь с центром в Вавилоне существовала на всем протяжении правления Сасанидской династии, хотя периоды относительной терпимости перемежались периодами гонений. Только в X в. центр манихейской церкви был перенесен в Самарканд.

Манихейство дошло до Рима и распространилось по всей Римской империи. В III в. первые общины появились в Египте, позднее — в Палестине, Сирии, в IV в. — в Северной Африке, Малой Азии, в Греции, Иллирии, Италии, Галлии и Испании. С VI в. в результате долгих гонений западное манихейство стало приходить в упадок, и в VIII в. общины уже оставались только в Северной Африке.

На Востоке церковь продолжала существовать в Иране и сопредельных областях, оказав в V в. некоторое влияние на иранское движение маздакитов, а позднее — на мусульманскую ересь зиндиков. Очень долго оно продержалось в Центральной Азии. В результате гонения всех незороастрийских религий общины переместились на восток и северо-восток. В

VII—VIII вв. согдийцы принесли манихейство в Китай. В 763 г. обратился в манихейство хан уйгуров, и до 840 г., т. е. до падения этого государства, манихейство было государственной религией степной империи уйгуров (уникальный момент в истории этой религии). С середины IX в. начались антиманихейские гонения в Китае. В Восточном Туркестане манихейство существовало до XIII в., а в некоторых областях Китая — и до XIV в. Две манихейские книги даже вошли в даосский канон.

Манихейство оказало, очевидно, некоторое влияние на зороастризм, а на Западе — на мировоззрение секты павликиан, средневековых ересей богумилов и катаров.

Манихейский канон состоял из 7 книг, написанных на арамейском языке. Эти книги в лучшем случае дошли до нас во фрагментах, причем почти всегда в переводах на различные языки. Названия канонических книг следующие: «Живое Евангелие», «Сокровище (или «Сокровищница») жизни», «Прагматия» («Трактат»), «Книга тайнств», «Книга гигантов», «Послания», «Псалмы». Известны также «Шапуракан» (изложение учения на среднеперсидском языке, написанное Мани для царя Шапура), «Образ» (ср.-перс. «Ардханг»; нарисованные самим Мани иллюстрации к учению), сборник молитв. Из книг, написанных впоследствии, известны псалмы, молитвы, агиографический труд о жизни Мани, трактат «Кефалайа» («Главы» — толкование различных положений учения), ряд изложений доктрины и церковно-исторических текстов. Существует много неманихейских источников по этой религии (изложение жизни и учения Мани у христианских и мусульманских авторов).

Вкратце содержание учения таково.

Во Вселенной извечно существуют два противоположных и совершенно обособленных начала: светлое и темное. Свет — благое, нематериальное, совершенное начало; верховное

божество света — Отец величия, или Бог истины, Отец. Свет подразделяется на зоны — олицетворенные пространственно-временные единства.

Активное начало и верховная сила Мрака — Материя. Материя породила мужских и женских демонов пяти темных стихий — дыма, огня (или пожара), ветра, воды и тьмы. Материя и архонты (князья, правители) миров и демонов мрака позавидовали красоте миров света и пожелали их завоевать. Царем миров мрака и предводителем его сил стал пятиликий верховный архонт, имеющий голову льва, крылья орла, туловище дракона, руки и ноги демона (т. е., очевидно, человекообразные) и хвост рыбы. Цари стихий имеют облик животных. Под предводительством Царя мрака и архонтов силы мрака двинулись войной на миры света.

Тем временем Отец величия узнал о замыслах Материи, и в качестве его первых эманаций-проявлений возникли Великий дух (или Мать живых, Мать жизни) и Первочеловек. Первочеловек выделил свои 5 эманаций — 5 светлых стихий: воздух, огонь, ветер, воду и свет.

Силы мрака перешли границу миров света и захватили некоторую область света. Первочеловек, вооружившись пятью светлыми стихиями, вошел в эту область на битву с мраком.

В битве Первочеловек был вынужден отдавать силам мрака свои одеяния и доспехи — пять светлых стихий. В результате светлое и темное начала смешались; дым был связан с воздухом, темный огонь — светлым огнем и т. д. Темные стихии были связаны и не могли продвигаться дальше в миры света, но связаны оказались и светлые стихии, а Первочеловек остался безоружным. Так образовалась область смешения — хаос, первооснова для сотворения материального мира.

Тем временем Отец величия произвел из себя еще одно божество — Дух живой. Последний воззвал к Первоче-

ловеку, тот услышал его и дал ответ. Зов и Слух (или Зов и Ответ) олицетворились и стали самостоятельными божествами или двуединым божеством.

Дух живой спустился в область смешения, спас Первочеловека и возвратил его в светлые миры. Но божество, соприкоснувшееся с мраком, не могло сразу вновь неразрывно слиться со светлыми мирами.

Пять светлых стихий, связанных с мраком, продолжали пребывать в печали в области смешения. Тогда два божества — Великий дух (мать живых) и Дух живой — спустились и стали творить материальный мир, т. е. придавать смешению-хаосу такой вид, чтобы можно было начать отделять светлые стихии от темных и возвращать их в область света.

Из тел архонтов мрака была сотворена земля, а над землей установлены 10 твердей, где связаны души архонтов и демонов (по другому варианту, 10 небес сотворены из шкур демонов). Под твердями вращается звездная сфера, где укреплены души архонтов; звездный свет суть частицы светлых стихий, захваченные архонтами в битве. Цари и вожди миров мрака стали семью планетами и 12 знаками зодиака, сохранив ограниченную власть над демонами и материальным миром. Воздух заполняет пространство между землей и твердями, очищаясь от смешения по мере восхождения, огонь составляет одну из оболочек материального мира. Темные стихии ветра, воды и тьмы спускаются в область мрака после отделения по трем переправам. Осадок стихий спущен в море, отчего вода в море горькая и соленая; из него же образовалось чудовище — Гигант моря. Воздух и ветер также восходят вверх после очищения по идущим от земли к небу незримым путям. Установлены также 3 космических колеса, по которым поднимаются вверх светлые стихии ветра, воды и огня. Остаток от очищения светлых стихий — темное начало — спускается в преисподнюю.

Над материальным миром Дух живой поставил на страже 5 своих эманаций-божеств: Светодержец, или Блистающий, стоит на страже верхних небесных твердей; Царь чести — в 7-й тверди, он ведает восхождением очищенных стихий; Адамант света сторожит сферу звезд и прикованных к ней архонтов; Царь славы вращает 3 колеса очищения стихий; Омофор, или Атлант, держит землю и тверди. Еще одно божество — Великий строитель, или Возлюбленный, строит новый мир-эон, куда должны возноситься очищенный свет и освобожденные божества.

Затем Отец величия произвел еще одно божество — Третьего посланца. Он был послан в мир, чтобы свет, увидев его лучезарный образ, устремился к нему, и таким образом началось восхождение светлого начала из материального мира. Но при нисхождении Духа живого в материальный мир его образ увидели также демоны мрака. Они позавидовали его красоте и пожелали создать такое же светлое существо, чтобы оно служило им светочем и защитой. Мужские и женские архонты совокупились и породили недonoшенные, но живые плоды — Выкидыши. Архонты и Выкидыши восстали и остановили восхождение светлых стихий. Верховный демон Сакла собрал у других Выкидышей светоносное семя, сотворил вместе со своей подругой Небруэль (Неврод) Адама и Еву и вложил свет им в души. Сакла совокупился с Евой и породил звероподобное потомство. Ева оставалась бесчувственной, а Адам — диким и неразумным.

Тогда Отец величия создал еще двух богов — Иисуса-Сияние и Деву света. Иисус-Сияние сошел в материальный мир, смирил восстание демонов и возобновил восхождение стихий. Потом он спустился на землю, воплотился в Еву и просветил Адама — дал ему знание о божественном происхождении их душ и о пути спасения. Положительным образом трактуется миф о грехопадении: Адам

съел плод с древа познания и получил духовное прозрение. Иисус-Сияние вознесся. Божества создали два светила, или Корабля света, — солнце и луну, поскольку теперь требовались особые орудия и пути очищения светлого начала, которое содержится в людских душах. На солнце обитает дух живой, на луне — Иисус-Сияние и Дева света. Дева света является архонтам, чтобы они соблазнились и исторгали из себя светоносное семя. По некоторым источникам, для того же служат произведенные Иисусом-Сиянием 12 дев (или 12 дев и 12 юношей; впрочем, это, скорее всего, 12 двуполых божеств, могущих принимать и мужской, и женский облик).

У Адама и Евы родился сын Сиф. Адам изложил откровение, переданное ему Иисусом-Сиянием, в книге и завещал ее Сифу. От Сифа пошел род праведников — великих вероучителей, который завершается самим Мани: каждому вероучителю является божественный Двойник — эманация порожденного Иисусом-Сиянием божества по имени Разум света (или, по одному из вариантов, эманация самого Иисуса-Сияния) и дает ему высшее, божественное знание, которое вероучитель проповедует или записывает. Последний становится главой единой истинной церкви. После смерти такого вероучителя — апостола — церковь через некоторое время приходит в упадок (все существующие религии представляют собой периодические искажения истинной веры); тогда божества ниспосылают другого апостола с его двойником. К этому праведному роду манихейские тексты причисляют ветхозаветных персонажей, которым приписывалось авторство апокрифических книг, — Адама, Сифа, Ноя, Сима, Еноха, — а также основателей мировых религий: Будду, Заратустру, Иисуса Христа и самого Мани. В этот ряд включается также апостол Павел и, возможно, основатель секты «баптистов» Элхасай.

Материя борется за душу человека,

не желая отпускать ее в мир света. Демоны заблуждения влекут его к греху. Душа человека всецело праведного после смерти возносится: божество по имени Столп славы возносит его на луну, где душа окончательно очищается от скверны. С луны души праведников периодически возносятся на солнце (этим в манихействе объясняется чередование лунных фаз), а с солнца — в светлые миры. Человек не полностью праведный после смерти не возносится: его душа вновь воплощается в каком-либо теле (человеке, животном или растении). Это повторяется до тех пор, пока душа либо не очистится окончательно, либо не закоснеет в грехе. В первом случае она возносится, во втором — идет в преисподнюю вместе с темными стихиями (вариант: все души в конце концов очистятся).

Свет, который пребывает в душах людей, постоянно дробится на все более мелкие части, так как род людской размножается. Перед концом света, когда светлого начала в мире останется немного, вспыхнет великая война и грешники на краткое время воцарятся над праведниками. После этого Зов и Слух соберут весь оставшийся в материальном мире свет и сделают из него Последнее изваяние, которое вознесется в светлый мир. После восхождения Изваяния остатки материального мира сгорят в многовековом пожаре. Божества воссядут на свои космические престолы, чтобы судить души людей. Праведники вознесутся вместе с божествами в новый эон, а прожив там срок, равный времени существования мира смешения, забудут мрак и страдание и смогут окончательно, навеки воссоединиться с чистыми мирами света. Темные стихии будут заключены в «шар», оболочку которого составят души грешников (по некоторым источникам, часть темных стихий будет сброшена в яму). Граница светлого и темного начал снова будет восстановлена, теперь уже навеки.

Человек, таким образом, должен,

пребывая в материальном мире, спасти свою душу. Но ему также полагалось щадить Душу живую — свет, связанный в стихиях материального мира, а достигнув определенной степени праведности, способствовать очищению Души живой. Манихейские верующие подразделялись на рядовых верующих — «слушателей» и монашествующих — «избранных» (на Востоке существовали мужские и женские монастыри для «избранных»). «Слушатели» должны были лишь по возможности воздерживаться от причинения вреда душе живой и содержать общину «избранных». Верующим запрещалось убийство живых существ (но «слушателям» разрешалось есть мясо), рекомендовалось воздерживаться от деторождения, вменялись в обязанность милостыня (но милостыню полагалось приносить только общине!), ежедневные молитвы — солнцу и луне, еженедельный воскресный пост, исповеди, участие в литургиях. Заслугой «слушателей» считалось также переписывание священных книг (как и для «избранных»), посвящение в «избранные» детей или домочадцев.

«Избранный» не должен был причинять никакого вреда Душе живой, потому что после смерти возносился (по некоторым источникам, вознестись может и праведный «слушатель»), а при жизни служил очистителем светлого начала: свет из чистой пищи, которую поедал «избранный», и из одежды, которую он изнашивал, освобождался и возносился. А вред Душе живой приносит почти любое взаимодействие человека с материальным миром: убийство живых существ, срезание или срывание растений, попираание земли при ходьбе, купание в водоемах (по некоторым источникам, «избранные» не мылись). Поэтому на «избранных» налагалась целая система запретов, известная как три «печати»: «печать руки» — запрет на убийство и причинение вреда живому, «печать уст» — запрет на нечистую пищу (прежде

всего мясную) и вино, «печать лона» — безбрачие. «Избранник» не мог заниматься практически никакими мирскими занятиями, а путешествовать должен был только в миссионерских целях. Обязанности «избранника» составляли молитвы Солнцу и Луне (молился «избранник» чаще, чем «слушатель»), миссионерская деятельность, исповедание «слушателей» и младших «избранников», посты по праздникам, а также каждое воскресенье и понедельник. По астрологической традиции дни недели посвящены планетам, а воскресенье и понедельник — Солнцу и Луне, которые, по манихейскому учению, божественного происхождения и служат обителями божеств. Поэтому именно по понедельникам и воскресеньям Душа живая, поглощенная «избранником» в пищу (больше всего светлого начала, считалось, содержат дыни и огурцы), освобождается во время поста и возносится.

Отдельными общинами управляли пресвитеры, назначаемые из числа «избранников» (очевидно, только из мужчин-«избранников»). Общинами целой области управлял епископ, над епископами стоял учитель, а главой церкви был апостол, или учитель, по арабским источникам *имам*. По манихейским текстам церковь насчитывала 12 учителей, 60 епископов и 360 пресвитеров.

Из праздников известен весенний праздник Бемы (Алтаря). На стоящий в храме пятиступенчатый алтарь Бему возлагалась книга Мани «Живое Евангелие»; очевидно, при жизни Мани он сам произносил проповедь с этого алтаря. Читались проповеди, во время литургии исполнялся особый цикл псалмов Алтаря. Перед праздником предписывались многодневный пост и исповедь.

До сих пор остается открытой проблема: какой элемент в манихействе все же следует считать основополагающим? Здесь в стройную, непротиворечивую систему соединены элементы самых различных учений:

зороастрийский, иудео-христианско-гностический (приходится назвать его именно так, потому что здесь большей частью трудно бывает разграничить собственно христианство, гностицизм и иудаистские, в том числе неортодоксальные, учения), митраистский, а также греческое философское наследие (большей частью, впрочем, неотделимое от гностического элемента), предположительно также буддийские воззрения (которые в раннем манихействе вычленили трудно, хотя в более позднем манихействе восточного направления буддийское влияние проявляется очень сильно). Кроме того, в учении Мани можно выявить черты местных месопотамских верований.

Ранние христианские ересиологи считали манихейство христианской ересью. Зороастрийские жрецы, очевидно, считали его ересью зороастризма, насколько к этой иранской религии применимо такое понятие, как ересь.

В настоящее время вопрос сводится к тому, следует ли считать манихейство «по преимуществу» разновидностью зороастризма или гностической религией. Трудность состоит также в том, что есть черты и персонажи, обнаруживающие сходство и с зороастрийскими, и с гностическими. Кроме того, в среднеиранских текстах божества названы именами иранских божеств, а в греческих, сирийских, коптских источниках божества и демоны одноименны с гностическими божествами и персонажами христианских и иудейских апокрифических книг.

Теперь, когда обнаружено и издано большое количество гностических текстов, можно, пожалуй, отдать предпочтение гностицизму и сказать, что манихейство — религия прежде всего гностического характера. Совпадают общий характер учения, основные космогонические моменты и персонажи. Но сильное зороастрийское влияние несомненно: Мани желал прежде всего укоренить

и распространить свое учение в Иране. Что касается большого количества сходных черт, общих для гностических учений и зороастризма, то не исключено, что Мани сознательно

выявлял такие параллели при разработке своего учения (вспомним концепцию изначально единой истинной церкви).

Скифы и сарматы

Мифология и религия скифов, обитавших в 1-м тысячелетии до н. э. в степях Северного Причерноморья и Приазовья, и сарматов — народа, родственного скифам и смеившего их на указанной территории ближе к рубежу нашей эры, известны нам лишь в самых общих чертах. Объясняется это тем, что ни те ни другие не имели письменности, а потому сведения об их верованиях и мифах наука черпает только из получаемых при раскопках археологических материалов (важнейшие из них — изобразительные памятники) и из сообщений греческих и римских писателей, хорошо знавших жизнь восточноевропейских «варваров». Интерпретация всех этих источников — задача отнюдь не простая. Воссоздать более или менее целостную картину религиозно-мифологических представлений скифов и сарматов удастся лишь после тщательной аналитической работы. Так, персонажи их мифов в античных текстах обычно фигурируют не под своими подлинными именами, а под именами тех греко-римских богов и героев, с которыми древние писатели отождествляли их вследствие известной смысловой близости. При этом один и тот же персонаж может в разных текстах сближаться с разными героями античной мифологии и соответственно фигурировать под разными именами. Правда, подобные отождествления имеют и известную познавательную ценность, поскольку проливают дополнительный свет на сущность того или иного мифологического образа. Важную роль в исследовании мифов и верований скифов и сарматов

сыграло открытие, что эти народы принадлежат к числу ираноязычных, сделанное на основе изучения сохранившихся от них имен собственных и географических названий. Это позволило сопоставить их религиозно-мифологические представления с гораздо полнее известными науке мифами других народов той же языковой группы, чья культура имеет общие корни со скифской и сарматской. И все же, несмотря на разнообразие методов, привлекаемых для реконструкции верований скифов и сарматов, многое все еще остается для нас неясным.

Религиозно-мифологические представления скифов известны много лучше, чем сарматские, прежде всего благодаря подробным данным, сохранным греческим историком V в. до н. э. Геродотом. Согласно его сообщению, восходящему, судя по всему, к какому-то скифскому ритуальному тексту, число богов, которым поклоняются все скифы, равно семи, и это соответствует традициям многих иранских и родственных им индийских народов. Порядок перечисления скифских богов Геродотом отражает как степень их почитания, так, очевидно, и представление о последовательности возникновения тех элементов мироздания, которые эти боги олицетворяют.

Первой здесь названа богиня Табити, отождествленная с греческой Гестией — божеством домашнего очага, а также огня в самых разнообразных его проявлениях и функциях. Хорошо согласуется с таким отождествлением и смысл скифского имени богини, которое переводится

как «согревающая» или «пламенеющая». Таким образом, на первом месте в скифском пантеоне стоит божество огня, и это вполне соответствует присущей многим родственным скифам древним народам трактовке огня или космического жара как первостихии, существовавшей до возникновения всего остального мироздания, а также обычаю этих народов начинать с обращения к божеству огня любые обрядовые действия. Труднее объяснить свидетельство Геродота, что скифы именовали богиню Табити своей царицей. Не исключено, что в этом содержится косвенное указание на ритуал священного брака богини со смертным царем, практиковавшийся многими древними народами в целях придания царской власти священного характера. Однако достоверно подтвердить такое предположение не удастся, поскольку до нас не дошли ни описания связанных с культом Табити обрядов, ни мифы об этой богине.

Более понятна нам сущность двух божеств, в описании скифского пантеона стоящих после Табити. По-скифски они именовались Папай и Апи и мыслились как супружеская пара. Судя по тому что Геродот отождествил их с греческими Зевсом и Геей, миф об этих божествах отражает существовавшее у многих древних народов представление о брачном союзе неба как мужского начала и земли как начала женского. Правда, имя богини Апи по смыслу связано не с землей, а с водой, но в этом персонаже, судя по многим данным, сочетаются черты земной и водной богинь: источники характеризуют супругу скифского небесного бога то как дочь реки, то как существо, рожденное землей и обитающее в ее недрах — в пещере; иногда к тому же ей приписывают наполовину змеиный облик, а змея во всех мифологиях символизирует земную стихию. Возникновение неба и земли — второй после появления огня этап создания Вселенной, а их брачный союз символизирует

космогонический акт, обеспечивающий завершение формирования упорядоченной Вселенной, ибо следствием этого брака является рождение сына, который мыслился как родоначальник скифского народа, а по существу — и всех людей вообще, т. е. как олицетворение средней — расположенной между небом и землей — зоны мироздания, мира людей и прочих смертных существ. По-скифски этот персонаж именовался Таргитай, но в античных источниках он чаще обозначается именем Геракл, Геркулес.

«Скифский Геракл» фигурирует в структуре пантеона вместе с тремя другими богами, также, судя по ряду признаков, связанными со средней зоной мироздания. Эти боги отождествлены с греческими Ареем, Аполлоном и Афродитой Уранией; сказать с уверенностью, как именовались они по-скифски, трудно, поскольку подлинное имя первого из них нам вообще неизвестно, а имена двух последних сохранились в разных вариантах и неясно, какой из них наиболее достоверный. Так, «Афродиту» источники именуют то Аргимпасой, то Артимпасой. В последнем

Серебряный сосуд из окрестностей Воронежа. IV в. до н. э. Сцена на сюжет мифа о трех сыновьях Таргитая-Геракла

варианте угадывается сходство с именем известной у других иранских народов богини Арти, которая, как и скифский Таритай, мыслилась порождением Неба и Земли и символизировала любое доступное людям материальное богатство.

О сущности образа «скифского Ареса» можно судить прежде всего по тому, что он отождествлен с греческим божеством войны и что его воплощением в Скифии служил железный меч, водруженный на вершине сооруженного из хвороста гигантского четырехугольного алтаря. У такого алтаря скифы приносили в жертву этому богу домашних животных и каждого сбитого пленника. Что касается божества, отождествленного с Аполлоном, то по-скифски оно именовалось либо Гойтосир, либо Ойтосир (сохранились и иные варианты имени), и этими данными доступные нам сведения о нем исчерпываются. Можно лишь добавить, что вряд ли случайно само число связанных со средней зоной мироздания богов, ибо представление о четырех сторонах света составляет суть мифологической концепции пространства у многих — в том числе индоиранских — народов.

Известно нам и еще одно скифское божество — Тагимасад, но его, согласно Геродоту, почитали не все скифы, а лишь одно (правда, самое могущественное, господствовавшее над остальными) племя. Этот бог отождествлен с греческим Посейдоном, который, как известно, был не только богом моря, но и покровителем коневодства. Скорее всего, именно последняя черта, особенно близкая скифскому кочевому быту, позволила сравнить с ним скифского Тагимааса, о котором подробных данных не сохранилось.

Нам почти неизвестны мифы о тех богах, которые входят в скифский пантеон. Исключение составляет Геракл-Таргитай, рассказ о котором античная литература сохранила в нескольких вариантах. Его можно

считать центральным мотивом скифской мифологической традиции. В этом мифе, в частности, привлекает внимание рассказ о брачной связи главного персонажа с существом, и по облику, и по функциям идентичным с его собственной матерью — богиней земли и воды. Очевидно, в скифской мифологии присутствовал обычный в древних мифах мотив инцеста (кровосмесительного брака) как события, случившегося в начале истории до того, как в обществе были установлены регламентированные правила поведения. Но в сохранившихся версиях скифского мифа имеются лишь глухие намеки на этот сюжет.

От этого брачного союза рождаются три сына, имена которых свидетельствуют, что они символизируют (как и их предки) три уровня мироздания — небо, землю и подземный мир. Разные версии мифа трактуют этих братьев то как родоначальников различных народов, то как основателей трех сословий скифского общества —

Электрический сосуд из кургана Кульоба. IV в. до н. э. Крым. Сцена на сюжете мифа о трех сыновьях Таргитая-Геракла

воинов, жрецов и рядовых общинников (земледельцев и скотоводов). Источники сохранили рассказ о сакральном испытании, которому были подвергнуты братья с целью выяснить, кто из них достоин стать первым царем Скифии. По одной версии это испытание заключалось в том, что требовалось овладеть упавшими с неба золотыми воспламеняющимися предметами, символизирующими все три сословия, — плугом с ярмом, боевой секирой и ритуальной чашей; по другой версии от сыновей Таргитая-Герakла требовалось натянуть тугой отцовский лук и опоясаться его поясом. Источники единодушны в том, что выполнить поставленную задачу, согласно скифскому мифу, смог лишь младший из братьев — представитель сословия воинов; он-то и стал владыкой скифов, родоначальником скифских царей. Таким образом, этот миф повествует не только о происхождении космоса и строении мироздания, но и о формировании социальной и политической организаций скифского общества.

Некоторые сюжеты скифских мифов, к примеру рассказ об испытании сыновей Таргитая, запечатлены на ритуальных предметах, найденных в скифских курганах (см. иллюстрации). Но такие памятники получили распространение лишь в последние десятилетия существования Скифского царства и к тому же выполнены в основном греческими мастерами. В более раннее время искусство скифов ограничивалось воплощением животных; это знаменитый скифский звериный стиль — символическая образная система, также связанная с религиозно-мифологическими представлениями.

Античные тексты сохранили некоторые данные о скифских ритуалах: о способах принесения в жертву животных, прежде всего лошадей, о ежегод-

ном религиозном празднике (очевидно, весеннем), связанном с почитанием упомянутых выше упавших с неба священных атрибутов; об общескифском культовом центре в междуречье Днепра и Южного Буга, где стоял гигантский ритуальный бронзовый котел и где, возможно, проводился этот весенний праздник. Конечно, эти сведения достаточно кратки и отрывочны, но в сумме они позволяют представить скифскую религию и мифологию как некую систему.

К сожалению, то же нельзя сказать о мифах и верованиях сарматов. Сохранившиеся на этот счет данные еще более фрагментарны. Можно лишь предполагать, что религиозно-мифологические представления сарматов во многом были сходны со скифскими. Так, по крайней мере некоторые из сарматских племен также почитали семерку богов. В их число, судя по косвенным свидетельствам, входили, как и у скифов, боже-ства, олицетворяющие огонь и воду. Не случайно огонь играл важную роль в погребальных обрядах сарматов, а у античных авторов есть указание, что они почитали как бога реку Танаис (современный Дон). Весьма важно указание, что они поклонялись также воткнутому в землю мечу, что прямо перекликается с описанным ритуалом в честь скифского воинского бога.

Много внимания древние писатели уделяют особой роли женщины у сарматов и особенно у родственного им народа савроматов, которых даже считали потомками амазонок от их браков со скифскими юношами. В совершении сарматских религиозных обрядов, судя по археологическим данным, женщинам принадлежало весьма важное место. Дальнейшие раскопки, очевидно, принесут новые материалы, которые позволят полнее представить себе религию сарматов.

Нуристанцы

Комплекс религиозно-мифологических представлений жителей Нуристана (область в северо-восточном Афганистане), которые в литературе называются нуристанцами (старое название — *кафиры* — букв. «неверные»), детально изучен. Местное население Нуристана, проживающее в небольших горных долинах, делится по языковому принципу на четыре группы: кати — наиболее многочисленная группа; паруни (иначе — язык прасун); вайгали; ашкун. Эти языки объединяются в группу кафирских языков, другое их название — западнодардские языки. Этнографическое членение не совпадает с лингвистическим. Мифологические циклы у различных групп населения Нуристана при наличии общего ядра отличаются и дополняют (иногда значительно) друг друга.

Нуристанская религия и мифология обнаруживают значительное сходство с мифологией других дардских народов — соседей нуристанцев, живущих в Афганистане, Пакистане и Индии.

Дардские языки относятся к индоевропейским, занимая положение между иранскими и индийскими семьями языков. Во время распространения индоиранцев на восток сюда также проникла волна носителей протодардских языков, заселивших преимущественно горные области. В религии и мифологии Нуристана прослеживается несколько культурно-исторических слоев. В наиболее древних сплелись религиозно-мифологические представления доарийского местного населения и типологически близкие элементы древнейшей мифологии индоарийцев. Следующий, основной слой религии и мифологии Нуристана связан с племенами нуристанцев, пришедших в долины Гиндукуша. В ней много общего с древнеиндийскими религией и мифологией. Эти общие персонажи и мифологемы восходят к предшествующему периоду,

когда после распада индоиранской общности от древних индийцев, направлявшихся в Индию, отделились дардоязычные предки нуристанцев (1-я половина 2-го тысячелетия до н. э.). Вместе с тем существенны и отличия религии и мифологии Нуристана от ведийской мифологии, причем системные. Очевидно, изначально нуристанцы отобрали из общего источника не одни и те же представления. На древнейших этапах были восприняты и шаманские представления. Определенное воздействие оказывали длительные контакты с иранским, в том числе и с мусульманским, населением.

Нуристан — труднодоступная высокогорная страна, являвшаяся своего рода естественным изолятом, благодаря чему его исконное население смогло до недавнего времени сохранять свою местную религию и мифологию. После завоевания эмиром Афганистана Абдурахман-ханом (1895—1896) население подверглось исламизации и область получила теперешнее название Нуристан — букв. «страна света» (истинной, т. е. мусульманской, веры). В статье рассматривается домусульманская религия и мифология нуристанцев.

В политеистической мифологии Нуристана божества рассматриваются как занимающие разное положение в небесной иерархии. Функции у каждого совершенно определенные, но они частично повторяются и «перекрываются» функциями других божеств. Верховное божество — это Имра. Его мудрый и отважный молодой советчик и помощник — демоноборец Мони (Манди) и другой член этой мужской троицы — бог войны неистовый Гиш (Гивиш). В круг высших божеств входит богиня плодородия Дизани, олицетворявшая женственность во всех ее проявлениях. Когда-то к числу высших богов относился также Индр-Индер (от арий-

кого *Индра*), имевший функции демидурга. Сейчас у большинства племен это бог вина и виноделия и лишь в Южном Нуристане его продолжают почитать как властелина богов. Велико число божеств, которые связаны с определенными степенями человеческой жизни и деятельности. Нижний слой пантеона образуют божества — олицетворение природы и отдельных природных явлений, покровители тех или иных природных объектов (рек и др.), а также защитники определенных населенных пунктов. Таковы Вушум — бог правосудия; Судрем — жрец богов и покровитель жрецов, бог погоды; Саранджи — хозяйка амбаров; Зюзум — властитель зимней стужи; Багишт — бог всех вод и др.

Мир демонов также очень велик и разнообразен. Среди них есть доброжелательные и опасные, вредоносные (таких больше), могучие и сравнительно слабые. Различаются мужские и женские демоны, причем последние в целом менее вредоносны.

Космическая модель в нуристанской мифологии в принципе сходна с древнейшей индийской — она трехчастная. Верхний мир (урдеш) состоит из семи лежащих друг на друге слоев (семичастность отражена и в некоторых индийских космических моделях). Самым верхним является небо, которое поддерживает бог Мони (Манди); по другому варианту оно водружено на центральный столп. Здесь антропоморфное божество отождествляется с космической осью. Полярная звезда и еще одна из звезд служат для прикрепления неба. Отделение неба от земли не является абсолютным: на небе есть девушка, попавшая туда с земли и бросающая взгляды на землю через окно — отверстие в бороде Имра; сын небесного отца-кузнеца многократно спускается на землю.

Средний мир (мичдеш) — место обитания людей, имеет вид огромного диска, который подробно не характеризуется.

Под средним миром располагается нижний мир (юрдеш), где находятся рай и ад. Обычный вход в нижний мир, по мнению прасунцев, помещался в одном отверстии вблизи их главного святилища. Однако есть и другие отверстия, через которые можно проникнуть в нижний мир.

Существуют и другие варианты трехчастной картины мира. По одному из них, небо, покоящееся над землей, не отделено от нее, оно начинается там, где кончаются самые высокие долины и высются горные вершины с вечными снегами. Здесь находится озеро — место пребывания и родина богов и принадлежащих им коз, из этого озера поднимается солнце и отсюда начинается дождь. Это не только космический центр мира, но и социальный — оно называется «Озеро справедливости».

В озере растет могучее дерево. В одном из мифов оно заменено золотым гладким камнем. В другом говорится о золотом дереве с семью золотыми ветвями, на которых покоится золотой диск, т. е., очевидно, солнце. Именно поэтому солнце считают поднимающимся из мифического озера. Дождь, по мифам, происходит из этого же озера, но чаще — из солнца, что может быть понятно, если учесть связь солнца с озером.

Мифическое озеро — символ богов и людей, воплощает в себе единство макро- и микрокосма. Находящееся в середине его дерево (или камень) — это вздымающаяся вверх космическая ось. Как бы ее нижним продолжением является река со священными чистыми водами, вытекающая из озера. Она связывает верхний мир со средним и течет дальше, в нижний мир. Дары для мертвых и сами они плывут вниз в иной мир по этой реке. (Космическая река, связывающая миры, характерна, в частности, для шаманских мифологий Севера.)

В большинстве мифов боги живут в озере верхнего мира; но существует мифологическая традиция, согласно которой они пребывают в нижнем

мире, среди мертвых и неродившихся.

Отдельные небесные тела — непосредственные воплощения божеств. Верховный бог Имра иногда приравнивается к солнцу; семь звезд Большой Медведицы — дочери богини Кымрай (ее иногда называют женой Имра) и др.

Мифологический цикл «демиург — первопредок» представлен несколькими вариантами, в том числе восходящими к разным традициям. Отметим важнейшие моменты.

Первоначальный хаос мыслится как состояние, когда отсутствовали солнце и луна, мир не был населен людьми. С этим состоянием ассоциируется первозданная тьма.

Согласно одному из мифов, распространенному среди нуристанцев кати, первый бог вначале существовал сам по себе. Затем он создал землю, которая качалась, так как у нее не было опоры. Тогда он разбросал камни, которые превратились в нечто вроде кольев, и с их помощью закрепил землю, а позже водрузил ее на железный столп. Поверхность земли была ровной и гладкой (именно так должен выглядеть неупорядоченный хаос у горцев!), кругом бродили демоны. Бог создал бога-демоноборца Мони (Манди), и тот в жестоких схватках истребил демонов, так что на земле появилось место для человеческих существ. Затем были созданы еще два божества и наконец человек.

Идея о едином божестве-творце — создателе мира — является поздней и появилась под воздействием ислама или других религий соседних народов.

Второй вариант — несравненно более древний. Верят, что люди были созданы Имрой, который, подобно тому как сбивают из молока масло, «сбил» их, тряся золотую козью шкуру. Из нее вышли вначале три женщины, которые заселили различные долины, затем он добавил воды и «сбил» четвертую женщину, которая завершила это заселение. В своих святилищах Имра изображался за этим занятием.

Существуют совершенно иные мифы, выводящие людей от демонов. Так, жители Прасуна происходят от семи демонов, которых пощадил бог Мон(и). По другому мифу, божество Багишт, завоевав замок демонов, оставило в живых и воспитало двух их мальчиков, явившихся прародителями населения двух долин. В этот цикл входят и мифы, согласно которым боги и демоны помогали людям в работе. Как кончился этот «золотой» век — неясно. Впрочем, об этом континууме «боги — демоны» и его распаде рассказывается в одном из мифов. Боги и демоны некогда играли, причем боги были на одной стороне реки, демоны — на другой (река служит демаркационной линией добра и зла). Демоны играли лучше, чем боги, и должны были победить. Боги собрались в кружок, переговариваясь: «Игра не идет. Почему?» Богиня Живуд поняла, что в команде богов не хватает одного игрока, и она пошла искать его на высокие горы. Там было озеро, поверхность его колебалась. Из воды появился теленок, из рта у него пылало пламя, оно обожгло крылья Живуд. Теленок погрузился и появлялся вновь, накатывавшаяся вода коснулась крыльев — и они вновь стали здоровыми. Богиня сказала теленку: «Иди за мной». С каждым шагом он становился больше, пока не стал огромным быком. Он подошел к богам. Те испугались. Он же (это был бог Манди — Мони) сказал: «Не убегайте от меня, я из вашего клана». Он присоединился к богам, игра возобновилась, и демоны были разбиты. Здесь также ярко выступает солярная окрашенность этого божества.

Существует около десятка вариантов мифологемы: бог, светила, демоны, человек и конь. Приведем некоторые из них.

Имра взял с неба солнце и луну, и мир погрузился во мрак. Все умерли, кроме одного человека, который умолял бога дать немного света. Тот дал кусочек солнца и кусочек луны, укре-

пив их по сторонам человека, который сел на коня и поехал. Затем человек вновь встречает Имра. По предложению бога они проделывают обряд братания. После этого бог просит у человека в подарок коня, но смертный отказывает богу. Имра говорит ангелу, и тот крадет для него коня. Украденный конь восклицает: «У меня в ухе меч, вынь его и убей всех врагов», что Имра и делает. Затем Имра вернул солнце и луну на небо.

В другой легенде Имра взял с неба солнце и луну, укрепил их по двум сторонам лошади и отправился в центр гор. Там он заснул, демоны увели коня и заперли в доме. Мир погрузился во мрак; боги блуждали, падали и ушибались (другой вариант хаоса). Один из богов заметил полосу света — это светилась тропа, по которой прошла лошадь. Они нашли дом, освободили лошадь (далее, как в первом варианте).

В третьем мифе долина (для ее обозначения применяется тот же термин, как и для понятия «мир» — у нуристанцев, в нуристанской мифологии это тождественные понятия, хотя на практике мир горца в новое время шире его долины) была во тьме: солнце и луну хранил в одной пещере злонамеренный демон. Бог Мони (Манди) хотел создать человека, но не мог этого осуществить: человек не может жить без света (здесь выступает мотив «окультуривания» хаоса как обязательной стадии, предшествующей созданию человека). Бог в образе мальчика является в пещеру, знакомится с демоном и его матерью. Когда демон ушел, Мони (Манди) вопреки запрету демона приоткрыл одну из имевшихся внутри пещеры дверей, всунул палец — и он стал как бы золотым; он просунул всю руку — окрасилась в золотистый цвет и она. Затем он вошел внутрь и был ослеплен сиянием: в середине помещения был водопад (еще в одном варианте — водоем, в котором золотой конь), справа от него солнце, слева — луна. Мони (Манди) искупался в сияющей

золотистой воде, поместил светила на плечи, вскочил на черного коня, поднялся наружу — до того темная долина (мир) осветилась. С помощью кинжала, который был спрятан в ухе коня, он убил демона и его мать. Мони (Манди) так и пребывал с солнцем и луной на плечах. Другой бог, Мара (так именуют Имру некоторые племена), тоже решил создать людей, уже в другой части долины, но там было по-прежнему темно. Мара с согласия Мони (Манди) забрал у него с плеч солнце и луну и поместил их на небо, дабы они могли согревать и освещать людей.

В целом эта мифологема в ее третьем варианте отражает ту же идею, что и ведический миф об Инд्रे, освобождающем воды от злокозненного дракона Вритры, заточившего их в скалы (Ригведа, 1, 32, 1—15), причем и там упоминается солнце, которое появляется на небе после того, как дракон сражен (Ригведа, 1, 51, 4).

Может быть, более ранний этап борьбы с демонами отразился в мифе о захвате богами, во главе которых стоял Мон (Мони, Манди), железного дома-крепости, сооруженного демонами на небе и подвешенного там с помощью железной, медной, серебряной, золотой и стальной проволоки. Мон стрелой с двухлезвийным наконечником последовательно рассекает проволочные крепления, и дом падает на землю. Это напоминает индийский рассказ о штурме богами Трипура — небесного замка асуров, сделанного из трех металлов. Пронзенный стрелой Шивы, замок рухнул, объятый пламенем (Махабхарата, 7, 202; 8, 33). Можно думать, что после низвержения демонов битвы с ними продолжались на земле.

С этим циклом тесно связан другой цикл — «демиург — культурный герой». В качестве демиурга выступает (см. выше) верховное божество нуристанцев, которое одни племена называют Имра, другие — Мара. Он своим дыханием создал (или оживил)

других богов, а богиня Дизани вышла из правой стороны его груди. Последнее рассматривают как прямое влияние греческой мифологии (рождение Афины из головы Зевса), но близкий мотив чудесного рождения не был чужд и индийской мифологии. Имра также создатель демонов и людей. Имра создал семь дочерей — покровительниц земледелия. Созданные Имрой боги и люди полностью ему подчиняются, демоны же — нет, они произвели на земле величайший беспорядок и смуту, почему демоноборец Мони по приказанию верховного бога почти всех их истребил.

Первоначально Имра не являлся единоличным верховным божеством. Отголоски более древних представлений сохранились в некоторых мифах. Сообщается о равном или даже превосходящем его могуществом и святостью божестве Вушум; о божестве Мунджем Малик, который первоначально был выше по рангу, чем Имра; иногда Мунджем Малика называют господином мира и богов, позже он вместе с Имрой правил миром. Рассказывается, что однажды Имра и другие боги сидели на вершине холма. Перед ними было золотое ложе и золотое седалище. Боги заспорили, по мнению большинства, это было общее имущество, но Имра утверждал, что именно его. Затем он сел на ложе; другие боги не посмели ему воспрепятствовать. Этот миф отражает последнюю стадию борьбы за приоритет в божественной иерархии, а вместе с тем — солярную сущность демияурга. Об этом также свидетельствует и то, что конь Имры иногда золотой, и то, что он приносит на небо солнце и месяц и даже управляет движением солнца, властвуя вместе с тем над временем. Более того, в некоторых текстах имеется уподобление Имра солнцу. Вместе с тем он воплощается в цветных (зеленых, красных и голубых) облаках.

Имра (Мара) — культурный герой. Он подарил людям скот, научив доить его и сбивать масло; он же создал со-

баку. Бог роздал людям злаки; доставил людям орудия для вспашки и тягловый скот. Он устроил мельницы и научил молотить зерно. Основополагающей была его роль в устройстве семейной и общественно-религиозной жизни: он установил порядок браков; разработал календарь; устроил первый дом для ритуальных танцев; научил людей делать изображения богов, лично вырезав изображение бога, и т. д. Вместе с тем он и змееборец, оградивший людей от гигантского змея-дракона (в прасунских мифах отдельные черты культурного героя связаны с Мони (Манди) — вторым персонажем в божественной иерархии).

Два названия одного и того же божества — Имра и Мара — восходят к разным корням. Первое к ведийскому «яма-раджа», второе — к санскритскому «мара». Первое было божеством, второе — это «божество-убийца». По-видимому, и в нуристанской мифологии на ранней стадии они являлись двумя различными божествами, у одного из которых преобладала божественная, у другого — «демоническая» сущность. Последующее скрещение и создание единого божества стало возможным лишь в результате эволюции, приведшей к сближению божественной сущности Ямы с демонической сущностью Мары. Вероятность такого развития была заложена в амбивалентной сущности этих двух персонажей в протоиндийской и индоиранской религии.

Мифологический цикл «дерево — вода — божество плодородия — коза» очень ярко выявляется в мифе о рождении богини Дизани. В далекой, недоступной для смертных стране, в (мифическом) озере росло огромное дерево (для того чтобы на него взобраться, понадобилось бы девять лет, а обойти его крону можно было бы лишь за восемнадцать лет). К этому дереву двигался, охваченный непонятной страстью, некий бог. Когда он приблизился, ствол треснул, из ствола появилась Дизани. Испуганный бог убежал. Родившаяся же богиня отпра-

вилась доить коз, ее заметил и овладел ею вышедший из воды демон в облике дикого барана. Сообщается также, что у корней этого дерева находилась богиня деторождения Нирмали.

Дизани — богиня плодородия. Даже боги признают ее своей матерью. Дети рождаются с ее благословения. Она богиня молока, от нее особо зависит обилие молока у кормящих матерей; она вообще одаривает молоком людей. Она покровительствует стадам животных, и особенно молочному скоту. Она же патронесса посевов зерновых. Дизани прорыла некоторые оросительные каналы. Ее умоляют о помощи женщины, чьи мужья ушли на войну, прося вернуть их живыми и невредимыми. Подательница жизни, она одновременно божество жизни и смерти. Поэтому Дизани живет вместе с семьей Паней — наземными «убийцами», чьи стрелы пресекают человеческую жизнь.

Дизани в человеческом облике описывается вооруженной луком, имеющей колчан и кинжал, иногда она с его помощью убивает. Вместе с тем она выступает и в облике дикой козы; сообщается, что следы этой козы заполняют пшеничные зерна. В ее святилище есть деревянные скульптуры: женщина с непропорционально короткими ногами, сидящая на козе с очень длинными рогами, за которые божество держится. В образе козы или женщины с большими грудями выступает в мифах и богиня растительности, хозяйка лугов и фруктов (особенно винограда) богиня Кшумаи (Киме). В мифическом горном озере боги держат своих коз и по мере необходимости достают их оттуда. На горе растет чудесное дерево, которое сторожит огромный змей. К каждому, кто завладеет куском этого дерева, люди испытывают сильное влечение и любовь.

Очень существен мотив нахождения божества внутри древесного ствола. Помимо нуристанской, он встречается в греческой (Дионис), индийской (Рудра-Шива, якши), таджикской

и других индоевропейских мифологиях.

Представления и мифы, связанные с загробным миром, не образуют стройной системы. После смерти души приобретают некую туманную форму, напоминающую то, что иногда встречается в сновидениях. Как рай, так и ад помещаются в нижнем мире. Их достигают по длинной пещере. У ее входа постоянно сидит специально для этого созданный Имрой сторож, не позволяющий никому из попавших в нижний мир вновь вернуться на землю. Сообщаются детали: добрые люди блуждают, подобно теням, в раю; грешники горят в огне в аду.

Впрочем, в других мифах можно не только попасть в нижний мир, но и вновь выйти оттуда. По прасунскому мифу некая девушка через отверстие спустилась в подземный мир. Она нашла там дом, полный мяса и мучных изделий. Наполнив этими продуктами корзину, она отнесла ее в свой (земной) дом. В ближайший день она спустилась вновь. Там ее встретил хозяин дома, карлик, он сделал ее своей женой. Она родила семь сыновей и однажды вынесла их наверх и оставила на земле. Позже сыновья стали кидать в отверстие пищу, но при этом должны были отворачивать от него лицо.

По другим мифам души покойника отправляются в жилище Дизани и проживают там здоровые и счастливые. Дошли до нас отголоски мифов, что страна мертвых помещалась «по ту сторону вод», т. е., скорее всего, в верхнем мире.

Возможно, с верхней, а не нижней локализацией загробного мира связано представление о воплощении душ умерших в птицу (голубя), причем души двух родственников иногда воплощаются в одной птице.

Среди деревянных надгробных скульптур нуристанцев — стоящие и сидящие человеческие изображения, а также всадники, в отдельных случаях на коне со спаренными пере-

дними частями и двумя головами. В этой связи следует указать на общую индоевропейскую традицию, связывающую коня с погребением, и, в частности, на установку на могилах скифских царей чучел умерщвленных всадников (Геродот, IV, 72), а также на обычаи осетин и горных таджиков.

Мифологические циклы, связанные с демонами, очень многочисленны и разнообразны (частично упоминались выше). В описании демонов-юш постоянно подчеркиваются их невероятные размеры и сила. В прасунском мифе сообщается, что макушка головы такого демона почти достигает неба, его шаги сотрясают землю. Демоны-женщины чаще всего очень сильные и безобразные существа. Демоны обладают способностью превращаться в зверей, птиц и пресмыкающихся. Они часто появляются (впрочем, как и боги) верхом на коне. Юш красного цвета. Они связаны с железом, они сами и их кони порой являются железными.

Внутри группы юш есть свой глава; говорится об их женах и детях. Юш, подобно богам, имеют свою родину — это долина с полями, которые они орошали и засевали злаками; а также места, где они охотятся с луком и стрелами. Они строили башни и тоннели.

У нуристанцев, так же как у памирцев, в противоположность гильгит-

цам, хозяевами горных козлов являются демонические существа не женского, а мужского пола. Вместе с тем у нуристанцев сохранилось представление о богине — хозяйке гор и стад животных — Кшумай; есть следы представлений, что дикое животное «вручается» в качестве дичи охотнику демоном женского рода. Первоначально этот комплекс у нуристанцев и памирцев был аналогичен гильгитскому и носил матриархальный характер. Мотив «фея — дерево — козел», вероятно, имеет корни еще в доиндоевропейских субстратных верованиях, на которые наложились индоевропейские верования.

Демоны-женщины нередко живут в воде, а также в подземном мире. Демоны смертны; демоны-женщины умирают, но лишь после того, как они раздвоились.

Мир людей непосредственно связан с демонами. Рассказывают о браках между юш и земными девушками и между мужчинами и дочерьми юш. В целом юш очень опасны для человека, они его не только убивают, но и съедают.

Культ этих существ носит умиротворительный характер; имеются и специальные алтари.

Что же касается демонов меньшего ранга — они находятся чуть ли не повсюду, даже в ветвях больших деревьев.

Народы Индии. Брахманизм. Индийский буддизм. Джайнизм. Индуизм. Вишнуизм. Шиваизм

Религиозные верования эпохи древнейшей цивилизации, сложившейся на территории Индии, так называемой цивилизации городов долины Инда, или протоиндийской, восстанавливаются лишь в общих чертах на основании данных археологии, изображений на печатях с надписями,

доныне не расшифрованными полностью. Они свидетельствуют о существовании культов священных животных и деревьев, среди которых выделяется культ смоковницы (ашваттхи), восходящий к еще более ранним земледельческим культурам Северо-Западной Индии и тесно связанный,

по-видимому, с почитанием богини-матери, которое прослеживается еще в неолите и было распространено в протоиндийских городах. Верховное божество этой религии усматривают в изображенном на печатях трехликим боге, увенчанном рогами буйвола; по ряду признаков его ассоциируют с образом Шивы в позднейшем индуизме; с другой стороны, можно предположить связь его с культом богини-матери, в которой видят прототип богини Дурги, супруги Шивы.

Уже в эту эпоху были развиты, видимо, культы огня и воды. Раскопки обнаруживают в этих городах жертвенные алтари и площадки для ритуальных омовений; предполагают и существование в них больших храмов.

Древнейшие дошедшие до нас памятники индийской литературы — священные Веды — сложились в среде арийских племен, переселившихся в Северо-Западную Индию в эпоху, следующую непосредственно после гибели (в середине 2-го тысячелетия до н. э.) протоиндийской цивилизации. В них нашли отражение верования и культы древних ариев, запечатлевшие следы чрезвычайно архаического мировоззрения, восходящего к первобытному состоянию общества.

«Ригведа» («Книга гимнов») — древнейшая и наиболее значительная из Вед, книг священной мудрости, складывавшихся на протяжении нескольких столетий. Гимны «Ригведы» обращаются с восхвалениями и просьбами о даровании благ — коровьих стад, потомства, здоровья и т. п. — к богам древнего арийского пантеона, образы которых связаны с различными явлениями природы, но не сводятся к простым их олицетворениям; связь эта не всегда достаточно определена.

К древнейшим принадлежит образ Дьяуса, бога неба, именуемого обычно Дьяус-питар, т. е. Дьяус-отец (имя одного происхождения с греч. Зевс, лат. Диеспитер, Юпитер), но в

пантеоне он заметного места не занимает, культ его в «Ригведе» отражен на стадии угасания. Он постоянно упоминается вместе с Притхиви, богиней земли, оба рассматриваются как отец и мать других богов и всего живого. Имена их означают буквально *небо* и *земля*, и персонификация развита слабо. Некогда небо и земля были слиты воедино, говорится в гимнах, мир возник, когда бог-творец разделил их и поместил пространство между ними. В ведийской космогонии большую роль играет понятие «пространство» (лока), которому противопоставляется негативное понятие «теснота» (амхас), т. е. первозданный хаос, под которым подразумевается (как в космическом, так и в моральном плане) все злое, угрожающее гибелью миру и людям.

В роли творца Вселенной выступает Индра, самое значительное божество пантеона «Ригведы» (но иногда и другие боги). Это бог-громовержец, вооруженный чудесным оружием — ваджрой, которым он поражает силы зла. Силы хаоса воплощаются в образе главного врага Индры, чудовищного змея Вритры, поглотившего воды и грозящего пожрать Вселенную. Победа Индры над Вритрой, описываемая неоднократно в гимнах, означает освобождение вод, но в то же время и сотворение мира или спасение мира от хаоса, грозящего вновь поглотить его. Индра побеждает также трехглавого дракона Вишварупу и других демонов «асуров», врагов богов, и сражается с земными демонами «дасью» (в них представлены мифологизированные образы аборигенов, против которых арии вели в ту эпоху завоевательные войны).

Второе по значению после Индры божество пантеона «Ригведы» — Агни («Огонь»), бог огня, хранитель домашнего очага, покровитель свадебных и похоронных обрядов, жрец богов. Образ его слабее антропоморфизован, в гимнах обращения к богу не всегда отличимы от прямых обращений к священному огню. Агни мно-

гообразен, он рожден на земле, в воздухе (молния) и на небе (солнце).

Непосредственно с ведийским ритуалом связан и образ другого значительного божества «Ригведы» — Сомы, олицетворяющего обрядовый напиток наркотического действия, напиток богов, дарующий бессмертие; Индра отправляется на битву, вдохновляемый обильными возлияниями сомы; сома вдохновляет и древних провидцев, создателей гимнов, и играет наряду с огнем важнейшую роль в ведийском ритуале.

Среди прочих богов выделяется образ Варуны, грозного карателя грешников; происхождение его связано с представлением о первозданных водах, отделяющих Вселенную от хаоса. В «Ригведе» он иногда выступает как соперник Индры; полагают, что он возглавлял древнейший пантеон ариев, прежде чем гегемония перешла к племенам, у которых культ Индры занимал центральное место.

Позднее ведийский пантеон стали делить на три сферы в соответствии с делением Вселенной на три мира — неба, воздуха и земли. Индра и Агни заняли главенствующее положение соответственно в сферах воздуха и земли, к небу отнесены были божества света: Ашвины, двое прекрасных братьев, боги предрассветных и вечерних сумерек, отделяющих свет от тьмы (напоминающие во многом греч. Диоскуров); Ушас, богиня зари (имя одного происхождения с греч. Эос, лат. Аврора); солнечные боги Сурья, Савитар и др. К второстепенным в «Ригведе» образам пантеона принадлежат Вишну (причисляемый к солнечным божествам) и Рудра (относимый к воздушной сфере); но в постведийский период значение этих двух богов чрезвычайно возрастает. Вишну уже в Ведах особенно ассоциируется с кардинальными в этой религиозно-мифологической системе понятиями пространства и жертвоприношения. Рудра, стоящий в арийском пантеоне особняком, в своем культе отражает архаические черты,

связанные, по-видимому, с верованиями доарийского населения Индии; среди многих его имен и эпитетов главным впоследствии становится Шива (имя, как полагают, дравидского происхождения, вытесняющее арийское Рудра, но имеющее изначально то же значение: «Красный»).

В пантеон не включается в «Ригведе» образ Ямы, первого человека, умершего на земле и открывшего путь в загробный мир, властелином которого он становится. Позднее он обожествляется, как и отец его Вивасват (первым совершивший жертвоприношение), который отождествляется с богом солнца. Другой сын Вивасвата — Ману — почитается прародителем человечества, единственный, кто спасся на ковчеге после Великого потопа.

Большую роль в ведийской мифологии и культе играют животные, прежде всего корова, почитание и обожествление которой характерно для религий Индии на протяжении веков. Боги и богини ведийского пантеона нередко почитаются в образе животных (особенно часто быка или коровы). К протоиндийской эпохе, по-видимому, восходит отраженный более отчетливо в постведийской религии и символике антагонизм птицы и змеи, воплощающих соответственно солнечную природу и стихию земных вод; тем не менее оба враждебных начала включаются в религиозную систему и почитаются в образах антропоморфизованных птиц-супарнов и змей-нагов; культ змей получает потом особенное развитие. Почитается (еще со времен протоиндийской цивилизации) священная смоковница как опора Вселенной, центр мира и священного места жертвоприношений. Пребывание в этом месте по поверьям древних приобщает к миру богов, и обряд, здесь совершаемый, воспроизводит в ритуале акт творения, переносит в начало времен, освобождает от власти времени.

Характерной чертой религии «Ригведы» является воспевание богов

парами, в которых объединяются образы, воплощающие определенные противостоящие природные силы или сферы, а также взаимно друг друга дополняющие; Дьяус и Притхиви (небо и земля), Митра и Варуна (ассоциирующиеся соответственно с днем и ночью), Агни и Сом (жертвенный огонь и жертвенная пища) и т. п. Боги также объединяются в группы: так, Митра и Варуна возглавляют группу 6 или 7 богов, именуемых Адитьи, к которой принадлежат еще некоторые менее значительные божества, в том числе Бхага, бог счастливой доли (имя одного происхождения с иран. Бага и со слав. словом бога). Впоследствии Адитьей именуется преимущественно бог солнца, также причисляемый к этой группе.

Почти каждое божество в том гимне, который ему посвящен, рассматривается как высшее и превосходящее всех остальных. Эта черта пантеона «Ригведы» получила наименование «генотеизм»; он определяется, видимо, ритуальными целями и отражает очень раннюю стадию становления религиозной системы.

В одном из поздних гимнов «Ригведы» описывается сотворение мира из тела первозданного гиганта Пуруши («человека»). Отсеченные части Пуруши становятся частями вселенной: голова — небом, пуп — воздухом, ноги — землей, из его ока происходит солнце, из дыхания — ветер. Здесь впервые упоминаются четыре сословия древнеиндийского общества: из уст Пуруши созданы были брахманы (жрецы), из рук — раджаньи (воинская аристократия), из бедер — вайшьи (свободные земледельцы, ремесленники и торговцы), из ног — шудры (низшее сословие, полупорабощенные потомки коренного населения страны). В поздневедийской литературе содержатся иные версии космогонического мифа; по наиболее распространенной бог-творец создает мир из золотого яйца, рожденного силой тепла в первозданных водах.

Текст «Самаведы» («Книги песно-

пений») почти целиком взят из «Ригведы» и расположен в соответствии с порядком литургического исполнения. Содержание «Атхарваведы» («Книги заклинаний») связано в основном с домашними обрядами и отражает народные верования древнейшей эпохи — различные суеверия, представления о духах лесов и рек, бесах болезней, оборотнях, колдунах и т. п. «Яджурведа» («Книга жертвенных речений») и цикл Брахман, ритуальных комментариев к Ведам, посвящены описанию чрезвычайно сложной, разработанной до мельчайших деталей системы обрядов древнего брахманизма, каждому элементу которой придается символическое и магическое значение.

В этих текстах господствует вера в магию. «Яджурведа» и Брахманы отражают непомерно возросшее господство идеологии жреческого сословия. Знание тайн ритуала дает жрецам, как предполагается, неограниченную власть над самими богами; утверждается, что брахманы — «земные боги» — выше небесных; боги подчиняются магии обряда. В текстах «Яджурведы» и Брахман элементы обряда толкуются как символы божественных сил, стихий, отвлеченных понятий и т. п.; символизация эта, нередко алогичная и непоследовательная на современный взгляд, отражает особые, непривычные для нас формы осознания мира. Язык некоторых текстов «Яджурведы» и Брахман представляется совершенно непонятным, они содержат «магические» слова, не имеющие конкретного значения или утратившие его. Особенно почитается священный слог «ом», сохраняющий значение в индийских религиях до наших дней.

К VII—VI вв. до н. э. рост городов, подъем могущества древнеиндийского государства, ликвидирующего племенную раздробленность, и связанные с этим значительные социальные сдвиги создают почву для новых идеологических течений и реформации религиозной системы брахманиз-

ма. Заключительный цикл ведийской литературы, складывающийся в это время, отражает кризис примитивной веры в магию, лежащей в основе архаического ритуала. В Араньяках («Лесных книгах») и Упанишадах («Сокровенных учениях»), продолжающих Брахманы священных текстах, утверждается идея о предпочтении «внешнему» ритуалу «внутреннего», отвечающего должному «почитанию» (упасана) божества. В отличие от предшествующих циклов Упанишады, противопоставляя внешней обрядности высшее значение «знания», сосредоточены на разработке более глубоких проблем мироздания и человеческого бытия.

Основным в Упанишадах является учение о Брахмане и Атмане, с которым связано учение о карме. Понятие «брахман» в «Ригведе» изначально означает священный текст, синонимично понятию «веда», позднее — некую божественную сущность, лежащую в основе вещей. В Упанишадах Брахман — первопричина всего сущего, высшая реальность, существующая за внешними явлениями мира, нечто близкое понятию Мировой Души или Абсолюта в европейских идеалистических системах. Слово «атман» означает в «Ригведе» «ветер, дыхание», позднее — «душа». По учению Упанишад Атман — познающий дух, сокровенная сущность человека, которая остается после смерти его, когда отпадут все внешние оболочки и тело его растворится в стихиях. Согласно учению Упанишад Брахман, та божественная сущность, которая воплощается в окружающем человека мире, тождествен Атману, т. е. душе, истинной сущности человека, которая остается, если отвлечься от всего внешнего, что ему принадлежит. «То есть ты», — гласит текст Упанишад, сжато формулирующий суть учения (т. е. все, что тебя окружает, есть ты сам, едино с тобою).

В учении о карме, отвечающем на вопрос о посмертной судьбе человека,

развивается древнее представление о двух путях после смерти: «пути богов» и «пути предков». Знание истины, т. е. тождества Брахмана и Атмана, ведет первым путем в высший мир, где душа вкушает вечное блаженство. Вторым путем идут не достигшие высшего знания, ограничивающиеся предписанной обрядностью; из мира предков после ряда превращений они вновь возвращаются к земной юдоли. Новое рождение человека определяется его кармой (букв. «деяние»), т. е. его добрыми и дурными деяниями в предшествующей жизни, в мире сансары. «Сансара» — понятие негативное в этом учении, означает круговорот бытия, в который человек возвращается после смерти, чтобы прожить новую жизнь на более высокой или более низкой ступени в иерархии земного существования в зависимости от своих добрых или дурных деяний в прошлом рождении, после чего он опять умирает и рождается снова. Избавление (мокша) от этого круговорота рождений ставится высшей целью. Концепция кармы была принята почти всеми индийскими религиями и в дальнейшем легла в основу индийского мировоззрения.

Упанишады составляют четвертый, завершающий цикл ведийского священного «писания» (отсюда их другое название: Веданта, т. е. «конец Вед»). Все четыре цикла соотносятся с четырьмя стадиями жизни, так называемыми ашрамами, учение о которых оформляется в этот период в брахманизме. Первая — стадия ученичества — начинается после обряда посвящения; под руководством учителя (гуру) ученик (брахмачарин) изучает «писание» Вед. Начало второй отмечается обрядом омовения; «омывшийся» (снатака) основывает собственную семью и далее в повседневной жизни следует ритуальным предписаниям, содержащимся в текстах Брахман. Достигнув преклонного возраста, он переходит в третью стадию — «лесного отшельника» (ванапрастха), уходит от мира в лесную

обитель, где предаются размышлениям о смысле обрядов и подвижничеству; в глубокой старости же становится «странником» (санньясин) и порывает все земные узы; последние две ашрамы соотносятся с циклами Араньяк и Упанишад (не все достигают последней стадии и не всем доступны «Сокровенные учения»).

Полагают, что учение об ашрамах сложилось в борьбе с приобретающими в эту эпоху все большее влияние новыми вероучениями — буддизмом и джайнизмом, для создания противовеса распространившимся в стране буддийским лесным монастырям.

В ту же эпоху, когда создавались Упанишад, религиозно-реформаторские движения буддизма и джайнизма выражали более решительный и открытый отход от отжившей жреческой идеологии. Легендарные основатели джайнского и буддийского вероучений Махавира Джина и Гаутама Будда (время их жизни относят к VI—V вв. до н. э.) были кшатриями (аристократами) по рождению, но социальную опору этим движениям составили средние сословия, массы крестьянского и городского населения.

Учение раннего буддизма нашло отражение в каноне, сложившемся в основном к III в. до н. э.; согласно традиции он был утвержден на 3-м буддийском соборе в 242 г. до н. э. В дошедшей до нас версии на языке пали он состоит из 3 обширных сводов текстов разнообразного содержания, объединяющихся под названием «Типитака» (букв. «три корзины»). Первый раздел — «Винайапитака» («корзина уставов») содержит в основном предписания, регулирующие жизнь буддийской монашеской общины, а также жизнеописание Будды. Доктрина излагается в основном во втором разделе — «Суттапитака» («корзина поучений») в форме проповедей, приписываемых самому Будде и его ближайшим ученикам. Третий раздел был включен

в канон много позднее и посвящен преимущественно вопросам психологии. Записана была эта версия канона, принадлежащая секте тхеравада (так называемого южного буддизма) в I в. до н. э. на Шри Ланке.

После смерти Будды (между 486 и 473 гг. до н. э.) его ученики сформулировали символ веры, основанный на трех священных «драгоценностях»: Вероучитель (Будда), Учение и Община. Церемония принятия в буддийскую общину включала, кроме этого, признание своих десяти заповедей; изначальные пять требуют воздержания от причинения вреда живым существам (ахимса), от воровства, от прелюбодеяния, от лжи, от пьянства. Величайшей добродетелью провозглашается «любовь» (метта), т. е. любовь ко всему живому.

Ранний буддизм провозглашает равенство всех сословий (в духовной сфере); прием в общину был открыт для всех независимо от происхождения. Буддизм отвергает брахманскую обрядность (особенно решительно осуждая жертвоприношения животных), но в целом остается в том же русле философской и социальной мысли, что и учения Упанишад, с которыми имеет много точек соприкосновения. В то же время ранние буддийские мыслители выдвигают ряд новых идей.

Суть учения Будды изложена сжато в каноне, в «Проповеди о вращении колеса закона», приписываемой самому вероучителю. Два центральных его понятия — «страдание» и «избавление» — определяются в поучении о «четырех благородных истинах». Первая из них заключается в том, что рождение и жизнь неотделимы от страдания, вторая гласит, что причина страдания — в жажде жизни, третья указывает на избавление от страдания в отрешении от жадности жизни, четвертая же определяет «благородный восьмеричный путь», на котором достигается это отрешение (перечисляются «истинные» психологические состояния и действия, обу-

словливающие спасительное праведное поведение). Жажда жизни, неизбежно порождающая страдание, коренится в «неведении», которое присуще самой природе Вселенной и ведет к обманчивому ощущению собственного существования. Вселенная же характеризуется тремя основными признаками: она исполнена страдания, преходяща и лишена души (буддисты отрицают Атман Упанишад).

Согласно ранним буддийским текстам мир представляет собой постоянный поток изменений. В нем все образуется мгновенными сочетаниями явлений; представление о существовании постоянных предметов, как и осознание человеком своей индивидуальности, есть результат неведения. Неведение порождает в человеке «впечатления» (санскары), обуславливающие восприятие внешнего мира как реального; эти «впечатления», коренящиеся в прошлых рожденьях, и составляют карму, то, что обуславливает новое рождение. Но оно мыслится иначе, чем в Упанишадах; не душа переходит из одного существования в другое, но создается новое сочетание явлений, причинно связанное с прошлой формой существования.

Высшей целью и ценностью буддизм называет «нирвану» — состояние внебытийного блаженства, достигаемое «совершенными» (архатами). Нирвана — не смерть, но и не существование; она лежит за пределами Вселенной.

Буддизм решительно оттесняет с господствующих позиций архаический брахманизм в эпоху становления империи Маурья и во время высшего подъема ее могущества при Ашоке (III в. до н. э.) приобретает фактически статус государственной религии. Но ко времени падения империи (II в. до н. э.) брахманская религия, реформируясь, в свою очередь, начинает восстанавливать свое влияние. Буддизм переживает еще значительный подъем в Индии на рубеже новой

эры, в период нового объединения страны под властью империи кушанов. К этому времени буддийское движение распадается на ряд сект, различно интерпретирующих отдельные концепции учения. Влияние тхеравады в Индии угасает, большее влияние приобретают сложившиеся позднее секты сарвастивадинов и махасангхиков.

В ранних текстах тхеравады еще нет свидетельств обожествления Будды; он рассматривается как смертный, достигший нирваны, но до этого прошедший множество существований в различных образах. В этих прошлых существованиях будущий Будда именуется «бодхисаттва» («существо», которому предстоит «просветление», бодхи, и нирвана, прекращающая новые рожденья). Позднее бодхисаттвы рассматриваются как божественные существа (они могут рождаться на небесах как боги), получает распространение культ бодхисаттв, который дает начало новому направлению в буддизме (основывающемуся на учении махасангхиков), в котором обожествляется и образ самого вероучителя. Оно получает название «махаяана» (букв. «большая колесница»), противопоставляемое течениям «хинаяны» («малой колесницы»), включающей тхераваду. Учение махаяны предоставляет значительно большему числу последователей возможность спасения, в хинаяне доступную лишь немногим избранным. Число бодхисаттв в махаяне не ограничено.

В махаяне Будда — не обычный смертный, но сверхсущество, воплотившееся в этом мире, чтобы указать ему путь к спасению. Число будд бесконечно, они обитают во многих мирах за пределами этого мира. Позднее в махаяне развивается концепция «трех тел» (трикая) Будды, трех аспектов его образа. Первое — тело закона (дхармакая), высшая изначальная реальность (понятие, близкое Брахману Упанишад), второе — тело блаженства (самбхога-

кая), которое существует на небе и пребывает там до конечного спасения Вселенной, когда все сольется с телом закона, третье — тело преображения, которое есть воплощение, или эманация, второго, т. е. Будда в образе человека (но с Буддой хинаяны махаянисты его не отождествляют). Третье тело и почиталось как божество, в этом образе Будда принимал эпитеты Амитабха (букв. «безмерное сияние») и Амитаюс («безмерная жизнь»), изображался как владыка небесного царства, где в чудесном озере с лотосами возрождаются души праведников. Еще позднее число буддийских божеств умножается, усложняется обрядность. Из бодхисаттв наиболее почитаются боги Авалокитешвара («владыка, вззирающий на мир»), Манджушри («слава красоты») и Майтрея, идеал милосердия и любви к живым существам.

В первые века новой эры махаяна завоевывает господствующее положение в буддизме, прежде всего на севере Индии (почему и называется иначе северным буддизмом). Хинаяна, южный буддизм, вскоре вытесняется за пределы Индии, но становится господствующей религией на Шри

Будда, скульптура I—II вв. Индия

Ланке, в Бирме и в странах Индокитая. Северный буддизм дольше удерживает позиции в стране, хотя тоже постепенно вытесняется индуизмом, в средние века его влияние в Индии окончательно падает. Но именно северный буддизм становится основой мировой религии, распространившейся с первых веков новой эры и на протяжении средневековья сначала в Тибете и Китае, потом в Центральной Азии, Монголии, Японии. На Запад влияние буддизма проникает до Калмыкии, где он становится главной религией.

В самой Индии во второй половине I тысячелетия н. э. складывается третье направление буддизма — ваджраяна («колесница грома»), иначе называемое буддийским тантризмом (имеющее общие черты с индуистским тантризмом, см. ниже). Ваджраяна признавала возможность для каждого человека мгновенного, как удар грома, просветления. Проповедь духовного совершенствования, характерная для хинаяны и для махаяны, в ваджраяне заменялась мистическими откровениями и особое значение придавалось тайным ритуалам шаманского типа, в некоторых сектах приобретавшим оргиастический характер. В ваджраяну вводятся элементы архаических народных культов, почитание женских божеств, именуемых Тара, Спасительницами, которые рассматриваются как супруги будд и бодхисаттв.

Почти одновременно с буддизмом зарождается учение джайнизма, которое завоевывает значительный авторитет несколько раньше, но впоследствии оттесняется на второй план. Центральное место в джайнизме занимает понятие души, трактуемой как вечная субстанция; она противопоставляется телу, создаваемому кармой. Главной в этом учении стала идея самосовершенствования души ради освобождения ее от исполненного страданий мира сансары.

Путь к этому избавлению лежит через почитание трех «драгоценно-

стей» — совершенного воззрения, совершенного знания и совершенного поведения. Джайнизм обосновывает множественность душ (*джива*, букв. «живое»), взаимодействие которых и определяет жизнедеятельность Вселенной. Понятие души, «живого», противопоставляется иным субстанциям, в совокупности обозначаемым как неживое (*аджива*). Их пять: эфир (*акаша*), условие движения (*дхарма* в джайнской терминологии), условие покоя (*адхарма*), время (*кала*) и вещество (*пудгала*). Джайны наделяют душой, помимо животных, не только растения, но и такие природные объекты, как камни, текущая вода и т. п. Мир согласно этому учению познаваем, не сотворен, вечен и управляется естественным законом; его объективное существование признается безусловно. Как и буддисты, джайны признают индуистских богов, но могут считать их ограниченными и не влияющим на мироздание. Выше их — тиртханкары, мифические вероучители, называемые также *джинами* («победителями»), от чего произошло название самого учения.

Для достижения спасения души нужно избавиться от кармы, которая, если активно от нее не обороняться, неизбежно пристаёт к душе человека. Наиболее действенное средство для этого — аскетический образ жизни. Джайн соблюдает пять «великих обетов», из которых главный — невреждение (*ахимса*), запрет на лишение жизни. Воспрещалось не только употребление в пищу мяса, но также занятие охотой, рыболовством, скотоводством, земледелием — все, сопряженное с умерщвлением или возможностью умерщвления живых существ (включая насекомых); не употреблялись в пищу даже плоды, пока они свежие (растения почитались живыми существами). Доныне главными занятиями джайнов в Индии являются торговля и ремесла; крестьянский труд исключается. Другие обеты: воздержание от лжи, воров-

ства, соблюдение целомудрия, отказ от всякой роскоши, суетных развлечений и т. п. Строгое соблюдение их предписывалось монахам, для мирян определялись сходные по содержанию, но менее строгие «малые» обеты. В соблюдении аскетических обетов джайны доходили иногда до крайностей; известны случаи сознательного самоумерщвления голодной смертью (так умер согласно преданию сам Махавира — «великий герой», святой, вероучитель джайнизма), хотя в принципе самоубийство в джайнизме осуждается.

В ранней джайнской традиции получили развитие новые философские идеи, родственные буддийским представлениям о мироздании. Определённым достижением была разработанная в этой системе атомистическая теория, а также установление внутренней связи вещества и движения. Впоследствии, однако, научные изыскания в джайнизме не развиваются, зато усложняется обрядность, образ вероучителя обожествляется, как и у буддистов.

Джайнский канон дошел до нас лишь в поздних версиях; согласно традиции он был утвержден на соборе в Валабхи в V в.; к этому времени окончательно определился раскол общины, происшедший после распространения учения на юг Индии в IV—III вв. до н. э. Тогда на юге образовалась секта дигамбаров («одетых в странство»), претендующих на ортодоксальность; их устав более аскетичен, включает отказ от одежды и т. п. Оставшиеся на севере образовали секту шветамбаров («одетых в белое»); ими и был утвержден канон, дигамбарами не признанный. Это разделение сохраняется до наших дней, хотя идеологической сферы оно, по существу, не затрагивает.

В V в. н. э. джайнизм переживает новый подъем, на некоторое время становится господствующей религией в Южной Индии, но впоследствии утрачивает свое влияние в стране и к XV в. сохраняет позиции только в

некоторых областях Западной Индии. В отличие от буддизма джайнизм все же удерживается в стране, хотя лишь как второстепенная религиозная община. В наше время джайнизм исповедуют в Индии несколько миллионов человек.

В ту эпоху, когда буддизм и джайнизм оттесняют архаический брахманизм с господствующих позиций в Индии, древняя религия переживает кризис, но уже ко II в. до н. э. возрождается и после падения империи Маурья вновь занимает господствующее положение в древнеиндийском государстве, но уже будучи преображенной в культовых формах и н д у и з м а. Индуизм, наследующий брахманизму, отказывается от свойственных последнему косной приверженности обряду и замкнутости в узком кругу посвященных. Реформировав древнюю религию, индуизм вбирает в себя многие народные верования, что способствует его распространению в более широких слоях общества и более успешной борьбе с соперничающими идеологиями буддизма и джайнизма.

От брахманизма индуизм наследует священное писание Вед, признание которого остается непоколебленным в его религиозной системе, но собственно индуистская идеология находит выражение прежде всего в «Махабхарате», грандиозном своде эпических и дидактических текстов, который складывался с середины I-го тысячелетия до н. э. по середину I-го тысячелетия н. э.; в своей окончательной редакции этот памятник приобретает высокий религиозный авторитет и почитается как священная книга индуизма.

Тексты «Махабхараты», имеющие мифологическое содержание, дают представление об эволюции образов древнего пантеона в раннем индуизме. Уже в поздневедийской литературе древние боги ариев отступают на второй план или вообще предаются забвению; напротив, некоторые малозаметные в «Ригведе» божества

выдвигаются на главенствующие места. Индра продолжает играть достаточно важную роль, именуется царем богов, но уже в поздних Ведах в действительной функции главы пантеона его сменяет новое божество, именуемое Праджапати («владыка творений»), творец Вселенной и отец других богов. В эпосе имя бога-творца, подчиняющего Индру и возглавляющего пантеон, — Брахма.

Главный эпитет Брахмы в эпосе — «прародитель» (*питамаха*), от него происходят все существа, населяющие мир: боги, демоны, различные сверхъестественные существа, люди и животные. Из различных версий космогонического мифа в эпосе наиболее утверждается та, которая первым творением, возникшим из первозданного хаоса, называет воды. Брахма рождается из золотого яйца (*хираньягарбха*), рожденного в водах силой тепла, и творит мир из первозданных материалов, расщепив яйцо на две половины — небо и землю — и поместив пространство между ними. От его сыновей, рожденных «силой духа» (в эпосе они носят эпитет *праджапати*), происходят все живые существа.

Сотворив Вселенную, Брахма поддерживает управляющие ею процессы, распределяет власть над различными сферами мироздания между богами, своими потомками, после чего уже не вмешивается активно в жизнь этого мира, хотя о нем говорится в эпосе как о воплощенной судьбе, о всеведущем и всемогущем властелине богов и смертных. Брахма почитается как хранитель священной мудрости Вед и покровитель жреческого сословия, но культ его не получил значительного развития в индуизме.

Древние ведийские божества, оттесненные Брахмой на второй план, занимают подчиненное положение, образуя группу «хранителей мира» (*локапал*), властвующих над странами света. Индра, бог-громовержец, становится хранителем Востока, Запад

принадлежит Варуне, богу моря и вод, Юг — Яме, богу смерти, «царю предков» и блюстителю справедливости; владыкой Севера становится новое божество, в Ведах отсутствовавшее, — Кубера, бог богатства, повелитель якшей, горных духов, стерегущих сокровища. Позднее определяются боги и для промежуточных направлений: Агни — Юго-Запад, Сурья — Юго-Восток, Сома, бог луны, — Северо-Восток, Ваю, бог ветра, — Северо-Запад. Постоянными зооморфными атрибутами четверых изначальных локапал становятся четыре мировых слона (*дигнаги*), с четырех сторон поддерживающие Землю.

Прочие божества индуистского пантеона занимают в нем третьестепенное положение. Исключение составляют Вишну и Шива, выходящие за пределы этой иерархии; в процессе эволюции религиозной системы они оттесняют Брахму и занимают главенствующее положение в индуизме.

В развитии религиозного учения индуизма уже на раннем этапе значительная роль принадлежит поэме «Бхагавадгита» («Песнь Господа»), включенной в свод «Махабхараты». Содержание ее составляет поучение Кришны, одного из героев эпоса, проповедующее новые идеи: деятельного следования долгу (*дхарме*), изначально предписанному каждому человеку, и безраздельной преданности (*бхакти*) богу как всем доступного пути к спасению. Сам Кришна при этом предстает в поэме как ипостась высшего божества — Вишну. Характерный акцент на почитании бога чисто эмоциональном, отрешенном от духа интеллектуального познания, отличает «Бхагавадгиту» от Упанишад и знаменует новый этап в эволюции религиозной идеологии.

«Бхагавадгита» отражает учение религиозно-философской школы санкхья, основывающейся на абсолютном различии двух принципов мироздания — духовного и материального — и признающей множествен-

ность душ. «Бхагавадгита» запечатлевает раннюю стадию развития этого учения в сочетании с йогой — древней системой, разрабатывающей практические методы освобождения от уз, налагаемых на человека телесной природой. В центре учения йоги — идея единения души верующего с богом; этому служит система физических упражнений (определенное положение тела, регуляция дыхания и т. д.), ведущих к изоляции от воздействий внешнего мира и полному внутреннему сосредоточению (*самадхи*), которое и имеет целью это слияние с божеством.

В дальнейшем «Бхагавадгита» становится священной книгой влиятельной индуистской секты бхаватов и занимает важное место в религиозно-этическом учении индуизма в целом; до наших дней она оказывает значительное воздействие на духовную жизнь индийского общества. Чтение и восприятие ее текста мыслится как ритуал особого рода, выводящий из обыденного состояния психики и преобразующий сознание для внутреннего приобщения к божеству.

Параллельно ранним религиозно-философским текстам индуизма, примыкающим к «Бхагавадгите», на рубеже новой эры создается ритуально-законодательная литература, которая исходит формально из ведийской экзегетики (толкований священных текстов), но отражает уже совершенно новый этап в развитии этой традиции; в ней находит опору в своем становлении индуистская идеология. К поздним произведениям ведийского канона примыкает цикл дхармасутр — сводов предписаний, регулирующих повседневную жизнь общества; позднее они перерабатываются в расширенные версии — дхармашастры, более широко охватывающие различные аспекты общественной морали и традиционного мировоззрения. Самая ранняя и авторитетная из них — «Законы Ману» (II—III вв. н. э.). В книге запечатлен индуистский идеал индивидуального и обще-

ственного ритуализованного жизненного уклада; в ней уже утверждается и обосновывается идеологически кастовое деление общества, освящаемое индуизмом. В последние века до новой эры начинает складываться цикл религиозно-эпических поэм, примыкающих по содержанию и языку к «Махабхарате», в которых наиболее полно запечатлеваются вероучение и мифология индуизма, — пураны («древние сказания»). Традиция приписывает им божественное происхождение, хотя и не приравнивает их к Ведам; пураны считаются дополнением к последним и предназначены для сообщения священной мудрости верующим в более доступной форме.

Для содержания пуран характерна важная роль культового элемента, в котором отражается разделение индуизма на два основных течения — вишнуизм и шиваизм. С мифологическим содержанием в пуранах тесно связаны описания и толкования религиозных праздников в честь Вишну или Шивы, в них подробно разрабатываются концепции четырех ашрам, определяются права и обязанности различных сословий и каст. В пураны включаются тексты, называемые «махатмья» («описания величия»), описания священных мест паломничества (тиртха), а также религиозно-философские тексты, развивающие в основном те же положения эпической санхья-йоги, которые нашли выражение в «Бхагавадгите». Значительное место занимают в пуранах описания Вселенной, в которых сочетаются сведения о реальной географии Индии с рассказами о фантастических материках, небесных сферах и многочисленных адах под землею (небо, земля и подземный мир сменяют в пуранической космографии прежнее деление Вселенной, ср. выше). На небе, в царстве Индры, куда уходят павшие в битвах герои, помещается град богов Амаравати, обитателей которого развлекают своим искусством небесные танцов-

щицы и музыканты — апсары и гандхарвы (упоминаемые уже в Ведах).

Космогония пуран развивает учение о цикличности Вселенной. Существование и небытие Вселенной рассматриваются как дни и ночи Брахмы; когда этот бог засыпает, мир гибнет периодически, с пробуждением его воссоздается снова. Продолжительность дня Брахмы определяется обычно в 1000 махаюг («великих юг») или 1 кальпу; махаюгу составляет совокупность 4 юг (периодов мифологической истории Вселенной): Крита-юга (соответствующая золотому веку), Трета-юга (серебряный век), Двапара-юга (медный) и Кали-юга, нынешний век упадка нравов, последний перед гибелью Вселенной, когда вырвется наружу огонь, таящийся до времени на дне океана.

В главных вишнуитских пуранах — «Вишну-пуране» и «Бхагавата-пуране» излагаются версии легенды о Кришне, составляющие «евангелие» наиболее значительного течения внутри вишнуизма — кришнаизма. В культе Кришны, определившемся уже в «Бхагавадгите», сливаются разнородные элементы, восходящие к различным арийским и дравидским местным культам. Различного происхождения, очевидно, слившиеся в этом течении воедино образы Кришны-воина, одного из героев «Махабхараты», и Кришны-пастуха, легенды о котором сложились в Западной Индии, излагаются в пуранах. В средние века в культе Кришны-пастуха получает развитие эротическая тема; в кришнаитской религиозной поэзии воспеваются хороводы, которые божественный пастух водит с многочисленными влюбленными в него пастушками; тема эта трактуется мистически как символ любви к богу (бхакти), тяготения к нему человеческих душ, олицетворенных в этих пастушках. Раманизм, почитание Вишну в образе героя Рамы, воспетого в эпосе «Рамаяны», победителя демонов-ракшасов, также получает в индуизме самостоятельное развитие,

хотя уступает во влиятельности кришнаизму.

Индуизм ассимилирует многие народные культы, включая их в свою систему ради привлечения масс в соперничестве с буддизмом. В и ш н у и з м е эта тенденция находит воплощение в доктрине *аватар* (букв. «нисхождений») Вишну, т. е. его земных ипостасей, в которых он появляется в этом мире ради его спасения всякий раз, когда в нем переполняется мера зла и ему начинает грозить гибель. Так отождествляются с Вишну образы различных культов, мифов и сказаний, изначально независимого происхождения. Воплощениями Вишну объявляются в индуизме древние зооморфные божества архаических культов; первой его аватарой считается Рыба, спасшая Ману от потопа; следующее воплощение Вишну — Черепаха, которая помогла богам обрести амриту, напиток бессмертия; далее следует Вепрь, что спас землю от второго потопа, воздев ее на клык. Четвертая аватара — Человеколев (Нарасимха), убивший жестокого царя демонов-асуров Хираньякашипу. Пятая — Карлик, тремя шагами обошедший мир и тем отнявший его у царя Бали, внука Хираньякашипу (единственный из мифов об аватарах, связанный с образом Вишну изначально, уже в Ведах). Последующие аватары все антропоморфные: Парашурама, герой-брахман, истребивший на земле порочных царей-кшатриев; Рама, герой известного эпоса; Кришна, самая значительная из аватар. Девятой аватарой объявляется Будда. Десятая, последняя аватара — грядущая перед гибелью мира, когда Вишну в образе Калки, мессии и судии истребит нечестивых, но спасет праведных.

В индуистских текстах и иконографии Вишну нередко изображается многоруким (что символизирует его функцию создателя и хранителя пространства), его главное оружие — метательный диск (чакра), который он держит в правой верхней руке, в

других трех руках — палица, раковина и лук (или лотос). Уже в поздней иконографии появляется изображение Вишну с лотосом, вырастающим из его пупа, и сидящим в этом лотосе Брахмой (предполагается, что Брахма творит мир по велению Вишну); сам Вишну покоится на многоглавом мировом змее Шеше, который, в свою очередь, лежит на волнах океана первозданных вод. Шеша считается зооморфной ипостасью Баладевы (или Баларама) Плугоносца, сводного брата Кришны, другого героя кришнаитских легенд, в основе образа которого — культ одного из местных земледельческих божеств Западной Индии, включенного в кришнаитский на подчиненном положении (как частичное воплощение Вишну). Подобные зооморфные атрибуты, называемые *ваханами* (букв. «носи-

Вишну и Лакшми на Гаруде, царя птиц. Индия

тель»), имеют и другие индуистские божества. Ранее Вишну изображался на другой ваханах — верхом на «солнечной птице» Гаруде.

Культовый культ Гаруды, царя птиц, включается составной частью в культ Вишну. В вишнуизме получает «разрешение» древний антагонизм змеи и птицы, отраженный еще на изображениях протоиндийской эпохи. В этом противопоставлении птица символизирует небо и солнце, змея — землю и водную стихию. В индийской мифологии заметное место занимают воплощающиеся в человеческом образе извечные враги — птицы-супарны и змеи-наги. Вишнуизм включает и древний культ змей в свою систему; в образе змея Калия, которого побеждает, но шадит Кришна, за негативным аспектом божественной сущности тоже признается право на существование. Водная стихия, воплощенная в змее, в позднем индуизме получает мистическую интерпретацию как символ «майи», мировой иллюзии. Согласно этой концепции миры возникают как видения из первобытного океана и в него же возвращаются, погибая и в нем растворяясь. С ним же отождествляется и Вишну, именуемый в этой ипостаси Нараяна.

Важное место в вишнуитской символике занимает лотос. Вырастающий из тела Вишну лотос символизирует землю. С ним отождествляется Лакшми, супруга Вишну, богиня красоты и счастья, рождающаяся из моря вместе с амритой. В позднем индуизме складывается концепция *шакти* (букв. «сила»), творческой силы бога, воплощающейся в образе богини, его супруги. Лакшми рассматривается как шакти Вишну, она же отождествляется с майей, что связано с утвердившимся в индуизме представлением о нереальности мира.

Относительно поздно в индуистском пантеоне появляется образ сына Лакшми Камы, бога любви, поражающего сердца смертных стрелами-цветами.

Из поздних вишнуитских культов

отличается своеобразием почитание Вишну в образе Джаганнатха. Главный обряд его заключается в «лицезрении» бога. Идола Джаганнатха на огромной колеснице везли из одного храма в другой при стечении массы верующих, из которых наиболее фанатичные якобы бросались под колеса ради обретения благого избавления.

Вишнуизм пользовался преимущественным влиянием на севере Индии. На дравидском юге более распространены донные шиваитские культы. Они вбирают в себя больше архаических элементов доарийского происхождения. Шива выступает как верховное божество в некоторых текстах эпоса и пуран. Он изображается обычно огненноволосым, многоруким, четырехликим, трехглавым (глаза его смотрят в настоящее, прошлое и будущее); у него синяя шея (она посинела от страшного яда, который он выпил, не дав ему уничтожить Вселенную), откуда его эпитет *нилакантха*, «синегорлый»; во лбу его — месяц, который он получил за этот подвиг. Шива — великий подвижник, его единственная одежда — окровавленная шкура слона, побежденного им демона, единственное украшение — змея, ожерельем обвивающая его шею; главное оружие — трезубец. В поздней иконографии у него ожерелье из человеческих черепов.

В шиваитских культах особенно важное место занимает умерщвление плоти (тапас), которому еще в ведийской литературе приписывается магическая сила (и даже космогоническая функция), в шиваизме оно иногда принимает изуверские формы самоистязания. Характерно для шиваизма внешне противоречивое его сочетание с обрядово-мифологической темой плодородия, которая воплощается в занимающем центральное место в культе фаллическом символе — так называемом «лингаме». Он появляется относительно поздно, но в действительности принадлежит к древнейшим сим-

волам в мифологии Шивы (о чем свидетельствуют уже изображения «прото-Шивы» на печатах Индской долины). Тапас, аскеза, мыслится в индуистской мифологии как космическая творческая сила, не только не враждебная плодородию, но благоприятствующая ему; отсюда — парадоксальное сочетание в шиваизме проповеди аскетизма с оргиастическими элементами культа.

В средние века Шива почитается также в ипостаси Натараджи, «царя плясунов», отражающей архаические шаманистские представления. До нашего времени распространены в Южной Индии изображения пляшущего Шивы, четырехрукого, попирающего правой ногой распростертое тело карлика — демона забвения, в арке с языками пламени (символизирующими здесь жизненные процессы космоса); эта пляска интерпретируется в позднем индуизме как акт творения.

Вахана Шивы — белый бык, и культ быка включается в эту религиозную систему. В мифологии и иконографии Шиву сопровождает свита зловещих уродливых существ — полудемонических «ганов»; она подчеркивает грозный, разрушительный аспект в его образе. Предводителем

ганов именуется сын Шивы Ганеша, бог мудрости и учености, изображаемый с головой слона, верхом на вахане-крысе; он появляется в пантеоне относительно поздно. Другой сын Шивы, тоже поздний образ в индуистском пантеоне, Сканд (или Кумара), шестиглавый бог войны, предводитель небесного воинства в битвах с демонами.

Особое место занимает в индуистской религиозно-мифологической системе образ Умы, супруги Шивы, которая носит также имена: Дурга, Кали, Парвати, Гаури и многие другие. Этот образ особенно характеризуется двойственностью (амбивалентностью), свойственной и образу Шивы. Как и Шива, чья женской ипостасью она является, эта богиня — благая и грозная одновременно. Ее почитание лежит в основе самого мощного ответвления в шиваизме — шактизма, в котором (как и в родственном ему буддийском тантризме, см. выше) возрождаются некоторые очень архаические черты, восходящие к первобытному культу богини-

Протоиндийское божество («Прото-Шива»), изображение на печати

Танцующий Шива. Бронза. XII—XIII вв. Индия

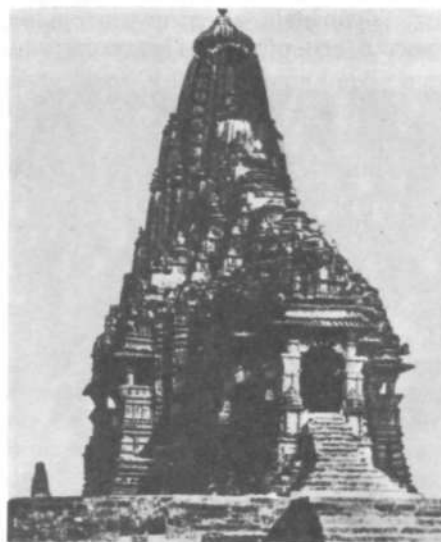
матери (Земли), вплоть до человеческих жертвоприношений. Более всего это относится к почитанию богини под именем Кали («черная»), получившему развитие в средние века. В поздней иконографии она изображается как страшная ведьма или грозная воительница верхом на льве (или тигре) с 4-мя лицами и 8-ю руками, вооруженная мечом, луком, диском и петлею, обвитая кобрами, с ожерельем из человеческих черепов. Именно тантризм порождает в средние века многочисленные секты, которые включают в культ экстатические и оргиастические радения и нередко характеризуются изуверскими обычаями. Главный священный текст шактизма «Девимахатмья» («Величие Богини») включен в «Маркандея-пурану». Кроме того, в средние века создаются священные тексты шактизма — так называемые тантры, излагающие его мистические учения (обычно в форме диалогов Шивы и Дурги).

В позднем индуизме монотеистические тенденции приводят к объединению образов Брахмы, Вишну и Шивы в концепции Тримурти, троебожия. В этой триаде Брахме отводится функция творения, Вишну — сохранения, Шиве — разрушения Вселенной, но все рассматриваются как проявления единого начала. Брахма уступает главенство Вишну и Шиве, которые фигурируют каждый в своей системе как персонификация Брахмана (мировой души).

Религиозная система индуизма получает окончательное оформление к исходу 1-го тысячелетия н. э. К этому времени утверждаются ее основные принципы: институт каст; признание наставника (гуру) непрекращаемым авторитетом; признание авторитета Вед и других священных книг, наставляющих в дхарме (под этим центральным и многозначным понятием в индуизме подразумеваются прежде всего священный закон и религиозный долг); принятие концепции кармы; поклонение богу Вишну или Шиве; почитание коровы как обя-

зательный элемент культа; строгое исполнение предписанных обрядов.

Древний брахманизм не знал храмового богослужения, и в индуизме оно развивается не сразу, позднее, чем в буддизме. Буддизм в своем становлении опирается на распространившуюся к концу 1-го тысячелетия до н. э. по всей стране сеть монастырей (*вихар*). В буддизме и в индуизме рано получает развитие восходящее к народным культам почитание священных мест — *чайтья*, священных рощ и деревьев, рассматривавшихся изначально как места обитания духов лесов и вод; в этот же период появляются буддийские (позднее также индуистские) пещерные храмы, у буддистов также — характерные культовые сооружения, *ступы*, хранилища реликвий. Но в индуизме храмовое строительство широко развивается только с середины 1-го тысячелетия н. э., в значительной мере под влиянием культа солнечного бога, проникшего из Ирана и слившегося в Индии с культом бога Сурьи. Солнцопоклонники позднее образуют в Индии незначительные общины на периферии главной религии.

Индуистский храм в Кхаджурахо. Х в. Индия

В средние века в индуистской идеологии получают преобладание консервативные элементы, тормозящие историческое развитие общества; особенно пагубное влияние на него оказывает освящаемый индуизмом институт каст, который становится истинным проклятием Индии на протяжении веков до наших дней. Этот фактор способствует внедрению ислама в широкие массы населения. В эту эпоху народные движения, преодолевающие косность ортодоксального индуизма, естественно принимают религиозные формы. Эти разнообразные течения, развивающие демократические социальные тенденции, объединяются выдвижением на первый план идеи бхакти (см. выше). В позднем средневековье в Индии возникает новая религия — *сикхизм*, становление которой означает попытку синтеза индуизма с исламом. Сикхи проповедовали религиозное равенство и отказ от кастовых различий, а также безусловное повиновение главе общины — гуру. Одним из основателей учения считается Нанак (1469—

1539). К концу XVII в. сикхи сплотились под руководством гуру Говинда в военизированную организацию, вступившую в активную борьбу с империей Моголов, мусульманских правителей Индии; в дальнейшем под знаменами сикхизма объединяется в основном мятежное крестьянство Пенджаба и сопредельных областей страны. Полувоенный характер общины, подчиняющей своих членов строгой дисциплине, сохраняется до нашего времени.

Сикхизм донныне удерживает влияние в Пенджабе, так же как джайнизм в Гуджерате и некоторых других областях Западной Индии. Но преобладающей религией в Республике Индия остается индуизм, в значительной степени влияющий на государственную идеологию и духовную жизнь общества. В средние века воздействие индуистской идеологии испытывают религии Юго-Восточной Азии. Она распространяется за пределы Индии, в частности в страны Запада, и в наше время.

Китайцы

Предки древних китайцев расселились на равнине Хуанхэ, по крайней мере уже с 5-го тысячелетия до н. э., в эпоху неолита. Сохранились предания, не подтвержденные научными данными, о существовании в незапамятные времена на равнине Хуанхэ, в колыбели древней китайской цивилизации, некоей династии Ся. Царствование же следующей за ней династии Инь (или Шан), владевшей районами среднего течения Хуанхэ во 2-м тысячелетии до н. э., подтверждено многочисленными археологическими находками и даже документами того времени.

Судя по всему, религия древнего населения равнины Хуанхэ имела много общего с верованиями других древнейших земледельческих наро-

дов. В ее основе лежал культ животворящих сил земли, тесно связанный с представлением о том, что усопшие родичи являются хранителями и подателями жизни. Иными словами, религия китайцев с самого начала развивалась прежде всего как культ предков, а различия между людьми и богами оставались в ней довольно нечеткими и условными. Религиозный мир древнейших китайцев представлял своеобразной топографией святых мест — гор, рек, отдельных могучих деревьев, больших камней и т. д. Существовал и сонм духов различных явлений природы — солнца, луны и звезд, грома и дождя, ветра, снега и проч. Вероятно, духов и обожествленных предков древнейшие китайцы представляли в облике, близ-

ком человеческому, хотя и далеком от позднейшего реалистического стиля. Общение между живыми и мертвыми осуществлялось во время празднеств, символизировавших возвращение к «началу времен», обновление всего живого, и носило характер «божественной одержимости». Важную роль в древнейших культах играли шаманки и шаманы, ведавшие сношениями людей с потусторонним миром. В иньской религии различимы черты «классического» шаманизма, характерного для древних народов Восточной Азии, в том числе применение в обрядах барабанов, четырехглазых масок и рогов, символизировавших власть (души мертвых в Древнем Китае также изображались рогатыми). Обителью мертвых было подземное царство (сохранилось древнее его название «Страна желтых источников»), причем считалось, что предки, возвратившись в землю, каким-то образом приходят оттуда в виде силы жизненного роста растений. В неолитическую эпоху, когда еще господствовал материнский род, важную роль в жизни протокитайских племен играл культ тотемного предка — основоположника рода. Первые письмена в Китае также зародились, повидимому, как тотемные знаки. Широкое распространение имел обычай «божественной свадьбы», когда в жертву (в жены) тотемному божеству приносилась молодая девушка.

Сезонные празднества у протокитайских племен отмечали начало и окончание хозяйственных работ. Весенние празднества носили оргиастический характер и были временем выбора жениха и невесты, образования любовных пар. Осенние праздники знаменовали создание новых семей. Игрища устраивались на открытом воздухе, «на лоне» матери-земли. Алтари в святых местах тоже воздвигали из земли, обычно под высоким ветвистым деревом — прообразом мирового древа. Семейные поклонения совершались в темном углу дома, где хранилось зерно.

Подробнее о религиозных верованиях иньской эпохи можно судить по надписям на гадательных костях — документах царского ритуала иньской династии. Объектом поклонения при иньском дворе были усопшие предки иньского *вана* (царя), или, как они обозначены в гадательных текстах, «многие отцы» и «многие матери» царя. Божества воспринимались как перешедшие в иной мир люди, положение которых на том свете определялось их местом в клановой генеалогии. Как все люди, предки нуждались в питании и заботе со стороны живущих. Иными словами, загробный мир для иньцев был не просто «отражением» земного мира, но прямым его продолжением. Соответственно культ царских предков (*ди*) был средоточием всей общественной жизни в иньском государстве. Иньский царь сам выполнял функции первосвященника. Наиболее тесные контакты он поддерживал с близкими предками, называемыми в гадательных надписях по именам. Пирамиду царского клана увенчивал первопредок и верховное божество Шанди. Царские ритуалы, включавшие в себя человеческие жертвоприношения, сопровождалась музыкальными представлениями и пиршествами.

Религия *Инь* — продукт весьма стройного мирозерцания. Если первобытная мифология и ритуал выражают стремление человека внести порядок в бытие, то надо признать, что в иньской религии эта цель достигалась средствами именно структурного упорядочения мира по образцу внутриклановых отношений — упорядочения, ставившего во главу угла не личностное начало, а внеличностный порядок, пронизывающий и природу, и общество. В этой культуре значима была не столько вещь сама по себе, сколько положение и функция вещей в системе их связей. Примечательно, что иньское искусство отличается высокой степенью знаковой условности, господством симметрии и другими формами геометрической стили-

зации образов. Противоречие между постоянно усиливавшейся формализацией религиозной обрядности и экста- тическим характером шаманистских обрядов стало одним из источников кризиса иньской религии.

В конце XI в. до н. э. иньское царство было покорено племенем чжоусцев, основавших свою династию. Чжоусцы принесли с собой новое представление о верховном божестве, которого они называли Тянь, что означало «небо». Новая династия представила дело таким образом, что верховное божество вручило ей «небесное повеление» на царствие, отобрав его у иньцев, так что подлинным обоснованием власти с тех пор стали личные доблести правителей. В терминах чжоуской идеологии право на учреждение династии давало обладание некоей жизненной силой *дэ*, позволявшее без насилия направлять движение всего мира. Небо мыслилось чжоусцами как божество, каравшее за проступки и награждавшее за добрые дела, но по той же причине только от самих людей зависело, кто будет обладателем «небесного повеления». Надродовая, преимущественно этическая природа Неба позволила чжоусцам включить племенных богов в их религиозно-политическую систему под видом локальных божеств, связанных с культом плодородия.

Новации чжоусцев положили начало новому этапу осмысления мира и человека: свойственное первобытной эпохе восприятие священной силы в ее единичных проявлениях постепенно вытеснялось идеей единого истока мирового движения и судьбы всего сущего, магия уступила место этическим оценкам, язык богов преобразился в язык человеческой культуры. Коренным образом изменилось значение религиозного ритуала: из обряда жертвоприношения, средства непосредственного общения живых и мертвых, он стал мерой этической дистанции между человеком и миром, служившим разграничению

божественного и человеческого. Новое понимание ритуала выражено в словах первого философа Китая Конфуция (551—479 гг. до н. э.), призывавшего «читать духов, но держаться от них в отдалении». Теперь ритуал не просто осуществлялся, но и осмыслялся как символическое действие, требовавшее от человека сдержанности и самоуглубленности.

Эти перемены в общественном сознании чжоуского Китая означали, по существу, разложение и гибель архаической мифологии. Чжоуские архивисты придали древним мифам назидательное звучание и превратили их персонажи в добродетельных или злонравных деятелей человеческой истории. В итоге древняя мифология не породила в Китае особой эпической традиции и предстает перед нами собранием разрозненных фрагментов, лишенных эстетических качеств, как правило, откровенно фантастичных. Эти осколки мифологии всегда находились на периферии китайской традиции и привлекали внимание не философов и государственных мужей, а лирических поэтов. Большая их часть собрана в главном памятнике мифологической традиции Китая — «Книге гор и морей» и в других древних сочинениях.

В Древнем Китае мы встречаем те же разновидности мифов, которые были распространены и у других народов древнего мира. Так, существовали династические мифы, повествовавшие о просхождении того или иного царского рода. В древнейших письменных памятниках записан рассказ о том, как прародительница иньцев проглотила яйцо, снесенное некоей «темной птицей», и родила родоначальника иньской династии. Сохранился рассказ о том, что мать первопредка чжоусцев Хоу-цзи забеременела после того, как наступила на след некоего великана. Когда Хоу-цзи появился на свет, его оставили одного в лесу и среди снегов, но звери и птицы стали заботиться о необыкновенном младенце, и тот выжил.

В древних литературных источниках записаны и мифы о сотворении мира. Наиболее известен рассказ, связывающий появление неба и земли с именем первочеловека Паньгу. Согласно этому рассказу изначально существовал Хаос (по-китайски *хуньдунь*), имевший форму яйца, а внутри яйца зародился первочеловек Паньгу. Спустя 18 тысяч лет яйцо разделилось на светлый верх и темный низ, который постепенно отходили все дальше друг от друга, а заодно рос и Паньгу. Светлый верх стал небесами, а темный низ — землею, и расстояние между ними составило 90 тысяч ли (приблизительно 40 тыс. км). В других текстах сообщается, что, когда Паньгу умер, его дыхание превратилось в ветер и облака, голос — в гром, глаза — в солнце и луну, кровь — в реки, мускулы и вены — в складки земли, плоть Паньгу стала почвой, волосы и борода — созвездиями, волосы на теле — растениями, зубы и кости — металлами и камнями, пот — дождем. Паразиты же, обитавшие на нем, превратились в человеческие существа. В другом сюжете говорится о том, что Хаос (*хуньдунь*) был правителем Центра и у него не было отверстий, а потому его друзья, правители Севера и Юга, желая помочь ему, решили пробуровать в нем дырки. Каждый день они проделывали в Хаосе одну дырку, а на седьмой день Хаос умер. Как бы там ни было, представление о том, что творение мира означало утрату первозданной цельности бытия, воплощенной в Хаосе, вошло в классическую традицию Китая. Известны и другие варианты мифа о сотворении мира, в которых творение приравнивается к метаморфозе некоего изначального существа. Так, в «Книге гор и морей» упоминаются божества гор с телом змеи и лицом человека, которые дыханием насылают зиму и лето; когда они открывают глаза, наступает день, а когда они закрывают глаза, приходит ночь и т. д.

Еще один популярный персонаж

древнекитайской мифологии — Нюйва, или «женщина Ва». Сохранились рассказы о том, что Нюйва починила небосвод, «сплавив вместе камни пяти цветов», и укрепила поддерживавшие небо столбы, отрубив ноги у черепахи. Благодаря трудам Нюйва, укротившей мировой потоп, на земле воцарилось довольство и согласие: времена года стали сменять друг друга в установленные сроки, звери спрятали свои когти и зубы, а люди перестали нуждаться в сне для восстановления своих сил. В одном сюжете говорится о том, что Нюйва сотворила человеческий род, вылепив фигурки людей из желтой глины и ила. В некоторых поздних памятниках она объявляется сестрой и супругой прославленного мудреца Фуси, которому в Китае приписывали обучение людей охоте и приготовлению пищи, изобретение сетей и древних гадательных символов. Еще на рубеже новой эры древние китайцы изображали Фуси и Нюйва существами с телом человека и хвостом змеи, причем Фуси держит в руках плотницкий угольник, а Нюйва — угомер, что символизировало, по всей видимости, мироустроительную деятельность этих родоначальников цивилизации. Хвосты Фуси и Нюйва сплетаются между собой, и это обстоятельство, несомненно, восходит к записанному в древних источниках повествованию о том, что Фуси и Нюйва были братом и сестрой, вступившими в кровосмесительный брак. Примечательно, что в сказаниях о Фуси и Нюйва, кое-где сохранившихся в народе до наших дней, мировой потоп объявляется карой небес за прегрешения Фуси и Нюйва. Подобная назидательная трактовка древнего мифологического сюжета возникла, очевидно, сравнительно поздно.

Надо заметить, что миф о потопе записан уже в древнейших письменных памятниках Китая. С этим мифом наиболее тесно оказалось связанным имя Юя, почитавшегося в позднейшей китайской традиции как один из

мудрых царей древности (в действительности прототипом Юя послужило некое тотемное водное божество). По преданию Юй вышел из живота своего отца Гуня (по другой версии он родился из камня) и «сошел с высоты» на землю, после чего в течение девяти лет усердно боролся с наводнением вместе со своим верным помощником крылатым драконом. От напряженного труда у Юя «стерлись ногти на пальцах и волосы на коленях», и сам он стал ходить прихрамывая. В конце концов Юй направил течение всех вод в море, изгнал из низин змей и драконов и сделал земли пригодными для обработки. В позднейшей традиции он стяжал славу мудреца, который не щадя себя трудился на благо людей.

В китайской традиции не сохранилось отдельного мифа о первозданном блаженном состоянии человека и его «падении», но в ней различимы следы преданий (возможно, восходящих к древнейшим мифам человечества) о тех временах, когда небеса сходились с землею и люди жили вместе с божествами. В древнекитайской литературе сохранилось немало легенд о том, как культурные герои «посещали небеса». Райскую обитель богов, или,

лучше сказать, божественных людей, древние китайцы представляли в двух образах, восходивших, по-видимому, к разным племенным культурам. В одном случае она имела вид цветущих островов, расположенных где-то далеко в Восточном море, в другом — дворца женского божества Матери — правительницы Запада (Сиванму), обитавшей в горах Куньлунь у западных пределов мира. Образ Матери — правительницы Запада тесно связан с луной и всеми лунными атрибутами — нефритом, трехлапой жабой, зайцем, толкущим в ступе эликсир бессмертия. Сохранилось даже древнее сочинение, в котором рассказывается о путешествии царя Му-вана в чертоги Сиванму.

Китайским аналогом мифа о человеческом «падении» можно считать сравнительно малоизвестный рассказ о Кунцзя — правителе династии Ся, который «не умел кормить драконов», отчего эти волшебные существа, служившие посредниками между землей и небесами, издохли, а сам Кунцзя в конце концов лишился царства и погиб. По существу, Кунцзя предстает первым смертным человеком в священной истории древних китайцев. Кроме того, предание изображает его хромоногим, что роднит его с Юем — первым тружеником на Земле и радетелем за человечество. Хромота Кунцзя (являвшаяся также отличительным признаком жертвенных животных в Древнем Китае) была своеобразной ценой выделения человека из животного мира, иными словами — ценой очеловечивания человека.

В Древнем Китае были известны солнечные мифы. Согласно одному из преданий первоначально в мире было не одно, а десять солнц, и однажды все они одновременно появились на небе, отчего на земле началась страшная засуха. Тогда некий И (или Хоу И), большой мастер стрельбы из лука, сбил стрелами девять солнц. В древних произведениях упоминается и некий Сихэ, который выступает в

Древнее изображение Фуси и Нюйва в виде сплетенных змей. Юго-Западный Китай

качестве надзирающего за движением солнца или даже матери солнца. В «Книге гор и морей» сообщается также, что далеко на востоке, в Долине Света, растет гигантское дерево Фусан, на ветвях которого отдыхает солнце в ночное время. Популярным солнечным символом в Древнем Китае был ворон.

Наиболее многочисленную категорию мифов в Древнем Китае составляют предания о культурных героях, родословная которых восходит, как мы помним, к тотемным божествам, мифическим родоначальникам кланов. Правда, после гибели родового строя и возникновения деспотичес-

кого государства в эпоху Чжоу архаическая мифология распалась и герои тотемных мифов превратились в мудрых царей и прочих добродетельных персонажей человеческой истории. К чжоуской эпохе относится, по видимому, отчетливое осознание разделенности мира людей и мира богов, что, однако, не мешало древним китайцам хранить верность идее преемственности между жизнью земной и жизнью небесной и мыслить райское блаженство по образу и подобию людских наслаждений.

Нельзя не отметить, что становление древнекитайской цивилизации сопровождалось смешением весьма

Мать-царица Запада и ее свита. I в. н. э. Восточный Китай

разнородных племенных традиций и рационализацией архаических верований в категориях космологии, морали, политики, художественного стиля. Этот процесс завершился в III в. до н. э., когда на территории Древнего Китая возникла — сначала под эгидой династии Цинь, а затем династии Хань — централизованная империя. В древнекитайских империях культы древних богов были по большей части заменены почитанием отвлеченных мировых начал и их псевдоантропоморфных образов. В частности, большое значение придавалось жертвоприношениям 5 божествам *ди*, отождествлявшимся с пятью царями древности, пятью цветами, мировыми стихиями и музыкальными нотами, сторонами света, временами года и т. д. В начале I в. до н. э. императором ханьской династии было введено поклонение божеству земли Хоу-ту, которое совершали на пяти алтарях, воздвигнутых на насыпи посреди пруда (что делало место отправления культа наглядным символом мироздания). Тогда же был учрежден культ Верховного Единства (*тай и*), отождествлявшегося с Полярной звездой. Получили официальное признание и культы священных гор. Первостепенное значение приобрели культы неба и земли. В целом формы официальной религии в императорском Китае создавались правительством больше по мере появления практической надобности и не имели статуса непрекаемой догмы. Основная тенденция их развития заключалась в совмещении божественного и природного, что выражалось, например, в совпадении астрономического и религиозного календарей: основные даты астрономического годового цикла — зимнее и летнее солнцесостояния, весеннее и осеннее равноденствия и пр. — отмечались официальными церемониями жертвоприношения и праздниками. Государство подчинило религиозные запросы своих подданных собственным политическим интересам, поощряя или, наоборот, запрещая локаль-

ные культы. Божества, почитаемые в народе, могли получать от властей почетные титулы и даже подвергаться наказанию по распоряжению тех же властей. Весь мир богов отныне в Китае стали представлять по образцу земной империи с ее штатом служилых людей и правилами казенного делопроизводства. Боги стали чиновниками на небесах, к ним обращались с письменными прошениями, а покойникам клали в гроб опись их заглобного имущества, предназначавшуюся для чиновников потустороннего мира.

Претендуя на роль верховной мироустроительной силы, имперские власти взяли на себя миссию «исправления» народной религии. В официальной идеологии империи утвердилось понятие «непристойные культы» (*инь сы*), под которыми подразумевались черты народной религиозности, подлежащие в глазах правящих верхов запрету и искоренению. Такими оказывались большей частью элементы архаической религии, представлявшие угрозу нормам цивилизации: кровавые жертвоприношения, ритуальные противоборства, различные виды спонтанного, экстатического общения людей с богами и т. п. Однако запреты «непристойных культов» в Китае не следует путать с нетерпимостью, свойственной западным догматическим религиям. Образованные верхи китайской империи отвергали лишь «крайности» народной религии, мешавшие осуществлению мироустроительной миссии императора, установлению этической дистанции между человеком и богами. Те же локальные культы, даже если они расценивались как идолопоклонство, недостойное просвещенного мужа, считались полезными в той мере, в какой они способствовали гармонизации отношений между людьми и небесными силами. Поклонение богам в официальной религии империи означало, по существу, их «укрощение», подчинение их верховной гармонии мироздания.

В течение первых столетий новой

эры архаическая мифология окончательно отмирает и уступает место принципиально новым формам религиозного мирозерцания. Важнейшим признаком этих глубоких перемен в культуре и общественном сознании древних китайцев явилось становление религии нового, индивидуалистического типа — даосизма. Идейные истоки даосизма восходят к древним представлениям о бессмертных небожителях и к традициям личного самосовершенствования, а организационные — к народным движениям, возникшим в ханьской империи во II в. н. э. Большую роль в популяризации даосизма на первых порах сыграла секта «Тайпиндао» («Великого равенства»). Вождь секты Чжан Цзюэ утверждал, что все напасти в жизни людей являются следствием совершенных ими проступков, поэтому заболевшим он предлагал прежде всего покаяться в своих прегрешениях, лечил же он заговоренной водой. В 184 г. сторонники Чжан Цзюэ подняли восстание, провозгласив наступление нового царствия. Другая даосская секта, основанная, по преданию, Чжан Даолином в середине II в., получила от ханьских чиновников прозвание «Пять доу риса», поскольку Чжан Даолин взимал со своих последователей ежегодную подать в этом размере. Члены этой секты устраивали коллективные декламации священных текстов, покаяния, пиршества и другие обряды. Глава секты носил титул «Небесного учителя» и считался верховным повелителем людей и духов.

Целью религиозной практики в даосизме являлось собирание — или, по-китайски, «воплощение» — подвижником божественных сил космоса вплоть до непосредственного созерцания богов в собственном теле. Мудрость и святость в даосской традиции приравнивались к состоянию «сохранения единства» (*шоу и*) телесно-духовного опыта. Другой отличительной чертой даосской религии являлась практика получения откровений от

верховных богов. В раннедаосском трактате «Тайпинцзин» (II—III вв.) возвещается о приходе «божественного человека, не имеющего облика», который откроет «небесные письмена» своим последователям, а те разъяснят их смысл земному государю. Верховным божеством даосизма считался Высочайший старый правитель, каковым был не кто иной, как обожествленный легендарный основатель даосского учения Лао-цзы. Даосские проповедники учили, что царство даосского мессии уготовлено лишь для избранных, так называемых людей-семян (*чжун минь*), и развивали идею личной ответственности за прегрешения. Даосизм многое унаследовал от общинных идеалов крестьянства: идеальным состоянием общества в ранних даосских сочинениях объявляются «сообщительность» и «всеобщность», а тягчайшим грехом — «накопление праведности для одного себя».

Для даосизма, как и для всей китайской традиции, характерна теснейшая связь святости и власти. Целью даосского подвижничества считалось постижение в себе сокровенного «подлинного государя», дающего власть над всеми вещами. Соответственно даосская традиция претендовала на роль своеобразного «внутреннего» дубликата светской империи, и даосы выдвигали образ темного двойника земного правителя — верховного повелителя в мире духов. Начиная с V в. многие императоры в Китае принимали и даосские символы власти, тем самым как бы удостоверяя свои державные полномочия и в мире божественного. Организационно даосская традиция всегда была разбита на несколько самостоятельных сект, действовавших в различных районах Китая. Номинальное верховенство среди них принадлежало наследникам секты «Небесных учителей», получившей в средние века наименование секты «Истинного единства».

Одновременно с распространением

даосизма в Китай проникла и завоевала популярность иноземная религия — буддизм. По преданию первые буддийские сочинения были привезены в столицу Ханьской империи во второй половине I в., но лишь с рубежа III—IV вв. чужеземная религия привлекла к себе внимание образованных верхов древнекитайского общества, а к VI в. буддизм превратился, по существу, в господствующую религию Китая. Новая вера принесла древним китайцам неизвестную им прежде идею сострадания всем живым существам и иллюзорности земной жизни, новые образы рая и ада, институт монашества, обширный пантеон антропоморфных божеств, новый взгляд на Вселенную и время, новые литературные жанры и даже неистовство религиозной веры, вплоть до самоубийства по образцу всестрадающих буддийских богов. Из персонажей буддийского пантеона наибольшую популярность в Китае приобрели будда грядущего Майтрейя (кит. Милэ), владыка буддийского рая Амитаба (кит. Омито-фо) и бодхисаттва Гуаньинь, ставшая для китайцев символом сострадания.

Китайский буддизм пережил свой расцвет в VI—VIII вв., когда в Китае возникли и оригинальные, характерные для стран Дальнего Востока формы буддийской веры. Наибольшим влиянием в средневековом китайском обществе пользовалась секта «Чистой Земли», проповедовавшая спасение всех людей посредством веры в будду Амитабу. Другой популярной разновидностью китайского буддизма стала секта Чань (от санскритского *дхьяна* — медитация), которая развивала идею «внезапного прозрения» вне традиционной обрядности. Средневековые наставники чань отвергали поклонение Будде, декламацию священных текстов и даже самое различие между религиозной аскезой и жизнью в миру. Буддийские монахи обслуживали массы мирян главным образом по части заупокойных обрядов.

Распространение даосизма и буддизма повлекло за собой глубокую и всестороннюю трансформацию народных верований и культов. В эпоху средневековья складывается новая система религиозного синкретизма, в которой элементы развитых религий переплелись с наследием архаической эпохи и нормами официальной морали. Характерным образцом этого синкретического мирозерцания были традиционные китайские представления о душе и загробном мире. С древности человек в Китае наделялся двумя душами: светлой душой (*хунь*), продолжавшей существовать и после смерти, и темной, тяжелой, плотской душой (*по*), которая остается с телом в могиле. Существовало также представление о том, что душа усопшего предка обитает в табличке с его именем на семейном алтаре. Под влиянием буддизма китайцы усвоили идею чистилища, в котором душа человека отбывает наказание за совершенные при жизни прегрешения, а потом, лишенная памяти о прежних рождениях, возвращается в мир. Изображение адских мук стало одной из популярнейших тем народной иконографии Китая и народного искусства в целом. В представлении китайцев ад состоял из десяти кругов, или, точнее сказать, инстанций, поскольку ад в Китае, как всякая публичная организация, мыслился по образцу чиновничьей канцелярии. В первой инстанции определялось наказание, которое надлежало отбывать душе, в последней — ее судьба в следующем рождении (душа могла переродиться в одном из шести состояний — от

Бумажные деньги, сжигаемые в качестве подношения душам мертвых. Современный Китай

святых небожителей до зверей и растений). Среди властителей подземного царства наибольшее значение придавалось всемилостивому бодхисаттве Дицзан-вану, просителю за всех страждущих, и хозяину пятой канцелярии Яньло-вану — самому грозному и неподкупному судье ада. По-прежнему считалось, что умершие имеют те же нужды, что и живые, поэтому в дар покойным сжигались бумажные макеты различных предметов, необходимых в быту, и даже специальные деньги, пригодные для обращения в потустороннем мире. Впрочем, отношения с разными категориями духов строились на разных основаниях. Забота о душах предков считалась святым долгом потомков, богам поклонялись, рассчитывая на ответные услуги с их стороны, а от злых духов откупались как от докучливых, но опасных чужаков. Что же касается буддийских и даосских святых, то за помощью к ним почти не обращались, поскольку те собствен-

ными силами достигли блаженства и ни в чем не нуждались.

Народный пантеон в Китае, будучи продуктом длительного взаимодействия различных культурных традиций, отличался сложной структурой и внушительными размерами. Главенствующее положение в небесной иерархии занимали божества, осуществлявшие надзор за моральным порядком. С XI в. в качестве верховного божества получил признание «яшмовый император» (Юйхуан). Из даосизма в общекитайский пантеон пришла «триада чистых богов» (*сань цин*), отождествлявшаяся с тремя ипостасями Лао-цзы, а также «триада властителей» (*сань гуань*), считавшаяся воплощением стихий неба, земли и воды. Столь же универсальное значение имела троика основоположников трех традиционных религий Китая — обожествленные Конфуций, Лао-цзы и Будда — и такие популяр-

Небожитель. С фрески XIV в. Китай

Даосская иконка-талисман. Из даосской книги XV в. Китай

ные персонажи народного пантеона, как «восемь небожителей» даосизма или «восемнадцать архатов» буддизма. Эти персонажи стали общепризнанными образцами святости, хотя они редко становились объектом поклонения. В последние несколько столетий, пожалуй, наиболее чтимым божеством Китая стал обожествленный полководец древности Гуань Юй (Гуань-ди), который возвысился как покровитель военных, но со временем завоевал признание всех слоев общества.

Особую категорию составляли божества природных явлений. В ней можно выделить несколько групп. Одна из них представлена богами небесных светил — солнца и луны, планет и сонма звезд под главенством «великого императора пурпурного таинства» (Цзывэй дади). Большой популярностью пользовалась «мать созвездий» (Доу му), божества Северного и Южного полюсов небесной сферы, а также боги атмосферных явлений: божество грома Лэй-гун и богиня молнии Лэйму нянянь, божества ветра, облаков, дождей, «богиня, очищающая небо после дождя» и пр. Немалое значение в жизни земледельческой страны имели так называемые драконы цари — божественные повелители вод. Как и все прочие персонажи народного пантеона, боги-драконы наделялись человеческим обликом и, лишь умирая, вновь превращались в драконов. По-прежнему видное место в народном пантеоне Китая занимали божества гор, и некоторые из них, например божество священной горы Тайшань, были известны по всей стране.

Третья и, пожалуй, самая многочисленная категория китайских богов — это божества-покровители. Таковы, в частности, божественные покровители государственности — различные мифические цари и культурные герои древности, образцовые чиновники и ученые мужи. Отдельно следует упомянуть о чэнхуанах — божественных патронах отдельных административ-

ных территорий. Чэнхуанам вменялось в обязанность оберегать вверенный им город от всяких напастей, а также чинить суд и расправу над душами тех грешников, которых не постигло справедливое возмездие при жизни. С XV в. поклонение чэнхуанам стало прерогативой чиновников. В подчинении у чэнхуанов находились местные божества-администраторы — *туди-гуны*, представлявшие низшую инстанцию загробного суда. Именно им местные жители докладывали о кончине родственников, а затем в течение трех дней приносили им жертвы, поскольку согласно народному поверью *туди-гуны* в течение этого срока препровождали душу умершего к властям ада. Во многих районах существовали также культы подателей благополучия в данной местности, так называемых *Земляных богов (ту шэнь)*. Повсеместно были распространены культы разного рода мелких локальных божеств — бога огня и пожаров, духов дорог, мостов, переправ и т. д.

Весьма многочисленную группу составляли божественные покровители дома и семьи. Наибольшей известностью среди них пользовался бог очага Цзао-ван, который, как верили в народе, вел счет плохих и хороших дел вверенной ему семьи и ежегодно в канун Нового года отправлялся ко двору «яшмового императора» с докладом о поведении своих подопечных за истекший год. Отбытие Цзао-вана на небеса символизировалось сожжением его бумажной иконки, а чтобы домашний надзиратель не говорил в небесной канцелярии ничего дурного, на его изображение, прежде чем его сжечь, лили вино, а рот божка смазывали чем-нибудь сладким. Существовали также божества шести сторон дома, колодца, семейного ложа, супружеского согласия и т. д. К примеру, на Новый год на двери дома вешали изображения духов-стражей ворот, имевших облик грозных воинов, а женщины поклонялись богине уборной и спра-

шивали ее о видах на урожай. Особое значение имели богини-чадоподательницы, которых обычно именовали няннань, или просто «Святой матерью» (Шэн му). В роли чадоподательницы повсеместно выступала и буддийская богиня Гуань-инь. Знаменитый даосский маг Чжан-сянь был обожествлен как податель и защитник мужского потомства. Имелась и группа божеств, которым вверяли детей на попечение. Большой популярностью пользовалась также триада «счастливых звезд»: божества счастья, чинов и долголетия.

Особая группа божеств-покровителей в Китае представлена божественными патронами всевозможных ремесел и наук. Своих патронов на небесах имели решительно все профессиональные группы китайского общества, начиная с чиновников, поклонявшихся покровителю учености и литературы Вэньчану, и кончая нищими и ворами. Разумеется, для крестьян наибольшее значение имели божественные покровители земледелия и шелкоткачества. Покровительница мореплавания Тянь-хоу со временем стала популярнейшим божеством всех жителей юго-восточного побережья Китая. Имелось в китайском фольклоре и обширное семейство богов болезней, возглавлявшееся Святым повелителем болезней (Бинфу шэнцзюнь). Как защитник от недугов повсюду чтился и покровитель медицины Яо-ван, или Владыка лекарств. Сложилась в Китае и такая необычная категория богов-покровителей, как боги богатства, имевшие множество ликов. На севере божество богатства обычно представляли в образе мусульманского купца из западных стран, в Юго-Западном Китае — в виде чиновника с темным лицом, а в восточных районах страны — в образе пяти удалых молодцов. Фольклорная традиция наделила бога богатства множеством символических атрибутов, среди которых мы встречаем «лошадь, нагруженную сокровищами», пришедших из архаической

мифологии трехлапую жабу и братьев-близнецов, различных служащих «департамента богатств» в Небесной канцелярии вроде Небесного чиновника, дарующего доходы, и т. п.

Традиционная китайская демонология являла картину не менее внушительную, чем бесчисленный сонм Небесной канцелярии. В быту китайцев она имела, пожалуй, еще большее значение, ибо если к божествам китайцы обращались больше от случая к случаю, то нечистая сила, по их представлениям, денно и ночью угрожала человеку.

В народном сознании к разряду злых духов относились прежде всего неупокоенные, или сиротские, души тех умерших, кои не имели своего места в родовом древе, например мальчиков или незамужних девиц. Таковы же были души тех, кто умер на чужбине или насильственной смертью и не был должным образом погребен, в том числе утопленники, повесившиеся, пораженные молнией и т. д. В народе их обычно называли голодными демонами. Этот образ пришел из буддийской традиции, но в китайском фольклоре был переосмыслен: если в буддизме состояние голодного духа рассматривалось как наказание за грехи, то в Китае оно оказалось больше связанным с представлением о том, что обитатели загробного мира нуждаются в подношениях живых. Демонов китайца представляли человекоподобными существами с телом, покрытым шерстью, с остроконечной головой, рыжими волосами и темным лицом, нередко лишенным какой-нибудь части — носа, одного глаза, губ или подбородка. Бытовали поверья, что бесы, стараясь досадить людям, дышат на них тлетворным духом, плюются холодной слюной, стучат в стены домов, по-разбойничьи свистят или смеются демоническим смехом. Считалось, что демоны рыщут всюду и способны принимать самый разный облик. Фольклор китайцев изобилует рассказами о духах камня или дерева,

которые, обернувшись девушкой или юношей, соблазняют молодых людей противоположного пола. Широко распространены были поверья о горных демонах, смахивающих на обезьяну одноглазых, одноруких и одноногих карлика с вывернутой назад ступней. Горные демоны насылали лихорадку, соблазняли женщин и вообще старались причинить людям как можно больший вред. Оборотнями считали в Китае и лис, которые, как верили, могли превращаться в обольстительных женщин и причинять немалые неприятности мужчинам. Демонические свойства китайцы приписывали также волку, тигру, некоторым реальным и фантастическим птицам, а также пяти гадам (паук, змея, жаба, скорпион, сороконожка или ящерица). Воплощением вредоносной стихии слыли и некоторые небесные светила, например звезда Тайсуй, отождествлявшаяся с Юпитером. Семь созвездий западной части неба считались прообразом кровожадного демона Белого тигра, пожирателя младенцев. Другой небесный демон, известный под именем Небесного пса, насылал солнечные затмения и тоже охотился за детьми.

Насколько велик был легион бесов, настолько же был обширен и арсенал средств, позволявших рассеять его. По всему Китаю верным средством защиты от злых духов слыли яркий свет и громкий звук, декламация сутр и плевóк, ветви персика или ивы, полынь, побеги бамбука, разноцветные шелковые шнуры, петухи и коты, кровь собаки, зеркало и меч, изображение тигра, древесный уголь, земля из могилы или гвоздь из гроба, древние монеты, кусочки яшмы, плотницкий отвес, обрывки рыболовной сети и пр. Защищали от злых духов и каменные экраны у ворот домов, и специальные камни-обереги, возвышавшиеся в начале улиц. Разумеется, широко применялись и всевозможные заклинания. Чтобы отвести нечисть, в домах вывешивали изображения заклинателей демонов — грозного

владыки бесов Чжункуня, размахивающего своим длинным мечом, даосского святого Чжана — Небесного учителя, сидящего верхом на белом тигре, и др. Злых духов старались не только запугать, но и умиротворить подношениями. Но если богам приносили жертвы на алтарях в домах или храмах, то угощение для голодных демонов выставляли в открытом месте и прямо на земле. Богов чествовали персонально в дни их рождения, безликих же демонов поминали всех вместе в праздник голодных духов в середине седьмого месяца по китайского календарю.

Не следует забывать о различиях в общественной роли душ предков и божеств: первые покровительствовали только своим потомкам, вторые защищали интересы всех жителей округа. Среди прототипов локальных богов и богинь мы встречаем большей частью анонимных, не своей смертью погибших или бездетных мужчин, а также незамужних женщин. Иными словами, прообразами локальных божеств выступали именно сиротские души, способные взять под защиту всех местных жителей. Помещенная в хронике XVII в. запись позволяет судить о некоторых типичных образах деревенского покровителя, носившего в данном случае имя Лэй-гун. Запись эта гласит: «Лэй-гуна звали Сян, и неизвестно, что это был за человек. В старых книгах сказано, что это местный бог. При жизни был честен и прям душой, умел врачевать, был искусен в гончарном деле. Когда умер, стал духом. Жители тех мест однажды увидели, как он шел по полю: мохнатые брови, одухотворенный лик, лазурное одеяние — весь он был похож на небожителя. С тех пор люди стали ему поклоняться, и о чем бы ни попросили его, все всегда сбывалось...»

В китайской религии общение людей с богами осуществлялось главным образом посредством жертвоприношений. Считалось, что божества поглощают тонкие, духовные свой-

ства жертвенных явств, тогда как людям доставалась материальная сторона даров. Во многих районах Китая, особенно на юге, сохранялись пережитки древних шаманистских верований: существовали шаманки и особые прислужники богов, так называемые божьи мальчики, которые умели впадать в транс и изрекали предсказания.

Картина религиозной жизни китайцев была бы неполной без упоминания о синкретических сектах. Эти секты возникли в эпоху позднего средневековья как продукт обновленческих движений внутри традиционных религий. Вожди их проповедовали единство трех религий Китая, а позднее также христианства и ислама, совпадение религиозной святости и мирской морали (вследствие чего они отвергали институт монашества), а также скорое пришествие мессии и наступление новой мировой эры. Последнее обстоятельство сделало секты объектом преследований со стороны властей, но, несмотря на постоянно усиливавшиеся гонения, традиция такого рода синкретических, светских религий со временем распространялась все шире в китайском обществе. Одним из главных отличительных признаков сектантской традиции стал культ Нерожденной Праматери (Ушэн Лаому), сотворившей мир и людей. Статус человечества в учении сект определялся мифом о 96 (или 96 млн.) «изначальных сыновей» Нерожденной Праматери, посланных ею на землю для устройства цивилизации. На земле эти «изначальные сыновья» впали в грех, но благодаря беспредельному состраданию Нерожденной Праматери все верующие в нее со временем будут спасены и вернутся в рай, который именуется в литературе сектантов то

заоблачным градом, то просто родной деревней.

Деятельность синкретических сект, или, как их теперь называют, новых религий, приобрела особенно широкий размах в нынешнем столетии. Конкретным примером современной секты может служить секта Святого учения небесной добродетели (Тяньдэ шэнцзяо), основанная в 30-х годах XX в. Высшее положение в пантеоне этой религии занимает триада божеств: Нерожденная Святая мать, Верховный владыка небес и божество по имени Единое Дыхание, которое 36 раз являлось миру в облике легендарных императоров, основателей мировых религий и различных святых. По традиции религиозная практика в Тяньдэ шэнцзяо разделялась на подвижничество внешнее, означавшее совершение предписываемых сектантам добрых дел, и подвижничество внутреннее — особый способ медитации. Каждая община в секте имела свой моельный дом, так называемый сиятельный зал, где в качестве главной реликвии выставлялся кусок некрашеного шелка, именовавшийся сиятельной тканью. Помимо отказа от поклонения образам, другой характерной чертой обрядности сект было получение откровений от богов через посредничество медиумов.

В заключение отметим, что традиционные религии китайцев обнаруживают и в наши дни необыкновенную живучесть, что и не удивительно, ведь они неразрывно связаны со всеми сторонами китайской культуры. Так, на Тайване, в Гонконге, в Юго-Восточной Азии традиционные формы китайской религии успешно вписались в жизненный уклад капиталистического общества. В последние годы наблюдается бурное их возрождение и в Китайской Народной Республике.

КОРЕЙЦЫ

Еще недавно на многих картах, посвященных распространению религий в современном мире, Корею относили к числу буддийских стран. Однако подобное определение в значительной мере относительно. Сейчас все чаще говорят о безрелигиозности корейцев, а также о синкретизме их воззрений. В конце XIX—начале XX в. известный американский ученый-кореевед Х. Хальберт писал, что по традиции кореец в общественной жизни чаще всего приверженец конфуцианства; он буддист, когда философствует; верит в духов, когда у него несчастье. В XIX—XX вв. этот религиозный синкретизм значительно обогатился за счет распространения различных направлений христианства, идеологии новых религий, а в наши дни даже и учения ислама (в Республике Корея). Не случайно социологи и религиоведы Республики Корея, определяя ситуацию в стране, замечают, что в современной корейской семье мать может присутствовать на камлании шаманки, сын или дочь ходить в буддийский храм, а невестка предпочитает слушать проповеди протестантского священника. Подобный религиозный синкретизм — результат длительного историко-культурного развития Кореи, его истоки восходят к первым векам нашей эры.

Что же касается безрелигиозности корейцев, то и для подобного утверждения есть основания; например, в Республике Корея в 1983 г. лишь 39,29% от общего числа населения признали себя верующими, приверженцами той или иной религии.

Свидетельства о древних религиозных представлениях корейцев, об их мифах и преданиях сохранились в корейских и китайских хрониках.

Древнейшими из дошедших до нашего времени корейских летописей являются: сочинение известного корейского историографа и полити-

ческого деятеля периода средневековья Ким Бусика «Самгук саги» («Исторические записи Трех государств», 1147 г.) и труд буддийского монаха Ирёна «Самгук юса» («Забытые деяния Трех государств», XIII в.). Согласно мифу, записанному в «Самгук юса», первопредком корейского народа, основателем корейского государства Древний Чосон был Тангун, рожденный женщиной-медведицей. В мифе рассказывается о том, что некогда сын Небесного правителя Хванун спустился на Землю. В это время на Земле в пещере жили тигр и медведица. Они обратились к Хвануну с просьбой превратить их в людей. Хванун согласился, но тигр и медведица должны были выполнить его условия. Хванун дал им по пучку чудодейственной полыни и по 12 головок чеснока. Он повелел тигру и медведице спрятаться в пещере и в течение ста дней не видеть солнечного света. Тигр не смог выдержать испытания и навсегда остался зверем, а медведица через 21 день превратилась в прекрасную женщину. Женщине-медведице не за кого было выйти замуж, поэтому она молилась Хвануну под сандаловым деревом, прося ниспослать ей ребенка. Тогда Хванун изменил свой облик и женился на ней. Женщина-медведица родила сына, которого нарекли Тангуном. Тангун стал повелителем всех древнекорейских народов, а в 2333 г. до н. э. основал государство Чосон — Страну Утренней Свежести. С мифической даты основания Тангуном государства Древний Чосон в Корее в прошлом велось традиционное летосчисление. «День рождения» Тангуна — 3-й день 10-го лунного месяца — был календарным, традиционным праздником корейцев.

Миф о Тангуне оказал огромное влияние на корейскую культуру. Существует легенда о том, что древнекорейский художник Сольго, жив-

ший в VI в., нарисовал лик Тангуна, после того как дух первопредка явился ему во сне. Тангуну посвящались поэмы и исторические хроники. В начале XX в., в период национально-освободительной борьбы корейского народа, возникла секта Тангуна, которая позднее стала называться Тэчхонгё («учение великого неба»). Тангун был символом древней и самобытной культуры корейского народа, знаменем национального самосознания.

Корейская мифология — это сложное и многогранное явление. Для нее характерно большое разнообразие мифологических сюжетов. Как и у всех народов мира, значительный пласт в мифологии корейцев составляют мифы о животных. Здесь и мифы о русалках, вскармливающих своих детенышей среди волн морской пучины; о змеях, о драконах, о фантастическом животном — кирине — символе счастья; о лисицах, принимающих облик то красивых девушек, то древних и страшных старух. Среди корейских мифов мы находим повествования о происхождении небесных светил. Вот один из них. Некогда на земле жила бедная женщина, у нее было четверо детей. Однажды, когда мать ушла в лес, на дом напал тигр. Он съел самого младшего из детей. Трое старших, спасаясь от тигра, выбежали из дома, взобрались на дерево, а затем поднялись на небо, где превратились в небесные светила: Солнце, Луну и звезду. Согласно одному из мифов солнечные и лунные затмения происходят оттого, что Солнце и Луну пожирают огненные собаки, слуги правителя Страны Мрака.

Некоторые мифы повествуют о появлении первых людей на Земле. В одном из них рассказывается о том, что первые три человека появились на о. Чечжудо вслед за сильным землетрясением из пещеры на северном склоне горы Халласан. Богата корейская мифология и сюжетами, которые объясняют происхождение

тех или иных географических названий, появление фамилий, родовых наименований, личных имен. Помимо исконно корейских сюжетов, значительное место в корейской мифологии занимают мифы, связанные генетически с буддизмом, конфуцианством и даосизмом, но получившие в Корее своеобразную местную окраску. Большой раздел корейской мифологии составляют мифы о культурных героях, «основателях» государств. Многие из этих мифических героев прославляются не только как «основатели» древнекорейских государств, но и как прекрасные табунщики и стрелки из лука (Тонмён-ван, Чумон), добродетельные мужи (Пак Хёккосе, Ким Суро).

Мифы — составная часть древнейших шаманских верований корейцев. В основе корейского шаманства — почитание Неба (Ханьль), от которого исходят все блага земные: произрастание злаков, созревание посевов, избавление от болезней и т. п. При засухе, продолжительных ливнях и наводнениях, при нашествии саранчи и других народных бедствиях, чтобы умилиستивить Небесного владыку, по всей стране совершались в его честь многочисленные жертвоприношения. Примечательно, что в этих случаях инициатива, как правило, исходила от правительства, которое поручало исполнение обрядов местным властям.

Древнейшие верования корейцев оказались запечатленными в древнекорейском искусстве, например в настенной живописи древнекогурёских гробниц (IV—VII вв.). Об астральных культах свидетельствуют изображения Солнца, Луны, созвездий, особенно созвездия Большой Медведицы. Поклонялись древние корейцы и духам четырех сторон света (сасин): черепахе, обвитой змеей (символ Севера), голубому дракону (символ Востока), белому тигру (символ Запада), красной птице (символ Юга). Из изображения — излюбленные сюжеты древнекогурёской

живописи. Встречаются в живописи и изображения шаманов.

Корейцы одухотворяли всю видимую природу, населяя ее многочисленными духами. По сохранившимся к началу XX в. представлениям эти духи наполняли землю, воздух и море, обитали на каждой крыше, в каждом очаге, в каждом уголке жилища. Полагали, что они сопровождали человека всю жизнь, от их расположения зависело якобы все его благополучие. Чтобы обеспечить их покровительство, корейские семьи периодически (каждые два или три года) совершали специальные обряды с благодарственными приношениями домашним духам; подобные обряды могли быть и эпизодическими (при рождении ребенка, в случае болезни, несчастных случаев). Для общения с духами приглашали шамана (*паксу*) или женщину-шаманку (*мудан*), которые за определенную плату произносили заклинания, читали молитвы и приносили жертвы. С просьбой о рождении детей, с мольбой об их здоровье поклонялись духам Семи звезд Большой Медведицы.

Еще недавно на околицах корейских деревень устанавливались особые столбы, охранявшие от злых духов. В некоторых селениях на коньках крыш, дверных косяках, амбарах и поныне можно увидеть амулеты-обереги. Особое место в народной религии занимает культ гор, поклонение Горному господину, а также тигру. В народных верованиях тигр — не только божество, но и носитель высоких нравственных понятий, он умеет различать добро и зло, добродетель и порок, тигру доступна жалость, с помощью чудесной силы тигр может противостоять бедствиям, злым духам и болезням. Иногда корейцы почитали тигра как само Горное божество, а иногда как его спутника и слугу. В древних верованиях корейцев важнейшую роль играл культ предков, сложившийся задолго до проникновения конфуцианства.

За многие века своего существова-

ния шаманство пустило глубокие корни и не утратило своего влияния даже тогда, когда на Корейский полуостров поочередно проникали, превращаясь в официальные религии, буддизм и конфуцианство. Они не только не смогли победить шаманство, но, напротив, заимствовали у него многие элементы. В свою очередь, и буддизм, и конфуцианство воздействовали на древние религиозные представления, так что корейское шаманство постепенно превратилось в сложное сочетание шаманского культа и ритуала с буддийскими и конфуцианскими понятиями. В конце XIX в., когда официальной религией в Корее считалось конфуцианство, а шаманство было распространено преимущественно среди народных масс, шаманские представления тем не менее подчас торжествовали и над конфуцианством, и над буддизмом, а люди, исповедовавшие эти религии, а позднее и те, кто принял христианство, нередко совершали чисто шаманские обряды. Элементы шаманского культа сохраняются среди корейцев и в наши дни.

На протяжении многих веков народные религиозные воззрения и обряды корейцев были важнейшей темой жанровой живописи, а также своеобразных корейских лубков, которые использовались как амулеты-обереги во время многих календарных праздников (например, Новый год, праздник лета — Тано), важнейших семейных обрядов, при камлании шаманок. Популярны народные картины с изображением тигра, трех духов-покровителей, символов счастья и долголетия, к которым относятся черепаха, журавль, олень, горы, сосна, бамбук, солнце.

В IV—VI вв. в Корею проник буддизм — одна из древнейших мировых религий. В этот период на территории Корейского полуострова существовало три государства: Когурё, Пэкче и Силла (I в. до н. э. — VII в. н. э.). Первыми познакомились с буддизмом жители государства Когурё, когда в 372 г. буддийский проповедник Сундо

привез в столицу Когурё — город Пхеньян — изображения Будды и канонические тексты. Спустя два года в Пхеньяне уже было построено девять буддийских храмов. В Пэкче буддизм проник в 384 г., а в государство Силла — в 528 г. В корейских государствах утвердился буддизм направления Махаяна («Большая колесница»). Своего наивысшего расцвета в Корее буддизм достиг в X—XIV вв., в эпоху правления династии Корё (918—1392 гг.), когда он стал государственной религией. В этот период были известны пять сект махаянистского толка, девять сект дзэн (корейское *сон*)-буддизма.

Буддизм оказал огромное влияние на развитие корейской культуры — философии, книгопечатания, живописи, архитектуры, скульптуры, музыки. Всемирную известность получили буддийские храмы: Пульгукса (основан в 751 г.), пещерный храм Соккурам (окрестности древней столицы государства Силла — г. Кёнджу), храм Похёнса (основан в X в.). Построенный корейскими мастерами еще в период правления династии Корё, небольшой буддийский храм Похёнса затерялся далеко в горах Мёхянсан. Массивные ворота, древние каменные стены, стройные пагоды, открытые павильоны и храмы с богатыми скульптурами, изогнутые крыши строений и чуть позванивающие на ветру бронзовые колокольчики. Сколько пережил этот храм за многие столетия, сколько войн и пожаров пронеслось над ним?! Не пощадили его и американские бомбы во время войны 1950—1953 гг. Но снова и снова приходили сюда мастера — художники, скульпторы, архитекторы, строители, каллиграфы — и возрождали это чудо у подножия высоких гор. Велик вклад и современных мастеров-реставраторов КНДР, вернувших жизнь храму Похёнса. И вновь горят яркими, сочными красками радуги росписи на стенах, на колоннах, на потолочных перекрытиях; летят среди звезд и цветов

небесные феи; преграждают путь всему темному и недоброму сердитые, но не злые стражи четырех сторон, облаченные в ярко-красные одежды. Красота этого храма, его удивительная гармония с окружающими горами, его бесценные сокровища (сегодня Похёнса — и храм, и музей традиционной культуры Кореи) надолго запоминаются посетителям.

Шедевром мировой буддийской скульптуры по праву считается образ Будды — будущего Майтрейи (корейское *Мирык*), которого мастера древнекорейских государств Когурё и Пэкче изображали в виде прекрасного юноши, погруженного в глубокое раздумье о судьбах человечества. Высокой духовностью и внутренней красотой отличаются эти скульптуры.

Утверждение буддизма способствовало дальнейшему распространению в Корее иероглифической письменности да и вообще утверждению искусства письма, освоению техники ксилографической печати с помощью деревянных блоков-клише. В 1966 г. в храме Пульгукса был найден фрагмент свитка (бумага), на котором была напечатана Дхарани-сутра («Сутра чистого света»). По мнению ученых, этот свиток был отпечатан в конце VII — начале VIII в., т. е. примерно за 700 лет до появления первых печатных оттисков в Европе. Следовательно, уже в раннем средневековье зародились и сформировались принципы, основы культуры корейской печатной книги, высокого искусства изготовления бумаги. С этого времени и затем на протяжении многих веков Корея славилась в Восточной Азии высочайшим качеством своей бумаги, центрами производства которой еще в начале XX в. были буддийские монастыри. В эпоху правления династии Корё корейское искусство ксилографии продолжало совершенствоваться. В 1013 г. на деревянных блоках был вырезан свод буддийских трактатов «Трипитака» («Три корзины»). Во время монгольского наше-

ствия эти блоки были сожжены. Однако корейские мастера, укрывавшиеся от захватчиков на о. Канхвадо, в XIII в. за 16 лет восстановили эти блоки. Содержание «Трипитаки» было вырезано на 81 137 досках. На каждой доске текст вырезан с двух сторон; на каждой стороне 22 столбца — ряды иероглифов, в каждом ряду — по 15 знаков. Общее число знаков превышает 50 млн. Этот уникальный памятник буддийской культуры, именуемый сегодня «Трипитака Кореана», хранится в храме Хэинса (близ г. Тэгу). «Трипитака Кореана» оказала огромное влияние на развитие буддийской философской мысли в Китае и Японии. В ходе создания килографических досок для печатания буддийской и светской историографической литературы корейские мастера в XII—XIII вв. изобрели подвижный металлический шрифт.

В конце XIV в. буддийские монастыри активно участвовали в сепаратистских движениях. Вот почему правители пришедшей в 1392 г. к власти новой династии Ли повели с буддийской церковью ожесточенную борьбу. Буддисты были изгнаны с государственной службы, многие монастыри потеряли свои земельные наделы. Буддизм перестал быть государственной религией. Однако влияние буддизма продолжало сохраняться. Немало элементов буддизма стало составной частью шаманских ритуалов. Исследователи народных верований корейцев отмечали, что еще в начале XX в. женщины, желавшие родить сына, молились у алтаря в доме шаманки, где нередко можно было увидеть статую Будды. А в буддийских храмах помещались алтари Горного божества и духов Семи звезд Большой Медведицы. До наших дней сохраняются народные календарные обычаи и обряды, связанные с праздником Дня рождения Будды (8-е число 4-го лунного месяца) и Праздником фонарей. В наши дни и в Республике Корея, и в КНДР немало делается для восстановления и сохра-

нения памятников буддийского искусства, для возрождения храмов, пагод, колоколов, сокровищниц буддийских библиотек и музеев, в которых справедливо видят примеры выдающихся достижений, шедевры древнего самобытного многовекового культурного наследия корейского народа.

В Республике Корея буддисты — самая значительная группа среди верующих, в 1983 г. их насчитывалось 7,5 млн. человек. Статистика на 1983 г. зафиксировала 53 буддийские секты, среди которых самыми значительными являются чоге, тхэхо вонбульге, дзэн-буддизм. По традиции буддийская церковь связана с просвещением, большой известностью пользуется буддийский университет Тонгук.

В середине VII в., в период Трех государств (Когурё, Пэкче, Силла), в Корею из Китая проник даосизм. На заключительном этапе существования государства Когурё (VII в.) отмечается кратковременное возвышение даосизма, который наряду с буддизмом и конфуцианством должен был стать, по мысли правящих кругов, третьей опорой государства. Последняя, столь же непродолжительная, вспышка усиления влияния даосизма отмечена в Корею в период правления династии Корё. Геомантические мистико-религиозные представления даосского учения, ассимилировавшего местные культы, некоторые буддийские и конфуцианские идеи, вошли в арсенал корейского даосизма. Даосизм оказал заметное влияние на развитие некоторых сторон корейской культуры.

Религиозная жизнь Кореи на протяжении почти двух тысячелетий не может быть понята без учета такого мощного идеологического фактора, как конфуцианство, которое зародилось в Древнем Китае и стало проникать в Корею уже в первых веках нашей эры. Конфуцианство на целые исторические эпохи было непреходящим идеологическим фоном всей истории страны, особенно с XV в. вплоть до начала XX в. Главное в кон-

фуцианстве — это проповедь уважения к установленному Небом порядку на Земле. Согласно конфуцианским догмам это распространялось не только на отношения подданных и государя, но и на отношения между людьми в обществе и семье (строгое соблюдение общественной и семейной иерархии). В условиях Кореи конфуцианство, будучи этико-политическим учением, стало и государственной религией. Господствующее положение в идеологии заняло неоконфуцианское учение китайского философа Чжу Си (1130—1200), которое начало распространяться в Корее еще в XIII в. Это учение абсолютизировало феодальный строй, оно утверждало законы отношений между людьми. Важнейшее значение придавалось сословно-иерархической системе, обязательному как для правительства, так и для подданных исполнению долга и справедливости в отношениях друг с другом. Учение Чжу Си призывало и к повиновению, и к уважительному отношению к человеческому разуму, вниманию к стоявшим перед обществом насущным проблемам. В округах и уездах в период правления династии Ли возникали в большом числе конфуцианские храмы славы (*совон*). Они создавались в честь кого-либо из знаменитых предков и стали крупнейшими центрами конфуцианской идеологии. Храмы славы получали от феодалов много государственных земель. Для подготовки конфуцианских кадров открывались многочисленные школы. В совонах весной и осенью совершались традиционные обряды конфуцианских учеников. Наряду с совонами в период правления династии Ли создавались *ханъяки* (досл. «местные объединения»), которые были призваны следить за соблюдением конфуцианской общественной морали. В конфуцианских храмах почитались не только Конфуций, знаменитые конфуцианцы Китая, но и выдающиеся деятели древней и средневековой Кореи. В конце XIX — начале XX в.

храмы славы и местные объединения играли огромную роль в национально-освободительном движении корейского народа.

Конфуцианская идеология оказала огромное влияние на семейную обрядность корейцев, на утверждение культа предков. Еще в начале XX в. в каждой семье имелись алтари с табличками, на которых писались имена умерших предков; тщательно соблюдались поминальные обряды по недавно умершим прямым предкам, особенно в период траура; ежегодные обряды по предкам четырех поколений; сезонные обряды по всем родовым предкам. В Республике Корея в наши дни обряды почитания предков проводят около 90% населения, причем в них участвуют и корейцы, ныне исповедующие христианство (католики и протестанты), а также сторонники новых религий.

В конце XVIII в. в Корею стали проникать христианские миссионеры, усиленно распространявшие свое учение в форме католицизма. В условиях тяжелого гнета и произвола эта религия некоторое время находила благодатную почву среди крестьян, особенно в южных провинциях страны, более других страдавших от феодальной эксплуатации. Немало сторонников христианство обрело и в кругах феодалов и чиновников, находившихся в оппозиции к правящей группировке. Однако последователи христианства подвергались гонениям властей, видевших в новом вероучении угрозу господствовавшей в стране конфуцианской идеологии. К концу XIX в. в Корее насчитывалось менее 30 тыс. корейцев-христиан.

В 80-х гг. XX в. в Корее начали свою деятельность протестантские миссионеры. Сегодня в Республике Корея протестанты по числу приверженцев занимают второе место после буддистов.

В конце XIX — начале XX в. в Корее, как и в некоторых других странах Востока, возникают так называемые новые религии. Наиболее значи-

тельной из них является религия Тонхак («Восточное учение»), созданная в 1859 г. Чхве Джеу в противовес западному учению — христианству. Суть учения Чхве Джеу, признававшего некоторые элементы конфуцианского канона, буддизма и даосизма лишь в качестве частичных истин, сводилась к призыву создать «царство божье на Земле» усилиями равных перед Небом и между собой людей, не ждущих вмешательства небесных сил в свою борьбу с тиранией всякого рода. Лозунги Тонхак

явились религиозной оболочкой крестьянского движения 1893—1894 гг. В 1904 г. организация Тонхак распадается на несколько новых сект. Самой влиятельной была и остается Чхондогё («Учение небесного пути»). Ее лидеры проповедовали ненасильственные методы борьбы со злом. В том же году из рядов Тонхак выделилась также секта Сичхонгё («Культовый служения Небу»). Приверженцев этих новых религий, а также вновь возникающих религиозных организаций немало в Республике Корея.

Японцы

Современную Японию трудно представить себе без огромных городов и скоростных экспресов, без небоскребов и компьютеров, но еще труднее представить себе Японию... без храмов. Их очень много, они встречаются почти на каждом шагу, то неожиданно возникая в тени густого парка, то возвышаясь над маленькими домиками жилого квартала. Одни из них небольшие, под дранковой крышей, другие величественные, сверкающие позолотой и красным лаком. Дорогу к одним указывают лишь каменные фонарики и деревянные арки — тории, выкрашенные в красный цвет и имеющие форму буквы «П», другие же видны издали: тяжелые фигурные крыши, громадные ворота, многоярусные пагоды. И внутри все по-разному: в одних нет никаких изображений, а лишь висит толстый соломенный жгут с прикрепленными к нему полосками бумаги, в других, наоборот, в изобилии изображения божеств и обязательна фигура Будды, восседающего на цветке лотоса. Совсем непохоже молятся люди в этих храмах: подходя к одним, хлопают в ладоши, желая привлечь внимание богов, около других смиренно склоняют голову к соединенным перед грудью ладоням.

Эту разницу заметит каждый и, подивившись, решит узнать, приверженцами каких религий они построены? Как уживаются вместе эти столь разные религии? И если в стране так много храмов, то сколько же должно быть верующих? Ответ на последний вопрос наверняка ошеломит его. Ведь, как полагают сами японцы, верующих в стране почти в 2 раза больше, чем все ее население! Однако этот на первый взгляд курьезный факт — чистая правда. Япония — это страна, где на протяжении веков мирно сосуществовали две религии — синто и буддизм, и японцы исповедовали обе.

Религия синто закрепила за собой радостные события в жизни человека. Новорожденного малыша обязательно несут в синтоистский храм, чтобы представить местным богам. А весной и осенью у храмов можно увидеть свадебные процессии: свадьба — тоже сфера влияния синтоизма. С синто связаны и народные празднества: подготовка к полевым работам и сбор урожая, охрана благополучия и достатка семьи, а также обряды начала какого-либо важного дела: строительство дома или плотины, спуск на воду нового судна.

Печальные же события были отданы буддизму. Именно по буддий-

ким канонам проводятся похороны и поминки. А уход за кладбищами — источник доходов многих буддийских храмов.

Синто — это исконная японская религия, название которой означает «путь богов». Возник синто из местных культов природы, поклонения родовым божествам, из древних шаманских и колдовских обрядов. В основе синто лежит культ предков, идея сыновней почтительности. Предки и потомки связаны воедино незримой нитью, и только помня о своих предках, поклоняясь их духам, человек обретает достойную жизнь и оправдывает свое появление на свет, учит синто.

Согласно синто весь мир населен божествами — *ками*, которые живут во всех предметах и явлениях: есть свои *ками* у горы и ручья, у радуги после дождя, у старой сосны, у домашнего очага и даже у придорожного камня. И душа человека после смерти тоже становится божеством — *ками*.

Ками в Японии очень много. Есть среди них малоизвестные, о которых знают и которым поклоняются жители только одной деревни или даже члены одной семьи. А есть популярные *ками*, и храмы, посвященные им, можно встретить по всей стране.

Практически каждый синтоистский храм имеет свою группу мифов, в которых повествуется о событиях, связанных с его возникновением, о божествах, покровительствующих этой местности, о легендарных и исторических героях, жизнь которых так или иначе соприкасалась с данным храмом.

В синто вообще нет каких-либо священных книг, содержащих нравственные заповеди или регламентирующих нормы поведения. Мифы, легенды, предания, обрядовые предписания одной местности или храма могут быть совершенно неизвестными и необязательными для соседних. Вместе с тем в Японии существует и такой свод мифов, который

является единым для всего синто и в общей форме известен каждому. Эти мифы были записаны в книге «Кодзики», что значит «Записки о делах древности» (начало VIII в.). Книга повествует об эре богов на японской земле, о том, как боги создали Японию, о том, как управляли страной. Исторически «Кодзики» охватывают огромный период, и последние главы книги больше напоминают династические хроники, в которых действуют реальные исторические лица — японские императоры V—VII вв.

Согласно мифам «Кодзики» сначала был хаос, похожий на океан масла или на яйцо, содержащее еле различимый зародыш. Потом из хаоса стали рождаться боги. Так родилось семь божественных пар. Но только восьмой была отведена важная роль. Это были боги Идзанаги и Идзанами. По приказу небесных божеств они встали на «плывущий небесный мост» и опустили в море хаоса копьё, украшенное драгоценностями. Боги размешивали жидкость до тех пор, пока она не загустела. Тогда они выдернули копьё, и капли с него упали обратно, образуя острова причудливой формы. Так, рассказывают мифы, появилась Япония.

Потом Идзанаги и Идзанами спустились на землю. От их союза родились еще острова и множество, множество божеств. Все шло благополучно, пока Идзанами не родила бога огня. Пламя опалило ее, и богиня умерла. А умерев, попала в Страну Мрака. Идзанаги поспешил за супругой, желая вырвать ее из царства смерти. Но Идзанами, рассерженная тем, что муж увидел ее безобразное разлагающееся тело, наслала на него ведьм. Идзанаги обманул преследовательниц и возвратился на землю. Вернувшись, он умылся в водах чистой реки, и тогда из его левого глаза родилась богиня солнца Аматэрасу — «небесное сияние», из правого — бог луны Цукиёми, а из носа — бог Сусаноо, впоследствии повелитель морской стихии.

Когда на земле родились последние боги, Аматаэрасу сразу заняла свое место на небе. Сусаноо же должен был отправиться в дальние края. Но недовольный своей участью, он явился к сестре и под предлогом прощения натворил в ее хозяйстве массу бед: разрушил ячейки рисовых полей, осквернил жилище, обидел небесных ткачих. И вот тогда разгневанная богиня удалилась в Небесный грот, и в тот же миг свет покинул землю, и исчезло чередование дня и ночи. Боги были обеспокоены этим происшествием. Они собрались перед входом в грот и решили обманом выманить богиню Солнца. Но все их попытки были безуспешны. Наконец одна из богинь — Амэ-но Удзумэ забралась на перевернутый чан и начала отплясывать на нем. Чан гремел от ударов ее ног, а весь танец сопровождался неистовыми криками богов. Войдя в экстаз, богиня сбросила с себя одежду, и боги разразились громовым смехом. Аматаэрасу не в силах более бороться со своим любопытством решила посмотреть: что же так веселит богов, в то время когда она, богиня Солнца, удалилась в Небесный грот, и она выглянула наружу. В тот же миг самый сильный из богов — Небесный силач схватил Аматаэрасу за руку и вытащил из грота. Так в мир снова вернулось солнце и тепло.

У солнечной богини было много потомков. И как повествуют «Кодзики», своего правнука Ниниги-но микото она отправила управлять Японией. А его праправнук, император Дзимму, был первым земным императором на японском троне. Так японская мифология пыталась объяснить, что японские императоры — это потомки богини Солнца.

В середине VI в. правитель одного из корейских государств Пэкче прислал в дар японскому императору несколько буддийских сутр и изображение основателя буддизма Сакья Муни. С этого времени и ведется официальный отсчет истории буддизма в Японии, хотя, конечно, идеи этой

новой для японцев религии проникали сюда и раньше, а сам процесс утверждения буддизма на японской почве был очень длительным.

Первоначально буддизм считался религией придворной верхушки и как государственная религия сложился лишь в X—XI вв. В Японии существовало несколько буддийских сект, но самыми известными и почитаемыми были секты Тэндай и Сингон.

Тэндай сделала первую попытку объединить все известные ранее в буддизме школы и направления. Особое внимание уделялось так называемой сутре Лотоса, согласно которой любой человек, кем бы он ни был, может достигнуть просветления — нирваны и стать Буддой. Приверженцы секты Тэндай почитали множество божеств, будд и бодхисаттв. И в наши дни Тэндай продолжает оставаться одной из крупнейших буддийских сект.

Другая секта — Сингон — считала, что есть два учения: одно — для простых верующих, другое — для избранных, т. е. для тех, кто уже прошел определенную часть пути к своему совершенству. Вся Вселенная, учит Сингон, — это не что иное, как тело Будды, которое состоит из воды и огня, земли и воздуха, сознания и эфира. Будда присутствует во всем, что есть на Земле, и даже в сознании. А мысли и поступки людей исходят от Будды, ведь это его мысли и поступки. И лишь человек, глубоко осознавший это, может достичь просветления. Как и у секты Тэндай, приверженцев Сингон и сегодня в Японии довольно много.

Благодаря буддизму в Японии были созданы удивительные произведения архитектуры и искусства. Замирает сердце при виде величественной фигуры будды Вайрочана (по-японски «Дайнити») в г. Нара, высота которой достигает 16 м. Именно с буддизмом, с такой его разновидностью, как дзэн, связано в Японии появление искусства философских садов и чайной церемонии.

Дзэнские сады были проникнуты идеей созерцания природы и единения с ней. Природа воспринималась как воплощение истины Будды и бесконечности времени и пространства. Далеко за пределами Японии известен сегодня сад монастыря Рёандзи в г. Киото — сад пятнадцати камней. Этот сад обладает почти гипнотической силой воздействия, хотя в нем практически ничего нет. На небольшой площадке, засыпанной белым гравием, расположено пять групп камней, разных по величине и форме. Всего их 15, но откуда бы вы ни смотрели на них, вы увидите только 14. Пятнадцатый же, как символ непостижимости и неизведанности, всегда будет скрыт от ваших глаз. В этом саду главное — тишина и покой. Равновесие композиции, доведенное до абсолюта, дает возможность обрести спокойствие духа, сосредоточиться, взглянуть внутрь самого себя, отрешиться от внешнего мира. Каждый думает здесь о своем, познавая свое собственное «я».

Помочь человеку увидеть красивое в обыденном, удивиться хорошо знакомому и привычному ставила своей задачей и чайная церемония. Во время этого удивительного, умиротворяющего действия все приобретало великий смысл: и неровная поверхность чашки (глина шершава — а значит, естественна, а раз естественна — значит, прекрасна), и букет в вазе, и свиток живописи, и неторопливая беседа о красоте лежащей перед гостями чайной посуды — котелка для кипячения воды, коробочки с порошком зеленого чая, бамбукового веничка для взбития чайной массы...

Казалось бы, между синто и буддизмом было мало общего, но с самого начала обе религии спокойно соседствовали друг с другом. Буддийские храмы строились недалеко от синтоистских, а прихожане молились и тем и другим богам. Нередко божества-ками из синто уступали свои исконные функции буддийским святым, а те, в свою очередь, так прижи-

вались на японской почве, что воспринимались японцами как синтоистские. Особенно это смешение заметно в народной традиции — в народных верованиях и мифологии. Например, среди божеств, которым молятся японцы для получения богатого урожая, одинаково почитаемы и синтоистский бог риса Инари, и буддийское мифологическое животное Рюо (санскр. Нага), обладающие чудодейственным свойством вызывать дождь. А бодхисаттва Дзидзо (санскр. Кситигарбха) индийского происхождения стал в народных верованиях одним из наиболее популярных божеств, покровительствующих путникам и детям. Японцы считают Дзидзо почти всемогущим: он может излечить от болезни, уберечь от злых сил, спасти при пожаре и даже дать долголетие. И в наши дни храмы и небольшие кумирни, посвященные Дзидзо, можно встретить и в центре большого города, и на обочине проселочной дороги.

Особой популярностью пользуются в Японии по сей день и семь богов счастья — ситифукудзин. Некоторые из них буддийские, некоторые синтоистские, а некоторые заимствованы из китайских легенд о даосах-отшельниках. В Японии семь богов счастья олицетворяют искренность и удачу, долголетие и достоинство, популярность, великодушие и дружелюбие. Существует представление о том, что боги, собравшись вместе, садятся в лодку, полную риса, золотых монет и драгоценностей, — они готовы одарить людей своими богатствами. До сих пор существует в Японии примета: не забудь положить под подушку в новогоднюю ночь рисунок с изображением «семи богов счастья» — и наступающий год будет удачным и богатым.

Помимо синто и буддизма, в Японии получили распространение и другие религии. В XVII в. испанские и португальские миссионеры принесли в Японию идеи христианства, но эта религия вплоть до середины XIX в. подвергалась гонениям. А с начала

XIX в. в Японии возникли так называемые новые религии, сочетающие элементы буддизма, синтоизма и христианства. Новые религии были особенно популярны среди широких слоев населения среднего достатка. В наши дни в религиозной жизни Японии наибольшим влиянием пользуется общество «Сока-гаккай», выступающее с идеей буддийского неосоциализма.

Несмотря на глубокие корни раз-

личных религий, существующих в Японии, сами японцы все же малорелигиозны. Религия для них — это часть культуры, традиции. Храмы, безусловно, — место паломничества, но еще чаще своего рода музеи, в которых нередко проводятся выставки старинных сокровищ. В храмы идут во дни многочисленных праздников, семейных торжеств, а храмовые парки — излюбленное место воскресных прогулок.

Айны

На острове Хоккайдо, на севере Японского архипелага, живет один из самых малочисленных и самых загадочных народов земного шара — айны. Более ста лет ученые разных стран стремятся разрешить айнскую проблему, определить, кто такие айны. Айны резко отличаются от монголоидных народов Восточной Азии по своему облику (сильная обволашенность лица и тела ставит их по этому показателю на первое место в мире). Однако не только внешний облик, но и язык и традиционная культура айнов резко выделяют их среди окружающих народов.

Айны являются аборигенами Японских островов и древнейшим этносом востока Азиатского континента. Примерно на рубеже нашей эры айны населяли все Японские острова, а также юг Камчатского полуострова (примерно до XVIII — первой половины XIX в.), Курильские острова (до конца XIX в.), южную часть о. Сахалин (до середины XX в.) и низовья бассейна р. Амур (примерно до 30-х гг. XX в.). После проникновения древних японцев на архипелаг происходил процесс вытеснения коренного населения на север. Уже к концу XVIII в. айны почти полностью исчезли с о. Хонсю. Параллельно с процессами выселения айнов с их исконных территорий шли процессы сокращения численности населения

(начало XIX в. — около 22 тыс., начало XX в. — около 17 тыс., сегодня — 15—16 тыс., однако чистокровных айнов менее 1% общего числа) и окультуривания — японизации.

Сегодня основная масса айнского населения, более трети всего этноса, расселяется на юго-востоке Хоккайдо, в округе Хидака, небольшая группа айнов живет на Хонсю в префектуре Аомори. В большинстве своем айны и сегодня живут в горных лесных районах и на побережье, поскольку их занятием по-прежнему являются лесозаготовки и рыболовство.

Рассматривая айнскую культуру, мифологию и религию, необходимо учитывать, что айнский этнос и его культура развивались в течение многих тысяч лет. Во всяком случае, на острове Хоккайдо, по данным археологии, антропологии и этнографии, айны обитали последние 7 тыс. лет. Конечно, под влиянием миграций, культурных заимствований, изменения климата и географических условий айнская культура претерпевала изменения.

Айнская мифология в известном нам виде оформилась, видимо, в XII—XV вв. н. э. среди айнов, населявших Японские острова. Источником изучения айнской мифологии служат устные пересказы мифов, известные по

записям, выполненным европейскими миссионерами в конце XIX — начале XX в. и современными японскими исследователями.

Религиозные воззрения и верования, сопровождавшиеся большим количеством разных обрядовых действий и магических ритуалов, определяли поведение человека на протяжении всей его жизни, отражались на всех хозяйственных занятиях и на всех важных для каждого отдельного человека моментах жизни — рождении, достижении зрелости, смерти и т. д. Ритуал состоял из произнесения длинных красноречивых молитв, совершения жертвоприношения. В конце каждого предприятия обряд повторялся в знак благодарности за помощь и для испрашивания удачи в будущем. Исполнял религиозный ритуал или следил за правильностью его исполнения старейшина общины или старший член семьи; у айнов не было профессиональных служителей культа. Глава деревни, как правило, являлся и главным распорядителем при испол-

нении сколько-нибудь важной религиозной церемонии. Религиозные ритуалы проводились родственниками по мужской линии, женщины, как правило, непосредственного участия в ритуале и молитвах не принимали, так как считались существами нечистыми. Поскольку культовые действия осуществлялись членами родственных групп, то это обусловило и места их проведения — в самом доме или поблизости от него. Кроме того, к культовым местам относились кладбища и отдельные пещеры, которые находились в распоряжении родственных групп айнов.

Основой религиозных воззрений айнов является анимизм, т. е. считалось, что сверхъестественную душу имеют не только люди, животные и растения, но вообще все предметы и явления окружающего мира. Подобные представления айнов аналогичны ранним формам религии других первобытных народов. Особенность состоит в том, что этнос обитал в условиях относительной изоляции и на краю Ойкумены и подобные представления сохранились практически нетронутыми почти до наших дней. Одушевление всего сущего отразилось в политеистичности мифологических и религиозных представлений айнов. Айны населяли окружающий их мир бесчисленным количеством демонов, духов, предстающих перед человеком в самом разном обличье, включая и человеческое.

Анимистические представления базируются на двух понятиях: *рама* и *камуй*. Первое — это некоторая бессмертная духовная субстанция, обитающая в теле человека, животного и предмета материальной культуры. После смерти человека, животного душа покидает тело и в зависимости от разных условий смерти находит себе другое тело (часто детей), достигает мира мертвых или остается среди живых людей и тогда превращается в злого духа. Камуй — это тоже души, но души божеств, людей, животных, явлений, обладающих какими-то

Старые мужи, рассказывающие «Юкара» — эпос айнов

непонятными, сверхъестественными способностями. Таким образом, если рамат — это близко и понятно, то камуй — это необъяснимо, страшно и непонятно. Мифы айнов изобилуют разными добрыми и злыми камуями. Многие молитвы и священные тексты содержались в айнском фольклоре, в *камуй юкар* — «божественных песнях» и *ойна* — «преданиях».

Верховный бог — Пасе камуй — «создатель и владетель неба», или Котан кара камуй, Мосири кара камуй, Кандо кара камуй — «божественный создатель миров и земель и владетель неба». Он считается создателем мира и богов; с помощью добрых богов заботится о людях и помогает им. Яйян камуй — ближние и дальние божества — воплощают разные стихии и элементы мироздания, они равны и независимы, хотя и составляют достаточно сложную функциональную иерархию (добрых и злых, охраняющих и помогающих и т. д.).

В мифологическом комплексе айнов представлены космологические, космогонические, топонимические, тотемические мифы, а также мифы о злых демонах. Согласно космогонической концепции айнов, Вселенная подразделяется в вертикальном плане на несколько миров, первоначально как бы на три части — верхнюю, среднюю и нижнюю. Причем средний — *айну мосири* («мир айнов»), или *канна мосири* («верхний мир»), или *увекари нотереке мосири* («мир, в котором множество топает ногами») — мир, в котором живут люди, представляет собой океан с дрейфующими по нему островами. Океан с островами расположен на спине гигантского лосося, когда он шевелится, на суше происходят землетрясения, а в океане — приливы и отливы. Под миром людей расположен *нитне камуй мосири* («мир дьяволов») или *тейне покла мосири* («мокрый подземный мир») — это влажный и сырой мир, куда после смерти попадают злые люди. Рядом с ним, также

под миром людей, находится *камуй мосири* («мир богов») — место обитания многих богов небесного происхождения. В этот мир после смерти попадают все хорошие люди. Обитатели этого мира ходят вверх ногами, так что ступни их ног как бы соприкасаются со ступнями живых людей — обитателей канна мосири. Ниже камуй мосири расположен *покна мосири* («нижний мир»), мифов о назначении которого не сохранилось. Также неизвестно название и назначение мира, расположенного ниже покна мосири. На самом нижнем уровне расположена светлая и прекрасная страна *тирана мосири* («самый нижний мир»). Верхний небесный мир подразделяется на шесть уровней. На самом высшем живут Пасе камуй и главные божества — его помощники. Управляет этим миром бог Синисерангуру. Все нижерасположенные миры населены второстепенными божествами.

Согласно космогоническому мифу первоначально суша не была отделена от воды и все элементы сущего были перепутаны. Земля была похожа на огромное болото. Задумав создать мир людей, Пасе камуй позвал на помощь трясогузку — священную птицу айнов. Она спустилась с неба, стала бить крыльями по воде, месить лапками, работать хвостом. Потребовалось много времени, прежде чем ее усилия превратили воду в океан с дрейфующими участками суши. По другой версии Пасе камуй сам создал мир каменными инструментами, а трясогузка только разровняла землю.

Цикл мифов посвящен созданию острова Эдзо (совр. Хоккайдо), с которым в айнской мифологии отождествляются все населенные айнами острова. В одном из них говорится, что Пасе камуй повелел создать Эдзо двум своим помощникам, богам Аиойне и его сестре Турешмат, поделив между ними работу — Турешмат должна была создать западное побережье, а Аиойна — северное и восточ-

ное. По одной версии Турешмат повстречала другую богиню, разговорила с ней и забыла о поручении. Спohватившись, она увидела, что брат уже заканчивает свою часть, и быстро принялась за свою. Потому-то и считается, что, сделанное наспех, оно получилось таким каменистым и опасным. По другой версии богиня просто не справилась с полученным заданием.

Главными героями тотемических мифов являются медведь, трясогузка, орел, дерево ива. Миф о медведе дошел в нескольких вариантах. Например, в одном из них говорится, что к одинокой женщине по ночам стал являться незнакомец весь в черном и однажды открыл ей, что он не человек, а бог гор, и естественный его облик — медведь. От бога гор женщина родила сына, от которого потом и произошли айны. В роли прародителя айнов иногда выступает и бог гор в образе орла. Орел считался также спасителем айнов, некогда во время великого голода накормившим народ. Трясогузка почиталась как создательница мира людей — канна мосири и покровительница влюбленных. Считалось, что она дала людям понятие об обязанностях мужей и жен.

Кульм медведя у айнов в целом был сходен с представлениями, верованиями, связанными с медведем у других сибирских народов. У айнов почитание медведя отличалось некоторым своеобразием. Во-первых, они выращивали почитаемый ими объект в домашних условиях в специальной клетке — каму тисэ, которую устанавливали рядом с восточной священной стеной дома. Отношение к такому выращиваемому медведю было чрезвычайно уважительным, считалось, что он послан богами. День, когда из леса приносили медвежат, считался счастливым. И хотя у айнов медведь рассматривался как один из главных духов, однако выращивание его имело смысл не покровительства, а обеспечения человека пищей. На медвежьих

праздниках во время ритуального умерщвления медведя айны просили о ниспослании такой пищи вновь. Интересно, что этот праздник не имел фиксированной даты, он проводился в конце осени — зимой — в конце зимы — в начале весны, т. е. в наиболее голодное время и когда айны были наименее заняты хозяйственной деятельностью.

Растительность также почиталась айнами. Из дерева в старые времена изготавливались инструменты для добывания огня, древесина и кора шли на изготовление жилища, орудий охоты, рыболовства, морского промысла, а также различных бытовых предметов. Кроме того, деревья давали и пищевые продукты: желуди, березовый сок и т. д. По преданиям, человек был сотворен из прута ивы и земли. Ива представлялась божеством — покровителем айнов. При рождении ребенка из ивы изготавливали особый талисман — *инау*, который должен был охранять его в течение всей жизни. Инау — это небольшая ивовая палочка или длинный, иногда выше человеческого роста, шест, который венчает султан стружек. С инау связан один из самых значимых и распространенных культов. Он охватывает все стороны жизни айнов, включая и промысловую деятельность и бытовую. Многочисленные инау имели самые разные функции, в связи с чем существует множество предположений исследователей об их назначении. Л. Я. Штернберг называл инау посредником между богами и людьми, душа которого в состоянии передать просьбы людей камуям. М. М. Добровольский рассматривал инау как пережиток некогда реальных жертвоприношений. Н. Г. Манро писал, что инау являются стилизованными изображениями человека — вместилищами душ умерших предков. Д. Н. Анучин считал, что это символические изображения не только человека, но и разных других предметов. Трудно было бы перечислить все поводы для изготов-

ления инау, а также все их виды. Можно выделить две основные категории: *синураппа инау* — жертвуемые духам предков и *камуй номи инау* — различным камуям. Изготавливать инау разрешалось только мужчинам, предварительно совершившим определенный обряд очищения души и тела. Материалом служило около 15 видов древесины, из которых выре-

зали крылатых и других инау для добрых божеств и несколько видов против злых. Преимущество отдавалось иве, не только как священному дереву жизни, но и как материалу, наиболее подходящему для выработки длинных, выходящих стружек. Культ инау, пожалуй, самый развитый из существующих у айнов.

Тибетцы

Тибетская мифология — совокупность мифологических представлений древнего этнокультурного единства тибетцев. В ней причудливо переплелись мифы тибетцев — кочевников и земледельцев. Она включает заимствованные элементы, поскольку

Тибет лежит на стыке двух великих цивилизаций Индии и Китая. Сказалось и влияние древнеиранских мифологических представлений, характерных для бон, древней тибетской религии. Особенно активным было воздействие буддизма, который в тибетской форме (называемой еще «ламаизм») поглотил своеобразие собственно тибетской мифологической системы. Поэтому нынешний уровень знания тибетской мифологии фиксирует картину крайне разнообразную, во многом хаотичную и пока обнаруживающую единую систему понятий и воззрений только в буддийской мифологии Тибета. Тибетские мифы, кроме устной традиции, частично сохранились в различных обрядниках, исторических хрониках, апокрифах — Маникабум, Падмакатан, астрологическом трактате Вайдурья Карпо, медицинском сочинении Вайдурья Онбо, Атласе тибетской медицины, бонских трактатах Лубум и Зермынг, Бардо Тходол («Книга мертвых»).

Представления тибетцев о возникновении и устройстве Вселенной известны в нескольких вариантах. Одно из таких архаических мифологических представлений о мире выражено понятием «рум», или «утроба», откуда все берется и куда все возвращается. Там есть верх, там есть низ, небо и земля, *ми* — люди и *мимаин* — нелюди, *сонпо* — живые и *мисонпо* — нежить. Мисонпо делится на *цхун*,

Старый тибетский монах обучает юного послушника правильному положению рук во время молитвы

предков по мужской и женской линии, которые живут в могилах, и *тхе*, или *тхеу*, живущих на небе.

В мифологии бон по одной из версий мир возникает из первосущества — богини Лумо. Она упорядочила Вселенную: из ее головы возникло небо, из правого глаза — луна, из левого — солнце, из верхних зубов — планеты. Когда Лумо закрывает глаза, наступает ночь, когда открывает — день. Из голоса Лумо рождается гром, из дыхания — облака, из слез — дождь, из ноздрей — ветер, из вен — реки, из тела — земля и т.д.

Кочевникам Тибета мир представлялся палаткой с восемью шестами, образующими небо. Оно вращается вокруг оси — ледяной горы Тисе (Кайлас). Вершина горы проходит через центральное отверстие палатки; сквозь него солнце, луна, звезды получают свой свет.

По буддийской версии мир создавался иначе. Вначале была пустота. Со всех сторон поднялся ветер, и потоки воздуха сгустились в твердь в виде скрещенных *ваджр* (молний). Затем хлынули воды и возник внешний океан. Из него появилась пена и превратилась в золотую пленку. На ней возникло соленое озеро, в середине озера — гора Лхунпо (Меру), вокруг 7 цепей золотых гор и 7 зачаровывающих морей. В морях появилось 4 материка, у каждого по 2 спутника. Все было окружено кольцом железных гор. Сквозь Лхунпо прорастает волшебное дерево, чьи плоды, исполнявшие желание, — повод для войны, которую вели *лха* (боги) и *лхамин* (букв. не боги, ассуры). Лха победили, почтив дарами группу 9 далха (лха войны), обретя взамен 9 видов оружия.

К числу древних относятся мифы о происхождении светил, звезд. Так, Масанг («пегий бычок») — один из первопредков тибетцев, сын коровы и человека, попадает в царство лха и помогает им в войне с лхамаинами, убив главного демона в облике черного яка. Спасаясь от гнева демони-

цы, Масанг бросает вверх 5 ячменных зерен, и появляется железная цепь. Демоница метает ядро. Оно разрывает Масанга на части, которые превращаются в 7 звезд, или созвездие Большой Медведицы.

Одним из первоэлементов тибетской мифологии может быть Дунги Гонгма, или первородное яйцо. Из него возникает не только Вселенная, но и первый человек, и разные божества. Представление о предке всех людей связывается с именем Емон Гйалпо («царь желания»). Это изначальное существо без частей тела, органов чувств, но обладающее мыслью. У существа явилось желание быть — и родился прекрасный Емон Гйалпо. Среди его потомков — предок всех людей вокруг Тибета, другой, «черноголовый», — предок всех тибетцев. По иным версиям первые люди произошли от лу — змееподобных существ или же другим образом: из слюны *лха*, затянувшей небо, появилось маленькое облачко с одним горным пиком, внутри которого находился Дунги Мипхо, или первомужчина. Один из мифов религии бон утверждает, что из *мийодпа*, «небытия», возникает белый свет, порождающий совершенное яйцо. Оно сияющее, оно хорошее, без головы, без рук, без ног, а передвигается; без крыльев, а летает; без рта, а говорит. Пять месяцев спустя из него явился человек, называемый на разных языках по-разному. Он упорядочил Вселенную, пригласил лха защищать людей и покорять демонов. Жил он на материке, посреди океана, сидел на золотом троне, лу — существа водной стихии — приносили ему жертвы. Однажды он прыгнул в океан и попал в сети к рыбакам. С тех пор зло пришло к людям.

В мифологии бон с образом Дунги Гонгма связаны возникновение этического начала, представления о добре и зле. Из ничего возникают белое яйцо и черное яйцо. Из яйца белого появляется Пханбйед («Творец блага»), из яйца черного — Нодбйед

(«творец зла»). Пханбйед — свет и жил в свете, владыка бытия. Нодбйед — владыка небытия, он — тьма, которая простирается до границ света. Все благое — от первого, все зло — от второго.

Разнообразны версии появления или происхождения Тибета. По версии, бытующей в Гималаях, Тибет представляется в виде огромного материка, который плавает в океане на спине огромной рыбы или черепахи, придавленный для большей устойчивости горой (у народа лепча это гора Канчхенджунга). У подножия горы находится змей Бегша. В мифе из Кхама на востоке Тибета, где часты землетрясения, поясняется: земля трясется в Кхаме оттого, что он находится над головой рыбы, которая от усталости вертит ею. По другой версии возникновение Тибета связано с Синмо, или Трак Синмо («горной ведьмой»), воплощением добуддийского Тибета. Долины — ее шкура, водные источники — ее слезы, земля — ее мясо, трава — волосы и т. д. В буддийской обработке эта версия выглядит так: чтобы удержать Синмо в повиновении, в ее тело впились 12 когтей неподвижности, т. е. построено 12 храмов, а Чжово Кханг, главный храм Лхасы, столицы Тибета, находится над озером — воплощением *ла*, души Синмо. Тибет защищают горные боги, имена которых — названия топографически значимых горных вершин Тибета. Во главе семьи из 9 членов горный бог Одегунгйал (так называется вершина в Центральном Тибете). В другой семье, согласно эпической традиции, зафиксированной в эпосе о Гесаре, 13 членов во главе с Ньянчхэн Танглха. Горные перевалы и проходы находятся под охраной 12 Танма, защитниц границ Тибета.

Значительное число мифов поясняет происхождение самих тибетцев. О племенах цян, древних предков тибетцев, известно, что в их числе были кланы с тотемами яка Карба и белой лошади. Их соперничество обо-

стрялось с осенним восходом Плеяд. В устной традиции XIX в. племя нголок ведет свое происхождение от дикого яка. У некоторых племен Восточного и Юго-Восточного Тибета тотем обезьяны. Своими предками тибетцы считают *жаза* («едоков мяса») или *жаза донмар* («красноликих едоков мяса»). Согласно буддийскому толкованию от брака богини Лхамо, воплотившейся в ведьме Синмо, и Ченреззи (бодхисаттвы Авалокитешвары), принявшего облик обезьяны, родилось 6 обезьян в 6 мирах — в мире богов, полубогов, людей, духов, животных, в аду. Все злое и коварное в мире — от Лхамо-Синмо, все светлое и благое — от Ченреззи, который даровал своему потомству зерна ячменя, пшеницы, кукурузы. Известна версия, согласно которой тибетцы — потомки индийского полководца Рупати. После поражения в битве кауравов и пандавов он бежал с остатками войска в Снежные горы, или Тибет.

Представление о царской власти в мифах связывается с Ньятицэнпо, первым тибетским царем. В числе его предков называют лха (обитателей неба) и тхе или тхеуранг (громовников). Он пришел, чтобы «открыть двери к лха» и «закрывать двери в могилу мертвых», защитить живых от мира нежити, подавить 6 видов зла. Он спустился с неба на гору Ярлхашампо по веревке му или лестнице в 9 ступеней. Свою способность управлять государством он доказывает, побеждая в битве яка — воплощение горы Ярлхашампо (Центральный Тибет). Жители Тибета избрали того, кто спустился с неба, своим *цэнпо* — владыкой, посадили его на *ти* — трон, возложили трон на *нья* — шею — и понесли. Поэтому его прозвали Ньятицэнпо.

Правление царя успешно, если ему помогает мудрый министр. Первый министр в перечне мудрых сановников и благородных царей Рулакье («рожденный из рога»), сын вдовы царя Тригумцэнпо и горного бога Ярлхашампо. После смерти царя ца-

лице приснился сон: Ярлхампо в виде огромного белого яка взошел на ложе. Через 8 месяцев царица родила сгусток крови, спрятала его в рог дикого яка и обернула рог в одежды. Заглянув туда несколько дней спустя, она обнаружила маленького мальчика и дала ему имя Рулакье. Став министром, он восстановил справедливость, согнав с трона убийцу царя Тригумцэнпо, приручил диких животных, научил пахать землю, собирать урожай, выплавлять металлы, прорыл каналы, осушил земли, через непреодолимые реки построил мосты. Его функции могут приписываться другим мудрым сановникам.

Происхождение смерти восходит к Тригумцэнпо. До него первые цари сходили на землю по веревке му, ночью уходили на небо, после смерти превращались в свет. Владыка (*цэнпо*), убивший (*гум*) себя ножом (*три*), или Тригумцэнпо, оставшись без гениев-хранителей, в поединке нечаянно перерезает веревку му и гибнет. Он первый царь, чье тело осталось на земле, так как прервалась связь с небом. Идея смерти как наказания связана с Циумарпо. Он — владыка *далха*, хозяин *цэнов*, судья. В этой ипостаси он всадник — богатырь на черном муле с белыми копытами, в руках аркан *цэн*, которым ловит *ла* — последнее дыхание жизни, особенно опасны он и его свита на закате. Его судилище — на земле. Оракул Циумарпо в 5-й день 5-го месяца предсказывает каждому желающему его судьбу. Те же функции судьи присущи Лхамо, одной из главных защитниц учения в буддийском пантеоне, образ которой поглотил многочисленные культы других более древних божеств. Она хозяйка времени, хозяйка судьбы, покровительница женщин, управляет погодой и светилами и т. д. В ее свете Кхйабджуг, ведающий солнечными и лунными затмениями, чье тело покрыто бесчисленными глазами, а вместо живота — огромная пасть; Церингма — 5 сестер долголетия; Ман и Мамо — богини-целитель-

ницы и богини-болезни, Танма — богиня земли и т. д.

С приходом буддизма в Тибет сформировалось представление об аде. Его хозяин — Шингдже, «владыка смерти» (*Яма*). Он — судья, его место в центре ада, в его руках меч и *лэйкхи мелонг* — зеркало кармы, отражающее судьбу грешников. Помощники Шингдже: демон с бычьей головой держит зеркало правды; демон с мордой обезьяны взвешивает на весах добрые и злые дела в виде белых и черных шариков; демон с мордой вепря считает на счетах добро и зло; тигроголовый демон пишет на свитке приговор, которым определяются мера содеянного при жизни, судьба грешника и ад, ему уготованный. В поздней редакции разгневанного Шингдже, грозящего обезлюдить весь мир, усмиряет Шингдешед («уничтожающий владыку смерти»), гневная ипостась бодхисаттвы Мудрости.

Известно еще одно представление о судьбе покинувших мир людей. Это Бардо, промежуточное состояние *ла* (души) или *намшей* (сознания) человека в течение 49 дней после смерти, которое может разрешиться одним из трех вариантов: 1) освобождением от бытия (*сридпа, сансара*) в самый первый момент появления бесконечного света; 2) рождением праведника в лотосовом пруду счастливого неба — Дэвачан (Сукхавати), месте пребывания будды Опагмед, — в награду после трудного пути среди Гнева, Страсти, Глупости по 6 мирам Бытия, во время которого предстают видения персонажей буддийского пантеона, символов психического состояния сознания; 3) рождением в любом мире бытия или в виде *лха* на небе человека в мире людей, *лхамaina* в мире полубогов, в мире животных, в мире духов или в каком-нибудь аду (*нарака*) — холодном, горячем, режущем и т. д.

Мир может делиться по вертикали: верх — небо, середина — земля, низ — подземный мир. Хотя с приходом буддизма строение мира усложни-

лось, однако народное сознание сохранило трехчленную структуру: лха — небо, низ — ад, все остальные миры — середина. Миру людей противостоят боги, божества, духи, по своей природе доброжелательные и враждебные. В их числе Даджин (Индра), «владыка богов»; Цангпа (Брахма); Кхйунг (образ, близкий Гаруде) — мифическая птица, на которой отправляется в мир людей Гесар, герой одноименного эпоса; Пехар, пришедший из тюркской мифологии, и др. Тибетские персонажи очень многочисленны. Это и уже упоминавшиеся лха, населяющие небо, и горные боги, олицетворяющие топографически значимые вершины. Это и Ярлхашампо в виде огромного яка, насылающего непогоду, и Ньянчхентханглха в облике гигантской змеи, которые пытались преградить дорогу буддийскому проповеднику Падмасамбхаве на его пути в Тибет. Далха — хранители дома, очага, урожая, воинской удачи и счастья. Особо чтимы Лхамо Бурдзи, чадоподательница в облике золотой женщины с веретеном в руках и клубком ниток, Тхэб Юмо — богиня домашнего очага с золотым ковшом в руках. Духи найдак, сабдаг, юлхха, шибдаг — покровители местности, хозяева земли. Сабдаг с головой крысы или мыши насылает эпидемии, наносит вред. Сабдаг Нанглха со свиной или кабаньей мордой охраняет человека и его дом, домовый, который в разное время года живет в разных местах дома. Зимой в дороге пут-

никам надо опасаться «Бестелесной матери снегов». Духи тхеуранг — одноглазые или однорукые или одноногие существа, ведающие атмосферными явлениями. Состояние погоды, здоровье человека зависят от настроения лу. С духами бал (искорка или шерстинка) связаны представления о великанах и великаншах, которые карают отступников веры, и о карликах, которые так же, как и лу, охраняют сокровища. Духи си, синпо, гонг, джунгпо насылают на людей и животных болезни и эпидемии. В числе особо чтимых персонажей — покровители отдельных профессий, в частности, Гарба Накпо, «черный кузнец», который выковал чудесный меч, и Балкхи Гарба, бог кузнечного дела, живущий в пещере горы Бал.

Мифология Тибета составляет необходимый и важнейший элемент самобытной духовной культуры тибетцев, проживающих в самом Тибете, в китайских провинциях Ганьсу, Сычуань, Юньнань, тибетских поселениях Индии, США, Европы, на территориях Сиккима, Бутана, Ладакха. Не зная тибетской мифологии, невозможно понять ни его литературы, ни его искусства. Останутся непонятными в какой-то мере литература и искусство тех народов, которые испытали на себе влияние тибетской цивилизации. В их числе не только народы Центральной Азии и Монголии, но и буряты, тувинцы, калмыки, алтайцы, проживающие на территории нашей страны.

Тибето-бирманские народы

Тибето-бирманские народы расселены на огромных пространствах от Западных Гималаев до горных отрогов на севере Вьетнама. Среди них представлены народы с древними цивилизациями, созданными в Непале, на северо-востоке Индии, в Тибете и Бирме. Этногенез

тибето-бирманских народов еще совершенно не изучен. Ученые на основании языковых связей, помимо очевидного родства с китайцами, предполагают возможные связи с кетями на севере и с народами мунда на юге. Давно уже существуют определенные теории родства тибето-бир-

манцев с народами Передней Азии, в частности с шумерами. По-видимому, древние религиозные верования и мифология тибето-бирманцев подтверждают такие построения.

Если сопоставить общее мировоззрение тибето-бирманцев с аналогичными системами у расселенных в целом восточнее от них мон-кхмеров и тайцев, то можно отметить следующее. У тибето-бирманцев интенсивно разрабатывалась тема творения человека, антропоморфизма, предназначений человека, смерти и бессмертия. Здесь человек — активная сила, равная другим стихиям природы. У каренов в Бирме и Таиланде есть образ человека, стремящегося к солнцу. Его зовут Тауб. В детстве он был слабым, тщедушным ребенком. Решил отправиться к солнцу, чтобы вырасти. И действительно, около солнца от жары и дождя он вырос в гиганта. Тогда он решил покинуть свой дом и отправился путешествовать. Во время странствий он совершил различные подвиги, но самый главный из них связан с борьбой против змея. Змею удалось проглотить Тауба, но герой смог разрубить его чрево изнутри и выйти невредимым.

Мотив змеборства, здесь ярко выраженный, совершенно не характерен для мифов других народов Юго-Восточной Азии.

Вот другой миф о столь же активном герое, взятый у ади (группы тибето-бирманских народов дафла, мири, сулунгов, апатани и других, расселенных на северо-западе Индии). Его зовут Аботени. От его потомков ведут свое происхождение перечисленные народы. Аботени жил в мифической местности Супунг, которая находилась где-то на востоке Гималаев. От первых трех жен Аботени породил различные существа земли и неба. От четвертой Джамир Гимбаре родился сын Аблома, который создал бронзовые вещи, в том числе и тибетские колокола. Этот сын стал предком ремесленников. Злые духи отняли у Аботени его жен.

Тогда Аботени стал угрожать, что из лука он застрелит солнце и луну и все разрушит. Духи все же дали ему жену Зукхумане, но Аботени пришлось доказывать права на своего сына. Жена посоветовала Аботени вместе с сыном бежать от духов. Закхумане захватила с собой два бамбуковых сосуда. В одном оказались рис и домашние животные, в другом — люди. Духи отыскивали беглецов и стали требовать себе в жертву все, что принесла Зукхумане, включая и людей...

В мифологии тибето-бирманцев весьма важное значение придается человеческому телу: в ряде версий оно само дает начало всему живому и даже металлам. Так, у тех же ади есть миф о Седи (Земле) и Мело (Небе). Они, сестра (Земля) и брат (Небо), вступили между собой в брак. Их потомство — существо Линген Собо, части тела которого стали металлами, растениями и животными. От последнего отпрыска Седи и Мело — Педонг Нане (Дождя) родилась Донио — Луна. Детями Седи и Мело были Кари и Таро — первые охотники, Ядо Йонгма — первый кузнец.

Человеческое тело у тибето-бирманцев космологично или создано космическими божествами, как Шинграва у качинов Бирмы. После того как творец Вайшу создал всех духов, он сделал тыкву и просил духов что-либо присоединить, прибавить к этому творению. Они выполнили просьбу. Например, дух леса дал ноги, дух солнца — глаза и т. д. С деятельностью Шинграва связано устройство мира после потопа. Современную форму земли, горы, реки Шинграва создавал молотом. Долго ходил он по земле, устраивая ее. Потом попал на небо. Потомком Шинграва был Шипаун Айаунг — отец всех качинов.

Человеческое тело может моделироваться, и тогда оно участвует в ритуале, например, предсказания урожая. Так, у кая в Бирме осенью изготавливают Фюдийкрий. Это божество урожая. Фигуру делают из корзины,

голову — из тыквы, глаза — из закрылок жука. Одевают в национальный костюм. Фюдийкрий — в центре обрядов урожая. В некоторых деревнях есть и «Бабушка рисовая корзина». В таких деревнях празднующие разделяются на мужскую и женскую половины. Фигуры этих божеств урожая используют для гадания о будущем урожае. На время гадания одежду с фигур снимают — значима нагота «человеческого тела».

Теологическая мысль тибето-бирманцев пытается осмыслить идею смертности через ту же модель человеческого тела. У качинов считается, что люди раньше были бессмертны. Первым вечность жизни утратил Апаккыт Лок. Вот как это произошло. Апаккыт Лок жил в Майаушингпум, прародине качинов. Девять раз он становился стариком, но юность возвращалась к нему. Однажды он пошел на рыбную ловлю. В лесу поймал спящую белку. Решив подшутить над соседями, он сунул белку, которая так и не проснулась, в вершу и надел на вершу свою одежду. Соседи это увидели и подумали, что Апаккыт Лок умер. Стали готовиться к погребальному обряду. Сумри — жизненный принцип человека, находившийся в Апаккыт Локе, отправился к верховному духу солнца, но дух увидел, что нить, связывающая сумри с человеком, цела. На землю были направлены посланцы для выяснения дела. Когда люди танцевали похоронный танец, они задели одежды на корзине, и все обнаружилось. Тогда в гневе верховный дух перерезал нить. Апаккыт Лок заболел и вскоре умер. После него стали умирать и другие люди. Очевидно, белка в этом рассказе — внедренный в человеческое тело жизненный принцип, душа, которая обладает как бы своим собственным телом. Такая концепция совершенно чужда другим народам Индокитая, где в человеке заключено множество частных душ.

Естественно, что при акценте на человеке не могла остаться без внима-

ния проблема загробного существования. Его идея связана у тибето-бирманцев с темой опасностей, подстерегающих душу умершего.

Приведем две версии. У кхьенгов в Бирме и Бангладеш есть образ Гнатхеина — властителя райской страны счастья и судьи умерших. Свой суд он правил под деревом. Люди, совершавшие добрые поступки, после смерти там находят всевозможные удовольствия: пьют опьяняющие напитки, едят жареное мясо — все то, что люди жертвуют духам. Чтобы души умерших благополучно достигли Гнатхеина, нужны особые обряды — на дороге туда души подстерегают и губят гусеницы. Петух, привязанный к ноге умершего, должен отпугивать этих гусениц. Меч, положенный на голову, должен отпугивать злых духов. По дороге к Гнатхеину душа должна пересечь реку Пузаутуибо по нитяному мосту. Души плохих людей не могут попасть в небесный рай. Гнатхеин отправляет их в железный котел с кипящей водой. Если душа грешника убегает, то собака Гнатхеина ее ловит. Если эта душа пытается спрятаться в кроне дерева, то она становится жертвой птицы Хакгьи.

У ангами нага на северо-востоке Индии высшее божество зовут Кепенопфу. Кепенопфу — женщина. Буквальный перевод ее имени — «дух-мать». Кепенопфу — благожелательное для людей божество. Она живет в небе в райской стране, куда отправляются души умерших. Когда духи, ей подчиненные, убивают быка-митхана, которым в небе представлен каждый человек, то этот человек умирает. Души поднимаются в небо по невидимой лестнице в высоких горах. У других нага загробный мир делится на две части — для праведников и для грешников. У сема нага первые уходят на восток с тем, чтобы возродиться снова, вторые — на запад и не возрождаются. На пути души подстерегают злые духи, и цель погребальных обрядов — обезопасить путь душ.

Строение мира в мифологии тибето-бирманцев связано с антропоморфными представлениями, важным его элементом служат камни, скалы. Так, у чинов Бирмы весь мир покоится на плечах гиганта Макона. Основанием мира служит огромный плоский камень, на котором разлит Мировой океан. В океане плавает рыба Нгазалон и носит на себе плоскую скалу — поверхность земли, где живут люди. Когда Макон от усталости подставляет под все мироздание то одно плечо, то другое, случаются землетрясения. Некоторые стихийные явления происходят по воле духов. Например, дух Гло создает гром; каменные орудия, находимые в земле, — его зубы.

Вот качинский миф о Лунгилунге — «скале, которая знает все». Когда предстояли важные дела или случались болезни, люди обращались к ней за советом. Однажды у скалы было много дел и она не могла ответить на все вопросы. Тогда люди решили ее расколоть. Они подняли ее кверху и бросили. Скала раскололась и дала рождение первому жрецу, первому сказителю, а также богествам. Кроме того, появились мелкие камни лунгилунги (с помощью их качины узнают волю духов), а также другие ритуальные предметы.

Мир духов у тибето-бирманцев нельзя назвать земельно-кадастровым. Это и не олицетворение стихий. Скорее, можно говорить о местах (причем это скалы, горные территории), где сосредоточены сверхъестественные силы, обладающие разумом и богатствами. Такова, например, местность Маелтонг у лепча Сикки-

ма, где были созданы растения. Маелтонг находится около тибетской границы. Это место окружено скалами, и никто не может войти в его пределы. Оттуда созданные духами растения распространились по свету. В Маелтонг живут волосатые карлики — мужчины и женщины. Карлики также имеют отношение к растительным силам, которые сосредоточены в Маелтонг. Сельскохозяйственные церемонии лепча при севе риса и уборке направлены на призывание помощи сил, сосредоточенных в Маелтонг.

Хтонические (относящиеся к подземному миру) образы вроде змеобразных существ в мифологии тибето-бирманцев не выражены ярко, иногда просто отсутствуют. Примечательна трансформация нагов у бирманцев. Наги — существа змеиной породы. Но в отличие от мон-кхмерских народов у бирманцев этот образ не приобрел особой значимости, хотя в прошлом у них существовал культ нагов. Нага — это огромная змея, лежащая у поверхности земли, и с положением ее тела согласуют место строительства домов, прокладывание дорог. В зависимости от сезонов Нага меняет положение своего тела. В Верхней Бирме во время обряда перехода мальчиков в юношеское состояние их выводят «показывать» Наге у ворот деревни. В бирманских сказках есть сюжет о превращении Наги в милостивую женщину и вступлении ее в брак с мужчиной.

Указанные сюжеты и образы стоят вне глубинных структур тибето-бирманского мировосприятия.

Тайские народы

Народы тайской языковой семьи живут на всем юге Китая, в Индокитае, где они основали два государства — Таиланд и Лаос, и на северо-востоке Индии (ахомы, кото-

рые дали свое название историческому штату Ассам). Связи по языку у тайских народов еще плохо изучены. Так, их языковую семью сближают то с китайско-тибетской, то с аустроне-

зийской (малайско-полинезийской) семьей.

Многие тайские народы на юго-западе Китая и в Индокитае исповедуют буддизм (южного толка). Очень часто буддизм этих народов бывает переплетен с остатками индуистских верований, которые были широко распространены в Юго-Восточной Азии в I тыс. н. э. До сих пор в народных верованиях у тайских народов можно легко обнаружить имена божеств и героев, пришедших из Индии, не только таких, как Индра или Будда, но и гораздо более второстепенных. Все это — наследие эпохи так называемых индуизированных государств Юго-Восточной Азии, образовавшихся прежде у мон-кхмерских, индонезийских и тибето-бирманских народов около середины I тыс. н. э. В Индокитае тайские народы расселились (из Южного Китая) позже: период формирования их крупных государств наступает после XIII в. Мифология тайских народов активно использовала индуистские и буддийские образы и сюжеты. Но основы тайского мировосприятия не пропали, и здесь важную роль сыграло то, что акценты были перемещены с антропоморфных образов на деятельные, порой безликие, а порой персонифицированные стихии и на активное обрядовое действо.

Стихия света и воды предшествует всему в архаическом мифе ахомов. Свет — деятельное начало. Он персонифицирован в божественное существо Пхатувчунг. Открывание глаз этим существом и есть начало творения других богов и земли. В одном из вариантов Пхатувчунг создает паука, который тклет небо из золотых нитей. Эти же светящиеся нити связывают небо и землю и по ним сверху вниз спускаются души живых существ.

Поэтизированные образы света и темноты мы встречаем в мифах тайских народов Вьетнама. У них небесная река Такхай (Млечный путь) вытекает из грота на небе, расположенного рядом с гротом, откуда выхо-

дит солнце. Такхай течет ниже путей солнца и является рекой, отделяющей мир живых от мира мертвых. Такхай вливается в другой грот. Там дежурит Сису. С помощью птиц и огромного краба он вылавливает из воды плывущие деревья, чтобы они не закупорили отверстие. Заботой Сису является также сохранение в гроте темноты. Каждый вечер он постепенно открывает дверь «небесной темноты» — на земле и небе наступает ночь. У черных тай есть вариант, по которому «дверь темноты» сторожат три старца. Вечером они выпускают темную вуаль — темноту и звезды, а утром возвращают их в грот.

Считается, что мир небесной воды, где появляются темнота и звезды, устроили божества Таосуонг и Таонган. Но их имена больше связаны с другим деянием. Они принесли с неба 8 тыкв. Тыквы эти содержали 330 сортов риса и 330 народностей, населивших землю. В мифах тайских народов эти тыквы были вскрыты разогретыми железными или медными орудиями.

Небесное происхождение полезных растений, орудий (плуга), культовая роль огненного меча — это сюжеты мифологии далеких от тайских народов иранцев. Но может быть, и не столь далеких, если учесть, что тайцы до XIII в. расселялись в Юго-Западном Китае, рядом с Тибетом, куда уж определенно доходили иранские культурные влияния и даже проповедники (бонской религии).

Как бы то ни было, в тайской мифологии разносторонне разрабатывается проблема космического света, его носителей. В мифологии белых тай Вьетнама Пу нен («господин солнца») и Нанг Бынон («дама луны») — персонажи, которые на небе катят огромные шары своих светил, сделанных из золота и серебра. Пу нен вечером скатывает солнце на землю и скрывает его под плотным покрывалом. Ночью катит на восток по южному краю земли. Утром он начинает поднимать его вверх по

обратному невидимому склону горы на востоке. На ее вершине есть «дверь света», через которую Пу нен вкатывает светило на небо и направляется к западной горе. Путь луны идет почти тем же маршрутом, но в обратном направлении. Только Нанг Бынон своим длинным шарфом в разные дни то сильнее, то слабее обматывает свою луну. Солнечные или лунные затмения бывают оттого, что небесные юноши и девушки встречаются для любви и, чтобы их не видели, скатывают вместе светила и закрывают их покрывалами. У белых тай есть версия, что по настоянию верховного бога По Тхена Пу нен и Нанг Бынон женятся, но Нанг Бынон не любит Пу нена и убегает сразу после брачной церемонии. Супруг все время преследует жену, и когда догоняет, бывают затмения. Еще по одной версии лунные затмения случаются из-за того, что в небе в пруду Хан живет лягушка Копкибыон. Во время сна хозяйина пруда она рвет цепи, убегает и проглатывает одно из двух светил. Тогда Пу нен или Нанг Бынон идет будить хозяйина пруда, и он ловит лягушку.

Интересны тайские сюжеты о нескольких солнцах. В мифологии черных тай Лаоса Кап и Ко — мальчик и девочка, спасшиеся от потопа. Потоп был послан из-за возросшего числа людей на Земле. Кап и Ко проделали в большой тыкве отверстие, влезли туда, и волна стала поднимать тыкву до неба. Там они смогли убедить верховного владыку По Тхена не губить их, а вернуть на рисовое поле. Когда Кап и Ко выросли, то кузнецик посоветовал им жениться. У них появилось семь сыновей, которые также занимались рисоводством. Огромное дерево *ва* покрывало весь мир, и огромное дерево *хай* покрывало всю землю. Сыновья их срубили. Тогда засияли в небе девять солнц и восемь лун. Наступила страшная жара, высохла вода, у черепахи расстрескался панцирь. Тогда По Тхен велел курице склевать восемь солнц и семь лун. Она не смогла. Так как до

солнц и лун нужно было плыть, а это было доступно селезню, то он и смог выполнить повеление. После этого семь братьев с родителями обосновались в Луангпрабанге.

Версии лы (Лаос и Юго-Западный Китай) более индуизированы. Пра Пхум в их мифологии — божество добуддийского пантеона. Пра Пхум был более могучим богом, чем Пра Ин (Индра). Пра Пхум спустился на землю после того, как она была опустошена жаром семи солнц. Он оставил только одно солнце. Разделил годы на месяцы и дни. Упорядочив дела на земле, он решил подняться на небо, но на земле он утратил свою силу. Тогда Пра Ин позвал женских духов семи планет и пообещал жениться на них, если они убьют Пра Пхума. Из волоса Пра Ина был сделан лук, и стрела, из него выпущенная, отсекла голову Пра Пхуму. На тело Пра Пхума поместили голову слона. Боги отсоветовали Пра Ину жениться на семи сестрах. Они так и остались с головой Пра Пхума, держа ее по очереди в течение года. Перед Новым годом её моют. Поэтому на Новый год женщины лы все моют и обливают водой с целью помочь небесным сестрам совершить новогодний обряд. Каждая из семи сестер имеет любимое ездовое животное, по имени которого называется год. Запуск ракет на Новый год у лы делается для того, чтобы помочь небесным сестрам, а также чтобы удалить все дурное, что было в прежнем году.

Запуск ракет, сделанных из бамбука длиной до 10 м, заряженных порохом, — примечательная черта тайских новогодних и некоторых других обрядов. Всегда запуск ракет наполнен космологическим значением. Так, в мифе лаотянцев территорию Лаоса до людей населяли змееобразные существа наги. Однажды царь нагов Кхаттханам путешествовал по своей стране. Его подданные решили устроить в честь него праздник с ракетами. Последние были

сделаны из кусков бамбука, украшенных разноцветной бумагой и начиненных порохом. Сверкнув в небе, ракеты упали в разных концах Лаоса, вызвав появление гор, равнин, образовав пруды и пещеры. Разноцветные бумаги, повиснув на деревьях, превратились в орхидеи. С запуском пороховых ракет у лаотянцев связан цикл обрядов плодородия.

Ракеты в ритуалах тайских народов воспринимаются как мужские органы, нацеленные на рисовые, залитые водой поля, и их оплодотворяющий огонь очищает страну от грехов, изгоняет злых духов. В нынешнее время запуски ракет тесно связаны с празднествами в честь буддийских храмов. Но в своей сущности запуск ракет остается ритуальным обращением со стихией огня как таковой. И недаром в описываемых обрядах огромную роль играют маги и медиумы.

Космологической роли стихий в человеческой жизни у тайских народов соответствует любовная страсть. Пожалуй, ни в каких других мифологических циклах любовь не наделена таким значением, как в мифах тибетских народов. У тайцев любовь космологична. Умершие влюбленные превращаются не только в орхидеи, но и в горы, сообщая земле ее рельеф. Да и вообще люди, по одному из мифов лаотянцев, вышли из тыкв, упавших с неба, когда дочь главы небесных духов бежала на землю, влюбившись в простого человека.

В тайской мифологии представлен мотив девушки-матери, основавшей ритуалы плодородия земли, включая архаическое жертвоприношение буйвола. Мифологически это тоже животное небесного происхождения. В одной из версий космологические тыквы выросли из туши этого буйвола.

У тайских народов развиты представления о духах. Многочисленные духи. — *фи* или *пи* — населяют земной мир, звездный (астральный) и более дальние миры. Земные духи у *хонтай* обладают своими сферами

деятельности — девятью царствами. Очень чтимы различные домашние духи — духи родовых предков, территориальные божества, соподчиненные, согласно иерархии феодальных владений. Даже душа человека — это не некая единая субстанция, а сонм *хуонов*, достигающий 32 или даже 120. Систему духов возглавляет небесный глава *По Тхен* или *Тхен Факхын*. На этого духа часто переносится название *Индры* (*Пхра Ин*, *Пра Ин*). У некоторых тайских народов иерархия небесных духов копировала феодальную иерархию. Считалось, что души зависимых крестьян в загробном мире продолжают нести повинности в пользу небесного владыки и его приближенных.

С развитой системой небесных божеств у тай согласуются мифы об устроителях земли. К ним принадлежат *Таосуонг* и *Таонган*, принесшие с неба на землю тыквы; *Пху Гно* и *Не Нгам*, срубившие лиану, закрывавшую свет; *Пун* и *Намы*, посланные с неба для того, чтобы срубить гигантское дерево *баньян*, а также *Тхонг* и *Двадараси*, в мифологии лаотянцев подготовившие землю для спуска с неба первого короля *Кхун Болома*. Миф о последнем также относится к мифу об устроителях земли. *Кхун Болом* установил социальные нормы, преподал людям моральные заветы. Небесный дух *Тхен Факхын* после переселения на землю *Кхун Болома*, своего сына, разрушает мост из лианы ротана, связывавшей небо и землю. Этот сюжет — развитие общетайской идеи о наличии связей (нитей) между небом и землей и даже о былом их соприкосновении.

Вместе с тем в мифологии тайских народов четко выражены представления о подземных (хтонических) божествах-нагах. В основе культа нагов у тай лежат верования аборигенных мон-кхмерских народов. Основная их функция — не столько хранение вод и земельного плодородия, сколько концентрация всего греховного, что ритуально удаляется. С этим пред-

ставлением у лаотянцев связаны красочные гонки лодок, которые проводились два раза в год. В начале лета, когда воды из Меконга и других рек устремлялись на поля, курсы лодок как бы показывали этот путь нагам. Осенью наоборот — лодки уводили нагов вслед за потоками вод (а с ними и всякое зло) в главную артерию — Меконг.

Таким образом, вода в тайской мифологии — стихия, концентрирующая отрицательные свойства, тогда как огонь — положительное начало. Земля появляется из воды благодаря деятельности существ огненного (светового) полюса. Таковы старики Пу Нго и Не Нгам в лаотянском мифе, срубившие гигатскую лиану, закрывавшую собой солнце. Они же в танце «вытоптали» землю из воды.

Следовательно, земля для всех тайских народов скрывает в себе огненное (световое) начало, и это проявляется в массе локальных культов духов земли. Феодализированный культ этих духов превратился в прошлом, по существу, в своеобразную религию с кадастровым земельным культом, заданным, однако, иерархией небесных духов.

Если оставить в стороне индуизированные имена тайских духов, их атрибуты, некоторые мифологические сюжеты, обязанные индийскому источнику, то перед нами возникает разносторонне разработанная тайская мифологическая система, типологически, а, может быть, также исторически связанная с мифологиями не только Восточной и Юго-Восточной, но и Передней Азии.

Мон-кхмерские народы

Народы этой языковой семьи расселены в Индокитае и в прилегающих частях китайской провинции Юньнань. Есть теория, объединяющая эту семью вместе с мундаской в Индии в одну аустроазиатскую семью. Как в Индии, так и в Индокитае носители этих языков считаются древнейшим населением. Отсюда наш интерес к мифологии и религии мон-кхмерских народов. Тем более что в их число включаются народы, находящиеся на таких ступенях общественного развития, когда еще люди не знали производящего хозяйства. Речь идет о семангах и сеноях полуострова Малакка и о некоторых других. Упомянутые архаические народы и в расовом отношении отличаются от окружающего южномонголоидного населения. Так, семанги относятся к низкорослому негритосскому типу, сенои — к веддоидному.

По своим историческим судьбам мон-кхмерские народы очень несхожи. С одной стороны, это упомянутые охотники и собиратели Малакки,

живущие разобщенными группами, долго сохранявшие обычаи охоты за головами, мотыжные земледельцы ва, а с другой — моны и кхмеры, создавшие первые государства в Индокитае. Что обо всем этом могут сказать мифология и исконные религиозные верования?

Характеризуя в целом мон-кхмерскую метафизику, можно сказать, что она довольно равнодушна к космосу. Сюжеты космологии, конечно, здесь представлены, но они как бы приземлены, еще точнее, приводнены. Вот соответствующие мифы семангов.

Существовала Манои (Ланинг, Куунг) — первоначальное женское существо. Одно из имен этой первоначальной женщины — Куунг — означает именно «вода». Манои — создательница мира. Иногда она изображается черепахой. Среди Мирового океана с помощью своих внуков Манои водрузила ветвь дерева рамбутана на спину подводного зверя. Земля появилась около дерева позднее, принесенная навозным

жуком. В других версиях мифа Маной становится женой Та Педна, небесного бога. Последний путешествовал со своим братом по образовавшейся земле. Ловили рыбу в море. Из их сломанного удилица образовались две горы. Одна из них — Бату Рибн, стоящая в центре мироздания. В одном из вариантов гора появляется без всякого вмешательства Та Педна, в результате деятельности двух внуков Маной. Выуживание земли — естественный сюжет океанийской мифологии, и ее влияние на семангов не исключено.

Та Педн (Кето, Мольтек, Англай, Пле) — это высшее небесное божество. Он обитает среди других духов на небе. Иногда говорят, что он живет в солнечном свете или что Та Педн и есть солнце. Иногда образ Та Педна сливается с образом Карей, бога грома. По некоторым представлениям, Та Педн живет на востоке, его младший брат — на западе. У Та Педна есть жена Маной. В мифах семангов заметна тенденция перенятия функций создателя мира Та Педна от женщины Маной.

Особых ритуалов в честь Маной и Та Педна нам обнаружить не удалось, что подтверждает предположение о заимствовании основ или деталей этих мифов. Зато совсем иначе обстоит дело с Кареем. Это бог грома у негритосских племен джахай, ланок и кента на полуострове Малакка. Хотя представления о нем не отличаются ясностью: Карей рассматривается и как то же лицо, что и Та Педн, и как старший брат последнего или даже отец. Карей и Та Педн имеют разобщенные функции в мифе. Карей обитает в пещере и олицетворяет гром как природное явление. Он выступает как грозное и злое божество. Его особенно боятся женщины. Для умиротворения Карей при громах семанги пускали свою кровь из раны, нанесенной в икру ноги.

Миф о Карее трудно назвать космологическим, он не раскрывает космогенеза, т. е. происхождения, строения

и развития Вселенной. Но важная метафизическая мысль в нем присутствует — истекающая кровь уносит опасность.

В мифологии развитых мон-кхмерских народов сотворению мира все же уделено внимание. Но это больше вариации на темы известных индуистских или буддийских сюжетов. Вот средневековый камбоджийский Махешвара. Его деятельная сила проявлялась в том, что он непрерывно спускался с неба на гору Мотан, порождая на земле все формы жизни. Его культ процветал при королевском дворе. Культ Махешвара имел явное шиваитское происхождение (Махешвара — это Шива), но, по некоторым данным, в его образе очень рано сказались влияние буддизма (Махешвара считался бодхисаттвой, спускающимся к людям на землю).

Для кхмеров, создателей древнейших камбоджийских государств, типичен миф о *промах* — небесных существах, ставших родоначальниками людей. По древнекхмерской космогонии вокруг горы Сомеру (Меру) находятся в океане четыре острова, один из которых, Чумпуйтвип, населен людьми. Над горой Сомеру находится райский мир красивых долгоживущих существ *тевода*. Еще выше них меньший по размеру мир более совершенных существ-промов. Наконец, последний — двадцать седьмой — небесный мир Нипеау (Нирвана), где живет только Будда. Земной мир уже был населен людьми, но их из-за грехов погубили тевода. Землю сначала жгло семь солнц, потом все залил потоп. Когда вода стала убывать, на землю были посланы в качестве стражей восемь промов. Они попробовали на вкус морскую пену, захотели есть и ели землю, а когда появились растения, то перешли на них. По другой версии они ели сначала грибы, затем плоды лианы и, наконец, рис. От последнего их животы наполнились экскрементами, и в их телах открылись по два отверстия. Когда это произошло, промы стали существами,

имеющими пол. Они начали строить жилища, возделывать рис и превратились в людей.

Представление о существовании некогда нескольких солнц, характерное для всего Востока Азии, очевидно, было также у всех мон-кхмеров. По крайней мере, у ва в Северном Таиланде есть обряд, имитирующий стрельбу кузнеца из лука в солнце.

Более интимны у мон-кхмеров отношения с водой. Если в Индии и в Индокитае у многих народов наги (змеевидные существа) опасны, то у кхмеров это благодетельные существа, даже партнеры по браку. Наги обитают под землей и в водных источниках. Могут превращаться в красивых женщин. По одному из мифов основатель кхмерского государства Прах Тхон смог проникнуть в мир нагов, сидя на дереве, которое каждую ночь опускалось под землю. Там он женился на дочери царя нагов, который дал ему *сампот* (поясную одежду) с изображением нагов. В память этого в Камбодже в старину жених должен был дарить невесте такой *сампот*. С нагами у камбоджийцев связаны очень древние представления тотемического характера. Наги выступают как первопредки, в которых могут превращаться люди в переломные моменты жизни. Например, прежде во время брачной церемонии жениху и невесте спиливали немного передние зубы, «чтобы они не смогли превратиться в нагов». Женщина-нага — центральный образ кхмерских династических мифов. Существует сообщение XIII в. о том, что кхмерский король должен был проводить ночи вместе с многоголовой нагой, и от этого зависело благосостояние страны.

Изображения наги часты на барельефах Ангкора, ими оформлены перила и балюстрады. До сих пор рукояти крестьянских серпов делают в форме змеи-наги. В камбоджийском буддизме к нагам двойственное отношение: по одному из мифов нагу Мучилинде принадлежит заслуга спа-

сения Будды во время потопа, по другому — один из нагов обманом стал учеником Будды и был разоблачен. Теперь при приеме в послушники неофит должен ответить, не является ли он нагом.

Монский вариант связей между нагами и людьми выглядит так. Зингьяик — мифический холм у монов (Нижняя Бирма). Это место, где вступили в брачный союз пришедший из Индии «чародей солнечной расы» и нага, хтоническое божество. Монские короли рассматривались как их потомки. Наследование по материнской линии у монских правителей связывалось с происхождением от нагов как хозяев земли. Культ же небесных духов у монов оформлен сравнительно поздно.

У мон-кхмеров в сюжетах о происхождении риса отражены гармонично-женственные отношения к земле. Рис не был послан с неба богами, а попал к людям из-под земли (или даже из-под воды). Вот миф о Пейсрап — душе риса у кхмеров. Это женщина. Иногда ее называют Преас Ме («святая мать риса»). Некогда люди не беспокоились о выращивании риса, он сам прилетал в амбары. Но одна женщина ударила рис коромыслом. Рис убежал и спрятался в трещине камня. Рыба проникла туда и упростила рис вернуться. Но с тех пор людям приходится очень заботливо относиться к рису и его возделывать.

У банаров и других народов Центрального Вьетнама рис был принесен людям муравьем Хмоч-Кенту. Событие связано с потопом, вызванным тем, что ворон (или коршун) обидел краба. В барабане спаслись брат и сестра. У них был только вареный рис. После потопа муравей принес два зерна (или колоса). Рис, выросший из них на следующий день, был огромного размера. Одного зерна хватало на обед. Растения не возделывали, зерна, созрев, сами мчались в амбары. Так было до тех пор, пока женщина по имени Со Крок не прогнала рис в поле.

Интересен цикл мифов ма, срэ, банаров и других народов Центрального и Южного Вьетнама о Нду. Это верховное божество-демиург. Часто он выступает в образе красной птицы. В подземном мире Брах Тинге Нду создал огонь, а также каменные орудия, которыми люди начали пользоваться. Там же появились буйвол, свинья и куры. С подземным миром связано и само происхождение людей, которые вышли через отверстие в земле. Его уже не существует. Вышел мужчина, но его жена с ребенком там остались, так как в проходе застрял буйвол с двумя головами. Показывают скалу, в которую этот буйвол превратился. Мир, созданный Нду, отличался от современного. Человек не нуждался в доме, а жил под деревьями, листву которых Нду сделал непроницаемой для дождя. Люди получали все без труда. У них всегда под рукой были плоды, мясо и рыба. Рис рос сам, а мотыга сама для него подготавливала почву. Человек только указывал, где ей работать. Топор сам рубил лес. Но мотыга была слишком усердна и без конца требовала новой работы. Ленивые люди забросили ее далеко.

Примечательно, что локальные кадастрово-земельные духи в мон-кхмерской мифологии оказываются связанными с водной стихией. Таковы *неак та*, духи — хранители местности у кхмеров. Живут неак та на возвышенных местах в деревнях и в водоемах. С каждым из неак та связывается местный цикл мифов. Культ неак та весьма популярен в Камбодже и носит выраженный аграрно-магический характер. В древности почитание неак та дало почву королевским культам горы. Современный же камбоджийский буддизм включил в себя культ неак та.

Кадастровые духи у монов — антагонисты водных, но это явный результат религиозной политики, проводившейся государством. *Деватау сотапан* — «духи, победившие водный потоп». Они рассматриваются

как мужские по природе в противоположность хтоническим божествам-нагам, женским. Деватау сотапан числом 36 были канонизированы в XV в. правителем монского государства в Пегу. Это число связано с делением средневекового государства Раманадесы на 32 округа, объединенных четырьмя провинциями. В каждом округе, а также в провинциях были свои духи-хранители деватау сотапан. Их культу были посвящены ступы. Представление о деватау сотапан было включено в систему монского буддизма. Деватау сотапан часто рассматриваются как пример кадастровых (земельных) божеств.

На хтоническом и явно пассивном фоне мон-кхмерской мифологии неожиданным образом проявляется культ небесного огненного меча. Этот сюжет вообще распространен на всем Востоке Азии, будучи часто атрибутом шаманского обряда. У мон-кхмеров культ такого меча сосредоточен в Камбодже, на юге Лаоса и в соседних районах Вьетнама. Причем сюжет мифа о мече характерен для разных этнических групп.

Вот камбоджийский вариант о Прах Кхане — священном мече королей Камбоджи. Считалось, что взятый без специальных ритуалов, он уничтожит страну огнем. За хранением меча следила каста камбоджийских брахмано-баку. Согласно хроникам он был завещан потомкам анкорским королем Джайяварманом II (IX в.). По версии горцев Камбоджи, мифический небесный герой Прах Писнокар изготовил два волшебных меча с изображением Брахмы. Один был отдан лаотьянцам, его ножны — тай (сиамцам). Другой Прах Кхан был передан кхмерам, его ножны — горцам Камбоджи. По одной из версий рукоять Прах Кхана хранилась у касты охотников на слонов. В другом варианте Преа Ен, верховный дух кхмеров, дал ножны вьетнамскому королю, рукоять — сиамскому, клинок — камбоджийскому. Прах Кхан был не только палладиумом, священным сим-

волом безопасности государства. С ним связана и космогоническая символика: лезвие — символ огня, ножны — воды. До конца XIX в. в Камбодже проводились раз в год ритуалы с Прах Кханом. При французах меч этот пропал.

Миф о мече нарушает структуру мон-схмерского мифологического мышления, и поэтому он способен к сюжетным развитиям. Такое можно видеть в версии мыонгов Южного

Вьетнама. Пранг и Янг — мифические герои. Янг — младший брат, был изгнан старшим братом-вождем. Янг нашел камень, обладающий способностью через все проникать. Чудовища сковали ему меч. Янг с его помощью отрубил голову Наге, спас дочь китайского императора и женился на ней. Перед смертью оставил ножны меча в Камбодже, рукоять — в Сиаме (Таиланде), клинок — у джараев.

Вьетнамцы

Мифологические представления глубоко вошли в сознание вьетнамцев: хотя в мифы сейчас не верят, их почитают как наследие седой древности. Намекая на миф о происхождении народов, в высоком стиле речи принято и поныне называть вьетнамцев потомками дракона и феи. До сих пор в некоторых вьетнамских деревнях устраивают веселые праздники с шествиями и представлениями, в которых фигурируют мифические герои.

Во Вьетнаме, кроме вьетов, собственно вьетнамцев, проживают еще свыше пятидесяти народов, из которых наиболее близки к вьетам по языку и культуре мыонги. Ученые считают, что вьеты и мыонги были в древности единым народом и разделились примерно на рубеже 1-го и 2-го тысячелетий н. э. У мыонгов сохранился архаичный цикл мифо-эпических сказаний «Рождение Земли и рождение Воды», благодаря которому, как и другим памятникам, воссоздается конкретная картина вьетомыонгской мифологии. Миф о создании упорядоченного космоса из бесформенного хаоса (это совершают бог Тху Тха и богиня Тху Тхиен, которые повелели: «Да будет земля, да будет небо!») связан с образом гигантского дерева, вырастающего с чудесной быстротой, — мирового дерева. Мифы рассказывают о рождении

богов и всего живого — разных зверей, змей из яиц:

*Подбросили яйцо на небо —
Вылупился из него бог молнии,
Запустили яйцом в небеса —
Вылупился бог облаков,
Бросили продолговатое яйцо —
Вылупилась мышь,
Бросили крупное яйцо —
Вылупилась свинья,
Бросили толстое-претолстое яйцо —
Вылупился слон.*

А яйцо, которое не лопалось дольше всех, дало жизнь первопредкам народов:

*Когда странное яйцо лопнуло,
Раздалось лопотанье по-лаосски,
Послышалась вьетская речь,
Зазвенели слова по-мыонгски.*

Согласно мифу вьетов фея Эу Ко, вступив в брак с государем драконом Лаком, породила мешок со ста яйцами; из каждого яйца вышло по сыну, которые и дали начало разным народам, а самый старший из сыновей стал вьетнамским правителем — первым государем Хунгом. Во Вьетнаме и сейчас еще поклоняются государю дракону Лаку и фее Эу Ко, а на праздник к памятному храму государей Хунгов стекается великое множество народа.

Справедливо утверждают, что вьетнамцы почитают небо и землю, духов, которые в них обитают, Будду и буддийских святых, души умерших предков, прославленных исторических

персонажей и даже фольклорных героев, в честь которых возведены памятные храмы, — персонажа волшебной-героической сказки богатыря Тхатя Саня, эпического героя могучего Фу Донга или Зяунга, который один победил целое войско древнекитайского царства Инь.

Во Вьетнаме можно выделить официальные, государственные культы, прежде всего культ Конфуция (до XV в. «государственным учением» был буддизм). Конфуцианство на протяжении 1-го тысячелетия н. э. нередко воспринималось во Вьетнаме негативно как орудие духовного закабаления и политики ассимиляции, проводившейся китайской империей. Но уже в 1070 г. государь Ли Тхань Тонг учредил в столице конфуцианский Храм литературы, в котором поклонялись Конфуцию. Храм литературы, разумеется, неоднократно перестроенный, и сейчас украшает Ханой, пленяя удивительно гармоничной планировкой множества изящных зданий, ажурных ворот в сочетании с бассейнами, парковым ансамблем. Конфуцианство с его строгой иерархичностью и этическим ригоризмом стало служить стабилизации общества, с XV в. утвердившись в качестве государственной доктрины со своими обрядами и культами, прежде всего культом Конфуция, который отправляли в Храме литературы.

В число государственных входили и другие культы, так или иначе связанные с конфуцианством. Культ Тхэн Нонга (т. е. китайского бога земледелия Шэньнуна) долженствовал обеспечить основу жизни страны — хороший урожай. На старинных календарях обычно изображался мальчик (Тхэн Нонг), ведущий буйвола (символ земледелия). Но в зависимости от предсказаний придворных астрологов в изображения вносились некоторые изменения. Если по предсказаниям год предстоял урожайный, Тхэн Нонг на календаре шагал в отличной обуви, а если неурожайный, то он кое-как шлепал в одной туфле.

Обряд поклонения Тхэн Нонгу и буйволу перед их статуями в начале весны совершал сам император в окружении вельмож и чиновников. Причем помимо поклонов, одному из чиновников поручалось трижды ударить прутом статую буйвола, дабы он живей пошевеливался — лучше трудился.

Государственным праздником был также обряд вспашки первой борозды: неподалеку от столицы лакированным и позолоченным плугом первые борозды проводил сам император, неподалеку от провинциальных центров — губернаторы, в общинах — старший из должностных лиц. Причем в общинах был обычай проводящего борозду обливать водой и грязью, чтобы этим магическим действием вызвать необходимый для урожая дождь.

Хотя Вьетнам принято считать буддийской страной, однако религиозные воззрения вьетов, как мы видим, очень сложны. Характерно взаимопроникновение трех учений: буддизма, даосизма и конфуцианства во взаимодействии с местными культами, очень укорененным культом предков.

Буддизм пришел во Вьетнам в начале 1-го тысячелетия н. э. непосредственно из Индии и в VI в. достиг процветания, когда индийский проповедник Винитаручи создал здесь секту *тхиен* (санскр. «созерцание»), которая впоследствии смешалась с китайской школой *чань*, получившей большое развитие в Японии под названием *дзэн*. В XI—XIV вв. буддийское духовенство было в большом почете при вьетнамском дворе, вьетнамская культура в то время формировалась прежде всего как буддийская. В столице Тханг-лонге (городе «взлетающего дракона») и в красивейших уголках страны строились храмы, в том числе весьма колоритный столичный Храм на Одной Колонне. В 1031 г. государь Ли Тхай Тонг повелел соорудить 950 храмов и часовен. В 1256 г. государь Чан Тхай Тонг распорядился отлить 350 храмовых колоко-

лов из бронзы, украшенных надписями. Буддизм вбирал в себя местные культы, прежние капища, пещерные храмы становились буддийскими святынями, например Храм Благовонных Следов Будды, куда, впрочем, отправляются бездетные, чтобы вымолить себе ребенка.

Народная вера была далека от высокой философской сущности буддизма: в храм ходили и ходят, чтобы помолиться и испросить чего-либо у Будды. Тем более что с XV в. буддизм с его созерцательностью, представлением об иллюзорности всего сущего был отодвинут конфуцианством в сферу семейных и личных отношений, а храм рекомендовалось посещать в основном пожилым людям. В анонимной поэме XIX в. «Наставления женщинам, изложенные стихами» прямо говорится:

А молодым девицам нечего в пагоду ходить.
Одна глазами поводит, поблескивает,
другая улыбочки раздаривает.

Но буддизм во Вьетнаме оказался жизнеспособным и в наше время, несмотря на атеистическую пропаганду.

Даосизм заметно повлиял на конфуцианских ученых-книжников Вьетнама, но особым оформившимся течением в общественном сознании не стал. К идеям даосизма обращались конфуцианцы, отказываясь от службы недостойному государю и удаляясь в сельское уединение.

Магическая же ипостась даосизма, смешиваясь с местными поверьями, весьма процветала. Превратились в даосских святых Небесная Матерь Льеу Хань, божество, покровительствовавшее горам, ручьям и рекам, прославленный полководец XIII в. Чан Хынг Дао, отразивший монгольское нашествие. Эти и другие даосские святые творили чудеса, «спешествуя государю и помогая народу», за что двор их жаловал титулами: Льеу Хань, например, носила титул «первейшей благостной богини». Под знаком даосизма гнездились различные

колдуны, шаманы, предсказатели судьбы.

Общинные культы представлены прежде всего поклонением духу — покровителю деревни, они отправлялись в особых храмах или общинных домах, причем каждая деревня имела своего духа-покровителя. Это мог быть мифический персонаж, как дух горы Танвиен, знаменитый исторический персонаж вроде знаменитых полководцев прошлого Чан Хынг Дао и Фам Нгу Лао, национальных героинь двух сестер Чынг, поднявших освободительное восстание в I в. н. э., или сановника и поэта Нгуен Конг Чы (1778—1858), имевшего, в частности, большие заслуги перед местными жителями (он возглавлял работы по отвоевыванию у моря новых земель). Но иногда дело доходило до абсурда: духом-покровителем становился такой персонаж, как нищий бродяга или вор, погибшие, правда, при чрезвычайных обстоятельствах.

Распространена была также вера в магию местности, знатоками которой были *тхэй диали* (геоманты). Если бедняки при строительстве дома руководствовались немудреной истиной, выраженной вьетнамской пословицей: «В жены надо брать женщину незлобивую, а дом ставить дверями на юг», чтобы туда задувал прохладный южный ветерок, то богачи прибегали к услугам геоманта. Геомант выбирал место «среди гор и рек, источающих эмоции», дабы дом процветал. Надо было избегать соседства буддийских храмов, вида на край пруда и т. п., а также закопать перед домом каменное изваяние пса, изгоняющее дыхание нечистой силы. Хорошее месторасположение и правильное направление необходимо было определить с помощью геоманта и при строительстве храма, общинного дома, крепости и оборонительной башни. В зависимости от рельефа то или иное место относили к различным типам: «шесть драконов, оспаривающих жемчужину», «феникс, пьющий воду», «собрание небожителей, пьющих вино»,

«тигр, преследующий стадо коз» и т. п. Бывало, что из-за веры в магию местности в случае своих неудач люди перестраивали дом, чтобы придать ему правильное направление, устраивали перезахоронение давно почивших предков.

Проповедники католицизма на земле Вьетнама появились в XVI в., а к первой четверти XVII столетия относится их важнейшее культуртреггерское деяние — создание вьетнамской латиницы. Миссионеры во Вьетнаме были довольно удачливы: сейчас там насчитывается свыше 6 млн. католиков. В центре Ханоя, Хошими-на, других городов возвышаются католические соборы. Недалеко от города Донгха находится старейшая в Юго-Восточной Азии католическая церковь (Лавангской богородицы), построенная в 1798 г. Католичество во Вьетнаме приобрело и до сих пор сохраняет феодальные черты: культ священника, всевластие которого простирается далеко и вторгается в личную жизнь прихожан; прихожане находятся под жестким контролем церковной общины. С 1955 по 1964 г. в Южном Вьетнаме господствовала семейная клика Нго Динь Дьема, который пытался создать нечто вроде католического государства, против чего восставали буддисты, а буддийские монахи, совершая самосожжения, предвещали падение диктатора. Число католиков последнее время во Вьетнаме растет, поскольку с обращением в христианство связываются надежды на установление и развитие экономических отношений с единоверцами на Западе. Настороженное отношение к католикам здесь имеет исторические корни, так как их считали пособниками колонизаторов; еще в конце XIX в. замечательный поэт-патриот Нгуен Динь Тьеу восхвалял героев, которые «хоть фитиль из сырой соломы скрутили, все же сожгли дотла дом, где проповедовали ложную веру». Преодоление этой настроенности — нелегкий и долгий процесс, которому активно способ-

ствует ширящееся патриотическое движение вьетнамских католиков, осознающих, что гармоничное соединение веры и деятельности в миру приносит пользу и отечеству и церкви.

В XX в. во Вьетнаме наблюдалось не только усиление интереса к христианству, но и попытки синтеза религий Востока и Запада при опоре на спиритуализм и оккультизм. Одна из попыток оказалась довольно успешной: в результате ее в 1926 г. усилиями чиновника Нго Ван Тьеу было торжественно отмечено появление *каодаизма*. Грэм Грин метко схватил его черты: пеструю эклектичность и строгую организацию, свойственные каодаизму, содержащему в 50-е годы даже свою частную армию в 25 тыс. человек: «Чего там только нет! Папский престол в Тэинине, папа и женщины-кардиналы. Предсказания на дощечке. Пресвятой Виктор Гюго. Христос и Будда, вззирающие с крыши храма на пестрых драконов и змей, напоминающих цветную диснеевскую фантазию в восточном стиле». Эклектичность каодаизма обусловлена стремлением соединить в себе чрезвычайно разнородные учения, примирить все их истины и догматы, провозгласив главной истиной любовь. Характерны его претензии на всеохватность и ее символика: всевидящее око, которое помещается при входе в храм, земной шар. Каодаисты считают, что объединяют пять учений: конфуцианство, политизм, христианство, даосизм, буддизм. Отсюда необыкновенная пестрота пантеона божеств и святых, совмещение несоединимого, например изображений Сунь Ятсена, пишущего изречение на табличке, и Виктора Гюго, облаченного в мундир Французской академии и с нимбом святого вокруг треуголки, указывающего на эту табличку. Грэм Грин воспринимал каодаизм как некую фантазмагорию: «Драконы с львиными мордами карабкались на амвон. С плафона Христос открывал миру свое кровото-

чащее сердце. Будда сидел, как всегда сидит Будда, раздвинув колени, редкая бородка Конфуция падала жидкими струйками, как водопад в засуху. Все это пахло театральщиной: большой земной шар над алтарем отдавал бахвальством, а шкатулка с выдвижной крышечкой, откуда папа извлекал свои предсказания, — ловким трюка-

чеством». Тем не менее каодаизм, имевший значительное число последователей и в 50-е годы игравший существенную роль в политической жизни страны, ныне сохраняет определенное влияние в духовной сфере, дополняя собой пеструю картину вьетнамских религий и верований.

Народы Малайского архипелага

Мифология народов Малайского архипелага включает в себя мифологии многочисленных народов Индонезии и Малайзии. Подразделяется на две крупные области: мифологию Западной Индонезии и Малайзии (острова Суматра, Калимантан, Ява, Бали, частично Сулавеси, полуостров Малакка) и мифологию Восточной Индонезии (Малые Зондские острова, Молуккские острова). Многие крупные народы (яванцы, балийцы, сунданцы и др.) под влиянием сначала индуизма и буддизма (1-е тыс. н. э.), а затем мусульманства (XIV—XV вв.) и христианства (XIX—XX вв.) либо утратили свою исконную мифологию, либо сохранили ее под сильным напластованием пришедших извне религиозно-мифологических традиций. Частично мифология этих народов сохранилась в виде отдельных мотивов, сюжетов и образов, проникших в более поздние литературные произведения и письменные памятники. Хорошо известна в настоящее время мифология бугийцев (южная часть Сулавеси), так как она была зафиксирована в обширной эпической поэме XVII—XVIII вв. «Ля Галиго». Принятие бугийцами мусульманства не смогло уже оказать сильного воздействия на их мифологическое наследие. В настоящее время мифологические сказания еще живы у народов Суматры (батаки), Калимантана (различные даякские племена, дусуны), а также у нiasцев, энгано, населяющих острова вдоль западного

побережья Суматры, у минахасцев северной части Сулавеси, у тораджей Центрального Сулавеси, у большинства населения Восточной Индонезии.

Мифологические представления Западной Индонезии и Малайзии характеризуются некоей общностью черт, во многом обусловленной общей исторической прародиной индонезийских народов (район Южного Китая) и многовековыми культурными контактами этих народов друг с другом. Одной из таких общих черт является представление о строении мира, о его разделении на три слоя: верхний, средний и нижний. Верхний слой может, в свою очередь, состоять из нескольких небесных слоев — чаще всего из семи или девяти, иногда из сорока двух (нгаджудаяки). Верхний и нижний миры считаются существующими изначально. Срединный мир, т. е. земля, считается созданной силами божеств двух миров — верхнего и нижнего. Верхний мир — владычество главного божества мужского пола, часто выступающего в облике птицы-носорога или петуха. У батаков верховное божество верхнего мира называется Мула Джади, у нгаджудаяков — Махатала, у нiasцев — Ловаланги. Мула Джади, кроме того, является повелителем всех трех миров Вселенной. Он восседает на вершине седьмого неба под царством душ умерших. Мула Джади — творец мира, и в этом деле ему помогали птицы — ласточки и курица, снесшая яйца в ветвях мирового дерева, из

Бог Вишну с богиней луны

которых вылупились жены трех божеств — Батара Гуру, Мангабулана и Сорипады, также принимавшие самое активное участие в процессе мироздания. Махатала (у нгаджу-даяков) родился от соприкосновения золотой и алмазной гор, плавающих в изначально существующем океане. Местопребывание этого верховного божества — вершина небесной горы. Он обладает живой водой, благодаря которой может постоянно самовозрождаться. Ловаланги ниасцев — верховный повелитель верхнего мира считается воплощением солнца, добра, золота и изображается обычно в виде фантастической птицы, напоминающей птицу-носорога или петуха.

Нижний мир — это царство водной стихии, повелительницей этого мира является божество женского пола, выступающее в облике водяной или рогатой змеи (Джата у нгаджу-даяков, Нага Падоха у батаков, Латуре Дане у ниасцев). Ибаны (даяки Северного Калимантана) считают нижний мир местопребыванием буйвола, на спине которого держится средний мир — земля. Когда буйвол начинает двигаться, происходят природные катаклизмы — землетрясения, бури, наводнения. Средний мир — порождение верхнего (небесного) и нижнего (подземного) миров, но иногда считается созданием только небесного мира и ему подчиненным. Он населен божествами плодородия, покровителями земледелия (батакское божество Бораспати ни Тано в образе ящерицы), а также людьми, животными, демонами, духами, обитающими повсюду — в домах и во всех элементах природного ландшафта — лесах, горах, водоемах. В распоряжении главных божеств находится множество божеств, с деятельностью которых связано возникновение природных объектов, появление культурных растений и самого человека. Эти божества, действуя самостоятельно, являются в то же время ипостасями главных божеств и выполняют их волю. Главные божества верхнего и

нижнего миров образуют антагонистическое единство, порождающее все сущее. Оно воплощается в образах двух братьев (у нiasцев), мужа и жены (у дусунов), мирового дерева, на вершине которого сидит птица-носорог (символ мужского), у корней — водяная змея (символ женского начала у нгаджу-даяков). Чаще всего в космогонических мифах Западной Индонезии рассказывается о сотворении мира и всего, что в нем обитает, как о результате борьбы, спора, соперничества или столкновения двух противоположных божественных сил — небесной и подземной, мужской и женской.

У нгаджу-даяков Махатала призывает на совет Джату, перед тем как сотворить землю. Из своей алмазной короны небесное божество создает мировое дерево, на ветви которого опустились птицы-носороги (самец и самка). В борьбе друг с другом они уничтожили и себя, и мировое дерево. Из остатков их тел и обломков дерева возникли особенности природного ландшафта и первые люди. Люди беспомощно плавали по подземному океану до тех пор, пока Махатала не бросил созданную им из осколков солнца и луны горсть земли, где они поселились и дали начало человеческому роду и духам.

У нiasцев существует миф о состязании двух братьев (в некоторых вариантах это братья-близнецы), рожденных из почек мирового дерева (по некоторым версиям от близнечной пары, рожденной, в свою очередь, прародительницей богов и людей по имени Инада Самадуло Хэси). Ловаланги — владыке небес, воплощению добра, солнца — удалось создать людей и вдохнуть в них жизнь. Он борется за старшинство со своим братом Латуре Дане — повелителем подземного мира, средоточием болезней и несчастий. В течение 9 дней Ловаланги безуспешно забрасывает брата скалами. Латуре Дане побеждает в состязании, своей силой вызывает землетрясение и разрушает

дом Ловаланги. Позже Ловаланги удается жениться на дочери своего старшего брата, у них рождается ребенок без рук и ног. Его разрезают пополам, одну половину бросают к истоку реки — она превращается в женскую половину, другую половину бросают к устью реки — она превращается в мужскую половину. Обе половины соединяются в браке и становятся родоначальниками людей.

В дусунов творцами мира выступают муж и жена — Кинорохинган и Варусансадон. Они появились из расколовшейся посередине изначально существующей скалы. Сначала они вместе сотворили небо и землю. Жена создала землю из комков грязи собственного тела, муж, будучи кузнецом, выковал небо. Земля не хотела отделяться от неба и была слишком большой. Тогда богиня Варусансадон стала ее валять как вытканную ткань, земля сморщилась, отделилась от неба, на ней образовались большие и малые горы. Затем после нескольких неудачных попыток сотворить людей из камня и дерева боги создали их из земли. Чтобы накормить людей, они убили свою дочь, из различных частей тела которой выросли культурные растения.

Согласно космогоническому мифу батаков окружающий мир и все, что в нем находится, возникло в результате борьбы небожительницы Сидеак Паруджар, дочери одного из верховных божеств верхнего мира, с божеством подземного мира, представленным рогатой змеей — Нага Падоха. Сидеак Паруджар создает землю, первая поселяется на ней и становится родоначальницей людей.

У минахасцев (Северный Сулавеси), ибанов (Северный Калимантан), жителей Западного Флореса распространен иной космогонический сюжет: возникновение земли, появление первых людей приписывается богине, которая самозарождается от камня, а затем оплодотворяется ветром и вступает в кровосмесительную связь с огнем. Даяки Централь-

ного Калимантана — кенья и бахау — объясняют возникновение мира и всего существующего в нем, в том числе и людей, многочисленными брачными связями земли, мирового дерева и различных мифологических персонажей между собой.

Восточная Индонезия образует особый комплекс космогонических мифов. Творение мира и человека мыслится как результат священного брака между небом и землей (большая часть Восточной Индонезии), солнцем и землей (Юго-Западные острова), солнцем и луной (острова Кэй и Танимбар). Небо находилось в соитии с землей до тех пор, пока земля не родила природные объекты и человеческую пару. Позже люди или деревья разъединили небо и землю и подняли небо вверх. Земля в мифах оказывается то созданной небом и подчиненной ему (Восточный Флорес), то более почитаемой, чем небо (белу Тимора). Важное место в космогонии занимает мировое дерево или мировая гора. В Западной Индонезии следы брачного союза неба и земли сохранились в космогонической мифологии кайянов и бахау (Центральный Калимантан). У малайцев подобные следы можно видеть в обращении к земле-матери и небесному отцу перед ритуальным представлением ма'йонг, в жертвоприношении отцу-небу и матери-земле перед врачеванием шамана (Селангор, Перак). В образе малайской богини Ибу Пертиви (матери-земли), олицетворяющей плодородную силу земли, имеется явное сходство с божественной сущностью земли Восточной Индонезии. У ряда народов Восточной Индонезии верховное божество — создатель всего сущего носит имя, возникшее под влиянием мусульманства, — Алахатала. В этом сказалось культурное воздействие Западной Индонезии, проникающее в Восточную Индонезию со времен средневековья. Пантеон Восточной Индонезии, так же, как и западной ее части, состоит из образов небесных и зем-

ных божеств, подчиненных им более мелких природных божеств, предков, основателей мест и производителей культурных благ, добрых и злых духов, обитающих в морях, озерах, реках, лесах, горах, пещерах и т. п.

По всей Индонезии существуют мифологические образы божеств, пришедших из иных религиозно-мифологических традиций, но развившихся на почве местной мифологии. Батара Гуру — божество индийского происхождения, наделенное у разных индонезийских народов своими особенностями. У яванцев Батара Гуру — главное божество пантеона, творец богов и людей. По одной версии яванского мифа Батара Гуру, женившись на собственной дочери, привел ее к смерти, после погребения из различных частей тела умершей произросли культурные растения, в том числе и рис. В мифологии балийцев Батара Гуру вместе с Батара Брамой считается создателем людей: они вылепили их из глины и оживили путем медитации. Батара Гуру является также творцом и учителем божественного закона и великим небесным аскетом. Он воплощает в себе небесное начало и верхний мир. Яванская и балийская религиозно-мифологическая традиция считает Батара Гуру одним из аспектов божества Шивы и изображает его в виде человека с четырьмя руками, стоящего на спине священного быка.

У батаков Батара Гуру — один из трех верховных богов, порожденных главным божеством Мула Джади. Батара Гуру пребывает на втором небе верхнего мира и следит за действиями богов на небесах и людей на земле. Его животное — вороной конь.

В мифологии бугийцев Батара Гуру — старший сын божеств верхнего и нижнего миров, посланный в средний мир, чтобы из хаоса сотворить землю. На земле он был убит и спрятан в бамбук с щепоткой земли в руке. Бамбук, соскальзывая по радуге в нижний мир, раскололся посередине между верх-

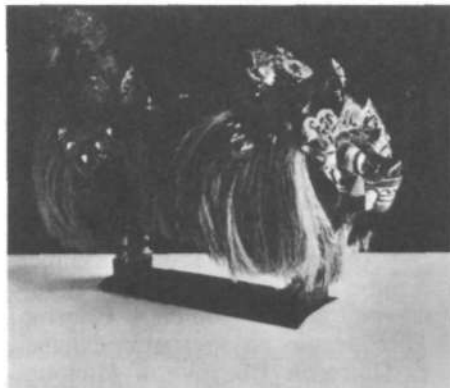

ним и средним миром, из него вышел живой Батара Гуру и стал разбрасывать вокруг себя землю. Женившись на дочери божества нижнего мира, он стал прародителем первых людей, а его слуги, женившись на служанках нижнего мира, родили много детей, которые заселили землю. Дочь Батара Гуру от наложницы умерла, и из ее тела вырос рис. Закончив свою земную жизнь, Батара Гуру возвратился на небо и стал вместо отца верховным богом.

Батара Кала — также персонаж индуистской мифологии, прижившийся в мифологии Западной Индонезии. Это бог-разрушитель, хозяин подземного мира, предводитель свирепых демонов. Он выступает в облике прожорливого великана-людоеда. Согласно мифологической традиции балийцев Батара Кала родился из проникшей в землю спермы бога Шивы. Яванская мифологическая традиция считает, что он появился из пламени в центре океана. Яванцы также считают его сыном Батара Гуру, посланным на землю для того, чтобы испытывать аскетов.

Во всем малайско-индонезийском регионе существует почитание растений, от которых зависят жизнь и благополучие человека. В западной части это относится к рису, в восточной — к таро и ямсу. Рис и другие злаковые, а также корнеплоды и клубнеплоды становятся объектами и персонажами многочисленных мифов. Наиболее широкоизвестный сюжет о рисе — возникновение его из убитых или разрубленных частей человека (ребенка), чаще всего женщины или девочки. У дусунов существует миф, согласно которому женское божество убило свою дочь в то время, когда люди кричали, что им нечего есть. Убитая дочь была разрублена, отдельные ее части закопаны в землю. Из крови ее вырос рис, из головы — кокосовая пальма, из пальцев — бетель, из ног — маис, из горла — сахарный тростник, из колен — таро. В Восточной Индонезии подобный

мотив связан с божественной девой Хаинувеле, из разрубленных кусков которой вырос таро или ямс. Менее распространенный вариант того же сюжета — происхождение риса из частей убитого божества (яванцы). Второй по распространенности вариант сюжета, связанный с происхождением риса, — получение риса как дара со стороны божеств, небесных существ, предков. Реджанги (Южная Суматра) считают, что богиня Нянг Сараи дала человеку самый ценный дар — рис. Рис был первым растением, которое было получено женским божеством земли от творца мира Мула Джади, согласно мифологии тобабатаков. Третий тип сюжетов о происхождении риса представляет его как ценность, украденную или добытую предком (героем). У тораджей существует миф о юноше, который по радуге попал на небо. Ему показалось, что он увидел золото, но это был рис, который раньше он никогда не встречал. Он хотел взять немного риса, чтобы посадить его на земле, но боги запретили ему это делать. Несколько раз юноша тайком пытался спрятать немного риса, но его поступок всегда раскрывали. Наконец, ему все-таки удалось унести с собой несколько зерен риса на землю, спрятав их в раны, которыми были покрыты ступни его ног. В мифологии ибанов сын духа огня

Баронг

человек-половинка (Симпанг-Импанг) добывает огромные рисовые семена на небе, но дух ветра раздробляет их на мелкие семена, которые герой приносит на землю.

В представлении народов Индонезии и Малайзии, большинство из которых занимается выращиванием риса, эта культура считается живой, наделяется человеческой душой, способностью говорить и развиваться так же, как и сам человек. У всех народов — производителей риса существуют представления о присущей ему душе, о духе, матери риса (*тонди* у батаков, *гана* у нгаджу-даяков, *сумангат* у малайцев, *тавоана* у тораджийцев, *индуа парди* у минангкабау, *индунг паре* у сунданцев и т. д.). Мифологизация риса, обожествление его свойств привело к созданию образа настоящей богини риса. Она носит индийское название — Деви Сри у яванцев, балийцев, но обладает всеми признаками индонезийских божеств. Деви Сри считается родоначальницей и покровительницей риса. По индуистско-балийской мифологии она супруга бога Висну (Вишну), из тела которой после смерти вырастает рис. Обряды, совершаемые во время возделывания риса яванцами и балийцами по отношению к Деви Сри, очень сходны с обрядами, относящимися к духу, душе, матери риса, у ибанов, батаков, минангкабау и других народов Индонезии. Вместе со своим братом Седоно, который становится ее мужем, Деви Сри выступает родоначальницей яванской общины. Деви

Сри является популярным персонажем не только рисоводческих обрядов и мифологии, но и героиней театральных представлений.

Герои мифов часто становятся излюбленными персонажами театрализованных зрелищ. Очень большой популярностью пользуется традиционная мистерия «Рангда-Баронг», раньше происходившая при главных святилищах культов предков на острове Бали, в настоящее время — одно из праздничных развлечений. Рангда («вдова») — в балийско-индуистской мифологии повелительница ведьм, а также вредоносных духов-оборотней. Она может насылать болезни, выкапывать трупы из могил, пожирать детей. Рангда мстит мужчинам, заставляющим страдать ее дочь, которая по вине матери остается без женихов. Благодаря своей демонической силе она насылает чуму и огонь на страну. Один ученик отшельника женится на дочери Рангды и таким образом выведывает секрет ее колдовской силы. Рангда изображается с большой устрашающей маской, длинными седыми развевающимися косами волос, с длинными острыми когтями и длинным огненным языком. Ей противостоит Баронг — мифическое фантастическое животное, повелитель демонов, олицетворение добра. В мистерии в костюме Баронга — покрывало и обрамленную гривой маску с выступающими клыками и выпученными глазами — облачаются двое мужчин.

2.

Армяне

Армения (Армянское нагорье) с древнейших времен считалась для Ближнего Востока центром мира. По Библии Бог построил Эдем-

ский рай на востоке, т. е. в северной Месопотамии (в исторической Армении) у истоков райских рек Тигра и Евфрата. Здесь же Бог создал первую

человеческую пару — Адама и Еву. По этой же традиции после Всемирного потопа Ноев ковчег остановился на вершине Араратских гор, и фактически второе происхождение человечества тоже связано с Арменией, откуда по всему свету расселились потомки Ноя.

На территории Армянского нагорья и в центре Малой Азии сложились крупные государственные объединения: Хеттское государство (XIX—XIII вв. до н. э.), Хайаса-Аззи (XIV—XII вв. до н. э.), Митания (XIV—XIII вв. до н. э.) и Ванское царство (IX—VII вв. до н. э.). В этой историко-географической и историко-культурной среде в середине второго тысячелетия до нашей эры постепенно сформировался армянский этнос, впитав культурную традицию древнейших цивилизаций.

Наиболее ранними источниками мифологии и религиозных культов жителей Армянского нагорья являются наскальные изображения, встречающиеся на Арагаце, Гехамских и Сюникских грядках (5 — 2 тыс. до н. э.). Ценнейшими памятниками являются рыбоподобные каменные стелы, сооружавшиеся у водных истоков в горах Армении и названные в народе *вишапами* (драконами). На них высечены трехчастное мировое дерево, птицы, голова быка и разные фигуры, символизирующие мироздание и его элементы. Важнейшими источниками являются также святилища, захоронения с культовыми атрибутами, изображения на керамических сосудах, бронзовых поясах, металлических одеяниях. Ценнейшими письменными источниками являются свидетельства древнегреческих авторов (Геродот, Страбон, Ксенофонт, Плутарх, Диодор Сицилийский), труды средневековых армянских историографов (Мовсес Хоренаци, Агатангелос, Езник Кохбаци, Анания Ширакаци и др.), а также богатая фольклорная традиция.

Истоки древнеармянской мифологии и религии восходят к индоевро-

пейской культуре, к наследию народов, заселявших территорию Армянского нагорья (хурриты, хетты, урарты, митанийцы и др.) и впоследствии вошедших в состав армянского народа.

В составе пантеона армян были бог грозы и бури Торк, божество умирающей и воскресающей природы Ара, богиня плодородия и любви Шамирам. Вероятно, древними этническими богами являются первоначально армян Хайк (от его имени по преданию происходит самоназвание армян «хай» и их страны «Хайастан») и Арам (по его имени другие народы называют здешних жителей и страну «армяне» и «Армения»).

С формированием первых армянских государственных образований

Армянская богиня-мать, богиня плодородия и любви, «Великая госпожа», «Мать целомудрия», покровительница армян Анахит с младенцем. Глиняная статуэтка из раскопок древней столицы Армении — Арташата. I—II вв. н. э.

(после VI в. до н. э.) формируется армянский пантеон богов под новыми именами. Во главе пантеона — создатель неба и земли, отец всех богов Арамезд (др.-иранск. Ахура-Мазда; здесь, как и в ряде других случаев, заметно древнеиранское влияние). Под этой преобразованной формой армяне, вероятно, подразумевали имя своего этнического предка и бога Арама.

На ранг ниже стояли дочь или жена Арамезда — богиня-мать, богиня плодородия Анахит (др.-иранск. Анахита) и Вахагн Вишапаках («Драконоборец») — бог грозы и молнии. Они составляли божественную троицу. Возлюбленной Вахагна была богиня сладострастия, любви и воды Астхик (букв. «звездочка»). Дочерью Арамезда была также богиня Нанэ, а сыном — Михр. Отголоски его божественных деяний прослеживаются в героических поступках Мхера Старшего и Младшего из эпоса «Давид Сасунский». Бог Тир был писцом Арамезда, прорицателем, вершителем судеб; Аманор и Ванатур были покровителями путников, божествами Нового года, плодородия, связанными с почитанием первых плодов.

В 301 г. с официальным принятием христианства и разрушением святынь на этих же местах начали сооружать церкви. Многие функции и культы языческих божеств перешли в переосмысленном виде на христианских святых. Однако верования прошлого продолжали бытовать в народе. Издревле вокруг конкретных природных реалий (горы, реки, камни, озера, источники) складывались многочисленные мифы и мифологические рассказы. Большинство этих реалий стали священными. Так, согласно верованиям, армянские горы некогда были людьми-исполинами либо демонами. В одном из вариантов мифа все они представлены как братья. Утром, пробуждаясь, они затягивали свои пояса, затем приветствовали друг друга. Но постарев, они перестали затягивать ремни и здороваться. Бог нака-

зал братьев, превратив их в горы, пояса — в зеленые равнины, а их слезы — в родники.

Горы Загрос и Таврос некогда были рогатыми драконами-демонами. Однажды они вступили в единоборство. Таврос победил громадного Загроса. От частей тела последнего образовались новые горы, долины и реки Армянского нагорья.

Армяне считали, что мир состоит из трех частей: неба, земли и моря. Море символизировало нижний мир, стихию хаотических вод, окружающую Космос. Небо и земля построены из семи зон. В глубине неба и земли простирается океан из черной воды (*Сэв джур*), которая иногда выходит из глубины и заливают весь мир. Согласно другому мифу земля окружена огромной рыбой Лекеон, или Левиатан, плавающей в мировом Океане. Рыба пытается поймать свой хвост, но ей это не удается. От ее движений происходят землетрясения. Когда она переворачивается на спину, от блеска брюха образуется зарница. Если рыбе удастся поймать свой хвост, а это случится к концу света, то разрушится мир.

Чередование дня и ночи представлялось как следствие сматывания и разматывания белых и черных клубков старцем Жук у Жаманак, сидящим на высокой горе и олицетворяющим время. Образами ночной тьмы были *гишерамайрер* («матери ночи») — черные ведьмы, которые держали в руках змей и преследовали солнце. Противопоставлением злой ночной тьме был «добрый свет дня», в частности Аршалуйс («Утренняя заря»), свет которой уничтожал ночных дьяволов. Иногда она представлялась в образе св. Марии, сидящей за св. трапезой, дарующей мудрость.

В армянской мифологии важное место занимают мифы и верования, связанные с демонами и злыми духами, общее название которых *чарк*, или *чарунк* («злые»). Самыми архаичными из них являются *вишапы*, *дэвы* и *каджи*. В мифах и заговорах в каче-

стве злых духов выступает волк (*гайл*). Персонифицируются болезни (*цавэр, грохнёр*), злой глаз (*чар ачк*), духи зимы (*швот*), духи (*алк, тын-ха*), причинявшие вред роженицам и новорожденным, дух или ангел смерти (*хокеар, грох*), духи воды, топившие пловцов или поражавшие ночных прохожих (*хнарк, нханг, парй, хавержахарсунк*), эротические духи сна, вызывавшие удушье у спящих (*хпылйк*), призраки усопших (*ур-вакан*), с телом разлученные души, оказывавшие злое воздействие на живых (*горнашитйк, хортлах*).

Значительное место в фольклоре армян занимают солярные, лунарные и астральные мифы. Почитали Солнце и Луну. Их статуи были установлены в храме в Армавире. Солнцопоклонники (арм. *арэвордик* — «дети Солнца») имели секты даже в позднее средневековье. Армяне и поныне клянутся солнцем как символом жизни. Солнце и Луна в мифах представляются то как близнецы брат и сестра, то как любовники.

У армян души усопших и их почитание тесно связаны со звездами. Верили, что каждый человек имеет свою звезду, которая меркнет, если ему угрожает опасность. Не случайно, что мифический предок армян Хайк был астральным лучником и отождествлялся с созвездием Орион.

Образование Млечного пути (арм. *Цир катйн*, или «Дорога Соломокрада») объяснялось тем, что бог Вахагн украл у предка ассирийцев Баршама соломю. По другим мифам Млечный путь — это молоко, пролившееся из груди убитой оборотнем невесты, или же то место, откуда пролились на землю небесные воды во время всемирного потопа.

Огонь у армян считался святым, им клялись. Очаг (арм. *тонйр*) с неугасимым пламенем был священным местом, вокруг которого совершались церемонии во время свадеб и крестин. В феврале (по армянскому календарю *мехекан*, от имени Михра-Митры) разжигали ритуальные костры, пере-

прыгивали через них, рассыпали пепел от костров в доме, хлеву, саду, на пастбище как оберег и символ плодородия. Огонь и вода олицетворялись в образах близнецов — сестры и брата. Сестра-огонь поссорилась с водой-братом, и поэтому между ними вечная вражда: вода гасит огонь.

В армянской мифологии важное место занимают мифы об атмосферных явлениях. Так, бурю, смерч или грозовые облака олицетворяют вишапы. Они живут на высоких горах, на небе и в больших озерах. Поднимаясь на небо или спускаясь вниз, особенно на озера, они поднимают грохот, сметая все на пути. Вишاپ, доживший до тысячи лет, может проглотить весь мир. Во время грозы постаревшие вишапы поднимаются на небо с высоких гор, пещер или озер, а небесные вишапы спускаются на землю.

С утверждением христианства образ Громовержца постепенно заменялся христианскими святыми и ангелами, чаще архангелом Гавриилом (арм. Габриэл Хрештак), во время грозы вступающими в бой с вишапами. Вишапы пытаются проглотить солнце, ангелы же сражаются с ними.

Согласно поверью, грозовые тучи — огненные тела вишапов, гром — их крик, а молния — стрела Габриэла Хрештака, посох или прут ангелов, которым они ударяют вишапов. Ангелы вздымают вишапов к самому солнцу, от лучей которого они превращаются в пепел.

В армянской мифологии большое место занимает мотив смерти. Она представлялась как вечный или черный сон, а сон — как временная смерть. Каждое утро считалось воскресением душ при утренней заре. Судьба человека была predeterminedена уже при рождении. Она писалась ангелом Грох («Писец») на лбу. Счет дней жизни человека велся на небе или на высокой горе. Здесь для каждого есть своя посуда, в которую ежегодно добавляется капля воды. Когда посуда наполняется, человек умирает.

Смерть также представлялась как борьба между человеком и ангелом смерти, который мечом или копьем ударяет умирающего и отнимает у него душу. Душа человека после смерти проходит по мосту-волосинке (арм. *мазэ камурч*), протянутому над огненной рекой ада. Если это душа праведника, то она безопасно проходит мост и попадает в рай. Если грешника — мост от тяжести грехов рушится, и она проваливается в ад.

По другим представлениям, жизненные поступки человека записываются двумя ангелами, при жизни сидящими на правом и левом плечах человека. Запись ведется в особых книгах, которые представляются после его смерти на божий суд. От качеств этих поступков зависит будущая судьба души.

Армянская эсхатология тесно связана с митраистическими и библейско-христианскими верованиями о конце мира. Миф о последнем суде и воскресении мертвых, который был присущ митраистической религии и связан с именем Михр-Митры, впоследствии связывается с именем Христа. Поскольку Михр-Митра был богом армянского пантеона, то мифы о нем позже были включены в состав эпоса «Давид Сасунский» и представлены в лице и деяниях Мгера Старшего и Младшего. В финале эпоса постаревшая и грешная Земля не в состоянии выдержать всех испытаний, и Мгер входит в скалу. Выйдет же оттуда тогда, когда грешный мир разрушится и образуется новый, в котором воцарятся справедливость, изобилие материальных благ, или же тогда, когда Христос начнет вершить Последний суд.

Почти таким же финалом заканчивается древнеармянский эпос «Випасанк»: храброго Артавазда по проклятию его отца — царя Арташеса каджи заключают в оковы в пещере горы Масис. Белая и черная собаки непрерывно грызут его цепи, чтобы освободить Артавазда. Под Новый год оковы утончаются, однако от ударов

молота кузнецов по наковальне цепи опять восстанавливаются. Если бы Артавазду удалось освободиться и выйти из пещеры, то он разрушил бы мир. Однако древние армяне мечтали об освобождении Артавазда, связывая с его выходом спасение народа от поработителей.

В армянской мифологии большое место занимает сюжет поединка Громовержца со своим противником Змием (арм. *Вишан*). Громовержец (олицетворение Космоса, порядка) всегда побеждает Змия (олицетворение Хаоса, разрушительных сил) и спасает мир от гибели. Этот сюжет с древнейших пор был основным для многочисленных эпических сказаний армян, начиная с мифа о герое-первопредке Хайке и кончая «Давидом Сасунским». Под влиянием исторических и культурных событий последующих эпох изменялись имена героев и детали. Имя Громовержца заменялось другими именами армянских богов, героев, царей, а Змия — именами богов, царей вражеских племен и государств. Приведем некоторые сюжеты.

Первопредок Хайк не покорился деспоту титаниду Бэлу и со своим потомством отправился из Вавилона на север. Бэл преследует его. Храбрый лучник Хайк в сражении поражает стрелой Бэла и обосновывается на новом месте. От его рода и пошел армянский народ.

Потомок Хайка Арам победоносными сражениями с предводителем мидян Ньюкар Мадесом, с ассирийцем Баршамом, с титанидом Пайапис Кахья (греч. Папайос Химерогенес) обеспечивает процветание своей стране.

В древнеармянском эпосе «Випасанк» царь Армении Тигран воюет с мидийским царем Аждахаком (иранс. *Ажи* — «Змий»), убивает его, освобождает свою сестру Тигрануи, ставшую женой Аждахака, уводит его первую жену Анойш, прозванную «мать вишапов» и все потомство Аждахака — вишапидов.

Жена армянского царя Арташеса вступает в любовную связь с вишапидом Аргаваном. Последний устраивает в своем дворце пир в честь Арташеса, строит против него козни. Заговор раскрывается. Сын Арташеса — храбрый Артавазд — истребляет все поколение вишапидов.

Бог грозы и молнии Вахагн Вишапаках, рожденный в муках Неба, Земли и пурпурного моря, сразу же начинает борьбу с вишапами и побеждает их.

В эпосе «Давид Сасунский» братья-близнецы Санасар и Багдасар рождаются от двух пригорошней воды, выпитых их матерью Цовинар («Нимфа моря»). В мифах и верованиях Цовинар является духом грозы, олицетворением молнии и зарницы. Она мчит на огненном коне в облаках. Эпитет ее *храч* — «огненноокая». Цовинар дарует людям дождь или насыляет вредоносный град. Ее сын Санасар спускается на дно моря, пьет там из чудесного источника и становится исполином. Здесь же он приобретает волшебного коня Куркик Джалали, доспехи и меч-молнию (оружие Громовержца). Санасар один или со своим братом борется с вишапами, заслонившими истоки вод и требовавшими в качестве дани девушек. Он убивает Вишапа, освобождает девушек, водные источники, возвращая людям жизнь.

Внук (или сын) Санасара Давид Сасунский унаследовал много характерных черт своих предков. Он с рождения противостоит вражеской стране Мсыр и ее владыке — своему сводному брату Мсрамелику. Последний пытается покорить Давида и его родину — высокогорный Сасун. Трижды направляет сборщиков подати с войском, но каждый раз Давид уничтожает их, освобождает пленных женщин. Наконец против Давида с огромным войском выступает сам Мсрамелик. Он осаждает Сасун, его войско начинает пить из истоков сасунских вод. Жители остаются без воды. С высоких гор Давид нападает

на находящееся внизу мсырское войско и разбивает его. Начинается поединок между Давидом и Мсрамеликом. Благодаря божественному покровительству Давид спасается от трех сильных ударов Мсрамелика. Последний, боясь Давида, спускается в глубокую яму, покрывает себя буйволиными шкурами и жерновом. Однако от одного удара меча-молнии Давида он рассекается на две части (вариант: уходит в черные воды преисподней).

Христианская религия проникла в Армению в середине I в. По церковному преданию, ее распространителями были ученики и апостолы Христа Фаддей и Варфоломей, которые за пропаганду новой веры были казнены и похоронены в Армении. Армянская церковь в дальнейшем стала называться апостольской, ибо ее основоположники были непосредственно апостолами Христа. Первые христианские общины подверглись гонениям, однако продолжали существовать и развиваться. В начале IV в., в 301 г., христианство стало в Армении государственной религией. Инициаторами этого обращения были Григор Лусаворич (Просветитель), ставший во главе армянской церкви, и царь Трдат III.

Начинается новая эра в культурно-идеологической и политической жизни Армении. Григор Лусаворич, будучи первым католикосом армянской церкви, составляет каноны, организует церковное и административное управление, формирует литургические установки. Церковное сословие получало сирийское или греческое образование в Армении или за пределами ее.

В начале V в., в 405 г., Месроп Маштоц создает армянский алфавит и христианство начинает развиваться на национальной почве, не разрывая связей с восточными и западными церквями. Однако с середины V в. разгорелись догматические споры между представителями двух направлений христианской идеологии — монофи-

ситами, принявшими Христа как единое божественное существо, и диофиситами, признававшими два естества (божественное и человеческое). Эти споры приняли резкую форму на Халкидонском вселенском соборе (451 г.) и после него. Армянская церковь заняла четкую монофиситскую позицию. Она отвергла решения Халкидонского собора, осудившего монофиситство как ересь, отмежевываясь от несторианской церкви Ирана и от греческих халкидонитов. Эта догматическая борьба в течение последующих столетий превратилась в церковно-политическую борьбу за сохранение самобытности и независимости национальной церкви и вероучения армян против имперских притязаний византийской халкидонитской церкви.

Армянская церковь входила в сношения с латинской (римско-католической) церковью лишь во времена крестовых походов, когда в Киликии образовалось армянское царство (XI—XIV вв.). С начала XII в. в Киликии начались долготлетние переговоры об объединении между армянской и латинской, а также между армянской и греческой церквями. Однако они были безуспешны. Армянская церковь и до сих пор сохраняет свою древнюю традицию вероисповедания и национальную самобытность.

Однако часть армянского населения еще в средние века приняла халкидонитское вероучение и ассимилирова-

лась с греками, а часть населения Киликии и Великой Армении в результате пропаганды католиков-миссионеров приняла латино-католическое вероисповедание, создав в дальнейшем ветвь армяно-католической церкви. В первой половине XIX в. в среде константинопольских армян усиливается влияние протестантских миссионеров, и часть армян принимает вероисповедание протестантизма.

Еще во II—V вв. на Востоке, в том числе и в Армении, возникают разные гностические секты (маркионская, борборианская, мессилийская, манихейская и др.), против которых боролись и армянские ученые церковники. Самые мощные христианские ереси возникают в Армении в VIII—XI вв. в лице павликан, а затем тондракийцев.

Учения тондракийцев и павликан не отвергали христианство. Они отрицали священное писание, троицу, загробную жизнь, воскрешение из мертвых, бессмертие души, таинство крещения, причастия, исповеди, покаяния. Сектанты пренебрегали брачным обрядом и осуждали его. Они считали богоугодным сближение по любви, а не по венцу, презирали святых и богоматерь. Учение тондракийцев отвергало отшельническую жизнь и церковь. Оно было крайней формой протеста против господства церковных порядков и идей, ряда злоупотреблений и носило дух реформации и полного обновления церковных канонов.

Грузины

Большую роль в формировании и развитии древнейших религиозных представлений играли архаические оценки мироустройства в целом и таких его характеристик, как пространство и время. В грузинской мифологии наиболее простые и, вероятно, древние из этих оценок отразились в понятиях «ак — ик» («здесь —

там») и «шина — гаре» («внутренний — внешний»), т. е. в сопоставлении полюсных частей мира. Одна из них охватывает все то, что признается «своим», «домашним»: дом, село, город, страна, люди, прирученные животные, другая — все чужое, дикое: необузданная природа, звери, злые духи, *дэви* (от иран. *дэв*), *каджи*

и даже души усопших. Терминам «ак — ик» соответствуют тесно связанные с ними религиозно-мифологические понятия «саакао» («здесь мир», мир живых, живущих под солнцем) и «саикио» («страна смерти», «мир мертвых»). В этой модели мышления пространство предстает как единство горизонтально расположенных миров с противоположными — положительными и отрицательными — характеристиками.

В более сложных системах представлений пространство делится не только по горизонтали. Мир представляется уже как сложная совокупность частей мира — *скнели* (уровень, горизонт), размещенных на пересекающихся осях мироздания. На вертикальной оси расположены *зескнели* (верхние скнели), *скнели* (центральный горизонт, который больше подразумевается, чем упоминается) и *квескнели* (нижний мир, букв. «пропасть»). Каждый из этих миров заселяют божества, небесные светила, птицы; на *скнели*, т. е. на поверхности земли, живут люди, домашние животные и звери, произрастают деревья и травы; а *квескнели*, подземный мир — царство глубинных вод, пресмыкающихся, злых духов и т. д. На горизонтальной оси расположены *цина-скнели* (букв. «передний мир», реконструируется по системе, в языке не употребляется) и *уканаскнели* (задний мир, букв. «последний»), сохранивший все признаки «внешнего мира», но более сложный хотя бы по той причине, что он незримый, ибо всегда расположен за спиной наблюдателя. Вся эта система окружена *гарескнели* (внешний мир, но уже в космическом значении). Он мыслится как предел мироздания, космическая пустота, темный, не содержащий ничего, поэтому вечный, и отождествляется со страной тьмы — *укунети* (груз. уку — «назад»; *икуни* — «тьма»; *укунети* — «страна тьмы»; *саукуне* — «век», «вечность»).

Части мироздания разделены океаном — первичными водами хаоса,

толщей воздуха, семью или девятью хребтами, соединенными между собой спущенной с неба цепью, космическим деревом, рогами оленя, башней или столбом; при переходе из одного мира в другой божествам и героям помогают их чудесные кони, орлы или другие животные, наделенные сверхъестественными силами.

Вертикально размещенные части пространства мыслились как мужское и женское начала. Небо — олицетворение мужских сил, а земля — женских.

Мир имел центр, и каждое этносоциальное объединение сплачивалось вокруг своего центра, отождествляемого с мировым; там строились святилища (груз. *хати* — «образ» или *джвари* — «крест»; названия, связанные с христианством), где хранились реликвии и имущество святилища; отправление культа совершала особая группа людей, *хатиани* или *джвариани*, во главе с *хевисбери* (букв. «глава ущелья»). Около святилища росла священная роща или дерево, олицетворяющие мифическое древо жизни, соединенное с небом цепью, по которой спускались божества. Ветви мифического дерева были усеяны самоцветами, на верхушке сидела птица, а около его корней вытекал источник. Такое дерево, согласно мифам, кроной доставало небо, а корнями — подземный мир. Дерево обвивала виноградная лоза, спелые гроздья которой были источником долголетия людей. Дерево — обязательный компонент в комплексе святилища, двора или «врат» божества.

В грузинской традиции отчетливо представлен особый вид времени — мифическое время. Одна из его особенностей состоит в том, что оно циклично. Перемены в нем связаны не с конкретными событиями человеческой жизни, а с проявлениями страстей божеств и героев, периодически исчезающих и вновь являющихся; одни умирают и спускаются в печальную страну мертвых, другие разгневаны, или спят зимой, или при-

кованы в недрах гор, но как бы миф ни рисовал причины их временного ухода от мира людского, в назначенный час они разрывают цепи смерти или плена и возвращают земле и людям животворящие соки и благоденствие. Так по воле богов протекает время в мифе. Вечный круговорот смерти и возвращения и наступление каждого периода люди встречали великими празднествами, жертвоприношениями, то веселыми, то печальными, в зависимости от ухода или возвращения богов. В той мифической истории происходили великие события: из первоначального хаоса возникали вода и твердь, устанавливались времена года, хозяйственные циклы, люди от богов и героев получали в дар огонь, учились у них земледелию, ремеслам, в особенности кузнечному делу, овладевали территорией, учреждали святилища, в общем создавалась и утверждалась сфера человеческой деятельности в природе — культура. Все это происходило в космической борьбе со злыми силами, драконами, великанами, дэвами, против которых ополчались добрые силы, божества.

Противниками Гмерти, верховного бога Грузии, и его детей были *дэви* (от иран. *дэв*) — существа, некогда владевшие страной. Дэви, огромные, лохматые, многоглавые великаны, очень сильные, но не очень разумные, обладающие тайной кузнечного искусства, великие мастераковки и литья, похотливые и уродливые, с вывернутыми назад ступнями, были порождением враждебных человеку миров, жителями подземных вод и темных, глубоких расщелин; они всячески притесняли род людской, кормились человеческой плотью, скрывали от людей свое умение и богатство, отбирали женщин и держали их в унижительном рабстве.

Во времена властвования дэвов весь род небожителей, бог и его дети, оставались как бы безучастными к людским страданиям. Только после великих жертвоприношений верхов-

ный бог ниспускает на землю своих детей-воинов, Квириа, Копалу и Яхсара, наделенных огромной силой и чудодейственным огненным оружием. Они уничтожают дэвов, отнимают у них территорию, кузницу и путем учреждения святилищ овладевают страной. Божества устанавливают определенный порядок, из демонического хаоса создают социальный, упорядоченный мир.

Но мифическое время не является нерушимым. Может наступить время «кровавых дождей», когда нечисть (за нечисть нередко выдаются вполне реальные исторические враги), злая сила постараются осквернить святилища, уничтожить реликвии, разрушить стройную структуру социальной жизни. Подобные бедствия могут быть преодолены только верностью святилищу как символу единства общества, самопожертвованием всей группы людей — носителей данной культуры. Только так можно вернуть после наступления хаоса прежний мир порядка, законности и благоденствия.

В средние века нашей реальной истории дэви превратился в символ иноверца, язычника, и многие свойства, характерные для мифических дэвов (поедание трупов, похотливость), приписываются иноверцам, которых так и величают дэвами.

У грузин великими, или старшими, богами считались Гмерти, или Мориге Гмерти (груз. *гмерти* — «бог»; *риги* — «порядок»), богиня-солнце (Мзе Кали — «солнце-дева») и Квириа, которым подчинялись нижестоящие по иерархии божества — покровители отдельных местностей или родов. Они считались детьми Великого бога и под христианским влиянием назывались — так же, как и святилища — *джвари* или *хати*; известны они еще и под названием ангелов. Во время богослужения первым долгом произносились имена трех высших богов, общих для всех, а затем перечислялись все остальные, имеющие какое-либо отношение к данному святилищу.

Великий Бог Гмерти, создатель мира и учредитель порядка, сидит на седьмом небе, на золотом троне, золотыми устами диктует свою волю и утверждает порядок явлений и вещей. Его дети, ангелообразные существа, периодически собираются перед тронем, «у врат», где стоят весы справедливости и выкованные из золота скамьи, там они соревнуются в силе и отваге. Ближе всех остальных к Великому Богу стоят Мзе Кали, покровительница женского начала, и Квириа, посредник между богом и его детьми, называемый *хмелт моурави* («попечитель суши»), *каравуани* («имеющий шатер»). У западных грузин, в частности у сванов, во главе пантеона стоит Пусд, почти в точности повторяющий все функции Мориге Гмерти; богиня Ламариа, с некоторыми чертами богоматери, почиталась как покровительница плодородия женщин и посевов, а Джграг (св. Георги) — помощник и покровитель мужчин, земледельцев и охотников; Квириа — повелитель плододарящих сил природы; Дали и Авсат — пастухи и покровители диких зверей, помощники и защитники охотников.

Так приблизительно выглядит, согласно мифам, пантеон божеств, члены которого связаны между собой кровным или искусственным родством, но тем не менее разделены своими функциями, проявляющимися в покровительстве по отношению к различным сферам человеческой деятельности. Община подданных какого-либо одного божества, служа ему и считая его своим покровителем, вместе с тем через его священную персону выражала свои суверенные права и место в регионе. Основным моментом отправления культа были общинные празднества в честь божества, во время которых ему приносились жертвы — в основном бык и баран, на общем пире священнослужителям подавалось пиво, варенное из урожая святилища. Существовало представление и об антижертве — в виде нечистых, неугодных божествам

животных; такими считались только домашние, но не употребляемые в пищу животные — кошка и собака.

Один из основных мифологических циклов горцев Восточной Грузии посвящается борьбе божеств с дэвами. Раньше вся территория нынешней Пшави, ущелье реки Иори были захвачены дэвами; люди и по сей день указывают места их поселения, подземных кузниц, откуда непрерывно доносился грохот молота. Особенно славились лемехи, изготовленные дэвами, но они не давали людям железные изделия, разве только в обмен на женщин. Дэви, кроме всего прочего, в ущельях ставили силки, ловили людей и поедали их. Особенно славились своей жестокостью дэв Гамхвеура (букв. «многодетный», богатый потомством и имуществом) и его соседи, живущие на противоположном берегу реки. Наконец, внял Мориге Гмерти людским мольбам и ниспослал на землю своих детей Квириа, Копалу и Яхсара (по варианту, они были святыми монахами), придал им огромную силу, оснастил чудодейственным оружием (*сагмиро*, *лахти*, *сасагнави*, плеть). Конкретное назначение этого оружия сегодня уже непонятно, ясно только, что речь идет о тяжелых, ударных его видах (напр., *сагмиро* — «герою подходящий»). Божества Копала и Яхсар разделили между собой территорию. Яхсар должен был истребить дэвов в Иорском ущелье, в местности Хошара, где жил царь дэвов Муза и вместе с ним Бегела (*бегели* — «амбар»; видимо, она была с амбар ростом), красавица с длинными волосами, которые ниспадали на землю, когда она садилась в свое высеченное из камня кресло.

Яхсар по дороге к своему участку проходил около двора Гамхвеуры. Там дэви строили дом и не могли поднять огромный косяк камня. Яхсар поднял глыбу и кинул вслед дэвам, которые испугались его силы и разбежались. Косяк попал в дом Гамхвеуры и разрушил его. После этого Яхсар благополучно дошел до своей цели.

В это время Копала созвал всех дэвов на состязание в кидании огромных глыб. Они поднялись на вершину высокой горы, выровняли вершину и выложили сланцем, чтобы она не провалилась под тяжестью собравшихся. Это место сейчас называется Ирепт Кало («оленье гумно»). Пошел на сборище дэвов и царь Муза, которого Яхсар подкараулил и убил. На предсмертный крик Музы туда побежали все хошарские дэви, но Яхсар их уничтожил ударами своего тяжелого лахти. Пока Яхсар боролся против Музы и его дэвов, Копала мерялся силами с дэвами на Ирепт Кало и победил их. Он бросил дальше дэвов целую скалу, которую в полете незаметно для дэвов плетью подхлестнул Квириа, еще более удлинив полет. Испуганные дэви убежали, но Копала всех истребил. Огромные камни, брошенные, по преданию, Копалой и Яхсаром, и ныне почитаются народом.

Яхсар во время свадьбы напал на дэвов и уничтожил всех, кроме одного, который спрятался на дне озера. Яхсар пошел за ним и убил его; кровь убитого затянула поверхность и не выпускала Яхсара. Только после проведения его подданными очистительного обряда — заклания на берегу озера чудо-барана с двумя парами рогов и ушей — он смог подняться из глубины, сел на скалу около берега и оставил на ней следы своих ног; потом по цепи, протянутой от озера до вершины горы, Яхсар поднялся в свое святилище.

Божества находились в довольно близких отношениях с людьми, особенно с теми, которые отличались святостью и праведным образом жизни. Своих избранников божества наделяли *долей* (груз. *нацили*) — в виде особого светящегося знака; отмеченных подобным признаком называли «нацилиани» (букв. «владеющий долей»). Избранники носили долю на теле, в основном на плече или груди. Отмеченными долей могли быть и животные. Изображения животных и людей, носящих какие-то

знаки, видимо знаки доли, на территории Грузии встречаются с очень древних времен. Нацилиани общались с божествами, отличались способностями, мудростью, храбростью, гостеприимством, особой праведностью.

Одним из таких избранников был Гахуа Мегрелаури, которого божества почтили участием в своем походе на Каджети, страну каджей — как правило, вредящих людям духов (они имели человекоподобный вид, отталкивающий облик). Когда божества решили разорить страну каджей и взять с собой Гахуа, его душа покинула тело и последовала за божествами, которые безжизненное тело спрятали в укромном месте. Каджи оказали нападавшим сильное сопротивление, особенно благодаря тому, что бросали в них оскверняющие предметы — головы и ноги дохлых кошек, но Хахмитис Джвари Гиварги («Георгий Хахмитский крест») в виде мухи спрятался за убитым конем и после того, как каджи прошли мимо, он огнем уничтожил и каджей и их крепости. Божества вошли в город каджей и увидели там множество кузниц, железа, меди и серебра. Они захватили огромное богатство, скот, девятиструнную золотую бандуру, сорвали с основания и похитили накопавальню и взяли с собой красавицу Самдзимари, которая была нареченной сестрой Гиварги.

После возвращения из похода божества нашли тело Гахуа уже разложившимся до такой степени, что душе не хотелось в него входить (согласно вариантам, кусочек плоти выгрызла мышь, след от этой раны у него остался на плече; по другим версиям, тело было покрыто червями, дурно пахло и т. д.), но божества вынудили ее вселиться обратно в свое тело, и оно оживо.

В данном случае прослеживается представление о разграниченности частей мироздания, преодоление которой является привилегией божеств. Переход человека из одной части в другую возможен только

путем отделения души от тела, а что касается возвращения души обратно, в тот мир, где она опять воссоединяется с телом, то сие происходит исключительно по воле божеств. Согласно мифу, страна каджей расположена в ином мире. Предание о походе божеств в Каджети является версией мифа об уходе бога или божеств в мифическую страну весны, откуда они возвращаются, неся с собой богатства и благоденствие. Скорее всего, здесь друг на друга наложены два мифических сюжета: 1) миф о возвращении богатства, т. е. благоденствия, и 2) миф о возвращении богини, оживляющей плодоносящие силы природы, т. е. создающей благоденствие. Подобное соединение двух или нескольких сюжетов встречается в преданиях глубокой древности, примером чему служит всемирно известный миф о походе аргонавтов в Колхиду.

Среди грузинских мифов особенно выделяется цикл о погибшем охотнике, широко распространенный у горцев как в Западной, так и в Восточной Грузии. Сванский вариант мифа рассказывает, что в горах живет прекрасная златовласая богиня Дали. Она пасет зверей, туров, оленей, серн, зорко следит за своим стадом и оберегает от хищников и охотников. Если охотник нарушает правила охоты, делает необходимые жертвоприношения, он от богини то и дело получает в дар круторогого тура; волк и злой дэви — извечные враги богини: волк старается у нее похитить ребенка, а похотливый дэви поджидает ее в темных оврагах и непроходимых чащах. Богине всегда помогают охотники и выручают в трудную минуту, ибо они властны над дэвами и запросто могут подстрелить волка, уносящего дитя богини. Некоторые из этих охотников очень красивы и мужественны, и прекрасная богиня нередко влюбляется в лучших из них. Богиня щедра: она одаривает своего избранника удачей в охоте, но любовь ее строга и требовательна. Если охотник изменит ей с

другой женщиной, месть разгневанной богини будет ужасной.

Поэтизированная форма мифа скрывает многое уже позабытое народной верой. Ревность богини всего лишь отголосок половых запретов для охотников, а в особенности для служителей культа. Аналогичные сюжеты были широко распространены в мифах древних народов. А любовные отношения юного охотника и богини входят в систему представлений об умирающем и воскресающем божестве.

Самым значительным памятником мифотворчества у грузин является эпос об Амирани, вобравший в себя большое количество мифических сюжетов, древние верования, космические представления. В средних веках мифические сюжеты подверглись влиянию рыцарской литературы, и в них усилились именно рыцарские, приключенческие элементы.

Согласно наиболее популярным вариантам мифа, Амирани является сыном охотника и богини Дали, покровительницы зверей, по другим версиям, он — сын царя, крещенный самим Христом и т. д. Во всех вариантах рождение героя связано с чудом или со сверхъестественными, божественными силами. Все эти варианты являются грузинскими версиями сюжетов о рождении богов и героев, известных также у всех древних народов. Родился Амирани с золотым зубом и огромными, как сито, глазами. Золото, металл солнца, очень часто встречается в сюжетах об Амирани. У его матери золотые, свисающие со скалы волосы, золотые спицы для вязания и ножницы. Также характерно сравнение его глаз с ситом, ибо во многих ритуалах сито выступает как атрибут божества, повелителя небесных вод, которое просеивает сквозь сито воду на землю. Все это прямо указывает на связь героя с производительными силами природы. Взрослый же Амирани похож на «черную тучу, готовую к ненастью».

В эпосе сохранились эпизоды вели-

ких деяний божеств, как например, борьбы Амирани против дэвов. Характеристика дэвов здесь полностью совпадает с той, что содержится в других мифах: они враги человечества, владеют тайнами, очень сильные, уродливые, поедают мертвечину и т. д. Приключения Амирани начинаются на охоте, когда он и его братья встречаются оленя с огромными, достигающими неба золотыми рогами. Охота в грузинских мифах является мифологемой, предопределяющей последующий ход событий. Обычно все начинается с охоты (охота отца Амирани, который там встречает богиню; охота самого Амирани; охота царя Фарнаваза — создателя государства Иберия; охота царя Ростевана в поэме Шота Руставели и т. д.); имитация охоты как часть необходимого ритуала фигурировала в свадебных обрядах; существовала ритуальная новогодняя царская охота и многое другое.

В сюжетах особую роль играют кузнецы и кузнечное дело. Когда выковывался меч Амирани (не указано, кто ковал), небо гремело, земля гудела, ходуном ходила кузница, а кузнецы и их подручные сменялись друг за другом. Кузнецы приковали Амирани. Благодаря ритуалу, проводимому ими, цепи, сковывающие героя, ежегодно обновляются. Амирани собирается уничтожить всех кузнецов, когда он обретет свободу. Вражду кузнецов с героем, похитившим с неба огонь, необходимый для их деятельности, в какой-то мере можно понять, если вспомнить, что, согласно мифам, первыми кузнецами были дэви, с которыми враждуют как божества, так и Амирани. Факт похищения героем огня в определенной мере его самого связывает с кузнечным делом. Тем более что в описании его внешности проступают черты божества грома и небесных вод.

Смерть и возрождение (оживание) весьма характерный эпизод в эпосе об Амирани. В битве с драконами он убивает белого и красного драконов, а

черный дракон проглатывает его самого и уносит на дно черного моря. Он быстро освобождается из чрева дракона, вырезав ножом его бок, но пока он находился там, у него выпали все волосы. Согласно представлениям о загробном мире у грузин, выпадение волос является признаком умирания, как и увядания, ибо волосы и растительный мир рассматриваются как аналогичные друг другу явления. Так что эпизод проглатывания черным драконом является версией многочисленных сюжетов хождения героя в страну мертвых. В другом случае мертвого Амирани оживляет возлюбленная.

Амирани, как и божества, способен преодолевать преграды, разграничивающие отдельные части мира. Он узнает от дэва, что за морем, в подвешенной к небу башне, около которой растет дерево с виноградной лозой со «сладкими гроздьями, как молоко матери», живет красавица Камари. Описание жилища Камари указывает на ее божественное происхождение. Амирани на чудесном белом коне пересекает море и похищает Камари (сюжет, напоминающий похищение богатства и женщины у каджей; здесь богатства заменяются жизнедарящим виноградом, который герой должен взять с собой).

Героические приключения Амирани заканчиваются приковыванием возгордившегося героя к скале (в пещере). После этого он томится в неволе, с ним рядом его верный пес Курша (черноухий), который беспрестанно лижет цепи и утоньчает их, но в день Рождества Христова (или в великий четверг) кузнецы ударяют молотом по наковальне, и цепи опять становятся по-прежнему толстыми. По другой версии, он сам загоняет в недра земли столб, который расшатывается в течение года. Согласно законам цикличности, присущим мифу, плен героя возобновляется. Судьба Амирани сходна с участием некоторых персонажей, встречающихся в мифах, не только на Кавказе, но и за его пре-

делами, в особенности с судьбой титана Прометея.

Концепция об умирающем и воскресающем боге прослеживается не только в мифах, но и во многих ритуалах и народных праздниках, когда разыгрывались целые мистерии с эпизодами женитьбы и похищения невесты, смерти и оживления персонажей, играми ряженых.

В эпоху христианства (с первой половины IV в.) народное творчество в целом попадает под сильное влияние новой веры, которая проникает в глубокие пласты мифического мировоззрения. Особенно популярным стал культ св. Георгия, в честь которого были учреждены многочисленные святилища. По преданию, их (числом 366) сооружали в местах захоронения частей тела святого. Люди представляли его так: он сидит на высокой

горе, а к нему бегут саможертвующие звери; он чудодейственным образом приводил быка к Илорской церкви; св. Георгий — помощник и покровитель охотников, земледельцев, предводитель воинства подданных, он похищает богатства у каджей, возвращает пленных, карает клятвопреступление, защищает справедливость и рыцарское достоинство.

Вокруг христианских святых создаются системы представлений народной религии: Богородица — покровительница материнства, способствует размножению скота; Св. Илья — громовержец, повелитель града; Лазарь и Варвара — предводители туч, посредники перед Богом, когда люди молят о нужной погоде. Христианские святые обрастают чертами древних божеств и занимают их место в мифических схемах.

Народы Северного Кавказа и Дагестана. Осетинский нартский эпос

Народы Северного Кавказа (абхазы, адыгейцы, кабардинцы, черкесы, абазины, осетины, чеченцы и ингуши, карачаевцы и балкарцы) и Дагестана (аварцы, лаки, кумыки, даргинцы, лезгины, табасаранцы, цахуры, рутульцы и др.) говорят на различных языках, относящихся к кавказской (абхазо-адыгские, вайнахские и дагестанские), тюркской (карачаевский, балкарский, кумыкский), иранской (осетинский) языковым семьям и соответственно имеют разное происхождение. Однако в течение многих веков их объединяет сходство исторических судеб и тесное взаимодействие культур, что несомненно привело к созданию специфической северокавказской региональной культурной общности. В первую очередь это относится к языческой

мифологии и фольклору народов Северного Кавказа.

Все это дает нам основание рассматривать мифы и религии данного региона в рамках одного очерка, опираясь, в первую очередь, на традиции народов собственно кавказской груп-

Большой дольмен в селе Азанта, Абхазия

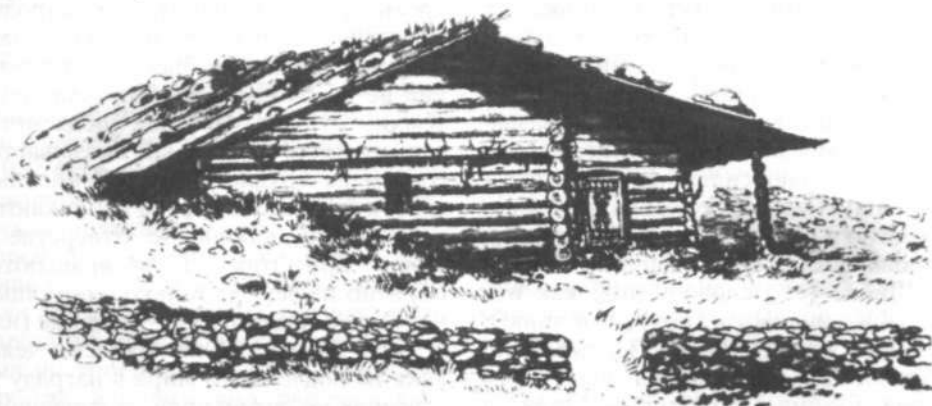
пы. Мифология тюркских народов более полно представлена в специальном разделе, а что касается осетин, то к этому материалу можно будет вернуться в заключение при рассказе о мифологии нартского эпоса.

Характеристика языческой мифологии народов Северного Кавказа осложняется тем, что современное кавказоведение располагает совсем небольшим количеством собственно мифов; правда, они продолжают свою жизнь в разных жанрах фольклора — прежде всего в героическом нартском эпосе, волшебной сказке, обрядовой поэзии, а также в составе фразеологизмов и устойчивых выражений, различных игр, но, конечно, в отраженном (и иногда значительно трансформированном) виде.

Работы ученых, посвященные языческой мифологии народов Северного Кавказа, основываются, как правило, на немногочисленных дореволюционных записях отдельных мифов, на данных языка и фольклора того или иного народа. Естественно, на основе этих данных воссоздается в значительной мере реставрированная картина языческой мифологии северокавказских горцев, которая, конечно же, не может отразить сколько-нибудь точно ее реального состояния много столетий назад в пору ее формирования и расцвета.

Во главе языческого пантеона находится верховный бог, бог богов — Тха или Тхашхо у адыгов, Тейри у балкарцев и карачаевцев, Тенгру у кумыков, Ан-ца у абхазов, Хуцау у осетин, Дяла (или Дэла) у чеченцев и ингушей.

Как правило, это божество у разных народов наделяется универсальными космическими функциями, именно к нему обращаются по самым разным поводам. Этим в первую очередь и объясняется упоминание его имени в произведениях разных фольклорных жанров — в здравницах, магических и обрядовых песнях и др. Внешний облик верховного божества у разных народов характеризуется поразному. В одних случаях, как, например, у тюркоязычных балкарцев, карачаевцев, кумыков, оно антропоморфно, в других случаях, как у адыгов, представление о его внешности весьма расплывчато. Однако все народы Северного Кавказа единодушны во мнении о том, что божество обитает на небе, именно с ним связываются представления о сотворении мира — не только воды, огня, земли и всего сущего на ней, но и солнца, луны, звезд. До наших дней у горцев Северного Кавказа бытуют клятвы, связанные с различными небесными светилами, в основе которых — архаичные формы поклонения силам

Осетинское святилище Реком. Не ранее XII в. Рис. В. Ф. Миллера, 1888 г.

природы, в первую очередь главному источнику света и тепла на земле — солнцу. Не случайно ему отводилась важная роль в различных празднествах, посвященных другим богам. Специальных солнечных мифов не сохранилось, но разнообразные и многочисленные лингвистические и фольклорно-этнографические данные позволяют говорить о существовании в древности культа солнца у разных народов Северного Кавказа.

Все они по-своему представляли «родственные» отношения солнца и луны. Кабардинцы, адыгейцы и черкесы, рутульцы в Дагестане считали солнце и луну братом и сестрой, как и чеченцы и ингуши (впрочем, иногда у них, как и у адыгов, солнце и луну почитали за братьев); в мифологии и фольклоре балкарцев и карачаевцев солнце и луна — муж и жена, у даргинцев солнце и луна — соответственно мать и дочь.

В фольклоре горцев Северного Кавказа сохранились многочисленные рассказы о происхождении различных небесных светил, их важнейших особенностях. В их основе, конечно же, лежат языческие представления об этих светилах и их влиянии на жизнь и судьбу людей. Особенно много преданий посвящено Млечному пути, который у разных народов имеет разные, но почти всегда поэтические названия: «Путь всадника» (у адыгских народов), «Путь пророка» и «Путь отары овец» (у лезгин), «Коровий путь» (у аварцев), «Путь в Каабу» (у кумыков). Как видно уже из названий, объяснения происхождения этого созвездия сильно различаются.

Горцам Северного Кавказа хорошо известно и грозное божество: абхазы называют его Афа, адыгские народы — Шибле (это слово у них, как и у абхазов, означает и грозу, и молнию), чечены и ингуши — Сели-Стела. Карачаевцы и балкарцы зовут бога грома Шибилла, молнии — Элия, а грозы — Чоппа. Все народы представляют этого бога по-разному: у вайнахов, например, это — антропо-

морфное существо, принимающее непосредственное участие в жизни людей и отличающееся необыкновенной справедливостью; в фольклоре адыгов представление об облике Шибле не сохранилось, зато до наших дней дошли разнообразные описания верований и обрядов, связанных с этим божеством. Так, пораженный молнией человек или животное считались священными, а сама смерть от удара молнией признавалась божьей милостью.

Ежегодно адыги устраивали празднество в честь Шибле, которое продолжалось семь дней: в течение шести дней длились пир, скачки, богатырские игры, на седьмой день сжигали головы животных, принесенных в жертву грозному божеству, и расходились. Если же после ежегодного праздника молния убивала какого-то человека, то весь этот ритуал повторялся снова.

В дальнейшем, с принятием горцами Северного Кавказа христианства, этот бог получил новое имя: у адыгов — Елле, у карачаевцев и балкарцев — Элия, у осетин — Уацилла, т. е. Святой Илья. Было высказано предположение, что и имя вайнахского бога грома и молнии Сели восходит к христианскому именованию этого божества.

Согласно языческим верованиям, кроме неба (у некоторых народов Дагестана, например аварцев и лакцев, адыгов и др., было представление не об одном, а о семи небесах) и земли, существует еще подземный мир, попасть в который оказывается совсем не трудно. Герои волшебных сказок без особого труда проникают в него через небольшое отверстие в земле или горе, а возвращаются обратно на землю только с помощью чудесного помощника — орлицы (или белого барана). Она выносит человека из подземного мира в награду за спасение ее детенышей от страшного змея, ежегодно поедавшего новый выводок птенцов. Довольно четкое представление о подземном мире

сохранилось у кумыков и лаксов: плоская земля состоит из семи слоев, под самым нижним стоит огромный бык, поддерживающий Вселенную своими рогами. По представлениям аварцев, бык, поддерживающий землю рогами, стоит на огромной рыбе, которая лежит в воде; когда бык шевелится, происходит землетрясение.

Подземный мир, как правило, ассоциируется с царством мертвых, которое имеет своего хозяина, властелина. У осетин это Борастыр, у чеченцев — Эштр (Этер), у ингушей — Дела Эштр.

По представлениям вайнахов, например, владыка царства мертвых определял не только загробное, но и земное существование человека: грешников он обрекал на предсмертные мучения, так что сама смерть казалась им спасением. Правда, перейдя в «мир иной», человек не избавлялся от земных хлопот и тягот, он должен был трудиться там так же, как и на земле. Но в отличие от живых покойники могли работать только по ночам, когда солнце придет в страну мертвых.

Представления о загробном мире получили широкое отражение в нартском эпосе и волшебных сказках народов Северного Кавказа, где живописно воссозданы картины наказания грешников и поощрения тех, кто был благочестивым. Естественно, что в этих описаниях широкое отражение получили христианские и мусульманские представления. Однако во многих случаях они поддаются четкой дифференциации.

В фольклоре разных народов Северного Кавказа сохранились отзвуки почитания гор, рек, озер, морей. Так, ингуши поклонялись вершине горы Казбек, которую они считали местом обитания богини вьюг Дардза-ня-ниль. В честь этой богини был построен специальный жертвенник, где ей приносили туры рога, а во время специального праздника — скот.

Почти у всех горцев Северного Кав-

каза до наших дней сохранились представления о покровительнице воды (рек, морей, озер). Балкарцы и карачаевцы называют ее Мать вод — Суу анасы, кумыки — Сув анасы, чеченцы и ингуши — Химиханана, адыгские народы — Психо-гуаша или Псыгуаша (т. е. «хозяйка, госпожа воды»). У последних была еще и «дева вод морских» Хепегуаш, в честь которой на берегу моря после выполнения традиционных обрядов устраивали круговые танцы. Владыку морской стихии осетины называют Донбеттыром; он играет важную роль в судьбе главных богатырей осетинского эпоса.

В мифологии и фольклоре разных народов Северного Кавказа до наших дней сохранились отголоски культа деревьев. У кабардинцев зафиксированы сказания о богине деревьев — Жыг-гуаше, у адыгейцев — богине лесов Мэз-гуаше. Кумыки посвящали своему верховному божеству Тенгри священные деревья — одно из них местные жители даже называют «Тенгрихан».

Вообще существование деревьев-фетишей и священных рощ зафиксировано у разных народов, что, вероятно, связано с мифологическим образом мирового дерева. Его корни находятся глубоко в земле, а верхушка достает до самого неба. Иначе говоря, мировое дерево является одновременно опорой и неба, и солнца. Вместе с тем оно, по справедливому замечанию Е. М. Мелетинского, представляет собою путь, по которому осуществляются контакты не только между богами и людьми, но и между мирами.

По представлениям кумыков каждый человек имеет не только свою звезду на небе, но и свой лист на мировом дереве, и когда он умирает, то падают и небесная звезда, и древесный лист.

Таким образом, мировое дерево объединяет три мира — верхний — небесный, средний — земной и нижний — хтонический. Его корни мо-

гут быть соотнесены с подземным, ствол — с земным, а крона с небесным миром.

Отзвуки представлений о священных деревьях (многие народы Северного Кавказа поклонялись таким деревьям и даже целым рощам еще в прошлом веке) в наши дни сохранились в различных обрядах кавказских горцев, когда, например, на свадьбе украшают дерево, увешивают его различными сладостями, которые должны олицетворять счастливую жизнь молодой семьи (кабардинцы, адыгейцы, черкесы, кумыки).

Значительное место в пантеоне языческих божеств занимают покровители различных видов человеческой деятельности — охоты, кузнечного ремесла, земледелия, животноводства и т. д. О некоторых из этих божеств у всех народов Северного Кавказа сохранилось довольно полное представление. К их числу, несомненно, принадлежит покровитель охоты и охотников, что вполне естественно для народов, в жизни которых охота занимала исключительное место.

Божество охоты у абхазов называется Ажвейпша, у осетин — Авсати, у адыгов — Мазитха, у карачаевцев и балкарцев — Апсаты, у вайнахов — Элта (Елта).

По представлениям абхазов, бог поручил Ажвейпша пасти дичь, и без его разрешения никто не может убить зверя. Ажвейпша разрешает охотникам убивать только тех зверей, которых он уже съел, а затем оживил.

У Ажвейпша есть пастухи — белые звери, которые не только пасут, но и охраняют других зверей; вот почему белых зверей убивать нельзя.

Поскольку успех охоты целиком зависит от Ажвейпша, охотники, отправляясь на охоту, обращаются к нему с песнями-молитвами, в которых молят об удаче на охоте и совершают специальный обряд жертвоприношения.

Осетинский охотник, прежде чем отправиться в путь, повелевал своей

жене испечь три небольших пирога с сыром и брал их с собою. Дойдя до места охоты, он приносил в жертву богу охоты эти пироги и молился ему, прося удачи на охоте.

Адыгейские народы представляли бога охоты Мазитху едущим верхом на кабана, у которого золотая щетина. Его также молили об успехе на охоте.

У адыгов существовало поверье, что охотник может убивать только тех животных, которых назначит ему Мазитха, — без его разрешения охотника ждет неудача. Отправляясь за добычей в лес, адыгские охотники также должны были выполнить целый ряд регламентаций: помолиться Мазитхе о помощи, после окончания охоты разделить добычу поровну, шкуру убитого животного отдать охотнику, его застрелившему, а внутренности приготовить на костре и съесть перед возвращением домой. Голову убитого животного оставляли в лесу как долю Мазитхе.

Балкарцы и карачаевцы называли бога охоты (он был также покровителем оленей и туров) Апсаты. Ему, как и Мазитхе, посвящались специальные песни, охотники стремились добиться расположения этого хозяина зверей и животных, обитающих в лесу. Охотники приносили ему жертвы, произносили обращенные к нему молитвы — иначе говоря, всячески стремились добиться его расположения. Охотники знали, что Апсаты сурово наказывает тех, кто немилосердно истребляет животных, и опасались вызвать его гнев.

Чеченцы считали одноглазого Элту покровителем охотников, от которого всецело зависит успех охоты. В отличие от осетинских чеченские охотники приносили ему жертву после охоты. Считалось, что Элта может принимать облик разных животных, например белого оленя.

В Дагестане покровителя дичи цахурцы называли Абдалом. Он позволяет охотникам убивать только тех зверей, которых предназначил на

долю бедных. Абдал охраняет диких зверей, пасет их, доит. Иногда он принимает облик белого зверя или белого человека. Однако если в таком виде он встретится охотнику, это будет предсказанием неудачи для него.

Исследователи языческой мифологии народов Северного Кавказа зафиксировали у абхазов, адыгов, осетин реликты «охотничьего» языка. Для обозначения многих слов, связанных с охотой, употреблялись специальные слова. По представлениям охотников, такой «язык» был необходим для того, чтобы обмануть дичь и обеспечить удачную охоту.

В фольклоре разных народов Северного Кавказа сохранились четкие представления и о божестве — покровителе кузнечного ремесла и кузнецов: Курдалагон у осетин, Шашу у абхазов, Дебет у карачаевцев и балкарцев, Тлепш у адыгов. Это божество, включенное в систему персонажей героического нартского эпоса, выступает как первый кузнец на земле (таков прежде всего карачаево-балкарский Дебет) и как нартский кузнец, который кует для нартов чудесное оружие и тем самым обеспечивает им победу над врагами.

В ряде фольклорных произведений адыгов и абхазов нередко наблюдается «совмещение функций» нескольких языческих божеств. Так, например, у адыгов функцию покровителя кузнечного ремесла и кузнецов наряду с Тлепшем нередко выполняет бог грома и молнии Шибле, у абхазов наряду с Шашу — покровитель грома и молнии Афа.

Исследователи мифологии народов Северного Кавказа справедливо подчеркивают, что культ покровителя кузнечного ремесла и кузнецов принадлежит к числу самых устойчивых. До сих пор у разных народов существуют топонимические предания, связанные с местами, где будто бы была кузня адыгского Тлепша или карачаево-балкарского Дебета. До наших дней у кавказских горцев сохранились отзвуки почитания куз-

ни, где обычно собирались мужчины. У адыгов, например, было принято, проезжая мимо кузни, спешиться, поздороваться с кузнецами и со всеми, кто был там в это время.

Кроме того, каждый вид работы в кузне адыгские кузнецы сопровождали специальным гимном — *хохом*, отдельные строфы этих гимнов сохранились до наших дней.

У абхазов существовал обычай, согласно которому солгавший человек должен был признаться во лжи именно в кузне и принести тут же искупительную жертву.

Исследование произведений различных фольклорных жанров — нартского эпоса, волшебной сказки, произведений несказочной прозы — позволяет наглядно проследить трансформацию образа этого языческого божества. Первый кузнец на земле, связанный происхождением с другими богами, в процессе многовекового бытования утрачивает свои божественные, чудесные черты. В произведениях несказочной прозы он выступает как обыкновенный земной человек, но первоклассный кузнец.

В языческом пантеоне одно из важнейших мест принадлежит покровителю земледелия, плодородия и урожая. Абхазы зовут его Джаджа или Анапа-Нага, в Дагестане — Идор или Квара, адыгские народы — Тхагаледж.

Наиболее полное представление об этом божестве может быть составлено на основе данных адыгской мифологии и фольклора. Это, с одной стороны, один из людей — великий труженик, пахарь и жнец, наделенный огромной силой и отличающийся добрым нравом; с другой стороны, это — божество, в честь которого произносили гимны — *хохи* по разным случаям, прежде всего связанным, конечно же, с земледелием: прокладкой первой борозды, после обмолота, после того, как испекут хлеб из зерна нового урожая. Надо особо подчеркнуть, что языческие гимны, посвященные Тхагаледжу, дошли до наших

дней в большом количестве (в отличие от гимнов, посвященных другим богам), что, вероятно, свидетельствует о значимости и популярности этого божества.

Земледельцы и скотоводы, народы Северного Кавказа, естественно, имели в своем языческом пантеоне и покровителей домашних животных, прежде всего овец и крупного рогатого скота. Осетины звали первого Фалвара, адыгские народы — Амыш, балкарцы и карачаевцы — Аймуш.

В адыгском фольклоре сохранились немногочисленные мифологические рассказы об Амыше и небольшие отрывки посвященных ему архаических языческих гимнов, на основе которых можно судить об облике этого божества (антропоморфный) и его функциях (покровитель домашних животных). И в наши дни археологи обнаруживают изображения домашних животных (чаще всего — барана) на различных каменных истуканах. В произведениях разных жанров фольклора народов Северного Кавказа нередко упоминается имя этого божества.

Покровителя крупного рогатого скота балкарцы и карачаевцы звали Долай. И в наши дни бытует у них песня, которую исполняли, когда сбивали масло.

У адыгских народов это божество именовалось Ахыном. В прошлом веке еще бытовали многочисленные рассказы, посвященные ему. Особенно поэтичны описания ритуала жертвоприношения Ахыну, когда назначенная ему в жертву корова сама идет к назначенному месту, преодолевая на своем пути любые препятствия.

У народов Северного Кавказа существовала вера и в других, самых разных, покровителей — домашнего очага, садов, путников; почти каждый род имел свое родовое божество, или патрона. К сожалению, до наших дней дошли лишь имена этих божеств, они редко упоминаются в произведениях различных фольклорных жанров.

Народная память до сих пор хранит

воспоминания о различных тератологических типах — огромных и уродливых великанах, «лесных людях», имеющих на груди заостренную кость в виде топора (с ее помощью они убивают людей), о колдунах, ведьмах, алмосту и пр. Впоследствии на эти древнейшие представления наслоились христианские и мусульманские представления о дьяволе, шайтане, Иблисе.

Особой популярностью у народов Кавказа пользовались мифы о богоборцах, прикованных к горам за непослушание богу. Со временем эти мифы органически вошли в нартский эпос разных народов, а богоборчество стало одной из главных функций таких выдающихся нартских богатырей, как, например, осетинский Батрадз.

Как видим, языческая мифология разных народов Кавказа, при всем ее своеобразии, имеет целый ряд общих черт. В этой связи представляется правомерным вывод известного русского кавказоведа начала XX столетия доктора А. М. Дирра, который писал: «...при изучении древнейших мифологических представлений и верований кавказцев нельзя отрешиться от мысли, что когда-то существовала на Кавказе одна религия, которая впоследствии была заменена и отчасти вытеснена историческими религиями; но она сохранилась еще у многих кавказских народов в виде пережитков, суеверий и в фольклоре. Любопытен также факт, что древние мифологические лица при водворении новой религии отнюдь не сделались врагами нового божества, но покорными его служителями».

Осетинский нартский эпос. Выше уже упоминалось, что одним из основных источников изучения мифологии данного региона является нартский эпос, бытующий у многих народов Северного Кавказа (осетин, абхазов, абазин, адыгов, убыхов, карачаевцев, балкарцев, чеченцев и ингушей). В сказаниях о якобы некогда существовавшем эпическом племени нартов

весьма ощутимы мифологические корни, как древнекавказские, так и индоевропейские, скифо-сармато-аланские. Эти — восточноиранские — элементы полнее всего представлены в традициях осетин, естественных потомков скифов, сарматов и аланов, а поэтому здесь мы подробнее остановимся именно на осетинских версиях эпоса, представляющих собой исторически как бы промежуточное звено между древнекавказским субстратом и индоевропейскими традициями Северного Причерноморья.

Итак, наиболее древние пласты нартского эпоса восходят к скифо-сарматской эпохе и отражают многие черты скифской мифологии, описанные в IV кн. «Истории» Геродота (волшебная чаша, служившая нартсам, как и скифам, для выявления подвигов, похоронные обряды, обычай клясться родным очагом, способы гадания, обычай умерщвления стариков, отсечения у убитого врага правой руки, обряд побратимства и т. д.). Наличие иранских компонентов обнаруживается и в происхождении имен многих героев (например, Уархаг, Ахсар, Урызмаг, Ацамаз, Ацырухс), а также христианизированных божеств (Уастырджи, Уацилла, Николай, Тутыр, Мады Майрам и др.). К древнекавказским компонентам относятся некоторые персонажи (Афсати, Сафа, Цоппай), верховное божество — Хуцау, множество местных и родовых культов (Реком, Хетаг, Хозы дзуар, Татартуп, Таранджелоз и т. д.).

Сказания о нартах группируются вокруг нескольких главных героев (Уархаг и его сыновья, Урызмаг и Сатана, Сослан, Батрадз, Сырдон и Ацамаз). В них отразились мифы: солнечные (циклы Сослана, Ацамаза), грозовые (цикл Батрадза), тотемические (цикл Уархага), этногонические (циклы Уархага, Урызмага и Сатаны). Рудиментами солнечных мифов являются мотивы рождения Сослана (Созрыко), его женитьбы на дочери солнца, его борьбы с солне-

чным божеством (Иоанном) и его гибели от солнечного божества. Сюда же относятся дары богов Сослану. В чудодейственных песнях Ацамаза, пробуждающих всю окрестную природу, воспеваются главные солнечные божества (Уастырджи, Уацилла, Фалвара и др.). С божеством солнца рождаются и дружат нартские герои. Батрадз считает дочь солнца своей названной сестрой. Отец знаменитой Сатаны, дочери солнца, — небожитель Уастырджи.

Одно из центральных мест в эпосе занимают тотемические легенды, в частности легенда о волке, которая уходит корнями в глубокую древность (ср. римский миф о Ромуле и Реме). Согласно ей, нартские племена произошли от сыновей Уархага (старосет. *уарка* «волк») — Ахсара и Ахсартага. Волк вообще дружелюбно относится к нартсам. Он вскармливает одного из героев — Саууая; Сослан, чтобы стать неуязвимым, купается в волчьем молоке; он же, умирая на поле боя, предлагает себя на съедение волку. В сказании о «черной лисице» волки дружески беседуют со старейшим нартом Урызмагом, превращенным в собаку. Имя небесного кузнеца Курдалагона содержит древнее осетинское название волка (Курдал-Уаргон). В осетинском пантеоне волк имеет своего бога-покровителя — Тутыра, именуемого волчьим властелином или волчьим пастухом. О культовом значении волка говорит использование волчьих зубов, шерсти, головы в качестве оберега; волк же является врагом чертей и всякой темной силы. Мотив одевания в шкуру тотемного животного присущ и нартскому эпосу. Непобедимый Тотраз падает от рук своего врага Сослана потому, что конь последнего был наряжен в волчью шкуру, а конь Тотраза, взращенный чертями (*долимонами*), не выдерживал вида волчьей шкуры.

В нартском эпосе представлены теогонические, антропогонические и этногонические мифы об Урызмаге и

Сатане. По легенде, эти герои родились от одной матери — Дзерассы, но от разных отцов: Урызмаг — от Ахсартага, сына Уархага, Сатана — от небожителя Уастырджи. Одновременно с рождением Сатаны появились на свет первый земной конь Арфан (от небесного коня) и первая земная собака Силам (от небесной собаки). Вместе с тем Сатана, а также Сослан и Сырдон выступают в качестве культурных героев. Сатане мы обязаны изобретением пива (занесенного на Кавказ ираноязычными предками осетин), а Сырдону — знаменитой двенадцатиструнной арфы, являющейся также вкладом древних иранцев в культуру этого народа. В сказании же «Дары Сослана» определяются заслуги и этого культурного героя, с которым связано появление у нартов хлебных злаков, сохи, орудий для веяния и размола зерна (мельницы).

Развитие осетинского пантеона в нартском эпосе прошло через два периода: дохристианский и период после принятия аланами христианства. В эпосе представлены все главные осетинские божества: Донбеттыр, Гатаг, Афсати, Фалвара, Тутыр, Уацилла, Уастырджи и др. Из всех божеств осетинского пантеона наиболее популярен в эпосе Донбеттыр — владыка водной стихии, с ним связаны родством почти все выдающиеся герои: Ахсар, сын Уархага, женат на дочери Донбеттыра Дзерассе, родившей двух близнецов — Урызмага и Хамыца; она же мать знаменитой Сатаны. В море провел юные годы и Батрадз, а Сырдон является сыном Гатага, владыки рек. По поверьям, Донбеттыр, живя в подводном царстве, владеет рыбою, ему молились рыболовы, в честь него совершали различные магические обряды. Имя Донбеттыра связано с христианской традицией, оно означает «водный Петр» (т. е. апостол Петр). Из сказанного явствует, что нартский эпос осетин формировался не в Осетии, где нет больших рек и

моря, а вдали от нее, в степных просторах Северного Кавказа. К числу христианизированных богов относится и Тутыр (Св. Феодор), пастух и повелитель волков (в эпосе волк, уарк-Уархаг, — родоначальник нартов), без его воли волки не могут вредить людям, скоту, выходить на добычу, истреблять стада. Если скот оставался в лесу или в поле, просили Тутыра спасти его от волков. С этой же целью совершали магические приемы, чтобы умиловить Тутыра; ежегодно в определенный день в честь его устраивали празднества.

Древнейшим божеством всех осетин считался Афсати, образ которого имеет древнекавказские корни. Он — хозяин диких благородных животных (олений, туров, коз), изображался стариком с длинной белой бородой, сидящим высоко на горе и наблюдающим за своим стадом. Без его воли никто не имел права тронуть дичь, поэтому охотники для получения добычи молились ему, одаривали его приношениями, совершали магические приемы. К древнекавказским истокам восходит божество Фалвара (искаженное от имен христианских святых Флора и Лавра) — покровитель мелкого рогатого скота, в нартском эпосе — небожитель, в фольклоре — самое доброе и мирное божество; на празднике в его честь не совершались жертвоприношения. Он изображается без левого глаза: считается, что бог Тутыр в мирной беседе с Фалваром выбил ему глаз, чтобы дать возможность своим волкам подкрадываться к стадам с левой стороны. Видное место в осетинском пантеоне занимает и Уацилла (*уац* — «божество», «божественный», Илла — Илья-пророк), в мифологии — бог-громовержец, покровитель хлебных злаков и плодородия. В нартском эпосе Уацилла — небожитель, дружен с нортами, но после принятия аланами христианства (X в.) — уже как христианизированное божество — борется с ними. Он разъезжает по небу и направляет свои стрелы (*фат*)

— громовые удары на землю, истребляя злых духов. Во избежание гнева Уациллы убитого громом не оплакивали, а водили вокруг него хоровод с песнями, а затем хоронили на месте смерти. Загоревшийся от громового удара дом или стог хлеба не полагалось спасать, пожар не гасили. По представлениям осетин, Уацилла защищает поля от града и ливней, распоряжается дождевыми тучами, способствует произрастанию злаков и трав. К Уацилле обращались в засуху или в продолжительную непогоду.

Среди высших духов большой популярностью пользовался Уастырджи, Уасерги (соотв. св. Георгию), покровитель мужчин, путников, воинов, он характеризовался «чертами того бога войны, которому аланы поклонялись в образе меча» (В. И. Абаев). В нартском эпосе он небожитель, отец Сатаны, чаще других небожителей спускается на землю на трехногом коне Авсурге (или на коне белой масти, в белой бурке), чтобы узнать, помогают ли люди друг другу в нужде и горе. Он считается посредником между богом и землей, а среди людей появляется в облике нищего. Женщины боялись произносить имя Уастырджи и называли его иносказательно — «бог мужчин» (*лагты дзуар*). Они не имели права даже участвовать в празднествах, устраивавшихся в честь этого божества обычно около его многочисленных святилищ. Он считался врагом воров, мошенников, клятвопреступников, убийц и покровителем честных, благородных людей.

Богом всех духов осетинского пантеона считается Хуцауты Хуцау («Бог богов»), невидимое существо, сидящее где-то на небе и знающее и видящее все, что происходит на земле. О нуждах и заботах людей ему доносят *зэды* и *дауаги* (низшие духи, покровители людей, зверей, лесов, вод и ветров), Уацилла и особенно часто — наиболее любимый им Уастырджи, выполняющий роль посредника между небом и землей.

Появление Хуцауты Хуцау в осетинском пантеоне, видимо, относится к периоду христианизации алан; по воззрениям осетин, каждый человек имеет своего Хуцауты Хуцау — свою «долю», ангела-хранителя. Сам Хуцауты Хуцау лишь изредка спускается на землю. В нартских сказаниях он остается на небе, часто приходя на помощь небожителям в борьбе с нартами. Однажды после жалобы небожителей Хуцауты Хуцау наслал на Батрадза солнце, и Батрадз погиб; однако пока Хуцауты Хуцау не уронил на него три слезы, зэды и дауаги не могли внести его в склеп. По совету коварного Сырдона нарты перестали почитать Хуцауты Хуцау, а затем потребовали, чтобы он открыто вышел им навстречу и померялся с ними силой. Тогда Хуцауты Хуцау проклял непокорных нартов, и они погибли голодной смертью; так отразилась в эпосе победа христианства над язычеством.

Важное место в осетинской мифологии занимают демоны — великаны-*уаиги*, постоянно враждующие с нартами. От руки Батрадза многие великаны гибнут или остаются калеками. Сокрушая уаига Тыхыфырт Мукару, Батрадз избавляет нартов от тяжелой дани — девушками и женщинами, он же убивает пестробородого уаига и калечит заносчивого сына уаига Афсарона на нартском *симде*, круговом хороводном танце. Мстя за кровь Хамица, Батрадз убивает демонического Сайнаг-Алдара, отсекает у него правую руку и приносит ее в качестве трофея Сатане (этот эпизод сходен со скифским обычаем, описанным Геродотом). В нартском эпосе черти (*долимоны*, *хаираджита*) обитают за семью подземельями в особом царстве во главе со своим повелителем, имеющим трех дочерей и знаменитого коня — Дзындза. По другим представлениям, отраженным в фольклоре осетин, в отличие от эпической мифологии черти обитают в горных долинах, в лесах; они похожи на людей, но у них ноги повернуты пятками

наперед. Уаиги же населяют башни, пещеры, замки, селятся в жилом доме, причиняя неприятности его обитателям. Уаиги изображаются людьми высокого роста, в черных бурках.

Вселенная состоит из трех миров: верхнего (*уаларв* — «небо»), среднего (*захх*, *дуне* — «земля») и нижнего (*далзах* — «подземелье»). На небе обитают боги, высшие духи, туда же улетает душа человека после его смерти; на земле живут многочисленные низшие духи, часть демонов, происходят деяния нартских героев; под землей — местопребывание демонических сил, по этому миру Сослан совершает свое знаменитое путешествие. Там же расположено подводное царство с владыкой водной стихии Донбеттыром и его дочерью Дзерасой, от которой происходит нартский род.

Весьма обширны представления о загробном мире, хозяином которого считается Барастыр (имя его значит «наделенный властью», «властелин»). Никто без его воли не может туда попасть или выйти оттуда. Он отправляет людей в рай или ад в соответствии с их земными деяниями. Другим мифологическим персонажем выступает здесь Аминон, по одной из версий, существо женское, являющееся стражем ворот страны мертвых. По распоряжению Барастыра Аминон открывает железные ворота в страну мертвых, куда можно попасть только до заката солнца, после этого ворота

закрываются. По другим вариантам, Аминон стоит на дороге в загробный мир около моста и спрашивает людей, что они сделали хорошего и что дурного, и соответственно указывает путь в рай или ад (ср. сохранившуюся у осетин традицию хоронить умерших до заката солнца). Существует легенда, отражающая реальное представление осетин о душе. В час смерти душа человека извлекается из тела неким существом в образе волка. Отделившись от трупа, она летает над ним дома, сопровождает на кладбище, сходит с ним в могилу, затем улетает на небо, где снова принимает человеческий облик. Но душа так же смертна, как и человек. По этому представлению, ушедший в загробный мир нуждается во всех тех же благах, какими он пользовался при жизни на Земле: одеждой, предметами украшения, едой, напитками и даже лошадью (если это мужчина) для езды. Отсюда одевание покойника в новую и лучшую одежду, отправление по нему в течение года многочисленных больших и малых поминок (дабы не голодал), совершение обряда посвящения коня. Наконец, в послемонгольский период Осетия характеризуется появлением множества местных, сельских, родовых и даже семейных культов (*дзуаров*), связанных с основными занятиями осетин — земледелием и скотоводством. Почитались духи — хозяева трудно проходимых горных ущелий и перевалов, а также многие горы, рощи, деревья.

Кельты

Кельтская мифология — мифология кельтских народов индоевропейской группы, во 2-й половине 1-го тысячелетия до н. э. расселившихся из центра в Южной Германии и прилегающих областей по обширной территории Европы от Ирландии до Карпат. Степень единства этой мифологии — вопрос спор-

ный. Из-за отсутствия у кельтов централизованных государственных формирований она никогда не принимала официально институтированного вида. Однако исследования слоя носителей религиозной традиции у кельтов (жреческо-друидического и пр.) позволяют думать, что традиция, несмотря на региональные варианты,

отличалась целостностью, в значительной мере компенсировавшей политическое дробление.

Изучение кельтской мифологии — прежде всего вопрос критики источников, каковыми являются археологические памятники с территории всего кельтского мира, надписи из ряда его районов и письменные памятники островных кельтов (Ирландии и Уэльса прежде всего) христианского времени. В подавляющем большинстве эти памятники появились в итоге крупных перемен (романизация на континенте и христианизация на островах), резко изменивших лицо традиции. До этих событий у кельтов не существовало записи мифологической традиции («запрет» друидов), а изображения богов были вряд ли распространены и, во всяком случае, делались из недолговечных материалов. Положение осложняется тем, что в обоих упомянутых случаях давление внешних обстоятельств не было механическим, а в большей или меньшей степени вписывалось в предшествующее социальное и культурное развитие обществ, на определенном уровне подготовившее принятие и римской культуры, и христианства. В итоге мы имеем не механические, но целостные в себе осколки традиции, а в значительной степени сознательно переработанный в связи с новыми потребностями ее материал. Что отбрасывалось в этих случаях и что трансформировалось (и каким образом) — коренной вопрос для восстановления архаической кельтской мифологии. Необходимо также иметь в виду важность теоретически еще недостаточно разработанных вопросов принципиальной возможности переноса элементов устной мифопоэтической традиции в письменную или иную «исторически ориентированную» среду.

Хронологически наиболее ранними источниками по религии и мифологии кельтов являются доримские археологические памятники и свидетельства древних авторов. Скульпторы эллинизированного юга Галлии (Рокпер-

тюз и др.) подтверждают более поздние сведения о важности для кельтов культа головы (древние авторы сообщают об охоте кельтских воинов за головами своих врагов, о почитании головы как мифологического персонажа), двух- или трехликого бога и пр. Связную картину пантеона дает Цезарь, пишущий об исключительной религиозности кельтов и называющий главнейших божеств: Меркурия (то же сообщает Тацит и о германцах), Аполлона, Марса, Юпитера и Минерву. Каким местным божествам с какими функциями соответствовали эти боги — вопрос спорный. Приблизительно через сто лет после Цезаря Лукан в своей «Фарсалии» перечисляет крупнейших местных божеств Галлии — Тевтата, Езуса и Тараниса и описывает жертвоприношения им. Более поздние схолии (пояснения) к этому тексту дают две цепочки отождествлений этих богов с римскими: Марс, Меркурий, Юпитер либо Меркурий, Марс и Дит. Цезарь упоминает жертвоприношения, при которых люди сжигались. Схолии к Лукану также сообщают о сожжении жертв Таранису, повешении жертв Езусу и утоплении жертв Тевтату. Эпиграфически, т. е. в виде древних надписей на различных предметах, эти имена засвидетельствованы относительно редко, зато такие свидетельства находили и в районах, далеко выходящих за пределы собственно Галлии. Этимология имен проясняет их функции, хотя и в самом общем виде. Тевтат — от корня *teuto* — «народ», «общность» (т. е. в самом общем виде бог племени, чему есть и ирландские параллели, см. ниже.). Езус — возможно родственно лат. *ezus* со значением «господин», Таранис — от *tarani* со значением «гром» (ср. древнеирландское *torann*, валлийское *taran*). Иконографические материалы позволяют дополнить эти данные, однако они в любом случае мало помогают отождествлению богов с упомянутыми римскими. Так

называемый Парижский алтарь изображает, в частности, Езуса, срубавшего дерево. Рельеф из Трира дает такое же изображение, дополненное фигурами трех птиц на дереве и бычьей головы. Эти данные, возможно, позволяют сближать Езуса с божествами типа германского Одина. Римские параллели не засвидетельствованы. Ряд двойных имен (например, Марс Тевтат) дает отождествления, однако трудно говорить, насколько они внутренне обоснованы и какой «слой» мифологических представлений о Марсе здесь затронут. Так, в упомянутом и других случаях Марс может и не выступать прежде всего богом войны, а почитаться (как это было и в Италии) как бог мирной деятельности и изобилия. Местные имена нередко связывались с разными римскими божествами, так что говорить можно не об отождествлении, а о соотносительности определенных аспектов кельтских и римских богов. Ряд местных имен божеств не подкреплен иконографией вообще. Исключение: Эпона (тесно связанная с культом лошади), Цернунн, Суцелл, Нантосвельта, Розмерта и некоторые другие. Сходная картина и в Британии, где в римское время засвидетельствовано около 40 имен местных богов, о большей части которых ничего не известно, кроме имени. Ряд исключений (Нодонс, сопоставимый с ирландским Нуаду, см. ниже) подтверждает правило. Некоторые божества, напротив, представлены лишь иконографией (трехликий бог, бог со змеей и т. д.), распространение которой позволяет с уверенностью говорить лишь об их значимости в культе и мифологии, но не о функциях. Функции иных ясны лишь в самом общем виде. Таков Бормо или Борво, бог священных источников, сопоставляющийся с Аполлоном, Беленус («светящийся»), Огмиос и др. Древние авторы, говоря об учении друидов, упоминают их веру в потусторонний мир и в переселение душ. Древнегреческий географ и историк Страбон сообщает, что

кельты считали космический порядок неразрушимым, хотя и верили, что хаотические стихии воды и огня могут когда-нибудь временно одолеть его.

Мифологические представления кельтов получают более широкое освещение в островных (ирландских, в меньшей степени валлийских) письменных источниках, появляющихся в христианский (после 1-й половины V в.) период. За ирландским вариантом христианизации всегда признавалась специфика, заключающаяся в сравнительно терпимом отношении христианской культурной среды к языческому наследию и в некотором смысле даже взаимопроникновении носителей двух традиций. Вопрос о степенях взаимовлияний — спорный, однако несомненно, что многие части языческой традиции были утеряны из-за появления письменной, исторически ориентированной по своей сути культуры, несовместимости многих элементов традиции с христианскими представлениями по самому своему существу, своеобразной цензуры составителей и переписчиков рукописей. Однако несомненно и то, что архаические тексты строились в значительной степени по канонам мифопоэтического мышления и, следовательно, не могли не включать целые блоки и отдельные элементы древних представлений. Определение таких блоков, которые иногда находятся в неожиданных пластах традиции, и установление взаимосвязи между ними — единственный путь реконструкции островной и общекельтской мифологий. К примеру, ирландский корпус текстов не содержит прямых изложений космогонических и эсхатологических мифов. Однако псевдоисторическая и героическая литература Ирландии позволяет до некоторой степени восстановить эти представления. Так, речи известного героя Фергуса, в которых описывается, как он поступит со своими противниками, если получит назад свой меч, включают описание не героического подвига, а явно ритуального расчле-

нения противника, т. е. действия, несомненно связанного с представлениями о создании мира из тела какого-то первосущества. Сходный мотив содержится и в заключительной части эпоса «Похищение Быка из Куальнге», где победивший в схватке бык разбрасывает по Ирландии части тела соперника.

Представления о космическом порядке и условиях его нарушения можно почерпнуть, в частности, из многих саг королевского цикла, ряд из которых был несомненно связан с сезонными ритуалами (к примеру, новогодний ирландский праздник Самайн), где центральной была фигура короля. Представления о так называемой правде короля — гарантии стабильности социального и космического порядка, который связан не только с отсутствием войн, хорошим урожаем и прочим, но и с правильным функционированием стихий, расположением природных сфер (неба, земли, моря). Эсхатологический сценарий, по всей видимости каждый год воспроизводившийся в новогоднем ритуале, хорошо прослеживается в такой саге, как «Разрушение Дома Да Дерга». Символу космического порядка, выражаемому часто устройством пиршественной залы королевского дворца, противопоставлено здесь имеющее потусторонний характер жилище кузнеца Да Дерга, где разворачивается битва короля Конайре с его полудемоническими противниками. Основную роль в сражении играют стихии огня и воды. Это вполне согласуется с упомянутыми элементами учения друидов. Примеров подобного рода исключительно много.

Мифы о богах и культурных героях засвидетельствованы как в отдельных текстах, так и в многочисленных преданиях о заселении острова и обретении им своего социального и природного облика (см. свод XII в. под названием «Книга Захватов Ирландии»). Стремясь выстроить историю Ирландии и соотнести ее дохристианский

этап с библейской, т. е. «мировой», традицией, составители включили в нее много эпизодов архаической традиции. Обычно выделялись шесть захватов острова. Первый, «допотопного времени», был возглавлен Банбой — одной из ирландских богинь. Ее спутники погибли в волнах потопа, за исключением легендарного мудреца Финтана, который, перевоплощаясь в различных животных, пережил века и поведал потомкам о свершившемся. Это один из примеров частого в традиции явления: поэты и мудрецы отождествляют себя с элементами природы и стихиями, причем это отождествление связано с самой сутью магической власти их ремесла. Так называемая песнь поношения поэта против несправедного короля могла привести к отстранению того от власти.

Следующую волну пришельцев возглавил Партолон, которому начинают приписываться первые важные культурные деяния: он расчистил ряд долин, при нем появилось несколько озер и новых ремесел. При Немедзе (корень «сакральный», «священный») опять же появились новые долины и озера. Он впервые столкнулся с сопротивлением фоморов (демонические существа, букв. «приморские», «существующие на границе воды», что отражает их пограничный, потусторонний характер). Следующее вторжение племен Фир Болг связано с упорядочением важных моментов социальной жизни Ирландии, введением традиционного деления страны на 5 королевств (известного во многих мифологических традициях) и установлением правильных норм королевской власти. Племена богини Дану (название спорное, вполне возможно, позднего происхождения), явившиеся по традиции с «северных островов», принесли в страну четыре знаменитых магических талисмана: камень Фаль, испускавший крик под ногами законного короля столицы острова Тары; победоносное копьё Луга; неотразимый меч Нуаду и неистощимый котел

бога Дагда (букв. «добрый бог», персонаж, важнейший для мифологической традиции, известный под именами Эохайд Отец Всех и Возрождение Мира). Они победили Фир Болг в первом сражении при Маг Туиред (совр. Мойтура в Северо-Западной Ирландии). Их соперничество с фоморами составляет сюжет крупнейшей саги мифологического цикла «Вторая Битва при Маг Туиред».

В ней описывается, как правитель Племен богини Дану, Нуаду, потерявший руку в первой битве, передал правление Бресу, наполовину фомору. Неправедное правление Бреса привело к конфликту, центральным эпизодом которого является битва нового короля Племен богини Дану, Луга (общекельтское божество, с многочисленными следами в топонимике Западной Европы), с предводителем фоморов по прозвищу Балор Одноглазый. Вообще столкновение героев (Финн, Конайре и др.) с одноглазым противником, символизирующим хаотические силы разрушения, является устойчивым мифологическим мотивом многих повествований. Луг камнем из пращи поражает глаз Балора, смертоносный взгляд которого был способен погубить все живое. Обращенные в бегство фоморы покидают Ирландию, а Брес откупается от победителей тем, что сообщает им правильные сроки сельскохозяйственных работ. Нормальное устройство общества на этом завершается, ибо Племена богини, обладавшие друидической мудростью и военным мастерством, становятся сведущими и в хозяйственной деятельности.

Последним было завоевание так называемых Сыновей Миля, считавшихся предками исторического населения острова, гойделов. После целого ряда перипетий Сыновья Миля сумели победить Племена богини при Тальтиу, где были учреждены одни из известнейших в Ирландии ежегодных празднеств. По договору между ними Племена богини сохранили, однако,

власть над нижним миром, над сидами (так назывались волшебные холмы и их обитатели, слово имеет важное значение — «мир», «согласие»). Сиды были важным, но не единственным элементом локализации потустороннего мира, который часто представлялся существующим на островах за морем и назывался «Земля Блаженства», «Земля Женщин» и т. д. Путешествиям туда и чудесным приключениям посвящен ряд саг. Подобным же образом представляли потусторонний мир (Аннон) и кельты Уэльса.

Немало элементов мифологии и верований кельтов встречается в сагах героического цикла. Многие черты матери богов и воплощения королевской власти аккумулирует знаменитая королева Медб, супруга короля Айлиля и правительница Коннахта. Прямо божественный характер имеют фигуры демонических хозяек сражения — Морриган и Бадб, три персонажа по имени Маха, которые виделись иногда как воплощение магического знания, военного искусства и хозяйственных навыков. Множество мужских персонажей саг — Брикriu, Ку Рои, Мидир — также божественного происхождения. Брикriu (сага «Пир Брикriu») — типичный мифологический трикстер, сеющий раздоры между героями, Мидир — владыка сида Бри Лейт, божество потустороннего мира, Ку Рои — сведущий в магии воитель, в облике божественного пастуха сходный с древнеиндийским Пушаном. Мифологическую основу имеет немало сюжетных ходов и эпизодов саг — повествования о добывании чудесных предметов, инициационных испытаниях, соперничестве с потусторонними существами, путешествиях или случайном проникновении в иной мир. В значительной степени мифологична и фигура самого известного ирландского героя, Кухулина, по одной из версий сына бога Луга и смертной Дехтире. Рассказы о его детских подвигах схожи с обрядами инициации, многие эпизоды жизни

органически связаны с индоевропейской мифогероической традицией (битва с тремя противниками, убийство собственного неузнанного сына, магические преобразования и пр.). О практике инициационных обрядов и сопутствующих им представлениях можно узнать и из повествований о знаменитом герое Финне, сыне Кумала, предводителе отрядов (фиана), живших в лесах и посвятивших себя охоте и войне. В рассказах о Финне много эпизодов, связанных с кельтской традицией, о добывании божественной мудрости и обрядах, устанавливающих контакт с потусторонним миром.

Валлийский материал дает много-

численные параллели ирландскому на уровне персонажей, мотивов и целых сюжетов. Наиболее интересные тексты объединены в «Четырех ветвях Мабиноги». Так, ирландским Племенам богини Дану соответствуют Дети Дон, богу моря и потустороннего мира Мананнану — Манавидан, богу кузнецу Гоибниу — Гофаннон, Нуаду с Серебряной Рукой — Ллуд с Серебряной Рукой, Лугу — Ллеу и т. д.

Наследие кельтской мифологии продолжало и в более поздние времена питать средневековые повествования и заметно в цикле преданий о короле Артуре, Тристане и Изольде и многих других.

Германские народы

К рубежу нашей эры германские народы заселяли земли к югу от Балтийского моря и Скандинавию. Первые скудные известия об их верованиях сообщает Юлий Цезарь (I в. до н. э.) в «Записках о галльской войне»: у германцев в отличие от галлов (кельтов) нет жрецов-друидов, которые руководят обрядами; они обожествляют явления природы — солнце, огонь (который Цезарь называет именем римского бога Вулкана), луну. Бесконечные войны, которые вели германцы, привели к особому развитию у них воинских культов. Греческий географ Страбон, живший на рубеже новой эры, описал жертвоприношение пленных у германского племени кимбров: жрица-прорицательница перерезала несчастным горло над огромным котлом и совершала гадание по их крови; другие жрицы по внутренностям жертв предрекали победу.

Подробнее описывает германско-скандинавскую мифологию и религию римский историк Тацит (I в. н. э.) в сочинении, специально посвященном происхождению и быту германцев («Германия»). Он рассказывает этногенетический миф (о происхо-

ждении народа), сообщая, что предком германцев был Манн, сын рожденного землей божества Туисто; от трех сыновей Манна произошли три главных племени германцев — ингевоны, гермионы и истевоны. Германским богам Тацит дает римские имена, утверждая, что они поклоняются Меркурию, которому приносят в определенные дни человеческие жертвы, Геркулесу и Марсу, которых умиляют закланием животных, близнецам Кастору и Поллуксу и даже Изиде; богам германцы посвящают священные дубравы и рощи. Судя по другим источникам и древней традиции, по которой у римлян и германцев дни недели посвящены определенным богам, Меркурием назван германский Водан, бог воинских ритуалов и магии, наделенный способностью проникать во все сферы мироздания (как и римский Меркурий); Геркулес — это громовержец Донар, сокрушавший врагов своим молотом, как античный герой — палицей; Марс — это Тивас или Тиу, небесное божество, воплощающее правопорядок, Изиды — богиня любви Фрия. По Тациту, германцы поклоняются и матери-земле Нерт: повозка, в

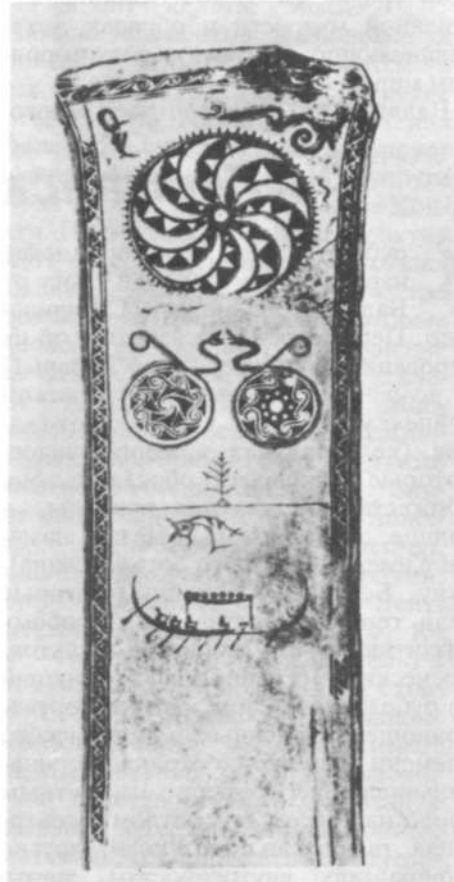
которой богиня скрыта под покровом из тканей, выезжает в праздничные дни из священной рощи — тогда прекращаются все войны; конец празднеств знаменуется мрачным обрядом, когда рабы омывают повозку и идола в озере, где сами обретают смерть, ибо богиню могут видеть лишь обреченные на смерть.

В эпоху великого переселения народов (середина 1-го тысячелетия н. э.) особое развитие получают германские этногенетические легенды. Согласно одной из них, рассказанных Павлом Диаконом в «Истории лангобардов» (VIII в.), лангобарды (букв. «длиннобородые») получили свое имя от самого Водана. Бог покровительствовал племени вандалов, его жена Фрия — винилам; богиня дала им совет раньше выслать своих женщин с поля боя с вандалами, повязав волосы под подбородком, — Водан обратил внимание на «лангобардов», даровал им имя и победу. Беда Достопочтенный в «Церковной истории» (VIII в.) рассказывает о призвании вождей саксов Хенгеста и Хорсы, потомков Водана, в Британию и о происхождении англо-саксов; имена этих героев означают «жеребец» и «лошадь»: кони — священные животные германцев, символы божественных близнецов, покровителей людей. Англосаксы побеждают врагов призвавших их бриттов и создают свое королевство (сходная легенда о призвании варягов из Скандинавии записана на Руси).

Все упомянутые античные авторы и христианские хронисты донесли лишь отдельные фрагменты германо-скандинавских мифов и культов. Полная и яркая картина германо-скандинавского язычества сохранилась в средневековой исландской традиции (X—XIII вв.). В далекой Исландии долго сохранялись обычаи германо-скандинавских пращуров, их мифы были записаны уже после введения христианства и составили поэтический сборник «Старшая Эдда» (XIII в.); тогда же исландский поэт и ученый Снорри Стурлусон написал проза-

ическое руководство для скальдов, «Младшую Эдду». Песни «Старшей Эдды» и исландские саги (прозаические рассказы о родовых распрях и т. п.) повествуют не только о богах, но и о эпических героях.

Самая знаменитая из песен «Старшей Эдды» — «Прорицание Вёльвы» — описывает сотворение и гибель мира. Боги из рода асов поднимают (из первичной бездны или океана) землю и создают «срединный мир» — Мидгард, устанавливают смену дня и

Памятный камень с о. Готланд. V—VI вв. Изображения на стеле передают картину мира у скандинавов-язычников: вверху — солярные и астральные символы, срединный мир — дерево, нижний мир — чудовище и погребальный корабль

ночи, творят племя чудесных существ — карликов (цвергов), оживляют людей — первоначально бесчувственных Аску и Эмблю (букв. «яшень» и «ива»). Мировое дерево Иггдрасиль — ось мира в скандинавской мифологии — вырастает у источника Урд («судьба»); у его корней обитают три норны — низшие женские божества, определяющие судьбы людей при их рождении. Согласно другим песням и «Младшей Эдде» крона мирового дерева достигает небесного жилища богов, а корни простираются во все миры — к богам и людям, великанам и в преисподнюю — Хель или в Нифльхейм («страна мрака»). Мир возникает из первичных стихий и тела гигантского первосущества. В мировой бездне Гиннунгагап смешались ледяные волны потока, вытекающего из Нифльхейма, и жар, идущий из Муспелльсхейма — «страны огня». Из тающего льда возник великан Имир; его выкормила корова Аудумла, появившаяся из инея. Корова лизала соленые камни, которые стали великаном Бури, предком богов. Боги — Один и два его брата — убили Имира: его плоть стала землей, кровь — морем, кости — горами, череп — небом, волосы — лесом, из ресниц построен богами Мидгард, из мозга созданы тучи.

Великаны (ётуны, турсы, в скандинавском фольклоре — тролли) — первые существа, населявшие мир в скандинавской мифологии. Поколение инеистых великанов, рожденных Имиром, было утоплено богами в его крови, лишь один из них спасся. Ётуны были вытеснены богами из созданного ими Мидгарда («срединого мира»), огражденного пространства («гард»), в Утгард («крошечный мир») или в Ётунхейм («страна великанов»), пустынные области Севера. Оттуда великаны угрожают богам и людям. Другой первобытный мифический народ — карлики (цверги и альвы), которые первоначально были червями в теле Имира или сотворены из его тела богами. Они — подземные

жители и боятся дневного света: застигнутые рассветом карлики превращаются в камень. Как и гномы в европейской фольклорной традиции, они — обладатели сокровищ и волшебные кузнецы; карлики изготовили чудесное оружие для богов, создали волшебный напиток — мёд поэзии, дающий вдохновение, золотое кольцо, приносящее каждые девять дней новые сокровища, и др. Четыре цверга поддерживают по сторонам света небо.

Мифологическая картина мира сформировалась у скандинавов-язычников в эпоху гибели родоплеменных устоев, поэтому в песнях «Старшей Эдды» особое значение имеют мотивы проклятого богатства, разрушительных войн и конца света. В «Прорицании Вёльвы» роковую роль играет дева Гулльвейг («сила золота»); боги-асы бессильны победить ее — из-за нее начинается и первая война между двумя родами богов — асами и ванами. Эти боги, заключив мир и обменявшись заложниками,

Памятный камень с о. Готланд. VIII в. В верхней части: валькирия встречает всадника, въезжающего на восьминогом коне Слейпнире в Вальхаллу

составили скандинавский пантеон.

Многие имена скандинавских богов восходят к упомянутым наименованиям божеств у древних германцев. К асам относится глава пантеона Один (германский Водан), один из творцов мира, бог шаманской мудрости и воинского неистовства. Подвластные ему девы-валькирии (букв. «выбирающие мертвых») выбирают героев, которые должны пасть на поле битвы: их ждет после смерти пиршественная зала Одина — Вальгалла («чертог мертвых») в небесной обители богов Асгарде. Жена Одина — богиня Фригт (германская Фрия). Одину служат животные, также связанные с воинскими культами и полем битвы, — два волка и два ворона, сидящие у бога на плечах и передающие все, что они видят в мире. Его чудесный конь — восьминогий Слейпнир. Сам бог отдал свой глаз в обмен на магические знания великану Мимиру — хозяину источника мудрости. Один девять дней висел, пригвоздив себя копьём к мировому дереву, поэтому Иггдрасиль носит одно из имен бога Одина (буквально название ясеня означает «конь Игта»); после этого испытания он обрел знание волшебных рун. В облике змеи он проникает в скалу в стране враждебных великанов, чтобы добыть мёд поэзии, полученный ими от карликов. Один выпивает мед и спасается от преследователей в облике орла (на такие превращения в древних культах считались способными шаманы). Один выплевывает мед, который достается асам и скальдам; те же капли напитка, которые обронил бог из заднего прохода, спасаясь от великанов, достались бездарным поэтам.

Другой знаменитый ас — громовержец Тор (германский Донар, букв. «гром»), главный защитник мира богов и людей — Асгарда и Мидгарда. Тор сражается своим волшебным молотом Мьёлльнир (слово, родственное русскому «молния») с великанами Утгарда во время своих героических странствий. Он — рыжеборо-

дый богатырь, разъезжающий на колеснице, в которую запряжена пара чудесных козлов. Когда Тор чувствует голод, он может зарезать и сварить козлов, а затем побросать их кости и шкуры и воскресить животных своим молотом. Он, как и громовники в других мифологиях, — покровитель плодородия. Как и Один, Тор добывает чудесные предметы для богов: у великана Хюмира он получает котел для варки пива; великан задает богу трудные задачи, и тот демонстрирует свою сверхъестественную силу; громовник отрубает голову чудовищному быку и делает из нее наживку для рыбной ловли; со дна океана он вылавливает мирового Змея Ёрмунганда и бьет его молотом, но змей уходит на дно — его поединок с Тором должен завершиться в дни гибели мира.

Древний образ небесного бога раскрывает имя Тюр (германский Тиу, Тивас) — оно родственно именам других индоевропейских небесных богов, в том числе греческого Зевса, индийского Дьяуса; ас Тюр жертвует своей правой рукой, чтобы заковать смер-

Тор с молотом. Бронзовая статуэтка, найденная в Исландии. Около 1000 г.

тельного врага богов — чудовищного волка Фенрира: тот позволяет примерить на себя волшебные путы только в обмен на залог — и Тюр кладет руку в пасть чудовища. К асам относятся также сын Одина Бальдр (которому суждено пасть невинной жертвой, знаменующей гибель мира), страж богов Хеймдалль, обладающий чудесным слухом и зрением, Хёнир, участвующий в творении мира, и др.

Ваны, оказавшиеся заложниками у асов и вошедшие в пантеон, — это боги плодородия: Ньёрд, воплощение морской стихии, и его дети Фрейр и Фрейя. Сам Ньёрд, судя по имени, так же как и Фрейр, связан с древнегерманской богиней плодородия Нерт. В «Младшей Эдде» у Ньёрда другая пара — богиня-лыжница и охотница Скади; миф описывает семейную драму — Скади не может ужиться с Ньёрдом на морском берегу, Ньёрду же не любы горы Скади. Фрейя — богиня любви, иногда обвиняемая в распутстве и даже кровосмесительной связи с братом.

Хронист XI в. Адам Бременский описал главный языческий храм Швеции в Старой Упсале, где стояли идола Одина, Тора и Фрейра — тройцы скандинавских богов, воплощающих главные функции пантеона: мага и жреца, защитника богов и людей, покровителя плодородия.

Самая загадочная фигура в скандинавском пантеоне — ас Локи: он — участник сотворения мира, но своими коварными и часто нелепыми поступками угрожает самому существованию богов. Он отдает великану Тьяци богиню Идунн с молодильными яблоками, и боги начинают стареть: под угрозой смерти Локи похищает Идунн, превратив ее в орех. Но Локи и выручает богов. Когда великан Трюм похищает у Тора его молот, требуя взамен Фрейю в жены, Локи сопровождает Тора, переодетого в платье богини, в качестве «служанки» и просит принести молот, чтобы освятить им брак. Получив молот, громовержец расправляется с врагом. Когда

другой великан обещает богам построить в срок стены Асгарда, а взамен требует Фрейю, луну и солнце, Локи в облике кобылы отвлекает коня, помогающего строителю, чтобы тот не успел справиться с задачей; от связи Локи с конем рождается Слейпнир. Худшие из созданий Локи — Хель, хозяйка преисподней, в обители которой отправляются все, кто не пал героически на поле боя, волк Фенрир и чудовищный змей Ёрмунганд, кольцом свернувшийся в океане, омывающем Мидгард; Локи породил этих чудовищ с великаншей Ангрбодой. На священном пире он поносит богов, нарушая мир (об этом повествует песнь «Перебранка Локи» в «Старшей Эдде»). Самое страшное из преступлений Локи — убийство Бальдра. Бальдр был неуязвим благодаря волшебному заговору, и боги забавлялись, пытаясь поразить его своим оружием; Локи, прознав, что незаговоренным остался лишь побег омелы, вручает его слепому богу Хёду, который пронзает Бальдра. Убитого бога возлагают на погребальный костер, сооруженный прямо на корабле, который отправляется в Хель (погребение в корабле — типичный обряд эпохи викингов); все существа оплакивают Бальдра и стремятся вернуть его из преисподней — одна злобная великанша, в которую превратился Локи, не хочет его возвращения, и бог вынужден остаться в загробном мире. Боги расправляются с Локи, связав и подвесив над ним змею, — когда яд капает на Локи и он корчится в своих путах, происходят землетрясения. Перед концом света Локи освободится и вместе с чудовищами и великанами вступит в последнюю битву с богами.

Скандинавская мифология пронизана чувством грядущей гибели мира, «судьбы богов». Распри родичей, бесконечные войны («век мечей и секир»), лютая зима предшествуют вселенской катастрофе. Чудовищные волки пожрут солнце и луну, содрогнется Иггдрасиль, воды обрушатся на

сушу. Локи поведет корабль мертвецов из преисподней, на битву с богами вырвутся Фенрир и Ёрмунганд, войско огненных великанов — сынов Муспелля и воплощающий огонь гигант Сурт двинутся с юга, под ними обрушится небесный мост Биврёст. Хеймдалль протрубит в рог, призывая богов на битву. Один выведет дружину героев и сразится с Фенриром: волк поглотит бога, но сын Одина Видар отомстит, разорвав пасть чудовища. Тор вступит в бой с мировым змеем и сразит его, но и сам погибнет от яда. Хеймдалль и Локи поразят друг друга насмерть. Наконец, Сурт сожжет весь мир. Однако мир должен возродиться с новым поколением богов — сынами Одина Видаром и Вали, сыновьями Тора Магни и Модри; Бальдр вернется из царства мертвых и примирится с Хёдом; спасется и человеческая пара — Лив и Ливтрасир (букв. «жизнь» и «пышущий жизнью»), которая даст жизнь новому поколению людей.

Представления о человеке и его месте в мифологической картине мира у скандинавов связаны с мотивами героических деяний и неизбежности рока. Герои-драконоборцы — Беовульф (в одноименной англосаксонской поэме — VII—VIII вв.), скандинавский Сигурд (Зигфрид немецкой «Песни о нибелунгах») — погибают после совершения ими славных подвигов. В эпосе о героях нибелунгах (нифлунгах в «Старшей Эдде») центральный мотив — проклятое золото: Локи отнимает это золото, в том числе кольцо, умножающее богатство, — кольцо нибелунгов — у карлика Андвари. Карлик проклинает золото — оно должно приносить смерть владельцам. Золото уплачивается как выкуп за Хреймдара, убитого Локи, и переходит к его брату Фафниру, который в облике дракона стережет свой клад. Другой брат — Рegin — подстрекает своего воспитанника Сигурда на убийство дракона, но герой убивает не только Фафнира, но и своего коварного воспитателя,

хотевшего завладеть кладом. В своих героических странствиях Сигурд пробуждает спящую волшебным сном валькирию Сигдриву, с которой обручается. В «Саге о вельсунгах» Сигдрива отождествлена с воительницей Брюнхильд (Брюнхильда «Песни о нибелунгах»): при дворе бургундских королей Гуннара, Хёгни и Готторма Сигурд выпивает напиток забвения и женится на их сестре Гудрун (немецкая Кримхильда), а затем едет сватом к Брюнхильд, чтобы выдать ее за Гуннара (немецкий Гунтер). Он вынуждает деву к замужеству, победив ее в поединке, а оскорбленная Брюнхильд подговаривает Гуннара убить Сигурда, после чего братья нифлунги (нибелунги) Гуннар и Хёгни завладевают кладом. Брюнхильд умерщвляет себя, чтобы возлечь на погребальный костер Сигурда. Гудрун становится женой гуннского вождя Атли (Аттила — правитель гуннов I в., немецкий Этцель): тот заманивает нифлунгов к себе и старается пытками заставить Гуннара и Хёгни отдать клад. Гуннар требует, чтобы за выдачу клада принесли сердце Хёгни, и, когда убеждается, что брат мертв, отказывается отдать клад и погибает в змеином рву. Гудрун мстит Атли за братьев, ибо по родовым понятиям братья ближе, чем муж: она убивает рожденных от Атли сыновей и дает отцу отведать блюдо, приготовленное из их сердец, после чего поджигает палаты гуннского вождя. Этот мифологический мотив истребления (и даже самоистребления) рода характерен для эпохи гибели родового строя.

Средневековые скандинавские хроники, вводные части которых повествуют о легендарных временах, возводят родословные скандинавских правителей — конунгов к богам, которых христианские хронисты считают древними правителями. Согласно Снорри Стурлусону род шведских конунгов Инглингов восходит к Ингви-Фрейру, который правил после Ньёрда, а основателем дина-

стии был сам Один («Сага об Инглингах»). Ученый-исландец выводил богов-асов из Азии, исходя из сходства названий. Реальные правители германских и скандинавских коро-

левств быстро обратились к христианству; капища языческих богов были разрушены, на месте храма в Старой Упсале возведена церковь.

Балтийские народы

В этом разделе речь пойдет о религиозно-мифологических представлениях древнейших балтийских (балтских) племен. Общебалтийская мифологическая система не сохранилась, но в некоторых случаях она реконструируется на основе мифологических систем отдельных балтийских племен: западных — пруссов, ятвягов и др. и восточных — жемайтов и аукштайтов (литовцев), латышей и др. Самые ранние сведения о мифологии и ритуале балтийских племен восходят к концу I в. н. э. Тацит сообщает, что они «поклоняются праматери богов и как отличительный знак своего культа носят на себе изображения вепрей». Данные XII—XIII вв. (из немецких, польских, русских и других источников) расширяют представления о раннебалтийском язычестве (о поклонении огню, деревьям, травам, водным источникам, животным и т. д.). Более поздние источники XIV—XVI вв., сообщающие много нового, вместе с тем содержат немало сомнительных сведений. С середины XVI в. появляются сочинения авторов балтийского происхождения (особенно в Литве), хорошо знакомых с пережитками языческой мифологии и обрядности, а также ученых, обладающих основами научной критики источников. Важный источник сведений по религии и мифологии балтов — латышский и литовский фольклор; латышская мифология восстанавливается в большей степени на основе фольклорных источников, а не старых письменных свидетельств. Наконец, языковые данные (прежде всего имена мифологических персонажей) позволяют

выделить древнее индоевропейское ядро балтийской мифологии — схему мифа о поединке громовержца с его противником и имена участников этого мифа — Перкунаса, Велняса (Велса). Индоевропейские истоки обнаруживают и целый ряд других мифологических имен (Жемина, Пушкайтс, Усиньш, Лаума, Вейопатис, Звайгстикс).

В зависимости от функций мифологических персонажей, степени их индивидуализированности и актуальности для человека внутри балтийской мифологии выделяется несколько уровней.

Первый уровень объединяет высших богов, входящих в общепалтийский пантеон и в мифологические сюжеты. Первое место занимает бог Диевас, обитающий на небе, главный среди богов. В прусском пантеоне он называется Окопирмс («самый первый»). В некотором отношении к богу (подчинение, зависимость, но иногда — предшествование во времени) находится громовержец Перкунас (Перконс). У бога есть дети, сыновья, с которыми связан целый комплекс архаических представлений, восходящий к индоевропейскому культу божественных близнецов. Согласно латышским народным песням сыновья бога влюблены в дочь бога; ожидая ее, они зажигают два огня на море, катают дочь солнца по морю в яблонево́й лодке, по суше едут к ее дому на двух конях. Сыновья бога воплощают плодородие и связываются с сельскохозяйственным культом. С близнецным культом связана и мифоритуальная тема Юмиса, образа полевого божества «удвоенного» пло-

дородия (само слово в латышском обозначает сдвоенный плод, «двойчатку»). Идея близнецства и двойничества определила и мифологические представления о начале истории пруссов и их традиции, в основании которой стали два брата, родоначальники светской и духовной власти Видевут и Брутен (их почитали в виде ритуальных столбов с их изображениями). В наиболее древней реконструируемой форме балтийского мифа один из близнецов был сыном бога, другой — дочерью. Но дальнейшее развитие этого сюжета, устраняющее явный кровосмесительный характер брака между ними, ведет к раздвоению близнеца-брата на двух братьев при наличии одной сестры. В балтийском мифе сестра выступает в качестве дочери солнца, тогда как этимологическая связь имени бога с названием солнца (ясного неба) уже не осознается.

Помимо участия в сюжете архаического близнечного мифа, составляющего наиболее древний (но относительно полно реконструируемый) пласт балтийской мифологии, в целом Диевас пассивен и стоит вне мифологических сюжетов. В качестве наиболее активного, грозного и мощного мифологического персонажа выступает Перкунас (Перконс), бог грома и молнии, воплощающий военную и косвенно — хозяйственную функцию, имеющую отношение к плодородию. Ему противостоит Велняс, в культе которого есть следы его связи со скотом (конями, быками, свиньями), что, очевидно, свидетельствует о продолжении древней индоевропейской традиции, согласно которой загробный мир представлялся как пастбище. Это божество связано с нижним миром, со смертью и одновременно с плодородием. Громовержец, обитающий вверху — на небе, на горе, преследует своего противника, живущего внизу — на земле (нередко противник имеет змеевидную природу). Иногда в фольклоре указывается причина гнева громовержца — связь его противника с

женой Перкунаса или похищение ее, людей, скота. Преследуемый противник прячется за разные предметы (дерево, камень), обращается в корову, в человека (а также и в других животных, в том числе в кошку). Громовержец на колеснице, запряженной конями или козлами, с медным или даже каменным оружием нападает на противника, мечет молнию, раскалывает дуб о камень, убивает противника, после чего начинается дождь, приносящий плодородие. Иногда упоминается помощник громовержца — мифический кузнец Кальвис. В этом виде миф, составляющий главный сюжет балтийской мифологии, восстанавливается бесспорно для литовской и латышской традиций и косвенно (в виде отдельных мотивов) для прусской. Ближайшие параллели содержатся в славянской мифологии, что дает основания предполагать общие балто-славянские истоки.

Другой архаичный миф, фрагменты которого сохранились в литовском и латышском фольклоре, — «небесная свадьба» солнца и месяца. В литовской народной песне «Свадьба месяца», когда месяц изменяет солнцу с утренней зарей Аушрой (иногда Аушра — дочь солнца), разгневанный Перкунас разрубает месяц мечом (объяснение убывания луны). В других версиях солнце выдает свою дочь замуж за утреннюю звезду Аусеклиса вопреки воле Перконса-Перкунаса или месяц отнимает невесту у Аусеклиса, за что солнце разрубает его мечом. По фольклорным текстам реконструируется также вариант мифа, где утренняя заря (звезда), денница Аушра (латышская Аустра) — жена громовержца, изменяющая Перкунасу с его противником. Перкунас низвергает ее с неба на землю, и та превращается в хтоническую богиню — Марию, Жемину, Лауму.

Эта часть балтийской мифологии, как и ряд существенных деталей, связанных с культом природных божеств, является общей для литовцев, латышей и, видимо, пруссов. В

целом же структура первого уровня в каждой из этих традиций характеризуется своими особенностями.

Наиболее индивидуальный вариант представлен прусской мифологией. Прежде всего прусский пантеон наиболее оформлен, его персонажи (исключительно мужские) четко различаются и по функциям, и по своей внешности. Первый уровень представлен восемью персонажами. Помимо уже упоминавшихся богов (Дейвса и Перкунаса), сюда входят Патримпас, юный бог рек и источников, и Аутримпс, бог моря, восходящие, видимо, к одному персонажу — Тримпсу, существование которого подтверждается литовскими и латышскими данными. Патолс — самый старый бог, связанный с нижним миром и имеющий длинную седую бороду; отсюда правдоподобная связь его с другим божеством — Бардойтсом («бородатый», первоначально, возможно, эпитет Патолса), позже трактуемым как бог кораблей (Пеколс). Природные божества, дающие благополучие человеку, — Пергрубрюс, — воплощение весны, листвы, травы; Пушкайтс, воплощение земли, священной бузины; Аушаутс, воплощение целостности, сохранности, бог-врачеватель; Пильвитс, бог, дающий богатство. Этот прусский пантеон позже претерпел существенные изменения: бог Дейвс получил эпитет «окопирмс», ставший позднее основной формой имени; Тримпс разделился на Патримпса и Аутримпса; эпитет Патолса «бардойтс» стал самостоятельным божеством; Патолс получил имя Пеколс; Пеколс раздвоился на Пеколса и Поколса; в пантеон был включен Звайгстикс, связанный с солнечным светом и солнцем.

Списки божеств, принадлежащих к первому уровню литовской мифологии, ущербны и помогают реконструировать лишь часть ядра системы: Нънадей (Андай) — Перкунас — Телявель (по Вольнской летописи). Здесь Нънадей — высший бог, Перкунас — громовник, Телявель — божес-

твенный кузнец, помощник Перкунаса, имеющий надежные параллели в популярном во всем прибалтийском ареале сюжете о кузнеце, выковавшем солнце. Место и суть других божеств, упоминаемых в источниках XIII в., далеки от ясности: литовцы поклонялись богине Жворуне в образе суки: Меидейна (видимо, литовская Медейна) — хозяйка леса, отождествляемая с Заячьим богом. Из данных XVI в. и более поздних заслуживают упоминания богиня Жемина, связанная с землей, Лайма — богиня счастья, судьбы и Бангпутис, бог ветра.

Еще меньше данных, чтобы судить о структуре первого уровня латышской мифологии. Но и здесь несомненно наличие пары: бог (Диевс), отец неба, и Перконс, бог грома и молнии, которые противопоставлены друг другу, как в прусской и литовской мифологиях, и тем не менее нередко смешиваются друг с другом. Возможно, что богиня земли Земес мате («земля-мать») некогда входила в сюжет основного мифа. Некоторые мифологические персонажи стали чисто фольклорными; некоторые же христианские святые, покровители земледелия и скотоводства, сильно мифологизировались и тем самым восполнили нехватку мужских мифологических персонажей.

Второй уровень балтийской мифологии в основном составляли божества, связанные с хозяйственными функциями и сезонными обрядами. Видимо, к ним принадлежали первоначально прусские Пергрубрюс, Пушкайтс, Аушаутс, Пильвитс, ряд латышских женских божеств, Усиньш как покровитель лошадей («лошадиный бог»), возможно, некоторые сильно мифологизированные образы христианских святых и большая часть литовских божеств, известных по текстам XVI—XVII вв., избыточным, впрочем, неточностями и ошибками. Тем не менее большинство имен из таких списков являются единственными источни-

ками для реконструкции литовской мифологии, и некоторые из них заслуживают особого внимания: Прокоринос (в имени подчеркивается идея творения, правильно — Пракуримас) — высшее божество; ему приносили в жертву белых каплунов, часть жертвы съедалась жрецами, часть — жертвующими, наконец, последняя часть сжигалась; Крумине — божество зерновых, от которого зависели урожаи (полное название этого женского божества — «Крумине начала колосьев»); Лиетуванис — посылатель дождя, возможно, его персонификация; Гульбис — личный дух-покровитель человека, помощник его, которому приносились в жертву мужчинами петухи, а женщинами — куры; Гониглис (правильно Ганиклис) — бог пастбищ и лесов, напоминающий римского Сатира и Фавна; Сотварос — бог скота; Упинис диевас — бог рек; Келю диевас — бог дорог, покровитель путешественников; Сейми диевас — бог семьи, дома, родного очага (ему жертвовали петухов и кур, бросая их в огонь печи); Ругучис — божество ферментации; Бубилас — бог пчел; Альгис — вестник богов, Аудра — божество бури, моря и других вод; Безлея — божество сумерек; Брекста — ночного мрака; Ауска — солнечных лучей; Будинтойс — божество пробуждения, бодрствования; Вальгина — божество скота; Гардунитис — охранитель скота, усадьбы, двора; Ежеринис — божество озер; Жалус — дух вражды и порчи; Кремата — покровительница свиней; Лаздона — покровительница леса, зеленых ветвей, орехов; Лигичюс — божество согласия, единства, справедливости; Пизюс — мифологический персонаж, посредник между невестой и женихом, почитаемый молодыми людьми брачного возраста; Гонду (букв. «стыд»; искаженное имя) — божество, регулирующее отношения между молодыми людьми; Сидзюс — добрый дух-покровитель рода, семьи; Сиричюс — божество пастухов, кормящее скот; Ератинис —

баранье божество; Карвайтис — телячье божество; Каукариус — божество, связанное с горами и возвышенными местами; Убланича — домашнее божество, заботящееся о каждом молящемся и охраняющее домашнее достояние.

Третий уровень, вероятно, включал в себя мифологических персонажей с абстрактными функциями (Лайма — судьба, Гильтине — смерть) и персонажей небесного цикла, известных преимущественно по фольклорным источникам (Сауле — солнце, Менуо — Менес — месяц, участвующие в сюжете «небесной свадьбы», брака и его разрыва в результате измены; Заря-Денница, Кальвис — небесный кузнец, отдельные персонифицированные образы звезд — Звайгстикс, Аусеклис и др.; персонажи семьи Солнца — Солнцева мать, Солнцева дочь и т. п.).

Четвертый уровень объединяет, как правило, персонажей, открывающих мифологизированную культурно-историческую традицию. (Ср. прусских родоначальников Видевута и Брутена, основателя новой литовской ритуальной традиции Швинторога и даже Гедимины как основателя Вильнюса, Криве и Лиздейку как основателей соответствующей жреческой традиции.) К этому же уровню могли относиться и некоторые более или менее индивидуализированные (нередко отрицательные) персонажи: противник громовержца — Велняс, Велнс (в сниженном варианте — черт), латышская Велумате — «мать мертвых», покровительница умерших, Лаума — ведьма, Юмис — дух зерна, «двойчатка», прусский. Курке — злой дух, вредящий злакам, может быть, литовский Айтварас — домашний дух-покровитель, Куршис — дух хлеба, изображавшийся в виде соломенного чучела, изготовленного при молотье, Ругинис — дух ржи, Ругю боба — «ржаная баба», чучело из ветвей и соломы и др.

Пятый уровень включает

преимущественно сказочных персонажей и духов — хозяев леса, поля, вод и других урочищ. Таковы литовский Лауксаргас, охранитель поля; Медейна, охранительница леса; Габия — дух огня, персонифицированный огонь очага; Вейопатис — повелитель ветра. О почитании огня, воды, деревьев, камней говорят уже ранние источники. Культ огня получил у балтов особое распространение. Дух огня почитался и в персонифицированной (Паникс у пруссов и ятвягов, собств. — «огонек») и в неперсонифицированной форме. Он считался священным и вечным.

К шестому уровню принадлежали неиндивидуализированные и нередко неантропоморфизированные духи, образующие целые классы. Таковы у пруссов Барздуки — гномы, Маркополи — антропоморфные существа, живущие в земле; у литовцев Кауки — добрые духи дома; благожелательные к людям женские духи дейве и лауме, ведьмы раганы; духи, вызывающие кошмары, наваждения. Сюда же, видимо, относились оборотни вилктаки, великаны и т. п.; у латышей многочисленные групповые духи из класса «матерей» и их одиночные представители: воды — Уденс мате, моря — Юрас мате, леса — Межас мате (есть и отец леса — Межатеус), полей — Лауку мате, ветра — Вейас мате, скота — Лопу мате и др. На этом же уровне размещаются и «одиночные» духи. У латышей: Маяс кунгс (букв. «господин дома») — покровитель дома, умерший предок, живущий в очаге или под порогом; семейный дух Лулькис, связанный, видимо, с молочным кормлением. У литовцев — Димстипатис («хозяин дома»). Наконец, балты верили в духов умерших неестественной смертью, в нечисть разных разрядов и функций, в мифологизированные образы медведя, волка, змей, ужей. Змеи пользовались особым почитанием (ср. Чускас — домашние змеи у латышей). Таких змей кормили на специальных трапезах, устраиваемых

особыми жрецами; участники пиршества исповедовались в грехах и несчастьях жрецу, и тот, держа в руках змей, производил заклятие или призывал к исполнению желаний.

Седьмой, последний, уровень включает человека в его мифологизированной ипостаси, прежде всего как носителя души и как участника ритуала. Сюда же относятся разные категории жрецов, хорошо известные у пруссов и литовцев: у пруссов — вайделоты (зигноты), возглавляемые жрецом Кривекривайтисом; нерути, гадавшие о погоде и возможностях рыбной ловли (для этого они ныряли в воду), а также и другие жрецы — тулисоны, лигашоны; гадатели об урожае, погоде, успехе, гадавшие по поведению животных, по их внутренностям, по полету птиц, по дыму или пламени свечи, по звездам (ср. мифологизированный образ небесных явлений, сулящих дурные последствия, у латышей — Ликста). К этому уровню относится все, что связано с ритуалом и сферой праздников годового и жизненного циклов, нередко соотносимых с христианскими праздниками. Особенной популярностью пользовались праздники, связанные с летним солнцеворотом 24 июня. Таким был латышский ритуальный праздник Лиго (от глагола со значением «качаться», описывающим и «качание» солнца, и ритуальные движения в танце в этот день). Почитание солнца во время этого праздника сопровождалось просьбами о плодородии и охране полей и скота от злых духов, ведьм, общим весельем (припев «Лиго» был осмыслен как имя божества радости): дома украшались зеленью, люди прыгали через костры, танцевали и пели. Этот же уровень включает в себя различные ритуальные символы и предметы (например, священные камни), обрядовые тексты, урочища и святилища. У балтов с древности известны крупные культовые центры: святилище у Нижнего

Замка в Вильнюсе, общепрусский культовый центр Ромове.

По преданию, Ромове было основано родоначальником прусской жреческой традиции Брутенем, который воздвиг здесь «жилище» для триады богов — Патолса, Потримпса и Перкунса. Изображения их находились на священном дубе, считавшемся деревом Перкунса. Дуб был разделен на три части в соответствии с тремя космическими зонами, которые символизируются в архаичных традициях частями мирового дерева — кроной, стволом и корнями. «Старый» бог Патолс связывался с преисподней и

смертью, юный Патримпс — с землей и плодородием, Перкунс — с небом и вечной жизнью. Долгое сохранение язычества у балтов и его архаичный характер объясняют мощь мифологического пласта, который не был полностью разрушен и после введения христианства. Огромное количество пережитков язычества в фольклоре, магии, в быту определило роль данных балтийской мифологии как в реконструкции архаичных образов ранней индоевропейской мифологии, так и в становлении литовской и латышской культуры нового времени, особенно литературы и искусства.

Славянские народы

Под славянской мифологией принято понимать комплекс языческих мифологических представлений и верований, формировавшихся у славян с момента их выделения из индоевропейской общности до распада славянского единства, в результате чего в отдельных славянских землях стали развиваться локальные мифологические традиции. В отличие от некоторых других мифологий (греческой, римской, индийской и др.) славянская не имела письменного корпуса сакральных текстов, что заставляет обращаться к иным источникам для ее изучения. К ним относятся сочинения средневековых авторов: византийских, германских, скандинавских, арабских. Их сообщения, часто фрагментарные, имеют естественный недостаток свидетельств, описывающих этнокультурную ситуацию со стороны «внешнего» наблюдателя, отсюда и восприятие чужой мифологии с позиции собственных культурных стереотипов. «О войне с готами» Прокопия Кесарийского (VI в. н. э.), «Хроника славян» Гельмгольда (1167—1168), биографии епископа Оттона Бамбергского (сер. XII в.), рассказы о путешествиях, принадлежащие арабским авто-

рам, средневековые хроники — вот первый круг используемых источников.

Второй круг — собственно славянские сочинения, создававшиеся уже в христианскую эпоху (древнерусские летописи, «Слово некоего христолюбца», «Слово о том, как языческие народы кланялись идолам» и др.). Христианские книжники не были заинтересованы в объективном изучении языческого сознания, а проявления последнего в массовой народной практике использовали как повод для страстного и непримиримого обличения. Для них позиция по отношению к языческой мифологии была также позицией «внешней», что неминуемо приводило к смещению акцентов в их свидетельствах.

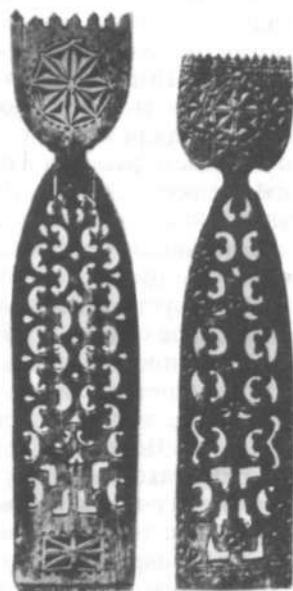
Авторы позднейших средневековых сочинений иногда основывались не только на известных старых материалах, но и на собственной фантазии, часто пытаясь «подогнать» славянские мифологические представления под греческие или римские образцы, казавшиеся им эталонными. Подобные попытки предпринимались со времен Яна Длугоша с его знаменитой «Историей Польши» (XV в.) до Ломоносова и Татищева. Иногда результатом такого «доосмысления» фактов

славянской мифологии являлось создание псевдобогов (образцы так называемой кабинетной мифологии: Лель, Лада, Курент и др.).

На помощь исследователю приходят памятники народной духовной культуры — обряды, сказки, песни, былички, сохранившие до наших дней славянскую архаику. Часто бывает полезным обращение к языку, который удерживает и консервирует в себе осколки древнейших верований (ср. Перун — имя божества и перун, т. е. «гром», Волос — имя божества и волос как род болезни).

Дополнительными источниками могут быть данные археологии (раскопки на острове Рюген, территория современной Германии; находки в Поднестровье; деревянные божки из Старой Ладogi и др.) и искусствоведения (резные изображения «фараонок» на Русском Севере и у гуцулов; вышивки и аппликации с древнейшей славянской символикой, рисунки на прялках, народная скульптура, лубок).

Традиционно в науке принято выделять

Северно-русские (грязовецкие) прялки с изображением солярного знака

два уровня мифологии славян: высший уровень богов, воплотивших в себе наиболее фундаментальные представления о мировом устройстве и наделенных наиболее универсальными функциями (магико-юридическими, военными, хозяйственными, производительными), и уровень «низшей» мифологии с ее системой духов, пронизывающей всю бытовую жизнь древнего славянина.

Развитие славянской мифологии было неравномерным и далеким от завершения, поэтому в ней не успела сложиться жесткая и четкая иерархия мифологических персонажей. Разные звенья мифологической системы, отдельные сакральные тенденции и «пучки» мифологических признаков находились на разных этапах формирования, персонификации и обобщения. Поэтому деление мифологии на «высшую» (уровень богов) и «низшую» (уровень демонов и духов) нужно признать весьма относительной. Можно выделить ряд мифологических имен, известных на всей (или большей части) славянской территории, которые, очевидно, являются именами наиболее архаичного слоя: Перун, Волос (Велес), отчасти Мокошь, Дажьбог, Сварог. Но степень развития образов этих божеств в разных частях Славии была различной: в одних случаях они считались богами (как у восточных и, может быть, у южных славян), в других оставались на уровне демонов и духов.

О дневирусских богах мы знаем в основном по пантеону, установленному князем Владимиром в Киеве в 980 г.: «И начал княжить Владимир в Киеве один и поставил кумиры на холме вне двора теремного: Перуна деревянного, а голову его серебряную, а ус золотой и Хорса Дажьбога, и Стрибога, и Симарьгла, и Мокошь; и поклонялся им, называя богами...» (Лаврентьевская летопись, л. 25, перевод с древнерусского). Состав этого пантеона несет в себе следы мифотворческой инициативы князя Владимира, а значит, в неполной мере

отражает реальную культурную ситуацию: наряду с собственно славянскими богами в пантеон были включены иранские божества (Хорс, Симаргл). При этом в списке богов не упомянут Волос (Велес), чья актуальность для мифологии славян несомненна.

Открывает список богов Киевского пантеона в Лаврентьевской летописи Перун — бог грома и грозы, чье имя входило в официальную клятву русских при заключении договора с Византией («...клялись оружием своим и Перуном, богом своим, и Волосом, скотским богом, и утвердили мир». Лаврент. лет., л. 32). Идол Перуна, имевший антропоморфный облик, существовал не только в Киеве, но и в Новгороде, на возвышенности Перынь. Археологические раскопки показывают, что святилище имело форму круга, в центре которого стоял идол Перуна, а по бокам горело восемь костров, ориентированных по частям света. Атрибутом Перуна был дуб (Перунов дуб, например, упоминается в грамоте галицкого князя Льва Даниловича от 1302 г.). Важной является связь Перуна с возвышенностью, верхом как частью мифологического пространства (этимологически имя Перуна восходит к индоевропейскому названию горы). Главная функция Перуна как бога-громовержца практически не имеет подтверждений в письменных источниках, но достаточно надежно реконструируется на основании языковых данных (например, украинское *перун* — «гром»: бодай тебе перун забив; белорусское *перун* — «гром», *перуновы* — «громовой»; «як ударив перун прямо у хату»; польское *пьерун* — «гром, молния»), фактов неславянских мифологий (ср. ближайшие параллели в балтийских традициях: Перкунас — бог грома и молнии). Эта функция после принятия христианства была перенесена на св. Илью, что предопределило народный культ данного святого как громовержца. Другая функция Перуна — змееборчество

— выявляется в его сюжетной связи с Волосом (Велесом).

Постоянная и единственная характеристика Волоса в древнерусских источниках — «скотий бог» — связывает его с богатством, плодородием, культом скота (что позволило в христианскую эпоху перенести его функции на св. Власия, покровителя животных). Встречающееся в древнерусских памятниках другое имя — Велес — не сочетается ни с какими явно выраженными характеристиками. Известно о существовании каменного идола Велеса на севере Руси. Научная традиция, основанная на всей сумме фактов языка и поздней народной демонологии, позволяет рассматривать эти два имени — Волос и Велес — как варианты наименования одного и того же божества. Положение Волоса в мифологической системе необычно: его имя наравне с именем Перуна входило в официальную клятву русских, что свидетельствует о его ключевой позиции в религиозной ситуации конца 1-го тысячелетия н. э., но в списке богов киевского пантеона он не упоминается; хотя идол Волоса в Киеве существовал, но не на холме, как остальные, а внизу, на Подоле. Соотнесенность с нижней частью мифологического пространства противопоставляет Волоса остальным персонажам пантеона и прежде всего Перуну. Вероятно, Перун и Волос наделялись разными социальными функциями: Перун военной, Волос производительной. Существует точка зрения, по которой в договоре с Византией Перуном клялась именно княжеская дружина (в большинстве своем состоявшая из варягов), тогда как община (вся Русь) клялась Волосом. При этом Перун и Волос находятся на разных полюсах мифологической сюжетной линии, которая является славянской реализацией индоевропейского мифа о боге грозы и его змеевидном противнике, поединок между которыми происходит из-за обладания скотом. Змеинная природа Волоса как против-

ника Бога грозы проявляется в названиях особых мифологических существ, называемых *волос*, *волосень*, которые в виде червей вызывают болезнь человека и скотины.

Култ Волоса был связан с областью смерти, с загробным миром (в балтийских языках существуют родственные наименования, означающие духа смерти). Кроме того, мифологический Змей, к которому восходит славянский Волос, непосредственно соотносится со смертью и обитает у входа в загробный мир. С производительными функциями Волоса (Велеса) связаны поверья, в которых значимы шерсть, волосы (ср. представления о волосатости, косматости как признаке плодородия и богатства). На севере Руси и в Поволжье култ Волоса соединился с культом медведя как покровителя скота (у русских известны амулеты из медвежьей шерсти, призванные охранять скот и способствовать его размножению). В земледельческой производительной магии последний кустик колосьев, оставляемый на поле, носит название *Волосова борода*. В поздней традиции имя Волоса могут носить разные мифологические персонажи (ср. *волосень* — «нечистый дух», связанный с запретом прясть; калужское *волосатик* — «черт, нечистый дух»; вологодское *водяной*; архангельское *леший*; проклятия типа «Волос тя выточи», «Волосень те избей»). С именем Волоса соотносятся древнерусские названия Плеяд: *волосыни*, *волосожары*. Сюжеты мифа о борьбе громовержца с его противником отражают легенды, где основными героями являются христианские заместители языческих персонажей (Бог, св. Илья, поражающие громовыми стрелами черта, который во время грозы прячется под дерево, под скотину, под человека, в воду).

В сюжете мифа участвовала и Мокошь, соотносимая по некоторым чертам с противником громовержца Волосом. Рефлексы культа Мокоши на славянской почве позволяют свя-

зать это божество с кругом женских работ, прежде всего с прядением и ткачеством (в русских верованиях Мокоша, Мокуша — персонаж в виде женщины с большой головой и длинными руками, которая прядет по ночам в избе). В христианскую эпоху функциональным заместителем Мокоши стала Параскева Пятница, а также мифологические персонажи, олицетворяющие «женские» дни недели, Середа и Неделя. Этимологически имя Мокошь связано с идеей мокроты (ср. обычай бросать в колодец пряжу, носящий название мокриды, как считают, имеющий отношение к культу Мокоши).

Дажьбог (Дажьбог), чья связь с солнцем подтверждается известной выставкой в «Хронике» Иоанна Малалы («Солнце царь, сынъ Сварогов, есть Дажьбог...» Ипатьевская летопись, 1144 г.), имеет фольклорные и топонимические соответствия в поздних славянских источниках. В украинских песнях по повелению Дажьбога соловушка замыкает зиму и отмыкает лето, в сербской сказке Дабог — царь на земле противопоставлен Богу на небесах. Имя Дажьбог состоит из двух частей, одна из которых представляет собой повелительную форму от глагола *дати* (современное русское *дай*), другая — *бог* — этимологически родственная иранскому *бага* — «доля, участь», имеет значение доли, части, которая распределяется каждому от единого целого. Имя Дажьбога позволяет истолковывать его мифологический образ как божество, «наделяющее долей».

Традиционно имя Стрибога, также включенного в киевский пантеон, на основании единственной цитаты из «Слова о полку Игореве» («Эти ветры, Стрибога внуки, веют с моря стрелами...») связывалось с культом ветра. Однако имеется возможность толковать первую часть имени этого бога *стри* как повелительную форму от древнерусского глагола *стри́ти* «простира́ть, распространя́ть»), а образ самого божества — как распро-

странителя богатства (ср. значение элемента *-бог* в имени Дажьбог), что также имеет индоиранские соответствия (ср. родственный индоиранский глагол *star*, означающий расстиланье жертвенной соломы, имеющей значение дара, доли, богатства).

Основанием для включения в киевский пантеон двух иранских божеств Хорса и Симаргла, вероятно, послужили политические интересы князя Владимира, желавшего привлечь на свою сторону иранский этнический элемент Киева. Хорс как иранское солнечное божество (ср. персидское *хуршид* «сияющее солнце») дублировал функции Дажьбога, собственно славянского бога солнца. На слабую освоенность культа Хорса в славянской мифологии указывают многочисленные искажения его имени (Гурсь, Гуркь, Густь), а также его этническая и вероисповедная чуждость («Хорсь жидовинь»). Никаких следов культа Хорса вне Киевских земель не обнаружено. Практически ничего не говорится в древнерусских источниках о Симаргле, хорошо известном в иранской мифологии в образе сказочной птицы вроде грифа (персидский *Симург*) или же в виде полусобаки-полуптицы, чье имя также вызывало затруднения у русских книжников (ср. Симъ и Рыгль, Раклий).

Упоминание в древнерусских текстах Сварога-Сварожича позволяет говорить о нем как о боге или духе огня в связи с особыми ритуалами возжигания огня под овинами: «...кур режут и огню молятся, зовя его Сварожичем...» («Слово некоего христолюбца»); «...и огню Сварожичу молятся» («Слово о том, как языческие народы кланялись идолам»), что согласуется с упоминанием Сварога в качестве отца Солнца-Дажьбога в «Хронике» Иоанна Малалы.

После официального принятия христианства языческие переживания у восточных славян оставались сильными еще в течение веков. В XVI в. христианские книжники как о реальности свидетельствуют о поклонении

языческим богам: «И ныне по окраинам молятся... проклятым болванам Перуну, Хорсу, Мокши, вилям...» («Слово о том, как языческие народы кланялись идолам»).

В землях балтийских (полабских) славян существовал ряд локальных культов богов, не сводимых к единому пантеону. При относительном богатстве сведений о внешних сторонах культа тех или иных богов (системе жрецов, жертвоприношений, устройстве культовых центров) достаточно неясными остаются мифологическая сущность этих божеств и соотносимость их с богами в других славянских землях.

Свентовит, чей культовый центр находится в Арконе, на острове Рюген, называется в источниках первым богом у полабских славян. Он был богом войны и побед, о чем свидетельствуют его внешние атрибуты: значки с изображением орла, копья, а также белый конь, который принимал участие в гаданиях. Коня вели к трем рядам копий, если он ступал с правой ноги — это было добрым знаком, если спотыкался на левую — это сулило неудачу. В культовом центре Свентовита происходили гадания о размерах урожая. После уборки урожая перед идолом ставили огромный пирог. Жрец становился позади пирога и спрашивал собравшихся жителей, видят ли они его. Те отвечали, что видят. Тогда жрец высказывал пожелание, чтобы на следующий год его не было видно (т. е. чтобы урожай, а следовательно, и пирог были бы такими большими, чтобы жреца не было видно). Это свидетельство Саксона Грамматика подтверждается позднейшей магической практикой, в которой этот ритуальный диалог совершается между хозяином дома и домочадцами в Сочельник или другие календарные даты. Храм Свентовита, по археологическим данным, имел четыре колонны, ориентированные по частям света. Сам идол имел антропоморфный облик; у него было четыре головы, расположенные сим-

метрично (ср. четырехликие изображения Януса в древнеримской мифологии).

О других божествах, почитавшихся полабскими славянами, известно меньше. На том же острове Рюген, в Коренице, по свидетельству Саксона Грамматика, были известны три бога, чтимых в трех разных храмах города: Руевит, Поревит, Поренут. Руевит был богом войны. Изображался он семиликим, с семью мечами за поясом и восьмым, вынутым из ножен, в правой руке. О Поревите известно, что он имел пятиглавого идола и изображался безоружным. У идола Поренута было четыре лица на голове и пятое на груди; левой рукой он касался лба, а правой бороды.

Триглав имел три культовых центра (в Щецине, Волине, Браниборе), с его культом был связан вороной конь, который участвовал в гаданиях: его трижды проводили через девять копий. Число три было значимым в культе Триглава (об этом говорит и его имя); его идол изображался трехголовым и в Щецине стоял на одном из трех холмов.

Культовый центр Сварожича-Радгоста находился в Ретре, в земле ратарей. Там он почитался как главный бог и был связан с воинскими функциями (в храме находились боевые знамена, а идола были одеты в шлемы и панцири). Священный конь Радгоста использовался в гаданиях, основанных на переступании им двух копий.

У Яровита, связанного с воинскими функциями, было два культовых центра: в Вольгасте и Гавельберге. Атрибутом Яровита был золотой щит. Яровит был связан также с культом весны и плодородия, от его воли зависел урожай плодов и зелени. Производительные функции этого бога, согласуемые с этимологией первой части его имени (ср. церковнославянское *яра* — «весна», русское *ярый* — «горячий, похотливый»), позволяют провести параллели с восточнославянским культом Ярилы, также связанным с плодородными

силами природы, но для отождествления этих двух божеств слишком мало данных.

Об остальных богах полабских славян сохранились еще более неясные сведения. В источниках упоминаются: Чернобог, злой бог, приносящий несчастье; Черноголов, которому приписывались воинские функции и у которого был идол с серебряными усами; Прове, божество, связанное со священными дубрами, у которого был свой жрец, а также Припелага, божество, как полагают, «дионисийского» типа (по имени древнегреческого бога Диониса, основой культа которого были буйные оргии, сопровождавшиеся неумеренным пьянством, ритуальным сквернословием, половой разнузданностью, закланием жертвенного животного, целью которых было воздействие на плодородие природы).

Западнославянские источники не дают достоверных сведений, так как исходным для них является набор имен античных богов, которым они пытаются найти соответствия среди славянских мифологических персонажей (по мнению уже поминавшегося Яна Длугоша, римской богине Венере соответствует польское божество Джиджилеля, Плутону — Ныя, Диане — Дзевана). Можно предположить, что западным славянам были известны хтонические божества, т. е. связанные с загробным миром, культом мертвых. К ним, вероятно, относятся польское божество Ныя, лужицкое Мара, чешское Морана (ср.: Мара, Морена — мифологические персонажи, связанные со смертью в поздних верованиях славян). В польских средневековых сочинениях встречается Погода — божество сезонного типа; в чешских и словацких — Порвата, божество, возможно, имевшее отношение к культу сил природы; Зелю, чье имя сопоставимо с названием зелени. В лужицкой топонимике существуют названия гор Чорны бог и Белы бог, что может быть расценено как слабый отзвук существовавших ранее мифологичес-

ких существ (ср. Чернобога полабских славян). Отождествление вышеупомянутых имен с конкретными функциями и культами весьма гадательно и зачастую основано на толковании имени. Гораздо большую важность представляют имена, сохранившиеся в фольклоре и языке (ср. чешское географическое название «Мокошин верх», польское ругательство «Эй, до Перуна!» — «к черту»).

Эти и другие данные свидетельствуют о существовании в мифологической системе западных славян сведений о мифологических существах, связанных с восточнославянскими высшими богами.

Совсем мало сохранилось фактов о высших божествах у южных славян. Это объясняют более ранним по сравнению с другими славянскими народами процессом христианизации в южнославянских землях.

По свидетельству Прокопия Кесарийского, славяне верят в главного бога, «творца молний», но отождествлять его с Перуном можно с большой долей осторожности. Мифологические представления южных славян в некоторой степени реконструируются на основании косвенных данных. Показательным является староболгарский перевод «Александреиды» (византийской книги о жизни Александра Македонского), где имя Зевса заменено именем Перуна. Важны также фольклорные и языковые данные (ср. болгарские географические названия «Перун», «Перун-град», «Перушница», город Пирин; название цветка «перуника», мифологическое имя Перперуда; топоним Велес в Македонии; название Плеяд: болгарское Власици, сербохорватское Влашичи; имя колдуньи Мокошка в словацкой сказке, имя Сварог в надписи XIII в. в Велико Тырново), соотносимые с мифологическими именами наиболее архаического слоя.

Судьба «низших» мифологических существ (духов и демонов) оказалась более «счастливой», чем судьба славянских богов. Известия о них так же

немногочисленны и расплывчаты, как и о высших божествах, но вера в духов и демонов, населяющих природу и непосредственно влияющих на жизнь человека, оставалась фактом реального религиозного сознания до самого последнего времени. Сравнивая скудные свидетельства древней эпохи с позднейшими записями, мы можем наметить несколько групп мифологических персонажей, из которых развилась народная демонология.

Одну из групп представляют духи, населяющие мифологизированные природные пространства: реки, рощи, поля. Эти духи — хозяева, покровители своих пространств — дали жизнь многочисленным лешим, водяным, полевым, известным в поздней традиции. Им молились и приносили жертвы (в синодальной редакции «Устава Владимира» упоминаются те, «кто молится под овином, или в рощеньи, или у воды»). Особым мифологическим пространством была усадьба, с которой связаны духи — покровители рода (в древнерусских памятниках упоминаются род и роженцы). У славян существовали также культы, связанные с аграрной и сезонной магией. Известны персонажи, олицетворяющие атмосферные явления. Локальную группу представляли духи болезней. Особый класс образован людьми, наделенными демонологическими свойствами (колдуны, ведьмы, волколаки). Обширный ряд составляют существа, происходящие из покойников (упыри, русалки, души некрещеных младенцев).

Генетическая связь с областью смерти, очевидная в поздней традиции только для части мифологических персонажей, в древний период проявлялась у всей «нечистой силы». Основой для этого могли служить представления, характерные для всей индоевропейской традиции, о правильной («своей») и неправильной («не своей») смерти. Люди, изжившие свой век, умершие естественной смертью и похороненные по всем прави-

лам существовавшего ритуала, причислялись к разряду «родителей», «предков», которые обладали способностью не только охранять плодородие живых сородичей, но и продуцировать его. При этом существовали модели смерти, которые рассматривались как патологические: смерть людей, «переживших свой век», и людей, «не изживших свой век». По народным представлениям, колдуны и ведьмы часто живут гораздо дольше обычных людей не потому, что они обладают большей жизненной силой, а потому, что крадут ее у других (у растений во время цветения, у коров, отбирая молоко и сливки, у людей, укорачивая им жизнь). О слишком долго живущем старике говорят: «Чужой век заедает». Но опасны и те, кто не изжил свой век: самоубийцы, опойцы, проклятые своими родителями, умершие несвоевременной или насильственной смертью, а также те, по отношению к которым был нарушен обряд погребения (в частности, чье тело до погребения было осквернено животным). Такие покойники, умершие «неправильной» смертью, называются заложными. Заложные покойники скитаются после смерти по Земле, вредя своим живым сородичам, пока не кончится установленный срок жизни; их тела не истлевают в гробах. Из письменных источников нам известно о существовании культа мертвых, которым оставляли жертвы в банях (жертвенная еда душам умерших у современных славян оставляется на подоконнике или под столом в ночь на Рождество и на Троицу.

О том, что мертвые могут приносить смерть живым, сообщают летописные памятники: в Полоцке в 1092 г. появлялись бесы на конях, что привело к мору среди половчан. Автор летописи свидетельствует, что сами бесы, называемые *навье*, не были видны, а видели люди только копыта их коней. В поздней славянской традиции к таким вредоносным покойникам относятся прежде всего упыри, известия о которых встречались еще в

древности: «Начали жертвы класть роду и роженицам, прежде Перуна, бога их, а прежде того клали жертву упырям и берегиням» (Слово св. Григория, XIV—XV вв.). Упыри — это заложные покойники, продолжающие после своей смерти скитаться по Земле, преимущественно ночью. Отличаясь особой кровожадностью, они убивают людей, высасывают кровь у младенцев, портят скотину. Облик упыря ужасен: тело его раздуто (поскольку в него вселяется нечистый дух), лицо черно, глаза налиты кровью. В некоторых случаях упыри связываются с *двоедушниками* — людьми, имеющими две души; когда одна умирает, другая душа остается в теле. Существует система оберегов и отгонных средств, помогающих избавиться от упыря: мак, которым обсыпают могилу, осиновый или терновый кол, которым протыкают его тело, различные колющие и режущие предметы, кресты, начерченные дегтем на воротах и окнах, а также специальные молитвы, которые читались на могилах упырей.

Слово «упырь» известно на всей славянской территории, но в разных местностях мифологические признаки этого персонажа могут варьироваться. Наиболее употребим этот образ у южных славян, где он практически является родовым понятием, равным заложному покойнику. В Карпатах упырь — прежде всего ведьмаре, колдун, портящий скот и людей. В северо-восточных славянских землях этот персонаж занимает периферийное место в мифологической системе, а отдельные функции, принадлежащие южнославянскому упырю, оказываются у других персонажей. Так, мотив посещения своей или чужой жены, присущей в южнославянской традиции упырю, в западных и восточных славянских традициях является характерным для другого мифологического персонажа.

Хтоническая природа *русалок* также подтверждается позднейшими фактами народной культуры. Само

слово «русалка» заимствовано из латинского и связано с древнеримскими русалиями, ритуалами, посвященными душам умерших предков. Будучи заимствованным, это название известно только на части ареала распространения того мифологического персонажа, который под этим словом подразумевается. Собственно славянское название этого персонажа, сохранившееся в украинских диалектных формах *мавка*, *навка*, восходит к праславянскому названию мертвеца (ср. варианты названия недели, на которой русалки выходят из воды на землю: «Русальная неделя», «Навская неделя»). По народным представлениям, русалкой может стать утонувшая (утопившаяся) женщина или девушка; девушка, умершая до брака; дети, загубленные матерями или умершие до крещения; люди, умершие на Русальной неделе. Иногда этим словом могут обозначаться все умершие души (на западе Полесья). Поэтический стереотип русалки как бледнолицей красавицы с длинными распущенными волосами только отчасти соответствует данным народной культуры, где значительное место занимает образ «страшной» русалки: голой, косматой, заросшей шерстью, с отвислой грудью, иногда в виде старухи с железным толкачом в руках. Облик русалки в виде полуженщины-полурыбы, распространенный в западных славянских традициях, позднего происхождения и связан с апокрифическими поверьями о фараоновом войске, потонувшем при переходе через море (изображения таких «фараонов», вырезанные на фронтонах домов, встречаются на Русском Севере). Несомненна связь культа русалки с растительностью: на земле они появлялись в период цветения злаков и могли влиять на урожай. В первый день Петрова поста у восточных славян происходили «проводы русалки», при которых «русалку» изгоняли за пределы села: в поле, на кладбище, что соответствовало поверьям об уходе русалок после

троицко-русальского периода в царство мертвых. Это перекликается с архаичными индоевропейскими представлениями о сезонных переходах душ умерших с того света на этот и обратно, где основными мифологическими посредниками между тем и этим светом выступали вода, деревья, травянистые растения. Русалки опасны для человека, особенно в тот короткий период, когда они выходят из воды на землю, что происходит обычно в четверг перед Петровым постом. Они заманивают человека к себе и защекочивают его насмерть. Оберегами от русалок являются полынь, крапива, чеснок. Культ русалок наиболее ярко выражен в Полесье. Русальские обряды известны также в Болгарии, доминантой их являются действия, направленные на исцеление, врачевание людей, больных «самовильской болезнью». На большей территории Карпат слово «русалка» не известно, хотя имеются мифологические существа, генетически близкие русалкам.

В группе персонажей, занимающих пограничное положение между миром демонов и миром людей, центральное место принадлежит *ведьме* (например, сербское *вештица*, болгарское *самовила*, карпатское *босорка*, чешское *ведма*). Слово «ведьма» связано с древнерусским *въдь* — «колдовство, знание». Хотя образы этих существ в локальных славянских традициях различаются между собой, все же можно выделить и универсальные признаки, включающие образ ведьм в круг общеевропейских представлений: она отбирает молоко у коров, насылает порчу на людей, летает на сорища в определенные календарные сроки, обладает способностью оборачиваться в различных насекомых, животных, предметы (колесо, решето, клубок, копну сена). Ведьмы, как и колдуны, соотносены с заложными покойниками. Связав свою жизнь с нечистой силой, они лишены возможности умереть «правильной» смертью, их агония настолько мучи-

тельна и продолжительна, что нужны особые средства, чтобы ее облегчить, — разбирают крышу, поднимают потолочную балку и др. Верят, что ведьма не может умереть, пока не передаст свое знание другому. Сербские ведьмы (вештицы) по некоторым признакам могут сближаться с упырями: пьют кровь людей и животных, поедают сердца младенцев. Вредоносная сила ведьмы, так же как и остальной нечистой силы, возрастает в определенные календарные даты (Юрьев день, день Ивана Купала, Благовещение). По отношению к ведьмам действительны обереги, применяемые против упырей.

К категории полулюдей-полудемонов относятся и *волколаки* (*волкодлаки*) — люди, способные обращаться в волков по своей воле или по воле колдуна. Вера в волколаков носит обще-европейский характер. Среди славянских поверий выделяется ряд постоянных мотивов, связанных с этим образом: колдун оборачивает свадебный поезд волками; колдун сам оборачивается волком, перекувырнувшись через пень, двенадцать ножей и пр.; охотник убивает волка, под шкурой которого оказывается тело человека

в истлевшей одежде. Иногда подчеркивается, что способность к оборотничеству не зависит от воли человека и превращение в волка происходит в особую минуту (чаще всего в полдень), когда он становится опасен людям, особенно своим близким. Данный мотив сближает карпатские верования с южнославянскими, в которых волколак может выступать как одно из названий упыря.

Группа мифологических персонажей — покровителей отдельных пространств, вероятно, самая многочисленная, хотя мифологические персонажи, входящие в нее, в полной степени известны лишь западным славянам и русским (преимущественно в северных областях). По этому признаку объединяются западнославянская и северорусская мифологические системы, противопоставляясь карпатскому и южнославянскому ареалам, в которых данный класс персонажей выражен очень слабо. Выделяется несколько мест обитания, составляющих мифологическое пространство: дом, вода, лес, поле, рубеж.

Духом воды, хозяином водного пространства является *водяной*, который имеет вид как антропоморфный, так и

Северно-русское изображение «фараонки»

зооморфный (рыба, свинья, корова). Основная вредоносная функция водяного — затягивать в воду и топить людей. Утопившихся и утонувших девушек он превращает в русалок, утонувших детей забирает себе, рвет сети у рыбаков, калечит лошадей, переходящих реку. Особенно опасен водяной после захода солнца и в неделю перед праздником св. Ильи. Связь водяного с миром заложенных покойников в русской традиции размыта, хотя могут встречаться поверья о происхождении водяных из утопившихся и утонувших людей. Сильнее эта связь у западных славян (ср.: польское *топелец*, где происхождение лежит в основе наименования).

Лесные персонажи мифологии в славянских традициях достаточно разнообразны, но среди них выделяется *леший* — хозяин лесных угодий, зверей и птиц. Его основная функция — охрана леса и зверей. По отношению к человеку по большей части ведет себя враждебно: сбивает с дороги, заводит в чащу скотину, похищает девушек и детей. Способность к оборотничеству — яркая черта лешего (он может быть вровень с травой и выше сосен, может обернуться человеком, зверем, птицей). По русским поверьям, лешие происходят из людей, проклятых родителями, и обмененных детей.

Полевые персонажи достаточно немногочисленны и не имеют единства в поздних мифологических традициях, хотя все они восходят к некоторому единому представлению о духе поля, прячущемся в последний несжатый пучок колосьев. С этим связаны верования в *полевого*, *полудницу* (*приполдницу*), которые оберегают хлебные поля во время их цветения и созревания.

Мифологические образы, связанные только с рубежами, выделены в мифологии славян очень слабо, хотя культурная традиция приписывает различным рубежам — дорогам, перекресткам, мостам — сильнейшее мифологическое значение. Специаль-

ный персонаж — покровитель данного пространства (*межевник*, *межевой*, *межиха*) — известен в основном восточным славянам, но характеристики его стерты.

В отличие от леса, поля, воды — мест, враждебных человеку, дом осознается как особый, свой микромир, находящийся под охраной предков. Верования, признающие духа дома, на славянских территориях подразделяются на два типа с разным набором универсальных признаков. Первый тип образа домового сложился на северо-востоке славянского мира (Россия, Восточная Белоруссия, Восточная Украина), второй — на западе (Польша, Чехия, Западная Белоруссия и Западная Украина). В первом случае существование домового в доме признавалось нормой, а его отсутствие влекло пагубные последствия для всей семьи — смерть хозяйина, падеж скота и др. *Домовой* осмыслился как хозяин, глава рода (ср. *дедушка*, *большак*, *кормилец*). Облик домового (он похож на хозяина дома), его функции (он не только охраняет благополучие рода, но и продуцирует его) подчеркивают его связь с культом предков. В ином случае (на других территориях) соответствующий мифологический персонаж обладает следующим набором признаков: его существование в доме признается патологией, колдовством, пребывание в доме носит временный характер (его можно купить, продать, обменять), он не производит благосостояния, а лишь переносит его. В этом отношении он аналогичен ведьмам и колдунам, которые собирают «спор» с чужих полей, отнимают молоко у чужих коров. Названия этого персонажа не совпадают в разных традициях (карпатское *годованец*, польское *спорыш*, чешское *парог*).

Кроме того, в мифологии славян представлены персонажи, связанные с атмосферными явлениями (Вихрь, Ветер, Поветруля, демоны-тучегонители и др.), генетически связанные с кругом заложенных покойников.

Славянские календарные праздники несут в себе следы культа языческих божеств. Ярила — ритуал, связанный с плодотворной функцией, был направлен на активизацию производительных сил природы (ср. Ярун — название идола в Суздальской летописи и ярун — животное в период течки). Купальский праздник, совпавший с Рождеством Иоанна Предтечи, включал в себя ритуалы по охране скота, хлебов, возжигание костра, ограждающего от нечистой силы и служащего очистительным средством. Связь Купалы с водой носит вторичный характер, первоначальное значение корня этого слова отражает связь с огнем.

* * *

Принятие христианства в VII — первой пол. XI в. создало принципиально новую религиозно-культурную ситуацию. Раньше всех в орбиту христианской культуры попали те славянские земли, которые входили в состав Византийской империи или непосредственно соседствовали с ней.

Распространение христианских идей у сербов и хорватов началось в VII в. Крещение болгар произошло между 863 и 866 гг. н. э. В чешские земли христианство пришло через княжество Великая Моравия, где сильно было влияние славянских первоучителей Кирилла и Мефодия и их учеников. Польша приняла христианство во время правления князя Мешка I (конец X в.) из рук Рима. Сложна была судьба христианского учения в землях полабских славян, где христианизация населения явилась результатом германского завоевания. Крещение Древней Руси произошло в 988 г. во время правления князя Владимира. В настоящее время восточные славяне — русские, украинцы и белорусы, а также южные славяне, за исключением хорватов и словенцев, находятся в лоне православной церкви, западные славяне, хорваты и словенцы принадлежат к католической церкви, но есть среди них и протестанты. Среди сербов, хорватов, черногорцев, болгар есть мусульмане. Большая часть населения Западной Украины и Западной Белоруссии — униаты.

Финно-угорские и самодийские народы

Народы уральской (финно-угросамодийской) семьи живут в основном в лесной зоне Восточной Европы и в западносибирской тайге, а также в зоне тундры и лесотундры от Скандинавии до полуострова Таймыр. Они состоят из нескольких ветвей и групп. Прибалтийско-финская группа — это народы Северной Прибалтики, Приладожья и Прионежья: финны (второй по численности среди уральских народов), эстонцы, карелы и очень немногочисленные вепсы (в районе Онежского озера), ижорцы и водь (к югу от Финского залива), ливы (на западе Латвии). Отдельную группу составляют саамы — коренное

население Кольского полуострова и северных районов Норвегии, Финляндии и Швеции (раньше вся эта область часто называлась Лапландией, а сами саамы — лопарями). Мордва (которая широко расселена и за пределами Мордовской республики и делится на мордву-эрзя и мордву-мокша) и марийцы (прежнее название «черемисы») составляют волжскую группу. Северо-восточнее живут народы пермской группы: удмурты (прежнее название «вотяки») и близкие друг другу коми-пермяки и коми-зыряне. Два народа угорской группы, ханты (остяки) и манси (вогулы) — коренные жители Западной Сибири; их вме-

сте называют обскими уграми. Третий угорский народ — венгры, или мадяры (наиболее многочисленный из народов уральской семьи), которые пришли в бассейн Дуная из Приуралья около 1100 лет назад. Все перечисленные группы объединяются в финно-угорскую ветвь (или в две ветви: финно-пермскую и угорскую). Еще одну ветвь составляют небольшие по численности, но расселенные на обширной территории самодийские народы. Очень немногочисленные и сейчас уже почти исчезнувшие энцы — коренное население тундры и лесотундры в низовьях Енисея; к западу от них до полуострова Канин в Архангельской области живут ненцы (прежнее название — «юраки», «юрако-самоеды»), а к востоку на полуострове Таймыр — нганасаны (тавгийцы), самый северный из народов Евразии. К самодийской ветви относятся также селькупы (прежнее название — «остяко-самоеды»), живущие в тайге и лесотундре между Обью и Енисеем.

Сейчас уральские народы в значительной степени утратили прямые соседские связи друг с другом (на многих в прошлом финно-угорских землях давно живут продвинувшиеся с юга народы, особенно русские и татары), говорят на взаимно непонятных языках, заметно различаются по быту и культуре, в том числе с точки зрения религии и мифологии. Однако и в языках, и в культурах сохранилось множество черт общего происхождения: когда-то, около 6 тыс. лет назад, предки уральцев составляли относительно единый народ, населявший, по-видимому, леса и тайгу Западной Сибири и Приуралья (отсюда и название «уральские народы») и занимавшийся охотой (на крупных копытных животных — лося, северного оленя, на медведя, на водоплавающих и боровых птиц) и рыбной ловлей. Впоследствии, расселяясь на сопредельных территориях, продвигаясь на запад (а отчасти также на восток и на север), вступая в тесные сношения и

смешиваясь с соседними народами, отдельные племена уральцев с течением времени все больше обособлялись друг от друга; так возникли ветви и группы уральской семьи, а затем и самостоятельные современные народы.

В соответствии с этим в понятие «мифология и религия финно-угро-самодийских народов» вкладывается двойной смысл. С одной стороны, это совокупность религиозно-мифологических традиций всех соответствующих народов, от финнов до селькупов. С другой стороны, это то общее, что прослеживается (или существовало еще относительно недавно) в религии и мифологии различных финно-угорских и самодийских народов и, как можно полагать, было унаследовано ими от далеких общих предков. Чтобы установить первоначальный, древнейший облик этого наследия, нередко приходится использовать особый прием исследования — реконструкцию (восстановление) на основе сравнения нескольких родственных традиций. Поэтому в этой статье, рассматривая отдельные элементы религии и мифологии, мы будем по возможности различать общее (то, что непосредственно засвидетельствовано у различных уральских народов или что может быть реконструировано) и специфическое (то, что обнаруживается только у одной или в нескольких близких традициях и является либо результатом самостоятельного развития, либо заимствованием из других — неуральских — традиций).

Главная сложность изучения финно-угро-самодийских религиозно-мифологических традиций состоит в отсутствии древних источников. Письменность появилась (у венгров, финнов, эстонцев, коми — в первой половине нашего тысячелетия, у других народов — гораздо позже) только одновременно с христианством и иными европейскими культурными влияниями, т. е. одновременно с разрушением целостности исходных,

«языческих» представлений о мире и об управляющих миром сверхъестественных силах. Сохранились довольно скудные средневековые сведения по финской, эстонской, коми мифологиям. Остальные традиции известны преимущественно по фольклорным материалам последних 150 лет и по современным данным. В наименьшей мере влияние христианства коснулось обских угров и самодийцев, в наибольшей — венгров. Кроме того, на религиозно-мифологические представления ряда уральских народов, особенно в Поволжье и Приуралье (удмуртов, марийцев, мордвы), оказали влияние ислам и тюркские домусульманские верования. С учетом этого данные, относящиеся к разным финно-угро-самодийским традициям, не вполне равноценны с точки зрения реконструкции. На особую древность могут претендовать черты религии и мифологии, отраженные у обских угров, самодийцев, саамов, т. е. у тех народов, которые поздно и слабо подверглись воздействию мировых религий, а также — что немаловажно — которые сохранили многие старинные особенности хозяйства и быта и которые продолжают жить на тех же территориях, что и их далекие предки (последнее относится главным образом к обским уграм). Важнейшим источником является и свод финско-карельского поэтического эпоса — «Калевала», вобравший в себя множество древних мифов и шаманских песнопений, а также близкая «Калевале» традиционная эпическая поэзия других прибалтийско-финских народов.

* * *

Основой религиозных верований финно-угров и самодийцев с древнейших времен являлся анимизм, т. е. обожествление природных явлений и естественных объектов, поклонение им. Небо и светила, земля и вода, огонь и ветер, скалы и растительность воспринимались как материаль-

ные воплощения стоящих за ними сверхъестественных существ — божеств, духов, «хозяев», «матерей», «дедов». Нужно отметить, что в значительной мере анимистические верования сохранены у финно-угорских народов России, в большинстве своем принявших православие; отдельные их следы просматриваются и у финнов и эстонцев, в основной своей массе лютеран, у венгров, исповедующих католицизм, реформатство и лютеранство.

Для анимизма естественна и закономерна тесная связь представлений о пантеоне — совокупности богов и иных сверхъестественных существ — с общими мифологизированными представлениями об устройстве мироздания. В общей финно-угро-самодийской мифологии оно представлялось состоящим из трех частей: верхней — это небо (часто представляемое как закрепленное в центре «гвоздем неба» — Полярной звездой — и вращающееся вокруг этого центра), средней — это земля, окруженная или ограниченная с севера водами океана и пересеченная текущей с юга на север мировой рекой, и нижней — это подземный мир, страна покойников и духов зла.

Троечастиности мироздания соответствует тройка главных богов, обнаруживаемых в большинстве уральских пантеонов.

Главным из богов признается бог неба, он же — создатель и верховный управитель всего мироздания. У финнов это Укко, «верхний старец», «золотой король» в синей мантии, огненной шапке, с мечом и луком, из которого он посылает стрелы-молнии. Пантеон обских угров возглавляет Нуми-Торум, «верхний бог», ниспослатель дневного света, изображаемый в мифах как величественный старик в сверкающем золотом одеянии, который живет в огромном светлом небесном доме, полном всяческих богатств, и через ведущее вниз отверстие может наблюдать за происходящим на земле и спускать туда на

железной цепи своих посланников. Во многом сходным образом изображаются и верховные небесные боги Нум (Ном) у ненцев и селькупов, Нгаа у энцев, Радизн-Ачче (или Юбмел) у саамов, Ен у коми, Инмар у удмуртов (он выступает также в двух специальных ипостасях: как творец Кылдысин и как бог погоды Куазь), Шкай у мордвы-мокша и Нишке у мордвы-эрзя, Кугу-Юмо у марийцев. Бог неба олицетворяет собой само небо и погоду, поэтому его имя может использоваться для описания природных явлений: например, селькупы вместо «стемнело» говорят «Ном потемнел»; вместо «гром гремит» «Ном кричит»; вместо «потеплело» «Ном нагрелся» и т. д. С другой стороны, часто подчеркивается удаленность и связанная с этим отстраненность верховного небесного бога от повседневных земных дел, ведение которых он перепоручает другим божествам.

Второе место в тройке главных богов занимает богиня среднего мира, супруга бога неба (этот образ сохранен не во всех традициях). Часто ее называют просто «мать земли» (Маан-Эмойнен у финнов, Маа-Эма у эстонцев, Маддер-Акка у саамов, Мых-Ими у ханты, Я-Небя у ненцев). Известна она и под другими именами (Калташ-Эква у манси, Пугос у восточных ханты, Ылэнта-Кота у селькупов). В качестве обиталища богини среднего мира часто указываются верховья мировой реки, где возвышается мировое дерево — чрезвычайно важный для финно-угро-самодийской мифологии символ, столп мироздания, достигающий своей кроной неба и уходящий корнями глубоко в подземную страну. Богиня выступает как покровительница женщин, особенно рожениц, и новорожденных детей (лепечущий младенец общается с ней на понятном ей языке), наделяет людей шаманским даром и снабжает бубном, костюмом и другими атрибутами шамана. При этом ветви мирового дерева используются ею как своеобразный склад — на этих ветвях,

например, размещаются души еще не родившихся людей. Широко распространен миф о том, что богиня среднего мира вначале жила на небе, но была оттуда сброшена или спущена своим мужем. В мансийском варианте этого мифа Калташ-Эква наказывается таким образом за требование построить себе новое жилище из костей всех животных и птиц; в момент падения, между небом и землей, у нее рождается сын Мир-Суснэ-Хум («следящий за миром человек»), который стал впоследствии покровителем человеческого рода и посредником между людьми и богами, облетающим весь мир на крылатом коне или в обличье гуся.

Тройку замыкает властелин нижнего, подземного мира — глава всех духов зла и болезней, управитель страны мертвых. В ряде традиций это младший брат верховного небесного бога, вместе с ним участвовавший в сотворении мира (и воспользовавшийся возможностью создать его опасные и неблагоустроенные области, например высокие горы). Это Перкель у саамов, Омоль у коми-зырян, Керемет у марийцев и удмуртов, Шайтан у мордвы, Куль-Отыр у манси, Кынь-Лунг у ханты, Нга у ненцев, Кызы у селькупов. В мифах постоянно упоминается проделанное этим богом отверстие в поверхности

Стилизованное изображение небесного всадника Мир-Суснэ-Хума. Рисунок на бересте

земли, через которое он проник в подземную страну и завладел ею; через это же отверстие он посылает на землю духов болезней и кровососущих насекомых.

В представлениях об устройстве мира немало и специфического для отдельных традиций. Страна мертвых иногда (например, у самодийцев) помещается далеко на Севере — за устьем мировой реки, в холодном море. Верхний мир нередко разделяется на несколько частей-небес (три или семь), причем у обских угров трем ярусам небес соответствуют три поколения верховных богов: считается, что на втором и третьем ярусах остались отстраненные от владычества отец Нуми-Торума, Корс-Торум и его дед, Косяр-Торум (это напоминает о Зевсе, Кроносе и Уране в греческой мифологии). Также на несколько ярусов может подразделяться и подземный мир: так, у северных народов уральской семьи это семь слоев подземной мерзлоты, принадлежащих семи духам зла.

Известны представления о противоположности подземного мира и мира людей: смерть в среднем мире означает рождение под землей (и, наоборот, живые люди, сумевшие проникнуть в нижний мир, воспринимаются его обитателями как бесплотные привидения и становятся для них столь же опасными, как подземные духи зла для человечества); в подземном мире находятся ущербные светила или их тени, дающие мало света и тепла. С идеей противоположности связан, между прочим, имеющийся у многих уральских народов обычай портить предметы, которые оставляют на могиле для покойника (у нарт ломают полозья и планки, посуду бьют или продырявливают и т. д.): то, что дефектно в нашем мире, должно оказаться целым и пригодным к использованию в стране мертвых.

Еще большей пестротой — в рамках общих анимистических идей — характеризуются мифологические истолкования различных природных

объектов и явлений, часто связываемые с образами дополнительных членов семьи богов. У саамов солнце — это бог Пейве, который каждый день начинает путь утром верхом на медведе, продолжает на олене-самце и заканчивает вечером на оленухе. Более характерно, впрочем, представление о солнце как о женщине в отличие от месяца-мужчины. Таковы богиня солнца Хотал-Эква и бог луны Этпос-Ойка у манси. Вечерняя заря — это расчесываемые перед сном волосы Хотал-Эквы, солнечный зайчик — ее протянутая рука, чередование лунных фаз связывается с болезнью, которая периодически настигает Этпос-Ойку. Нередко в мифах месяц и солнце (или их дети) состоят в небесном браке. По ненецким поверьям, звезды — это части сверкающего «настоящего» неба, прикрытого от нашего мира дырявой небесной шкурой; селькупы видят в звездах корни деревьев, растущих на первом ярусе неба. Многим уральским народам известен миф о космическом охотнике на лыжах (его лыжня — Млечный Путь), преследующем гигантского лося (созвездие Большой Медведицы).

Северное сияние в эстонской мифологии — это павшие в битве герои, поднявшиеся на небо (быть может, этот сюжет навеян скандинавскими представлениями о Вальхалле, небесной обители погибших воинов). Саамы видят в северном сиянии кровь, разливающуюся в небесном бою между невидимой дружиной витязя Найнаса и злым духом Оадзем. В представлениях ненцев и энцев холод связывается с великанским Быком Севера, живущим у северной кромки неба в ледовом море. Его дыхание зимой принимает вид пламени — северного сияния, а летом появляется в виде дождевых туч. Когда Бык Севера сбрасывает вылинявшую шерсть, идет снег; когда он дует изо рта, бывает холодный ветер; когда он остается на месте, царит холод, а когда приходит в движение — теплеет.

Многие финно-пермские народы связывают грозу с действиями бога-громовержца, поражающего своих противников (этот мифологический сюжет хорошо известен славянам и другим индоевропейским народам — возможно, именно от них он перешел к финно-уграм). Мордовский громовник (Пурьгине-Пас у эрзи, Атям у мокши) вооружен луком-радугой и каменными стрелами-молниями (после грозы в земле оказываются их наконечники — «чертовы пальцы», белемниты). Он преследует злых духов, которые его передразнивают и прячутся в облике змей в дуплах деревьев. Саамский громовник Айеке (или Тиермес) — сын властелина нижнего мира Перкеля, насильно овладевшего его матерью; Айеке мстит злодею-отцу и его воинству. Иные и, возможно, более древние мифы о грозе известны обско-угорским и самодийским традициям. У манси громовник Сяхыл-Торум, младший брат и помощник Нуми-Торума, постоянно живет в черных тучах и развозит воду в упряжке «олений с мамонтовыми рогами». Когда он ударяет своих оленей вожжой, вспыхивает молния и раздается гром, а от резкого рывка упряжки потоки воды проливаются на землю дождем. Самодийцы объясняют гром как шум от полозьев саней, в которых сыновья Юга — духи грозы — едут сражаться с Быком Севера; от полозьев нарт летят искры-молнии, грозowymi тучами Бык Севера загораживается от сыновей Юга.

Наряду с этими двумя типами мифов о грозе (охота громовника на злых духов и езда в небесных санях) известны представления о птице или птицах с громовым голосом, которые зимуют в теплых краях (и поэтому зимой гроз не бывает). У финнов эта птица — воплощение верховного бога-громовника Укко; она высекает молнии своими каменными перьями. В хантыйских представлениях молнии сверкают тогда, когда эта птица открывает свой огненно-красный рот, чтобы заговорить громовой речью.

Пургу может олицетворять (например, у самодийцев) неопрятная и злая старуха с длинными волосами, при расчесывании которых перхоть превращается в снег. Иногда она показывается живым людям, особенно мелодым мужчинам, которые замерзают и гибнут от ее ласк.

Упоминавшиеся здесь божества стихий и светил в большинстве финно-угро-самодийских традиций относятся ко второму уровню пантеона, вместе с божествами — распорядителями и покровителями определенных видов деятельности, хозяевами тех или иных местностей. Как правило, это божества среднего мира, непосредственно управляющие им совместно с богиней земли; во многих традициях (эстонской, саамской, мордовской, марийской, удмуртской, венгерской, нганасанской) они почитаются как женские божества — «матери» природы и стихий. За разнообразием имен и мифологических «биографий» стоят несомненные общность происхождения и сходство функций божеств второго уровня.

К ним относятся в древней финской языческой традиции (которая была описана в XVI в. главой финской реформации Микаэлем Агриколой) бог леса Тапио, посылавший добычу охотникам; бог вод Ахти, распорядившийся рыбой; бог трав и корней Лиекио; хозяин морских бурь и покровитель мореплавателей Ильмаринен; бог Турисас, дававший победу в битве; покровитель домашнего хозяйства Тонту. Карельские боги, согласно Агриколе, «специализировались» в охоте на определенных животных (Ниркес — на белок, Хатавайнен — на зайцев) и в выращивании тех или иных растений (Ронготеус — ржи, Пеллон Пекко — ячменя, Виранканос — овса, Эгрес — льна, конопли и овощей); Кёндёс покровительствовал пахоте, Кекри — приросту скота. Эстонцы до христианизации поклонялись матерям земли (Маа-Эма; по народным представлениям, сев — зачатие землей урожая), ветра (Ту-

уле-Эма), бури (Марум-Эма), воды (Веэ-Эма), огня (Тул-Эма), покровителям плодородия (Метсик и Пеко), хозяевам водной стихии и рыб (Кала-Тонт, Кала-Кунингас). Аналогичные божества были у вепсов (например, властелин подводных стад Туржас), у ливов (например, покровители урожая — отец поля Нурме-Эзя и мать поля Нурме-Имя).

Согласно саамской традиции детей оберегают дочери богини среднего мира Маддер-Акки: Укс-Акка («дверная женщина») заботится о мальчиках, Сар-Акка («пряющая женщина») — о девочках. Покровителем рыбной ловли является Инару, выступающий в облике большой рыбы, покровителем охоты — хозяин зверей медведь Лиэб-Олмай, покровителем урожая и военных действий — Хорагаллас. У восточных саамов популярны женские божества: богиня леса Вирас-Акка, покровительница ягельных пастбищ Рази-Айке, хозяйка оленей Луот-Хозик, сама покрытая оленьей шерстью; удача в рыбной ловле зависит от Аккрувы, женщины с рыбьим хвостом.

В мордовский пантеон входили матери природы (мать леса Вирь-Ава, мать воды Ведь-Ава, мать ветра Варма-Ава, мать земли Мода-Ава, мать полей Норов-Ава, мать лугов Нар-Ава, мать деревенской общины Вель-Ава) и боги-покровители (бог солнца Чи-Пас у эрзи и Ши-Баваз у мокши считался кормильцем, дающим урожай; дождем ведал Пиземе-Пас, пчелами — Нешке-Пас, зарытыми в землю кладами, а также кладбищами — Матор-Пас). Согласно одному из мифов гигантская птица высиживает на мировом дереве — березе — три яйца, из которых появляются на свет Норов-Ава, Вирь-Ава и Варма-Ава; птица отпускает их в поля, в лес, с ветром.

У марийцев к «земным богам» причислились бог огня Тул-Он-Кугу-Юмо, бог достатка Перке-Кугу-Юмо, бог урожая Кинде-Шочин-Кугу-Юмо, бог скота Вольык-Шочин-Кугу-Юмо,

бог домашнего очага Сурт-Кугу-Юмо. Известны были также другие владельцы природных стихий и боги-покровители, а наряду с ними — духи-матери: например, мать солнца Кече-Ава считалась покровительницей семьи.

В мифологии народа коми сохранились имена богов-близнецов Войпеля (хозяин северного ветра) и Йомы — сыновей верховного небесного бога Ена, прародителей всех народов Земли. У удмуртов известны прежде всего матери природы — мать солнца Шунды-Мумы, мать неба Ин-Мумы, мать земли Музьем-Мумы, мать грома Гудыри-Мумы. Сходные представления о матерях природы были некогда и у венгров, свидетельство чему — сохранившийся в народных поверьях образ матери ветра Сел-Ани, живущей в ветвях мирового дерева: от движения этих ветвей поднимается ветер.

Пантеон обских угров включает наряду с богами-хозяевами светил и стихий (о них уже шла речь выше) семерых сыновей Нуми-Торума, которых он послал на землю для непосредственного управления земными делами. Часть из них — местные божества, между которыми распределены земли Приобья. Таковы у манси Ас-Талых-Торум — бог верховий Оби, распорядитель рыбных и пушных богатств этого края; Нер-Ойка — бог Урала, хозяин оленьих стад (согласно мифу он не проливает человеческой крови, но зато превращает в камни тех, кто посягает на его богатства); Ай-Ас-Торум — бог Малой Оби и ряд других мифологических персонажей. Особенно почитается уже упоминавшийся Мир-Суснэ-Хум, младший из семи сыновей, умом и хитростью добившийся главенства над братьями.

Боги — хозяева стихий, светил или определенных местностей известны и самодийским традициям (у нганасан это обычно «матери»). Селькупам почиталась хозяйка леса в образе самки соболя, которая вступает в связь с избранным ею охотником и

дарит ему удачу. Для самодийцев-оленьеводов очень важным богом был покровитель оленьих стад — ненецкий Илебям-Пэртя, энецкий Ирео-Понеде.

Общее происхождение имеют, судя по всему, и представления о разнообразных сверхъестественных существах, которые составляют третий, низший уровень пантеона, — духах, чертях. Большинству финно-угро-самодийских народов, как, впрочем, и другим народам мира, известны лешие (*метсахалтъя* у финнов, *вариэлля* у саамов, *ворса* у коми, *мачильлозы* у селькупов и т. д.), водяные (*веденхалтъя* у финнов, *чадзиэлля* у саммов, *васа* или *вакуль* у коми, *вумурт* у удмуртов, *виз-эмбер* у венгров, *ютыль-лозы* у селькупов), домовые (*кратт* или *тонт* у эстонцев, *кьёдеэлля* у саамов, *олысе* у коми, *корка-мурт* у удмуртов). В отдельных традициях эти существа наделяются специфическими чертами; например, марийский дух леса *овда* — женщина с

перевернутыми ступнями, венгерские водяные *визи-эмберы* выглядят как утопленники с окоченевшими телами, которые, вредя рыбакам, топят их лодки и запутывают сети. Еще одна важная и особо опасная категория сверхъестественных существ низшего порядка — духи зла и болезней, подданные и помощники бога — хозяйина нижнего мира («черные муки» *пианесолмак* у саамов, *керемет* у марийцев, *куль* у коми и обских угров). Из числа низших духов набирают своих помощников шаманы — роль таких духов особенно велика в самодийских традициях (ненецкие *тадебцо*, обычно представляемые в образе полуживотных). Воплощениями низших духов (а иногда и божеств более высокого ранга) признаются отдельные природные объекты — камни, деревья, становящиеся благодаря этому объектами религиозного культа, или же специально изготавливаемые идола (сейда у саамов, *хэхэ* у ненцев, *койка* у нгана-

Изображения мифологических существ, выполненные в так называемом пермском зверином стиле. Бронзовое литье

Нганасанский домашний идол огня Туй-Койка

санов). Для шамана владение подобным идолом означает, что соответствующий дух находится у него в подчинении, однако для не наделенных шаманским даром людей обращение с идолами требует максимальной осторожности.

Под влиянием христианства и ислама нередко происходило переосмысление представлений о мире богов, пополнение пантеона новыми персонажами. Например, верховный небесный бог-создатель легко отождествляется с Богом монотеистических религий, что вело (у обских угров, у самодийцев) к повышению значимости его культа, появлению дополнительных ритуалов и жертвоприношений. Ряд признаков обско-угрского Мир-Суснэ-Хума — божьего сына, выросшего на земле, и посланника неба среди людей — способствовал его идентификации с Христом. Напротив, для части селькупов «отец всех русских Кэристос» (то есть Христос) — враждебное божество, действующее заодно с «семизубым дьяволом». Культ богородицы в христианской Венгрии, где она носит народное название «болдогана» («мать счастья, богатства»), свидетельствует о принятии Девой Марией функций древней богини среднего мира, жизнедательницы и покровительницы рожениц и младенцев; интересно, что иногда — вопреки всем канонам христианства — упоминаются даже семь богородиц на семи ветвях мирового дерева (вероятно, это древние матери природы, ведающие вместе с богиней среднего мира земными делами). У соседей-мусульман заимствованы имена и частично — атрибутика богов нижнего мира — удмуртского и марийского Керемета, мордовского Шайтана. Во многих финно-угро-самодийских традициях среди персонажей пантеона в последние столетия фигурируют Илья-пророк, Николай Угодник, святой Георгий.

* * *

Очень важное место в финно-угро-самодийской мифологии занимают повествования о сотворении и обустройстве мира. В наиболее распространенном из таких мифов бог-создатель (мордовский Шкай, марийский Кугу-Юмо, коми Ен, удмуртский Инмар, обско-угорский Нуми-Торум, самодийский Нум) велит водоплавающей птице — обычно гагаре — нырнуть на дно первичного океана и принести оттуда комочек земли. Иногда говорится о двух птицах — гагаре (ей не удается справиться с заданием) и утке (которая, не будучи такой хорошей ныряльщицей, как гагара, все же приносит землю со дна); нередко образ птицы принимает второй участник творения, младший брат верховного бога. Из принесенного в клюве птицы комочка бог-создатель творит земную твердь, которая начинает разрастаться, и все полезное на ней, а младший брат использует крупинки земли, спрятанные в клюве (или во рту), чтобы создать неровности почвы и вообще «испортить» новосозданную землю.

Специфический миф о сотворении мироздания из яиц представлен у западных финно-угров. В финско-карельских рунах птица, летающая над водами первичного океана в поисках места для гнезда, откладывает яйцо (или несколько яиц) на колено Вяйнямёйнена, единственного обитателя океана, или на холм посреди волн. Яйцо скатывается вниз и разбивается, и из разных его частей — желтка, белка, скорлупы (или из разных яиц) образуются отдельные части мироздания. В мифе коми из двух яиц, снесенных уткой в первичном океане, вылупляются вначале боги Ен и Омель. Затем каждый из них использует для творения еще по два яйца: Ен создает землю и своих духов-помощников, Омель — луну и злых духов.

Особняком стоит и очень интересный нганасанский миф, в котором

участвуют две матери природы — Моу-Нямы и Коу-Нямы, Земля и Солнце. Дети Моу-Нямы, звероподобные духи дямада, посылают птичку ущипнуть Землю и обратить на себя ее внимание: они жалуются, что шкура Моу-Нямы вся покрыта льдом, из-за чего жить на ней холодно и плохо. Земля сближается с Солнцем, лед тает и устанавливается нормальный климат. Из шкуры Моу-Нямы выползают голые черви (личинки), превращающиеся в первых людей. Затем Коу-Нямы говорит духам дямада, что они как дети Земли должны жить, приросши к ее телу, калечит их и превращает в каменных идолов-койка.

Большинство известных финно-угро-самодийским народам мифов о происхождении человека навеяны библейскими мотивами и, вероятно, во многом вторичны. Своеобразный миф рассказывают манси: творец Нуми-Торум вначале изготавливает из стволов лиственницы лесных чудовищ — *менквов*, затем из сердцевины и корней лиственницы у него получают неудачные и нежизнеспособные мохнатые люди, и лишь с третьей попытки он создает настоящих людей, сплетенных из ивовых прутьев и обмазанных глиной.

В некоторых традициях представлены мифы о вселенском потопе или вселенском пожаре, некогда прервавшим мировую историю, а также сходные с ними мифы о грядущем конце света. Ненцы связывают потоп с гибелью первого мирового дерева — священной березы с семью корнями, к которой совершали паломничество и приносили жертвы все люди. Однажды корни березы начали гнить, и, когда сгнил последний, седьмой корень, она рухнула. Из ее ствола хлынул, как кровь, священный огонь, а за ним — поток воды, поглотивший все реки. Лишь немногие люди и животные смогли спастись при этом на плоту. Великие же шаманы сумели семикратным криком отогнать воды потопа от вершины священной горы,

на которой они собрались, а затем и направить всю воду в реки. В мансийском мифе конец света связывается с огненным потопом, во время которого спасутся те, кто подготовит плоты из семи слоев древесины: шесть слоев прогорят, и останется лишь седьмой; плывущих на плотях без укрытия будут пожирать гигантские комары. Спасшиеся проживут еще столько, сколько жили до пожара-потопа, затем превратятся в водяных жучков-*хомлах* и наконец обратятся в прах, что и будет окончанием мира.

У обских угров очень важную роль играет миф о медведе, который имел человеческий облик и вырос на небесах в богатом дворце Нуми-Торума. Ему было запрещено смотреть через отверстие на земной мир; за нарушение этого запрета Нуми-Торум спустил его вниз в колыбели на длинной цепи. Приняв на земле звериный облик (но сохранив при этом многие человеческие повадки), медведь во исполнение воли верховного бога истребляет грешных людей. В свою очередь, и люди имеют право убивать медведей-грешников, но должны после этого соблюсти особый сложный ритуал прощания с убитым медведем — это так называемый медвежий праздник, с которым связаны многие песенные и танцевальные традиции обских угров.

Мифы о небесном первопредке медведей известны и другим уральским народам. Так, у саамов медведь Талло — персонаж преданий о событиях в молодом, еще не устоявшемся мироздании. Он похищает гром и лунную деву, но та освобождает гром и сама спасается от похитителя.

Широко распространены и мифы о культурных героях или героических первопредках, которые освобождают землю от власти злых чудовищ, закладывают основы человеческого быта и хозяйства и, оставив людям свои заветы, становятся после смерти их небесными покровителями. Культурный герой самодийских традиций

(Йомбо у ненцев, Ди'а или Дюба-Нга у энцев, Дяйку или Дейба-Нгуо у нганасанов, Ича у селькупов) — одиночка, сирота, воспитанный бабушкой (часто это мать земли, богиня среднего мира). Он приступает к освоению мира и поначалу ведет себя до смешного неумело: охотится на мышей, гребет травинкой, не знает, мясо каких животных можно употреблять в пищу. Маленький и слабый, он побеждает своих врагов-чудовищ с помощью хитрости, коварства или даже шантажа (благодаря всему этому культурный герой выступает не только как действующее лицо героических мифов, но и как персонаж сказок-анекдотов). Странствия приводят его в разные концы земли, где он освобождает из-под власти злых сил рыболовные угодья и стада оленей, в гости к светилам и в землю мертвых. Победенные чудовища превращаются в идолов, а при сожжении этих чудовищ из искр возникают комары. Завершив свои подвиги, культурный герой, согласно некоторым мифам, случайно оскопляет себя и переселяется на небо. Наиболее близкие самодийским представления о культурном герое присутствуют в мифологических традициях Сибири — как уральских (отдельные группы ханты и манси), так и неуральских (кеты, юкагиры, долганы). Много сходств обнаруживается и в обско-угорских мифах о деяниях семи сыновей Нуми-Торума. В финско-карельских эпических рунах «Калевалы» центральное место занимают повествования о том, как небесный кузнец Ильмаринен и другие культурные герои добывают чудесный источник изобилия Сампо.

* * *

Анимистические верования уральских народов предполагали постоянное выполнение многочисленных обрядов, соблюдение запретов и предписаний, помогающих умиротворить всевозможных богов и духов, избежать их гнева. Среди таких ритуальных действий — обращение с моли-

твами и принесение специальных жертв «хозяевам» священных или опасных мест, кормление воды и огня, следование определенным нормам поведения на охоте (например, нганасаны считали необходимым вырезать и возвращать матери-земле глаза убитого дикого оленя — это обеспечивало поддержание поголовья стада). Подобная религиозная практика не требовала участия специальных служителей культа — она составляла обязательную часть повседневной деятельности каждого человека, гарантирующую ему собственные благополучие и благосостояние.

Особое место в духовной жизни принадлежало шаманству. Среди многочисленных функций шамана первоначальную роль играет защита от духов зла: лечение больных (то есть изгнание духов болезни), проведение похоронных обрядов (то есть устрани-

Селькупский шаман с бубном и коло-тушкой, в одежде, украшенной фигурками духов-помощников

ние опасного контакта между миром живых людей и нижним миром), предотвращение всевозможных несчастий или устранение их последствий. Для шамана существенно не столько строгое выполнение обрядов и предписаний, сколько определенные личные качества и навыки: гипнотические способности, умение достигать (часто с помощью наркотических средств, а также музыки, пения, пляски) состояния экстаза, нередко также музыкальная и поэтическая одаренность. Считалось, что шаманом может стать лишь тот, кто избран на это сверхъестественными силами (обычно в подростковом возрасте), причем избранничество проявлялось в длительном состоянии психического надлома или даже душевного расстройства, сопровождающемся галлюцинациями и сновидениями, в которых будущий шаман совершил путешествие в разные части мироздания,знакомился с духами и богами, обрел сверхъестественных помощников. В дальнейшем он обзаводился (обычно получая их от шамана-предшественника) атрибутами шаманской деятельности, основными из которых были бубен, украшенный магической символикой, и специальный костюм (у нганасанов, например, такой костюм включает набор подвесок и нашивок, каждая из которых прикрывает и как бы замещает какую-то часть человеческого тела).

Шаманский ритуал — камлание — может включать в себя (в зависимости от обстоятельств, вызвавших его проведение, от местной традиции и от индивидуальных качеств и предпочтений самого шамана) битье в бубен и песнопения, с помощью которых шаман привлекает на камлание сверхъестественные силы и приводит

себя в экстатическое состояние, дающее возможность общаться с этими силами; демонстрацию чудесных способностей шамана (например, он высвобождается из пут или наносит себе удары ножом, не получая при этом повреждений); беседу присутствующих с явившимися божествами и духами, которые на время вселяются в тело шамана; рассказ самого шамана о совершенном им в экстатическом состоянии путешествии в сверхъестественные сферы и о достигнутых результатах.

О древности уральского шаманства, которое лучше всего сохранилось в самодийских и саамской традициях, свидетельствует, в частности, общее финно-угорское происхождение названия шамана (*нойта*). На былое значение шаманства для прибалтийско-финских народов указывают многие руны «Калевалы» — например, в одном из повествований ее герои отправляются учиться песнопениям к телу давно умершего первошамана-гиганта Антеро Випунена. Традиции шаманства выходят за рамки собственно анимистических верований: шаман — не жрец богов и духов одушевленной природы, а посредник между людьми и сверхъестественными силами. Поэтому эти традиции нередко сохранялись и при переходе от анимизма к одной из мировых религий. Так, прямым преемником шамана в народных верованиях венгров является колдун-*талтош*, связанный со звероподобными духами и способный сам в облике животного (особенно быка) вступать в символические битвы с другими талтошами или с мифологическими противниками: от исхода этой битвы зависят погода и плодородие в опекаемой им местности.

Кеты

Кеты (стар. «енисейские остяки», «енисейцы») — немногочислен-

ный коренной народ Красноярского Севера. Немногим более тыся-

чи их проживают в поселках на Енисее и его притоках — Подкаменной Тунгуске, Елогуе, Сургуте, Курейке. Кетский — последний живой, но исчезающий язык прежней енисейской семьи, родственные связи которой с другими языками остаются пока неясными. Особенности культуры обусловлены образом жизни кетов — исконных приречных рыболовов и охотников тайги. Но в ней обнаруживаются и следы иного, кочевнического быта, свойственного предкам кетов до переселения с более южных территорий.

Религиозное состояние народа, несмотря на начавшуюся с приходом на Енисей русских христианизацию, определяли шаманство, а также другие культы и верования, сформировавшиеся на основе ранних мифологических представлений. Некоторое воздействие христианских идей и обрядности не затронуло глубин народного мировоззрения; оно оказывалось возможным лишь настолько, насколько находились соответствия и точки соприкосновения в кетской мифологической традиции.

Два ее начала могут считаться главными: восприятие всех частей мира живыми и его пространственный дуализм (двойственность), связанный с положительным или отрицательным отношением к человеку. Антагонистические сферы мира представлены и в вертикальной (земля — небо) и в горизонтальной (верхнее — нижнее течение реки) системах. Положительная верхняя сфера — это и юг (юго-восток), и земля в верховьях Енисея и иной конкретной реки (а также любое место выше принятой за центр условной точки). К положительной сфере относилось и пространство над землей, и собственно небо, и мир выше видимого неба. Соответственно отрицательную нижнюю сферу составляли север (северо-запад), низовья Енисея и любой конкретной реки, а также места ниже принятой за центр условной точки. Пространственным дуализмом определялись стратификация

и иерархия мифологических персонажей. В повседневной жизни представлениями о верхней и нижней сферах регулировались расположение стойбищ и кладбищ, планировка жилищ, распределение площади между отдельными членами семьи, размещение вещей внутри и снаружи помещения и т. д.

Реальный мир в мировоззренческой традиции кетов предстает как органическое продолжение мифологического прошлого, включающего два временных этапа. Первый — возникновение мира, появление первоначальной земли, первых людей, животных. Второй объединяет в себе прошлое, настоящее и будущее уже созданного мира. Временное членение его обусловлено циклическими исчезновениями в результате наводнений и последующими возрождениями. Центром очередного мироздания оказываются топкие места, где всплывают сухие, покрытые лесом кочки, оживают несколько человек, встают мифологические герои.

Возникновение мира из небытия всегда выглядит как появление собственно земли; такие субстанции, как вода и воздух, как бы извечны. Земля живая, ей присуща способность к внутреннему саморазвитию, росту и порождению. Но кетской мифологии известен и мотив создания земли, причем демиургом может быть не один персонаж, а действующие одновременно положительный и отрицательный творцы. Положительные деяния приписываются Есю (верховное начало, бог, олицетворенное небо), мифологическому герою Альбе, легендарному шаману Догу. Им противостоят Хоседам, изгнанная на землю и губящая за это людей жена Еся (отрицательное начало, хозяйка мира мертвых и олицетворение севера), а также Дотет и иные, не соответствующие высокому мифологическому статусу положительных персонажей образы.

Показательна одна из поздних версий сюжета о создании земли. Есь и Дотет одновременно создают равные

участки по обе стороны от «середины земли»: первый — кверху по течению Енисея, второй — к низу. Земля Еся удобна для жизни людей: ландшафт ее ровен, водоемы изобилуют рыбой, леса — дичью и промысловыми животными. Эта земля «своя» для кетов. Сотворенная Дотетом «чужая» земля отличается труднодоступной пересеченной местностью и бесполезной фауной — в реках и озерах водятся только ерш да окунь, в лесу — волки.

Особенности ландшафта могут явиться результатом не только деятельности, но и превращения мифического героя. Ушел на восток и стал там каменистой грядой Альба, с именем которого связано образование Енисея, точнее, его части у Осиновских порогов (место реального жительства кетов еще в начале XVII в.). Спасавшаяся от Альбы в образе налима Хоседам прорыла русло Енисея к низу от порогов; с ней связывалось и образование непригодных для жительства, затопляемых островов.

Превращением, изменением первоначальной сущности объяснялось происхождение некоторых животных, птиц: белки, орла, лебедя, кукушки — это превращенные люди.

Представления об устройстве мира могут быть обобщены в следующей схеме. Земля — плоский диск, она окружена водным пространством (семью морями), плавает в нем или чем-то поддерживается (большим кротом, большой птицей, ногой). Над землей семь параллельных ей слоев (кругов, мысов), образующих небо. Между краями земли и неба — свободное пространство. Ниже поверхности земли располагается достаточно неопределенный подземный мир, который иногда представляется как семь подземелий.

На земле (*банг*) обитают люди, причем место кетов — в самом ее центре, «у пупка», а также земляные звери, т. е. реальные животные и птицы, не улетающие на зиму. Среди людей пребывают и особые существа

— хозяева отдельных мест, лесных и водных угодий (Кайгусь, Ульгусь, Холай и др.), а также покровительствующие сородичам старухи — *аллэлы*. Изображения последних в виде человекоподобных деревянных фигур в одежде из меха и ткани хранились в каждой семье и наследовались кровными родственниками.

Люди старались обеспечить содействие аллэлов регулярными умиловительными действиями. Испрашивая здоровье и благополучие, их угощали, одаривали новой одеждой, украшениями. Вредоносные существа имеют свой мир (северо-запад, низовья рек), но постоянно вторгаются в мир человека со своими злокозненными планами. С главной из

Кетский аллэл

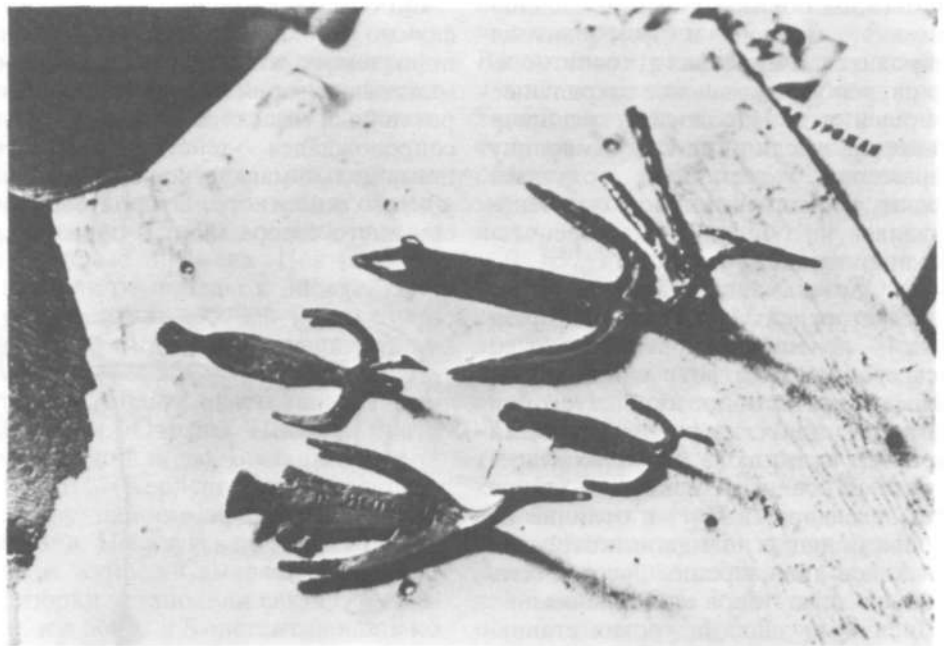
них, Хоседам, от которой, считалось, зависела жизнь человека, могли справиться только шаманы. Других побаивались, но при случае пытались обмануть или обезвредить сами.

С подземной сферой связываются реальные существа — крот, землеройка, летучая мышь, а также мамонт и неопределенные земляные люди (*бангоденг*), с которыми имели дело шаманы и особые специалисты — *бангос*.

На небе (*есь*) обитают переселившиеся туда в мифологическое время герои и рядовые люди, животные. Их можно наблюдать в виде светил — почитавшиеся кетами месяц, солнце, ряд созвездий. На небе у своей хозяйки Томам (олицетворение тепла, юга) зимуют перелетные птицы. Иная группа обитателей неба — невидимые персонажи высокого мифологического ранга. Это сам Есь и другие олицетворения неба — Усесь («теплое небо»), Биссымдесь («запад-

ное небо»), Боксейдесь («кострище неба») и др. В мифологических образах персонифицированы заря, гром и иные связанные с небом природные явления. На небе же пребывает сонм особых «небесных людей» — духов — помощников шаманов.

В отличие от неба — мужского начала — такие стихии, как земля, вода, огонь, в кетской традиции персонифицируются в женском, материнском образе. В культе матери-земли заметна ее роль прародительницы, первопричины жизни человека. К ней обращались шаманы, бангос и рядовые люди при тяжелых болезнях, родах. У матери-воды просили рыбы и благополучных переездов. Огонь почитался как охранитель сородичей. Умилостивительные действия в отношении всех трех стихий были в целом однотипны — кормление, одаривание, исполнение ряда предписаний, исключающих вред в отношении к ним.

Есьденг («небесные люди») — духи — помощники кетского шамана, сохраняемые сородичами после его смерти

Состояние здоровья человека и сама его жизнь, по представлениям кетов, зависят от ряда причин. В человека может попасть «камень болезни» или вселиться злой дух — червь, но более всего его благополучие зависит от состояния жизненной субстанции — *ульвей*. Она выглядит как маленький двойник человека и должна пребывать где-то поблизости. Отставшая ульвей может заблудиться, стать добычей злокозненных существ и самой Хоседам. Тогда человек умирает и попадает в мир мертвых, сведения о котором весьма неопределенны, так же, как и представления о посмертном бытии людей, заканчивающемся возрождением. Кетской мифологии известен и мотив изначального бессмертия людей.

Шаманство кетов отличается четкая система представлений. Это понятие о даре, передающемся в среде кровных родственников; полный 21-летний, семикратный, цикл становления шамана; неоднозначность олицетворяемых им образов (медведь, олень-важенка, стрекоза и др.); пантеон покровителей и арсенал духов-помощников; особые шаманские сакральные сферы и т. д. Идеологические представления имели развитую символику выражения, доступную рядовым людям, поскольку в целом она основывалась на общих мировоззренческих принципах.

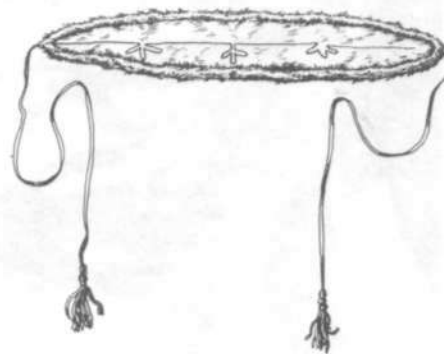
Функции шаманов обычно не выходили за пределы утилитарной практики — лечения, гадания, борьба со всем вредоносным. Но в народе сохранялась память об особой категории шаманов, действия которых имели характер культового ритуала. В преданиях их именуют великими (таков был легендарный Дог) в отличие от просто больших шаманов, которыми считались лица, прошедшие все семь необходимых этапов становления.

Внешними знаками уровня становления шамана были состав и характер его облачения и атрибутов — полагающийся ему на данный конкретный

момент их частичный или полный комплект, число обновлений последнего. Большой шаман имел особые парку, нагрудник, обувь, головной убор, посох. Он уже сменил несколько бубнов. На бубне, коло-тушке, как и на облачении такого шамана, был полный набор подвесок. Для присутствующих на камлании все это было материализованной информацией о возможностях шамана — доступности ему сакральной сферы, уровне и числе покровителей и помощников, которыми он мог располагать, и т. п.

Шаманское действо, особенно обряд, сопровождавший получение новых атрибутов или их очередное обновление, допускало многочисленность участников. Коллективными были и календарные ритуалы — посещение священного места (*холой*) перед летним рыболовным сезоном, обряд дорожной старухи перед зимним кочевьем семей на охоте в тайге, кормление открывшейся весной реки и т. д.

Особое место занимал праздник по случаю добычи медведя — самого почитаемого животного, хозяина промысловых зверей. Обряд включал два различных смысловых этапа. Первый сопровождался действиями, имевшими целью магическое воскрешение убитого животного. Второй был совсем иного содержания. В образе мед-

Налобная повязка начинающего кетского шамана

ведя (на празднике его могли символизировать изображение на бересте, кожа с носа и губ) люди принимали добровольно к ним явившегося погостить умершего родственника. Ситуация, когда встреча была с близким, не забытым человеком (о том, кто именно пришел, выясняли по приметам, а также гаданием с помощью отрубленной лапы), отмечалась особым эмоциональным настроением. Но и в тех случаях, когда среди участников обряда отсутствовали лично знавшие гостя (явившийся мог быть давно умершим, известным только по имени

родственником), ему оказывались все полагающиеся по этикету знаки внимания.

Значительное место в религиозной жизни кетов занимала индивидуальная обрядность, более всего связанная с семейными и промысловыми культами. Первые (действия в отношении старух-аллэлов, заместителей умерших — *дангольс*, очажного огня) были прерогативой женщин. К культовым действиям по отношению к оружию, ловушкам, самим объектам промысла более активно были причастны мужчины.

Древние тюрки

Тысяча четыреста сорок лет назад, весной 551 г., племена тюрков, данников жуань-жуаней, обитавшие в горах Западной Монголии и в степях Джунгарии, восстали против своего сюзерена. А зимой 552 г. потерпевший поражение каган жуань-жуаней Анахуань «предал себя смерти», как о том повествует китайский историограф. Вождь тюрков, Бумын, был поднят родичами на белой кошме и провозглашен каганом.

Последующие три десятилетия тюрки, сплотившие под своим знаменем с изображением волчьей головы все кочевые племена Центральной Азии, шли от победы к победе. Враждующие между собой китайские царства, вплоть до объединения династией Суй (581 г.), исправно выплачивали дань новым властелинам Великой Степи. Отряды Истеми, брата Бумына, дошли до Боспора Киммерийского (Керченского пролива), сокрушив царство эфталитов в Средней Азии. Пользуясь поддержкой согдийских купцов Самарканда и Бухары, тюрки установили связи с Византией, и в 568 г. в Константинополь ко двору императора прибыло их первое посольство во главе с согдийцем Маниахом. В соперничестве за госпо-

дство на западной оконечности Великого шелкового пути тюркские каганы вели войны с царями Ирана.

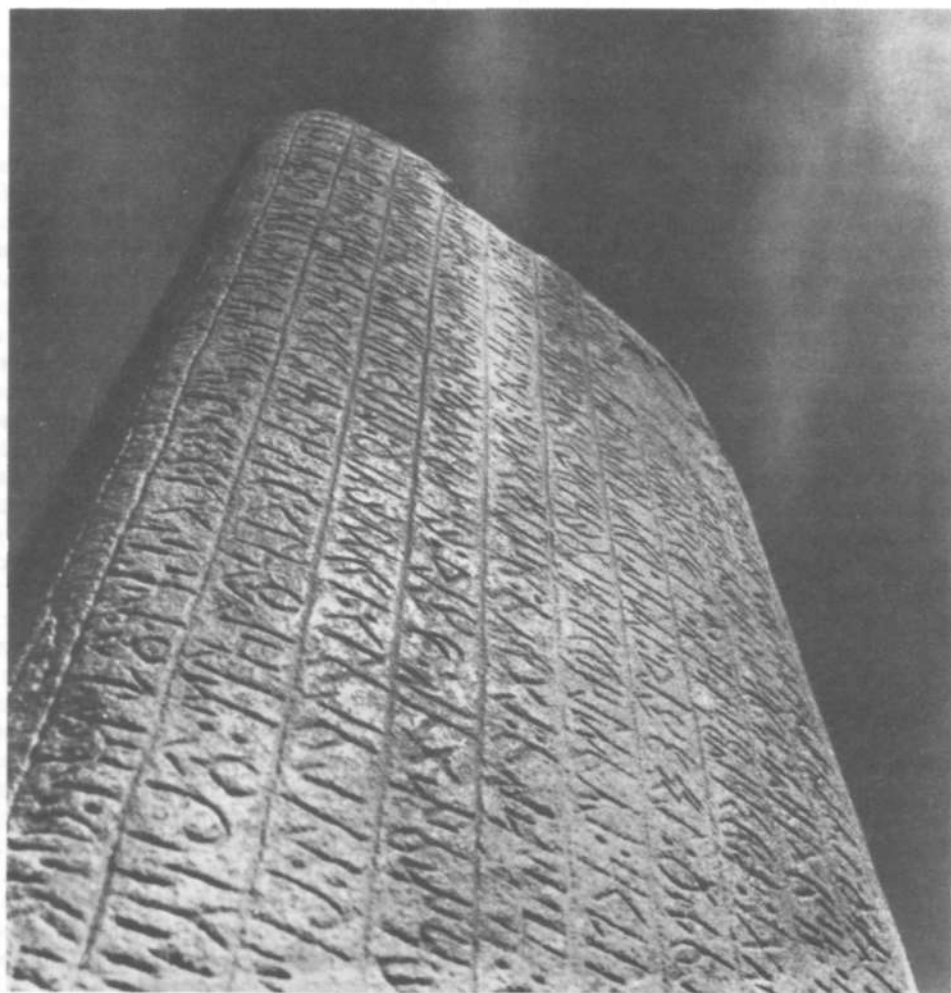
Тюркский каганат стал первой Центральноазиатской империей, чье посредство и участие сплели в один узел политические устремления и военно-дипломатические акции тогдашних крупнейших держав — Китая, Византии и Ирана. Дороги торговцев и послов, сменяясь маршрутами противоборствующих армий, оставались тем не менее путями культурных обменов и религиозных миссий — манихейской, христианской, буддийской.

В 630 г., потерпев поражение в войне с Китаем, где династию Суй сменила династия Тан, тюрки на время утратили независимость. Через сто лет, вспоминая те времена, тюркский летописец высек на камне: «Тюркские князья лишились своих тюркских имен и, приняв титулы китайских князей, подчинились китайскому кагану. Пятьдесят лет отдавали они ему свои труды и силы». Лишь после восстания и жестокой войны в пустыне Гоби тюрки вновь обрели свое государство.

Второй каганат просуществовал 65 лет. Он не был столь велик, как первый: власть каганов второй дина-

стии — Ильтереса, Капагана и Бильге, — сидевших в ставке-орде на р. Орхон, простиравась от Большого Хингана до Семиречья. В 713—714 гг. их продвижение на запад было остановлено под Самаркандом арабами, овладевшими тогда согдийскими царствами Средней Азии и принесшими туда ислам. А в 744—745 гг. ослабленное междоусобицами государство было сокрушено племенами уйгуров, создавшими на тех же землях свою империю во главе с каганами из рода Яглакар.

Повествование о великих битвах в степи, о возвышении и гибели сменяющих друг друга родов и племен, о войнах и союзах с империей Тан, о дальних походах к теплым морям на юго-востоке и к Жемчужной реке (Сырдарье) на западе, о караванах с дарами, приходящими в орду, и угоне табунов у враждебных племен — все это запечатлено тюрками на каменных стелах. Первая из них с надписью на согдийском, тогдашнем языке международного общения в Центральной Азии, была воздвигнута в Оленьем

Древнетюркская стела с руническими письменами из Северной Монголии. Первая половина VIII в.

урочище (Бугут) на р. Баин-Цаган, в центре Хангайской горной страны. В год барса по степному календарю, а по нашему летосчислению — в 582 г., здесь был построен поминальный храм четвертого тюркского кагана Таспара, пытавшегося учредить в орде «великую новую сангху», т. е. буддийскую монастырскую общину. Основная же группа древнетюркских и древнеуйгурских камнеписных текстов обнаружена в бассейнах рек Орхон и Селенга в Северной Монголии. Они написаны руническим письмом на тюркском языке (см. илл.) и относятся к VIII—IX вв. Другая группа рунических текстов, найденных в бассейне Верхнего Енисея, создана енисейскими кыргызами и датируется VIII—X вв.

Памятники орхон-енисейской письменности, впервые обнаруженные еще в начале XVIII в. в Сибири, были дешифрованы лишь в декабре 1893 г. датским лингвистом В. Томсеном и уже через месяц прочтены в Санкт-Петербурге академиком В. В. Радловым. Наряду с китайскими и византийскими известиями рунические надписи стали важным источником современных знаний о могучих империях центральноазиатских кочевников того времени.

Большая часть рунических памятников написана в жанре эпитафий. Апология усопших вождей соседствовала там с историографией их державы, а обильная дидактика окрашивалась политическими эмоциями. Авторы надписей отражали и формулировали свое видение мира, обстановки и навязывали свои жизненные и нравственные идеалы, устремления, цели. Этот жанр исключал последовательное изложение религиозных представлений, но побуждал создателей памятников к упоминаниям, позволяющим реконструировать некоторые мифологические фабулы и древнетюркский пантеон.

Сюжетно возможно выделить: а) космогонические мифы (миф о сотворении мира; миф об устройстве мира;

миф о космической катастрофе); б) мифы о богах и божественных силах (о небесном боге Тенгри; о священной Земле—Воде; о богине Умай; о подземном боге Эрклиге; о богах-посланцах и богах — помощниках главных божеств; в) социально-этиологические мифы о сотворении Небом тюркского эля (государства) и небесном рождении тюркских каганов; г) генеалогические мифы о происхождении тюркских племен и связанные с ними культы (миф о происхождении племени тюрк, культ пещеры предков; мифы о происхождении уйгурских племен; миф о происхождении кыргызов; обожествление и культ покойных каганов).

Начальные строки крупнейших орхонских памятников VIII в., надписей в честь Бильге-кагана и его брата Кюль-тегина содержат отрывочное упоминание космогонического мифа, согласно которому в начале были сотворены голубое небо и бурая земля, затем между ними возникли сыны человеческие. Никакого намека на предшествующее состояние (хаос?) или демиурга здесь не содержится. В древнетюркских енисейских памятниках голубое небо названо крышей над миром, обязательной принадлежностью которой являются ежедневно рождающиеся солнце и луна, так или иначе связанные с земной жизнью; в эпитафийных формулах енисейских памятников нередко содержатся слова: «Солнце и луну на голубом небе я утратил!» По сообщению иноземных наблюдателей, двери каганского шатра были открыты на восток для «почитания стороны, где восходит солнце». О культе рождающегося солнца свидетельствует и солярная система ориентации орхонских тюрок, для которых основным передним направлением было направление «вперед, в сторону, где рождается солнце». Среди почитаемых тюрками небесных объектов китайский источник упоминает семь планет.

Земная твердь в орхонских надписях представлена как пространство,

ограниченное с четырех сторон и имеющее четыре угла; всю ее населяют сыны человеческие, изначально враждебные тюркам, и высшей целью тюркских каганов являлось покорение «народов четырех углов (света)».

Миф о космической катастрофе в камнеписных памятниках Орхона упомянут намеками, как время, когда «небо вверху давило, а земля внизу разверзлась» или «когда небо и земля были в расстройстве». Более полон вариант мифа в написанной на бумаге древнетюркским руническим письмом «Книге гаданий» (X в.), согласно которой тогда «наверху была мгла, внизу был прах»; звери, птицы и люди «сбились с пути». Такое состояние длилось три года и прекратилось «по милости неба», из чего можно заключить, что сама катастрофа мыслилась как небесная кара.

В «Книге гаданий» упомянуты три бытия (мира). По всей вероятности, здесь отражено этнографически хорошо известное в тюркском и монгольском шаманизме представление о трех мирах — верхнем, среднем и нижнем. Между этими мирами распределен и весь древнетюркский пантеон. Мифы о богах и божественных силах присутствуют в памятниках крайне ограничено, в виде отдельных упоминаний или перечней, с редкими указаниями на выполняемые ими функции.

Верховным божеством является Тенгри (Небо), божество верхнего мира. В отличие от неба — части космоса оно никогда не именуется *кёк* («голубое небо», «небо»), или *калык* («небесный свод», «ближнее небо»). Именно Тенгри иногда вкупе с другими божествами распоряжается всем происходящим в мире, прежде всего судьбами людей: Тенгри «распределяет сроки (жизни)», дарует каганам мудрость и власть, дарует каганов народу, наказывает согрешивших против каганов и даже, приказывая кагану, решает государственные и военные дела. Согдоязычная бугутская надпись упоминает о постоянных

вопросах кагана к богу (богам) при решении государственных дел. Тенгри неявно антропоморфизован — наделен некоторыми человеческими чувствами, выражает свою волю словесно, но свои решения осуществляет не прямым воздействием, а через природных и человеческих агентов. Наиболее явно персонифицировано небо в мифологии западнотюркских племен Хазарского каганата. Описывая события 80-х гг. VII в. (крещение части хазар епископом Исраэлем), армянский автор Моисей Каганкатвацци называет главным богом северокавказских хазар Тенгри-хана, которого представляют как «чудовищного громадного героя», «дикого исполина», посвящают ему высокие деревья и приносят в жертву коней. О ежегодных жертвоприношениях Небу-божеству древнетюркских каганов Монголии, совершаемых на реке Тамир, сообщает китайский информатор. Вероятно, с Тенгри связаны два упомянутых в «Книге гаданий» бога-посланца: бог путей на пегом коне и бог путей на вороном коне. О поклонении тюрков «неким богам путей» пишет и Моисей Каганкатвацци. В тибетском сочинении «Каталог княжеств», источники которого восходят к VIII в., также упомянут бог тюрков Йол-тенгри, т.е. «бог путей».

Другим божеством была Умай, богиня плодородия, олицетворявшая женское начало. Христианский наблюдатель (епископ Исраэль) именно ее, по всей видимости, именует Афродитой, когда упоминает ее жрецов у западных тюрков VII в. В древнеуйгурских текстах X в. она названа благодетельной Ума-царицей и включена в буддийско-тюркский пантеон. Вместе с Тенгри она покровительствует воинам. Так же, как каган подобен по своему образу Тенгри, его супруга-царица (катун) подобна Умай. Здесь содержится явное указание на миф о божественной супружеской чете — Тенгри и Умай, земной ипостасью которой и является царская чета в мире людей.

Главным божеством среднего мира была «священная Земля—Вода» (ыдук Йер-Суб). В орхонских надписях это божество нигде не упомянуто обособленно, но вместе с Тенгри и Умай оно покровительствует тюркам и наказывает согрешивших. По сообщениям иноземных информаторов, божество Земли было объектом особого культа. Так, византийский историк Феофилакт Симокатта (VI в.) пишет, что тюрки «поют гимны земле». Моисей Каганкатвацци сообщает о хазарских чародеях, призывающих землю, о жертвоприношениях земле и воде. Китайские источники упоминают почитаемую тюрками VI в. священную гору, название которой означает «бог земли». Культ священных вершин был частью общего культа Земли—Воды у древнетюркских племен.

В древнетюркских енисейских текстах и «Книге гаданий» (VIII—X вв.) несколько раз упомянут бог — владыка нижнего мира Эрклиг, разлучающий людей и враждебный верхнему миру. В древнеуйгурских текстах он именуется Таму-Эрклиг—хан (адский эрклиг-хан) и включен в буддийско-тюркский пантеон. Вместе с ним в енисейских надписях упомянут Бюрт — бог скорой смерти.

Наиболее древним из древнетюркских племенных генеалогических мифов был миф о происхождении племени тюрк (ашина), известный в двух версиях, зафиксированный со слов тюркских информаторов в китайских записях середины VI в. Обе версии могут быть возведены к общему прототипу. Согласно основной версии предки тюрков, жившие на краю большого болота, были истреблены воинами соседнего племени. В живых остался лишь изуродованный врагами десятилетний мальчик, которого выкормила волчица, ставшая впоследствии его женой. Скрываясь от врагов, убивших в конце концов мальчика, волчица бежит в горы севернее Гаочана (Турфанский оазис). Там, в пещере, она

рожает десятерых сыновей. Сыновья волчицы женятся на женщинах из Гаочана и создают свои роды. Один из сыновей носит имя Ашина, и его имя становится именем его рода. Впоследствии число родов увеличилось, и Ашина стал вождем нового племени. Его потомок, Асянь-шад, вывел племя из пещеры и поселился на Алтае. Племя стало называться «тюрк». Во втором варианте мифа упомянуты другие потомки волчицы и среди них племя белого лебедя (предки кипчаков-половцев) и племя кыргызов. Другой генеалогический миф — о происхождении царского племени уйгуров, рода Яглакар — называет в качестве родоначальников волка и хуннскую царевну. Иной характер имеет генеалогический миф уйгурского племени эдизов, захвативших в конце VIII в. власть в Уйгурском каганате; этот миф сохранился в очень поздней передаче, записанной в XIII в. персидским историком Джувейни. Согласно эдизскому мифу родоначальниками царского рода уйгуров были священные деревья (ср. мотив почитания Тенгри-хана в виде высоких деревьев у хазар). Среди родоначальников древнетюркских племен древние записи тюркских мифов называют также быка и оленя.

Все эти генеалогические сюжеты относятся к наиболее архаичному тотемистическому пласту древнетюркской мифологии. Иной характер имеют мифы о неборожденных и небоподобных тюркских каганах. Они возникают не позднее VI в. в уже сложившемся древнетюркском государстве и тесно связаны с мифом о происхождении тюркского эля. Согласно этому позднему мифу именно Тенгри создал его около 535 г.; о пятидесятилетней давности события упоминается в письме тюркского Ышбара-кагана, посланном в 585 г. китайскому императору. Орхонские надписи постоянно упоминают о небесном происхождении каганского рода. Вместе с представлением о Тенгри и Умай как божественной чете —

покровительнице каганского рода этот поздний мифологический цикл являлся несомненной частью государственного культа Тюркского каганата, отдельные элементы которого

(ежегодные жертвоприношения в пещере предков, почитание предков-каганов, освящение каганских погребальных комплексов и каганских стрел) упомянуты в источниках.

Тюркские народы Сибири

Среди коренных народов Сибири самыми многочисленными являются народы, говорящие на тюркских языках, входящих в алтайскую языковую семью: алтайцы, хакасы, тувинцы, шорцы, тофалары, якуты, чулымские тюрки и сибирские татары. За языковым родством обнаруживается и близость исторических судеб, народной культуры и мифологии. 1,5 тыс. лет назад предки сибирских тюрков жили на юге Сибири и в Монголии, где возникли первые государства кочевников-тюрков — каганаты. Кочевники создали свою письменность. И даже когда империи распались, а входившие в них племена были рассеяны по всей Сибири, память об искусстве письма, о чудесных книгах осталась в народной культуре. К эпохе первых государств восходят и многие сюжеты тюркской мифологии. Сохранились они в отрывках и противоречивых версиях, но позволяют судить о мифологических представлениях и верованиях всех групп сибирских тюрков.

Главное действующее лицо тюркской мифологии и религии — родная Природа. Люди исходили из того, что окружающий их мир не враждебен человеку, он гармоничен и целесообразен. В этом мире нет места абсолютному злу или добру, бесконечности и вечности. Он подвижен и изменчив, все процессы в нем взаимосвязаны, и человек является соучастником миропорядка. Природа и природные существа (духи, божества, предки) — старшие по отношению к человеку. Отношения между старшими и младшими помогают поддерживать гармонию мира. Отсюда необходимость

приношения жертв, выражения благодарности старшим. С точки зрения людей, любое благодеяние божества требует ответных действий — так сохраняется сложный баланс интересов и сил во всей Природе. Один из мифов, как бы растворенных в тюркской культуре, рассказывает о начале мира. В его создании и благоустройстве участвуют два брата-близнеца, Ульген и Эрлик. Между ними происходит ссора, и Эрлик начинает вредить брату, творит разные козни, создает вредных насекомых и гадов и т.п. Ульген свергает брата на землю, затем отправляет в преисподнюю, а сам, закончив мироустройство, удаляется в небесные сферы. В специфической форме миф этот говорит о наличии в мире противоположных начал и о том, что их взаимодействие не позволяет миру застыть, наполняет его творческим началом. С другой стороны, удаление друг от друга бывших сотворцов как бы дублирует рост, расширение нарождающегося мира, а их помещение на противоположных полюсах мира обозначает его пределы. Небесный бог и хозяин подземного царства — не антиподы, враждебность их достаточно условна. Они дополняют друг друга, как плюс и минус, день и ночь, вход и выход. Не случайно в алтайском фольклоре говорится, что «Ульген и Эрлик имеют одни двери».

Ульген и Эрлик (или их аналоги) распоряжаются жизнью человека сообща: один посылает на землю зародыш будущего ребенка, другой обрезает нить жизни — так становится возможным круговорот живого. Один ассоциируется с небом, сияю-

щим солнцем, другой — с мрачными глубинами земли, тьмой. Но они в равной степени необходимы человеку и миру.

Другая важнейшая фигура — богиня-мать Умай (Ымай), которую представляли то птицей, то золото-волосой женщиной, то седой старухой. Она символизирует все, что связано с материнством, рождением и вскармливанием детей. В древности Умай именовалась супругой божественного Тенгри (Неба, возможно один из обликов Ульгена), но впоследствии этот образ был приземлен. Умай обитает в пещерах (символ земного, материнского лона), горных лесах. Она охраняет женщину во время беременности, играет с младенцем. В облике птицы Умай спускается с неба к своим детям-птэнцам.

Духами и божествами населена вся Природа: эти духи — хозяева того или другого элемента ландшафта (горы, озера, реки, лесного урочища, отдельного дерева, скалы) и рукотворного окружения человека (хозяин порога, очага, коновязи). Так реализуется идея «младшинства» человека, его малости перед лицом Природы — вечной и всемогущей. Иногда такой образ обретает характер символа родины: так, в алтайской мифологии говорится о Хан-Алтае, хозяине всей горной страны. Кроме того, пантеон пополняется за счет умерших родственников: они становятся предками и возвращаются в тот природный мир, откуда некогда «вышли» к людям в облике младенца. Наличие «своих» в мире духов придавало людям уверенность в будущем, ведь предки мыслились защитниками. Но окружающий мир таил в себе и постоянную угрозу нарушения стабильности — оттуда приходят духи болезни, хитрые и жадные. Большинство духов нейтральны по отношению к человеку — они всего лишь требуют соблюдения ряда обычаев и ритуалов. Отправляясь в горы на охоту или на пастбище, мужчины заранее знали, какой может быть встреча с «хозяином», и стара-

лись не рассердить его, приносили умиловительные жертвы, пели вечерами песни, рассказывали сказки. При этом они вели себя соответственно — как в гостях у духа-хозяина, употребляя специальные слова и выражения, стараясь не шуметь без нужды, не рубить живые деревья и т.д.

В мифологии тюрков есть представления о трехчастном устройстве мира, созвучные всему их мироощущению. Если нет абсолютных противоположностей, то небо и подземный мир должны иметь точку соприкосновения, такую область, которая реализует средние (промежуточные) значения и тем самым связует воедино все части мироздания. Такой областью мыслилась реальная земля, место обитания народа, родина. Она идеализируется в мифах и фольклоре. Якутский фольклор говорит о среднем мире, мире человека, как о месте, где нет смерти и болезней, где растет чудесное дерево жизни. Но чем дальше от родины, тем удивительнее становится мир, тем более изменяются его черты: убывает реальное, нарастает фантастическое, часто враждебное человеку. Стремясь поддержать единство мира, тюрки уделяли большое внимание диалогу с Природой — будь то «кормление» домашних духов или камлание шамана.

Шаманизм был основой мироощущения тюркских народов. Ощущая большую значимость природных «соседей»-духов, общество выделяет в своей среде человека, которому приходится общаться с ними и быть послом людей в мире. Он становится главным специалистом в установлении диалога между обществом и природой. Шаманы как люди со сверхвысокой чувствительностью, богатым воображением, обладающие даром вхождения в состояние транса, были обречены служить и людям и духам. Главная задача шамана у тюрков состояла в том, что он должен был быть посредником, устраивавшим взаимное понимание людей и духов.

Шаман путешествовал и на небо, к Ульгену, и в подземное царство — к Эрлику, обращаясь то в птицу, то в медведя. В случае бесплодия женщины он выпрашивал у верхнего бога ребенка, после смерти человека он проводил его душу в царство Эрлика. О своих путешествиях шаман красочно рассказывал участникам камлания, демонстрируя незаурядное владение словом. Хитростью и лестью, угрозами и подарками шаман добивался от духов желаемого и возвращался к соплеменникам, неся душу больного или зародыш ребенка.

У шорцев, алтайцев и хакасов шаманы рисовали на своих бубнах «карту» воображаемой Вселенной: внизу — змеи, лягушки, медведи, в центре — обитаемая людьми земля со священным деревом, вверху — небесный мир с птицами и звездами, радугой и светилами. Иногда шаман садился верхом на бубен, превращая его в коня, иногда бубен символизировал лодку. С этим инструментом была связана сама жизнь шамана: повредив инструмент, он мог умереть.

Шаман как посредник — фигура, «запрограммированная» всей системой мироощущения тюрков. Без него не могло обойтись общество, полагавшее необходимым диалог с Природой. Но шаманы вовсе не узурпировали все

стороны религиозной жизни. В некоторых случаях их место занимал старейшина или певец, особенно во время проведения сезонных общественных жертвоприношений, приуроченных к наступлению весны (лета, реже — осени). В ходе таких ритуалов (ысыах у якутов, таиг у хакасов) люди как бы воссоздавали волшебную атмосферу первого утра мира, не позволяя времени застыть, остановиться. Ритуал «подталкивал» время, а жертва (лошадь, белая овца) обещала благоденствие народу. Общественные ритуалы вселяли в людей уверенность в будущее, сплачивали соплеменников.

Обратиться к духам мог и отдельный человек, хранивший для таких случаев их деревянные изображения-фетиши. Духов «кормили» кашей, жиром, угощали спиртным и молоком. Изображения хранили и в жилище, и в специальных укромных местах (в роще, на деревьях — хакасы), брали с собою в тайгу на промысел. Часто с просьбой-молитвой обращались не к изображению духа, а к живому, растущему дереву. Его не просто почитали, но считали «матерью», залогом жизни человека и рода. На юге Сибири были широко распространены представления, согласно которым кости людей одного рода сделаны из дерева определенной породы. К ветвям такого дерева привязывали полоски ткани белого, красного и синего цветов. Наиболее почитаемыми на Алтае были кедр и береза. Можно сказать, что у сибирских тюрков береза и молоко (молочные продукты) — наиболее важные мифологические и религиозные символы, воплощавшие идею чистоты, плодородия, святости.

Миф и религия тюрков Сибири на протяжении многих столетий подвергались воздействию более развитых религий. С буддизмом предки тюрков познакомились еще в эпоху кочевых государств, но тогда он не оставил заметного следа в их культуре. Лишь столетия спустя монгольский буддизм

Шаманский бубен алтайцев

укоренился в Туве, но при этом образовался сложный синтез буддизма и шаманизма. На верования сибирских татар повлиял ислам, но и он не затронул основ языческого мировоззрения. С открытием православной миссии в XIX в. началось насаждение христианства на Алтае. Гонения на шаманов, перевод кочевников на оседлость — все это не могло не оттолкнуть шаманистов от православия. Однако отличительной чертой шаманизма всегда была его восприимчивость. Проповедь христианства убедила часть алтайцев в необходимости смены веры, но выбор они сделали неожиданный. В начале XX в. на Алтае появляется новая вера — про-

дукт взаимодействия шаманизма и монгольского буддизма, воспринятого алтайцами поверхностно. Это религиозно-политическое движение было первой вспышкой этнического самосознания складывавшейся общности — алтайцев (которые до того были группой родственных родо-племенных коллективов). В бурханизме (такое название получила эта религия в литературе) ожили старые мифы о «золотом веке», когда народом правил справедливый хан, защищавший старинные обычаи и установления. Вновь, как в древней мифологии, на первый план выступило поклонение родной Природе, своей исконной земле.

Тюркские народы, живущие в Средней Азии и к западу от нее

О религии и мифологии древних тюрков, выходцев из Южной Сибири, создавших в VI в. н. э. в Средней Азии могущественное государство, известно очень мало. Как и другие народы древности, они делили Вселенную на три сферы: небесный, земной и подземный миры. Верховным божеством был небесный бог Тенгри, поклонение которому и составляло суть так называемого культа неба. С Тенгри и солнцем было связано почитание востока (на восток, в частности, обращали вход в жилище). Другим крупным божеством была Умай, богиня плодородия, известная, видимо, и под другими именами. Древние тюрки поклонялись также священной Земле-Воде (ыдук Ер-Суб); возможно, это было собирательное имя для нескольких божеств, покровителей отдельных больших районов. Почитались и духи-покровители («хозяева») местностей, урочищ, гор. Владыкой нижнего (подземного) мира, с которым связывалось пред-

ставление о загробной жизни душ, считался Эрклиг. В обязанности шаманов, вероятно, входило сопровождение душ мертвых в царство Эрклига. В религии древних тюрков правитель (хан) выступал первосвященником, исполнявшим главные обряды, имевшие важное значение для всего народа. Почитание духов урочищ, культ предков и шаманство, как можно судить по поздним этнографическим материалам, имели скорее всего родовой (племенной) характер. В разнообразных формах проявлялось почитание отдельных видов животных и птиц.

Уже в начале своей истории древние тюрки испытали влияние религий других народов, в том числе буддизма и христианства. С VII в. к тюркам стал активно проникать ислам. В период монгольского нашествия буддизм и христианство еще некоторое время соперничали с исламом, однако ислам одержал верх. Хан Золотой Орды Узбек (XIV в.) провозгласил

господство ислама и энергично внедрял мусульманство в своей империи, воздвигая мечети и учреждая медресе. Дольше всего языческие традиции предков сохранялись у кочевников, но в XVI в. ислам окончательно утвердился среди казахов, в XVII в. — среди киргизов. Тюркоязычные народы регионов, лежащих к западу от Средней Азии и Казахстана, — Кавказа, Поволжья, Крыма — также в разное время приняли ислам. Исключение составляют гагаузы, чуваша (христиане), крымчаки и караимы (иудаисты).

У тюркоязычных народов, воспринявших ислам, мифологические воззрения, естественно, являются мусульманскими. Некоторые боже-ства и духи доисламских культов продолжали жить, но уже в облике мусульманских святых; сохранились

Демон тюркских (уйгурских) верований. Из рукописи XV в.

отдельные персонажи низшей демонологии. При этом неодинаковые исторические судьбы разных народов сказались в своеобразии их пережиточных верований. Повсеместно, где сегодня расселены тюркоязычные народы, они подверглись влиянию культуры местного населения. В Средней Азии и Казахстане тюркоязычные народы восприняли мощный пласт традиций коренного ираноязычного населения — кочевых и полукочевых саков, растворившихся в тюркской среде, видимо, к концу I-го тысячелетия н. э., и оседлых жителей оазисов. С иранской культурой связаны образы ряда святых (покровитель земледелия Бобо-Дехкон, покровительница плодородия Амбар-она, патронесса прядения и ткачества Биби-сешанби, сорок могущественных, невидимо скитающихся по свету святых — *чильтанов*, сорок девушек, волею бога спасшихся от преследовавших их врагов) и многие сюжеты легенд (например, легенды о святом, который взял свою отрубленную голову под мышку и скрылся в колодезье или расщелине). Иранскому пласту принадлежат такие категории духов, как зловерные дэвы, доброжелательные пари (пери), склонные к любовным связям с людьми, помощницы повитух момо, а также крайне опасная для рожениц и младенцев демоница *албасты*, воображаемая в виде женщины с длинными, закинутыми за плечи грудями; образ албасты, вероятно, сложившийся еще в первобытную эпоху, известен широкому кругу народов, живущих на территории, простирающейся от Великой китайской стены до берегов Средиземного и Черного морей. Иранским по происхождению является образ дракона *аждарха*, стерегущего, по верованиям туркмен и узбеков, сокровища в подземельях, и слово «яда» — название магического дождевого камня, известного тюркским народам средневековья и современным киргизам и казахам. Древнетюркские религиозно-мифологичес-

кие традиции сохранились слабо. К ним можно отнести термин «тенгри», употребляющийся в значении «бог» (т. е. Аллах); образ святого Коркута (Хорхута) — покровителя шаманов и певцов (у казахов и каракалпаков); следы культа богини Умай (у киргизов и казахов) и другой богини плодородия, Сус (Сут)-хотин, видимо, обладавшей тождественными функциями (у узбеков и уйгуров); веру в духов — хозяев (*эе*) различных мест и урочищ (у туркмен, киргизов, казахов), в духа — хранителя семьи *кут* (у киргизов), некоторые пережитки культа предков. Шаманство, распространенное у народов Средней Азии и Казахстана, сохранило лишь отдельные черты, связывающие его с древнетюркским (обрядовые элементы, образы духов-помощников, например, «черная птица», Кара-кус у казахов, Кара-куш у узбеков). Древнетюркские названия шамана (*кам*) и духов (*ель*, *ек*) забыты, вместо них давно вошли в обиход иные термины, связанные с культурой ираноязычного населения или принесенные исламом.

Иранские традиции сильны и в демонологических воззрениях азербайджанцев и турков. Дэвы, пери, албасты (у турок *ал* или *ал-карысы*, у азербайджанцев — *хал* или *халанасы*), аждаха — неотъемлемая часть народных верований. Особенность низшей демонологии азербайджанцев и турок составляет зловредный дух *гюль-ябани* (от арабского *гул* — «чудовище-демон»), живущий в степи или на кладбищах, пугающий путников. Турецким сказкам известен и демон арабских верований — *ифрит*. К греческим традициям восходит турецкий демон *конджолос* (*кара-конджолос*), оскверняющий сосуды. На Северном Кавказе иранское влияние уже не столь велико. Верования кумыков сохранили образ тюркской богини плодородия Суткатын. Карачаевцам, как и туркам, известен домовый (*юй ийеси*; у турок — *эв бекчиси*).

В Поволжье и Приуралье тюрки восприняли многие традиции куль-

туры местных финно-угорских народов. Ряд персонажей низшей мифологии татар и башкир известен не всем тюркоязычным народам и может быть связан с финно-угорской этнической средой. К ним относятся беспокойный дух бичура в образе женщины маленького роста, обитающий в домах и банях, леший (*шурале*), водяной (*су иясе*) и кровожадное демоническое существо *убыр*, которое заменяет колдунам душу, после смерти выходит из могилы и приносит людям вред; обуздать убывра можно, лишь вбив кол в могилу колдуна. Местные традиции придали своеобразие и представлениям татар и башкир о домовом (*ой иясе*, *абзар иясе*, *йорт иясе*). Чудовищная змея — *юха*, которая, прожив 100 или 1000 лет, получает способность превратиться в прекрасную девушку, видимо, принадлежит собственно тюркскому мифологическому наследию — этот образ известен также туркменам, узбекам, казахам, уйгурам. Иранские мифологические представления в традициях татар и башкир отражены слабо, хотя им хорошо известны образы дэвов, пери, албасты, дракона — аждарха. В отдалении от иранского мира пери в Поволжье и Приуралье стали представляться как духи, в основном недоброжелательные к человеку.

Чуваши, приняв христианство, сохранили немало традиций своей языческой религии. Политеистический пантеон чувашей не связан с мифологией древних тюрков, он сложился в Поволжье на основе местных традиций. Его возглавляет небесный бог-творец Султи-тура, которому подчинены другие божества, покровители и создатели разных благ и явлений (земли, хлебов, животных, пчел, жилищ, богатства, цветов и т. д.). У каждого из богов своя задача: один благословляет брак, другой опекает путешествующих, третий поддерживает счастье семьи. Чувашиам были известны и божества, олицетворяющие различные явления природы — солнце, луну, ветер, гром и молнию. Образам татарской и башкирской

мифологии близки леший *арсури* (соответствует *шурале*), злой дух *вупар* (близкий *убыру*), духи «мать воды» и «отец воды» — *шыв амаше* и *шыв аише* (близки татарскому «водяному деду» *сув бабасы* и «водяной матери» *су анасы*), «хозяин хлева» *карта пусе* (соответствует *абзар иясе*), домовый *херт сурт* и некоторые другие. Ряд образов чувашской мифологии восходит к исламу, утвердившемуся в XI—X вв. среди булгар, предков чувашей. В их числе вестник судьбы *Пихампар* (от персидского *пэйгамбар* — «пророк»), бог изобилия *Перекет тура* (от арабского *барака* — «благодать»), божество *Харпан тура* (от арабского *курбан* — «жертва»), возносящее жертвы верховному небесному богу, дух смерти *Эсрель*, ангел *пирешти* и черт *шуйттан*.

У гагаузов христианству столетия назад предшествовал ислам. Этим объясняется наличие у гагаузов мусульманской терминологии, применяющейся для передачи понятий, свя-

занный с христианством: *аллах* («бог»), *аллахун оглы* («сын божий»), *курбан* («жертва»), *Хедрелес*, т. е. *Хыдыр-Ильяс* («святой Георгий») и т. д. Арабское слово угадывается в названии духов — покровителей построек — *тылысым*. К древним воззрениям населения Восточной Европы и Малой Азии восходит демон *кара-конджо*. Некоторые образы перекликаются со славянскими (отнимающие разум духи русали; мифологический персонаж, некогда божество Додола). С тюркскими традициями связаны представления об одноглазых великанах *тепегёз* и духах — «хозяевах» отдельных мест. Гагаузам известны и духи низшей мифологии *пари*, *дэвы*, *аждарха*, *обур* (соответствует *убыру* у татар и башкиров, *вупару* у чувашей).

Таким образом, религиозно-мифологические традиции разных тюркоязычных народов не представляют собой полного единства, что вызвано особенностями их истории.

Монгольские народы

Предки народов монгольской языковой семьи с древнейших времен населяли степную и лесостепную зоны Центральной Азии и Южной Сибири. Культурно-языковая общность и поныне живущих компактно (в Монголии, России и Китае) халхасов, ойратов, бурят, многочисленных народностей Внутренней Монголии (баргутов, хорчинов, чахаров, ордосцев и др.), а также калмыков, предки которых отделились от других ойратских племен и откочевали на Волгу только в начале XVII в., чрезвычайно велика; исключения составляют несколько изолированных этноязыковых групп (моголы, дагуры и монгоры), подвергшихся чрезвычайно сильным влиянием (соответственно афганскому, маньчжурскому, тибетско-китайскому), хотя и

сохранивших в своем облике ряд архаических черт. В настоящее время на монгольских языках говорят примерно 7,5 млн. человек. Древнемонгольские племена, таежные охотники и степные скотоводы издавна жили в тесном соседстве с тюркскими, тунгусскими и другими народами, близкими к ним по общественно-экономическому укладу и культуре. Еще до нашей эры среди центральноазиатских кочевников (*хунну* и *дунху* в китайских летописях) формируются племенные союзы и раннегосударственные объединения. Первой была держава *хунну* (II в. до н. э. — I в. н. э.), языковая принадлежность которых остается дискуссионной. Ей наследовали государства *сяньби* (II—III вв.) и *жужаней* (IV—VI вв.), выделившихся из племенной группы *дунху*,

вероятно древнемонгольской. Монголоязычными были и кидане, ответвление *сяньби*; империя *киданей* (X—XII вв.), возникшая после более чем трехвекового господства в Центральной Азии тюркских народов (тукю, уйгуров и кыргызов), просуществовала практически почти до выхода на историческую арену собственно монголов (или монголов Трехречья, в XII в. обитавших в бассейне Онона, Керулена и Толы).

Религия этих племен была шаманского типа (хотя в государстве киданей получил ограниченное распространение буддизм, возможно, знакомый центральноазиатским народам даже и раньше). Еще у хунну и ухуань китайские источники отмечают почитание духов предков, неба, земли, солнца, луны, звезд. По представлениям ухуань, души умерших возвращаются к Красной горе Чи-шань на северо-востоке от Ляо-дуна (примерно близ устья Амура). Зооморфные образы (вероятно, родовые тотемы) коня, быка, оленя (лося, лани) встречаются в фрагментах этногонических легенд древнемонгольских *сяньбийских* племен тоба, муюн, тугухунь (I—V вв.), повествующих о выходе людей из замкнутых мест их первоначального обитания. В генеалогических преданиях говорится о рождении вождя, родоначальника или предка в результате брака человека с небесной девушкой или непорочного зачатия от градины, упавшей в рот женщины и проглоченной ею.

В мифологический пантеон киданей, о котором известно несколько больше, входили олицетворения основных космических начал — неба и земли, причем божество земли имело облик старой женщины. Они ниспосылали мир, помогали в критических ситуациях. Много места в государственной религии (ритуалы при вступлении на престол императора, при мобилизации и пр.) занимало солнце; луна же в число ведущих богов не включалась. Существовал еще ряд богов (огня, войны, металла),

неперсонифицированных и персонифицированных, имевших различные воплощения (в том числе в тотемных животных: в белую лошадь, в оленя), и множество духов, в частности духов предков, которым покровительствовал грозный дух священной Черной горы. Рассказывается, что у горы Муе, дух которой также входил в число высших богов, предок на белом коне повстречал небесную деву, едущую на телеге, запряженной сивой коровой; их восемь сыновей впоследствии стали родоначальниками племени, а ездовые животные, очевидно имеющие тотемную природу, были посвящены этим предкам и приносились им в жертву. Именно белую лошадь и сивую корову жертвовали некоему властителю по прозвищу Найха, который имел вид черепа, находящегося в закрытой ото всех куполообразной юрте, принимал вид человека только на время общения с людьми и исчез, когда кто-то тайно подсмотрел за ним в его обычном состоянии. В результате аналогичного нарушения табу исчез и другой мифологический владыка — Куай (или Хэка), имевший голову дикой свиньи, также обитавший в куполообразной юрте и пропавший, когда жена посмотрела на свиную шкуру, в которую он одевался.

О раннем периоде развития собственно монгольской мифологии можно составить представление по некоторым памятникам монгольской письменности (прежде всего по «Сокровенному сказанию», XIII в.), а также по записям посторонних наблюдателей: иранского историографа при дворе хулагида Рашид ад-Дина (XIV в.), европейских путешественников (Плано Карпини, Марко Поло, Гильома Рубрука, Джона Мандевилла), армянских (Киракоса Гандзакци, Гетума Армянского и др.) и китайских историков. Традиционный для кочевников Центральной Азии тип мифологической системы здесь сохраняется. Наблюдатели сообщают о поклонении Небу — *тэнгри* (общий

тюрко-монгольский теоним), в монгольских источниках оно именуется Синим (Кокэ) или Вечным (Монгкэ), и Земле (Ирога, Итога, Натигай, Эту-гэн). Вступительная формула документов монгольских канцелярий XIII—XIV вв. «Силой Вечного Неба...» свидетельствует, что именно небо было верховным божеством, хотя Марко Поло и Джон МанDEVИЛл в качестве такового называют только Землю — «всемогущего бога природы». Эпитет «вечное» указывает на безначальность, несотворенность Неба, которое в космогенезе само олицетворяет исходный созидательный принцип, будучи творцом всего сущего, владыкой мира, чьим волеизъявлением определяется судьба человека, кем санкционируется и государственная власть. Этот мифологический образ, почти или совсем не персонифицированный, — одновременно и само небо, и Небо как божество, и божество неба — является носителем мужского начала (Небо-отец, Тэнгри эчигэ), а земля (божество земли, Земля как божество) — женского (Земля-матушка, Начигай экэ, Этугэн экэ). Ее основное качество — производительность, с культом земли были связаны праздники возрождения природы (весенний) и плодородия (осенний), существовавшие у кочевых народов Центральной Азии еще с эпохи хунну.

Ритуальными (посвящаемыми богам) животными были лошади; жертвенный кумыс брался только у белых кобылиц. Отмечаемые наблюдателями запреты рубить топором вблизи очага, тыкать в него острием, доставать ножом мясо, рассказы об очистительной функции пламени свидетельствуют о почитании бога огня. Возможно, устанавливались мифологические соответствия между огнем земным (очагом) и небесным — солнцем, поклонение которому также существовало. В систему свадебной символики входили изображения солнца и луны; в отличие от киданей у монголов, кроме солярного культа,

засвидетельствован культ луны — великого владыки, матерью которого считалось солнце; выражение «мать-солнце» встречается в «Сокровенном сказании». Впрочем, в этом памятнике отражено и противоположное представление — о мужской, оплодотворяющей силе солнечного луча. Согласно изложенному здесь генеалогическому преданию небесное (солнечное) божество проникло к Алан-гоа (Алун-гоа), праматери «золотого рода» Чингисхана, после заката солнца в виде желтого человека, а уходило перед восходом в виде желтого пса. Имена родоначальников Борте-Чино («сивый волк») и Хоо Марал («кауряя оленуха»), которыми открывается это предание, сохранили названия тотемных животных; легенда же, переданная Рашид ад-Дином, повествует о происхождении монголов от двух родоначальников — Нукуз и Киян, причем в этом втором имени («заяц»?) опять-таки возможен отзвук тотемического мотива. Наличие у монголов меховых или войлочных антропоморфных идолов говорит о поклонении *онгонам* — иконическим воплощениям различных духов, прежде всего духов предков. Наконец, в формах общеплеменной (затем общегосударственной) религии складывается культ предков царствующей фамилии, который находит свое воплощение в культе Чингиса и его семьи.

Таковы в общих чертах сведения о мифологии и религии монголов XIII—XIV вв. Последующий (последующий имперский) период беден источниками, а литература XVII—XVIII вв. (историческая, агиографическая, культовая) уже относится к эпохе массового распространения буддизма, коренным образом изменившего облик центральноазиатской культуры. Его наступление на шаманизм сменяется компромиссом; индо-тибетские образы и сюжеты усваиваются местной традицией. Сведения о мифологии этого периода могут быть извлечены из монгольских, ойрат-

калмыцких, бурятских летописей XVII—XIX вв., жизнеописаний ламаистских миссионеров Нейджи-тойна и Зая-пандиты (XVII в.), из фольклорных и книжных преданий (генеалогических, этиологических, квази-исторических и др.), из шаманских призываний, бытующих в письменной и устной форме, а также из героического эпоса и сказок.

Утратившая под натиском буддизма значение государственной религии древняя центральноазиатская религиозно-мифологическая традиция претерпевает большие изменения. На месте единого обожествленного неба у современных монгольских народов мы находим уже множество небесных божеств — тэнгри (только у монголов остались в качестве рудимента представления о едином тэнгэри — вездесущем, всезнающем, правосудном, противопоставленном множеству всевозможных богов и духов). Используются различные числовые наборы, либо комбинирующиеся при группи-

ровке и классификации небесных богов, либо характеризующие фундаментальные мифологические представления. Первое — 99 тэнгри — является, очевидно, общим наследием древнемонгольской мифологической системы; ее соотношение и вероятность параллельного бытования с некогда существовавшим представлением о едином обожествленном небе неясны. Второе — 33 тэнгри во главе с Хормустой — возникает в русле раннего буддийского влияния (не позднее XV в.) как слепок с мифологического образа буддийского Индры и его окружения (хотя само имя Хормуста представляет собой видоизмененное и проникшее к монголам через согдийцев и уйгуров имя верховного божества иранского пантеона Ахура-Мазда, Ормазд).

Тэнгри могут обитать на 17 небесах, в 33 царствах и т. д.; имена верховных тэнгри, как правило, восходят к различным эпитетам неба: Вечное Синее (Кокэ Монкэ), Всесильное (Эркэту), Высшее (Дэгэрэ), Могучее (Багатур) и пр. Противопоставляются западные, светлые, и восточные, темные, божества. В монгольском шаманизме это противопоставление едва намечено, но в более архаической бурятской мифологии деление небожителей на две враждующие фратрии (55 западных и 44 восточных тэнгри) является основой сюжета, разворачивающегося прежде всего в мифологическом прологе западнобурятских версий эпоса о небесном посланнике Гесере. Согласно этому эпосу битва между вождями обоих божественных кланов заканчивается победой сил добра, однако сброшенные вниз останки злого божества Ата-Улана превращаются на земле в различных чудовищ. Для их искоренения в мире людей возрождается один из сыновей светлого бога Эсэгэ-Малана (Тюрмаса, Хурмаса, т. е. Хормусты). Прослеживается связь тэнгри с мифологическими темами войны (Сульдэ-тэнгри, Дайчин-тэнгри), кузнечества (Дархан Гуджир-тэнгри), созидания, небес-

Охотничье божество Манахан тенгри. Монголия

ного волеизъявления, посредством которого человек наделяется душой и судьбой (Дзаячи-тэнгри, Заян Саган-тэнгри).

Сравнительно небольшое развитие получают астральные сюжеты и в особенности культ солнца и луны, хотя в шаманских призываниях после божества неба и земли рядом со звездами иногда упоминаются полная луна, золотое солнце и полумесяц. По этнографическим данным можно понять, что солнце и луна связываются соответственно с мужским и женским началами, а согласно устным преданиям, некогда миру грозила гибель от иссушающего зноя нескольких солнц (двух, трех, четырех и т. д.). Чудесный стрелок Эрхий-мэргэн сбил выстрелом из лука лишние светила и, не попав в последнее, превратился в степного сурка-тарбагана. Этот миф имеет широчайшие восточноазиатские параллели (тунгусо-маньчжурские, китайские, мон-кхмерские, тайские, тибето-бирманские). Происхождение созвездия Орион объясняется в преданиях о небесном охотнике Хухэдэй-мэргэне, преследующем трех оленей, откуда и монгольское название созвездия «Три оленуи» (Гурван Марал). Миф о Плеядах (монгольское Мичит — «звезда», Мэчин — «обезьяна») повествует, что некогда это мифологическое существо жило на земле, и там царил вечное тепло (или, напротив, холод). Его, спящего, пытались раздавить верблюд (или лошадь) и корова, однако Мичит ускользнул сквозь зазор ее раздвоенного копыта и удалился на небо, распавшись на шесть звезд; с тех пор, всходя зимой, он насыляет холод. Оба этих астральных сюжета являются общими у монголов (прежде всего западных монголов) и алтайских тюрков. Существуют также этиологические мифы о Большой Медведице (у монголов это созвездие называется, если перевести на русский, «Семь старцев» или «Семь кузнецов»), Млечном Пути («Небесный шов» или «Небесная дорога»). Нако-

нец, почитаемым божеством является планета Венера (халхаское Цолмон, бурятское Сёлбон, калмыцкое Цолви), в религиозных традициях с ней связаны темы войны и мира (у монголов), производства (у ойратов), коневодства (у бурят); в этом последнем случае Солбон причисляется к светлым тэнгри, представляется пастухом (или владельцем) небесных табунов.

Образ единого земного божества в позднейший период оказывается размытым, хотя и сохраняющим свою женскую природу (ее эпитет: «матерью ставшая»). Осмысленная в категории мифологической множественности, земля, как и небо, представляется многослойной, причем 77 слоев земли являются кардинальной числовой характеристикой, традиционнo выступающей в паре с 99 слоями неба. В шаманских гимнах говорится о множественности духов — хозяев земли. Это владыки различных мест, прежде всего гор и водоемов, выступающие посредниками между людьми и небесными божествами — тэнгри. Они имеют много названий, как автохтонных (*ханы* — «цари», *нойоны* — «князья», *дзаяны*, *заяны* — «духи», *убугут* — «старцы»), так и заимствованных — тибетских (*дэбджиты* — «благородные», *сabdaки* — «хозяева мест») или китайских (*лу*, *лусы* — «драконы», хозяева погоды, водной стихии, земли, нижнего мира). Видное место среди них (особенно у бурят и калмыков) занимают духи вод, хозяева рыб и речного промысла и их властелин — Уха Лосон (Лусан у бурят; Усун хадын эзен у калмыков). По монгольским поверьям, локальными духами становятся души именитых людей, шаманов и колдунов. При несомненной общности этих представлений у всех монгольских народов и наличии немногочисленных общемонгольских (общеойратских, общепурятских) божеств (дух — хозяин Хангайских гор, дух — хозяин хребта Танну, а также некий обобщенный Государь Земля-Вода), конкретные

образы локальных духов в разных регионах довольно сильно отличаются. Их система своеобразна у бурят, у которых подобные персонажи, осмысливаемые как ниспосланные с неба дети и внуки тэнгриев, в соответствии с дуализмом небесных богов подразделяются на благожелательных к людям западных ханов (или хатов) и враждебных восточных, возглавляемых владыкой подземного мира и царства мертвых Эрлэн-ханом.

Если функции единого небесного божества передаются в позднейший период верховному тэнгри (прежде всего Хормусте), главе небесных богов, то богиню земли Этугэн также замещает более поздний персонаж — повелитель земных духов-хозяев, владыка ландшафтной сферы и населяющих ее животных Белый Старец (Цаган Эбугэн, Цаган Овгон), имеющий вид лысого седобородого старика с посохом, сидящего в горной пещере.

Изменения претерпевает и культ огня, в котором суммируются представления об обожествленном пламени и о духе домашнего (родового, семейного) очага. Можно предположить, что Государь огня (Хан огня Отхан, Огонь-тэнгри) постепенно уступает место хозяйке очага (Матушка-огонь, Фея огня); кроме того, в соответствии с концепцией множественности, данное божество предстает в виде целого семейства духов (матери, отца, сына, деда, сестер и т. д.). По некоторым мотивам шаманской мифологии огонь имеет древнейшее происхождение, он рожден в результате космического брака Неба и Земли или возник при их разделении. Согласно более поздним сюжетам первый огонь высечен Чингисом и раздут его супругой. У бурят божество огня и дух родового очага носит имя Господин (или Старец) Сахядай (Сагадай) и, по некоторым поверьям, является сыном (или внуком) верховных светлых тэнгри, ниспосланным ими с неба для защиты людей от кровососущих насекомых, хищников,

темноты и холодов, насылаемых злыми богами.

Демоны (*альбины, шулмасы, чот-горы* и др.) — это, как правило, души умерших неестественной смертью или грешников. По своим функциям и облику они слабо разграничиваются, их общее неперемненное свойство — приносить человеку болезнь, вселяясь в его тело или захватывая его душу. Мифологические представления о нижнем мире — подземном царстве смерти — сформировались под прямым влиянием буддийской космологии. Его глава — Эрлик-хан (у бурят — Эрлэн-хан), волю которого исполняют *эрлики*, или *элчи* (букв. «посланцы»). Картина загробного мира дополняется идеей загробного воздаяния, сценами подземного судилища, иерархией областей ада. По более архаическим поверьям, в частности у западных бурят, царство мертвых не соотносено с нижним миром и сосуществует в непосредственном соседстве с миром живых (как бы в ином измерении), являясь его точным подобием.

Картина мира противоречива и складывается из автохтонных и заимствованных представлений. Земля имеет форму диска или квадрата, углы которого соответствуют четырем сторонам света, и покоится на брюхе гигантского водяного животного — черепахи или лягушки (Алтан Мелхий — «золотая лягушка»), лапы которого соответствуют сторонам света. Иногда водяное животное держит на себе мировую гору. Возможно, более архаическим является представление (например, встречается у бурят) об огромной рыбе, держащей на своей спине землю. На основе шаманских призываний можно полагать, что небо и земля были первоначально слиты в одну массу (хаос), при их разделении возник огонь и, очевидно, все в мире, причем формирующей силой было женское начало (земля), а одухотворяющей, дающей душу — мужское (небо).

Согласно фольклорным мотивам земля сначала была лишь кочкой, а

потом разрослась; в зачинах эпических поэм, относящих действие к эпохе первотворения, такая кочка отождествляется также с еще не выросшей мировой горой. Судя по некоторым эпическим мотивам, небом и землей был создан и первый человек, иногда первый человек прямо называется сыном Вечного неба и Золотой земли. В мифологических преданиях человека (первую супружескую пару) изготавливают из земли; душу дает небесное божество либо это делает демон. По другим мифам люди происходят от тэнгри, спустившихся на землю в виде пары первопредков, чтобы дать начало человеческому роду, или изгнанных с неба Хормустой. В более позднем и стройном виде миф о создании мира и человека сложился под влиянием индийской космогонии, хотя и с использованием автохтонных мотивов. Его главные лица — буддийские божества Шагджитуби (Шакьямуни) или Бурханбагши (Будда-учитель), Майдари (Майтрея), Очирвани (Ваджрапани),

Хормуста, Арья-Бало (Авалокитешвара), Манджушри и др., действующие обычно парой: распорядитель и исполнитель, положительный культурный герой и отрицательный, портящий, творящий зло по неумению, небрежности или по злему умыслу (в таком качестве иногда непосредственно выступает демонический персонаж — *шулмас, чотгор, эрлик*). Вселенная в своем начальном состоянии определяется как хаос. Он густеет от ветра, высушивается огнем и смачивается дождем, в результате возникает земля. Другая исходная форма Вселенной — безграничная водная стихия, на которую настиляется земля, разрастающаяся из принесенной с неба или со дна океана щепотки. Согласно космогоническим сюжетам, восходящим к мифу о Вишну, демиург переворачивает на спину плавающую в Мировом океане гигантскую черепаху (или лягушку) и водружает на нее только что созданную землю (или сам превращается в черепаху).

Маньчжуры

Маньчжуры и их предки чжурчжэни на протяжении своей истории географически были зажатые между тремя этнокультурными общностями: с юга на них напирали многочисленные и неудержимые китайцы, на западе они издавна соседствовали с монгольскими племенами, а к северу от них жили рассеянные дикие народы — нанайцы, эвенки, орочоны. Удивительно ли, что в маньчжурских обычаях, верованиях и мифах находим мы так много общего с культурами всех этих народов или просто заимствованного у них? Китайский даоизм, монгольский и китайский буддизм, китайские простонародные культы разных любопытных божеств, дальневосточное и сибирское шаманство — все причудливо смешалось в синкретической

религии маньчжуров. Но сколь интересна может оказаться она для любого, кого привлекли тайны цивилизаций Центральной Азии, столь же немногочисленны и скупы те источники, из которых мы вынуждены черпать о ней сведения. Сперва кажется, что маньчжурам в этом отношении повезло — они ведь единственные среди тунгусо-маньчжурских да, пожалуй, и среди всех сибирских народов имеют свой письменный «Устав жертвоприношений Небу и духам», официально отпечатанный в 1747 г. при маньчжурском дворе в Пекине. Однако, как мы видим, составлен он был спустя век после завоевания маньчжурами Китая в 1644 г. и испытал на себе значительное китайское влияние. Поэтому не все ученые в полной мере доверяют ему

как серьезному научному источнику. Куда больше знаний об истинных верованиях маньчжуров принесли нам в начале XX в. полевые исследования таких русских ученых, как А. В. Гребенщиков и С. М. Широкогоров, а еще редкие оригинальные рукописи на маньчжурском языке, которые им удалось добыть во время своих путешествий. Работа их была отнюдь не легка, ведь с течением лет маньчжуры почти окончательно растворились в огромной массе покоренных ими китайцев, забыли свой родной язык и отчасти свою исконную культуру. Сегодня не будет большой ошибкой назвать их исчезнувшим (не хочется говорить — «мертвым») народом. Крохи чудом сохранившегося фольклорного наследия собирают теперь в укромных уголках Маньчжурии исследователи Китайской Народной Республики. Некоторые пробелы в наших знаниях о маньчжурах удастся восполнить, обратившись к сибю. Часть этого маньчжурского племени по указу императора Цаньлуна в 1764—1765 гг. была переселена из Маньчжурии в далекий и сравнительно пустынный Синьцзян, где и смогла избежать ассимиляции.

Очень скудны сведения о маньчжурской мифологии. Строго говоря, мы имеем только один достоверный законченный маньчжурский миф — о происхождении родоначальника маньчжурских князей. Этот миф был взят под официальное покровительство маньчжурской династией Цин и вошел во все основные дворцовые истории. Согласно летописи его рассказал знаменитому императору Абахю один воин по имени Муксикэ. Миф этот столь известен, что стоит его пересказать полностью, так, как он записан в «Старом маньчжурском архиве» (по-китайски «Цзю маньчжоу дан»): «Однажды, когда на озеро Булхори пришли купаться три небесные девы Энгулэнь, Чжэнгулэнь и Фэкулэнь, появилась божественная сорока. Младшая дева Фэкулэнь получила от нее красный плод, взяла (его) в

уста и проглотила; (она) забеременела и родила Бокори Ёншоня». Этот миф замечательно похож на рассказ о рождении легендарного первопредка древней китайской династии Инь, известный нам из ранних литературных памятников, а также на предание о рождении Чумона — основателя корейского государства Когурё. Продолжение нашего маньчжурского мифа, однако, сближает его уже не с китайской или корейской, а с тунгусо-маньчжурской мифологией. Мать взрослеющего не по дням, а по часам Бокори Ёншоня сажает его на плотик, сделанный из ветвей ивы и устланный лепестками азалии (немаловажные, в рамках маньчжурских поверий, детали!), и пускает плыть вниз по реке Сунгари. Плотик пристает к берегу у того места, где три рода или племени враждуют между собой. Увидав молодца необычной наружности, люди оставляют свои распри и выбирают его вождем — предводителем всех маньчжуров. Как напоминает этот мотив один из распространенных сюжетов *имаканей* — эпических сказаний *хэчжэ* (китайских нанайцев)!

Известные нам мифологические представления маньчжуров из всех народных верований прочнее всего связаны с шаманизмом. Вселенная у шаманов существует в трех мирах — верхнем, земном и загробном. Верхний мир насчитывает семь, девять или даже семнадцать небес, на которых расположены солнце, луна и звезды, а также обитает высший дух маньчжурского пантеона *абкай эндури* — «дух неба». Земной мир населен людьми, животными и разными духами, а загробный мир, заполненный по большей части душами умерших людей, отдан в управление владыке Илмуньхану и его подданным.

В уникальном народном сказании о шаманке Нишань мы находим редкое описание шаманского действия и подробнейшее изображение загробного царства. В опубликованном варианте сказания говорится о том,

как у одного маньчжурского помещика по имени Балду Баянь (в переводе с маньчжурского «богач Балду») на охоте по необъяснимой причине погибает его единственный сын Сэргудай Фянго («последыш Сэргудай»). Балду Баянь находит искусную шаманку, которая сообщает ему, что душу его сына забрал в Царство мертвых хан Илмунь. После долгих уговоров шаманка соглашается совершить путешествие в загробный мир и извлечь оттуда душу юноши. Для этого она призывает к себе умелого шамана-помощника. По дороге в Царство мертвых шаманке приходится переправиться через реку — маньчжурскую Лету и отдать «Хромононому вруну» — маньчжурскому Харону — символическую плату за перевоз. Другую реку она одолевает при помощи своего чудесного шаманского бубна. Призвав на подмогу духа орла, шаманка похищает душу Сэргудая Фянго из неприступного города Илмунь-хана и пускается в обратный путь. Но ханский родственник Монголдай Накчу («дядюшка Монголдай») нагоняет ее. После долгих торгов он соглашается отдать шаманке Сэргудая Фянго за выкуп петуха и собаку, рожденную в один день с юношей. Однако злключения ее на этом не кончаются. На обратной дороге шаманку подстерегает еще ее покойный муж, который не хочет отпускать ее из Царства мертвых. Только благодаря помощи священного журавля шаманке удается сбросить его в город Фунту. (Вот, между прочим, и соприкосновение сказания с даосской мифологией: именно в китайский уезд Фэнду провинции Сычуань помещают даосы свое «темное пристанище» — обитель мертвых.) Но вернемся к нашему сказанию. Казалось бы, путешествие подходит к счастливому концу. Однако прежде чем вернуть шаманку в мир живых, сказитель проводит ее через владения Омоси мамы (в переводе с маньчжурского «бабушка внучат»; словом *мама* маньчжуры обычно именуют женских

духов, в то время как мужские называются у них *мафа*, то есть «дедушка»). Это божество, заведующее у маньчжуров распределением душ между людьми, весьма напоминает китайскую защитницу детей — так называемую Цзысунь нянянь (в переводе с китайского «матушка сыновей и внучат»), или же просто Нянянь, культ которой распространен по всей Маньчжурии и, возможно, восходит к Гуань-инь буддийского пантеона. Сопровождаемая служанкой Омоси мамы, шаманка совершает «хождение по мукам» в мрачном городе Фунту, в описании которого также ощущается буддийское влияние. Каждого грешника, попавшего в этот город, находит жестокая и изощренная кара — расплата за злодеяния, совершенные при жизни.

Омоси маму иначе называют также Вали (Ваньли) мамой или Фодо (Фото) мамой (в переводе с маньчжурского «бабушка ива»(?); впрочем, народная этимология иногда связывает это слово и с китайским *фо* — («будда»). Надо заметить, что у маньчжуров она была, пожалуй, одним из самых почитаемых божеств. В северо-западном углу внутренней, западной комнаты каждого маньчжурского дома непременно была протянута особая бечева — воплощение богини. Эта бечева служила примитивной генеалогической схемой: расстояние между подвешенными на нее двумя лопаточными костями домашнего животного считалось за одно поколение; маленький лук со стрелами означал, что в семье был сын, ставший воином, деревянная лопатка указывала на земледельца, монетка — на торговца, а лоскуток материи говорил о том, что в семье родилась девочка. Как только в доме появлялась молодая жена, на бечевку привешивали маленькую колыбельку.

Кроме Фодо мамы, в каждом маньчжурском роду зачастую поклонялись своим собственным духам предков, место для которых отводилось в нише, выделенной в западной стене

внутренней комнаты. В такую нишу обычно помещали ларчик с изображением предка и домашней родословной. В новогодний праздник, который обычно устраивался после сбора урожая, начинались большие жертвоприношения предкам. Фодо маму перевешивали в юго-восточный угол комнаты, «просили ее выйти» и возжигали перед ней курения. Но главное действие происходило за пределами дома. Тут нужно сказать несколько слов о том, как выглядел традиционный маньчжурский двор. У ворот с внутренней стороны была невысокая стена, которая, по поверью, не позволяла дурным духам проникнуть во двор. От подножия этой стены возвышалась четырехметровая вежа с маленьким оловянным (в домах побогаче — серебряным) корытцем наверху. Такая вежа по-маньчжурски называется *сомо*. Так вот, во время жертвоприношений в это корытце кидали кашу и кусочки мяса свиньи — традиционного жертвенного животного маньчжуров, оставляя все это на съедение воронам. Ворона наряду с сорокой, которую мы помним по мифу о трех феях и происхождении маньчжурских князей, тоже почиталась как священная птица — хранительница маньчжурского племени. Кроме вежи сомо, в жертвоприношениях иногда участвовало и сакральное дерево шаманов — обычно это был вяз.

Кроме божеств, о которых мы рассказали выше, маньчжурский шаманизм еще имеет дело с огромным количеством разных духов — духи умерших людей, духи некоторых птиц (например, орла) и животных (собака, лошадь, тигр и др.), духи местностей и строений, хранители домов и покровители профессий... Но о них мы говорить не будем — похожие классы духов характерны для верований и других дальневосточных народов.

Главными отправителями религиозных культов у маньчжуров были шаманы — родовые и не принадлежа-

щие к определенному роду, мужчины или женщины, с непременным помощником. В камлании им помогали особый шаманский костюм с причудливым головным убором, пояс с продолговатыми колокольчиками, бубен и другие предметы ритуальной утвари, которые сами по себе уже обладали магическими свойствами. «Должность» шамана, как правило, была наследуемой, но, чтобы стать им, необходимо было пройти жестокое испытание. К шаманам обращались и по некоторым житейским надобностям — для гадания и лечения болезней. Впрочем, в этом случае им уже составляли определенную конкуренцию бродячие буддийские монахи и даосы. Шаманы творили и передавали из поколения в поколение особую шаманскую мифологию, включавшую в себя космогонические рассказы и предания о похождениях великих шаманов и богатырей древности. Однако достоверных записей этой мифологии практически не осталось, сохранились лишь отдельные тексты шаманских камланий. После образования маньчжурского государства шаманский культ, серьезно стандартизированный и китаизированный, просуществовал при императорском дворе в Шэньяне, а затем и в Пекине вплоть до революции 1911 г. Однако он отнюдь не воспрепятствовал благожелательному отношению некоторых маньчжурских императоров и к буддизму: в 1790 г. по указу государя Цяньлуна был издан полный перевод на маньчжурский язык буддийского канона «Ганьчжур».

Пожалуй, самым интересным и значительным персонажем китайской народной религии, который заимствовали маньчжуры, стал Владыка Гуань, по-китайски — Гуань-ди, или, как его называли в народе, Лаоэ (т. е. просто «господин»). Культ отважного и справедливого военачальника дома Хань по имени Гуань Юй, который стал одним из главных героев популярного средневекового романа «Троецарствие», зародился в Китае в

древности, усилился в эпоху монгольского завоевания и пережил пору своего расцвета именно при маньчжурах. В 1652 г., через восемь лет после покорения Китая, маньчжурский император Шуньчжи пожаловал Гуань-ди титул «Верный, Справедливый, Отважный и Воинственный, Великий и Совершенномудрый император Гуань». Прозвища «совершенномудрый» до сих пор достаивался в Китае лишь один Конфуций. Маньчжуры, подобно тому как это в свое время сделали монголы, справедливо рассудили, что такого отважного полководца стоит переманить на свою сторону. К тому же тот по случайному совпадению носил типичную для окитаившихся маньчжуров фамилию Гуань. За короткое время храмы Гуань-ди стали самыми многочисленными в Китае и Маньчжурии. В бедных маньчжурских деревнях, где не могли возводить богатых построек,

ему устанавливали хотя бы *кумирни* — маленькие деревянные домики на высоких стояках с покатою крышей или навесом от дождя и наклеенным внутри портретом божества. Подобные кумирни воздвигались и другим персонажам китайской народной религии, менее избалованным официальным признанием, — Нянян (иногда в паре с кумирней Гуань-ди), Дракону-владыке Восточного моря (повелитель стихий), божеству оспы и многим другим.

Среди маньчжуров были распространены также гадательные книги даосского толка (наиболее популярной были китайские «Юй ся цзи» — «Записи яшмового ларца») и многие китайские народные суеверия. Некоторые профессиональные группы (например, собиратели женьшеня, ловцы жемчуга, охотники и др.) имели свои комплексы поверий, связанных с их деятельностью.

Тунгусо-маньчжурские народы

Народы Сибири, говорящие на языках тунгусо-маньчжурской группы, живут на огромной территории: эвенки заселяли некогда почти всю таежную Сибирь от междуречья Оби и Енисея на западе до побережья Охотского моря на востоке; эвены обитают в отдельных районах Магаданской и Камчатской областей, в Охотском районе Хабаровского края и на северо-востоке Якутии; негидальцы, нанайцы, ульчи, орочи и удэгейцы живут в Хабаровском и Приморском краях — в Приамурье и Уссурийской тайге, а ороки (ульта) — на Сахалине. Все эти народы до сравнительно недавнего времени не имели своей письменности, и потому сведения об их мифологии и верованиях известны в основном из материалов, собранных путешественниками, этнографами и фольклористами. Этнографические исследования, в которых теперь принимают активное участие и

представители самих этих народов, продолжают, принося порой новые и весьма интересные данные.

Разумеется, при таком широком расселении мифы и обряды этих народов и даже их отдельных групп существенно различаются. Но общим для всех тунгусо-маньчжурских народов Сибири был шаманизм, т. е. вера в духов, олицетворяющих различные природные сферы, и в шаманов — посредников между человеческим сообществом и этими духами. Само слово «шаман», широко используемое в научной литературе, заимствовано из эвенкийского языка (на северном Байкале известен был особый шаманский род — Шамагир).

Шаманы общались с духами посредством камланий (от тюркского слова *кам* — шаман). Этим термином ученые обозначают различные шаманские обряды, которые имели у этих народов свои специальные названия.

Во время камланий шаман, созвав своих духов-помощников, совершал символическое путешествие в тот или иной мир Вселенной. Например, в случае смерти детей или бесплодия женщины он отправлялся в мир нерожденных душ, где добывал душу ребенка и затем передавал ее бездетным родителям. Для обеспечения удачного промысла шаман должен был пойти к духу — хозяину тайги, добыть у него души-шерстинки зверей и разбросать их на охотничьей территории своего рода. В обрядах проводов души покойного он отправлялся в землю мертвых и просил тамошних обитателей принять умершего. Но чаще всего к помощи шамана прибегали в случае болезни; поскольку причиной ее считались козни злых духов, шаман выяснял, откуда явился злой дух, похитивший душу больного или вселившийся в его тело, отправлялся вслед за похитителем или выпроваживал незваного пришельца назад в его мир.

Для того чтобы удачно совершить свое космическое путешествие, шаман должен был знать пути, ведущие к тем или иным духам, а также свойства и склонности каждого из них. Своего рода картой Вселенной служил шаманский бубен, а у эвенков еще и специальный шаманский чум, символически воспроизводивший устройство мироздания, как его себе представляли шаманисты.

Вселенная (*буга, бува, боа, буа*) разделялась на три мира: верхний, находящийся над небом (входом в него служило «отверстие неба» — неподвижная Полярная звезда), средний — землю и нижний (в него вели расселины в земле и водовороты). Иногда каждый из этих миров делился еще на несколько слоев или областей, обитателями которых были духи различных рангов. У эвенков Центральной Сибири миры Вселенной соединяла воображаемая река: верхний мир располагался выше ее истоков, а нижний — в ее устье. Другим символом, соединяющим три мира, служило

дерево (*туру*), корнями уходящее в нижний мир, а вершиной — в верхний. В мифологии орочей Вселенная — это огромная лосиха, шерсть которой — леса, живущие в шерсти насекомые — таежные звери, а выходящие вокруг нее комары — птицы; когда лосиха переступает с ноги на ногу, происходят землетрясения. Хозяйка Вселенной (*бугады мушун, энекан буга*) представлялась то в виде самки лося или дикого оленя, то в облике старой сгорбленной женщины, ведающей душами людей и животных; иногда (у нанайцев, негидальцев, орочей, ульчей) это старец, который живет с женой и дочерью на небе.

Выше верхнего мира находятся солнце, луна, звезды. В разных вариантах представления о солнце и месяце различны: то это две старые женщины, то старики, то сестра и младший брат, то муж и жена. У эвенков солнце (*Дылача, Сигун, Юлтэн*) считалось подателем тепла и света; каждый день оно посылает младшего сына отнести берестяной факел к «отверстию неба», чтобы осветить людям средней земли. С осени оно плотно прикрывает свой чум, разводит костер и собирает тепло в огромный кожаный мешок, а весной вытряхивает тепло на землю, отчего в среднем мире начинают таять снега, вскрываются реки и наступает тепло. Весной просыпается и старик Агды — хозяин грома и молнии; когда он высекает кресалом огонь, на земле у людей слышатся раскаты грома. По другим версиям, Агды имеет вид многоликого пляшущего существа с медвежьей головой, человеческим телом и крыльями орла или облик птицы с огненными глазами, от полета которой происходит гром, а от сверкания глаз — молнии. Агды входил в число шаманских духов-помощников; считалось, что шаманы могли насылать Агды на чужой род (так, в частности, эвенки объясняли падение Тунгусского метеорита).

Небесный свод представлялся шкурой с отверстиями-звездами, меховым

ковром, брошенным на землю, или опрокинутым котлом. В других вариантах видимое с земли голубое небо считалось тайгой верхнего мира, в котором живет космический лось Хэглэн. Днем он уходит в чашу, и потому его не видно, а ночью выходит на вершины небесных хребтов и пасется там. Существует миф о том, как однажды этот гигантский лось (или лосиха с детенышем) похитил солнце, и богатырь-охотник (иногда его представляли в облике медведя) бросился его преследовать. Следы этой «космической охоты» остались на небе в виде созвездия Большой Медведицы и Млечного Пути — лыжного следа охотника; лосенок, который после выстрела охотника с перепугу метнулся в сторону и упал через отверстие неба (Полярную звезду) на землю, дал начало земным лосям (в других вариантах лосиха бросает на землю косточку недоеденного медведем лосенка, а сама уходит за море и превращается в мамонта).

У тунгусо-маньчжурских народов Дальнего Востока существует другой — южновосточноазиатский — вариант мифа о небесном охотнике. Когда-то на небе светило сразу три солнца, и потому жизнь на земле была невозможной: от ужасной жары вода в океане кипела, а земля находилась в расплавленном состоянии. Три солнца были тремя сестрами. Культурный герой по имени Хадау сбил выстрелами из лука два лишних солнца, убив старшую и младшую и оставив на небе среднюю сестру. После этого земля начала постепенно остывать, поверхность ее затвердела, сохранив неровности, которые образовались в клочущей массе; так возникли горы и долины. Позже Хадау создал животных, растения и людей, установил для них брачные нормы, научил добывать огонь и шить одежду, дал им собаку в помощники, создал первых шаманов (выковал их души на наковальне, а его жена вынянчила их в каменной люльке и отправила на землю).

Нижний мир находится под землей.

По мифам народов Приамурья путь в мир мертвых впервые проложил Хадау или его сын — первый умерший Манги. Манги был охотником на лосей (Млечный Путь — следы его лыж); внезапно он умер, и Хадау решил, что другие живущие на земле люди тоже должны умирать. Он открыл отверстие в земле, которое до этого было закрыто железным котлом, заменив его на дырявый, после чего души людей смогли уходить в мир мертвых (*бун*). Тем самым Хадау предотвратил перенаселение земли стариками; для нормальной циркуляции душ он добыл шаманские атрибуты и положил начало деятельности шаманов, которые с тех пор провожают умерших в бун. В мире мертвых умершие живут такой же жизнью, как и на земле: охотятся, ловят рыбу, строят жилища, шьют одежду. Для живого человека, случайно попавшего в бун, или для шамана, спустившегося туда во время камлания, она предстает страной, где солнце светит тускло, небо как туман, а земля как пар; все хорошее там превращается в плохое, а плохое — в хорошее (поэтому во время похорон все вещи, которые оставляли покойному — одежду, охотничье снаряжение, посуду и т. д., — специально рвали, разбивали, ломали). Живой человек в бун невидим для тамошних обитателей, его слова принимают за треск очага, а прикосновения оказываются столь же вредоносны для умерших, как и появление духа среди людей среднего мира; увидеть пришельца и отправить его обратно на землю может только шаман мира мертвых.

О создании среднего мира, где обитают люди, существует несколько версий. Согласно мифам творения эвенков земля сначала была очень маленькой и приняла современный вид после того, как мамонт Хэли и змей Дябдар осушили ее, выворачивая со дна моря песок, глину и камни, которые затем превратились в равнины, горы и утесы (в других вариантах

это происходит в процессе их драки). Затем оба они провалились под землю, став духами — охранителями входа в нижний мир (мамонт и змей вошли в число духов — помощников шаманов и занимали важное место среди их ритуальных атрибутов; изображения мамонта иногда имеют облик лося или даже рыбы с небольшими ножками и лосиными рогами; такие изображения ставили у входа в шаманский чум для охраны участников камлания от злых духов). По другим вариантам земля и все живое на ней возникло в результате деятельности двух братьев: старшего Харги и младшего Сэвэки (или Экшери). Вначале была только вода, и Сэвэки достал со дна немного земли (или это сделали по его указанию птицы — гагара и гоголь либо лягушка). Сэвэки положил землю на поверхность воды и заснул; старший брат, желая уничтожить землю, стал вытаскивать ее из-под брата, но лишь растянул ее настолько, что она приняла современные размеры. Создав камень и дерево, Сэвэки велел им расти, но они, заспорив, кто будет выше, грозили подпереть небо; тогда Сэвэки смахнул рукой лишнее, и с тех пор скалы осыпаются, а переросшие деревья сохнут с вершины. Братья изготовили фигурки животных (Сэвэки сделал полезных человеку, съедобных, а старший — вредных). Вылепив из глины и камня изображения людей, Сэвэки оставил их под присмотром помощника (ворона, собаки или медведя), а старший брат уговорил караульщика, соблазнив его пищей или теплой одеждой, показать ему изваяния. Получив доступ к фигуркам, Харги плюнул на них (дунул, разбил), из-за чего люди стали смертными. После окончания творения Сэвэки удалился в верхний мир, оставив людям заветы и продолжая следить за их поведением через своих помощников; он заботится о благополучии людей, охраняет здоровье домашних оленей, посылает охотникам зверя, оберегает от болезней.

Харги, напротив, после ссоры с Сэвэки ушел в нижний мир и посылает на землю злых духов, которые мешают людям охотиться, приносят болезни, крадут души людей и т. д.

Сама жизнь людей и животных возможна только в том случае, если у них есть душа. Правда, применительно к шаманским верованиям термин «душа» не вполне точен. Это скорее некая витальная субстанция, жизненная сила (*оми, омия*) или обозначение образа человека, его тени, отражения в воде (*ханянь, панянь*). До рождения ребенка души-оми как символ потенциального пополнения живущего поколения людей обитают в виде птичек на ветвях мирового дерева, растущего во владениях старухи Омсон-мама (нанайцы), в истоках мировой реки *энгдекит* (эвенки Енисея); эвенки-орочены помещали души-оми на звезде Чалбон (Венера), вся территория которой разделена на участки, где на лиственницах в многочисленных гнездах обитают оми (оми простых людей выглядят как птенцы синичек, а оми будущих шаманов — как птенцы перелетных птиц: орлов, лебедей, гавар, куликов и т. д.); орочи считали, что оми пребывают на луне и находятся на попечении одной из двух старух: «тигровой» (души людей и животных) и «медвежьей» (души людей). Из мира нерожденных душ оми попадают на землю в виде птичек, хвоянок или пушинок, гриба-дождевика и т. д.; попадая в женщину, оми дает начало жизни ребенку. Считалось, что, когда умирал ребенок до года, его душа не шла в мир мертвых — буни, а возвращалась в мир нерожденных душ и могла через некоторое время вновь вселиться в мать. Душа-панянь (*ханянь*) появляется у человека в момент рождения и сопутствует ему в течение жизни (по вариантам она появляется у ребенка, когда он начинает ходить и разговаривать). Внешне панянь — точная копия человека, в солнечную погоду ее можно увидеть (в виде тени, отражения в зеркале и т. д.); во время сна

панян может покидать тело и удаляться на большие расстояния, что и вызывает сновидения (поэтому спящего нельзя было резко будить, чтобы панян успела вернуться). Панян могла быть похищенной злым духом (в том числе духом умершего или духом — помощником враждебного шамана), что вело к болезни человека. В этом случае приглашали шамана, который отыскивал панян, забирал ее у духов путем уговоров, задаривания или силой и водворял ее в тело пациента. Души животных помещались в той части тела, которая участвовала в добывании средств к жизни: у оленя — в резцах, у пушных зверей — в носу, у медведя — в лапе и т. д. Если животное умирало от старости или было убито с соблюдением правил охоты, его душа возвращалась на небо и могла дать начало новому циклу его жизнедеятельности.

Важное место в мифологии тунгусо-маньчжурских народов Сибири занимали духи — хозяева различных природных сфер и местностей. Число их очень велико. Главная роль среди них принадлежала духам гор, лесов, водной стихии.

Успех в охотничьем промысле зависел от духов неба, гор, тайги, а также от специальных духов, покровительствующих промыслу. У эвенков дух — хозяин промысла, покровитель охоты и диких зверей известен под разными именами (Синкэн, Хинкэн, Байянай и др.). Местом его обитания считались долины и хребты, богатые зверем; иногда его помещали на нижнем слое неба. Как правило, он имеет антропоморфную внешность, но ездовыми животными или собаками ему служили тигры, медведи и т. д. В ряде мифов и мифологических сказок он предстает в облике молодой женщины, приходящей к охотнику в шалаш; от ее расположения зависит удачливость охотника. Дух — хозяин зверей любит тишину: охотники, собираясь на промысел, старались не говорить о добыче, чтобы он не услышал; во время сборов на охоту следили, чтобы

дети не шумели. Он требовал бережного отношения к животным: нельзя было убивать слишком много зверей, мучить их, ловушки надо было ставить так, чтобы они мгновенно убивали попавшего в них зверя.

У народов Приамурья дух — хозяин гор, скал и рек Калгама ведал пушным зверем и рыбой. Его представляли в виде великана с остроконечной головой, двупалыми руками и длинными ногами, оканчивающимися лосиными копытами. По одним вариантам эти духи живут целыми племенами в горных ущельях; спускаясь с гор, они похищают людей, воспользовавшись их неосторожностью, наказывая за нерадивое отношение к дарам леса. Существуют многочисленные рассказы о том, что Калгама владеет охотничьей сумочкой, в которой хранятся шерстинки — души промысловых зверей. Получить эту сумочку, а вместе с ней силу, охотничье везение и богатство удастся охотнику, вступившему с духом в единоборство. В других вариантах завладеть талисманом охотнику помогает его собственная жена, к которой дух повадился ходить в отсутствие мужа: однажды он забыл у нее свою сумку с шерстью, вернулся за ней, но женщина не отдала ее, сунув Калгаме в руки раскаленное железо; с тех пор жена тщательно хранила талисман, а ее мужу неизменно сопутствовала удача на охоте.

У народов Приамурья дух — хозяин тайги представлялся также в облике тигра — дусэ. Так, у орочей дусэ *эдени* (дух — хозяин тигров) считался помощником верховного божества (*буа*). Его представляли в виде старика, живущего в таежном жилище вместе с женой и дочерью; в роли собак и посыльных им служили обыкновенные тигры. У орочей, нанайцев, удэгейцев существуют многочисленные мифы и предания о происхождении отдельных родов от тигра и о приобретении постоянной промысловой удачи теми родами, предки которых оказали тигру услугу.

Особым почитанием у всех тунгусо-маньчжурских народов Сибири был окружен медведь. Считалось, что это не просто промысловый зверь, дающий охотникам мясо, жир, шкуру, но и могущественный хозяин тайги, ведающий всеми остальными обитателями в лесу животными. Добыча и поедание медведя сопровождалась сложным церемониалом, именуемым «медвежьим праздником». При извлечении зверя из берлоги охотники прибегали к особым иносказательным выражениям, чтобы замаскировать свои истинные намерения; той же цели служило подражание охотников карканью ворона (обращаясь к добытому медведю, они говорили: «Это не мы тебя убиваем, а ворон»); после торжественной коллективной трапезы кости и череп медведя бережно водружали на дерево или на специальный помост. Все это делалось для того, чтобы продемонстрировать торжественный прием и пышные проводы медведя назад в мир природы. Считалось, что, вернувшись туда, он возродится в новорожденном медвежонке и, помня о внимательном к себе отношении людей, вновь захочет прийти к ним (т. е. вновь станет добычей охотников). На Дальнем Востоке у ульчей, орочей и ороков бытовал другой вариант медвежьего праздника (вероятно, заимствованный от айнов и нивхов). Для его проведения медвежонка выращивали в поселке в клетке-срубе, а затем торжественно убивали на специальной ритуальной площадке; полагали, что таким образом он «уходит» к «таежным людям» — медведям и в благодарность за гостеприимство обеспечит людей их расположением и дружбой.

Покровителями рыбной ловли и морского зверобойного промысла считались духи — хозяева водной стихии *тэму эдени*. В мифах народов Дальнего Востока духи воды обычно предстают в виде супружеской четы — антропоморфных старика и старухи, которые живут далеко в море и управляют состоянием морской

поверхности, всеми морскими обитателями и водной растительностью. От их расположения или нерасположения зависят успех охоты на морских животных и количество рыбы в реках: чем больше рыбы выпускают они из озера, находящегося в их морском доме, тем обильнее ее ход в реках (или в рыбу превращается чешуя, которую хозяйка водной стихии бросает в море). Для обеспечения расположения Тэму весной и осенью перед началом рыболовного промысла устраивались обряды «кормления воды»: в воду опускали ритуальные блюда с угощением из ягод, каши, травы, табак и т. д. Помощниками или сородичами духа — хозяина водной стихии были косатки: по приказу Тэму они гонят на берег стаи рыб, нерпу, тюленей, облегчая людям охоту и рыбалку.

Особым почитанием пользовался дух — хозяин огня и домашнего очага (*подя, пудя, того мусун* и др.). Эвенки и нанайцы представляли его в облике очень старой женщины, эвены считали мужчиной (огонь-отец), а орочи населяли очаг целым семейством: это старик, его жена, дети и собака. Огонь был главной домашней святыней. Он обладал силой изгонять злых духов (им очищали жилище, охотничье снаряжение, перед камланием окуривали шаманские атрибуты), способствовал благополучию хозяйственной деятельности (удачной охоте, здоровью оленей и т. д.), предупреждал о предстоящих событиях (по треску горящих дров, вспышке пламени, отскочившему угольку, направлению полета искр гадали о предстоящих событиях). Почитание огня выражалось в многочисленных запретах: нельзя было бросать в очаг острые предметы или рубить дрова слишком близко от костра, чтобы не поранить духа, проливать воду, плевать и т. д. Перед трапезой огонь обязательно «кормили», бросая в пламя кусочки еды. Охотники в тайге также обязательно угощали огонь, прося послать зверя, так как успех в промы-

сле зависел от него не меньше, чем от духа — хозяина охоты (считалось, что подя идет впереди охотника, и если он поймает душу зверя, тот станет добычей человека).

Многочисленные злые духи, как правило, не имеют собственных имен: обычно для них, как и для духов различных болезней, существуют групповые названия. Злые духи обитали в самых различных местах — в тайге, по берегам рек, в горах, в заброшенных жилищах и поселках. Они мешают людям на промысле, нападают на одиноких путников и убивают их, принося всякие несчастья, а вселяясь в людей, вызывают болезни и смерть. Они невидимы, но могут принимать облик различных животных и предметов или менять обличье в зависимости от обстоятельств.

Другая категория злых духов ведет свое происхождение от людей, умерших неестественной смертью. Оказавшись оторванными и от своих живых сородичей, и от сородичей, пребывающих в мире мертвых, они завидуют и всячески вредят людям: охотятся за живыми, подстерегают их у могил, где гложут кости трупов, забираются в дома и, дождавшись ночи, нападают на спящих, высасывают у них кровь и мозг, выклеивают глаза. Вселившись в человека, они доводят его до полного истощения. Изгнать их можно только с помощью шамана; для их отпугивания над входом в жилище вешали защитные амулеты.

Злые духи боятся грозы и прячутся от нее в деревьях, но гром убивает их, и тогда под деревьями, разбитыми молнией, остаются «громовые камни». Для изгнания злого духа, забравшегося в тело больного или в жилище, изготавливали фигурку из дерева или травы, в которую шаман заманивал его, а затем, засунув в сеть или мешок, уносил из жилища подальше в лес. В сказках злые духи изображаются как великаны-людоеды, которые похищают людей; они способны

превращаться в различных зверей и птиц, обладают огромной силой, могут перемещаться по воздуху и т. д.

Особые духи-помощники были у шаманов (*аями, сэвэны* и др.). Именно благодаря им шаманы могли противостоять злым духам и вступать в контакт с духами-хозяевами, перемещаться в различные миры и т. д. Изображения шаманских духов украшали шаманский костюм, их ставили на ритуальной площадке во время камланий. Они были наделены способностями понимать речь шамана, отвечать ему, выполнять его поручения. В промежутках между камланиями они находились на притоках шаманских рек, на сопках, островах, священных урочищах и т. д. На зов шамана каждый из них шел своей особой дорогой — ночной, полуденной, верхней или нижней (обычно шаман в пении описывал эти дороги, а их изображениями служили жгуты и веревки, привязанные к шаманскому облачению). Знание этих дорог облегчало шаману созывание духов-помощников, которое составляло первую обязательную часть любого камлания. Функции духов-помощников распределялись в зависимости от целевого назначения обряда: розыски души больного по воздуху поручались птицам, по воде — рыбам; в проводах души покойного в мир мертвых шаману помогали рыбы, олени, собаки и т. д.; переноску шамана, когда он сам отправлялся в путь, осуществляли гагары, орлы, чайки и др., иногда фантастические птицы (по воздуху), таймени (по воде), лоси, медведи, тигры (по суше). Наряду с общеизвестными мифологическими персонажами в число шаманских духов входили и те, которые перешли к шаману от его предшественника, духи его шаманских предков, а также духи, созданные его индивидуальной фантазией (например, найденные при необычных обстоятельствах предметы расценивались как вместилища духа).

Палеоазиатские народы

Палеоазиатскими народами (или северо-восточными палеоазиатами) называется чукотско-камчатская группа народов — чукчи, коряки и ительмены.

Вселенная, согласно мифологическим воззрениям палеоазиатов, включает верхний, средний и нижний миры; верхний и нижний миры у чукчей иногда разделены еще на пять, семь или девять слоев. Одновременно бытует представление о неопределенной множественности миров; живущие в одном мире умирают при переходе в другой. Верхний мир («облачная земля») населен «верхним народом» или «народом рассвета». Полярная звезда — это кол, к которому, как олени, привязаны другие звезды. Звезды и созвездия часто представляются людьми. Например, Арктур — предводитель звезд. Алтаир-Тараред из созвездия Орла — существо (Пегитген), которое раньше было родоначальником племени, Орион (Рульттегнын) — горбатый стрелок из лука, а созвездие Льва — его жена и т. д. Солнце — богатый ездок на белых оленях, а Луна — солнце злых духов. В корякской и ительменской мифологии большую роль играют «облачные люди» (их иногда считают детьми творца), которые называют людей на земле «нижними жителями». Согласно чукотским представлениям на небе в некоторых местах обитают определенные категории умерших; коряки считают, что одна из душ поднимается после смерти на небо к верховному существу, а другая душа (тень) через погребальный костер отправляется в нижний мир. В преддверии царства мертвых, где обитают «люди ранних времен», находится мир собак, с которыми, проходя этот мир, душа должна быть ласковой. Злые духи, съедающие души, также обычно обитают в нижнем мире.

По чукотским представлениям на краю горизонта имеются проходы

между скалами (поддерживающими небо?), которые то размыкаются, создавая ветер и пропуская перелетных птиц, то смыкаются. Неподвижная Полярная звезда мыслится также в качестве сквозного отверстия через все миры (герои прилетают на небо на орле или громовой птице; варианты: добираются по солнечному лучу, по дыму костра, по нитке от иголки, воткнутой в небо).

Верховное небесное божество («некто наверху», «верхнее существо», «творец», «громовик» и т. д.) олицетворяет космический порядок в целом и покровительствует людям, но редко прямо вмешивается в их жизнь. Одной из функций небесного хозяина было, согласно старинным корякским верованиям, препровождение душ умерших родственников в чрево матери. Иногда небесное божество отождествляется (у чукчей) с «оленим существом» (*коравагыргын*), которое следит за стадом и ассоциируется с определенным амулетом. У коряков небесное божество является объектом культа прежде всего в контексте оленеводческих праздников. Одновременно небесное божество ассоциируется также с рассветом, полднем, зенитом или прямо с солнцем. Чукчи относят к числу «верхних (небесных) существ» (*вагыргын*) 22 «направления», в том числе зенит (вершина, среднее существо), полдень, солнце (отчасти отождествленное с полднем), надир (отождествленный с тьмой и полночью), Полярную звезду. К «существам» причисляются также мухоморы, считающиеся особым «племенем». Мухоморы — источник наркотической ритуальной еды — играют большую роль в мифологии и религии палеоазиатов. О «мухоморных девушках», соблазняющих и уводящих охотников, рассказывается, например, в ительменских сказках.

Духи-хозяева трудно отделимы от богов и шаманских духов, особенно у

ительменов. Творцом и хозяином моря у ительменов является Утлейгон, но гораздо популярнее рыбообразный морской бог Митг, посылающий рыб в реки, — своего рода хозяин рыб. Хозяином земных зверей у ительменов является Пилячуч — маленький человечек, живущий в облаках и выступающий также как громовник. Он носит росомашью парку и ездит на птицах (главным образом на куропатках), связан с «облачными духами» (*камули*, *камуда*). В качестве хозяина зверей, в первую очередь диких оленей, ему соответствует корякско-чукотский Писвустын. Он также маленького роста, питается запахом и сам ассоциируется с птицами или мышами. Прибрежные чукчи считают, что его власть распространяется и на морских зверей. Вообще же у чукчей хозяином морских зверей считается Кереткун, образ которого почти совпадает с эскимосским Касаком. Кереткун и его жена имеют черные лица и особые головные повязки, носят одежду из кишок морских животных, питаются трупами утопленников и помогают против злых духов. Кереткуну-Касаку посвящены осенние праздники чукчей и эскимосов. Более смутное представление о хозяине моря засвидетельствовано у коряков. Он иногда имеет вид краба или морского животного. Хозяйка моря иногда отождествляется с хозяйкой погоды.

Для северо-восточных палеоазиатов характерны образы, в которых сливается природный объект и его «дух»: великан с края земли, который производит холодный ветер, встряхивая снег лопатой; старуха — хозяйка ветров, встряхивающая снег с жилища; громовая птица, создающая гром шумом крыльев; молния в виде одноглазого человека и т. д. В чукотской демонологии, отчасти совпадающей с эскимосской, имеется целый ряд существ, занимающих промежуточное положение между духами — хозяевами земли и сакрализованными животными, например косатка, прев-

ращающаяся летом в волка, или восьминогий костяной белый медведь Кочатко (эскимосский Агдлак), чудовищные горностай, тритон; в заклинаниях упоминается космическая рыба времен творения — Канайольгын.

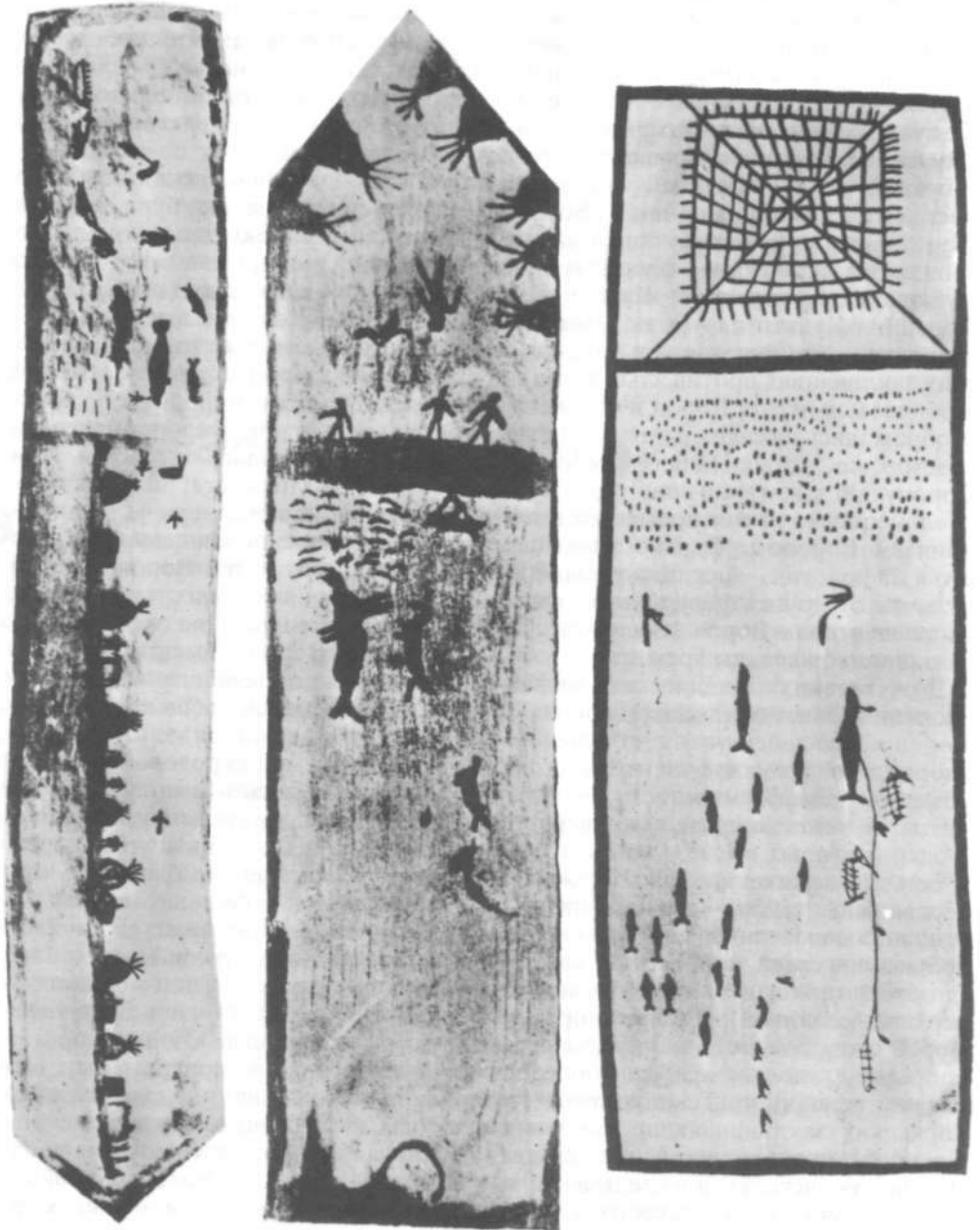
Собственно злые духи, несущие болезнь и смерть (корякские *кала*, *нинвит*, редко *камак*, чукотские *кэле*, иногда *тейнгычит*, т. е. «убийцы», ительменский *Кана*), живут под землей или в пустынных местах на западе (но не на море); они проникают в очаг с левой стороны через дымовое отверстие, вызывают болезни стрелами, кусают, похищают души людей. Эти духи имеют вид животных или людей с острыми головами (иногда многоголовых), одноглазых, с длинными зубами и ногтями и т. п. Их жизнь под землей мыслится в обратной симметрии по отношению к жизни людей на земле (например, когда на земле светло, у них темно, меняются местами «левое» и «правое» и т. д.). У них черные собаки и медведи в роли собак. В чукотскую демонологию входят также чудовища *реккен*, они живут в полуземлянках и охотятся на людей (но не являются носителями болезней).

Шаманские духи у ительменов небольшого роста, черного цвета, их место обитания — горные сопки. Коряки и чукчи называли шаманских духов *анан*, чукчи — *янра кэлъет* («отдельные духи»). В их представлении они имеют вид животных (волк, медведь, ворон, орел, чайка, морж, кит и т. д.) или домашних предметов (котелки, молотки, иголки, ложки и т. д.).

Особую категорию составляют духи-охранители, изготовленные в виде фетишей, амулетов-заместителей (идолов, болванчиков). Чукчи и коряки часто называют охранителей — «деревянный дух». Главным из них является деревянный прибор для добывания огня, имеющий антропоморфные черты и считавшийся хранителем очага и оленьего стада. Имелись также охранители лодки, сетей,

детей, целые связки семейных охранителей в виде деревянных мужчины, женщины и их детей. Кроме того, охранителями мыслилась сама лодка, а также лестница в корякской землянке («старуха»). В роли защитников

семейства и селения выступали, во всяком случае у коряков, также предки — первожителю селения — объект особого культа «дедов» (*анпа-пилей*). Промысловые морские животные (кит, нерпа и т. д.) явля-

Рисунки на дощечках, употреблявшихся на праздниках. Чукчи

ются объектами промысловых культовых праздников; охота представляется приходом промыслового зверя «в гости» и вместе с тем его временной смертью, за которой следует «отсылка» его в море и последующее воскресение, оживление и грядущее возвращение.

Центральным, активным и, возможно, древнейшим персонажем мифологии палеоазиатов, главным героем мифов творения у чукчей и всего повествовательного фольклора у коряков и ительменов является первопредок — культурный герой и мифологический озорник Ворон (Кутх у ительменов; Кутхи, Куйки, «большой всрон» — Куткыннюк, Куйкыннюк у коряков; Куркыль у чукчей). Культовая роль Ворона невелика — он фигурирует в шаманских заклинаниях против злых духов и в обрядовых играх; Ворон и его жена изображались на сакральной лестнице в землянке, коряки апеллировали к Ворону при зажигании нового очага, у ительменов во время праздника кита кричали Вороном. Однако значение его в мифологии — исключительно. В отличие от других фигур палеоазиатского пантеона Ворон специфически связан с мифическим временем.

В чукотских архаических мифах творения («вестях начала творения») Ворон часто действует по поручению творца, но практически именно он создает рельеф местности, собак, китов, тюленей, оленей, птиц, первых людей (которых он же учит говорить и есть мясо животных), их одежду и деревянный снаряд для добывания огня. Главный подвиг Куркыля — добывание света и небесных светил (до этого они существовали только в верхней вселенной). В мифах коряков Ворон представлен не творцом, а первопредком, но он фигурирует под именем творца (Тенантомван) в корякских заклинаниях против злых духов. И первопредком, и творцом Ворон предстает в ительменских мифах: Кутх вместе с сестрой либо спустил землю с неба, где и сам

раньше находился, либо сотворил ее из своего сына Сымскелина; горы и долины на Камчатке — следы его пребывания там. Сотворение животных, изготовление первой лодки, вязание первой сети из крапивы — дело рук его сына Тыжил-Кутху.

В фольклоре палеоазиатов, особенно у коряков, Ворон побеждает злых духов шаманскими силами и хитростью, как могучий шаман защищает от них свое семейство, «своих» от «чужих», людей от не-людей (духов). Такой же шаманский характер имеют успокоение им бури, победа над ветрами и некоторые трюки по добыванию пищи у оленеводов. Его шаманскую нарту иногда возят мбиши — черта, сближающая его с Писвусьном. В качестве идола и шаманских духов Ворон использует порой части своего тела. В фольклоре коряков и ительменов Ворон обрисован патриархом большого семейства. Имя его жены — Мити, старшего сына — Эмемкут, старшей дочери — Тинианавыт (ительменское Синаневт). Число и имена других детей Ворона сильно варьируются в разных местностях. Корякско-ительменские сказки о браках детей Ворона имеют характер мифа о возникновении начал социальной организации общества. Дети Ворона отказываются от брака внутри своей семейно-родовой группы, от брака с бесполезными существами ради брака с существами, представляющими природные силы, от которых зависит хозяйственное благополучие. Для Эмемкута желанная невеста — это женщина-трава (или черемша и т. п.), символизирующая весеннее обновление природы, или женщина — белый кит (вариант — женщина-улитка), пригоняющая своих морских родичей под удар гарпуна мужа, или облачная женщина, или сама хозяйка погоды. Желанные женихи для Тинианавыт — это дети хозяина неба, облачные люди, от которых зависят погода и семейное благополучие, морской промысел и рыбная ловля. За

таким счастливым браком часто следует описание удачной охоты и китового праздника, ритуально обеспечивающего оживление убитого кита и появление новых китов для охоты. Мифы о брачных приключениях сыновей и дочерей Ворона как бы дополняют мифологические анекдоты о самом Вороне. В то время как сыновья Ворона уходят на охоту на диких оленей, сам Ворон пытается раздобыть пищу (иногда из несъедобных отбросов), изменить жене с дочерью богатых оленеводов, лисой, женщиной-лососем, пытается присвоить семейные запасы пищи, притворившись мертвым и поедая ритуальную еду, и т. п. Однако все эти трюки Ворона, направленные против «своих» и нарушающие родовые нормы поведения, обычно провалива-

ются, жена торжествует над ним, а голод сменяется изобилием благодаря удачной охоте сыновей.

В сказаниях, мифологических сказках и анекдотах о Вороне и его народе (семействе) как бы сфокусирована вся палеоазиатская мифология, а в его образе наиболее отчетливо проявились некоторые ее общие черты, роднящие палеоазиатскую мифологию (одну из наиболее архаичных в Азии) с другими архаическими мифологическими системами: совмещение человеческой и звериной (в данном случае птичьей) природы, легкость всевозможных превращений, перемещений и подмен одних существ другими, дробления тела (человеческого, звериного) на качественно однородные части и др.

Эскимосы и алеуты

Эскимосы — самый северный народ Америки — живут рассеянно на огромном пространстве от Берингова пролива (небольшая их часть населяет побережье Чукотки) до Гренландии. При том, что общность языка и культуры эскимосов несомненна, выделяются две большие группы (по некоторым классификациям — три): восточные (Гренландия, Баффинова земля, Лабрадор, Квебек, и те, что проживают на территории от Гудзонова залива до реки Коппермайн); западные (от дельты реки Маккензи до Аляски и Чукотки). Язык алеутов, живущих на Алеутских островах и полуострове Аляска, входит в так называемую эскалеутскую группу, но все диалекты (языки) эскимосов ближе друг к другу, чем к алеутскому. Основное традиционное занятие и эскимосов и алеутов — охота на морского зверя и собирательство. Эскимосы Канады в последние годы приняли самоназвание квебекской группы «инуит»; у западных же эски-

мосов это самоназвание употребляется главным образом среди политических деятелей.

Мифология и религия этих народов обычно рассматриваются как единые по своему строю. Различаются только персонажи, имена, но вера в то, что все силы природы, существа и даже предметы одушевлены — общая и для алеутов, и для эскимосов (с той оговоркой, что о традиционной религии алеутов, принявших православие уже в XVIII в., мы знаем очень мало). «Хозяева природы», духи или божества, чья задача — поддерживать в мире порядок и равновесие, считаются нейтральными либо расположенными к людям; человек сам разрушает гармонию мира, нарушив какие-либо моральные предписания. Все эскимосы и алеуты разделяли также веру в бессмертие души, непрестанно перевоплощающейся.

У этих народов нет мифов со сложным сюжетом, повсеместно распространены короткие рассказы, различающиеся от поселка к поселку.

Общий фонд сюжетов и персонажей невелик.

О строении мира имеются разные мнения. Чаще всего признавалось деление Вселенной на три уровня: верхний, в который входят несколько небес (от 1 до 5), расположенных одно над другим; наша земля, покоящаяся на одном центральном либо четырех по краям столбах; подземный мир. У инуитов Квебека небо считалось твердым куполом, опирающимся на плоскую землю. Гренландские эскимосы верили (XVIII в.), что небо держится на крутой высокой горе или столпе и вертится вместе с солнцем, луной и звездами.

О большинстве космических сил в мифах эскимосов и алеутов не говорится подробно. Сведения о северном сиянии, например, ограничиваются уверенностью, что это духи (иногда — ребята) играют на небе с черепом моржа вместо мяча. Впрочем, для некоторых это духи моржей играют человеческим черепом. Переливы сполохов показывают перебежки игроков. Млечный Путь — это след от лыж Ворона, когда он ходил над землей, создавая людей. Плеяды зовутся «лисиčky» и являют собой группу щенят лисы или песка, а пояс Ориона — «большая растяжка», аналогичная той, на которой люди растягивают и сушат ремни из шкур. Звезды, по верованиям эскимосов, живут на первом, ближайшем к земле небе: они одновременно и духи, и звезды-светила. По одному из мифов это одноглазые люди, которые лежат ничком и смотрят на Землю сквозь дыры в небе. Гром и молния считаются двумя сестрами, жившими в давние времена, «когда люди не воровали». Но они украли что-то и убежали из дома. Перепробовав превращения в разных животных, они решили стать громом и молнией, самыми неуязвимыми из существ.

Такое очеловечение стихий, природных явлений очень характерно. Видно оно и в популярном, одном из самых распространенных мифов о

солнце и луне. В подавляющем большинстве вариантов Солнце прежде было девушкой, а Луна — ее братом. Брат влюбился в сестру и посещал ее ночью в темноте, так что она не знала, кто к ней приходит. Чтобы узнать это, однажды девушка напачкала ладони золой и ночью измазала лицо любовника. Узнав наутро, с кем она проводила ночи, она в ужасе убежала из селения. Брат преследовал ее, и они убежали так далеко, что поднялись на небо и стали светилами. Луна светит тусклее Солнца, так как ее лицо все еще в золе. У инуитов встречается поверье, что Луна благосклонна к людям и дает им плодородие.

Извержения вулканов и землетрясения приписываются ссорам между вулканами за первенство либо битвам подземных невидимых жителей.

Плавания и охота между прибрежных скал и айсбергов вызвали к жизни образ, аналогичный Симплегадам греческого мифа: есть утесы, которые сдвигаются, если между ними проходит байдара, и стремятся раздавить лодку и людей.

О происхождении мира и всех живущих у эскимосов и алеутов также не было единого мнения. У большинства из них существует миф о первоначальном потопе, после которого из воды поднялась суша (или — у эскимосов нижнего Юкона — вырос на водах толстый лед). Мир был темен, но Ворон стал каркать «кау, кау» («свет, свет»), и стало светло. Затем (вост. Гренландия) с неба сошел некий человек, и от него забеременела Земля; их потомки заселили мир. У тихоокеанских эскимосов рассказывалось, что с неба на землю спустился огромный нерпичий пузырь (повсеместно это вместилище жизненной силы), а в нем — мужчина и женщина. Они раздували своим дыханием пузырь, пока он не стал Вселенной; там, где они растягивали его руками и ногами, стали горы; мужчина рассеял свои волосы — так появились деревья; моря же возникли из мочи женщины, а озера и реки — из ее плевков. Женщина

вынула у себя зуб и отдала мужчине; тот сделал из зуба нож, настрого щепок и бросил в реки — те стали рыбами. Эскимосы реки Маккензи утверждали, что бобер создал двух братьев — первых людей. Один стал предком жителей реки Маккензи, другой — всех иных западных эскимосов. В представлениях же большинства эскимосов и алеутов люди происходят или от собак, за несколько поколений изменивших облик на человеческий, или от брака человека и собаки. Иногда творцом мира и людей выступает Ворон. Восточные эскимосы говорили, что в первые века детей рождали не люди, а Земля; их и подбирали прямо на поверхности Земли. Те, что были ленивы и не отходили далеко от поселка, находили девочек, те же, кто заходил подальше, — мальчиков.

Первые люди жили охотой. Смерти не было, и потому жизнь прискучивала; когда появились удовольствия, страдания и смерть, тогда жизнь обрела смысл.

Русский мореплаватель Г. А. Сарычев записал в XVIII в. алеутское предание о возникновении смерти. Прежде ослабевшие от старости люди шли на какую-то гору и бросались с нее в озеро, откуда выходили омоложенными. Бог-творец полюбил земную женщину и женился на ней, но когда она упрекнула его в том, что он создал на Алеутских островах много гор, но не покрыл их лесом, он рассердился и убил ее брата. С тех пор люди узнали, что такое смерть.

При том что посмертное существование признавалось в основном таким же, как и на земле, общего мнения о том, кто идет на небо, а кто под землю, не было. Большинство восточных эскимосов считали, что погибшие насильственной смертью, хорошие охотники, татуированные женщины, а также женщины, умершие в родах, уходят или высоко в небо, или глубоко под тундру, или на морское дно, где живут в довольстве. Олени и птицы там гораздо большего размера,

чем на земле, и есть зверь с 6 (вариант — 10) ногами, чье мясо, съеденное трижды, нарастает на костях. Под землей даже лучше, чем на небе: там, как на побережье, есть много и морского зверя и ягод. Ленивые же охотники после смерти живут неглубоко под землей; зверя там мало, они вечно голодны и унылы, пища их — только бабочки. В то же время эскимосы Лабрадора верили, что погибшие, самоубийцы, умершие от голода или при родах и вообще все, кто соблюдал обряды, идут на небо с северным сиянием, а остальные идут под землю, где гораздо скучнее. Тот свет, верхний и нижний, находится от нашего на расстоянии 5 дней пути (или 3) — обе цифры вообще играли значительную роль в поверьях эскимосов: столько же дней, например, длились обряды с головой убитого моржа,местилищем его души.

Мифы о происхождении людей от животных выражают еще одну идею, общую для всей мифологии эскимосов и алеутов: способность к перевоплощению. Звери — это те же люди, только имеющие другой вид. И обратно: звери видят людей в образе животного, птицы и т. п. У эскимосов Аляски недавно был услышан рассказ о том, как родители послали сына жить среди нерп — те имели в глазах мальчика человеческий облик, — чтобы он изучил все их повадки и стал умелым охотником. Нерпа-учитель показала мальчику приближающуюся к ним птичку и объяснила, что это охотник, который сейчас их убьет, — всех охотников нерпы видят в птичьем облике. В мифе эскимосов чугачей и эскимосов с востока Канады человек превращался в морских и наземных животных; когда он захотел опять стать человеком, то дал охотникам поймать себя и вернул первоначальный облик. Все же в конце концов он решил окончательно превратиться в нерпу, так как те много спят.

Эта же идея всеобщей трансформации лежит в основе распространенных

мифов о браке человека и животного. Наиболее известен сюжет о девушке, не желавшей выходить замуж. Отец проклял ее, пожелав ей иметь мужем пса. Вскоре их же пес стал приходить к ней по ночам (в варианте западных эскимосов тогда он принимал человеческий облик, но носил амулет из собачьих клыков). Узнав об этом, отец переправил ее на безлюдный остров и оставил там. Она родила щенят (в большинстве вариантов — пять). Муж-пес переплывал пролив и доставлял им в корзине еду. Отец однажды нагрузил корзину камнями, и пес утонул. Дочь уснула своих детей в море одних на лодке, сделанной из стельки сапога (эти щенки — предки белых людей); других — на лодке из подошвы (от этих произошли индейцы). К этому сюжету иногда присоединяется другой, по которому ту же девушку берет замуж морская птица, прибывшая за ней в образе человека.

Таким образом, предками и людей и разных народов повсеместно признавались животные. Но идея единства человека и животных выражалась также и в мифах, повествовавших о происхождении животных от людей. В одном из рассказов, например, девушка, жившая в начальные времена, последовательно рожала (не говорится, от кого) рыб, морских и назем-

ных зверей. Встреченный ею впоследствии человек-звезда, взявший ее в жены, объяснил, что люди должны питаться собственными детьми — животными. В мифе о хозяйке морских зверей, нередко соединенном с мифом о девушке — жене пса, отец бросает ее с лодки в море, а когда она хватается за борт, последовательно отрубает ей суставы пальцев, которые и превращаются в нерп, лахтак, моржей, рыб.

В мифологии инуитов Квебека древние люди и животные были подобны друг другу, говорили на одном языке, их обычаи мало различались. Они превращались в разных зверей, надевая и снимая разные шкуры. В сущности, то же представление проявляется и в позднейших обрядах, когда исполнитель пляски надевает шкуру или маску (в текстах мифов достаточно опустить на лицо маску, чтобы стать соответствующим зверем или птицей, достаточно ее поднять на затылок, чтобы опять стать человеком), подражает движениям животного — в глазах других участников он становится этим животным; сняв шкуру, он возвращает себе человеческий облик.

В основе веры в единство всего живущего, очеловечивания природы у эскимосов и алеутов лежит концепция души, близкая к понятию анимизма. Душой обладает каждый предмет, животное, человек, но только у человека и собаки есть несколько душ. Главная (а для большинства единственная) душа, придающая индивидуальность, называется *инуа* (в словословном переводе — «его хозяин»), во множественном числе — «инуит», откуда пошло самоназвание эскимосов Квебека, распространяющееся постепенно на другие группы этого народа. Она, как считается, имеет вид тела, в котором живет, но гораздо меньшего размера. Ею определяются мысли, сила, жизнь. В древности, считают восточные эскимосы иглулик, охотникам было легче кочевать, так как у каждого дома была своя *инуа*, и

Хозяйка морских зверей. Эскимосский рисунок.

она переносила дом с людьми по желанию в любое место. У нерп инуа живет в воздушном пузыре, и потому в уже упомянутом мифе о мальчике, жившем среди нерп, учитель велел ему, когда охотник выстрелит и убьет его, немедленно послать инуа в пузырь — тогда его душа не умрет, а возродится в новой нерпе. Естественно, что одним из главных праздников у эскимосов был праздник Пузыря (10—20 декабря, устанавливалась дата по лунному календарю), когда совершались различные обряды с пузырями убитых за сезон нерп; в конце праздника пузыри бросали в море, чтобы там души нерп вошли в новые тела.

Шаманы нередко различали две главные души: *инуа* (*инусиа*), в которой находится «дух жизни», и *тарнинга*, дававшую жизнь, здоровье, но и содержавшую болезни. Последние вообще считались вызванными тем, что колдун украл у данного человека душу. Многие эскимосы и алеуты верили, что у каждой части тела есть своя душа. Даже и нематериальные явления имели свою душу: гренландский эскимос, впадая в сонливость, говорил, что к нему пришла инуа сна.

Душа еще одного вида — та, что дается с именем. Как правило, человек получает имя умершего сородича и с этим именем его силу и умелость. Потому часто человек имел несколько имен. Иногда шаманы во время транса, «полетов» в другие миры видели свиту помощников — носителей имен того или иного человека, следовавших за ним.

Представления о душе тесно связаны с верой в духов природы. По мнению ученых, речь идет именно о духах, а не о богах. Лишь у алеутов ранние русские пришельцы отметили веру в творца Вселенной как некое верховное существо; при христианизации алеутов тем же термином «агудар» стал называться бог. У эскимосов Лабрадора и Гренландии также сложилось представление о хозяине всех духов.

Духи — олицетворения природных сил — сами по себе нейтральны, но карают людей за нарушение обычаев, того или иного табу. А это значит, что мифы обретают функцию морального регулятора общественной жизни, особенно важную в экстремальных условиях Крайнего Севера.

Наибольшее число рассказов связано с хозяйкой морских зверей, носящей разные имена у разных групп эскимосов: Самна, Седна, «та, что внизу». Она живет на дне моря, вселяет души нерп и других зверей в тела и посылает их охотникам, если те соблюли должные обряды. Иногда миф о Седне смыкается с мифом о девушке, не желавшей выходить замуж: так как суставы ее пальцев стали морскими животными, то она распоряжается последними как своими детьми. Потому же у нее вместо рук ласты. Она не может расчесать свои волосы, и когда в них накапливается слишком много паразитов (это материализованные нарушения табу людьми), она злится и не шлет охотникам зверей. Только шаман, спускаясь к ней во время камлания, может расчесать ее волосы и уговорить ее вернуть благосклонность людям. У эскимосов карибу (запад Гудзонова залива) рассказываются мифы не о хозяйке морских животных, а об аналогичной хозяйке оленей, что объясняется большим значением оленей карибу в их хозяйстве.

По верованиям некоторых групп морским зверем распоряжается мужчина, живущий на луне. Он в основном расположен к людям, но за нарушение табу также карает. Шаман отправляется к нему просить о послании зверей охотникам, но на пути подвергается большой опасности, так как рядом с лунным человеком живет его антагонист — злая женщина («та, что с улу» — женским ножом). Она пытается рассмешить пришельца, кривляясь и гримасничая; если кто хотя бы улыбнется, она вырезает и съедает его кишки. Она ходит со свитой бледных, изможденных людей,

которые хохочут при любом ее жесте; это ее бывшие жертвы.

Еще один из главных духов природы — Сила, или Нарсук, хозяин погоды, посылающий бури. Его представляют себе в виде огромного ребенка в широкой одежде; когда он ее трясет, поднимается ветер. Единственная управа на него при долгой непогоде — шаман, который летит на небо, бьет Силу бичом и туго завязывает на нем одежду.

Особую категорию духов составляют *тупилаки* — чудовища различного размера, обычно невидимые. В искусстве эскимосов они изображаются составленными из частей разных животных. Они, как правило, создаются колдунами при помощи заклинаний и обладают такой силой, что даже шаман не может с ними справиться.

Многочисленные локальные духи (торосов, гор, рек, озер и т. п.) различаются именами и степенью распространенности. Духи гор по большинству поверий человекоподобны, но их глаза и рты расположены вертикально. Видеть их могут только шаманы, но и обычный человек иногда слышит их свист. Они живут в горах, как в домах. Бегают они очень быстро, и когда ловят человека, то делают его таким же бегуном: дают червям съесть мясо на его лодыжках, и тогда человек может бежать с ними наравне. У них есть что-то вроде зеркала, в котором они видят все, что происходит в мире.

Духи моря живут на скалистых прибрежных островках или на рифах под водой. Обликом они совсем как люди (гренландские эскимосы, правда, представляют себе их без носов), носят одежду из нерпичьих шкур. К людям они скорее расположены: в голодное время шаманы летают к ним и приносят от них мясо.

Земные духи охотятся только на оленей карибу, имеют много мяса и шкур. Те шаманы, кто их посетил, видели в их домах развешенные вдоль стен мешки из кишок карибу, наполненные чем-то светящимся. Кто похи-

тит такой мешок, станет великим шаманом. Обликом они тоже схожи с людьми, но глаза и рты у них вертикальны, как у духов гор, лица узкие, а носы длинные.

Наравне с верой в духов-великанов у эскимосов и алеутов распространена вера и в духов-карликов, живущих в горах. Они не только сами охотятся, но и отнимают добычу у встреченных людей, на которых они наваливаются сверху (по некоторым вариантам мгновенно вырастая до человеческих размеров) и давят. Если схватить их, они притворяются мертвыми, а отпущенные исчезают. У эскимосов чужацей карлики скорее безразличны к людям. Размером они не больше пальца; кета для них кит, мышь — медведь. Кто встретит их, тому будет удача. Рассказывают, что двое охотников, увидев таких карликов, захватили по одному каждый на счастье, но сколько они ни шли, не могли сдвинуться с места, пока не отпустили пленников. Для карликов человек — великан, песец — белый медведь; для великанов же человек — карлик, белый медведь — песец.

От местности к местности варьируют рассказы о духах с половиной тела, полулюдях-полузверях, духах в виде струны, духах с пастью на груди и о других.

За время, прошедшее с начала колонизации ареала эскимосов и алеутов европейцами, в традиционных религии и мифологии произошли изменения, особенно заметные у алеутов, где православные миссионеры были наиболее активны, и у некоторых эскимосов Аляски, где действовали протестантские миссионеры. У эскимосов некоторые мифы испытали влияние библейских сюжетов. Например, о происхождении людей говорится (тихоокеанские эскимосы), что Творец неба и земли послал на землю брата и сестру, запретив им есть траву. Поскольку тогда было темно, сестра нарушила запрет, чтобы выяснить, не возникнет ли от этого свет. Брат противился, так как

боялся, что при свете они увидят собственную наготу, что и случилось. Они, устыдившись друг друга, разошлись в разные края земли, но в конце концов вернулись к небесным вратам, где стали жить как муж и жена. Пять их детей умерли; Творец, видя их скорбь, спел заклинание, освободившее их от проклятия. Шестой ребенок остался жить. С ним они поселились на земле и дали начало человеческому

роду. Аналогичные отклики христианских мотивов встречаются и в других мифах, но в основном традиционные верования и мифы среди эскимосов сохраняются до сих пор, хотя проявляются больше в сфере изобразительного искусства. Обряды постепенно принимают церемониальный характер, особенно при отходе от охотничьего хозяйства к современной экономике.

3

Индейцы Северной Америки

Создатели североамериканской мифологии принадлежали примерно к 200—300 племенам местных обитателей, расселенных по всему континенту (ныне на территории США и Канады). Их монголоидные предки пришли из Азии в Америку несколькими волнами по так называемому Берингову мосту — процесс, который начался приблизительно около 30 000 лет назад. Несмотря на то что в мифах американских индейцев содержится ряд общих мотивов с палеоазиатскими (например, вороний цикл, сюжет о браке с медведицей, мотив ныряния за землей), их мифология и фольклор неповторимы и явились порождением собственно американского опыта.

В этническом и языковом отношении населившие континент племена сильно различались между собой — в соответствии с местными природными условиями, достаточно контрастными в целом по материке, так же как и в зависимости от сложившегося склада культур. Языковые различия, их характер и степени родства по отношению к индейцам составляют предмет споров и по сей день. Мифы америндов отражают и диапазон различий в сфере социального устройства, которое к XVI—XVII вв., то есть ко времени появления европейских колонистов, варьировалось от

отдельных вожеств (сахемств) до разнообразных союзов племен.

Благодаря долгим культурным контактам между соседними племенами и даже в более широком плане (торговый обмен, войны, миграции, прямые заимствования) в мифологии североамериндов содержится много общераспространенных черт, мотивов и образов. Вместе с тем в историко-культурном отношении территория континента традиционно делится на ряд регионов, отражающих местные общности или особенности. Это деление принято в американской этнографии, где число таких регионов варьируется от семи до двенадцати; они не строго совпадают с границами «мифологических» общностей (таковые не выделены), но все же близки к ним.

Соответственно нужно географически и культурно представлять себе наличие следующих регионов (или историко-культурных областей): Арктика (алеуты и различные группы эскимосов, занятые рыболовством и оленеводством, — эскимосы Карибу); Субарктика (в основном сюда относятся индейские охотничьи племена североатапасков и североалгонкинов, преимущественно на территории Канады); Северо-Восток — озерно-лесной регион, населенный охотоземледельческими ирокезскими племенами и алгонкинами; при-

мыкает к нему с юга Юго-Восток, в основном объединяющий земледельческие и охотничьи мускогские племена — чоктавов, чикасавов, семинолов и др., а также ирокезоязычных чероки; степной (прерийный) регион, объединяющий кочевых охотников на бизонов (здесь превалируют сиуязычные племена группы Дакота и группы Джегга, а также шайены, кайова, черноногие, арапахо, команчи, поуни); Юго-Запад (земледельческие племена обширной группы пуэбло — хоппи, зуни и др., а также полукочевые навахо и апачи; в регионе Калифорнии сконцентрированы охото-собираТЕЛЬСКИЕ племена юки, мохаве, винтун и др.; регион Большого Бассейна и Плато (неперсе, шошоны, пайюты и др.); наконец, племена Тихоокеанского побережья США и Канады, занятые по преимуществу рыболовством (квакиутль, сэлиш, хайда, тлинкиты и др.).

Многое в подобном делении на регионы помогает уловить, например, что генеалогические родовые мифы, связанные с достижением богатств, распространены в тихоокеанском регионе, мотивы, связанные с бизоном, принадлежат главным образом степному региону, а символика и мифологемы, связанные с мировым деревом, превалируют в озерно-лесном регионе.

Общим для всех регионов и для большинства племен является наличие тотемических и фетишистских — в том или ином виде — представлений. К общераспространенным (вне зависимости от региона) относится культ четырех сторон света, соотносимых с четырьмя стихиями, классами духов, животными и растениями, цветовой символикой (на Юго-Западе — и с мифологическими эпохами). Для индейской мифологии вообще характерна магия чисел 4 и 7 (четыре стороны света — иногда с добавлением еще трех: точки зенита, надира и центра мироздания или земной оси). В мифах и изображениях на разнообразных предметах быта повторяется

мотив единоборств Верхней и Нижней сил, отраженных в образе громовой птицы и водяного чудовища, или змея (вариантом может служить и синкретичный образ пернатого змея — особенно на Юго-Востоке). Широко распространено почитание определенных групп звезд (Плеяды, Большой Медведицы и др.), утренней звезды (особенно у поуни, где в честь ее приносились человеческие жертвы), а также отдельных видов животных (медведь, черепаха, волк, койот и др.).

Уникальную черту мифологии америндов представляет собой почитание особого рода святынь или амулетов, которые именуются священными узлами или укладками и могли иметь как индивидуальный, так и общественный смысл и значение (например, в качестве первого — части тела того или иного животного, являющегося тайным помощником владельца; в качестве второго — священные стрелы шайенов или племенные фетиши). Общеамериканский культ — почитание табака и трубки — уходит в далекие времена и связан с тотемами определенных зверей, с важнейшими обрядами племени и высшей силой, правящей миром. Трубка-калюмет является столь важной святыней, что лицезреть ее можно лишь по определенным случаям, а клятве на ней верили безоговорочно, поскольку считалось, что клятвопреступника ждет верная смерть. Трубка выступает мостом между небесами и землей, между миром зримым и потусторонним.

Видоизменяясь от племени к региону, у америндов развилось понятие о высшей силе неперсонифицированного характера, разлитой в природе и присутствующей в каждом ее предмете. У сиуязычных племен она имеет наименование Вакан Танка («великая тайна») или Ваконда — термин, получивший в литературе об индейцах самое широкое распространение. С течением времени (иногда эта идея присутствовала и изначально) поня-

тие о высшей силе стало сливаться с представлением о верховном божестве, о творце мира — часто не без влияния христианских миссионеров. У хопи создателем мира является Тайова, у зуни — Авонавиллона, у юки из калифорнийских племен — Тайкомол, у апачей Усен, у черноногих — Напи («старик»), у поуни — Тирава, у мускогов — Эсогету-Эмиси («господин-дыхание»). Мифы о творце мира обычно кратки: по завершении своей миссии творец как бы отступает в тень, уступая место разнообразным культурным героям. У ряда племен функции культурного героя и творца соединяются — они отданы какому-либо животному (например, Италас-Койот у племен Большого Бассейна, в какой-то степени Манабозо у оджибве, Ворон Йель у тихоокеанских племен).

Кроме того, у племен имеются представления о магии, и на этой основе им присуще одушевление предметов (анимизм); часто эта идея соединяется с понятием о высшей силе (у сиу — *вакан*, у ирокезов — *оренда*), иногда она близка понятию об индивидуальной магии.

К категории героев относятся определенные мистические существа или духи — порой представление о них смыкается с категорией лукавых хитрецов. К таким относятся у алгонкинов востока Манабозо, Нанабуш (оджибве и делавары), Глускабе (у вабанаков) и др. У черноногих роль культурного героя выполняет Кутуйис («сгусток крови»); у многих племен та же роль отведена Божественным близнецам.

У некоторых племен главные божества представлены в виде класса духов, «ужасающе прекрасных», как у навахо — *Йеибичаи* (сюда входят Этсанатлеи, божественные близнецы, бог жилища и др.). Некоторую аналогию им представляют духи-*качина* у пуэбло, которые являются персонификацией предков и обеспечивают благосостояние племени, влияя на урожай. Их гораздо больше, чем йеи

бичаи, — научно идентифицировано около 200 качин, которые становятся героями календарных обрядов с участием маскированных танцоров и изображаются в виде деревянных раскрашенных кукол, используемых как фетиши.

У ирокезов (онайда, кайюга, онондага, сенека, могаук и тускарора) имеется класс духов, именуемых ложными лицами, гротескно-ужасного вида, во главе с Великим Лекарем, Сагодиове, которые, если их задобрить, способствуют излечению недугов. Они проживают в лесной чаще и изображаются в виде деревянных личин с увеличенными губами и искривленным носом, длинными косматыми волосами; уменьшенные личины носят в качестве амулетов; считается, что маски эти надо «подкармливать» табаком.

Известны также духи и божества войны (Ареской у ирокезов, Виналагилс у племен Тихоокеанского побережья), духи охоты (разновидность лешего — Мсикноаликан — у делаваров).

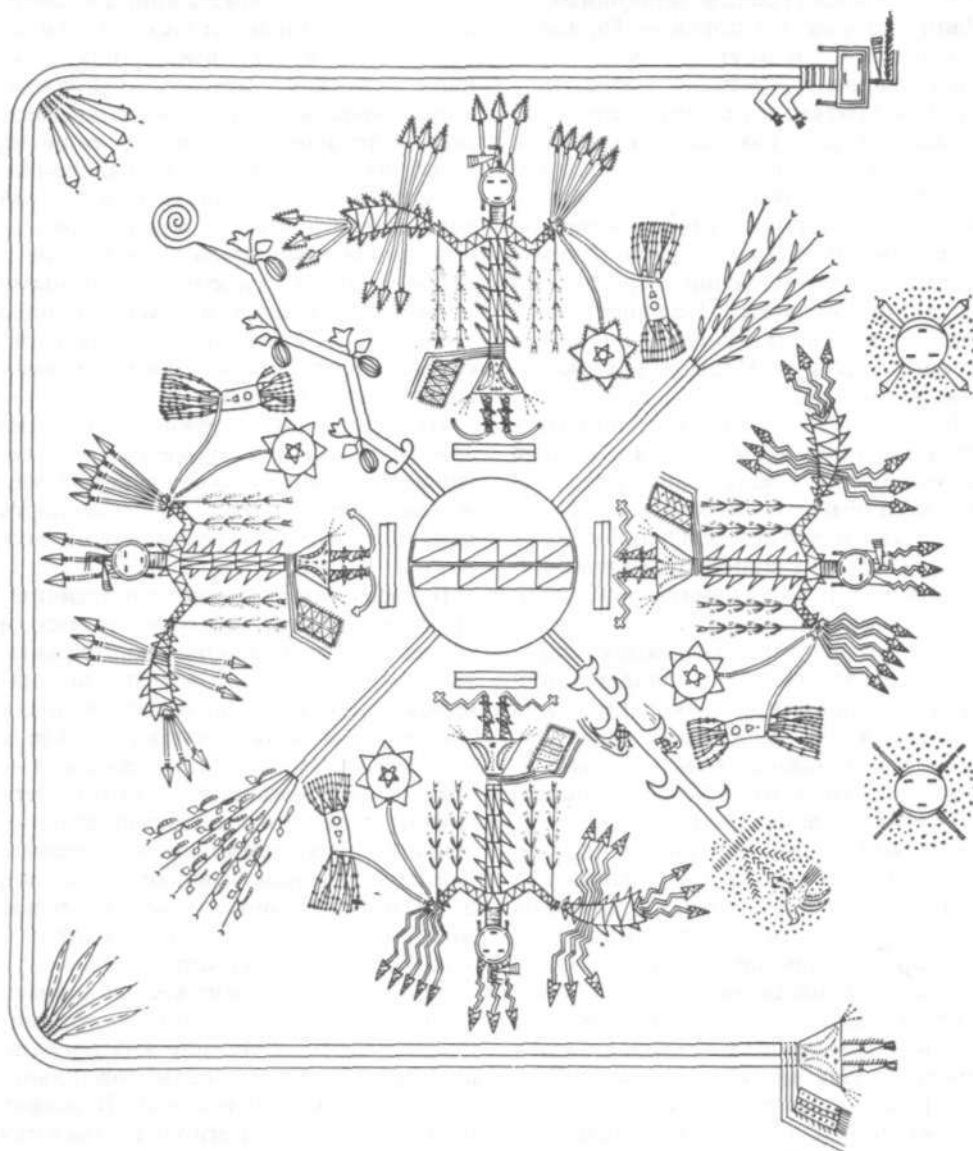
В мифологии сиу-дакотов духи ориентированы по четырем сторонам света: таковы *вакинъян* («крылатые») — духи грома и огня, ассоциируемые с камнем, красным цветом и востоком, находящиеся во вражде с унктахе, духами вод; таку сканскан — духи ветра, связанные с югом, черным цветом, символизирующим небо; тункан — духи земли, ассоциируемые с севером и синим; унктахе — духи вод и подземного мира, обычно хитрые заклинатели, — ассоциируются с западом и желтым цветом.

Кроме того, у множества племен существуют местные святыни, связанные с влиянием тех или иных духов, духи птиц и других предметов и явлений (например, у навахо). В мифах племен многих регионов имеются сюжеты о людях-пигмеях, а также о великанах-людоедах (оджибвейские *виндиго*, ирокезские каменные великаны, тихоокеанские *дсоноква* и др.). Людоеды, как обычно считается,

живут на севере, что связано с зимним голодным временем, ставящим под угрозу человеческие жизни. Вообще же устрашающие духи так или иначе связаны либо с лесной чащей, либо с водной стихией (унктахе у дакотов, машипешу у алгонкинов Востока).

Назвать все их разновидности здесь не представляется возможным.

Когда речь заходит о выделении мифологических эпох, становится заметно, что мифология америндов представляет собой множество отдельных мифологий — племен и

«Песчаная живопись» индейцев навахо, служащая иллюстрацией к мифологическому циклу. Из центра мира, где расположен дом Этсанатлеи,

исходят священные растения: тыква, фасоль, кукуруза и табак; их стерегут божественные близнецы

регионов, причем провести такое строгое разделение не всегда удастся одинаково успешно: часто эпохи взаимопроникают. Это лучше удается по отношению к рационализированной мифологии ирокезов или юго-западных племен, но очень трудно в отношении алгонкинов востока, мифология которых отличается крайней «иррациональностью», а пространственно-временные грани — размытостью. В самом общем виде нужно говорить об эпохе Первотворения и происхождения людей, об эпохе превращений (или героической), об эпохе легендарно-исторической; каждой соответствуют особые мифологические циклы или отдельные мифы; не все эпохи одинаково равномерно представлены в пределах разных регионов.

Естественно, особенно распространенными в космологической картине являются мотивы, связанные с мировым деревом и потоком.

В подробном цикле мифов о первотворении (на Юго-Западе, у навахо) сначала рождаются боги йеибичаи, в том числе Эстсанатлеи («женщина переменного облика»), которая в результате соединения Земли и Неба падает на священную гору в виде капли бирюзы. У нее рождаются двое божественных близнецов, Истребитель Чудовищ и Отпрыск Вод, которые отправляются повидать своего отца — Солнце, получают от него чудесное оружие и избавляют Землю от чудовищ. Первые люди проходят в своей эволюции, меняя облик, через ряд миров, пока не выходят на поверхность земли. Некоторые мотивы навахо были заимствованы у пуэбло: у хопи люди вместе с тремя предыдущими мирами гибнут, а оставшиеся поднимаются из нижнего, третьего, в верхний (т. е. на землю). Во время этого исхода их направляет культурный герой, страж подземного мира Масау'у (Масеви) и Паучиха. Выйдя на землю через *сипану* — врата подземного мира, люди, согласно предписанию творца, должны совер-

шить четыре священных странствия по континенту, прежде чем основать поселения.

В цикле о первотворении у ирокезов божественная прабабка Авенхаи (у гуронов — Атаентсик), послушавшись своего небесного супруга, была сброшена им из верхнего мира в нижний, где среди Мирового океана ее подобрали ондатра, выдра и черепаха. Черепаха в алгонкино-ирокезских мифах выступает символом перевоза, на которой возникли поселения индейцев. Дочь Авенхаи становится матерью двух соперничающих братьев-близнецов.

На северо-западном побережье верхний мир представляется населенным сверхъестественными существами, в том числе первопредками. Там живет Бахбакваланукусивэ, Каннибал-На-Северном-Краю-Мира и его свита из зверей-людоедов. Мироздание держится на столбе, поддерживаемом Подземной Старухой (она же — Хозяйка Приливов).

В различных мифах люди появляются на земле по-разному: спустившись со звезд (*осейдж*), поднявшись из подземного мира (*кайова*), выплывшие из раковины моллюска (*хайда*).

В последующую мифологическую эпоху (Трансформаций или Миростроительства) в мифах действуют разнообразные культурные герои (защитники людей) и хитрецы; сюда же относятся мифы о божественных близнецах. В мифологии америндов имеются варианты как близнецов-соперников (ирокезские Добрый Ум и Злой Ум, Иоскеха и Тавискарон, алгонкинские Манабозо и Маджикевис), так и близнецов-союзников: таковы боги-воины Ахайюта у зуни, Покангойя и Полонгохойя у хопи, Истребитель Чудовищ и Отпрыск Вод у навахо. Сходные мотивы есть и в мифах апачей. В мифологическом цикле кайова культурный герой раздваивается, и после ряда приключений один близнец превращается в Водяное Чудовище, а второй делит

свое тело на десять святынь, завещая его племени кайова.

У черноногих имеется цикл о культурном герое по имени Кутуйис, («кровавой густок»), который рождается у бездетных родителей и избавляет племя от всевозможных злых чудовищ. У вабанаков (алгонкины востока) существует цикл о Глускабе, который вместе со своими помощниками-зверями сотворил людей и научил их ремеслам, привел в свою страну Лето, победив Зимнего Царя, и, совершив немало других чудес, удалился на некий северный холм, назвав его Бломидон, где живет и сейчас.

К наиболее распространенным мифологическим циклам у индейцев Северной Америки относятся сюжеты о хитрецах. Эти сюжеты отличаются как разнообразие хитроумных и простоватых, смешных и коварных героев, так и подробное изложение историй, которые рассказывались для развлечения и воспитания. Функции культурного героя и хитреца часто совмещаются в одном персонаже. У алгонкинов Востока распространены циклы о Манабозо (Винабоджо, Нанабуш и др.), где этот персонаж выступает то героем, то простаком; он, мстя за смерть своего брата Малсума (или Чибийабоса), утопленного духами, сражается с подводным змеиным царем Машипешу, который посылает потоп. Война заканчивается получением от подводных духов тайного знахарства Мидевивин. У кри та же роль отводится Вискедьяку; у веннебаго фигурирует безымянный хитрец; у мускогов Юго-Востока в древности та же миссия выполнялась, очевидно, Кроликом. У индейцев степей распространены паукообразные хитрецы (дакотский Иктоми и Вихийо у шайенов), у кайова — Сэйндэй, причем внешность хитреца то неопределенная, то антропоморфная, то зооморфная. Ряд мифологических мотивов в сюжетах о степных хитрецах выдает их точно-«лесное» происхождение.

Широко — от Калифорнии до региона степей и Юго-Запада — распространены мифы о хитреце-Койоте, а у племен Тихоокеанского побережья эту роль выполняет Ворон, реже Сойка и Норка. Именно Ворон (в том числе и у эскимосов) добывает дневной свет (огонь) из сундука в небесном доме Солнца, а с ним луну и звезды и выкрадывает пресную воду у Великого Волка, наполняя ею реки.

К особой категории сюжетов относятся сакральные мифы о приобретении тех или иных святынь и талисманов, различных тотемов. Иногда эта категория сюжетов смыкается с мифами о культурных героях. Так, у степных племен известны мифы о Сладостной Медицине (у шайенов),

Ворон похищает у Солнца дневной свет. Графическая композиция Тони Ханта. Индейцы квакиутль

сверхъестественном герое, подарившем племени святыни — четыре стрелы и другие дары; ту же природу имеет миф сиу-дакотов о Белой Бизонихе, мифы Кайова о фетише Тайме. Сюда же относятся сюжеты о происхождении различных обрядов. На Тихоокеанском побережье уникальны мифы, связанные с приобретением богатства в результате состязания в магии или военного соперничества. Приобретаются тотемические гербы, магические головные уборы, обряды и пляски, а вместе с ними определенные привилегии и права, угоды и т. д. В значительно ослабленном виде эти мотивы сохранились у калифорнийских племен.

Чрезвычайно распространены у индейцев этиологические мифы, рассказывающие о происхождении предметов и явлений окружающего мира, повадок и внешнего вида зверей, мотивы о происхождении жизни и смерти, болезней и лекарств. В них героями чаще всего выступают звери и духи. Часто истории связаны с играми и состязаниями между зверями и птицами, зверями и растениями, с войнами между зверями и людьми, советами зверей (особенно на Юго-Западе), которые заканчиваются компромиссами, объясняющими последующий порядок и традиции. Таковы сюжеты, объясняющие, «отчего медведь ходит вперевалку» «команчи», «откуда произошли болезни и лекарства» (чероки) и др. Многие мотивы таких сюжетов повторяются в разных регионах и благодаря своей универсальной природе известны за пределами Америки.

Практически во всех регионах известны мифы-былички о приключениях того или иного охотника или обделенного малопримечательного соплеменника. Своим бытовизмом и сверхъестественностью они связаны с волшебной сказкой. К ним относятся истории о похождениях бедного сироты или о юноше по имени Шрам-На-Лице (чероногие), о посещении подземного мира или небесного

дома, которые заканчиваются чудесным браком и обретением талисманов (сюжет оджибве «Розовый лебедь»).

Сюжеты, относимые к легендарно-исторической эпохе, рассказывают о мифологических странствиях племен, довольно распространенных в Северной Америке (особенно у племен пуэбло, в частности хоппи; в степном регионе — у осейджей, кайова и некоторых других; на Востоке — у алгонкинов (могикане, оджибве и др.), на Юго-Востоке — у мускогов и чероки. У делаваров и мускогов эти повествования развернуты, охватывают значительные временные промежутки и включают в себя войны, обретения чудесных даров, единоборства с чудовищами, образование племенных союзов (так называемый «Красный Перечень», эпическая хроника делаваров и жанр «народных легенд» у чоктавов и чикасавов).

Последний мотив — основание племенных союзов — принадлежит к характерным для такого рода мифов; он распространен особенно у племен Востока. Наиболее яркое явление здесь — круг мифов, повествующий о создании Союза Пяти Племен ирокезов, известный во множестве вариантов. Для него характерны разветвленная символика, уникальный круг метафор и образов. В мифах рассказывается о гуронском полубоге по имени Деганавида («миротворец»), который поставил своей целью покончить с внутренними распрями, людоедством и другими пагубными обычаями ирокезов. Будучи изгнанным из родного племени, он отправился к могаукам, где встретился с ирокезским вождем Хайонватой (Гайаватой), ушедшим от племени онондагов после того как волшебник и людоед Атотархо погубил его дочь. Объединившись, Деганавида и Хайонвата обходят все племена ирокезов, вместе отправляются к Атотархо и, колдовством исцелив его от зла, объединяют пять ирокезских племен в союз, названный Великой Лигой,

Великим Миром, Великой Белой Сосной, устанавливая его законы, обычаи и титулы вождей Совета Лиги. Атотархо отныне становится главой союза, законы Лиги перенимают символику мирового древа и форму миропорядка, при котором задачей Лиги становится распространение этих идей на все окрестные племена.

Поздние мифологические мотивы соединяются с религиозными и христианскими идеями, которые распространяются среди индейцев в течение XIX в., а в конце его поддерживают мессианские движения; таковы культ кактуса-пейотля, «пляска духов» у степных индейцев, религия Прекрасного Озера у ирокезов сенека, религия «мечтателей» на Северо-Западе и др.

В результате европейского освоения континента и истребления местной культуры, а часто и самих ее аборигенных носителей, заключения индейских племен в резервации и многолетней политики ассимиляции индейская мифология была уничтожена. Вместе с тем во второй половине XX в. численность индейского населения медленно возрастает (с 250 тыс. в начале века до 3 млн. в 80-х гг.), наблюдается тенденция к возрождению народной культуры, а в некоторых случаях — к традиционным верованиям, обрядам и мифологическим идеям, которые приспособляются к современным условиям жизни племен, служа щитом для сохранения национальной и этнической самобытности. Так, мифологические идеи Лиги Ирокезов сохраняют объединяющий пафос и символику, свои социальные и этнические нормы; у племен степей возрождается ежегодная церемония Пляски Солнца, а обрядовая жизнь пуэбло вообще сохранилась наиболее сильно — в частности, все церемонии, связанные с качинами, действующими в обрядах календарного цикла. Повсеместно сохраняются шаманизм, знахарство и почитание трубки-калюмета и табака, культ четырех сторон света и некоторые другие традиционные мифологи-

ческие представления.

Мифология североамериканских индейцев нашла яркое и самобытное отражение в их искусстве и прикладных ремеслах.

На основе традиционных приемов индейские и эскимосские мастера в XX в. возродили почти утраченные виды искусства: керамику (особенно на Юго-Западе), резьбу по дереву (на Тихоокеанском побережье — изготовление масок мифологических существ, тотемных столбов и др.), бисерные украшения (особенно в степном регионе). Развитие традиционных идей привело к возникновению новых для индейцев видов искусства: живописи и графики (в частности, известно целое направление в живописи, обозначаемое как «мифологическая школа» художников-алгонкинов, разрабатывающих идеи и образы мифов; «мистическая живопись» индейцев степей). Фольклор и мифы стали основой современной литературы индейцев, получая развитие в творчестве таких писателей, как Н. Скотт Момадэй, Лесли М. Силко, Хаймийостс Сторм, Джеральд Визенор, и др.

Образы и сюжеты индейских мифов отражены в переработанном виде во многих значительных произведениях американской литературы (в «Песне о Гайавате» Г. У. Лонгфелло, в романах Ф. Купера, в поэме Д. Хоффмана «Братская любовь» и др.), повлияли на национальную культуру США.

Первоначально индейские мифы и предания записывались европейскими миссионерами и первопроходцами, профессионально же стали изучаться в первой половине XIX в. (Г. Р. Скулкрафт), в массовом и систематическом порядке — в конце века, в публикациях Бюро Американской Этнографии и работах Д. Г. Бринтона. Тогда же их впервые стали записывать этнографы индейского происхождения. В XX в. изучение индейской мифологии становится предметом мировой науки.

Индейцы Центральной Америки

До испанского завоевания (XVI в.) территория Центральной Америки была заселена индейцами различных языковых групп. У индейцев Месоамерики (ацтеков, тольтеков, сапотеков, миштеков, тарасков, майя и др.) с первых веков до н. э. существовали раннеклассовые государственные образования. Племена, обитавшие севернее и южнее Месоамерики, стояли на более низком уровне социально-экономического развития. Несмотря на различие языков и исторических судеб отдельных лингвистических групп, мифология индейцев Месоамерики была единой, но претерпела стадиальные изменения.

Вероятно, уже у первых насельников Центральной Америки в период позднего палеолита существовали мифы о возникновении огня, происхождении людей и животных, сожигательстве медведя и женщины и др. В дальнейшем при развитии собирательства были созданы мифы о *каймане* — покровителе пищи и влаги, о добрых духах растительности, о строении Вселенной. Ко времени доместики и распространения маиса как культурного растения (5 тыс. до н. э.) относятся и восстановленные по петроглифам, многочисленным обломкам глиняных статуэток и каменным печатям-штампам мифы о верховном многофункциональном божестве — «богине с косами» (название условно), в образе которой сливаются более ранние представления о духах растительности и животного мира. «Богиня с косами» олицетворяет одновременно небо и землю, жизнь и смерть (некоторые ее изображения имеют по две головы); из ее груди струится «небесное молоко» — дождь, она владычица всякой влаги, от нее зависит процветание всего растительного и животного мира.

В более поздних мифологических системах это божество распадается на

ряд богинь, связанных с влагой, луной, деторождением, смертью, кукурузой, какао, агавой и др. Богиня изображалась в виде девушки с четырьмя косами, попарно спускающимися на грудь, женщины с подчеркнутыми чертами пола или старухи с отвисшей грудью. Эти три этапа возрастного развития женщины (юность, зрелость, старость) являются олицетворением времени весеннего цветения, плодоношения и осенне-зимнего периода; сохранилась статуэтка богини с триединым торсом. Известны и зооморфные изображения этой богини: в виде утки (владычица воды), жабы (владычица земли), паука и др. Ее сын, упитанный младенец без явных признаков пола («толстый бог»), выступает посредником между матерью и людьми, чье благополучие он обеспечивает. Вероятно, он олицетворяет маис и солнце (позднее в его функциях выступают три различных божества — кукурузы, солнца и весеннего цветения природы — ср. ацтекского Шипе-Тотека). К

Гигантская голова. Культура ольмек. 1500—300 гг. н. э. Мексика

пантеону этого времени относится и бог в образе пожилого бородатого мужчины, который, возможно, почитался как «старый бог» (ср. ацтекского Шиутекутли) — отец «толстого бога», хотя и не ясна его связь с «богиней с косами» в этой мифологической системе, засвидетельствованной почти на всей территории Месоамерики.

В XV—IV вв. до н. э. сформировалась, очевидно, сначала у ольмек (первыми достигших стадии раннеклассового общества) новая мифологическая система, которая распространилась затем среди других племен. Ольмекская мифология, созданная на основе предшествующих мифологических представлений, значительно их перестроила. Ольмеки положили начало необычайно широкому распространению у индейцев Центральной Америки культа ягуара: все основные божества их имели ягуароподобный облик (очевидно, ягуар, который, преследуя лесных травоядных, распугивал их и сгонял с полей, невольно предотвращая потравы посевов, воспринимался как покровитель полей и земледельцев). Для мифологии этого периода характерны большая устойчивость образов, закрепление их функций, а также канонизация определенных примет, в облике того или иного божества. В этой системе «богиня с косами» утрачивает свое прежнее значение, хотя в некоторых вариантах мифа она по-прежнему занимает главенствующее положение. Так, на скальном рельефе в Чалькацинго (Мексика) она владычица Вселенной, сидящая на троне в пещере (пещеры, согласно мифам, — место возникновения различных индейских племен) с двухголовым ящером (ее териоморфным двойником) в руках. Но чаще она то богиня земли и влаги, то лишь богиня луны, то жена или возлюбленная бога-повелителя зверей и подземных недр, имеющего облик тапира или ягуара. От бога-повелителя зверей у нее рождаются два брата-близнеца — полу-

люди-полуягуары (чаще всего они изображаются в виде младенцев): один из них воплощает водное начало (плача, он вызывает дождь), другой (трансформация «толстого бога») олицетворяет кукурузу. В большинстве случаев боги — хозяева леса, зверей, влаги в этой системе предстают в мужском облике; по одному из мифов прародителем ольмек является бог — мужчина.

Один из основных мотивов мифологии ольмек — обретение маиса, их главного питательного злака. В большинстве мифов бог благодетель человечества (ацтекский Кецалькоатль) добывает зерна маиса из горы, где они спрятаны (на рельефах мужской бог выносит из недр земли на руках младенца — олицетворение маиса, чтобы передать его людям). Значительное развитие получает мотив противоборства старого бога с божеством маиса. В этот период уже устанавливается связь мифологии и календаря, впоследствии получившая в Центральной Америке необычайно широкое распространение в виде мифологически-календарной символики (наименование божества по дню его рождения, представления о циклах или эрах развития Вселенной и др.). Так, в этом отношении характерна статуя бога с младенцем на руках из Лас-Лимас (Мексика) как олицетворение эпохи, когда люди обрели маис; на плечах и коленях бога вырезаны головы четырех других божеств — символов и покровителей предшествующих эпох.

В классический период (первые века до н. э. — IX в. н. э.) развития мифологической системы, совпадающего с появлением раннеклассовых городов-государств, происходит дальнейшее дробление и уточнение функций божеств, возрастает их число, устанавливается связь божеств с культом правителей как их представителей на земле. В силу чисто политических причин (можно предположить, что в разработке системы деятельное участие принимали жрецы) вокруг

того или иного божества группируются новые мифологические циклы, как, например, об основателе города, правящей династии. В мифологические образы вкладывается эсхатологическая и календарная мистика. Наряду с канонизацией основных черт главных божеств возникают смешанные образы, например птица-ягуар, змея как олицетворение бога утренней звезды Венеры, появляются специальные божества смерти, свидетельствующие о развитии представлений о загробном мире. Однако процесс углубления этой системы развивался неодинаково в разных районах Центральной Америки. Например, у большинства народов Западной Мексики она практически не засвидетельствована.

В противоположность двум предыдущим системам, воссозданным на основе памятников изобразительного искусства и реликтовых отрывков, вошедших позднее в народные предания и сказки, третья мифологическая система достаточно полно представлена в письменных источниках, составленных в период испанского завоевания и вскоре после него (пиктографические рукописи или кодексы, хроники, в частности Ф. Бургоа и Х. де Кордовы, «Всеобщая история Новой Испании» Б. де Саагуна, «Мемориалы» Т. Мотолини, «Чичимекская история» индейского историка Ф. де А. Иштлильшочитля, «История Мексики» А. Теве — французский перевод неизвестного автора). Но в источниках скудно отражены мифологические представления сапотеков, живших со II в. до н. э. на территории одного из древнейших центров Месоамерики Монте-Альбана. Поскольку сапотеки в X в. попали под влияние миштеков, а затем ацтеков, трудно выделить те элементы их мифологии, которые относятся к монте-альбанскому периоду. Согласно мифам начало всем вещам дала универсальная божественная пара — Косаана и Уичаана, предки сапотеков родились из скал, деревьев и ягуаров. На свет

они появились из больших пещер, куда и возвращаются после смерти. Космос делился на три части: небеса, мир, в котором они жили, подземный мир мертвых. В пантеоне сапотеков — бог дождя и молнии Косихо-Питао, которому приносили человеческие жертвы, и непосредственно с ним бог кукурузы Питао-Кособи, бог-ягуар, бог землетрясений Питао-Шоо, близкий богу земли и пещер. По утверждению Ф. Бургоа, сапотеки представляли Питао-Шоо в виде атланта, который держит на своих плечах землю, если он шевелился, земля двигалась и происходили землетрясения. Вероятно, позднего происхождения бог сновидений Питао-Шикала, покровитель домашней птицы Коки-лао, бог удовольствий и наслаждений Пишее, бог бедности и неудач Питао-сих, бог примет и предзнаменований Питао-Пихи. Ф. Бургоа сообщает, что существовал культ божества, которое якобы спустилось с небес в облике птицы, подобной солнцу. Когда случалось затмение, то сапотеки, чтобы предотвратить катастрофу, приносили в жертву карликов, считавшихся детьми солнца.

На рубеже нашей эры на территорию Месоамерики проникают с севера кочевые племена науа. В их первоначальном пантеоне, кроме божествленных предков, большое значение имели охотничьи божества, тесно связанные с культом небесных светил. Всю Вселенную науа представляли себе состоящей из 13 небес и 9 подземных миров. Небеса различались следующим образом: 1-е — небо луны, 2-е — звезд, 3-е — солнца, 4-е — планеты Венеры, 5-е — комет, 6-е — черное или зеленое (ночное) небо, 7-е — голубое (дневное), 8-е — небо бурь, 9-е — белое небо, 10-е — желтое небо, 11-е — красное небо, 12-е и 13-е — Омейокан, обиталище божества гермафродита Ометеотля. История Вселенной, по науа, прошла через определенные циклы или периоды, сменяющие друг друга. Каждый из этих циклов имел своим

правителем то или иное божество и заканчивался мировой катастрофой: пожаром, потопом, землетрясением и др.

В VII в. в Месоамерике появляются тольтеки. Согласно «Истории мексиканцев по их рисункам» (историческая хроника XVI в. на испанском языке неизвестного автора) верховный бог тольтеков Тонакатекутла и его жена Тонакасиуатль создали четырех сыновей: красного Тескатлипоку, черного Тескатлипоку, Кецалькоатля и Уицилопочтли, они ассоциировались с четырьмя сторонами света: востоком, севером, западом и югом соответственно. Согласно мифам Кецалькоатль и Тескатлипока принесли с небес богиню земли Тлальтеккутли, полную «во всех своих суставах головами и ртами, которыми она кусалась, как дикий зверь, и прежде чем они спустились, уже была вода, которую неизвестно кто создал» («История Мексики» А. Теве). Из богини сделали землю, из ее волос — деревья, цветы и травы, из глаз — колодцы, источники, пещеры, из рта — реки и большие пещеры, из носа — долины гор, из плеч — горы. Через 600 лет после сотворения земли были созданы огонь и половина солнца, а затем по поручению богов Кецалькоатль и Уицилопочтли создали человеческую пару, приказав мужчине пахать, а женщине прясть и ткать. Затем они сотворили дни и разделили их по месяцам. А когда боги увидели, что половины солнца недостаточно для освещения земли, тогда Тескатлипока сам стал солнцем, которое и являлось солнцем первого мирового периода. Затем боги сделали гигантов, которые были очень высокими и сильными людьми.

Пантеон классического периода у майя был весьма обилён и сложен. Первоначально это были местные божества, которые с ростом племенных и государственных объединений соединились в одну генеалогическую систему. В пантеоне выделяются группы богов: плодородия и воды,

охотничьи боги, божества огня, звезд и планет, смерти, войны и т. д. Согласно мифам майя Вселенная, так же как и у науа, состояла из 13 небес и 9 подземных миров. В индейских источниках часто упоминается группа богов *ошлахун-ти-ку*, повелителей небес. Эти божества, покровители 13-дневной недели (точные имена которых неизвестны), враждовали с другой группой богов — владык подземного мира, *Болон-ти-ку*. Часто эти группы воспринимались как единое целое. В центре Вселенной, по майя, стоит мировое древо, пронизывающее все слои небес, а по его углам, т. е. сторонам света, — четыре других: красное (восток), белое (север), черное (запад) и желтое (юг). С четырьмя сторонами света ассоциировались *чаки* (боги дождя), *павахтунуны* (боги ветра) и *бакабы* (носители или держатели неба), они располагались на мировых деревьях и различались по цвету, связанному с той или иной стороной света. Красные чак, павахтун и бакаб находились на востоке, белые чак, павахтун и бакаб — на севере и т. д. Каждая цветная троица правила годом. Важное значение в пантеоне майя занимал молодой бог кукурузы, изображавшийся в виде юноши в головном уборе, напоминающем початок кукурузы. Среди небесных божеств главным был владыка мира Ицамна, старик с беззубым ртом и морщинистым лицом. Он творец мира, основатель жречества, изобретатель письменности. Большую роль в пантеоне майя играл бог огня, имевший облик старика с огромным разветвленным носом в виде стилизованного знака огня. В классический период встречаются и антропоморфные его изображения. Из других божеств — бог долин, бог-охотник, бог оленей, боги смерти, боги-ягуары и др. Очень четкий иконографический образ имел бог-носильщик; черное лицо и тело, особый глаз, торчащий нос и отвисшая нижняя губа, на лбу у него повязка для ношения грузов и тюков. Из многочисленных жен-

ских богинь главную роль играла «красная богиня», изображавшаяся с лапами хищного зверя и змеей вместо головного убора. Следует назвать также богиню луны, покровительницу ткачества, медицинских знаний и деторождения Иш-Чель. Некоторые божества имели вид животных или птиц. Особой сложностью отличались боги-ягуары, тесно связанные с ольмекской традицией, они имели отношение к охоте, подземному миру, смерти, воинским культам. Черный и красный ягуары были связаны с богами дождя и стран света. В классический период ягуар, кроме того, был, вероятно, родовым богом династий нескольких городов-государств. Одним из самых сложных мифологических образов в пантеоне майя был, несомненно, Кукулькан. У поздних майя Кукулькан почитался (как и Кецалькоатль) в качестве бога ветра, бога планеты Венеры и др. Помимо главных божеств, имелось еще множество местных, а также родовых богов, в число которых включались и обожествленные предки и герои.

В конце классического периода у народов Центральной Америки создается мифологический комплекс, основанный на представлениях о необходимости регулярно поддерживать жизнь божеств человеческой кровью. Особо важное значение придавалось «кормлению» бога солнца, чтобы он мог совершать свой каждодневный путь по небу.

Пантеон горных майя (киче, какчикели, кекчи) исследован хуже, так как основных источников их мифологии только два: эпос киче «Пополь-Вух» и сочинения Б. де Лас Касаса. По одному из вариантов мифа в создании мира участвует несколько супружеских пар богов: «создательница» и «творец», «родительница, великая мать» и «породитель сыновей, великий отец», «завоевательница, могущественная» и «змей, покрытый зелеными перьями». По другому варианту мифа творцами мира были богиня Тепев и боги Кукумац и Хуракан. Они

создали землю, горы, долины, растения и животных, пытались изготовить человека из глины, но их творение расплывалось, не могло двигаться, и раздраженные боги уничтожили его. Тогда они сделали людей из дерева, которые оказались непочтительными и непослушными. Боги вызвали потоп, в результате почти все люди погибли, а уцелевшие превратились в маленьких обезьян. В другой раз боги изготовили четырех человек из кукурузы. Они оказались слишком разумными и проникательными, что не понравилось богам, и Хуракан навел на их глаза туман, после чего многое в мире стало тайным и непонятным для них. Во время их сна боги создали четырех женщин, ставших подругами первых людей. Эти четыре пары и были предками киче и других народов. Большое число мифов киче рассказывает о происхождении божественных близнецов Хун-Ахпу и Шбалакне и их борьбе с 12 богами-повелителями, царства мертвых — Шибальбы, главными из которых были Хункаме и Вукуб-каме.

Наиболее известным образцом третьей мифологической системы служит мифология ацтеков, пришедших в долину Мехико с севера страны в XIII в. и усвоивших мифологические представления своих предшественников тольтеков, а также сапотеков, майя, миштеков и тарасков. В ацтекский пантеон вошел ряд божеств соседних и покоренных народов. Дальнейшее развитие и унификация отдельных ветвей сложной по происхождению и многоликой ацтекской мифологии было прервано испанским завоеванием. Основные мотивы ацтекской мифологии — вечная борьба двух начал (света и мрака, солнца и влаги, жизни и смерти и т. д.), развитие Вселенной по определенным этапам или циклам, зависимость человека от воли божеств, олицетворявших силы природы, необходимость постоянно питать богов (некоторых ежедневно) человеческой кровью, без чего они погибли бы.

Смерть богов означала бы всемирную катастрофу. Это представление обуславливало практику обязательных человеческих жертвоприношений. У ацтеков редки указания на родственные отношения божеств. В то же время для третьей системы характерно одновременное сочетание единичности и множественности божеств. Так, например, есть бог дождя Тлалок и множество тлалоков, живущих на горных вершинах, Тескатлипока белый (одновременно Кецалькоатль) и Тескатлипока красный (одновременно Шипе-Тотек). Согласно мифам Вселенная была создана Тескатлипокой и Кецалькоатлем и прошла четыре этапа (или эры) развития. Первая эра, в которой верховным божеством в образе солнца был Тескатлипока, закончилась истреблением ягуарами племени гигантов, населявших тогда землю. Во второй эре солнцем стал Кецалькоатль, и она завершилась ураганами и превращением людей в обезьян. Третьим солнцем стал Тлалок, и его эра закончилась всемирным пожаром. В четвертой эре солнцем была богиня вод Чальчиутликуэ; этот период завершился потопом, во время которого люди превратились в рыб. Современная, пятая эра с богом солнца Тонатиу должна закончиться страшными катаклизмами. Каждые 52 года Вселенная подвергалась опасности быть уничтоженной, поэтому окончание такого цикла и начало нового сопровождалось особо значительными обрядами.

Согласно мифам Вселенная была разделена в горизонтальном направлении на 4 части света и центр. Над центром господствовал бог огня Шиутекутли. Восток считался страной изобилия и был посвящен Тлалоку и богу туч и звезд Мишкоатлю. Владыками юга были бог сева Шипе-Тотек и Макуильшочитль, но он расценивался как область зла. Запад имел благоприятное значение, так как служил домом планеты Венеры, одного из воплощений Кецалькоатля. Наконец, север был подвластен богу

смерти Миктлантекутли. Вертикально мир делился на 13 небес (в каждом из которых обитал определенный бог) и на 9 преисподних.

Ко времени испанского завоевания пантеон ацтеков состоял из множества божеств, которых можно объединить в несколько групп. К первой, наиболее древней по своему происхождению, относятся боги стихий и плодородия (Тлалок, Тласольтеотль, Чикомекоатль, Коатликуэ и др.), во вторую входят трое великих богов, игравших главную роль в пантеоне: Уицилопочтли, Тескатлипока и Кецалькоатль. Следующая объединяет богов звезд и планет: Тонатиу, бога луны — Мецтли, Мишкоатля, бога планеты Венера — Тлауискальпантекутли, звездных богов севера — Сенцон-Мимишкоа и др. К четвертой принадлежат боги смерти и преисподней Миктлантекутли, его жена Миктлансиуатль, Тлальтекутли и др. Довольно многочисленны божества опьяняющего напитка, изготавливаемого из агавы: Майяуэль, Патекаль и др. К последней группе принадлежат боги-творцы: Глоке Науаке, Ометекутли, Тонакатекутли и его жена Тонакасиуатль, формально возглавлявшие пантеон ацтеков. Большинство божеств имело антропоморфный облик; лишь у некоторых имелись офиоморфные (змеевидные) и териоморфные черты.

Ацтекская мифология широко отражена в изобразительном искусстве и литературе. В честь важнейших божеств воздвигались многочисленные храмы (в которых стояли их каменные и деревянные статуи), сочинялись гимны. Прозаическая литература, в том числе и хроники, пронизана мифологическими сюжетами. В мифологической оболочке развивались и начала философии. После испанского завоевания многие мифологические образы индейцев Центральной Америки слились в народных представлениях с культом католических святых. Таково, например, сказание о злом Христе (штат Чьяпас,

Мексика), в основе которого лежат старые представления о божестве землетрясений, о Кецалькоатле, которого уподобляли младенцу Христу (штат Герреро, Мексика), и т. п. Отголоски мифологии до сих пор бытуют в народных обычаях и играх жителей

Центральной Америки. Ряд мифологических образов использовали в своем творчестве современные художники (Д. Ривера, Д. А. Сикейрос и др.) и писатели (например, М. А. Астуриас).

Индейцы Южной Америки

Предки индейцев проникли в Америку лишь в конце верхнего палеолита, примерно 15 тыс. лет назад. Весьма вероятно, что они обладали развитой мифологией еще до переселения в Новый Свет. Сходство многих сюжетов индейской мифологии с мифами народов Евразии скорее всего объясняется общим древним наследием. На ранних этапах освоения Южной Америки племена ее восточных и западных областей существовали достаточно обособленно, о чем свидетельствуют некоторые материалы археологии и языкознания. Именно поэтому, вероятно, ряд сюжетов и мотивов распространен преимущественно либо только в приатлантической зоне, хотя в главных чертах мифологические воззрения всех южно-американских индейцев сходны. В 8—5-м тысячелетиях до н. э. обитатели Южной и Центральной Америки начали выращивать культурные растения, в результате чего возник новый «земледельческий» пласт мифологии. За пределами Нового Света южноамериканские мифы о происхождении земледелия имеют наиболее близкие параллели в Юго-Восточной Азии, но это сходство вряд ли носит генетический характер.

Среди мифологий народов мира южноамериканская — одна из самых богатых и хорошо изученных. Лишь опубликованных текстов более 10 тысяч. Именно на южноамериканских материалах создал свою теорию мифа К. Леви-Строс. Народы Южной Америки не знали собственной письмен-

ности, поэтому главным источником сведений по индейской мифологии служат записи европейцев от завоевателей и миссионеров до современных исследователей. Многие записанные в XX в. собрания мифов вполне сравнимы по богатству содержания и художественным достоинствам с лучшими образцами мифопоэтического творчества народов Старого Света. Таковы коллекции мифов северобolivийских такан (собираательница К. Хиссинк), кочи северной Колумбии (Г. Рейхель-Долматов, М. Чавес), макиритаре Венесуэлы (М. де Сиврьё), центральнобразильских пареси (А. Холанда Перейра), огнеземельцев-ямана (М. Гузинде) и другие. Эти коллекции быстро пополняются и сейчас. В последние годы, например, грандиозную работу по сбору фольклора индейцев ведут аргентинские исследователи, а Калифорнийский университет публикует тексты (руководитель программы Дж. Уилберт).

Действие в южноамериканских мифах разворачивается в особую эпоху времени, а героями являются не люди, а первопредки. Первопредки ассоциируются с животными, растениями, стихиями, небесными светилами, элементами ландшафта, с прародителями отдельных родов, но бывает и просто выступают под собственными именами. Облик первопредков расплывчат. В общем, они антропоморфны, однако по ходу рассказа могут принять любую форму. Во время ритуалов первопредки чаще всего представлены не натуралистическими масками, а стилизованными

изображениями и даже чисто геометрическими символами. «Пантеон» первопредков включает разные категории существ, то противостоящих друг другу, то сливающихся в почти нерасчленимую массу. Все же более или менее четко выделяется группа «своих», мыслимых как предшественники той самой общины, к которой принадлежит рассказчик. Прочие духи, «чужие», воплощают силы природы и иноплеменников, причем именно среди них первопредки находят себе жен. «Чужие» (противопоставленные «своим» — в мифах) и «духи» (противопоставленные человеческим существам — в ритуалах) выступают прежде всего как водные обитатели, которые иногда ассоциируются с реальными змеями, рыбами, крокодилами, а иногда наделяются совершенно фантастическими чертами. Распространено поверье: водные духи смертельно опасны для женщин, у которых месячные, особенно для совсем еще юных девушек. В Центральном Андах и в Чако с радужной (радужными змеями) связаны примерно те же представления, которые в Гвиане касаются речных змей.

Хотя в развитых «жреческих» мифологиях запада Южной Америки (у древних инков или у современных коги) описывается волевой акт божественного творения, подлинное создание мира в его конкретных проявлениях здесь так же, как и в других традициях, является делом рук многих персонажей, преследующих частные цели. Сам по себе образ верховного божества известен различным народам, включая огнеземельцев. Подобный персонаж может наделяться чертами светлого небесного бога и одновременно отождествляться с предводителем подземных и лесных духов, с патроном инициаций. Образ великой водной и хтонической богини распространен преимущественно на западе континента от карибского побережья до Огненной Земли. В восточной Бразилии он развит слабее.

В большинстве мифологий Южной

Америки выделяются старшее и младшее поколения первопредков, причем именно младшему отведена наиболее активная роль. Эти младшие герои — часто братья-близнецы, например, Кери и Каме, Бакароро и Итубори в центральной Бразилии у бакаири и бороро, Омао и Соао, Ваши и Мавари у санема и вайвай в южновенесуэльско-гвианском ареале, братья Иоалох у ямана на Огненной Земле и т. д. Впрочем, иногда у героя вовсе нет брата, либо тот едва упомянут (у хиваро, варрау, паэс и др.). «Контрагент» главного героя бывает не связан с ним родством, хотя структурно подобная пара (например, Карусакайбе и броненосец Дайиру у мундуруку в южной Амазонии) не отличается от персонажей типичных близнецных мифов. В них отношения между братьями обычно меняются по ходу действия от дружеских к враждебным. Брат (или «контрагент») в большей или меньшей степени обладает чертами трикстера (плута-озорника), легко совершающего неблагоприятные поступки, постоянно попадающего в беду и навлекающего ее на других. В целом, однако, для Южной Америки образ трикстера характерен менее, чем для Северной. Более всего он типичен для мифологий индейцев Чако.

Младшие первопредки выступают в качестве главных культурных героев, изображающих и добывающих все те знания и навыки, предметы и объекты, которые существенны для местной культурной традиции. Жизнь этих героев описывается с рождения до их удаления от активных дел. Что же касается старших первопредков, а также населяющих леса и воды духов-хозяев, то о появлении большинства из них мало что можно узнать, ибо они извечны, как сама земля. Деятельность первопредков не целенаправленна, однако благодаря присущей мифическим существам некоей энергии, потенции каждый их шаг чреват последствиями, появлением новых объектов и свойств — положительных или отрицательных. Счи-

тается, что до сих пор во время совершения ритуалов первоначально возвращаются на землю из потустороннего (чаще всего точно не локализованного) мира. Тем самым они поддерживают дальнейшую жизнь людей и природы, которая иначе бы постепенно увяла и оборвалась. Стихийные философские воззрения индейцев довольно близки по сути учению Платона или средневековых «реалистов» о видимом мире как зависимом, отраженном бытии, за которым скрыты некие более глубокие сущности.

Пространственная картина мира в южноамериканской мифологии в идеале предполагает наличие трех или более плоских дисков (с землей посредине) и соединяющей их оси — мирового дерева или сходного символа вплоть до веретена или божественного фаллоса. На севере, западе и юге континента с мирозданием часто ассоциируются ритуальная постройка. Ее конструктивные элементы наиболее детально сопоставляются с реальными и вымышленными объектами окружающей природы, с небесами и преисподними, в мифологиях индейцев Колумбии и Венесуэлы. В восточной Бразилии и Чако значение сакральных построек невелико, в ритуале с мировой осью отождествляется отдельно стоящий столб. В Амазонии Вселенная иногда как бы повернута набок: осью мира служит река, а, двигаясь через общинное жилище, посетитель словно бы поднимается из подземного мира к небу. В космологических фантазиях важное значение играет Млечный Путь, особенно там, где он воспринимается в виде небесного дерева. У индейцев Центральных Анд распространены представления о земле (в пределах знакомого лично или с чужих слов ландшафта) как о лежащей женщине. Там, где храм или общинный дом отождествляется с человеческой фигурой (у коги, уитого), существен ее пол: часть построек считается женщинами, а часть мужчинами. Так как постройки украшались изображениями духов,

населяющих те или иные отделы Вселенной, многие из них выглядели весьма живописно. Особенно знамениты росписи на фасадах общинных домов у индейцев бассейна реки Ваупес в колумбийской Амазонии и разрисованные деревянные диски под крышей жилищ некоторых групп карибов Гвианы. Изображения мифологических существ покрывали и стены древнеперуанских храмов.

Представления об оси Вселенной и ярусах мироздания раскрываются не только в «земледельческих» мифах, но и в более архаичных по содержанию сюжетах, вероятно, восходящих к палеолиту. Так, в мифе о разорителе птичьих гнезд, который обнаруживает параллели в Евразии, герой поднимается на дерево или скалу и застревает там, орел приходит ему на помощь. Образ мифической хищной птицы на вершине гигантского дерева вообще распространен в Южной Америке, особенно в восточной Бразилии.

Дискретность Вселенной, наличие в ней обособленных миров, преодоление границ между которыми требует специальных знаний и способностей, — все это очень существенно для шаманизма. Южноамериканские шаманы должны уметь достигнуть неба, преисподней или края света и вступить там в контакт с могущественным и устрашающим персонажем, управляющим людьми и природой. Для этого они (часто и все взрослые мужчины) принимают наркотики. Употребление сильнодействующих психотропных средств особенно характерно для индейцев Анд, Амазонии и Карибского бассейна. Во время галлюциногенных видений шаман встречается с ягуарами, анакондами и хищными птицами. Не случайно именно эти зооморфные образы господствуют в изобразительном искусстве Центральных Анд с самого его возникновения в 3—2-м тысячелетиях до н. э. Погрузившаяся в наркотический сон душа шамана способна превращаться в ягуара и

нередко считается, что все ягуары или по крайней мере ягуары-людоеды есть шаманы-оборотни. В мифах шаманская тема раскрывается весьма подробно: описываются путешествия в иные миры, рассказывается об обретенных наркотиках и о превращении шамана в опасного ягуара. Интересно, что на Огненной Земле, где нет хищников из семейства кошачьих, шаман в аналогичных ситуациях принимает облик кита или коршуна.

Как уже было сказано, Вселенная в представлениях южноамериканских индейцев, по сути дела, не имеет начала, однако она подвержена периодическому разрушению и возрождению. Мифы о катастрофе распространены на континенте повсеместно. Чаще всего говорится о пожаре или потопе, реже о наступлении холода, тьмы, нашествии чудовищ и т. п. В некоторых центральноандских и восточноболливийских мифах на людей набрасываются ожившие предметы домашней утвари, камни, рассвирепевшие домашние животные. Причина катастрофы может быть любой, но чаще всего связана с нарушением людьми ритуальных запретов. Популярный евразийско-североамериканский миф о потопе и ныряльщике, достающем землю со дна океана, в Южной Америке неизвестен, хотя его отголоски все же ощущаются. В мифах некоторых племен северо-запада континента герои при наступлении бедствия прячутся в укрытии и выпускают на разведку одно за другим ряд животных, последнее из которых выясняет, что земля стала вновь пригодной для жизни. У карибов, хиваро, ботокудо герои спасаются от потопа на дереве и, чтобы узнать, спала ли вода, бросают вниз семена, плоды, а в мифе гуарани птицы бросают с дерева комочки земли, из которых образуется суша.

Часто катастрофа отмечает границу между эпохой творения, временем первопредков и «историческим» временем, когда появляются настоящие люди, а первопредки погибают

или претерпевают метаморфозу. На западе континента, особенно у народов Центральных Анд, первый восход солнца знаменует гибель прежних людей, *ньявпа*, деятельности которых приписывается возведение древних построек.

Одной из весьма архаических тем индейской мифологии можно считать тему происхождения человеческого коллектива, первобытной общины, с упором на объяснении биологических особенностей мужского и женского организмов, а также различий между мужчинами и женщинами в роде занятий и ритуальном статусе. В Амазонии, Чако, на Огненной Земле были широко распространены мифы о первоначальном господстве женщин и свержении их власти мужчинами либо о неудачной попытке женщин захватить власть. У племен Амазонии этот сюжет тесно переплетен с мифом о происхождении священных музыкальных инструментов, горнов и флейт, видеть которые запрещено женщинам. Подобный ритуально-мифологический комплекс похож на тот, который представлен на Новой Гвинее и в менее выраженной форме у пигмеев Африки. Нельзя исключать, что это один из древнейших сюжетов, так как в целом индейская мифология весьма далека от африканской. Любопытно, что их еще связывают лишь представления, касающиеся происхождения смерти — тема также исключительно архаическая.

В Центральных Андах существует миф о противоборстве правителей, воинов и жрецов (раньше власть якобы находилась в руках жрецов). Вполне вероятно, что данный миф развился из повествований о противоборстве мужчин и женщин, тем более что жрецы в некоторых андских символических классификациях занимают сходное с женщинами место.

Почти всем южноамериканским индейцам известны предания об амазонках. Часто это первые женщины, взбунтовавшиеся против мужчин и покинувшие их.

Если бы Зигмунд Фрейд был знаком с южноамериканскими мифами, он бы, вероятно, нашел в них немало интересных для себя фактов. Инцест сына с матерью, отца с дочерью, брата с сестрой составляет завязку множества мифов. Повсеместно известен и подробно обыгрывается мотив зубастого лона. Для многих племенных традиций характерна ассоциация женщины с водной стихией. Так, в мифе коги женщина есть и река, в которую ныряет герой и которая несет его к морю, и морское чудовище вроде Левиафана, которое глотает героя. Типично уподобление полового акта поеданию. Например, у пира-тапуя в колумбийской Амазонии родовое подразделение, из которого берут жен, ассоциируется с травоядными животными, а подразделение мужей — с хищниками. В мифе коги герой, надевая ягуарью маску, всякий раз видит перед собой вместо женщины ананас и пожирает его.

Вообще, мотивы охоты и отношений между полами теснейшим образом переплетены, причем охота мыслится прерогативой мужчин, а на женщин в этой связи накладывается множество табу. Тема происхождения охотничьей добычи сводится к описанию первого появления диких свиней и пекари — единственных на континенте стадных животных. В таких удаленных друг от друга районах, как Чако, северо-восток Бразилии и север Центральной Америки (майя), рассказы о происхождении диких свиней связаны с мотивами мирового древа и путешествия в верхний мир. Весьма вероятно, что мифы подобного рода должны быть знакомы палеолитическим охотникам Евразии, хотя их возможные реликты за пределами Нового Света пока не выявлены. Индейцы северо-западной Амазонии считают, что звери, на которых они охотятся, обитают внутри скал и холмов. Они пребывают там как бы в латентном состоянии, пока Хозяин Животных не выпустит их в лес. Нельзя исключать, что палеолитичес-

кое искусство Европы с его пещерными галереями мамонтов и лошадей отражает сходные представления.

Южноамериканские мифы о происхождении людей развивают две основные темы. Люди либо появляются из области, где они ранее уже находились (с неба, из-под земли), либо первоначально вырезают их из дерева, лепят из глины, рожают. В первом случае связь миров в какой-то момент прерывается, и часть людей остается в ином мире. Реже встречаются мотивы происхождения людей из яиц (отложенных необычной птицей, посланных божеством), из крови раненой луны, из червей, заведшихся в трупе чудовища, и т. д. Во многих традициях женщины имеют иную, нежели мужчины, природу и появляются позже них, причем мужчины чаще ассоциируются с птицами и животными, а женщины — с рыбами. Типичные мотивы: женщины выловлены в реке; спускаются с неба воровать у мужчин еду, но пойманы ими; возникают из расчлененного на мелкие кусочки тела первой женщины; герой вырезает жену из дерева, дятел выдалбливает ей вагину; попугай (реже другая птица) сбрасывает перья и хозяйничает в доме одинокого мужчины, а тот отбирает птичий наряд и делает девушку-попугая своей женой.

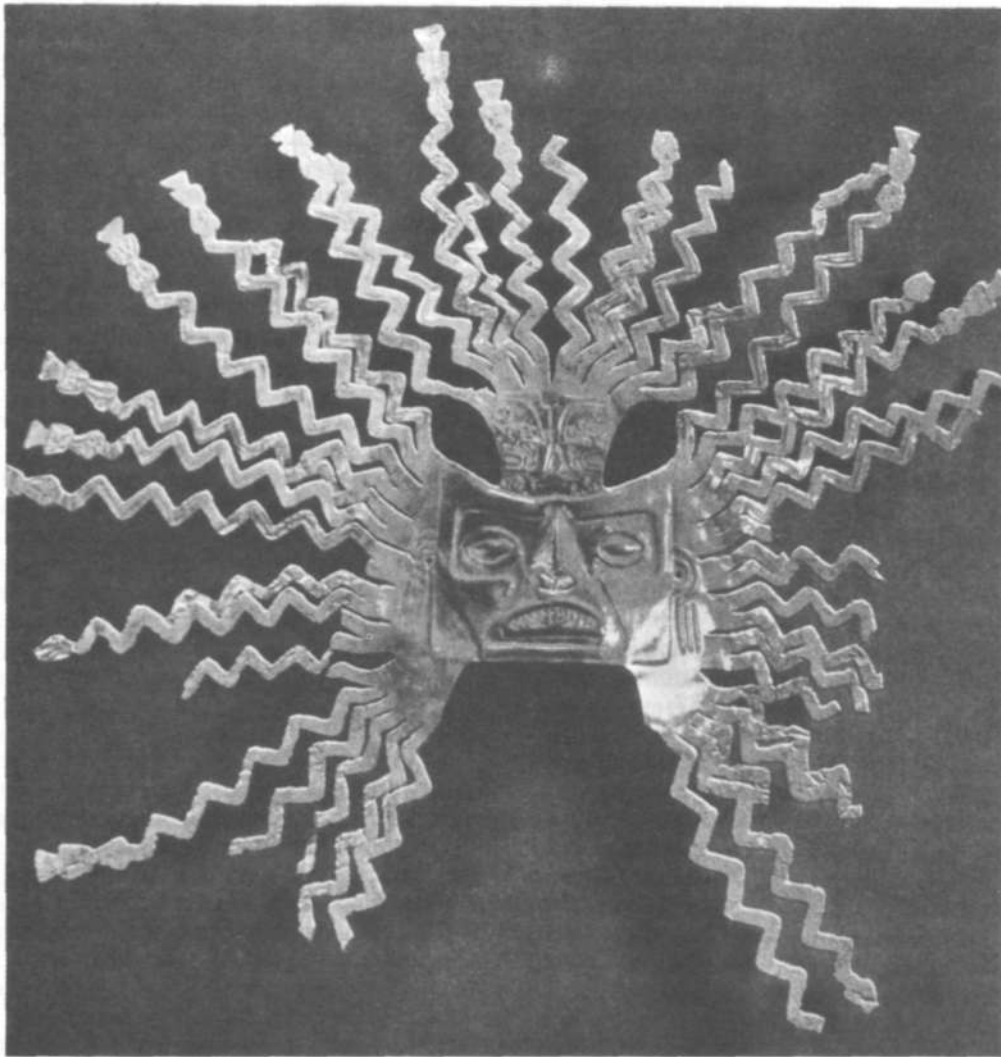
Для мифов о происхождении смерти характерен мотив смены кожи как условия бессмертия, противопоставление на этой основе змей людям и в этой связи мотив ложной, неверно понятой вести. Божество указывает людям, что надо поменять кожу, дабы стать молодыми, однако те не верят, не слышат или не понимают его слов, тогда как змеи (а также скорпионы, деревья и вообще все, кто обновляет свой покров) с тех пор периодически сбрасывают кожу и не умирают. Мотив ложной вести встречается и вне связи с темой происхождения смерти. Так, у каинганг южной Бразилии и у перуанских яуйо травоядные животные должны были питаться мясом и даже человечиной, но из-за

неправильно сказанных или неверно понятых слов перешли к растительной пище и сами стали добычей людей.

Другой распространенный мотив, объясняющий, почему люди смертны, — роковой прецедент: по достижении старости души покидали тела, но затем возвращались, однако по чьему-то злему умыслу, небрежности или неумелости этот порядок нарушен. Встречаются и рассказы о

попытке вернуть скончавшуюся супругу, напоминающие миф об Орфее.

Многие действующие лица индейских мифов завершают свой путь, превращаясь в небесные светила. Солнце в Южной Америке — это почти всегда мужчина, луна может быть как мужчиной, так и женщиной. На западе континента, вплоть до Огненной Земли, описывается конфликт мужа-солнца с женой-луной, для восточных областей более типич-

Лик солнечного божества. Культура Ла-Толита. 500 г. до н. э. — 500 г. н. э. Эквадор

чен конфликт двух братьев (месяц терпит поражение от солнца; неудачно подражает ему). Нигде на востоке солнце не занимает такого важного места в мифах и представлениях, как на западе, у огнеземельцев, инков, хиваро. Некоторые племена, особенно на северо-западе Южной Америки, полагали, что солнце — людоед, нуждающийся в человеческих жертвах. Сходные верования были распространены у мексиканских ацтеков. Мотив множества солнц (впоследствии погасших), типичный для Восточной Азии и представленный также в Центральной Америке, в Южной известен только уанка в центральном Перу. Повсеместно уделяется внимание происхождению лунных пятен. Самое типичное объяснение: сестра вымазала любовника краской, чтобы утром опознать его, а тот от стыда поднялся на небо (реже наоборот: брат вымазал лицо сестры). Иногда в пятнах видят силуэт живущего на луне существа либо это следы побоев, ожогов. Затмения объясняют нападением на светило небесного чудовища с чертами ягуара или пса либо борьбой солнца с луной, в которой попеременно побеждает та или иная сторона. Луна-мужчина считается ответственным за появление у женщин месячных кровотечений.

Астральная мифология наиболее развита в Чако и восточной Бразилии, где популярен сюжет о супруге-звезде. Среди созвездий в мифах чаще всего упоминаются Плеяды и Орион.

Гром — человек, вызывающий грозу взмахом палицы. Только в Чако распространены представления о громовых птицах, типичные для индейцев Северной Америки.

Почти у всех южноамериканских индейцев записаны мифы о добывании огня, чаще всего о его похищении первопредками у стервятников, ягуара, крокодила, лягушки. Реже герои сами высекают или добывают трением первый огонь. В мифах о похищении желанными ценностями могут быть также пресная вода, ночь, сон,

плодородная почва, небесные светила, но огонь фигурирует в них все же чаще всего. В мифах племен восточного Перу хозяином ценностей является персонаж по имени Инка, которого одурачивают первопредки.

Во многих земледельческих мифах использованы те же простейшие сюжетные схемы, что и в текстах, объясняющих происхождение других элементов культуры и природных объектов: похищение растений у первоначального владельца, дар божества, порождение женщиной. Но есть и более специфические мифы, в которых описывается появление обширного набора культурных видов из частей единственного исходного объекта: дерева, на ветвях которого произрастали всевозможные сельскохозяйственные культуры; мальчика, старухи, лягушки, части тела которого или которой превращаются в кукурузу, маниок, ямс, батат, перец и т. д. Вполне логично, что клубнеплодно-вегетативное земледелие американских тропиков (так же, как и в

Божество с клыками ягуара. Культура Сан-Агустин. 600 г. до н. э. — 500 г. н. э. Колумбия

Юго-Восточной Азии) создавало условия, благоприятные для возникновения именно такого сюжета, почти не представленного на Ближнем и Среднем Востоке, где с самого начала господствовало зерновое семенное земледелие. Индейский миф о дереве изобилия представлен наибольшим числом записей и особенно характерен для околокарибской зоны и северо-западной Амазонии. Основные перипетии сюжета связаны с поисками хорошего топора, пригодного для рубки дерева. Известны и неземледельческие версии сходного мифа: опасное дерево-враг (в северо-западной Амазонии и у чилийских арауканов); дерево, в стволе которого заключена вода. Миф о рубке дерева изобилия явно возник в лесной зоне, где земледельцы занимались расчисткой участков под огороды; в Центральном Андах он закономерно отсутствует.

В Южноамериканской мифологии есть целый ряд достаточно сложных сюжетов, которые не строятся вокруг определенных этиологических мотивов, а вполне самостоятельны и то снисходят до уровня почти что былички, то становятся основой всего мифологического эпоса. Важнейший из подобных сюжетов — миф о мстителе, сюжет которого близок сюжету «Гамлета» или «Орестеи». Существенными особенностями мифа следует считать мотив воспитания детей в доме антагониста и роль информатора, который сообщает будущим героям о судьбе их отца или матери. В Амазонии антагонистами чаще всего являются ягуары, а герои мстят за смерть матери. На западе континента преобладает мотив мести за гибель отца (в том числе месь собственной матери, как в «Орестее»). Миф о мстителе в равной мере популярен в Америке и на западе Евразии, но, по видимому, не известен в Восточной Азии, Австралии и Африке.

Другой южноамериканский сюжет, также известный в Европе, — адольтер женщины (или вообще всех жен-

щин общины предков) с животным (особенно с тапиром) либо реже с антропоморфным персонажем. Муж кастрирует любовника и дает жене съесть его половой орган.

Многие индейские мифы описывают перипетии борьбы со злыми духами и демонами. Так, большинству племен восточной Бразилии, Чако и некоторых областей Амазонии известен рассказ о человеке, который сжег себе ступню, заострил берцовую кость и стал действовать ею как копьем, преследуя соплеменников. Не менее широко известна история о переправе через реку на спине крокодила, который провоцирует седока на оскорбление и намеревается его съесть. Сюжет отмечен также в Северной Америке и в древней японской мифологии. Южноамериканский миф о герое, который прячется от демонов на вершине дерева, сбрасывает вниз нападающих, в то время как их остающиеся на земле товарищи полагают, что упал сам преследуемый ими герой, обнаруживает территориально совсем далекие, хотя точные аналогии: в ирландском эпосе («Преследование Диармайда и Грайне») в роли демонов выступают *феннии*. Хотя однозначно доказать генетическую обусловленность подобных параллелей невозможно, она в принципе не исключена.

Если среди всех мифов, распространенных в Южной Америке, попытаться выбрать самый своеобразный, характерный именно для данного континента, то это был бы, пожалуй, миф о происхождении окраски птиц: Амазония славится богатой орнитофауной, а украшения из перьев занимают в индейской культуре такое же важное место, как изделия из драгоценных металлов в культуре Европы. Наиболее логичный вариант мифа описывает борьбу птиц с радужным змеем: убив радуго, нападающие приобретают свою пеструю окраску. В других вариантах птицы окрашиваются кровью, желчью и т. п. какого-нибудь иного существа или же речь

идет о происхождении окраски рыб — вариантов здесь множество.

После Колумба в индейскую среду проникли только те сюжеты европейского фольклора, которые хорошо вписывались в систему традиционных представлений (шире всего известна сказка типа «Ганс и Гретель»). Библейские мифы часто переосмысливаются. Так древние люди ньяппа в горном Перу порой отождествляются с «евреями» (т. е. с противниками христианского Бога). У пано восточного Эквадора вместе с Христом воскресают морские свинки

и петухи. Возникли новые мифы, объясняющие появление европейцев и превосходство их технологий. В Центральных Андах сложился миф об Инкарри (Инке-царе), которому король, президент или Иисус отрубил голову. Когда у Инкарри вырастет новое тело, он прогонит из Перу чужеземцев.

В заключение еще раз отметим богатство южноамериканской мифологии. Даже К. Леви-Строс в своем многотомном исследовании не упомянул все сюжеты — их сотни.

4

Аборигены Австралии

Предки современных аборигенов, коренных жителей Австралии, начали заселение пятого континента около 40 или даже (по новейшим данным) 50 тыс. лет назад. Считается, что они пришельцы с севера, из Юго-Восточной Азии. Они достигли своей современной родины, используя обширные мосты суши, существовавшие в ту эпоху и позднее между Азией и Австралией, и пересекая неширокие водные преграды на утлых суденышках. Постепенно они заселили весь материк. Лишь совершенно безжизненные участки австралийских пустынь не были освоены ими. Они принадлежат к большой австралоидной расе и имеют очень своеобразный облик. Темнокожие, длинноногие, худощавые, часто тонкие в талии и узкие в бедрах, темно- и курчаво- или волнистоволосые, мужчины — с густой бородой и обильным третичным волосным покровом на теле. А у женщин и детей в некоторых районах центральной Австралии встречаются светлые волосы. Лица с широкими носами и толстыми губами, глаза крупные и темные с яркими белками. Характерная черта, особенно для мужчин, — сильно развитое, как

бы нависшее над глазами надбровье.

Предполагается, что к приходу европейцев на континент (конец XVIII в.) численность коренных австралийцев составляла около 300 тыс. человек. Они делились на 500—600 племен, каждое численностью от 300 до 3 тыс. человек. Говорили на сильно отличавшихся друг от друга языках, которых лингвисты также насчитывают от пяти до семи сотен, причем языковая и племенная принадлежность далеко не всегда совпадали, представители одного племени порою говорили на разных языках или диалектах, а несколько племен могли использовать один и тот же язык или близкие диалекты. Племена не составляли сколько-нибудь целостных политических и социальных единств, не было объединенных институтов власти, племенных вождей. Основной социальной группой было более мелкое объединение — община, или локальная группа, как правило, насчитывавшая от 30 до 100 человек.

Коренные австралийцы вели жизнь первобытных охотников и собирателей, обходясь весьма ограниченным набором орудий и оружия. Главные

орудия и оружие мужчин — каменные топоры, копья с каменными наконечниками и с копьёметалками, позволявшими сильно увеличить дальность полета копья, а также тяжелые дубинки, или палицы, и бумеранги. Знаменитыми возвращающимися бумерангами, т. е. сложными аэродинамическими устройствами, изготовлявшимися австралийскими мужчинами с удивительной интуитивной точностью, были лишь некоторые виды, имевшие достаточно ограниченное распространение. Они использовались в основном для охоты на птиц и в мужских поединках чести — дуэлях. Часто оружие обильно украшали резьбой и рисунками. Универсальное орудие женщины — заостренная с одного конца палка-копалка. В жарких областях континента аборигены не носили почти никакой одежды (хотя изготавливали себе многочисленные украшения) и не строили сколько-нибудь прочных жилищ, пользуясь лишь примитивными заслонами от ветра и дождя. В прохладных и сырых областях — на юго-востоке и северо-востоке страны — сооружали довольно основательные хижины, иногда на сваях, в холодное время носили накидки из шкур опоссумов или кенгуру. В районах, изобиловавших пищей, особенно по рекам, где было много рыбы, аборигены вели полуседлый образ жизни. В более скудных и засушливых — подвижный, бродячий. Они выработали сложнейшие и разнообразнейшие способы экологической адаптации — особые стили жизни и хозяйствования в сильно отличающихся природных условиях. Особенно важная роль принадлежала женскому собирательству, давшему поистине уникальные образцы совершенного знания и использования окружающего растительного мира. Именно достижения женского собирательского хозяйства позволили русскому ученому А. Н. Максиму утверждать, что аборигены Австралии стояли «накануне земледелия».

При относительно небогатой материальной культуре коренные австралийцы имели весьма сложную социальную организацию, подробно разработанную культуру общения и сложную и богатую духовную жизнь, особенно религиозно-обрядовую практику и мифологию, которые к тому же существенно отличались в разных районах страны.

Помимо общин, австралийские племена делились на различные родственные группировки, и, как правило, каждый абориген входил не в одно, а в несколько родственных объединений, с членами которых его связывали обширные комплексы прав и обязанностей. Социальные отношения австралийцев были далеки от традиционных представлений о первобытном равенстве. При одинаковом имущественном положении люди в их обществе существенно отличались по статусу, престижу, авторитету, по возможностям влиять на течение жизни в коллективе и выбирать самостоятельную линию поведения. Причем наиболее яркое проявление эти отличия находили в организации религиозно-обрядовой деятельности. Женщины, обладавшие значительно более низким статусом, чем мужчины, не могли участвовать в наиболее важных религиозных обрядах, от которых, по верованиям аборигенов, зависело само существование и людей, и всего их природного окружения. Не знали женщины и священной мифологии, священных песен и танцев, художественных религиозных символов.

Мужчины, в свою очередь, делились на две группы, старших и младших. Первые играли ведущую роль в обрядах, были хранителями тайных культовых знаний, вторые во многом должны были подчиняться первым. Имелись обряды, мифы и художественные изображения, которые были известны только старшим мужчинам. Среди старших мужчин наибольшим влиянием пользовались хранители религиозных святынь и все-

возможных культовых предметов, руководители и организаторы обрядов, знахари и колдуны. Некоторые культовые знания и магические ритуалы были доступны только им. В то же время существовали и общедоступные религиозные церемонии, мифы, изобразительное искусство и музыкальный фольклор.

По верному замечанию виднейших австралийских этнологов супругов Р. и К. Берндтов, чтобы охарактеризовать культуру народа, особо важно изучать ту деятельность, которую люди (в массе своей) совершают сверх необходимого для поддержания жизни. У аборигенов Австралии в отличие от обществ, стоящих на более высоком уровне экономического развития, почти вся деятельность сверх необходимого была связана с духовной жизнью, в первую очередь с религией. Своим священным ритуалам австралийские мужчины отдавали массу сил и времени, и не случайно в некоторых австралийских языках обрядовая деятельность обозначалась словами, соответствующими нашим «труд», «работа». Многие религиозные церемонии, составлявшие сложные последовательные циклы мероприятий, длились месяцами и привлекали множество участников, порою по несколько племен одновременно. Обширные районы страны были охвачены целой сетью традиционных каналов, по которым осуществлялся обмен церемониальными реликвиями и связанной с ритуалами информацией. На обширных пространствах люди разделяли общие мифологические представления и традиции культов.

Повсеместно в Австралии важнейшими религиозными обрядами были обряды инициации — посвящения мальчиков и юношей в ранг взрослых мужчин и в тайны священных культов. Во многих племенах такие посвящения растягивались на долгие годы, иницируемый (посвящаемый) должен был пройти через тяжелые психологические и физические испытания (пост, испытание молчанием и

одиночеством, испытание огнем, обрезание, выбивание зубов, выщипывание волос на определенных участках тела и т. п.) и овладеть обширным комплексом знаний по мифологии и обрядовой практике. Как писал один из лучших знатоков культуры аборигенов, долгое время живший среди них в племени аранда (центральная Австралия) этнолог Т. Штрелов, «тот, кто говорит с полнопосвященным мужчиной, не может не почувствовать, что перед ним человек образования и культуры».

Обычно ядро или корень религиозных представлений аборигенов Австралии связывают с понятием тотемизма (от слова «тотем», заимствованного из языка индейцев оджибве и означающего буквально «его род»). Тотемизм — явление чрезвычайно сложное и многогранное. Здесь придется коснуться только некоторых его сторон. В сознании аборигенов животные, растения, предметы труда, утварь, явления природы (гром, молния, ветер) и даже воображаемые ими духи таинственной мистической связью связаны с определенными группами людей — родственными объединениями (например, кланами) и с особыми культовыми объединениями — тотемическими группами, в которые обычно входят только мужчины. Эти предметы, животные, растения или явления природы, служащие объектом религиозного поклонения, называются тотемами. Каждый клан или каждая тотемическая группа имела свой тотем или несколько тотемов. Причем, как правило, не только в соседних тотемических группах или соседних кланах, но и в соседних племенах тотемы не повторялись: на обширных территориях население делилось на группы, обладавшие такими тотемами, которых обычно не было у других.

Представления о тотемах тесно связаны с представлениями о тотемических предках и о времени, которое в этнографической литературе чаще

всего называют Временем Сновидений (термин, заимствованный у аборигенов центральной Австралии). Это мифологическая эра, когда жили мифические существа, имевшие облик человека, но обладавшие сверхчеловеческими способностями. Они странствовали по земле, выглядевшей тогда совсем иначе, чем теперь, и создавали моря, горы, реки, людей, животных и растения, а также обычаи и обряды, исполняющиеся теперь людьми, и предметы, употребляемые ими. В конце своих странствий эти мифические существа таинственным способом «ушли» в землю, в воду (в реки, в море) или же воплотились в скалу, в дерево, в большой камень и т. п. На территории каждой родственной группы или клана имеется несколько таких мест, которые считаются местами воплощения тех или иных мифических существ. Это тотемические центры — главные религиозные святилища. Мифическое существо, связанное с тотемическим центром, считается прародителем местного клана. Это тотемический предок. Но он дал жизнь или начало не только людям, но и животному, растению, явлению природы, считающемуся тотемом этой группы. Именно через тотемического предка люди связаны родством со своим тотемом. Можно сказать, что люди относятся к тотемическому растению или животному как к брату, а к тотемическому предку — как к деду, родоначальнику.

Однако, уйдя в землю или в воду или же «поселившись» в скале, тотемические предки по понятиям аборигенов не перестали существовать, они живут теперь и будут жить после в какой-то иной реальности; отсюда они постоянно проявляют себя, воплощаясь в людей своих кланов или тотемических групп и в их тотемы. Это представление лежит в основе важнейших религиозных обрядов значительной части австралийских племен — обрядов «размножения» или продуцирующих, во время которых люди соби-

рались вокруг тотемических центров и исполняли магические действия, призванные способствовать воспроизводству тотемов, людей и всего живого на их земле. Как правило, участники этих обрядов обильно раскрашивали свои тела, нанося на них охрой, углем, белой глиной ассоциировавшиеся с их тотемами художественные символы. Изображения делались также на земле вблизи тотемического центра, на деревьях, скалах, камнях. Нередко изготавливались особые священные эмблемы тотемов из дерева, после обрядов они во многих случаях уничтожались.

К числу важнейших священных предметов, которые аборигены берегли как зеницу ока, относятся так называемые *чуринги* — круглые плоские камни или деревянные дощечки с нарисованными или выгравированными на них тотемическими символами. Каждый человек обладал своей собственной чурингой, которая хранилась в особом священном тайнике на территории его группы. Индивидуальная чуринга для аборигена значила примерно то же, что для Кошечки Бессмертного игла, на конце которой жила его жизнь. Утрата чуринги считалась величайшим несчастьем и влекла за собой, по убеждению аборигенов, смерть ее владельца. Чуринги умерших также береглись свято. Время от времени старшие мужчины доставали их из хранилища и показывали молодым, призывая чтить память предков. Созерцание чуринг, принадлежащих покойным родственникам, вызывало глубокую печаль, и нередко зрелые мужчины плакали над этими реликвиями.

Помимо тотемических культов, широкое распространение имели культы плодородия, связанные с антропоморфными образами мифических творцов-прародителей. Таковы были, например, культы старухи-матери Кунапи и сестер-прародительниц Вавилаг, имевшие широкое распространение на севере страны. Их образы символизируют плодород-

ную, рождающую землю, непрерывность жизни. С этими женскими образами тесно связан мужской образ могущественного Змея-Радуги, обитающего в водоемах и обладающего огромной разрушительной и созидательной силой. Ему приписывалась способность вызывать штормы, ураганы, наводнения, грозы. В то же время он считался создателем многих обычаев, обрядов, источником важнейших знаний, в первую очередь приемов магического врачевания и колдовства. Он может быть очень опасен; неосторожно потревоженный, он может проглотить тех, кто его беспокоит. Представление о Змее-Радуге или гигантском мифическом питоне играет центральную роль в верованиях, сопряженных с обрядами инициаций. Согласно широко распространенному мифологическому сюжету Змей-Радуга заглатывает иницируемых (посвящаемых юношей) во время этих обрядов, а потом выплевывает переродившимися «новыми людьми», «настоящими мужчинами». Этот сюжет обычно во время инициаций инсценировался, символизируя смерть и возрождение в новом, взрослом статусе, приобщение к миру священного.

Образы Змеи-Радуги и матерей-прародительниц в мифологиях многих племен соседствовали с образами тотемических предков. Вместе с тем в некоторых районах страны (в частности, юго-восточной Австралии) тотемические сюжеты, по-видимому, не получили значительного развития. Здесь в мифологии центральное место занимали образы могущественных творцов, всеобщих отцов, живущих на небе, создателей природы, людей, культуры — Байаме, Дарамулуна, Бундыла и др. В мифах рассказывается о странствиях этих творцов по пустынной и безлюдной земле и о всевозможных актах творения, совершавшихся ими. Образы их также играли центральную роль в обрядах инициации многих племен юго-восточной Австралии.

Тайные священные мифы, связанные с главными, доступными только иницированным мужчинам религиозными культами, как правило, наполнены сугубо фантастическими деяниями и образами. Общеизвестные же мифы содержат множество бытовых, реалистических моментов. Во многих из них мифологична лишь основная сюжетная канва: их действующие лица — тотемические предки, которые во времена действия были людьми, или какие-то антропоморфные культурные герои, демиурги со сверхчеловеческими способностями, и время их действия — эпоха творения, «начало», «сновидения». Если основные персонажи — тотемические предки, то часто к их антропоморфному облику примешиваются внешние черты или повадки тотемических животных. В мифах даются объяснения (нередко весьма наивные) «особенностей» поведения и внешнего облика животных: иглы у ехидны оттого, что когда-то в тотемического предка ехидны вонзили множество копий; шишки у крокодила на голове оттого, что когда-то тотемического предка крокодила ударили топором; панцирь у черепахи оттого, что когда-то тотемическому предку черепахи сбросили на спину камень, и он «приклеился» навсегда. Эти же персонажи часто выступают изобретателями определенных ремесел или технических приемов приготовления каких-то орудий труда, а также создателями явлений природы или особенностей местного ландшафта. Но в промежутках между началом мифа и его концом, когда предок воплощается в тотемическом центре — «уходит», а также между различными актами творения «герои» мифов ведут такую же жизнь, как сами аборигены. Они — мужья и жены, родители и дети, родственники и соплеменники. В мифах рассказывается о том, как они едят, спят, охотятся, собирают пищу, бродят в лесу, в пустыне, в саванне, вдоль рек, ссорятся, дерутся, женятся и рожают детей. Словом, все делается

так, как делали бы рассказчики и слушатели. Сюжеты многих мифов весьма незатейливы, но нередко содержат какие-нибудь драматические события: например, бегство жены от мужа с любовником, погоню за беглецами, схватку между мужем и похитителем жены.

Если запись и публикация традиционного австралийского фольклорного произведения была сделана подлинно научно — без каких-либо пропусков и упрощений, а перевод с языка аборигенов на один из европейских языков максимально приближен к оригиналу, то весь строй изложения мифа свидетельствует о том, что рассказ сопровождается демонстрацией действия: короткие отрывистые фразы, много разговоров, передающихся прямой речью, которая служит комментариями к действиям; события излагаются последовательно, поступательно и происходят как бы на глазах у слушателей. Например, стиль изложения мифа племени вик-мункан (северо-восток Австралии, полуостров Кейп-Йорк) можно представить по такому фрагменту: «Мужчина (тотемический предок — тигровая акула. — *О. А.*) сталкивает в воду лодку и плывет в ней, держа копьё для рыбы наготове. Он бьет копьём рыбу, одну, другую, еще одну. Он продолжает бить рыбу. У него множество рыбы. Он везет ее к берегу, причаливает, вынимает рыбу, нанизывает ее на копьё, поднимает копьё, кладет на плечо, несет». Многократное повторение одних и тех же слов и фраз дает представление о течении времени, о продолжительности действия, о количествах: «Мужчина и женщина (тоже тотемические предки. — *О. А.*) идут, и идут, и идут...» или «спят, продолжают спать, все еще спят».

Повторения одних и тех же действий мифологических персонажей (переходов со стоянки на стоянку, отдыха, еды, ночевки) часто представляют собой описания отдельных дней во время пути тотемических

предков (или каких-то иных героев фольклорных рассказов) из одного места в другое, причем число этих дней в мифах произвольно. Ведь аборигены хорошо знают те места, о которых говорится в мифах, сами ходят теми путями, которыми идут мифические предки, и делают стоянки там же, где останавливаются они. Рассказчики точно знают, сколько дней нужно идти из одного места в другое, и изображают эти дни в мифах столько раз, сколько их должно быть на самом деле. В мифологических рассказах детально описываются и характерные черты местности, по которой идут предки. Не случайно упоминавшиеся уже выше супруги Р. и К. Берндт называют австралийские мифы словесной картой.

Представление в лицах делает рассказчиков соучастниками того, о чем говорится. Поэтому нередко мифологическим ситуациям свойственны выразительность и напряженность. В первую очередь это относится к многочисленным ссорам, дракам и поединкам, изображаемым со вкусом и знанием дела: мужчины кидают копьё, женщины дерутся палками-копалками, дерутся врукопашную, кидают друг в друга горящие головешки из костра, бросают в глаза друг другу горячую золу, кричат, обмениваются угрозами, договариваются о примирении, прибегают к хитростям и уловкам.

Одна из характернейших черт значительной части австралийских мифов — отсутствие какой-либо морализаторской тенденциозности в развитии и завершении сюжетов. В них нет ни одобрения, ни осуждения поступков действующих лиц. Отсутствует довольно распространенный в фольклоре прием выражения отношения рассказчиков к происходящим событиям в виде конечного результата сюжета — победы доброго начала над злым, того, что считается правильным, над тем, что считается неправильным. Отсутствуют мораль-

ные оценки или характеристики действующих лиц (злой, добрый, хороший, плохой и т. п.). В изображении отношений между мифологическими персонажами и, в частности, возникающих между ними конфликтов в австралийских мифах чаще всего проявляется какой-то произвольный

объективизм: осколки действительной жизни отражаются в зеркале мифа в непреобразованном виде, не такими, какими люди хотели бы их видеть, а такими, какие они есть. В этом, очевидно, сказывается какой-то неосознанный, произвольный реализм первобытного творчества.

Меланезийцы

Меланезийцы — коренное население множества островов западной части Океании (Меланезия — от греч. «черные острова»): архипелага Бисмарка (включая острова Адмиралтейства, Новую Британию, Новую Ирландию; в настоящее время входят в состав государства Папуа — Новая Гвинея), Соломоновых островов (северо-западная часть их входит также в состав Папуа — Новой Гвинеи, остальная — самостоятельное государство), островов Новые Гебриды (ныне государство Вануату), островов Новая Каледония (заморские владения Франции), островов Фиджи (государство в составе Британского Содружества). Сюда же обычно относят и папуасов, обитателей второго по величине в мире острова Новая Гвинея (восточная часть — государство Папуа — Новая Гвинея, западная входит в состав Индонезии). Меланезийцы еще недавно жили в условиях первобытно-общинного строя и каменного века, занимаясь мотыжным земледелием, рыболовством и морским собирательством. Для аборигенного населения островов Меланезии была очень характерна этническая дробность (множество племен, этнотерриториальных групп, в том числе совсем небольших), и отсюда — наличие огромного количества языков и диалектов.

Мифология меланезийцев сложилась в древние времена, задолго до появления первых европейцев в Океании. Она была важнейшим компонентом всей культуры, выступая слож-

ной системой представлений о мире, о природе, об устройстве и законах общества и одновременно орудием воздействия людей на внешний мир и регулирования отношений внутри общества. У каждого племени, у каждой локальной группы были свои мифологические комплексы, но все они объединялись общими чертами, что и позволяет нам описывать меланезийскую мифологию как нечто целое, имея в виду исключительное многообразие конкретных разновидностей и вариантов.

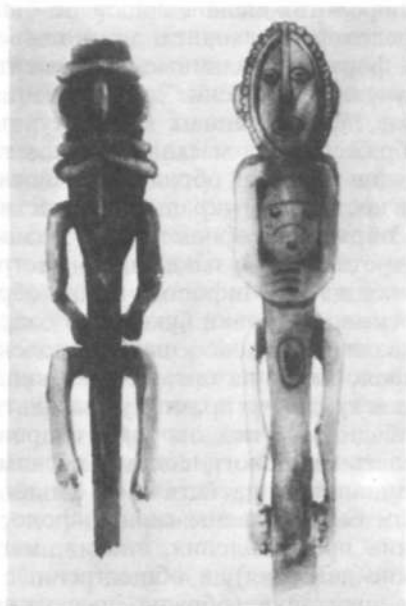
Мифология меланезийцев не была сосредоточена в одних лишь словесных формах. Различные ее элементы получали выражение в украшениях домов, в деревянных скульптурных изображениях, в масках, в предметах обрядов и в самих обрядовых действиях, в костюмах и украшениях участников обрядов, в орнаменте на разных предметах, в музыкальных инструментах и т. д. Мифологические образы, символы, знаки буквально сопровождали каждый шаг человека. Мифология была органически включена в трудовую практику (расчистка площади леса под огороды сопровождалась мифологическими песнями, заклинаниями и действиями; с любым делом были связаны свои мифологические представления, знания, магические действия), в общественные и семейные дела (обряды посвящения мальчиков были окружены мифами; похороны были связаны с мифологическими верованиями, представлениями об «ином» мире, о предках и

т. д.), в повседневный быт (лечение больных, посещение других деревень, ухаживание молодых людей и другие бытовые явления непременно сопровождалось словами и действиями мифологического содержания). Мифология захватывала области знаний, опыта, веры, отношений между людьми, повседневного поведения.

Согласно мифам меланезийцев мир, его составляющие, люди и общество с его нормами, полезные предметы созданы разного рода фантастическими существами, творцами, первопредками, культурными героями. Так, Агу-нуа, громадный змей (одновременно ему приданы человеческие, мужские, черты), создал море, землю, животных, гром и молнию, дождь и бури. В честь его исполняются ритуалы, на которых ему подносят первые плоды и поют специальные песни. Старуха Виндоне, явившаяся из-под земли, получила огонь, пресную воду и внесла в мир людей смерть, которой они раньше не знали. У папуасов Камбел скатал в шары сердцевину пальмы и

из них сотворил солнце и луну, определив им путь следования по небу; он же поднял небо, стоявшее вначале очень низко, не дававшее людям выпрямиться во весь рост, и наполнил его звездами из кусочков бамбука.

Первосоздателям обязаны своим происхождением и люди. У меланезийцев, особенно папуасов, большую роль играл тотемизм, в основе которого лежала идея рождения людей, человеческого коллектива от какого-либо животного, насекомого, птицы или неодушевленного предмета. Первопредки появлялись на свет чудесным путем: от семени кенгуру, из червя и т. д. Общество, которому дал жизнь такой первопредок, особо почитает свои тотемы, вокруг них сконцентрировано множество рассказов, которые затем переходят в сказки. Большое количество мифов посвящено возникновению и формированию общества (социума), получению благ, которые обеспечивают жизнь людей, открытию и установлению законов, норм, обычаев, знаний, мастерства. Все, что окружает человека и чем он владеет, обязано своим происхождением мифологическим персонажам. Это культурные герои. Часто это братья-близнецы или много (пять, двенадцать) братьев. Так, братья во главе с Кватом, рожденные от матери-камня, не только творят всю массу явлений и предметов природы, животный мир и т. д., но и открывают охоту, рыбную ловлю, огородничество, создают первые орудия труда, дома, лодки, музыкальные инструменты. Братья устанавливают порядок жизни племени, правила образования семьи. Один из братьев — мудрый и добрый, ему племя обязано полезными вещами и законами; второй — глупый и коварный, часто портит сделанное первым и придумывает злые вещи, в том числе войну. Так появляются сказания о ссоре между братьями, о том, как братья, завидующие успеху одного, старшего или младшего, стремятся погубить его, устраивают ему ловушки, но он выхо-

Деревянные фигуры мифических персонажей с островов Меланезии. Рис. Н. Н. Миклухо-Маклая, 70-е гг. XIX в.

дит победителем. От этих сказаний уже недалеко до сказок, лишенных мифологического содержания.

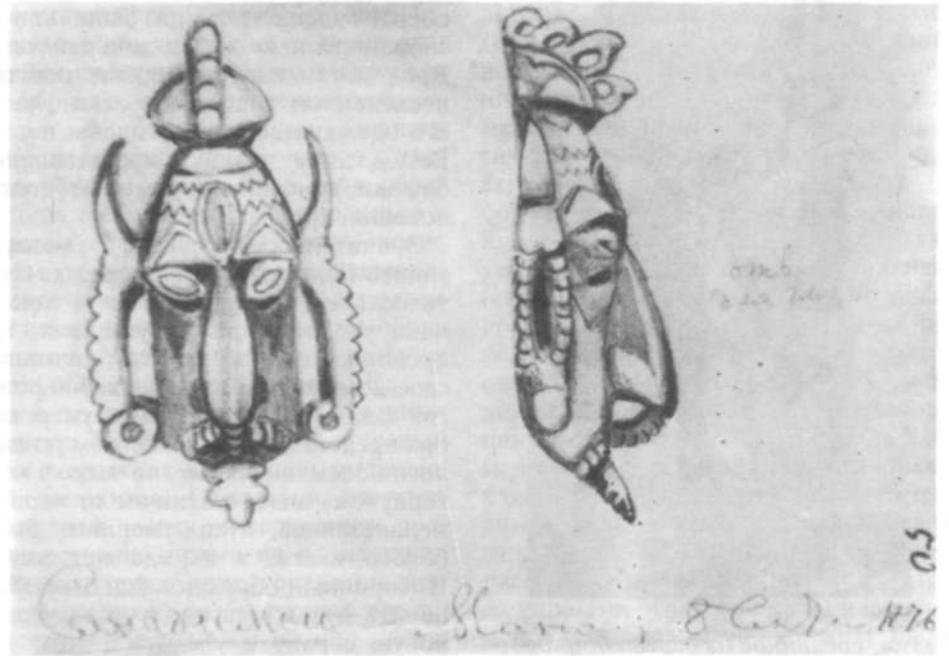
Из культурных подвигов особенно важно получение огня: предки добывают его, похищая у кого-то, доставляя его на свой остров с большими трудностями.

Мифологические предки совершили героические деяния, очистив острова и моря от чудовищ — гигантских змеев, моллюсков, великанов-людоедов. Эти подвиги запечатлелись в героических сказаниях, из которых позднее развился эпос о племенных героях.

Таким образом, для меланезийской мифологии была характерна вера в то, что «современной» жизни племени, людей предшествовали времена первотворений, деяний предков и культурных героев. Память об этой эпохе и неразрывная связь с нею поддерживались культом предков и сложной системой периодических обрядов. В определенное время года

устраивались грандиозные празднества, значение которых заключалось, в частности, во встречах, в чествовании и проводах предков. В сопровождении групп мужчин в праздничных нарядах, украшенных, с оружием в руках, под песни и удары барабанов, под ритуальные пляски в деревню входили — скрытые под масками, под специальными уборами — «предки». Считалось, что такие ритуалы должны были способствовать хозяйственным успехам племени, обеспечивать благополучие во всех делах. Этим же целям служили скульптурные изображения предков на фронтонах мужских домов, на площадках в деревнях.

Важнейшую часть меланезийской мифологии составляла вера в «хозяев» или духов природы. Считалось, что они населяют окружающий мир, живут на лесных участках, в водоемах, на плантациях, на рифах, в камнях и пещерах. Их представляли в виде змей или рептилий с несколькими

Маска из дерева. Дер. Сангдимби-Мана. Горные папуасы. Рис. Н. Н. Миклухо-Маклая, 1876 г.

головами и хвостами, в виде животных с уродливыми признаками или существ, в облике которых соединялись черты животных, растений, людей. Они были способны перевоплощаться, становиться невидимыми. Они выступали хранителями соответствующих сфер природы. От них зависело, что случится в природе, как сложится сезон. Они могли вызвать ураган, потопить остров, воспрепятствовать расчистке леса под плантацию. Необходимо было постоянно совершать различные действия, которые предотвращали бы нападения духов или склоняли бы их на сторону людей. Папуасы, вырубая деревья для будущих огородов, сопровождали работу специальными песнями, обращенными к духу дерева: он должен был не сопротивляться рубке, спокойно выйти из дерева, а затем поселиться на разбитом огороде и охранять его.

Телум, сделанное из дерева обрядовое изображение мифического предка. Дер. Бонгу. Рис. Н. Н. Миклухо-Маклая, 1877 г.

От духов зависели многие другие дела людей. Духи могли показывать гребцам верный или неверный курс, могли насылать болезни, являться во сне с советами, охранять дом; к ним обращались за поддержкой перед военным походом и т. д.

В практике жизни меланезийцев важное место занимала магия — система средств и способов воздействия на силы природы, на других людей, на духов. Магическая вера в возможность вызвать желаемый результат с помощью особых предметов, операций над ними, словесных формул (заговоров и заклинаний) составляла существенную часть мифологии. Знанием магии в ее элементарных проявлениях обладали едва ли не все члены общества, но в нем выделялись специалисты, обладавшие системой знаний и умений, — колдуны, знахари. В силу магии твердо верили, нередко разного рода неудачи, несчастья относили на счет воздействия магии. Так, папуасы верили, что причиной неожиданной смерти члена племени были чьи-то злонамеренные магические действия. Вред могли нанести, добыв остатки несъеденной пищи человека, часть его одежды, волосы с головы и т. д. Результатом таких представлений бывали конфликты, военные столкновения, кровная месть.

Значительное развитие у меланезийцев получил культ умерших. Считалось, что после смерти дух покойника уходит в страну умерших, где продолжает существовать, оказывая свое воздействие на живых. Мифология давала картины страны умерших, она представлялась во многом по аналогии с землей живых, но часто в «вывернутом» виде: в отличие от черных меланезийцев духи умерших были белого цвета, в их еде нет вкуса. Похоронный обряд должен был обеспечить духам благополучный уход в новую страну и убедить в том, что живые почитают их должным образом. Путь, которым духи отправлялись к месту своего обитания, был

известен и обозначен различными предметами — камнями, пещерами, водоемами. У входа в землю умерших находился страж: его описывали поразному, нередко как существо человеческого облика с какими-нибудь фантастическими привесками. Верили, что духи умерших имеют обыкновенное время от времени возвращаться в деревню, бродить по знакомым местам. При этом они проявляют доброжелательность к живым, помогают им либо, напротив, оказываются злыми и мстительными, могут наслать болезнь, вызвать неурожай. Особая функция — наблюдение за поведением живых, за соблюдением ими норм морали. Отсюда — серия обрядов, обращенных к умершим, почитание их памяти (папуасы хранили в хижинах челюсти покойных), обращение к ним за помощью.

Сложный комплекс мифологических представлений и магических действий связан с земледелием, составлявшим основу хозяйственной жизни меланезийцев: это культ плодородия, получивший выражение в многочисленных мифах о происхождении огородных культур и плодовых деревьев и в обрядах производственного содержания. У папуасов мы находим вариант мировой темы: живое существо убивается или само себя обрекает на гибель, чтобы возродиться в форме растения. Так мать велит детям убить казуара, сама превращается в эту птицу, а дети, исполнив ее наказ, совершают затем обряд похорон. Через некоторое время из костей вырастают плоды ямса — одной из самых важных огородных культур Новой Гвинеи. Кокосовый орех вырастает из головы мифической женщины. Обряды и действия огородной магии совершались преимущественно прямо на плантациях. Хозяин огорода готовил опьяняющий напиток, разбрызгивал его по участку и обращался с заклинанием к *этенгена*, мифическому покровителю огорода, с просьбой о поддержке. В лунки при посадке клали магические

снадобья, свои для каждой культуры, произносились тайные формулы и секретные имена. Период снятия урожая ознаменовывался значительными по масштабам и числу участников ритуальными церемониями, которые много дней происходили в деревне на специальной площадке, в огородах, в лесу, на берегу моря. Во многих местах Новой Гвинеи такие церемонии посвящены ямсу. Плоды его, принесенные на место обряда, считаются живыми существами, на них надевают маски, браслеты из раковин, их раскрашивают, вырезают изображения лиц и т. д. Вместе с тем плоды ямса рассматривают как воплощения явившихся духов умерших. Все это сопровождается плясками, игрой на музыкальных инструментах, исполнением ритуальных песен, пантомимами.

Мифологические представления меланезийцев наиболее определенно и последовательно выражены в множестве различных текстов — мифов, быличек, сказаний, песен, заклинаний и др. Собственно мифы — космогонические (о происхождении явлений природы), этиологические (о возникновении и создании разных предметов природы и культуры), генеалогические (о происхождении племен и этнических групп), героические (о борьбе культурных героев с чудовищами), мифы о первопредках, духах умерших и др. — имели сакральный (священный) характер, им придавалось особое значение, многие из них не могли рассказываться открыто, они передавались только по мужской линии, юноши, проходившие инициацию (обряд посвящения в члены племени, рода), получали их от стариков как обязательное достояние, необходимое тайное знание. Существовали запреты на знание мифологических рассказов или каких-либо предметов женщинами. Так, женщины и дети ни под каким видом не должны были видеть музыкальные инструменты, в которых воплощались духи или предки, и слышать их звучание. Более

доступны всем были рассказы, в которых присутствовали мотивы мифов, мифологические образы, но не содержалось сакрального смысла. Таковы былички о встречах людей с духами, «хозяевами», о нечаянных браках женщин с «хозяевами» и др. Распространены были рассказы о путешествиях живых в мир умерших. В папуасском мифе муж (Тауруабу) отправляется вслед за умершей женой, преодолевает по пути разного рода препятствия — ловушки, гигантскую ящерицу, фантастического стража. Ему разрешают увести жену домой, ставя условие, что в течение тридцати одного дня он будет делать всю работу за нее, а она постепенно будет возвращаться к жизни. В самый последний день, когда ей остается лишь восстановить мизинец, муж просит ее срезать несколько саговых

листьев; жена ранит себя ножом в мизинец, и вся кровь вытекает из ее тела. Замечательно и в высшей степени характерно для мифа: Тауруабу, рассказав о случившемся, сам умирает, а люди осуждают его, ибо растения, которые он принес из земли умерших, могли бы принести жителям деревни бессмертие.

Мифы, былички, сказания, ритуальные песни меланезийцев — это источник, из которого постепенно развился их богатый и разнообразный фольклор — сказки, эпические песни, предания, песенная лирика. Этот фольклор частично сохранил, но уже в сильно преобразованном виде, мотивы, темы, представления мифологии. Многие из них находят близкие параллели в мифологии и фольклоре народов мира.

Микронезийцы

К Микронезии относятся Марианские, Каролинские, Маршалловы острова, острова Гилберта (Кирибати), острова Науру и Ошен. Большинство островов Микронезии — низкие атоллы, редко способные прокормить более чем несколько сот человек. Гораздо более благоприятные условия имеются на вулканических островах: Марианских, Палау (Белау), Яп, Трук, Понапе, Кусаие.

Все аборигенное население Микронезии относится к австронезийской языковой семье, древняя прародина которой находилась, вероятно, в Южном Китае. Но в места своего современного обитания жители Микронезии пришли разными путями. Марианские острова и острова Палау были заселены с запада, скорее всего, независимо друг от друга из района Сулавеси — Филиппинских островов. Произошло это, очевидно, во 2-м тысячелетии до н. э. Большинство остальных островов населено сейчас потомками других мигрантов, при-

шедших с юга через острова Гилберта и Науру на Маршалловы и Каролинские острова; начало этой миграции относится, вероятно, к рубежу 1—2-го тысячелетия до н. э. Заселение островов Яп произошло также с юга, но независимо от предыдущей миграции. Наконец, два атолла на южной периферии Каролинских островов — Капингамаранги и Нукуоро — не ранее середины 1-го тысячелетия н. э. были заселены полинезийцами из района островов Тувалу — Самоа через цепь атоллов к северу от Соломоновых островов.

Таким образом, мифологические представления и религии различных групп микронезийцев почти не связаны между собой по происхождению, хотя отличаются исконной типологической близостью и во многих случаях подверглись взаимному влиянию. Универсальное распространение имели культ предков, вера в зловредных духов и духов-покровителей, в магию, а также шаманство. Жречество как

отдельный социальный слой не получило заметного развития; иногда жреческие функции выполняли вожди. Значительные культовые здания не строились, их роль частично выполняли общественные мужские и женские дома (более распространены на западе Микронезии), предназначенные для выполнения обрядов тайных союзов.

Космогонические мифы микронезийцев разнообразны. Исходное состояние Вселенной представляется пустотой, безбрежным океаном или раковиной, створки которой в дальнейшем образуют небо и землю.

Наиболее развита мифология народов Каролинских островов. По одним версиям творцом мира является хозяин ветра, дождя и радуги Анулап, сбросивший с неба или доставший из-под воды землю (по другим мифам он творит землю из собственных испражнений или крови). Созданная им женщина рождает людей, рыб, растения. Анулап строит первые жилища и учит людей мореплаванию. Его сын (или внук) Иолофат в поисках отца по столбу пара поднимается на небо, по неведению вступает в борьбу с отцом и побеждает его. Иолофат достает для людей полезные растения, рыб и пресную воду. Огонь дарует им Лугеиланг, старший брат (отец) Иолофата, покровитель воинских искусств. Борьба Иолофата со злыми духами и хитроумные проделки над людьми составляют сюжеты любимых рассказов микронезийцев.

По представлениям жителей Маршалловых островов, элементы мироздания создаются по слову бога Лоа. Сотворив человека, он дает ему первоначальные знания и вручает корзину с землей. Плывая по океану, первый человек разбрасывает по обе стороны землю, так возникают цепи атоллов Радак и Ралик. Проказник Эдао дурачит злых духов, крадет у них для человека огонь, полезные растения, рыболовные снасти и саму рыбу; он же изобретает татуировку.

По воззрениям жителей Кирибати

мир создан из раковины пауком-демиургом Нареау, отделившим небо от земли с помощью угря Риики — повелителя морских рыб, позднее обратившегося в Млечный Путь. Нареау выживает из-под воды различные острова, совершает героические подвиги и беззлобные проделки над богами и людьми, во многом напоминающая полинезийского Мауи. Люди возникают из ветвей мирового дерева. По местной традиции огонь для людей крадет у отца сын солнца, хозяин морских животных Мбуэ. Он же доставляет людям дождь (Кирибати отличается засушливым климатом и отсутствием пресных водоемов). На Кирибати известен и заимствованный у полинезийцев Тангароа.

Загробный мир по воззрениям микронезийцев часто делится на рай и ад (*макан* и *яри* на острове Яп, *пайит* и *пуэлико* на Понапе и т. п.); широко распространены представления о сходящихся скалах, раздавливающих души умерших перед дверью небесного божества.

Повседневная жизнь микронезийцев была ограничена значительным количеством священных запретов, за соблюдением которых следили сверхъестественные существа разного ранга. Кроме хозяев природных стихий, существовали боги — патроны все возможных занятий (строительства жилищ и лодок, рыболовства, выращивания полезных растений, навигации, плетения циновки, нанесения татуировки и т. п.), а также многочисленные злые и добрые духи. Последняя категория оказывала наибольшее влияние на жизнь отдельных людей. Часто «социальная организация» мира духов в точности повторяла устройство человеческого общества. Например, конкретная судьба жителя Палау определялась результатами соперничества его *бладек* (духов предков-покровителей) и *делеп* (злых духов, относящихся к другим родам).

Традиционные религиозные представления ранее всего утрачиваются на Марианских островах, колонизо-

ванных испанцами в XVI—XVII вв. В ходе военных действий против колонизаторов у местных жителей, чаморро, сложился культ погибших в борьбе с испанцами. Позднее древняя культура была полностью уничтожена. Современные чаморро — католики, в антропологическом отношении смешанные с испанцами и филиппинцами.

На других архипелагах местные верования сохранялись нетронутыми до второй половины XIX в.; на Каролинских островах они частично сохраняются до сих пор, приспосабливаясь к новым условиям. Наиболее известный пример — религия *модекнгей* («соединяющая» [богов и палауан-

цев]), основанная Таменадом, жителем деревни Аол на острове Палау в 1916 г. Таменад объявил, что покровитель деревни, божество Нгиромокуул, будет защищать от японцев (которым принадлежала в это время Микронезия) своих последователей. Все верующие должны были «очистить» свои деньги, оскверненные присутствием японцев. Определенная доля «очищенных» денег пошла на развитие новой церкви, повышая ее авторитет. В настоящее время модекнгей активно участвует в политической жизни страны; кандидаты в парламент получают одобрение или порицание бога Нгиромокуула.

Полинезийцы

Предки полинезийцев и многих других океанийских народов происходят из Юго-Восточной Азии; около 5 тысяч лет назад они пришли на западные окраины Океании. К середине 2-го тысячелетия до н. э. они достигли островов Тонга. Именно здесь в течение нескольких столетий формировалась полинезийская цивилизация. С начала 1-го тысячелетия до н. э. полинезийцы постепенно заселили Самоа и другие соседние острова Западной Полинезии, а около 2-х тысяч лет назад отправились далее на восток осваивать новые, прежде необитаемые земли; кроме того, небольшие группы отправились в обратный путь на запад и заселили несколько небольших окраинных островов в архипелагах Меланезии и Микронезии. В Восточной Полинезии сначала были заселены Маркизские острова, а вслед за ними — остров Таити, которому суждено было стать колыбелью восточнополинезийской культуры, распространившейся отсюда на огромные пространства от Гавайев на севере до Новой Зеландии на юге.

Из всей Полинезии лишь Новая

Зеландия находится в умеренном климате. Остальные Полинезийские архипелаги расположены в тропиках. Образующие их острова бывают двух типов: относительно крупные и плодородные вулканические острова и коралловые острова — атоллы. В поперечнике атоллы достигают иногда сотен километров, а состоят они из лагуны и окружающих ее длинных узких полосок суши, разделенных мелями и проливами. Острова, составляющие атолл, поднимаются над водной гладью всего лишь на несколько метров. Почвы здесь неплодородны и набор культурных растений, которые можно здесь выращивать, невелик.

Растительный и животный мир Полинезии очень беден и не вполне соответствует нашим представлениям о настоящих тропиках. И вулканические и коралловые острова выросли в океане сравнительно недавно, и до человека здесь обосновались лишь те представители флоры и фауны, которые смогли добраться сюда по морю или по воздуху.

Таким образом, при культурном районировании Полинезии важным

оказывается противопоставление не только архаичного запада и освоенного значительно позднее востока, но также более богатых вулканических архипелагов (Тонга, Самоа, Таити, Гавайи) бедным коралловым островам (Тувалу, Токелау, Туамоту и др.), где постоянная борьба за существование не способствовала развитию и усложнению социальной организации; в ряде случаев происходило и явное упрощение общественного устройства, что отражалось также на религиозных представлениях и обрядности.

Строго говоря, полинезийская мифология и религия не представляли собой единого целого. За сотни и тысячи лет представления о мироздании и культовые обряды трансформировались на каждом архипелаге по-своему. Это не удивительно, если учесть, что новые острова нередко заселялись случайно и среди первопоселенцев могло не оказаться тонких знатоков вероучения и обрядности.

Европейцы начали изучение Полинезии с востока, и многие достаточно поздно возникшие здесь культурные особенности были приняты за общеполинезийские; более древние представления тонганцев и самоанцев известны хуже, поскольку ко времени появления здесь исследователей культуры и традиционных преданий многое оказалось навсегда утраченным под воздействием христианского учения.

Для понимания механизма функционирования полинезийского общества центральными оказываются два понятия: *тапу* и *мана*. Мана — это таинственная сила, сверхъестественные способности, которыми боги от рождения наделяют знатных людей. Мана дает аристократии власть над людьми; вожди, жрецы и ремесленники благодаря своей мане достигают успехов в присущих им занятиях. Тапу (по-европейски табу) — это священные запреты, исходящие от богов или же от их представителей на земле, верховных вождей и жрецов. Наруше-

ния тапу грозило страшными карами и утратой маны. Особенно велика была мана верховных владык: все, к чему они прикасались, становилось тапу для простых людей; если вождь посещал жилище своего подданного, то хозяин больше не мог им пользоваться, оно становилось тапу. В Восточной Полинезии установления богов делали жизнь монарха подчас просто невыносимой. На острове Таити, например, государь вынужден был передвигаться верхом на своих подданных, он не мог касаться земли, чтобы не лишить остальных людей права пользоваться ею.

Нарушитель тапу непременно получает заслуженную кару. Считалось, что праведного человека не может постигнуть ранняя смерть. Если болезнь могла быть просто результатом коварных козней зловерных духов, то смерть, тем более раннюю, всегда посылали боги.

В наиболее древних западнополинезийских религиозных системах история возникновения мира выглядит следующим образом. Всему сущему предшествовали ночь и абсолютная тьма. Далее следовала длинная вереница переходящих друг в друга абстрактных сущностей: ничто, пустота, бесконечность, протяженность, пространство, даль, мысль, дума и т. п. Потом появляется верховное божество Тангалоа. Некоторые считали, что он существовал изначально, еще во времена абсолютной тьмы, и находился внутри раковины, из двух створок которой он сотворил позднее небо и землю. По другим представлениям, Тангалоа сначала создает Океан, затем отдельные острова: часть их он с грохотом сбрасывает с неба, часть выуживает с морского дна. Интересно, что именно этим отличаются вулканические острова от коралловых. Затем Тангалоа лепит из земли человека. Иногда считается, что делал это не сам Тангалоа, а его сын Тули.

Тангалоа многолик: существует Тангалоа-творец, Тангалоа-прорица-

тель, Тангалоа-мастер, Тангалоа-посланец, Тангалоа-воин, Тангалоа-мудрец, Тангалоа-правитель и так далее. Соотношение этих ипостатей Тангалоа не вполне ясно.

В Восточной Полинезии почиталось четыре верховных бога: Тангароа, Тане, Ту и Ронго. Их появлению предшествует длинный период переходящих одна в другую ночей: темная ночь, длинная ночь, неисчислимая ночь и т. д. Возникновение самих богов объясняется по-разному. Новозеландские маори считали их детьми первопредков Папы (земли) и Ранги (неба), находившихся некогда столь близко друг от друга, что их дети, которые могли передвигаться лишь на четвереньках, устроили заговор с целью увеличить жизненное пространство. Тане уперся ногами в небо и отодвинул его (поэтому маори считают, что деревья — потомки Тане — растут головой вниз).

По одной из гавайских версий творения после эпохи ночей возникают сначала моллюски, затем водоросли, наземные растения, насекомые, птицы, млекопитающие (картина не принципиально отличается от эволюционной концепции Дарвина!). Лишь после этого появляются боги и первые люди — мужчина Кии и женщина Лаилаи, чье потомство включает новых богов, героев и предков простых смертных.

Функции четырех верховных богов Восточной Полинезии на разных архипелагах не всегда совпадали, но чаще всего Тане был покровителем растительности, ремесел и знаний; именно он обычно создает первых людей. Тангароа — бог водной стихии и ее обитателей. Ронго — бог земледелия и как символ созидания противопоставляется кровожадному богу войны Ту.

Полинезийский пантеон населен огромным множеством божественных существ: одни покровительствуют строителям, другие рыбакам, третьи земледельцам. При этом часто различными трудовым операциям покрови-

тельствовали отдельные божества. Например, у гавайцев за изготовлением лубяной материи наблюдал бог Маикоха, одна его дочь отвечала за предварительное отбивание коры колотушкой, другая — за нанесение узора. Каждое явление природы — это особое божество. Солнце — это бог, луна — богиня, даже смерч — слепой бог, бегущий не разбирая дороги.

В разных районах Восточной Полинезии появлялись местные боги, не известные в других местах. Так, у маори довольно высокое положение занимал Тафири-матеа, бог ветра, брат остальных верховных богов; он один был против разделения Папы и Ранги и в гневе пытался сдуть своих братьев с лица земли. Попытка не удалась, но до сих пор разгневанный Тафири вымещает зло на потомках своего главного противника Тане — деревьях, вырывая их иногда с корнем.

В некоторых случаях высокий ранг получали боги-чужаки. По гавайским преданиям, мстительная огненноволосая богиня вулканов Пеле приплыла с Таити, прогнала законного владельца вулканов и стала одной из самых опасных сил на островах.

Иногда новые боги затмевали старых. Так случилось на Таити с богом Оро, культ которого в XVIII в. обрел первостепенное значение. Он считался здесь покровителем военных действий и дальних плаваний. Служители Оро образовали союз *ареоев*, вступать в который могли не только аристократы, но и простолюдины. В обществе было семь ступеней посвящения, продвижение по которым обставлялась сложными церемониями. Ареои не имели постоянного места жительства, а перебирались с одного острова на другой на десятках крупных каноэ. По всему архипелагу они ставили спектакли на священные сюжеты, а также сатирические и чисто развлекательные; празднества ареоев часто носили оргиастический характер.

Чем изолированнее от остального мира был остров, тем больше специфики было в местной мифологии. Яркий пример — остров Пасха, практически не имевший контакта с остальными островами полтора тысячелетия. Верховным богом здесь стал Макемаке, которому принадлежит заслуга создания первых людей. Тангароа, Ронго и Ту фигурируют в генеалогиях вождей, но к числу почитаемых богов не относятся; имя Тане вообще неизвестно.

Кроме богов, мифологический мир полинезийцев был обильно населен героями. Герои участвовали в создании мира, в установлении общественных норм, но в отличие от богов не были объектами поклонения. Наибольшую известность среди героев имел Мауи. По западнополинезийским представлениям, Мауи происходил из семьи, жившей в нижнем мире, и вместе с отцом попал в мир людей. У отца внизу оставались огороды, и он тайком от сына ходил их обрабатывать. Однажды Мауи прокрался вслед за отцом и выкрал снизу огонь, который таким образом попал к людям. Другое важное деяние Мауи — вылавливание из океана новых земель при помощи волшебного крючка. В Восточной Полинезии Мауи обычно считается земным человеком. Он родился недоношенным. Чуть живого, его подобрала и воспитали боги. Так же, как в Западной Полинезии, он добывает огонь и достает с морского дна новые земли, среди них Северный остров Новой Зеландии, который по-маорийски называется Те-Ика-а-те-Мауи («рыба Мауи»). Погиб Мауи в схватке с богиней ночи Хиной-Нуи-те-По.

Другие герои сражаются с чудовищами, крадут у богов и доставляют людям полезные растения и т. д. Особо выделяются герои-мореплаватели, такие, как тонганский Каэ и восточнополинезийские Купе и Хиро. Эти легендарные персонажи, возможно, имели реальных прототипов.

К числу сверхъестественных

существ, почитавшихся полинезийцами, относятся не только небесные божества, но их духи, вселившиеся в животных, рыб, деревья, скалы, а также духи — прислужники богов и духи предков. Все они следили за точным исполнением разнообразных предписаний-тапу. Менее могущественны, но более вредны в повседневной жизни были духи недавно умерших людей. По представлениям полинезийцев, духи умерших некоторое время остаются неподалеку от своих жилищ в земной жизни. Позже духи рядовых общинников отправляются в изначальную тьму, где в конце концов гибнут; духи аристократов путешествуют в страну мертвых. (Дух иногда покидает тело и при жизни, это происходит во сне или при тяжелой болезни.)

По представлениям тонганцев и самоанцев, страна мертвых — Пулоту — находится где-то под водой. Царствует там могущественный Хикулео (Сиулео); он может влиять на земные события, хотя и не является настоящим божеством. В прежние времена героям нередко удавалось посетить Пулоту и хитростью выкрасть у Хикулео многие полезные растения для людей. В Восточной Полинезии считалось, что души умерших отправляются в легендарную прародину Хаваики, находящуюся далеко на западе (в действительности это самоанский остров Савайи, откуда когда-то полинезийцы отправлялись на восток).

На атоллах, где обычно не было развитого жречества и социальная структура была достаточно простой, упрощенным представлялся и мир сверхъестественного, меньше уделялось внимания верховным богам и их взаимоотношениям. Впрочем, в любой части Полинезии в жизни простых людей наиболее важным было поклонение семейным и индивидуальным богам и духам предков. Хотя эти существа занимали низшие ступени в иерархии сверхъестественных сил, от их расположения зависели успехи в повседневной жизни. Если такой

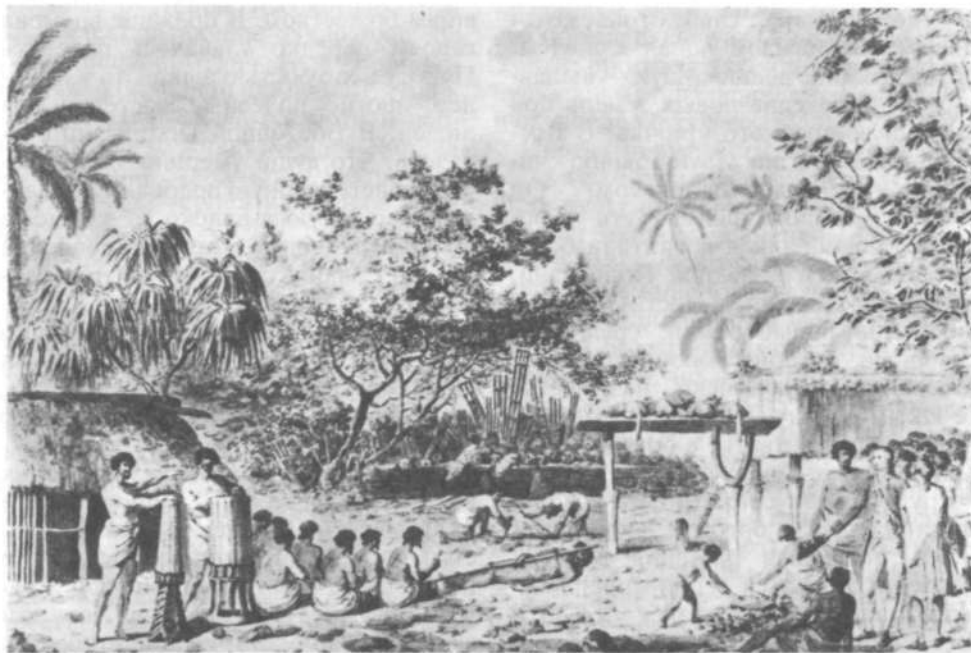
индивидуальный покровитель не давал счастья, его можно было заменить на другого; конечно, ренегат шел при этом на известный риск.

Количество божеств подчас превышало население самих архипелагов. На Гавайях, например, в традиционной молитве полагалось не забыть никого из мириад божественных существ, поэтому молитва начиналась и заканчивалась особой формулой: «Я взываю к сорока тысячам богов, к четыреста тысячам богов, к четыреста тысячам богов».

Служение семейным покровителям было частным делом, верховным же божествам посвящались особые храмы, в которых прислуживали жрецы. В Западной Полинезии значительных храмов не было. Богам посвящались *малаэ* — открытые площадки посреди поселков, где воздвигались небольшие культовые сооружения. Малаэ своеобразно совмещали в себе роль церкви и клуба: здесь не только происходили моления и совершались

жертвоприношения, но шли также состязания борцов, певцов, сказителей, здесь выступали ораторы. Они также служили убежищем для всех, опасавшихся мести и гнева властей. На востоке храмы имели более внушительный вид. На обнесенных стеной каменных площадках строились многоступенчатые пирамиды, с которых велось богослужение, усыпальницы, где хранились кости знати, и другие культовые сооружения; здесь же стояли идола, изображавшие богов. Перед посещением храма нужно было соблюдать разнообразные пищевые запреты. Женщины в храм не допускались и молились прародительнице Папе в отдельном помещении. Особенно тщательно ритуалы богослужения были разработаны на Таити и Гавайях. Здесь при основных храмах существовали школы по подготовке жрецов.

Служение богу войны требовало человеческих жертвоприношений, остальные боги были менее крово-

Участники экспедиции Дж. Кука Таити. Рис. Дж. Вебера, художника экспедиции

жажны. Обрядовые действия часто перерастали во всенародное празднество. Примером этого может служить гавайский праздник нового года Макахики, отмечаемый после осеннего сбора урожая в октябре. В начале празднования процессия с шестом, изображавшим бога Лоно (гавайское произношение Ронго), обходила все побережье острова, собирая при этом натуральный налог с жителей. Когда обход, длившийся до месяца, завершался, верховный вождь с группой телохранителей выходил в море и на обратном пути подвергался ритуальному нападению отряда воинов, вооруженных копьями. Это было испытание маны вождя. Если он получал ранения, значит, святость покинула его, и требовался новый верховный правитель. После испытания вождя изображение Лоно отправляли в море, проводились определенные церемонии для снятия пищевых запретов и провозглашалось начало нового года, три первых месяца которого отводились спортивным состязаниям, обрядовым пляскам, играм и развлечениям. На весь этот период накладывалось жесткое табу на военные действия.

Устои полинезийской религии стали рушиться с конца XVIII в., когда на большинстве архипелагов частыми гостями стали европейские мореплаватели — сначала исследователи, потом китобои и торговцы. Они не проявляли к местным богам никакого почтения, со спокойной совестью нарушали табу и оставались безнаказанными. Чуть позже здесь появились миссионеры; процесс христианизации шел неравномерно, но к концу XIX в. завершился практически по всей Полинезии. Последователи традиционной полинезийской религии сохранялись лишь на отдаленных труднодоступных атоллах.

* * *

Сейчас подавляющее большинство населения Океании — христиане.

Христианизация жителей тихоокеанских островов началась в 1668 г., когда на Марианские острова, открытые Магелланом более чем на столетие ранее, прибыли испанские миссионеры, но активность миссионеров надолго ограничилась лишь этим архипелагом.

В 1797 г. Лондонское миссионерское общество направляет в Океанию корабль «Дафф», и первые проповедники высаживаются на Таити. Попытки закрепиться на других островах оказались неудачными. Вскоре протестантские миссионеры из Англии и США начали прозелитическую деятельность на Новой Зеландии (1814 г.), на Гавайях (1820 г.), на островах Кука (1823 г.), на Тонга (1822 г.), на Самоа и Фиджи (1830 г.). С 1830-х годов в Океании появляются католические проповедники из Франции. Разворачивается активная борьба за паству между католиками, конгрегационалистами, пресвитерианами, методистами, англиканами, кальвинистами; к концу прошлого века в нее включаются мормоны, лютеране и представители других направлений христианства.

Основные архипелаги Полинезии были христианизированы уже к середине XIX в.; большая части Микронезии и Меланезии — лишь с конца прошлого — начала нашего столетия. Оценка деятельности миссионеров не может быть однозначной: разумеется, многие из них, особенно на начальном этапе прозелитической деятельности, старательно искореняли традиционную культуру, но, с другой стороны, во многих случаях именно им мы обязаны нашим знаниям о жизни океанийских народов до контактов с европейцами. Миссионеры занимались и продолжают заниматься не только проповедью слова Божьего; их силами ведутся занятия во многих школах, разрабатываются письменности, печатаются книги и периодические издания.

В традиционных религиозных представлениях народов Океании духов-

ный мир не противопоставлялся физическому. Все природные объекты считались вместилищами низших сверхъестественных существ — духов. Несмотря на успехи миссионеров в распространении христианской обрядности, традиционное мировоззрение, вера во всевозможных духов, в колдовство и магию сохраняются у большинства народов Океании.

В ряде случаев христианское учение воспринималось далеко не так, как хотели бы миссионеры. Яркий тому пример — многочисленные маорийско-христианские секты. Первая из них, паи-марире, была основана в 1862 г. маорийским пророком Те Уа, творчески переработавшим идеи Ветхого завета. Те Уа учил, что маори — потомки Сима, и европейцы, потомки Иафета, должны быть изгнаны с земель богоизбранного народа маори. По отношению к захваченным в плен европейцам последователи паи-марире практиковали ритуальный каннибализм. Сторонники возникшей пятью годами позже секты рингату были менее кровожадны, но столь же воинственно настроены по отношению к колонизаторам и в течение нескольких лет успешно вели партизанскую войну. Позднее возникло несколько новых сект, адепты которых призывали к мирному отстаиванию интересов коренных жителей. Число последователей наиболее известной из них, ратана, составляет сейчас 1/10 маорийского населения.

Контакты с европейской культурой в некоторых районах западной Меланезии породили очень интересный религиозный феномен, так называемые культы карго (от англ. cargo, «груз»), первые известия о которых восходят к концу XIX в. Местным жителям был совершенно непонятен западный способ ведения хозяйства, механизм производства и распределения товаров. При этом оказалось, что европейцы располагают огромным количеством ранее невиданных ценностей и распоряжаются их распределением по каким-то совершенно непо-

нятым законам. Десятки тысяч меланезийцев, отработавших по контракту на плантациях в Австралии и на некоторых островах Тихого океана, возвращаясь, рассказывали соплеменникам о мире белых уже просто невероятные чудеса. Происхождение таинственных ценных товаров требовало рационального объяснения в рамках духовного мира, в котором жили меланезийцы и папуасы, частично уже ознакомившиеся с христианским учением, но во многом остававшиеся поклонниками традиционных верований.

Так в нескольких районах Новой Гвинеи и на соседних архипелагах независимо возникли культы карго. Согласно этим учениям божественные предки (или Христос, или ангелы) отправили подарки своим потомкам, но европейцы захватили их по дороге в свое распоряжение. Считалось, что справедливость скоро возторжествует, из-за океана придет новый неисчерпаемый груз даров, европейцы уже не смогут присвоить его и будут служить меланезийцам. В 1940-е годы Новая Гвинея, архипелаг Бисмарка и Соломоновы острова стали ареной ожесточенных боев между Японией и США. Продовольствие и боевая техника, прибывавшие на военных судах и самолетах, дали новый толчок развитию культов карго. Ритуальная сторона этих религиозных течений включает многие европейские военные атрибуты: использование флагов, маршировку и даже расчистку джунглей под взлетно-посадочные полосы.

Культы карго сыграли определенную роль в борьбе меланезийцев за независимость, но роль эту трудно считать положительной, поскольку идеология этих культов основывалась на абсолютно ложных посылах об устройстве мира. Нередко вспышки этих учений объективно вели к полному развалу хозяйства, поскольку в ожидании ценных даров адепты нового учения иногда полностью уничтожали имевшуюся у них собствен-

ность, включая продовольствия.

В современной Океании позиции католиков наиболее сильны на Марианских островах, на Новой Каледонии, островах Уоллис и Футуна; их численность велика также и в Папуа — Новой Гвинее. Конгрегационистов много на Маршалловых островах, на востоке Каролинских островов, на Самоа, островах Кука, Науру, Тувалу, Кирибати. Большинство христиан Фиджи и Тонга — методисты. Конгрегационисты и методисты Папуа — Новой Гвинеи и Соломоновых островов в 1968 г. создали Объединенную церковь. Во Французской Полинезии преобладают евангелисты, но жители Маркизских остро-

вов, Туамоту и Мангаревы — католики. В Новой Гвинее и на западе Каролинских островов много лютеран. Англикане составляют большинство лишь в Новой Зеландии, но это в основном потомки мигрантов из Европы.

Со второй половины XIX в. в Океании появляются иммигранты из Азии. Сейчас их потомки наиболее многочисленны на Фиджи (индийцы — индуисты и мусульмане) и на Гавайях (японцы, китайцы, корейцы — буддисты и представители других дальневосточных конфессий; здесь много также филиппинцев-католиков).

5

Народы Африки южнее Сахары

Мифологические представления, зафиксированные у народов субсахарской Африки, находившихся на различных уровнях исторического развития, не представляют собой однородного целого. Однако мы можем вычленивать в мифах отдельных групп африканских народов сходные типы представлений, мифологических персонажей, их характеристик и атрибутов. Типы мифологических систем различаются главным образом по типу или характеру центрального персонажа, вокруг которого строятся мифы и мифологические представления. Это может быть тотемический или антропоморфный предок, обожествляемый вождь или царь, кузнец, божество солнца, земли, громовник, дух или божество воды и др.

Выступающий в той или иной ипостаси мифологический персонаж наделен функциями прародителя, демиурга, культурного героя и нередко трикстера. Значимость какой-либо из названных функций, их пропорциональное соотношение в характеристике мифологических персонажей различаются,

равно как и их природные или социальные свойства (божества природы, правители). Кроме того, нередко можно говорить о трансформации мифологических образов, взаимовлиянии мифологий соседних народов, усвоении народами-завоевателями мифологических представлений подчиненного им коренного населения завоеванной местности и т. д.

Наличие трикстерских черт в особенности характерно для архаических мифологий, примером которых может быть названа мифология таких народов, как бушмены или готтентоты. Центральным персонажем значительной части бушменских племен (Намибия, Ботсвана, Ангола, Южная Африка) является Цагн, тотемический культурный герой, демиург, прародитель, мифологический трикстер (аналогом Цагна у бушменов северной группы — кунг выступает Цуе). Согласно мифам, Цагн — кузничик-богомол, его жена — даман, сестра — голубой журавль, приемная дочь — дикобраз, один из сыновей которой — мангуст. До того как стать животны-

ми, все они были людьми «древнего народа», жившими в стране до бушменов. Цагн был первым, он создал все — солнце, луну и ночь, звезды, горы, животных, птиц. Одно из имен Цагна — «господин (хозяин) всех вещей»; он вызывает жизнь и смерть. Цагн дает дождь или отказывает в нем. Он изготовил ловушки, капканы, оружие, от него зависит удача на охоте, он дал людям песни, научил их «танцу крови» (ритуальный танец, связанный с обрядами инициации юношей), ввел табу. Цагн дал имена различным видам антилоп, наделил их окраской, особой метой (форма уха, хвоста и др.).

Но Цагн не только участвует в создании и устройстве мира, небесных светил, животных, он характеризуется так же, как трикстер, совершающий различные проделки, нарушающий нормы поведения, не знающий их и часто попадающий в затруднительное положение. Его выручают члены семьи, они поучают и упрекают Цагна, указывают ему на причину его неудач и объясняют, как следовало поступать в том или ином случае. Кульминацией становится взрыв гнева Цагна. Он как бы сбрасывает личину смешного, жадного, лживого и глупого старика, наказывает обидчиков, ставит на место тех, кто осмелился ему советовать, — и совершает поступки, имеющие серьезные мифологические последствия; это уже деяния демиурга, устроителя мира. Таким образом, созидательная деятельность Цагна становится следствием и продолжением его трикстерских проделок. Согласно мифу, чтобы наказать членов своей семьи, выследивших и убивших созданную им антилопу, Цагн прокалывает желчный пузырь антилопы — и тьма впервые накрывает солнце. Тогда Цагн подбрасывает вверх сандалию и велит ей стать луной, чтобы она светила для него (а все остальные должны светить себе факелом). Цагн наделен сверхъестественными, магическими способностями, которые

проявляются в его трюках и проделках. Он видит магические сны, предвосхищающие развитие событий или объясняющие уже совершившееся; он предсказывает, что все его близкие, включая и его самого, превратятся в животных; животными становятся и его обидчики, которых он превращает в насекомых, и т. п.; Цагн обладает даром превращения, например «входит» в антилопу.

Типологически к Цагну близок по своим характеристикам центральный персонаж готтентотской мифологии Хейтси-Эйбип — предок и податель дождя, культурный герой и мифологический трикстер. Согласно мифам, от него произошли все готтентотские племена, он установил их обычаи и обряды. Хейтси-Эйбип дает дождь, он создал облака, заставляет траву расти и обеспечивает плодородность скоту. Это великий колдун, предсказывающий будущее, он наделен магической властью, способностью перевоплощаться, проходить сквозь горы, через реки, он умирает и вновь воскресает. Хейтси-Эйбип — могущественный вождь и воин. Одно из своих имен — Тсуи-Гоаб («раненое колено») он получил после победы над другим вождем, Гаунабом (которого иногда отождествляют со смертью). Однако некоторые исследователи (И. Шапера) считают, что Хейтси-Эйбип и Тсуи-Гоаб — два различных персонажа: Хейтси-Эйбип — трикстер, вокруг которого формируется множество мифов, а Тсуи-Гоаб — бог дождя и демиург, пользующийся большим почитанием, чем Хейтси-Эйбип.

Если совмещение различных функций в одном персонаже характерно для архаических мифологий, то в более развитых наблюдается тенденция к обособлению этих функций, распределению их среди различных персонажей. Так, в политеистических пантеонах таких народов, как фон или йоруба, происходит разделение, дробление и обособление функций божеств, и трикстер уже выступает как самостоятельный персонаж, пред-

ставляющий именно эту функцию. Примером могут служить божество-трикстер Легба (у фон) или Эшу (у йоруба).

Божество войны Гу Кованое железо (пятый сын Маву-Лиза). Бенин, Западная Африка

В мифологии фон (южные и центральные районы современного Бенина) демиургом и прародителем выступает глава политеистического пантеона Маву-Лиза, а трикстерские функции переходят к его седьмому и младшему сыну — Легба. Кроме этого основного трикстера, у фон имеется множество других богов-трикстеров; обычно это младшие дети в семьях богов (подгруппах политеистического пантеона), избалованные и пользующиеся большой свободой и безнаказанностью. Согласно мифам, Маву поставил Легба над всеми другими богами, так как тот победил в состязании, выполнив условие Маву сыграть одновременно на различных музыкальных инструментах, еще и танцуя при этом. Обязанность Легба — посредничество между Маву и другими богами, его детьми. Легба — «толмач богов», так как он один знает язык Маву и языки своих братьев, данные им Маву. Посещая царства братьев, Легба извещает Маву обо всем происходящем. Верный своей трикстерской природе Легба намеренно ссорит братьев, сталкивает их, вносит между ними раздоры, оставаясь в стороне, вина же падает на них. Мифологическая природа трикстерских деяний Легба значительно ослаблена (по сравнению с архаическими мифологиями), однако можно говорить о мифологическом фоне, мифологической подоплеке и последствиях его трюков и проделок. Так, после интриг Легба в конфликте его брата Хевиозо с Сагбата, на которого Маву возложил управление землей, Маву предписывает Хевиозо отныне давать дождь и велит управлять дождем с земли. Легба создает гбо (магия, колдовство), благодаря его изобретательности и хитрости боги, которые прежде были голодными, стали получать жертвоприношения. Легба имеет фаллические черты, он обречен Маву на вечную неудовлетворенность в наказание за то, что делил ложе с Фа (богиня гадания) и ее дочерью Миноной.

В политеистическом мифологическом пантеоне йоруба (живущих в Западном Судане, на западе и юго-западе Нигерии, Бенине, Того) трикстерские функции возложены на Элегба (или Эшу), фаллическое божество, близкое по характеристикам к Легба; в более поздних мифах Элегба выступает как персонификация зла.

Среди различных типов мифологических представлений к наиболее ранним относят тотемические представления (тотемические предки, зооморфные культурные герои), которые нашли отражение прежде всего в архаических мифологиях, и в частности в мифологии бушменов, где ее центральный персонаж, кузнецик-богомол Цагн, может служить классическим примером этого типа. Однако в отдельных реликтах тотемические представления обнаруживаются и во многих стадияльно более поздних мифологических системах.

В развитой мифологии фон, например, наряду с политеистическим пантеоном, возглавляемым Маву-Лиза, существуют представления о змее-радуге Айдо-Хведо, архаическом типе демиурга. Согласно мифам, Айдо-Хведо появилась первой, она существовала до всех остальных. В варианте мифа говорится, что Айдо-хведо пришла с первыми людьми — мужчиной и женщиной. Передвигаясь по земле, Айдо-Хведо создала поверхность земли, горы — это ее экскременты, поэтому в горах находят богатства. Она поддерживает землю, свернувшись кольцом и закусив свой хвост; когда она шевелится, происходят землетрясения. Айдо-Хведо находится в море и питается железом, которое делают для нее живущие в море красные обезьяны. Если ей будет нечего есть, ей придется кусать свой хвост, и тогда земля, которая и так перегружена горами, деревьями, крупными животными и т. п., соскользнет в море, и настанет конец мира. Когда Айдо-Хведо всплывает на поверхность воды, то отражается в

небе радугой. В вариантах мифа существуют две Айдо-Хведо (или это близнецы), одна из них живет в море, а другая — на небе (радуга), по ней молнии попадают на землю. Культ Айдо-Хведо более всего был развит в городе Вайдах; ее почитали как предка правящего рода. Там существовало святилище со множеством змей боа, которым приносились жертвы. Включенная в пантеон богов фон Айдо-Хведо постепенно уступает Маву-Лиза свои первоначальные функции демиурга; в более поздних мифах фон Айдо-Хведо сопровождает Маву, носит его в своей пасти, она его слуга. Айдо-Хведо называют «набедренными повязками Маву, разложенными для просушки». В мифологии фон существуют и другие варианты включения представлений об Айдо-Хведо в комплекс мифов о Маву-Лиза.

Можно привести множество примеров подобной смены мифологических представлений более поздними, со включением архаических представлений в новые мифологические системы, при этом старые боги уступают первенство новым богам. Так, в мифологиях, в которых первенствующее значение приобретает небесное божество, громовник, — зооморфный культурный герой становится помощником, посланцем верховного божества (в мифах яо хамелеон по приказанию Мулунгу обучил людей, как добывать огонь и др.). Проявлением модифицированных тотемических представлений в более поздних мифологиях является употребление имен тотемных животных в качестве эпитетов («хвалебных имен»), которыми наделяют богов, обожествленных предков, вождей, царей (эпитеты Мвари, божества шона, — «слон», «большой павиан»; один из эпитетов Ньяме, божества ашанти, — «великий паук» и т. д.). Мифологии народов Межозерья, бассейна Конго, Западного Судана, у которых был развит культ царских предков, также вобрали элементы тотемических

верований: предкам царской династии приписывалось «звериное» происхождение. У фон (древняя Дагомея) члены царского рода именовались детьми леопарда (Агассуви).

Широкое распространение в мифологиях африканских народов получили представления об антропоморфных родовых предках, выступающих в роли демиурга, прародителя, культурного героя. Таковы мифологические персонажи — Мукуру у гереро, Ункулункулу у зулу, Моримо у суто-чвана. Согласно мифам гереро (Намибия, Ангола, Ботсвана, Южная Африка), мифический первопредок, демиург и культурный герой Мукуру («прапредок») и его жена как первые люди, вместе с крупным рогатым скотом, вышли из священного дерева Омумборомбонга. В некоторых вариантах мифа Мукуру не отождествлялся с первыми людьми, но он повелел людям и животным выйти из дерева, а птицам и рыбам — из горы. Мукуру ввел жертвоприношения, табу, обрезание, церемонии инициации, передал своим потомкам священную утварь.

Ункулункулу («очень, очень старей»), первопредок и культурный герой мифологии зулу (Южная Африка), выйдя из тростника, как двуполое существо порождает первых людей. (В вариантах тростник породил первых людей: Ункулункулу и его жену или же Ункулункулу вызывает первых людей из тростника.) Он научил людей добывать огонь, пользоваться орудиями, возделывать поля. Люди получили от Ункулункулу скот, стали есть мясо, пить молоко. Ункулункулу дал названия всему сущему — солнцу, луне, огню и др. Он определил занятия мужчин и женщин, ввел обрезание, обряд жертвоприношения. С ним связывают миф о происхождении смерти.

Моримо («дух предка»), первопредок и первый человек в мифологии народов суто-чвана (Лесото), согласно мифу, вышел из пещеры вместе с первыми людьми и животными. По другому мифу, Моримо живет

в земле. Он заставил все племена выйти из тростникового болота. Каждое племя получило от него свой тотем.

Нередко первопредки и культурные герои наделяются также функциями и атрибутами грозного божества, громовника, как это можно видеть на примере мифологических персонажей Мвари у шона или Мулунгу у бантуязычных народов Восточной Африки.

Мвари («отец», «породивший») в мифологии народов группы шона (междуречье Лимпопо — Замбези), согласно мифам, живет на горе предков, в пещере, месте погребения предков. Он — податель дождя (что является типичной для предков функцией), может покарать засухой. Посредниками между Мвари и людьми являются предки и цари. Мвари произвел людей на дне озера Дзивоа, затем первые люди породили в подземных водах человечество и растения. Как предок, выступающий в роли культурного героя, Мвари сопоставим с Мукуру, Моримо, Ункулункулу; однако он уже в значительной степени обожествлен, стоит в центре организованного культа (что соответствует относительно высокой организации общества у шона, создателей древнего государства Момотапа). Согласно представлениям шона, земля принадлежит Мвари, от имени которого страной управляет вождь. Первый вождь произошел от Мвари. По одному из мифов, во главе народа по воле Мвари встал самый добродетельный из его сыновей — Чилуме, он получил от Мвари священные барабаны предков. В некоторых мифах Мвари действует как мифологический трикстер (согласно одному из них, Мвари хитростью, обманом, с помощью магических действий добывается подарков и жертвоприношений).

Мулунгу, первопредок и громовник в мифах яо, ньяса, макуа, ньянджа, чвабо, сена, шамбала, зарамо, гого, нгони, суахили, камба, гирьяма и др. (Мозамбик, Малави, Танзания,

Кения), а также в мифах амбо (Намбия) и некоторых народов Заира, получил столь широкое распространение, по мнению ряда исследователей, с увеличением контактов между этими народами и расширением зоны употребления языка суахили. Постепенно имя Мулунгу вытесняло имена прежних богов в мифологиях этих народов или сосуществовало с ними в качестве «хвalebного». Первичным же, вероятно, было представление о Мулунгу как первопредке. Характеру предка соответствует и созидательная деятельность Мулунгу. В некоторых мифах в большей степени акцентируется связь Мулунгу с дождем, что объясняется влиянием мифологических представлений народов из соседних регионов (например, ила и вемба), главное божество которых Леза — громовник. Возможность соединения этих функций объясняется тем, что Мулунгу как обожествленный предок связывается с дождем (предок как дождедатель).

В мифологиях народов, у которых наметилась социальная дифференциация, и в особенности у создателей раннеклассовых государств (в междуречье Лимпопо — Замбези, в Междоузье, в Западном Судане, в бассейне Конго), центральным персонажем становится обожествленный вождь, правитель, обожествленный царский предок, выступающий и как первый человек, и как культурный герой (дал людям огонь, воду, полезные злаки и др., ввел ремесла, обряды и т. п.). Тенденция слияния мифов о божествах и культурных героях с преданиями о вождях и царях отчетливо прослеживается в мифологии ганда (Уганда). Их предания и легенды циклизуются вокруг обожествленного царя Кинту, представляющего собой наиболее развитый тип первопредка — культурного героя.

Согласно мифам, Кинту — первый человек, пришедший на землю. В одном из вариантов Кинту — сын божества неба Гулу, в другом — сын бога Катонда. В ряде мифов повеству-

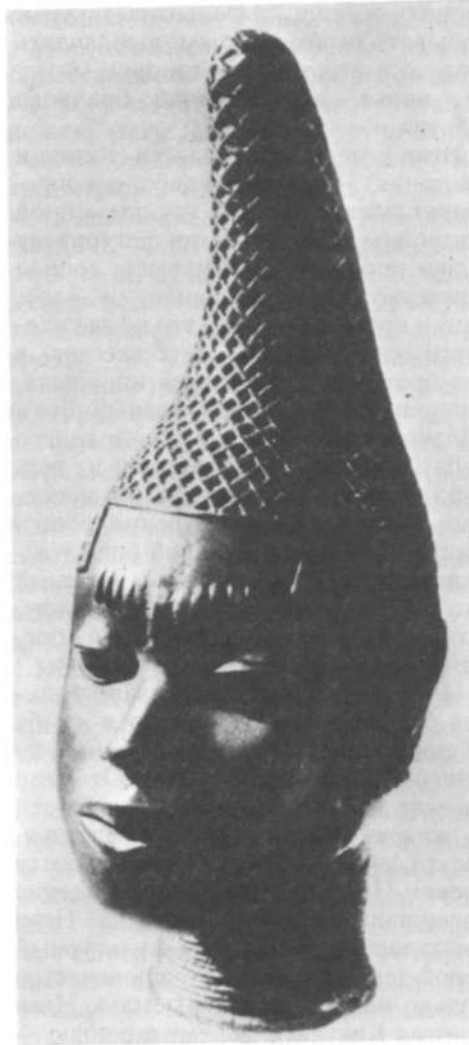
ется о божественном, небесном происхождении не самого Кинту, а его жены Намби, дочери Гулу. Собравшись отправиться с женой на землю, Кинту взял с собой корову, козу, овцу, курицу, корень бананового дерева, бататы, маис и др. Гулу предупредил их, чтобы они не возвращались с полдороги, даже если что-нибудь забудут, так как брат Намби, Валумбе (смерть), хочет пойти вместе с ними. Однако Намби нарушила этот запрет, и ей не удалось ускользнуть от Валумбе, который последовал за ней. На земле Намби посадила принесенные с неба растения, их скот размножился. У Кинту и Намби родились дети, но после ссоры с Валумбе дети стали умирать. Гулу пытался избавить их от Валумбе, но это ему не удалось. С тех пор смерть живет на земле.

Кинту считался родоначальником царской династии ганда. Согласно мифам, он научил людей изготавливать одежду, ввел обряды, ритуальные предметы, установил пищевые запреты. Вокруг Кинту сосредоточиваются и мифы о кузнецах. Согласно одному из них, первым кузнецом был сын Кинту Муланга. У ганда существовал храм Кинту, где поддерживался священный огонь. Перед храмом было священное дерево Кинту, выросшее из корня бананового дерева, принесенного некогда с неба. В священном лесу Кинту ему совершали жертвоприношения.

Риангомбе, мифологический персонаж ряда бантуязычных народов Междоузья, — могущественный царь; он породил всех царей. Согласно мифам, Риангомбе спустился на землю с неба, а после его смерти его душа вернулась на небо. Его считают основателем тайного общества имандва, связанного с культом предков царского рода (по другим версиям он сын царя, унаследовавший от отца функции жреца и главы культа).

В мифах руанда (Руанда) фигурирует мифический царь и культурный герой Гиханга. По некоторым версиям Гиханга — потомок Кигвы,

предка и первого царя руанда, происхождение которого связывают с божеством Имана. Кигва наряду со своим братом Лутутси выступает в роли культурного героя: получив от Имана огонь, семена полезных растений, скот, кузнечный молот и мехи, мотыгу и др., Кигва устроил все на земле и сам стал плавить руду и ковать орудия. Затем Кигва и Лутутси обучили людей кузнечному делу, дали им копыя и научили изготавливать луки и стрелы.

Голова королевы-матери. Бронза. Бенин, Западная Африка

Ньяканг, мифический предок царского рода у шиллуков (Судан), являлся объектом общеплеменного культа. Согласно мифам, Ньяканг выступает как культурный герой, с ним связывают появление первых людей, которых он выловил с помощью гарпуна и удочки. В святилище Ньяканга хранились царские регалии: священный трон, фетиш, носивший его имя. Во время церемонии коронации фетиш помещали на трон и совершали ему жертвоприношения, после чего придворные сажали на престол нового царя. Царей почитали как воплощение Ньяканга.

Духи царских предков почитались как общенародные божества в государстве Ашанти. Культ обожествленных царских предков стал государственной религией у эдо (Южная Нигерия), создавших в средние века государство Бенин. Каждому умершему царю (оба), а также царице-матери в царском дворе воздвигалось святилище, на алтаре помещали скульптуру — отлитую из бронзы голову, представлявшую обожествленного умершего царя, но не являвшуюся портретным изображением, это было, скорее, символическое изображение царя-бога. Правитель Бенина одновременно выступал и как верховный жрец, сосредоточивая, таким образом, в своих руках всю полноту власти.

Для мифологий народов субсахарской Африки весьма характерны и божества, олицетворяющие явления природы, небесные светила и т. п. У хадзапи (Танзания) божества луны Хайнэ и солнца Ишоко выступают как центральные персонажи — демиурги, культурные герои. В большей степени это относится к Ишоко, который является основным персонажем, а Хайнэ лишь исполняет его поручения. Ишоко создал людей и животных, он определил, чем будут заниматься различные племена: исанзу и ирамба получили от него буйволов, коз, овец и ослов и стали скотовода-

ми, а хадзапи, которые пренебрегли предписаниями Ишоко, должны были отныне питаться тем, что найдут в саванне. Через своего посредника Индайя, первого вождя хадзапи, Ишоко передал им священные игры и необходимые для этого музыкальные инструменты, опахала. Первой «игрой» был ритуальный танец эпембе, исполнение которого должно было помочь хадзапи добывать мясо и другую пищу. Ишоко обучил Индайя готовить яд для стрел и стрелять из лука, мужчины получили лук и стрелы, женщины — палки-копалки для выкапывания корней и клубней: благодаря Ишоко хадзапи научились готовить еду, делать посуду из скорлупы яиц страуса. После удачной охоты хаадзапи приносили Ишоко в жертву мясо убитых животных.

Мифы о солнечном божестве известны также паре (Изува), моси (Венде), кумби и сукума (Лиова). У ряда народов древние божества солнца постепенно вытеснялись новыми, существовали параллельно с ними или уступали им место, передавая свои функции новым божествам (так, у мбугве солнце называют именем божества Мулунгу, у гого Мулунгу тесно связан с солнцем — молитвы о здоровье обращают как к нему, так и к солнцу). Часто к имени божества присоединяется имя солнца как хвалебное (например, среди эпитетов божества у ньямвези встречается эпитет, обозначающий солнце — Казьоба, льюба, Лими).

Олицетворением дождя, грома, грозы выступают божества-громовники: Леза у народов верхнего и среднего Замбези, Замбии и южного бассейна Конго, Нгаи — у кикуйю и камба, Денгдит — у динка и др. Возникнув как персонификация атмосферных природных явлений, божества-громовники модифицировались под влиянием представлений, связанных с культом предков. С другой стороны, и первоначально наделялись чертами, характерными для громовников. Путем взаимопроникновения и сли-

яния этих представлений складывался единый мифологический тип предка-громовника.

Леза, согласно мифам, живет на небе, его проявления — дождь, молнии, гром. Посредниками между Леза и людьми выступают духи предков. По-видимому, под влиянием культа предков у некоторых народов первоначальный образ Леза-громовника приобрел качества, типичные для культурных героев-предков. Так, в мифах каонде Леза создал первых людей, дал им пол, научил людей строить жилища, выделывать шкуры, добывать огонь трением, выплавлять железо и изготавливать топоры, мотыги, копья, ввел обычай брачного выкупа.

Нгаи в мифологии масаев (Кения и Танзания) — божество неба, одновременно выступающее и как племенной бог войны. В мифах Нгаи фигурирует в двух ипостасях — например, доброе божество, Энгаи черный, и злое, Энгаи красный (иногда это не две ипостаси одного и того же божества, а два брата), или же в трех ипостасях, воплощая бога зари (красный бог), облачного неба (белый бог) и синего неба (черный бог). По одной из версий, существовало четыре бога: черный добрый бог (собственно обоготворенный предок), белый бог (отдаленное небесное божество), красный злой бог и серый бог; согласно мифу, позже остался только белый бог, остальные умерли.

Имя Нгаи было заимствовано у масаев бантуязычными кикуйю и камба (Кения) для божества-громовника, во многом аналогичного Леза. От Нгаи зависят здоровье и самая жизнь людей и животных. Стихийные бедствия, засухи, эпидемии и т. п. объясняются гневом Нгаи, для его умиротворения совершали жертвоприношения. Нгаи выступает в мифах как культурный герой-демиург. Когда человечество только начало заселять землю, Нгаи призвал Кикуйю и дал ему его долю — страну, где стали жить кикуйю. От него Кикуйю получил жену Моомби,

затем Нгаи послал женихов для девяти дочерей Кикую. Образовавшиеся девять семей положили начало девяти главным кланам кикую. Они составили одну большую семью; их общее родовое имя было «дети Моомби» (или «племя Моомби»). Нгаи научил людей добывать железо; установил занятия племен: земледелие — для кикую и камба, скотоводство — для масаи, охота — для ндоробо.

Денгдит в мифологии динка (Судан) — божество в облике небесного быка, посылающего на землю дождь (подобно Джуоку у шиллуков и Ниялу у нуэр). Согласно мифу одного из наиболее древних и больших родов динка, тотемом которого считался дождь, мать Денгдита, будучи беременной, сошла с неба на землю. Во время родов хлынул дождь, поэтому мать назвала сына Денгдит («великий дождь»). Она сказала людям, что отныне он будет «делателем дождя». Денгдит стал первым правителем динка, а когда состарился, исчез во время грозы. С Денгдитом связывается появление людей: он дал своей жене (которая вышла из священного дерева) ком жира, и она стала лепить из жира мужчин и женщин, после чего те по веревке, соединявшей в те времена небо и землю («небесная дорога»), спустились на землю. В святилищах Денгдита проходили церемонии вызывания дождя, празднование урожая и др.

Нередко небесное божество в паре с божеством земли характеризуются как прародители: они порождают солнце, луну и др. Таковы Ньяме и Асасе Афуа в мифологии ашанти, Чи и Але у игбо, Обаси-оса и Обаси-нси в мифах экои, Эте Абаси и Эка Абаси — у ибибио. Согласно мифам экои (южная Нигерия), Обаси-оса, бог неба, громовник, хозяин всех вод, в паре с богиней земли Обаси-нси породили мир и все вещи, затем они разъединились. При жертвоприношении экои обращались к ним как к отцу и матери. Каждое утро молились солнцу, вестнику Обаси-оса, протягивая

воду в калекбасе вверх, к небу, и наливая ее на землю — для Обаси-нси. По мифологии ибибио (юго-восточная Нигерия) мир сотворен Эте Абаси («бог отец») и его супругой Эка Абаси («богиня-мать»). (В варианте — Эка Абаси вместе со своим первенцем Обумо породила предков всех народов земли.) С ней связывают плодотворность. По одному из мифов, женщины были бесплодны, и тогда Эка Абаси послала к ним белую птицу, которая оставила им светящееся яйцо, символ плодородия.

В мифологических системах догонов бамбара божества и духи воды играют главную роль в создании и организации вселенной. У бамбара это Фаро, божество воды, громовник,демиург. Первоначально Фаро, по видимому, выступал духом реки Нигер (у народа бозо), а позднее получил более широкое значение. Его основное местонахождение — река Нигер, но он вездесущ, посещает все воды. Уши у Фаро прикрыты двумя плавниками, у него перепончатый хвост. Фаро создал небо, породил духа воздуха, в виде воды пролил жизнь на землю; он создал морскую бездну, вырыл первые колодцы, водоемы, русла рек, ввел режим дождей. Моря и реки Фаро населил рыбами, пресмыкающимися и другими животными, затем поднялся на небо. Он определил четыре стороны света и установил границы вселенной, учредил время, ввел сезоны, заменил первоначальный мрак регулярной сменой дня и ночи. Фаро классифицировал животных и растения, людей распределил по расам и кастам. Назначил каждому виду живых существ, чтобы предохранить их от вырождения, род пищи и пищевые запреты. Фаро научил людей языку, снабдил людей суставами, чтобы они были пригодны к физическому труду. За всеобщим порядком наблюдают духи, представители Фаро, через которых Фаро руководит всеми видами деятельности. Фаро потребовал от людей почитания воды.

Номмо — божество воды в мифологии догонов. Согласно мифам, Номмо — божественные близнецы, порожденные Землей от ее соития с богом Амма. Номмо — это вода морей, потоков, дождей, но также и свет (солнечные лучи). Номмо — полулюди-полузмеи. У них красные глаза и зеленые тела, сияющие как поверхность воды. Увидев с неба мать-Землю нагой и лишенной речи, Номмо из пучков волокон небесных растений сделали своей матери юбку: скрученные спиралью влажные волокна, полные сущности Номмо и заключающие в себе слово, сообщили Земле речь, первый язык мира.

В мифологиях народов, достигших высокого уровня государственности, складываются политеистические пантеоны богов, как, например, у фон, йоруба, бини, ганда и др. Возглавляет пантеон божество, почитавшееся правящей группой. Нередко его главенство номинальное, так как «второстепенные» божества, выступающие как его дети или слуги, сохраняют свою область деятельности и свои функции. Как правило, характеристика главы пантеона очень неопределенна (в отличие от подчиненных ему божеств), часто это некое абстрактное «небесное» божество, его связь с природными явлениями слабо выражена. Вождь пантеона обычно выступает как царский предок или великий жрец (Олорун, Имана, Катонда, Вамара).

Характерным примером развитого политеистического пантеона может служить мифология йоруба. Главнейшие божества — Олорун, Обатала, Одудува, Шанго, Огун, Олокун, Ориша Око, Ифа, Элегба. Глава пантеона — Олорун, «хозяин неба», передавший, однако, управление небесным сводом и миром созданному им Обатала, который сделал из глины первых людей. Согласно другому варианту мифа, божествами управляет Ориша Нла, который совершает работу созидания по поручению Олоруна, которому он подчинен. Мифо-

логия йоруба имеет много общего с мифологией фон, что объясняется как типологической общностью их представлений, так и непосредственным влиянием и даже заимствованием. Так, согласно одному преданию, фон получили культ божества Фа и связанную с этим культом систему гадания из священного города йоруба Ифе.

Пантеон фон, создавших древнее царство Дагомея, как уже говорилось, возглавляет «небесное» божество и прародитель Маву-Лиза. Он передал управление природой, людьми произошедшим от него богам. Эти стоящие на второй ступени иерархии боги возглавляют соответствующие пантеоны богов земли (Да Зоджи), грома (Хевиозо), моря (Агбе) и др.; им подчинены их дети — младшие божества, имеющие четко очерченные обязанности и положение, фактически осуществляющие власть (например, пантеон, возглавляемый Хевиозо, составляют его сыновья: Аден, Аколombe, Аджаката, Гбвезу и др.). Каждый пантеон имел свое жрецство и своих посвященных.

Политеистический пантеон ганда, бантуязычного народа Уганды, основанных в XI—XII вв. в Межозерье государство Баганда, включает множество божеств (*балубаре*), каждому из которых посвящен свой культ, храм, жрецы. Это Мукаса, от которого ожидали плодородия и плодovitости, божество войны Кибука, бог чумы Каумпули, бог охоты Дунгу, божество землетрясений Мусиси, божество земли Китака, бог неба Гулу, бог смерти Валумбе и др. Возглавляет пантеон «отец богов» Катонда, демиург, создавший богов, людей и весь мир, но он занимает в пантеоне второстепенное место. У ганда существует также множество локальных божеств — боги или духи рек, озер, холмов, лесные божества и духи. Часто они имеют облик животных (лев, питон и др.). Согласно мифам, почти все божества прежде были людьми; боги выступают покровите-

лями царя, государства. «Историческая» ориентация мифологии ганда проявляется в их династических легендах и преданиях: божества фигурируют в роли предков царей, иногда

называемых именами богов. Так, Кинту — обожествляемый царь и культурный герой.

У ряда народов Западной Африки (догоны, бамбара, моси, малинке, бозо, курумба и др.) мифологические представления оформились в мифологические системы, отличающиеся большой сложностью, с развитой символикой. В создании таких, «вторичных», мифологий большая роль принадлежит жреческому институту, системе тайных обществ. Этот мифологический материал, ставший предметом исследования М. Гриоля и его школы, весьма необычен, в особенности по сравнению с африканским мифологическим материалом, записанным ранее миссионерами, этнографами, путешественниками.

Мифологические представления пронизывают различные жанры африканского фольклора, отличающиеся большой степенью архаики, еще живой связью с мифологией. В частности, в значительной степени мифологичен африканский эпический герой (Судика-Мбамби, Сундьята, Фаран, Лианжа).

В момент появления на Африканском континенте европейцев мифологические представления африканских народов являли собой живую, действующую систему взглядов на устройство мира и общества. Мифы и связанные с ними соответствующие обряды и ритуалы жестко регламентировали повседневную жизнь общества и социальные отношения. В африканских обществах, как архаических, так и более продвинутых в своем социальном развитии, власть распределялась в той или иной пропорции между правителями и жрецами или же объединялась в руках вождя-жреца, обожествляемого царя, верховного правителя, поддерживаемого жречеством и опирающегося на него, и т. д.

Связь между мифологией и религией, обусловленная самой природой мифа как синкретического образования, содержащего в себе элементы

Статуя божества плодородия Нимба. Дерево. Народность Бага. Гвинея, Западная Африка

религии, магии, философии, науки, искусства, фольклора, в приложении к Африке выявляется особенно наглядно. Здесь чрезвычайно трудно провести грань, разделяющую мифологические и собственно религиозные представления. Предметом исследования этих двух теснейшим образом связанных областей культуры, искусства и идеологии является один и тот же материал — миф и обряд, дополняющие друг друга; различается, скорее, акцент, ракурс, под которым рассматривается этот материал. Мифологические тексты одновременно могут являться частью обряда. Это вытекает из функции мифа, включающей создание некоего образца, модели мира и социального поведения и поддержание установленного порядка в природе и обществе, что достигается в том числе и с помощью ритуалов. Последние как бы инсценируют событие, описываемые в мифе, и нередко воспроизводят миф в процессе исполнения обряда. Персонажами мифа могут быть зооморфные или антропоморфные предки, духи, божества, являющиеся предметом почитания или культа.

Изучая религиозные представления, исследователь обязательно обращается к соответствующим мифам как к непосредственному источнику, позволяющему объяснить, охарактеризовать тот или иной культ или обряд, совершаемый в честь предка, духа или божества. Разумеется связь мифа и обряда не всегда явно выражена, она может просматриваться с меньшей очевидностью или же подразумеваться. На определенном этапе развития родоплеменного общества и в период возникновения раннего государственного образования мифология и религия служили способом стабилизации общества, легитимизации власти правителя. Мифы, подкрепленные соответствующими ритуалами, обосновывали законность существующей власти, правителя, которого часто наделяли божественным происхождением, он пользовался располо-

жением богов, что предопределяло успех деяний и свершений будущего правителя, который, в свою очередь, оказывал этим богам почитание, совершая необходимые обряды и ритуалы, и т. п.

По мере становления на Африканском континенте государственных образований появляются государственные эпосы (как, например, эпос манденгов Мали о Сундьяте, основателе древнего Мали), отображающие героическую «историю» формирования этих государств. Государственные эпосы, вобравшие в себя и мифологические представления, берут на себя те же функции, что прежде несли мифы, — они составляют идеологическое обоснование власти правителей, происхождение которых прослеживается от эпических героев (как ранее — от мифологических персонажей, богов, предков и прародителей). С эпическими преданиями связывают определенные обряды, которым придавалось большое значение и которые исполнялись в соответствующие моменты, фиксировавшие определенные вехи, «даты» в эпической «истории» народа-носителя.

Традиционные африканские религии, как и традиционные религии других так называемых первобытных народов (а также и мировые религии), включают элементы фетишизма (религиозное почитание фетишей — предметов, наделяемых сверхъестественными свойствами), анимизма (вера в существование душ и духов, сверхъестественных существ, управляющих явлениями и предметами материального и нематериального мира), магии и колдовства (способность сверхъестественным образом воздействовать на явления и предметы материального и нематериального мира). Этот перечень можно дополнить упоминанием о «жизненной силе», сверхъестественной способности (*ньяма* у народов Западного Судана — догонов, манденгов), внушающей страх и благоговение, благодетельной и опасной. С ней связы-

вают сверхъестественные способности вождей, жрецов, колдунов, магические свойства объектов культа.

Однако наличие в африканских религиях этих элементов, равно как и существование таких институтов, как тайные общества, институт жречества, церемония инициации, не могут служить основанием для того, чтобы свести африканские религии к фетишизму или анимизму, магизму и т. д. Эти попытки (как и крайности другого рода — поиски в африканских религиях прамонотеизма) были характерны для первоначального периода изучения африканских религий. Отчасти они возрождаются и сейчас — некоторые африканские ученые в поисках особенного, «африканизма» в африканских культурах, склонны, по-видимому, недооценивать то общечеловеческое, что роднит последние с мировой культурой. Кроме того, подобный подход предпо-

лагает существование некой единой африканской религии, между тем как у народов субсахарской Африки, находившихся на различных стадиях исторического, общественного и культурного развития, наблюдается широкое разнообразие автохтонных религиозных форм — от архаических родоплеменных тотемических культов или культа предков до политеистических религий, возникающих на стадии зарождения государственности.

Кроме автохтонных религий, в Африке в настоящее время распространены мировые религии — ислам, христианство, отчасти также индуизм, иудаизм, имеются небольшие группы сикхов, буддистов, джайнов, конфуцианцев. Наряду с этим сложились синкретические религии, сочетающие в себе традиционные африканские религии с элементами христианства и ислама.

3

Мировые религии

Буддизм

Буддизм — самая древняя из трех мировых религий. Христианство моложе его на пять, а ислам — на целых двенадцать столетий.

Основатель буддизма — реальная историческая личность, жившая в 560—480 гг. до нашей эры. Во всяком случае, так считают большинство ученых, занимавшихся историей этой религии на основании сохранившихся до наших дней письменных источников. И эти тексты, и основанные на них научные исследования, фольклорные жанры и художественные произведения, говоря об основателе буддизма, называют его разными именами: Сиддхартха, Гаутама, Шакьямуни, Будда, татхагата, джина, бхагават и др. Все они правильные, все отражают черты и свойства личности основателя либо в его реальной, мирской жизни, либо в последующей — религиозно-мифологической, которая пришла на смену первой и длится вот уже более двух с половиной тысячелетий. Означают эти имена следующее: Сиддхартха — личное имя, Гаутама — имя рода, Шакьямуни — «мудрец из племени шакья», Будда — «просветленный», татхагата — «так ушедший», джина — «победитель», бхагават — «благословенный». Самое распространенное из этих имен — Будда, от которого пошло и название всей религии. (Слово «Будда» пишется с прописной буквы только в

одном случае: если оно относится к основателю буддизма Гаутаме Шакьямуни; во всех прочих случаях оно пишется со строчной, т. е. маленькой, буквы.)

У Будды две биографии — реальная и мифологическая. Реальная относительно простая. Сиддхартха — наследный принц, сын царя Шуддходаны, правителя народа (или племени?) шакья, жившего в середине 1 тыс. до н. э. в северных районах долины Ганга в Индии. Богатый и знатный царский род сделал все, чтобы юный принц жил в роскоши, не ведая забот. Любимая жена и маленький сын довершали общую картину безоблачного счастья. Но жизнь полна превратностей. Так случилось, что царевич узнал о существовании на земле болезней, старости, смерти, причиняющих людям страдание, делающих их несчастными. И царевич покинул дом, отправившись на поиски пути избавления человечества от страданий.

Непростыми были эти поиски, но в конечном итоге они увенчались успехом. В местности Гая на него снизошло просветление — отныне навсегда и для всех он стал Будда, т. е. «просветленный», а также учитель, указавший человечеству путь к спасению, к избавлению от страданий. Вскоре Будда начал проповедь своего учения, у него появилось много после-

дователей, которые образовали первую монашескую общину (*сангха*). Заповеди, которые должен был соблюдать каждый монах, и правила, по которым жила вся община, были также провозглашены Буддой. 40 лет бродил он вместе со своими учениками по многолюдным деревням и глухим уголкам Индии, проповедуя свое учение.

В возрасте 80 лет Будда умер, как утверждает традиция, в местечке Кушинагара. Тело его было сожжено в соответствии с обычаями населения Индии, а прах поделен между восемью его последователями, шесть из которых были посланы монашескими общинами. Все получившие прах воздвигли над своей частью надгробную пирамиду (ступу). Культ ступ в разных архитектурных вариантах и поныне распространен во всех странах буддийского мира. Кроме того, как гласит легенда, один из учеников Будды сумел выхватить из огня погребального костра один из его зубов. Со временем зуб также стал объектом культа: им очень дорожили, во время войн перевозили в целях безопасности из страны в страну. В конце концов он обрел постоянное местопребывание на Шри-Ланке в городе Канди, в его честь построен специальный храм Зуба Будды и ежегодно проводятся храмовые торжества. Описания этих праздников встречаются в литературе начиная с V в. н. э. Можно сказать, что по сути своей они мало изменились за прошедшие с тех пор 15 столетий. Настоящий ли это зуб или подделка — неизвестно, и в ближайшем будущем никакой научной экспертизы на этот счет не ожидается. На сегодняшний день это главная реликвия буддизма и единственная, имеющая отношение к самому Будде.

Таковы немногочисленные факты, относящиеся к реальной биографии Будды. Но для каждого буддиста и для всей религии в целом гораздо более важной является мифологическая биография ее основателя. Здесь мы

вступаем в область легенд, преданий, сказок, притч, ранних и развитых религиозных представлений, которые можно в совокупности обозначить словом «мифология». С точки зрения мифологии, биография Будды (в упрощенном, разумеется, варианте) выглядит следующим образом.

В течение многих *кальп* (1 *кальпа* — период времени, равный 24 000 «божественных» лет, или 8 640 000 000 лет человеческих) Будда перерождался, воплощаясь в разных людях или других живых существах. Он был 83 раза святым, 58 раз царем, 24 раза монахом, 18 раз обезьяной, 13 раз купцом, 12 раз курицей, 8 раз гусем, 6 раз слоном, а также рыбой, крысой, плотником, кузнецом, лягушкой, зайцем и т. д. Всего таких перерождений было 550. Поскольку мир за это время погрузился во мрак неведения (или невежества), боги сочли, что пора ему родиться в облике человека, достичь при жизни просветления, стать Буддой, начать проповедовать свое учение, указать человечеству путь к спасению. Так и произошло.

Будда сам выбрал, где и от кого ему родиться: Северная Индия, племя шакья, от царя Шуддходаны и царицы Майя (иногда ее называют Махамаяя, т. е. Великая Майя). Царице приснился вещий сон, будто белый слон входит в ее лоно. Толкователи снов предсказали рождение великого сына с 32 необыкновенными телесными признаками (в их число входят золотистая кожа, ровные зубы, округленные руки и ноги, широкие пятки, длинные пальцы рук, длинные мочки ушей и т. д.), обладатель которых может стать либо Великим Правителем, либо Великим Учителем. Отец готовит сына к первому пути, но не в его власти изменить то, что предназначали боги. И вот четыре встречи, выступившие как четыре знамения, меняют жизнь его сына. Встречи со старостью, болезнью и смертью открывают ему неустойчивость мира *сансары*, т. е. мира, в котором живет человек. Встреча с монахом подска-

зывает ему путь, каким он должен пойти. Однако открытие истины пришло после долгих поисков. Он пробует стать аскетом, но потом отвергает этот путь. Он садится под дерево — священный фикус и погружается в состояние созерцания, решив не вставать с места, пока не постигнет истину, и, несмотря на искушения демона Мары, на 49-й день достигает просветления. Он становится Буддой сам, открывает путь будды для других, создает монашескую общину, проповедует свое учение и в возрасте 80 лет погружается в *нирвану*. Что это такое, мы объясним немного ниже.

Таковы реальная и мифологическая биографии основателя буддизма. Провозглашенное им учение стало основой, на которой со временем было воздвигнуто достаточно внушительное здание мировой религии. Хронология строительства этажей этого здания складывалась так.

В III в. до н. э. при императоре Ашоке, самом выдающемся правителе из династии Маурья, объединившем под своей властью значительную часть Индии, буддизм, пользовавшийся его особым покровительством, превратился из узкомонашеского движения во влиятельную и сильную религию. В конце I-го тысячелетия до н. э. буддизм проникает на Шри-Ланку. В первые века нашей эры он распространяется на обширной территории Кушанской империи, включавшей в себя земли, входившие в состав Средней, Центральной и Передней Азии. В I в. н. э. буддизм проникает в Китай, в VI в. — в Японию, в VII в. — в Тибет, с XIII по XVI в. — в Монголию, в XVII—XVIII вв. — в Бурятию и Туву. В странах Индокитайского полуострова (Лаосе, Кампучии, Вьетнаме, Таиланде) и далее — островной части Юго-Восточной Азии — буддизм стал завоевывать позиции начиная со II в. С конца XIX — начала XX в. он проникает в Европу и Америку, где представлены практически все что-либо значащие его азиатские направления, течения, разновидности

и школы. На территории России буддизм исповедует в качестве традиционной религии население Бурятии, Калмыкии, Тувы, возникли буддийские общины в Москве, Санкт-Петербурге. Имеются они сегодня и в некоторых городах Прибалтийских государств (Вильнюсе, Риге, Таллине, Тарту). Такова география распространения буддизма на земном шаре.

Каковы основные концепции этой религии? Что делает ее привлекательной для сотен миллионов последователей?

Прежде всего, следует помнить, что буддизм появился в Индии не на пустом месте. Он родился в рамках индийской традиционной культуры, древних религиозных верований, специфически индийского образа жизни. Ученые называют совокупность этих факторов *ведийской* религией — от слова «веды», означающего древнеиндийские священные тексты. Буддизм многое заимствовал из ведийской религии: от философских концепций типа, например, представления о цепи перерождений всего живого из одной телесной оболочки в другую и закона кармы, регулирующего эти перерождения, до очень многих элементов культа (почитание цветка лотоса, знака свастики, погребального сооружения — ступы, священных животных — слона, змеи и др.). В странах, где распространен буддизм, он вступил во взаимодействие с местными религиями и культами, в результате контакта с которыми сложились национальные формы буддизма (тайская, китайская, японская, тибетская, монгольская и др.), все они имеют специфические черты, отличающие их друг от друга.

И тем не менее буддизм — единая мировая религия. Многие его концепции, идеи, формы культа, образы пантеона являются общими для всего буддийского мира. Прежде всего это «четыре благородные истины». Считается, что Будда провозгласил их в своей первой проповеди. Первая истина гласит, что жизнь — это страдание. Что

бы ни происходило в нашей жизни, даже если это на первый взгляд счастливое событие, все равно оно является предвестником и этапом на пути к будущим страданиям — болезни, старости, смерти. И они будут преследовать человека бесконечно, так как бесконечна цепь перерождений живых существ.

Вторая благородная истина гласит, что причиной страданий служит желание — жажда жизни во всех ее проявлениях, желание богатства, власти, наслаждений и прочего, что, по мнению человека, доставляет радость. Происходит это от незнания, что все, что сначала доставляет радость, в конечном счете приносит разочарование, а оно, в свою очередь, вызывает страдания: одни желания порождают другие, приобретения вызывают страх потери и т. д.

Третья благородная истина состоит в том, что человек должен осознать необходимость прервать круговорот жизни, цепь перерождений. Для этого надо обуздать свои желания, ограничить потребности и сосредоточить свои мысли на постижении истинной сущности человеческой природы.

Четвертая благородная истина указывает человеку путь к спасению. Он состоит из 8 ступеней и поэтому называется «благородный восьмеричный путь». Эти ступени такие: 1) «правильные воззрения», т. е. понимание четырех благородных истин; 2) «правильные устремления» — намерение поступать в соответствии с этими истинами; 3) «правильная речь» — не лгать, не клеветать, не грубить; 4) «правильное поведение» — не вредить живым существам (включая сюда: не воровать, не нанести рану, не убивать ни сознательно, ни случайно); 5) «правильный образ жизни» — жить честно, добывая себе средства на существование; 6) «правильное намерение» — преодоление дурных мыслей и влияния; 7) «правильное усилие» — постоянное укрепление в себе неприятия мирских радостей; 8) «правильное самоуглубление» — достижение

внутреннего спокойствия, полной невозмутимости.

Именно таков путь самоусовершенствования личности и начало ее восхождения по пути будды. В этой самой ранней проповеди ничего не говорится ни о каких молитвах, ни о поклонении богам, ни о совершении культовых действий, ни об аскетическом образе жизни — ни о чем таком, что позднее стало непременной составляющей частью буддизма, как и двух других мировых религий.

Для понимания сущности буддизма очень важно усвоить, что собой представляет *нирвана*. Точного определения этого понятия нет. Буддийские философы, говоря о нирване, пользовались образами, мало доступными пониманию окружающих. Не менее сложно и многословно добивались до истинного значения этого понятия и ученые-буддологи. Если попытаться объяснить его как можно проще, то лучше всего идти вслед за дословным переводом, который дает санскритский словарь: *нирвана* — успокоение, угасание огня светильника, жизненного огня. Буддисты протестуют против отождествления *нирваны* со смертью, называя ее переходом в качественно иное состояние, состояние «угасания жизненного огня», промежуточное между жизнью и смертью, отрицающее и то и другое. Но главное в том, что *нирвана* — это конечная цель, к которой стремится каждый буддист, именно в ней он видит то самое спасение, которое буддизм как религия предлагает каждому человеку. Не рай, не счастье, не блаженство после жизни, полной страданий, обещает человеку буддизм, а полное угасание всех чувств и желаний, как положительных, так и отрицательных, вечное избавление от жизни в каких бы то ни было ее формах.

Есть разные способы достижения *нирваны*: постепенное накопление религиозных заслуг в течение многочисленных перерождений, магическая практика, включающая тренировку

по системе *йоги*, умение погружать себя в состояние мистического транса (или медитации) и сливаться с космическим абсолютom. Возможно даже погружение в нирвану в течение одной жизни, доказательством чему служит жизнь самого Будды.

Общим для всех форм буддизма служит представление о том, что нет противостояния и различия между такими субстанциями, как материальное (временное) тело и вечная душа. Каждое живое существо, будь то растение, животное или человеческая личность, — это одноразовое переплетение элементов (*дхарм*), состоящее из пяти групп (*скандх*): тела, чувств, понимания, воли и сознания. Смерть любого существа — это лишь распад его на скандхи, а не умирание тела и освобождение от ненужной оболочки души. Скандхи в соответствии с законом *кармы*, регулирующим цепь перерождений, в следующем звене этой цепи образуют новое переплетение, сочетание тех же 5 видов скандх. Однако это уже совсем новое живое существо, которое, кстати, вовсе не обязательно будет человеком. Оно может оказаться представителем любого из шести миров живых существ, и зависит это от того, как много религиозных заслуг в предыдущей жизни было накоплено совокупностью пяти скандх. Шесть миров, о которых идет речь, — это мир богов, мир асуров (воюющих с богами, но в основном неудачно, живущих в пещере на горе Меру, находящейся в центре Вселенной), мир людей, мир животных, мир злых духов *према* (жадных, ненасытных существ с узкими горлышками и громадными, раздутыми животами) и мир адских мук, куда попадают все грешники, нарушавшие заповеди правильной жизни буддиста. Все эти шесть миров образуют круг *сансары*, противостоящей нирване. Если нирвана — это угасание огня, т. е. жизни, то сансара — сама жизнь во всех ее радостных и горестных проявлениях; и те и другие, с точки зрения буддизма, — страдание.

Мы не имеем возможности остановиться на всех общих положениях буддизма и упомянули только самые главные из них. Они представлены во всех национальных формах буддизма и трех его направлениях; *х и н а я н а* (узкая колесница), *м а х а я н а* (широкая колесница) и *в а д ж р а я н а* (алмазная колесница). Так называются три основных пути достижения состояния просветления в буддизме. В *хинаяне* он возможен только через монашество, в *махаяне* он доступен каждому — но и там и там для достижения конечной цели требуются многие и многие жизни, связанные в единую цепь перерождений. А вот в *ваджраяне*, которая является более поздним ответвлением от *махаяны*, достичь конечной цели можно в течение одной жизни, используя для этого магические тексты (*тантры*), магические заклинания (*мантры*) и психофизиологическую систему практики (*йога*).

Все три направления сложились на территории Индии. Первые два приблизительно в одно время — первые века нашей эры. *Хинаяна* утвердилась в Восточной Индии, отсюда пошло ее распространение на Шри-Ланку и страны Юго-Восточной Азии. *Махаяна* получила преобладающее влияние в Северной Индии, отсюда несколькими волнами с потоками миссионеров она пришла в Китай, Корею, Японию, Вьетнам. *Ваджраяна*, сложившаяся в середине 1-го тысячелетия н. э. в предгорьях Гималаев, стала основным направлением буддизма в Тибете и тех странах и землях, которые осваивали буддизм в тибетской форме, — Монголии, Бурятии, Калмыкии, Туве. Последователи *ваджраяны* имеются в Китае и Японии (секта *сингон*). В самой Индии в средние века буддизм исчез почти совершенно, вытесненный индуизмом.

Форму буддизма, распространенную у тибетцев, монголов, бурят, калмыков, в научной литературе и в быту обычно называют *л а м а и з м о м*. Это название происходит от

слова «лама», что значит «высший», — так называют учителя-наставника в Тибете. Термин «ламаизм» появился в европейской науке еще в XIX в., однако до сих пор нет ясности, что под ним понималось: весь тибетский (и производный от него монгольский и т. д.) буддизм или только одна из его школ *гелугпа* (она же «школа добродетели» или «желтошапочный ламаизм»). В последние три десятилетия ученые Европы и США отказались от термина «ламаизм», считая, что он носит искусственный характер, что ламаизм в основных своих концепциях — это ваджраяна, и имеющиеся различия между его национальными формами существенного значения не имеют. Тем не менее, хотя мы говорим и пишем о буддистах вообще, каждый верующий довольно отчетливо осознает, к какому именно направлению, школе или секте он принадлежит и соответственно в какие храмы он должен ходить и какие обряды соблюдать. Так, например, в Японии, куда буддизм проник в середине VI в. через Китай и Корею, он с самого начала был представлен не менее чем восемью школами (семь школ махаяны и одна хинаяны). Эти школы вскоре были оттеснены на задний план новыми, более влиятельными, как проникавшими из Китая, так и возникавшими на их базе специфически японскими школами. В настоящее время школ в японском буддизме значительно более ста, причем они продолжают возникать и сейчас. Это преимущественно разные школы махаяны, хотя есть и ваджраяна и крайне немногочисленные школы хинаяны, а наиболее влиятельные группы школ принадлежат к таким учениям, как *амидаизм*, *нитирэннизм* и *дзэн*, особенности которых ярко отражают общественно-историческую специфику Японии как в средние века, так и в новое и новейшее время. Из них всемирной известностью пользуются школы дзэн, последователи которых имеются не только в Японии, но во

многих странах Европы и США. При этом мало кто проникает в сущность учения дзэн, основанного на достижении индивидуального внутреннего озарения путем концентрации духовных и интеллектуальных усилий. Зато чрезвычайно популярны разнообразные атрибуты, разработанные для подготовки и создания условий для такой концентрации: чайная церемония (*тя-но-ю*), искусство составления цветочных композиций (*икэбана*), декоративные сады камней, сады мха и т. д., парадоксальные загадки (*коан*) и тому подобные явления.

Тибетский буддизм тоже не был единым. Уже с VIII в. он начал делиться на школы. К началу XV в. было пять основных школ (*ньингмапа*, *кадампа*, *кагьюдпа*, *сакьяпа*, *гелугпа*) и несколько второстепенных. Их политический вес и значимость в истории Тибета были разными в разные периоды. С конца XVI в. все более активную роль стала играть школа гелугпа, которой оказывали свое покровительство монгольские ханы, а позднее и китайские императоры. Именно этой школе и сейчас принадлежит лидерство в Тибете, хотя ее глава, которого часто называют главой всех буддистов Тибета, — далай-лама с 1959 г. уже живет не в Тибете, а в городе Дхармасала в Северной Индии. Дхармасала — эмигрантский тибетский центр, там живет правительство далай-ламы, там находятся научный центр по изучению буддизма, большое число монахов и просто рядовых верующих, которые после восстания 1959 г. против притеснений со стороны китайской администрации покинули Тибет вместе со своим духовным главой. Неверно называть далай-ламу главой всех буддистов мира. Каждая крупная школа и направление имеют своего главу.

Буддизм у монголов и бурят был представлен двумя школами — гелугпа и сакьяпа, у тувинцев и калмыков — только одной гелугпа. Во Вьетнаме наиболее известны две

школы — *каодаи* и *хоа хао*. Такое же разнообразие школ мы наблюдаем и сегодня практически в каждой буддийской стране.

Мифология буддизма начала складываться одновременно с формированием основных концепций религии, т. е. в VI—V вв. до н. э.

Будда в своем учении никогда не отвергал богов других религий и не запрещал им молиться. Он просто пояснял, что это может дать какое-то временное облегчение, но никак не приблизит человека к конечной цели — просветлению, нирване, спасению. Именно поэтому значительное число богов добуддийской Индии тут же вошли в пантеон богов буддизма. Это создатель мира Брахма; бог грома и молнии Индра; олицетворение энергии, благоустрояющей мир, Вишну; предводитель низших божеств, имеющий тело человека и голову слона, Ганеша; полубоги *гандхарвы*, хранители сторон света *локапалы* и др. Параллельно шел процесс мифологизации реальных исторических лиц, сыгравших важную роль в создании и распространении учения. Прежде всего это касается самого Будды Шакьямуни и его ближайших учеников. Вскоре к ним присоединились настоятели наиболее значительных монастырей, учителя веры, отшельники и т. д.

Позднее процесс включения в буддийский пантеон добуддийских богов получил развитие во всех странах, где распространялся и утверждался в качестве государственной религии буддизм. В Японии в пантеон буддийских богов вошло чрезвычайно популярное божество военных и горнорудных дел Хатиман. Первоначально в VIII в. Хатиман рассматривался как покровитель буддизма из среды местных божеств, персонаж, обеспечивающий благополучную постройку буддийских храмов, поиски меди и золота для статуй Будды и т. д. При буддийских храмах воздвигались его святыни как божества-хранителя, а в 1809 г. официальные хроники впер-

вые называют его великим бодхисаттвой (о них см. ниже). В Тибете в пантеон оказались включенными Падмасамбхава и Цзонхава — реальные исторические лица, основатели разных школ тибетского буддизма, персонаж героического эпоса тибетцев Гесер. В Монголии в пантеон оказались включенными обожествленный Чингисхан, шаманское божество, почитаемое монголоязычными народами (монголами, бурятами, калмыками), Цагаан убугун («белый старец») — покровитель земного плодородия и благополучия, и т. д. Такие примеры можно привести по каждой буддийской стране. Кроме того, вовлеченными в процесс создания пантеона оказались многочисленные местные божества и духи земли, гор, перевалов, озер и т. п. В их числе птицеголовые и звероголовые духи Тибета, вполне человекообразные духи Монголии, многие синтоистские божества Японии, ставшие духами — хранителями японских храмов и земли, на которой те построены. Известные монгольские и бурятские шаманы, согласно позднее сочиненным буддийским легендам, были обращены в буддизм либо самим Буддой, либо далай-ламой, с которыми те где-либо повстречались и т. д. Но все, что мы здесь перечислили, это так называемые местные пантеоны, которые создавались в каждой конкретной буддийской стране на основе ее собственной религиозной и мифологической традиции.

Однако постепенно, хотя и далеко не сразу, сложился и общепантеон буддийский, единый для всех стран буддийского мира, хотя в каждой из этих стран эти боги назывались по-своему, а иногда даже меняли пол (мужской на женский).

Самый высокий ранг этого пантеона образуют будды. Всякое живое существо, достигшее просветления и сменившее мир сансары на мир нирваны, становится буддой. Просветленные (как их можно называть) в полном смысле слова богами не являются —

буддисты (верующие) и буддологи (ученые, специалисты по истории буддизма) протестуют против употребления этого термина по отношению к буддам. Мы постараемся не нарушать этот принцип и отнестись с уважением к желанию верующих и специалистов, хотя ряд качеств, которыми обладают будды, человечество издавна привыкло приписывать богам: всемогущество, способность совершать чудеса, возможность появляться в разных обликах, влиять на ход событий в нашем и других мирах и т. д. Отказавшись от термина «боги», назовем будд высшим рангом персонажей буддийской мифологии.

Каковы же основные характеристики этого ранга? Прежде всего, будд неисчислимо количество, они способны перерождаться во всех временных периодах. Они начинают свой путь к просветлению как бодхисаттвы (это второй ранг пантеона). Все будды обладают 32 признаками совершенства (о них мы уже говорили выше, рассказывая мифологическую биографию Шакьямуни), силами и способностями, превосходящими богов. Будды живут на небесах, но когда они снисходят до воплощения в то или иное земное тело, происходят великие чудеса: с неба падают цветы, дрожит земля, с ясного, безоблачного неба гремит гром. Будды проповедуют Истину, Учение, Закон (это обозначается санскритским словом «дхарма») и обращают людей на путь будды. Наиболее популярные будды в буддизме, почитаемые во всех странах, — Шакьямуни, будда будущего мирового периода Майтрея, пять *дхьяни* — будд (букв. будды созерцания), истечением которых являются Вселенная и ее части, — их имена Вайрочана (он обитает в центре), Акшобхья (на востоке), Ратнасамбхава (на юге), Амигасиддхи (на западе), Амогасиддхи (на севере).

Второй ранг пантеона — *бодхисаттвы*. Буквальный перевод этого слова — «существо, стремящееся к просветлению». Им может быть чело-

век или любое другое живое существо, принявшее решение стать буддой. Бодхисаттвой был Шакьямуни до того, как стал Буддой, именно будучи бодхисаттвой, он 550 раз перерождался на Земле, воплощаясь в разных живых существах. Число бодхисаттв также бесконечно. На пути к состоянию будды бодхисаттва руководствуется шестью духовными совершенствами (*парамитами*) — щедрость, нравственность, терпеливость, мужественность, способность к созерцанию, мудрость. С их помощью он обретает состояние сострадания ко всем живым существам. Наиболее популярные бодхисаттвы: олицетворение сострадания Авалокитешвара (в Индии и странах Центральной Азии это персонаж мужского пола, в Японии и Китае — женского); бодхисаттва мудрости Манджушри; борец с заблуждениями и тупостью Ваджрапани и др. Бодхисаттвы особенно популярны в махаяне, их подвигам и деяниям посвящена значительная литература.

Третий ранг пантеона — *архаты* и *пратьекабудды*. Слово «архат» означает «достойный». Так назывались люди, достигшие при жизни наивысшего уровня духовного развития. Особенно популярны 16 архатов в хиньяне и 18 архатов в махаяне — к их числу относятся ученики и ближайшие последователи Шакьямуни. Пратьекабудда — дословно «будда для самого себя». Он достиг нирваны и спас самого себя, но проповедью учения с целью спасения других не занимается. Их, как и будд, может быть неограниченное количество. Архаты и пратьекабудды более популярны в хиньяне, чем в остальных направлениях буддизма.

В ваджраяне в пантеоне появился еще один важный ранг — *идамы*. По отношению к ним уже вполне допустимо употреблять термин «божества». Их основное назначение — охранители, и в принципе им может стать любой персонаж пантеона, верующий выбирает его своим покров-

вителем, начав восхождение по пути будды. Они делятся на имеющих мирный, гневный и полугневный облик. Самый известный из гневных — Ямантака, победитель бога смерти Ямы. Все его формы — многорукие, многоногие и многоликие. Наиболее популярная его форма имеет 9 голов (из них одна бычья), 34 руки, 16 ног, цвет — темно-синий.

К числу явлений общепарапсихологической религиозной практики следует отнести и тренировку по определенной психологической и физиологической программе. Она имеет наивысшей конечной целью достижение индивидуумом просветления, однако побочные эффекты, которые давал психотренинг, немаловажны сами по себе с точки зрения понимания сущности и возможностей этой практики. Уже в индийской религиозной традиции возникло представление о том, что полное овладение теорией, практикой и техникой йоги позволяет достичь такого состояния, при котором возможно видеть и слышать все, что происходит во Вселенной, становиться невидимым, ходить по воде, летать по воздуху, принимать любые обличья и т. д.

Переводя все это на язык наших дней, можно сказать, что речь идет об экстрасенсорном восприятии, телепатии, парадиагностике и т. д., т. е. о тех явлениях, которые изучает сейчас парапсихология, отнюдь не объявляя их огульно шарлатанством и по возможности снимая с них мистический ореол. Очевидно, особая острота чувств была немаловажным фактором при отборе учеников и в школы йогов в Индии, и в школы ваджраяны Тибета. Школа, разумеется, в данном случае понятие условное, речь идет только об учителе и ученике, их сознательном и подсознательном контакте, который может осуществляться где угодно: в пещерах, на вершинах гор, в стенах монастырей, при личном общении и на большом расстоянии. Каждая стадия обучения заканчивалась определенными испытаниями духа и тела

посвященного. Прошедшие их продолжали совершенствоваться на избранном пути, некоторые отсеивались, а иные в ходе испытаний погибали или сходили с ума, став жертвами непосильного психологического напряжения.

В литературе разных жанров не раз описывались парапсихологические способности выпускников таких школ. Утверждается, что они способны передвигаться по воздуху на большие расстояния в состоянии транса, вызывать внутренний огонь, достаточный не только для того, чтобы согреться самому на любом морозе, но и растопить снег и лед вокруг себя, согреть любое другое существо, которое окажется в этой зоне, умеют отложить собственную смерть на какое-то время до заранее намеченного дня и часа, оживить человека после наступления клинической смерти и т. д.

Несколько слов о концепции *калачакры* — одной из важнейших в буддизме. Ее суть во взаимосвязи и взаимозависимости Вселенной и человека. Как все, что происходит во Вселенной, влияет на человека, так все, что происходит в человеке, его психике и теле, способно повлиять на Вселенную. Именно поэтому очень важно осознание каждой личностью своего места в мироздании и чувства ответственности за все, что в нем происходит. Калачакра — это также колесо времени, времени в его циклическом восприятии, которое охватывает собой 12-летние циклы, объединенные в более крупные временные единицы — 60-летние циклы. Калачакра как календарная система была введена в Тибете в 1027 г. 60-летний цикл как основа летоисчисления уже существовал к тому времени в Китае, где его введение приписывалось императору Хуанди в 2697 г. до н. э., и в Японии, куда он попал вместе с буддизмом и где дата его введения 604 г. В Монголии он известен с XIII в. Однако календарь — это особая тема, связанная с буддизмом косвенно,

через идею бесконечности времени, бесконечной цепи перерождений, замкнутого колеса бытия, о шести мирах которого мы уже писали выше.

К числу общепринятых относится и концепция *мандала*, без которой немыслимы ни одна из национальных разновидностей буддизма и ни один из его уровней. Мандала — явление, не поддающееся однозначному определению. Это и философская концепция буддийской Вселенной, и магическая диаграмма, используемая в практике созерцания, и просто блюдо для сбора жертвоприношений, используемое в храмовых службах. Все эти значения при их кажущейся несовместимости переплетаются и восходят к древнейшему смыслу этого слова, которое в индийской традиции обозначало целый куст родственных понятий — «круг», «орбита», «кольцо», «пространство», «шар» и т. д.

Мандала как магическая диаграмма представляет собой круг, вписанный в квадрат, который, в свою очередь, опять-таки вписан в круг. Внешний круг — вселенная, внутренний круг — средоточие бога или любого другого сакрального объекта (чаще всего это символ, заменяющий божество). Квадрат ориентирован по сторонам света и имеет с каждой стороны Т-образные выходы, так называемые ворота во вселенную. Поле квадрата поделено на четыре части плюс пятая — центр, каждая из которых имеет свою окраску: синюю, красную, белую, желтую, зеленую. Каждый цвет ассоциируется с одной из сторон света, с одним из будд созерцания, с одним из элементов вселенной (эфир, огонь, земля, вода, воздух), с одним из органов чувств, с одной из *мудр* (сакральное положение рук), с одной из *мантр* (сакральная формула вызывания божества). Человек в процессе созерцания должен по очереди воспроизвести в себе все, что изображено на мандале, слить себя с божеством, изображенным в центре, после чего наступает высшая стадия созерцания — слияние с космическим абсолютным.

Как схема вселенной и место размещения в ней богов мандала часто изображаются на полу и на потолке в храмах. Они могут быть плоскостными и рельефными, их рисуют на ткани и на песке, делают из металла, камня, дерева и даже вырезают из масла, предварительно окрасив последнее в соответствующие ритуальные цвета. Металлическое блюдо, на которое посетители храма кладут свои подношения (деньги, спички, конфеты), также несет на себе соответствующие сакральные признаки: в центре его изображается божество или замещающий его символ — *ваджра* (пучок скрещенных молний), мифическая гора Меру как центр буддийской Вселенной, дворец «идеального правителя». Все это перемежается различными буддийскими символами и «драгоценностями» — цветами лотоса, вазой с напитком бессмертия, колесом с восемью спицами и т. д.

Как модель Вселенной мандала имеет аналогии с другими культовыми сооружениями и предметами человеческой истории — зиккуратами древнего Вавилона, мегалитическими сооружениями типа Стоунхенджа, шаманскими бубнами народов Сибири. Подобная геометрическая схема лежит также в основе храмового зодчества не только в буддизме, но и в христианстве и исламе.

В обширной мифологии ваджраяны есть одна легенда, заслуживающая особого упоминания: о стране всеобщего благоденствия Шамбале. В ней не бывает болезней, неурожаев, стихийных бедствий. Ее жители — сильные, стройные, красивые люди, живущие до ста лет. Все они не просто буддисты, но проникли в самые глубины сокровенного знания. Путь в Шамбалу могут найти только те, кто овладел этими знаниями столь же глубоко и преодолел в себе чувственную привязанность к жизни. Все прочие могут пройти рядом и не заметить ее. Существует немало легенд о людях, побывавших в ней и унесших свет истины в свои страны. Не раз даже в нашем

веке отправлялись на поиски этой страны и отдельные энтузиасты и целые экспедиции. Ее искали в Тибете, на Памире, на Алтае, но безрезультатно. Вероятно, Шамбала — это прекрасная утопия, такая же, как Беловодье у староверов и другие аналогичные им легендарные земли обетованные.

В буддийской мифологии много священных растений и животных, почитаемых буддистами всех стран. Прежде всего это дерево бодхи из рода фикусов (наука называет его «фикус религиоза»), под которым на Будду снизошло просветление. Отростки дерева этого вида развезены по всему миру, многие монастыри имеют особые павильоны, где в тепличных условиях выращивается из маленького отростка это священное дерево. Вторым по популярности растением можно назвать лотос. Он считается символом чистоты, духовного просветления, сострадания. Все высшие персонажи пантеона изображаются сидящими на цветке лотоса, так называемом лotosовом троне. Считается, что не только боги, но и некоторые выдающиеся деятели буддийской истории родились из цветка лотоса.

Из животных особенно почитаемы змеи (*наги*). Они сыграли особую роль в биографии Будды. Царь змей Нагараджа прикрыв Будду своим капюшоном в момент его пребывания в состоянии созерцания. Наги хранили у себя один из важнейших священных текстов буддизма «Прачжняпарамиту» до тех пор, пока люди не созрели до ее понимания, и лишь тогда отдали ее философу Нагарджуне. Изображение змей часто встречается в южных формах буддизма. Вполне вероятно, что это следствие того, что и в Индии и в странах Индокитая культ змей существовал с глубокой древности и оказывал влияние на буддизм. Другие популярные животные — слон (особенно белый), бык, лев, конь, черепаха, павлин. Они часто выступают как спутники или ездовые животные или даже символы — заменители высших,

средних и низших персонажей пантеона.

Любимые мифологические персонажи — газели. В память о тех двух газелях, которые первыми вышли из леса и стали слушать первую проповедь Будды, над воротами буддийских храмов постоянно изображают такой сюжет: две коленопреклоненные газели, а между ними колесо с восемью спицами (символ восьмеричного колеса учения).

Буддизм — и как религия и как мифология — вызвал к жизни замечательное искусство: храмовое зодчество, иконографию в виде живописи и в виде скульптуры. Скульптуры из золота, серебра, бронзы, дерева, камня, изображающие всех персонажей пантеона от высших до низших, общеподобийские и местные, в разных странах буддийского мира в соответствии с национальными традициями этих стран можно увидеть шедевры этого искусства. Среди них есть изделия размером 2—3 см (те, что носят в ладанках на груди) и, например, статуя Дайнити (будды Вайрочана) в г. Нара в Японии высотой 16 м, освященная в 752 г. Самая высокая в мире каменная статуя Будды высотой 54 м воздвигнута в I в. н. э. в местности Бамиан на территории современного Афганистана. Эта местность лежала на пути миссионеров, а потом и паломников из Индии в Восточный Туркестан, здесь был построен монастырь и эта замечательная скульптура. Во время монгольского нашествия в 1222 г. монастырь был разрушен, статуя сильно повреждена, но тем не менее она сохранилась до наших дней и еще сейчас поражает воображение всякого, кто ее видит.

Буддизм — живая и жизнеспособная религия. В разных частях земного шара и сейчас продолжают возникать новые буддийские общины, строиться храмы. Около 300 буддийских центров разных направлений и школ существует в США. Начиная с 1989 г. в России открылось более 20 буддийских общин и центров, причем не

только в традиционных районах распространения буддизма (Бурятия, Калмыкия, Тува), но и в Москве, Санкт-Петербурге. В Москве на правах общественной организации с января 1992 г. начал действовать Институт буддизма. В Бурятии открываются новые буддийские монастыри (сегодня их более десяти), а в Улан-Удэ основана Буддийская духовная академия, задача которой — готовить кадры священнослужителей

(лам) для монастырей. Как уже говорилось выше, буддийские общины существуют и в Прибалтике, при Тартуском университете создан учебный институт Махаяны.

Буддисты мира объединены в 2 международных организации — Всемирное братство буддистов (штаб-квартира в Бангкоке, Таиланд) и Азиатскую буддийскую конференцию за мир (штаб-квартира в Улан-Баторе, Монголия).

Христианство

Христианство возникло в I в. в Палестине и первоначально распространялось в среде еврейства средиземноморской диаспоры, однако в первые десятилетия получало все больше последователей среди язычников, т. е. неевреев. Постепенно так называемое иудеохристианство, т. е. христианство, оставшееся только «ересь» внутри иудаизма, сошло на нет (к V в.), и евреи, первые носители христианства, в конце концов остались единственным нехристианским народом среди христианского мира. До V в. христианство распространялось главным образом в географических пределах Римской империи, а также в сфере ее политического и культурного влияния (Армения, Восточная Сирия, Эфиопия). После отпадения несторианства (с 431 г.; в настоящее время сохранилось лишь среди «ассирийцев» стран Западной Азии) и монофиситства (с 451 г.; в настоящее время исповедуется коптской церковью Египта, яковитской церковью Сирии и Ливана, эфиопской и армяно-григорианской церквами) азиатское и египетское христианство организационно обособляется от грекоязычных и латиноязычных церквей Европы. В Европе христианство покидает пределы Средиземноморья и завоевывает германских и славянских варваров: в IV в. были обращены готы (принявшие первоначально ариан-

ство), в начале VIII в. Бонифаций развешивает широкую миссионерскую деятельность в Германии, в IX—X вв. происходит христианизация славянских народов, и к XIII в. вся Европа оказывается христианской. Европейское христианство в результате схизмы (разделения церквей), датируемой 1054 г., но на деле составившей содержание многовекового процесса, раскололось на два вероисповедания — православие и католицизм; из последнего в ходе Реформации в XVI в. выделился протестантизм, в свою очередь разделившийся на три основных направления — евангелическое (лютеранское), реформатское (кальвинистское) и англиканское; к ним надо добавить множество больших и малых сект. Католицизм упрочился в романских странах (кроме Румынии) и в Ирландии, православие в славянских странах (кроме Польши и Хорватии, где утвердился католицизм), в Греции и Румынии, протестантизм — в германско-скандинавских странах (кроме католических Австрии, Баварии, Рейнских земель). Постепенное открытие и завоевание земного шара для европейской буржуазной цивилизации сопровождалось развитием миссионерства. В Америке к региону протестантизма прибавляются США, к региону католицизма — Латинская Америка и отчасти Канада. Проникновение христианства в неевропей-

ские страны привело к возникновению необычных для христианства форм религиозного культа и мировоззрения (например, в Индии или Японии). В настоящее время последователи христианства есть во всех обитаемых частях света.

В отличие от генетически близкого ему иудаизма, а также, например, зороастризма, индуизма или синтоизма, ограниченных в своем распространении пределами одного народа или группы родственных племен, христианство — одна из мировых религий наряду с буддизмом и исламом. Этнический состав приверженцев христианства несколько раз очень основательно изменялся. Христианство возникло в среде евреев Палестины; вскоре, однако, оно стало получать все больше неофитов из других народов, между тем как его конфликт с иудаизмом делался все острее. В IV—VII вв., когда христианство утверждает себя как государственная религия Римской империи от Атлантики до Месопотамии и от Британских островов до Эфиопии, особую активность в создании христианизированных форм общественного сознания, культуры и религиозного поведения проявляют народы восточной окраины Средиземноморья: сирийцы, копты (христиане Египта), эллинизированные народы Малой Азии. Однако уже с VII в. сирийско-палестинские и египетские, а к XV в. и малоазийские территории вместе с Константинополем переходят под власть ислама. На западе Европы наиболее энергичными распространителями христианства в эпоху культурного упадка, вызванного варварскими нашествиями (VII—IX вв.), выступают кельты; позднее, однако, они оказываются оттесненными на периферию культурной жизни христианского ареала. Между тем христианство, как бы компенсируя свои ближневосточные утраты, вовлекает в свою сферу сначала германские и славянские, а затем балтийские и финские народы; происходит встреча

мифологических традиций этих народов с христианскими представлениями (стилизация христианской эсхатологии в духе германско-скандинавского мифа о всемирном пожаре в древневерхнемецкой поэме IX в. «Муспилли»; наделение в славянских весенних песнях св. Георгия чертами Яровита или Ярилы, передача Илие пророку роли Перуна или Перкунаса как громовика и специально антагониста Велеса). К концу средневековья вся Европа становится христианской (кроме живущих в Европе евреев, с чем связана легенда об Агасфере).

В начале Нового времени подъем раннекапиталистической цивилизации, сопровождавшейся сначала победой протестантизма на германско-скандинавском севере Западной Европы, а затем все большими триумфами рационалистической науки, наносит удар мифологическому творчеству как таковому. Одновременно распространение христианства за пределами Европы в ходе колониальной экспансии и деятельности миссионеров еще раз создает условия для новых вариантов христианской мифологии в связи с новым этническим субстратом (таковы, например, легенды о Деве Марии Гваделупской в среде индейцев Латинской Америки); возникают гибридные формы мифологии, где отдельные христианские мотивы соединяются с локальным, «экзотическим» материалом и переосмысливаются в ином контексте. Наблюдаются соответствующие иконографические новшества. Так, в христианском искусстве современной Африки распинаемый Христос изображается черным, а его мучители — белокожими.

Историю мистически понятой земной жизни Иисуса Христа — от начального момента истории «вочеловечения Бога» (Благовещение) до смерти на кресте, Воскресения и, наконец, возвращения по завершении земной жизни в божественную сферу бытия, но уже в качестве богочеловека (Вознесение) — дают главным

образом евангелия — канонические (от Матфея, Марка, Луки, Иоанна) и многочисленные апокрифические (Петра, Фомы, Никодима, Первозанное евангелие Иакова, евангелия «детства Христа» и др.).

В качестве мессианского царя Иисус Христос — наследник династии Давида, «сын Давидов». Так как он рождается от Девы Марии, не имея земного отца, можно ожидать, что к Давиду будет возведено родословие его матери. Однако это не так: обе генеалогии Иисуса Христа, которые даны в евангелиях (Матф. 1, 1—16, Лук. 3, 23—38), — это генеалогии Иосифа Обручника, номинального мужа Марии: с точки зрения древневосточного сакрального права усы легальной адоптации в некотором смысле важнее, чем происхождение от реальной матери. Апокрифическая версия, не получившая широкого распространения, связывала происхождение Иисуса Христа не только с родом Давида и, следовательно, с коленом Иуды (которому принадлежал мессианский царский сан), но и с коленом Левия (которому принадлежали права на священнический сан).

Рождение Иисуса Христа предсказано ангелом (архангелом) Гавриилом, явившимся деве Марии в Назарете (Лук. 1, 26—38) и возвестившим, что у нее должен родиться Сын без разрушения ее девственности, который будет чудесно зачат по действию Духа Святого; эту тайну ангел, не называемый по имени, открывает Иосифу Обручнику, явившись ему во сне (Матф. 1, 20—23). По ветхозаветным пророчествам (Мих. 5, 2) мессианский царь должен родиться на земле Иудеи (Южная Палестина), в Вифлееме, легендарном городе Давида; между тем Мария и Иосиф живут в Назарете, вошедшем в поговорку своей незначительностью (Ио. 1, 46), в полуязыческой Галилее (Северная Палестина). Провиденциальной причиной, побудившей их отправиться в Вифлеем, оказывается объявленная римскими оккупационными властями

перепись населения, по правилам которой каждый должен был записываться по месту исконного проживания своего рода (Лук. 2, 1—5). Там, в Вифлееме, и рождается Иисус Христос в хлеву (устроенном, согласно апокрифическому евангелию Фомы, в пещере, что символически связывает сюжет рождества с богатой традиционно-мифологической символикой пещеры), «потому что не было им места в гостинице» (там же, 2, 7). Обстановка рождества парадоксально напоминает жизнь Адама в Эдеме с животными до грехопадения. Младенцу Иисусу Христу приходят поклониться пастухи, побужденные к этому славословиями ангелами (там же, 2, 8—20), и волхвы, приведенные чудесной звездой (Матф. 2, 1—11). По прошествии восьми дней младенец подвергнут обряду обрезания и получает имя Иисус (нареченное ангелом прежде зачатия младенца во чреве); на сороковой день он как первородный сын иудейской семьи принесен в иерусалимский храм для ритуального посвящения богу, где узан престарелым Симеоном Богоприимцем, всю жизнь ожидавшим мессии (Лук. 2, 22—33).

Спасая младенца от царя Ирода (ср. ветхозаветное сказание о рождении Моисея), Мария и Иосиф бегут с ним в Египет, где остаются до смерти Ирода (Матф. 2, 13—21). Многочисленные внеканонические легенды, особенно богатые и обстоятельные у коптов, но распространенные в литературе и фольклоре различных народов, говорят об идолах, рушившихся перед лицом Иисуса Христа, о плодотворном дереве, склонившем по его приказу ветви к деве Марии, о поклонении зверей, об источниках, пробивающихся в безводном месте, чтобы утолить жажду путников, и т. п.

Годы, проведенные затем в Назарете, окружены безвестностью (сообщается, что Иисус выучивается ремеслу плотника; Мк. 6, 3). Согласно каноническому повествованию по достижении Иисусом Христом двенад-

цатилетнего возраста (религиозного совершеннолетия) семья совершает паломничество в Иерусалим на пасху, во время которого отрок исчезает. Его находят в храме «посреди учителей, слушающего их и спрашивающего их», и рабби, с которыми он говорил, «дивились разуму и ответам его» (Лук. 2, 47). На укоризны матери Иисус Христос отвечает: «Зачем было вам искать Меня? или вы не знали, что мне должно быть в том, что принадлежит Отцу Моему?». В остальном Иисус Христос «был в повиновении» у Марии и Иосифа. В противоположность сдержанным ортодоксальным преданиям в апокрифах отрок Иисус Христос изображается могущественным, таинственным и подчас недобрый чудотворцем, словом умерщвляющим (правда, затем оживляющим) повздоривших с ним сверстников, изумляющим школьного учителя каббалистическими тайнами; он лепит в субботу птичек из глины, а когда его корят за нарушение субботного покоя, хлопает в ладоши, и птички улетают (апокрифическое евангелие Фомы).

Каноническая традиция сдержанно указывает на конфликты с близкими. «Ближние его пошли наложить на него руки, ибо говорили, что он вышел из себя» (Мк. 3, 21); «Братья его не веровали в него» (Ио. 7, 5).

Перед выходом на проповедь Иисус Христос отправляется к Иоанну Крестителю и принимает от него крещение, что сопровождается голосом с небес, утверждающим Иисуса Христа в мессианском достоинстве, и явлением Духа Святого в телесном облике голубя (Матф. 3, 13—17; Мк. 1, 9—11; Лук. 3, 21—22; Ио. 1, 32—34). Сразу после этого Иисус Христос уходит в пустыню на 40 дней (срок поста ниневитян в истории Ионы, вообще знаменательное число, ср. также продолжительность Великого Поста в практике православной и католической церквей), чтобы в полном уединении и воздержании от пищи встретиться в духовном

поединке с дьяволом (Матф. 4, 1—11; Лук. 4, 1—13). Как в традиционном эпическом или сказочном поединке, Иисус Христос побеждает своего антагониста троекратно, отклоняя каждое из его предложений словами ветхозаветных заповедей, приводимыми более или менее точно. Так, ответ на предложение чудом превратить камни в хлебы, чтобы утолить многодневный голод, — «не хлебом единым жить будет человек, но всяким словом, исходящим из уст Божиих» (ср. Втор. 8, 3); на предложение броситься с кровли притвора иерусалимского храма, чтобы в воздухе быть поддержанным ангелами и этим доказать свое богосыновство, — «не искушай Господа Бога твоего» (Втор. 6, 16); на предложение поклониться дьяволу, чтобы получить от него «все царства мира и славу их», — «Господу Богу твоему поклоняйся и Ему одному служи» (Втор. 6, 13; 10, 20).

Лишь после этого Иисус Христос выступает с возвращением мессианского времени (Матф. 4, 17); его возраст приблизительно определяется (Лук. 3, 23) в 30 лет — символический возраст полноты зрелости («Тридцать лет было Давиду, когда он воцарился» — 2 Царств 5, 4). Он призывает первых учеников из среды рыбаков «моря Галилейского» (Тивериадского озера), ходит с ними по Палестине, проповедуя свое учение и творя чудеса. Когда на свадьбе в Кане Галилейской не хватило вина, он по просьбе матери претворяет воду в вино (Ио. 2, 1—11 — «чудо в Кане Галилейской»; характерен контраст между прозаической житейской ситуацией и эсхатологической символикой мессианского пира). Другие чудеса — воскрешение мертвых (Лазаря, дочери Иаира), хождение по воде, укрощение бури, насыщение тысяч людей пятью (семью) хлебами, особенно же исцеление душевнобольных («изгнание бесов») и телеснобольных. Своим ближайшим ученикам — апостолам Петру, Иакову и Иоанну Богослову, взойдя с ними на высокую гору, он

являет чудо преображения: лицо его просияло, «как солнце», одежды сделались «блистающими»; происходит явление Илии с Моисеем, а из облака раздается голос, возвещающий, что Иисус Христос — «Сын Мой возлюбленный» (Матф. 17, 1—13; Мк. 9, 1—12; Лук. 9, 28—36). Но в родном Назарете, где в него не верили, Иисус Христос «не мог совершить никакого чуда» (Мк. 6, 5). Постоянный мотив — столкновения с иудейскими ортодоксами из числа господствующих религиозных течений фарисеев и саддукеев, вызванные тем, что Иисус Христос постоянно нарушает формальные табу иудаистической религиозной практики (например, исцеляет в субботу), притязает на право прощать людям их грехи (считавшиеся принадлежностью только Бога), поддерживает «оскверняющее» общение с отверженными грешниками.

Многочисленные афоризмы Иисуса Христа утверждают самоотверженную готовность к отказу от выгод и преимуществ в качестве решающего критерия духовной жизни. «Нагорная проповедь» (Матф. 5—7) начинается восклицанием: «Блаженны добровольно нищие» (или «нищие по велению своего духа»; такой перевод подтверждается как древними толкованиями, так и наблюдениями над семантикой текстов Кумрана, между тем как традиционная передача «нищие духом» ведет к недоразумениям). С неожиданной суровостью осуждена забота о завтрашнем дне, воля к обеспеченному, обставленному гарантиями благополучия (Матф. 6, 24—34). Сам Иисус Христос — тоже «добровольно нищий»: «лисицы имеют норы, а птицы небесные — гнезда, а Сын человеческий не имеет где приклонить голову» (Матф. 8, 20; Лук. 9, 58). Именно эта черта выделяется и мифологизируется в образе Иисуса (Исы), как его дает мусульманская, особенно послекораническая, литература (например, у Газали Иисус Христос — идеал нестяжательства в духе суфизма).

Как учитель своей аудитории Иисус Христос в кругу палестинских понятий воспринимается как рабби; так к нему и обращаются (Матф. 26, 25 и 49; Мк. 9, 5; Ио. 1, 38 и 49; 3, 2). Это особый случай среди рабби, ибо он учит, не пройдя специальной выучки (Ио. 7, 15), и притом говорит, «как власть имеющий, а не как книжники и фарисеи» (Матф. 7, 29; Мк. 1, 22). Евангелия чаще всего показывают Иисуса Христа учащим (Матф. 4, 23; 9, 35; Ио. 7, 14; Мк. 10, 1). Синагоги, притворы иерусалимского храма — нормальная обстановка деятельности рабби. Другие «учители во Израиле» диспутируют с ним как со своим коллегой и конкурентом (Матф. 22, 23—45). Но суть и тон его речей исключительны; слушающий должен либо «уверовать», либо стать врагом (ср. Матф. 12, 30 — «Кто не со Мною, тот против меня»). Отсюда неизбежность трагического конца.

В дни перед главным иудейским праздником — пасхой Иисус Христос приближается к Иерусалиму, торжественно въезжает в этот город на ослице (символ кротости и миролюбия в противоположность боевому коню, ср. Зах. 9, 9—10), принимает приветствия от народной толпы, обращающейся к нему с ритуальными возгласами как к мессианскому царю, и властно изгоняет из помещений иерусалимского храма менял и торговцев жертвенными животными (Матф. 21, 1—13; Мк. 11, 1—11, 15—17; Лук. 19, 28—46; Ио. 12, 12—19). Иудейские старейшины, составлявшие особое религиозно-административное и судебное учреждение — синедрион (греч.; евр. санхедрин), решают предать его (как выходца из презираемой Галилеи, нарушителя обрядовой дисциплины, вождя, могущего поспорить с ними римлянам) суду синедриона, чтобы затем выдать на казнь римским властям (синедрион в оккупированной стране не имел права приговаривать к лишению жизни).

Иисус Христос в кругу двенадцати апостолов тайно справляет обряд пас-

хального ужина (так называемая Тайная Вечеря), во время которого предсказывает, что один из учеников предаст его, а затем подает ученикам хлеб и вино, мистически претворяя их в свое тело и кровь, а себя уподобляя закланному и поедаемому пасхальному ягненку — прообраз христианской евхаристии (Матф. 26, 20—29; Мк. 14, 18—25; Лук. 22, 8—38; Ио. 13, где отсутствует евхаристическая тема, но зато описано омовение ног ученикам как поданный им пример взаимного служения). Ночь он проводит с учениками в Гефсиманском саду на Масличной горе к востоку от Иерусалима, «ужасается и тоскует», просит троих самых избранных апостолов (некогда присутствовавших при преображении) бодрствовать вместе с ним и обращается к богу с молитвой: «Отче! о, если бы Ты благоволил пронести чашу сию мимо Меня! впрочем, не Моя воля, но Твоя да будет» (Лук. 22, 42; ср. Матф. 26, 39; Мк. 14, 36 — «моление о чаше»); напряжение его духа доходит до кровавого пота (Лук. 22, 44). Приходят вооруженные пособники иудейских старейшин, которых ведет предатель Иуда Искарот; он подходит к Иисусу Христу и целует его — это знак, кого надо схватить (Матф. 26, 47—50; Мк. 14, 43—45; Лук. 22, 47—48). Петр пытается оказать вооруженное сопротивление и отсекает мечом ухо рабу первосвященника, но Иисус Христос останавливает его и исцеляет раба. Ученики разбегаются.

Иисус Христос отведен на суд синедриона, где подтверждает свое мессианское достоинство (Мк. 14, 61—62), за что ему выносят (предварительный) смертный приговор. Ранним утром Иисуса Христа ведут к римскому прокуратору Понтию Пилату для подтверждения приговора. Пилат спрашивает его, считает ли он себя царем иудеев, и получает утвердительный ответ (Мк. 15, 2 и др.). Однако Пилат не прочь спасти необычного обвиняемого. По обычаю к празднику пасхи можно было

помиловать одного осужденного; Пилат предлагает отпустить Иисуса Христа, но толпа требует помиловать некоего Варавву, который во время мятежа совершил убийство (Мк. 15, 7).

Иисуса Христа ждет участь бесправных — бичевание и затем распятие на кресте, а между тем и другим — издевательства римских легионеров, делающих из него шутовского царя (Матф. 27, 27—30; Мк. 15, 16—20; Ио. 19, 2—3). Он должен нести крест до места казни (Голгофа), но не выдерживает его тяжести, и крест помогает нести некто Симон из Кирены (Мк. 15, 21). По иудейскому обычаю ему предлагают перед казнью наркотический напиток, притупляющий чувствительность, но он отказывается (Там же, 15, 23). Иисуса Христа распинают между двумя разбойниками, из которых один издевается над ним, а другой сознает свою вину и невинность Иисуса Христа («благоразумный разбойник»); ему Иисус Христос обещает: «Сегодня же будешь со мною в раю» (Лук. 23, 43). Страдания Иисуса Христа на кресте продолжаются примерно до 3 часов пополудни. Он поручает Деву Марию заботам усыновляемого ею Иоанна Богослова (Ио. 19, 25—27), читает (по-арамейски) стих скорбного и в то же время мессианского псалма 21/22 «Боже мой! Боже мой! для чего Ты меня оставил!» (Мк. 15, 34) и умирает. Его смерть сопровождается знамениями: солнце затмевается, в иерусалимском храме сама собой раздирается завеса (ср. раздирание одежд в знак скорби), происходит землетрясение. Чтобы проверить, мертв ли осужденный, один из воинов пронзает ему грудь копьем (Ио. 19, 34). Тело Иисуса Христа выдано друзьям по ходатайству Иосифа Аримафейского, обвито плащаницей с дорогими благоуханиями, принесенными Никодимом (Ио. 19, 39—40), и спешно похоронено в каменном саркофаге, в пещере, заваленной камнем; на следующий день пасхальная суббота, когда иудею ничего нельзя делать.

Евангелия ничего не говорят о сошествии во ад Иисуса Христа, но позднее представление о явлении его среди мертвых и о сокрушении им сил смерти в самой их твердыне стало предметом веры и мотивом иконографии.

Когда по истечении субботы Мария Магдалина и еще две женщины (мироносицы) пришли, чтобы еще раз омыть и умастить благовониями тело Иисуса Христа, саркофаг оказался пуст, а на его краю сидел «юноша, облеченный в белую одежду» (ангел), который сказал, что Иисус Христос воскрес и ученики увидят его в Галилее (Мк. 16, 1—8). Само воскресение описывается только в апокрифах (например, в евангелии от Петра). Воскресший Иисус Христос является ученикам. Его не сразу узнают, Мария Магдалина принимает его за садовника (Ио. 20, 15), у учеников, долго беседовавших с ним по дороге в Эммаус, «открываются глаза» лишь перед тем, как он делается невидимым (Лук. 24, 31). Фома же ощупывает раны от гвоздей (Ио. 20, 27). Иисус Христос посылает апостолов на проповедь по всему миру, после чего происходит его вознесение (Мк. 16, 19; Лук. 24, 51; Деян. 1, 9). Возвращение (второе пришествие) Иисуса Христа совершится в конце времен «на облаках с силою многою и славою» (Мк. 13, 26); подводя итог судеб мира, он будет творить Страшный Суд над всеми поколениями людей.

Таков евангельский рассказ о земной жизни Иисуса Христа (дополненный апокрифическими повествованиями).

Для ответа на вопрос, кто такой Иисус Христос, раннее христианство, давая норму позднейшей традиции, систематически использовало наличные понятия из обихода, во-первых, палестинского иудейства (образы сакрального эсхатологического царя — мессия, «сын Давидов», т. е. легитимный наследник древней династии; посредник между Богом и людьми и вселенский государь последних вре-

мен, кроткий властитель и невинный страдалец, искупающий грехи других); во-вторых, специально кругов кумранско-ессейского типа (эсхатологический пророк и учитель); в-третьих, эллинистического иудейства («Логос» и «второй Адам», или «последний Адам», он же «человек неба» — категории, общие у новозаветных текстов с текстами иудейского мыслителя I в. Филона Александрийского); в-четвертых, языческого эллинистического синкретизма (мифологемы мистериальных культов, императорского культа, пифагорейско-платонической мистики, понятия вроде «божественный человек», т. е. нравственно совершенный чудотворец).

Иисус — греческая передача еврейского личного имени Йешу(а) (исходная форма — Йегошуа — «бог помощь, спасение»). Христос — перевод на греческий язык слова *мессия* (помазанник). Эпитетом Иисуса Христа, как бы другим его именем стало слово «спаситель» (старослав. «спас»). Оно воспринималось как перевод по смыслу имени Иисус, его эквивалент (ср. Матф. 1, 21: «и наречешь имя ему Иисус, ибо он спасет людей от грехов их»). Близкий по значению эпитет «искупитель» — перевод еврейского термина со значением «кровный родич», «заступник», «выкупающий из плена», употребленного уже в Ветхом завете в применении к Яхве (Ис. 41, 14 и др.; Иов 19, 25). Эти эпитеты — отражение догматического положения о том, что Иисус Христос, добровольно приняв страдания и смерть, как бы выкупил собою людей из плена и рабства у сил зла, которым они предали себя в акте грехопадения Адама и Евы. Особое место среди обозначений Иисуса Христа занимает словосочетание «Сын Человеческий»: это его регулярное самоназвание в евангельских текстах, но из культа и письменности христианских общин оно рано и навсегда исчезает (возможно, табуированное как особенность речи самого Иисуса Христа). Его смысл остается под

вопросом, но весьма вероятно связь с ветхозаветной Книгой Даниила (Дан. 7, 13—14), где описывается пророческое видение, в котором «как бы сын человеческий» подошел к престолу Ветхого днями (т. е. Яхве) и получил от него царскую власть над всеми народами и на все времена; в таком случае это мессианский титул, эквивалент слова «Христос». Далее, Иисус Христос — царь, которому дана «всякая власть на небе и на земле» (Матф. 28, 19), источник духовного и светского авторитета (продолжение ветхозаветной идеи царя Яхве). Словосочетания «Сын Божий», имеющее применительно к нему догматический смысл, искони употреблялось в приложении к царю как эквивалент его титула. В этом же идейном контексте стоит слово «Господь» (греч. «кириос», которое по традиции прилагалось к Яхве, заменяя в переводе Ветхого завета его табуированное имя как соответствие евр. Адонаи (господь мой); в бытовом обиходе оно означало не господина, распоряжающегося рабом, а опекуна, имеющего авторитет по отношению к несовершеннолетнему, и т. п.; использовалось оно и как титул цезарей.

Все эти понятия сами по себе, как они употреблялись до христианства, ориентируют на представление о существе, промежуточном между Богом и миром, которое может быть «сыном Божиим» лишь по усыновлению, а не по природе; но такое представление оказалось несовместимо с самой сутью христианства и было окончательно осуждено в IV в. как ересь под именем арианства. В новозаветных текстах (особенно в Евангелии от Иоанна, в Посланиях апостолов) уже намечены основные элементы христологических представлений, ставших позднее важнейшими религиозными догматами христианства, прежде всего понимание Иисуса Христа как богочеловека, сына божьего, соединившего в своем лице человеческую и божественную природу. Одновременно (уже в евангелии от

Иоанна) формируется взгляд на Иисуса Христа как на божественный логос (слово), посредствующее звено между богом и людьми. Это представление (сформулированное не без воздействия греко-римской философии) стало составной частью догмата о троичности божества.

Предпринимались и другие попытки нейтрализовать остроту парадокса вочеловечения Бога: те же ариане отрицали у Христа существование человеческой души, так что от «вочеловечения» оставалось одно «воплощение» (соединение Логоса с человеческой плотью); несторианство рассматривает Бога Логоса и человека Иисуса как две несоединяющиеся (хотя вступившие в небывало тесное сближение) сущности, а путь Иисуса — как путь совершенствования, в известной мере аналогичный пути «божественных мужей» язычества; напротив, аполлинаризм (IV в.) и более осторожное монофиситство (с V в.) говорят о поглощении божественной природой Логоса человеческой природы Иисуса или об их слиянии в единую «богочеловеческую природу».

Христианская ортодоксия выявила свои принципы в отвержении всех попыток. Вдвойне парадоксальная формула Халкидонского собора (451 г.) «неслиянно и нераздельно» дает универсальную для христианства схему отношений божественного и человеческого, трансцендентного и имманентного. Предполагается, что происходит не просто «воплощение» божества, т. е. принятие им чувственно-материального обличья (человеческая природа при этом могла пониматься как маска — точка зрения докетов), но его «вочеловечение», т. е. реальное соединение с природой человека во всей ее целостности — не только с телом, но и с душой и умом, вплоть до учения о двух волях Иисуса Христа — божественной и человеческой (сформулированного к VII в. в борьбе с монофелитами, признававшими две природы Иисуса Христа, но

единую волю). Полная невообразимость и логическая неопиcуемость такого соединения не только не отрицается, но всячески подчеркивается раннехристианской и средневековой религиозной литературой. Это чудо, в отличие от всех частных чудес выходящее не только за рамки законов природы, но и за рамки нормы бытия Бога как такового: если по евангельской формуле «Богу все возможно» (Матф. 19, 26 и др.), то вочеловечение, строго говоря, как бы невозможно и для самого Бога.

Нестрадательность Божества присутствует в страданиях Христа на кресте, невозмутимо-неизменное божественное бытие — в «смертельно скорбящей» душе Христа, молящегося в Гефсиманском саду об отмене своего неотменяемого удела (Матф. 26, 38—39). Воплощенный и вочеловечившийся Бог разделяет не только общие естественные условия человеческого существования (сами по себе уже являющиеся для него невероятным унижением), но и специально неблагоприятные социальные условия. Будда Шакьямуни приходит в мир в царском дворце, Христос — в стойле для скота (Лук. 2, 7); Шакьямуни тихо и торжественно умирает в кругу учеников, Христос претерпевает страшную и позорную казнь после бичевания, пощечин и плевков. Стоит сравнить образ распятого Христа с иконографией невозмутимо восседающего Будды, чтобы ощутить контраст.

Однако наряду с этим христианская культура часто шла по пути нейтрализации тех мучительных парадоксов, которые отказывалась нейтрализовать доктрина. Одним из способов делать это было усиленное акцентирование предопределенности всех событий «священной истории». В Евангелиях Христос молится в ночь накануне казни: «Отче мой! если возможно, да минует Меня чаша сия», настоящее колеблется, будущее хотя и предвидимо, но еще не дано, и как раз поэтому боль и страх по-насто-

ящему реальны. Тема предопределенности, также присутствующая в новозаветном повествовании, «впрочем, Сын Человеческий идет по предназначению» (Лук. 22, 22), — доминирует не настолько исключительно, чтобы отменить эту реальность. Напротив, мифологизирующие переработки евангельских сюжетов, особенно характерные для раннесредневековой литературы, делают грядущее торжество Христа до конца известным, а потому уже данным и наличным в каждый момент его страдания и притом не только в предведении самого Христа, но и в благочестивой осведомленности чуть ли не всех положительных персонажей. У византийского поэта VI в. Романа Сладкопевца Христос уже не говорит «если возможно». Он говорит совсем другие слова: «Это от начала мне изволилось». Он уже не прощается на кресте с матерью как бы навсегда (что эмоционально присутствовало в повелении усыновить Иоанна Богослова. — Ио. 19, 26). Он разъясняет ей, что она увидит Его первая по выходе из гроба. Все разъяснено, расписано с самого начала как текст некоего священного действия, никто не собьется со своей роли. Позднее этот подход подхватывается фольклором. Христианская мифология в ее самом вольном, неортодоксальном фольклорном варианте видит смерть и жизнь Христа как одну и ту же культовую действительность — таинственное бытие «мощей», находящихся по ту сторону жизни и смерти. Поэтому если еще до своего воскресения Христос предстает уже во славе воскресения, то после воскресения в одном русском духовном стихе (в вопиющем противоречии с евангельскими текстами и ортодоксальной верой) продолжает покоиться в гробу.

В догмате боговоплощения специфика христианства состоит не в учении о сверхчеловеческом посреднике между земным и небесным планами бытия: образ «полубога» известен самым различным мифологиям и

религиям, и разновидности этого образа варьируются от архаических героев и богатырей до боготворимых мудрецов и царей. Бодхисаттвы буддийской мифологии сходны с воплощающимся Логосом тем, что они также «предсуществуют» до своего рождения в этом мире. Однако согласно христианскому догмату, Христос не есть полубог (т. е. смешение полубожественности и получеловечности, существо ниже Бога и выше человека); воплотившийся в Христе Логос — не низший или меньший бог, но «вся полнота Божества» (Послание ап. Павла к колоссянам, 2, 9). Именно по этой причине боговоплощение понимается как единократное и неповторимое, не допускающее каких-либо перевоплощений, вечных возвращений и других атрибутов языческой и восточной мистики: «Единойжды умер Христос за грехи наши, а по воскресении из мертвых более не умирает!» — таков тезис, отстаиваемый Августином. Абсолютная бесконечность божества полностью осуществляется не в разомкнутой череде частичных воплощений, но в единократном воплощении, так что его вездесущность оказывается вмещенной в пределы одного-единственного человеческого тела (в противовес этому монофиситы и позднее Лютер создают учение о мистическом вездесущии самого Христова тела, находящее соответствие в буддизме), а его вечность — в неповторимый исторический момент (историческая датировка настолько важна для метафизики христианства, что вошла в никейско-константинопольский символ веры: «...распятого же за ны при Понтийстем Пилате...»).

Отсюда значение, которое имеет для христианства история, необратимость исторического времени, исторического мгновения, даты, к которой прикреплено воплощение надвременного. «В лето от сотворения мира 5199, от потопа 2957, от рождения Авраама 2015, от Моисея и исхода израильтян из Египта 1510, от короно-

вания царя Давида 1032, в 65 седмицу пророчества Даниила, в 194 олимпиаду, в лето 752 от основания города Рима, в лето 42 правления Августа Октавия, когда по всей земле был мир, Иисус Христос, вечный Бог и Сын вечного Отца, ...вочеловечился от девы Марии» — эти слова «Римского мартирология» выразительно связывают вечность Бога и Христа — с целым набором хронологических идентификаций момента. Мистический историзм, присущий уже ветхозаветной вере, в христианстве углубляется. Сакральная значимость даты — полная противоположность духу природного мифа, отражающего ритм годовых циклов (по замечанию Саллюстия, греческого неоплатонического мыслителя IV в., то, о чем повествуют мифы, «никогда не было, но всегда есть»; напротив, события христианской священной истории мыслятся всегда сущими именно в связи с тем, что они единойжды были). То, что с точки зрения христианства дает времени смысл и онтологическое основание, входит в конкретный момент времени (как Бог вошел в мир) и из этого момента структурно организует временную протяженность («до Рождества Христова», «после Рождества Христова»). Трактат Августина «О граде Божием» разделяет историю на шесть периодов, отвечающих шести дням сотворения мира: первый период — от Адама до потопа, второй — до Авраама, т. е. до «завета» с Богом, третий — до иудейско-израильского царства Давида и Соломона, четвертый — до падения этого царства («вавилонское пленение» 587 г. до н. э.), пятый — до Рождества Христова, а шестой период все еще продолжается; грядущий седьмой период принесет конец света и эсхатологический покой, соответствуя субботе, завершившей сотворение мира. Это находит известное соответствие в мусульманской мифологии с ее представлениями о временной череде последовательных открытий «посланникам Божьим» («ра-

сулам») от Адама до Мухаммада (ср. сходство между отсчетом годов «от Рождества Христова» и «от хиджры», в обоих случаях дающим спрямленный образ времени, в противоположность, например, дальневосточным 60-летним циклам или полному отсутствию общепринятого летоисчисления в древнегреческой культуре).

Учение христианского богословия о Боге определяется, во-первых, тем, что христианство наследует созревшую в иудаизме идею единого Бога как носителя абсолютной благодати, абсолютного знания и абсолютного могущества, имеющего Свою причину в Себе самом, по отношению к Которому все существа и вещи от верховных ангелов и небесных светил до последней былинки являются Его творениями: кроме самого Бога нет ничего, что не было бы создано Богом. Христианство — одна из так называемых авраамитических религий, уходящая своими корнями в мир Ветхого завета: Бог христианства — это «живой» и личный «Бог Авраама, Исаака и Иакова» (Матф. 22, 32). Во-вторых, христианство есть типичная религия спасения, что типологически сближает ее с такими религиозными системами, как буддизм: единичная человеческая душа для христианства дороже, чем весь природный космос (ср. там же, 16, 26).

Личностное понимание абсолюта, свойственное теизму, доведено в христианстве до своего логического предела, что выражено в двух центральных догматах христианства, составляющих его главное отличие от генетически близких ему иудаизма и ислама, — в догмате триединства и в догмате боговоплощения. Именно в четком размежевании уровней сущности и лица специфика христианского понимания Троицы сравнительно с многочисленными триадами других религий и мифологий.

Согласно догмату троичности единая божественная сущность есть внутри себя личностное отношение трех «ипостасей» — Отца (безначального

первоначала), Сына (Логоса, т. е. абсолютного смысла) и св. Духа («животворящего» начала жизненной динамики). Само по себе учение о «триединстве» божества (т. е. о том, что в божественном мире троича и единица оказываются в каком-то смысле тождественными) не составляет специфики христианства, это один из самых устойчивых и распространенных мотивов мифологии и религии (ср. тримурти — триединство Брахмы, Шивы и Вишну — в индуизме, трехликую Гекату и менее известного трехглазого Зевса, тождественного собственным братьям Посейдону и Аиду, — в греческом мифе, «семейные» троича Юпитер — Юнона — Минерва и Церера — Либера — Либера в римском культе). Специфичность христианства состоит в том, что ипостаси христианской троича — это не взаимозаменяемые двойники или маски единой безличной стихии, оборачивающейся, например, то светлым, то темным Зевсом (т. е. п.); их единение не есть слитность, неразличенность, как бы слепленность трех лиц, еще слабо вычленившихся из родовой бессознательности политеистического божественного коллектива (так «слипаются» между собой образы богинь судьбы в греческой, римской или скандинавской мифологии — трех мойр, трех парок, трех норн и т. п.). Эти ипостаси неслиянны, т. е. безусловно сохраняют личностное самостояние, но именно в качестве личностей «нераздельны» и «единосущны», т. е. абсолютно прозрачны и проницаемы друг для друга в единящей любви. Аналогией этой любви на низших ступенях иерархии бытия оказывается любовь между человеческими личностями, понятая не как «эротическая необходимость» Платона, но как жертвенная воля к полной самоотдаче и разомкнутости. Различие между троичах язычества и Троицей христианства — это различие между взаимопереходом стихий и взаимоотражением личностей, между

двойничеством и диалогом.

Разумеется, это отличие христианского догмата о троице от аналогичных структур языческой мифологии не нужно абсолютизировать. Христианство (народные верования, вულгарная иконография и т. п.) часто усваивало языческое понимание триединства как полуслитости и полуразделенности (например, некоторые неканонические католические и православные изображения Троицы представляют ее в виде трех ликом, каждый из которых имеет одну сторону — одну щеку и глаз — общий с соседним). Однако это не устраняет принципиальные отличия христианской троицы от каких-либо нетеистических религиозно-мифологических и философских представлений, сближение с которыми наблюдается лишь на периферии христианства.

Общая характеристика отдельных ипостасей такова: «безначальная» первая ипостась — безмолвствующая праоснова чистого бытия; «порождаемая» ею (не во времени!) вторая ипостась — «Слово» этого безмолвия, Логос, смысловое оформление бытия; третья ипостась — «животворная» встреча безмолвия и слова, начало любви; в православии она мыслится исходящей от первой ипостаси как единственной бытийственной основы двух других ипостасей, в католицизме — от первой и второй ипостасей. Три ипостаси участвуют в сотворении и бытии космоса по следующей формуле: все от Отца (ибо наделено от него бытием), через Сына (ибо вошло в бытие через его смысловую оформленность) и в Духе (ибо удерживается от распада внутри его жизненно-органической целостности).

Ситуация человека мыслится в христианстве крайне противоречивой. Изначально человек есть носитель «образа и подобия» Бога и постольку сам есть как бы бог; христианство отнесло к людям слова псалма: «Я сказал: вы боги» (пс. 81, 6; см. Ио. 10, 34). Однако «грехопадение» разрушило богоподобие человека, обратив

его в свою противоположность, после чего и стало метафизически необходимым боговоплощение: «Как войдет человек в Бога, если Бог не войдет в человека?» — вопрошает Иринеи Лионский (III в.). Схождение Бога к человеку есть одновременно требование восхождения человека к Богу; прорыв естественного миропорядка со стороны Бога есть вызов, обращенный к человеку, от которого ожидается такой же прорыв силой его «выше чем человеческого» поведения (Фома Аквинский). Однако трансцендентное достоинство человека остается на земле скорее сокровенной возможностью, чем наглядной реальностью: во-первых, свободная воля человека способна отвергнуть божественное дарение и разрушить себя самое: во-вторых, если человек и делает «правильный» выбор, его исход за пределы этого мира осуществляется лишь на мистическом уровне его бытия и лишен какой-либо наглядности — он доступен всем страданиям мира не меньше, а больше, чем люди «от мира сего». Больше того, он не защищен и от мучений духа — от искушений, внутреннего унижения, самообвинений; христианину решительно запрещено в какой-либо ситуации считать себя абсолютно правым, и христианство создает поистине виртуозную культуру усмотрения собственной виновности (например, в «Исповеди» Августина). Именно в критическом состоянии полной утраты уверенности в своих силах вступает в действие «благодать»: «сила Божия в немощи совершается» (2 посл. ап. Павла к коринф., 12, 7). «Ибо Бог, — восклицает Лютер, — есть Бог униженных, страдающих, истерзанных, угнетенных и тех, кто совершенно обращены в ничто, и природа его в том, чтобы возвышать униженных, насыщать голодных, просвещать слепцов, утешать страдающих и истерзанных, оправдывать грешных, животворить мертвых, спасать отчаявшихся и осужденных и т. д. Ибо он есть всемогу-

щий Творец, из ничего творящий все». Чтобы обрести спасение, человек призывается усмотреть в самом себе *ничто* и в акте смирения раскрыть это ничто Богу, предоставив ему творить из ничего «духовные дары», как он сотворил из ничего мир. Для христианского сознания всякое наглядное благополучие человека только оттеняет его метафизическое унижение и, напротив, всякое наглядное унижение может служить желанной фольгой для сокровенной прославленности (см. Посл. ап. Иак. 1, 9—10).

Отсюда характерный для средневекового христианства культ добровольного нищенства, юродства, молчаливничества, затворничества и т. п. «Сокрушение сердечное», «сладостный плач» так же характерны для психологии христианства, как ритуальный смех или ритуальный вой — для психологии язычества, а отрешенная улыбка бодхисаттв — для психологии буддизма (в новое время христианское «сокрушение» перерождается в более буржуазную «нравственную серьезность», особенно характерную для протестантизма). Желательное с точки зрения христианства состояние человека в этой жизни — не духовная анестезия, не спокойная безболезненность стоического или буддийского мудреца, но, напротив, «сердце болезнующее», напряжение борьбы с собой и страдания за других. Древнерусский богослов Иосиф Волоцкий сравнивает человеческую мысль с водой: в непринужденном и беззаботном состоянии она растекается, а стесненная горем и заботой поднимается в высоту.

Любовь, которая в христианстве осмысливается как сущность божества («Бог есть любовь» — 1 Ио., 4, 8) и в этическом плане предписывается человеку как высшая заповедь, составляет также основу христианской социальной утопии, контуры которой существенно менялись от времен Иоанна Златоуста до современного христианского социализма и

левых группировок католического движения, но религиозно-этическая структура оставалась прежней. Речь идет о том, чтобы каждый член общества из любви принял бы всю социальную дисгармонию на себя и этим самым отменил, «искупил» бы ее. Но для этого требуется христианская любовь, не делящая людей на своих и чужих, на друзей и врагов, «не ищущая своего» (1 Пав. к коринф., 13, 5), — тождество предельной самоотдачи и предельной отрешенности (см. Матф. 5, 43—44). В своей широте эта любовь даже переходит пределы этики, ибо прекращает деление людей на «хороших» и «дурных»: за образец принимается космическое действие Бога, который «повелевает солнцу Своему восходить над злыми и добрыми и посылает дождь на праведных и неправедных» (Там же, 45). Это предполагает отрешение от любви как личной заинтересованности, от любви к себе и к «своему» в других, что выражается в парадоксальном требовании «возненавидеть» своих родных и самую жизнь свою (Лук. 14, 26), т. е. в требовании самопреодоления.

Христианство ставит на место принадлежности к некоторому национальному, этническому, семейному или иному «организму», на место укрытости под «кожей» этого коллективного организма — идеал все-открытости, достигаемой через отрешенность. В любом человеческом коллективе христиане — «пришельцы и странники» (1 Пет. 2, 11); они, как говорит анонимный раннехристианский памятник «Послание к Диогену», «имеют жительство на земле, но гражданство на небесах»; «не имеем здесь постоянного града, но взыскуем грядущего» (Посл. к евр. 13, 13—14). Более резкую противоположность античному идеалу гражданственности трудно себе представить. Это настроение сопоставимо с приписываемой Будде формулой «путь из родины в безродность».

Люди, вышедшие из «естественных» связей, образуют христианскую

элиту, которая выделяется с ранних времен (девственницы, совершенные), а с IV в. конституируется в монашество. Монашеский коллектив рассматривался его первыми теоретиками как антисоциум, где отменяется власть старых обществ, норм и создается возможность для реализации утопии (ср. описание Афанасием Александрийским поселения египетских монахов как особой страны. «Здесь не было никого, кто совершал бы или претерпевал бы беззаконие, здесь ничего не знали о ненавистной докуче собирателя налогов»). На деле в ходе истории неоднократно выяснялось, что монастырь не отгорожен своими стенами от действия экономических законов общества, среди которого он существует. Однако мечта Афанасия о монастыре как прибежище совести и духовности оживает в раннем францисканстве с его отвращением к собственности как источнику разобщения между людьми, у теоретиков древнерусского нестяжательства (Нил Сорский и заволжские старцы) и т. п. Эта роль монашества в католическом и православном типах христианства аналогична его роли в раннем буддизме.

Однако христианство есть религия не только отречения от мира, но и действия в мире, его центральные идеи связаны не с монашеством, но с общиной в целом, с церковью (здесь к христианству типологически ближе буддизм махаяны). Христианство возможно без монашества (оно обходилось без него в первые три века и обходится без него в протестантизме), но немыслимо без идеи церкви, которая мыслится как земная реализация замысла Бога. С точки зрения христианства, человек может адекватно распознать и воспринять откровение не как обособленный индивидуум, но внутри ситуации общения со всеми членами церкви, как живыми, так и умершими. На примере христианского понимания церкви наглядно прослеживаются общие парадоксы христианства как миропонимания.

Первый из этих парадоксов — одновременные тождество и различие невидимой и видимой церкви (т. е. церкви как идеи и церкви как эмпирической реальности). Невидимая церковь — это мистическая общность тех, кто через веру достиг единства с Христом; видимая церковь — это организация, в которую входят все, кто принял крещение, и во главе которой стоит формально построенная иерархия независимо от личной святости или греховности ее членов. Невидимая церковь есть «церковь святых», видимая церковь есть «смешанное тело», объединяющее в себе праведников и грешников, святых и злодеев. Границы той и другой церкви явно не совпадают; как это формулирует Августин, «многие, по видимости стоящие вне (церкви), на деле находятся внутри, и многие, по видимости стоящие внутри, на деле находятся вне». Однако, согласно учению, отстаиваемому православием на заре ее существования, а ныне безусловно значимому для православия и особенно католицизма и поколебленному лишь в протестантизме, в сектантстве и в русском расколе, видимая церковь таинственно тождественна с невидимой: несовершенство видимой церкви есть та «немошь», внутри которой совершается «сила божия» — совершенство невидимой, духовной церкви.

Второе противоречие — между идеей «вселенской» церкви, которая своим единством должна отменить какое-либо этническое и государственное разделение человечества, и реальностью разделенных партикулярных церквей. Перед лицом этого противоречия остаются три выхода. Во-первых, можно приравнять одну из наличных церквей к вселенской и считать ее универсальность «сокровенно» реализованной в ее партикулярности (это характерно для современного православия). Во-вторых, можно приравнять к вселенской церкви всю совокупность наличных церквей и считать ее единство «сокро-

венно» реализованным в разделении (доктрина старокатоликов и др.). В-третьих, можно отнести к идеалу вселенской церкви как к надежде на будущее и цели действия (В. Соловьев, современное экуменическое движение).

Третье противоречие — между церковью и государственной властью, которое одновременно есть противоречие между «неотмирностью» церкви и устремлением к власти внутри нее самой. Переход христианской церкви, сформировавшейся в обстановке гонений как отрицание власти в самой ее идее, на положение государственной религии в IV в. знаменовал собой тяжелый кризис. Возникает значимая для всего средневековья теология «священной державы», огнем и мечом насаждающей христианство, что означало коренной пересмотр первоначальных установок. Средневековое развитие дает два типа церкви: византийская церковь как представительный придаток к «священной державе» и римская церковь, сама претендующая на положение сверхдержавы. Так были выработаны стереотипы поведения, сказавшиеся позднее в процаристской позиции русского православного духовенства и в политическом клерикализме западного католического духовенства. Протестантизм, сформировавшийся в борьбе с католической теократией, дает в кальвинизме свой вариант модернизированной буржуазной теократии, а в лютеранстве резко разводит пути политики и религии, подготавливая либеральный лозунг «Религия — частное дело». Тенденции, оппозиционные эксплуататорской государственности, с. IV в. проявляются в деятельности отдельных вождей ортодоксальной церкви (Иоанн Златоуст), но чаще всего в различных ересьях (самый яркий пример — Т. Мюнцер).

Соотношение между христианской доктриной и христианской мифологией противоречиво. Первая как таковая в своем обязательном для

верующего виде есть теология — система догматов и моральных принципов, сознательно противопоставленных чувственной наглядности и житейским ценностям. Она принципиально отлична от мифологии, мало того, противоположна принципу мифологии как обобщения архаического «обычая», поскольку противопоставляет данности «обычая» потустороннюю «истину». Уже иудаистическая мифология представляет собой сложный феномен, когда определенные черты «нормальной» мифологии отсутствуют. Но в христианстве особый характер теологии выражен максимально четко, его теология и более разработана, и строже фиксирована, чем теология иудаизма (и даже более поздней монотеистической религии — ислама). Целые пласты характерного мифологического материала (например, обстоятельные сведения по фантастической космологии и др.), особенно богато представленные в буддийской мифологии, джайнской мифологии, т. е. в системах, типологически сопоставимых с христианской мифологией, практически отсутствуют в каноне христианского «писания» и «предания». Их можно встретить в христианских апокрифах или в фольклорных и полуфольклорных текстах; от официальной, общеобязательной доктрины они обособлены (и в них, как правило, нет ничего специфически христианского — например, учение о небесных ярусах, получившее популярность благодаря славянскому изводу «Книги Еноха», принадлежит, собственно, иудаистической мифологии). Хотя существуют примеры средневекового христианского заимствования и приспособления ветхозаветных космографических представлений (свод «небесной тверди» над плоской землей), введенных ранневизантийским автором VI в. Космой Индикоплевстом и восходящих к учености Древнего Ближнего Востока, в целом функции космологического мифа для христианской теологии от эпохи «отцов церкви» (IV—VII вв.)

до конфликтов с новой наукой в эпоху Галилея (XVI—XVII вв.) выполняла геоцентрическая модель мира — итог античной астрономии. Данте распределял блаженных своего «Рая» по небесным сферам Аристотеля и Птолемея.

Христианская мифология более всего «мифологична» в тех проявлениях, которые по логике христианской доктрины лежат дальше всего от центра последней. С другой стороны, периферийные явления имеют не меньшую социальную действенность и культурную продуктивность, чем центральные, а по массовости их превосходят. Одни и те же образы предстают в ортодоксальной доктрине и в массовых верованиях весьма различными. Пример — такой персонаж, как Георгий Победоносец. Для доктрины, выразившейся в культовых песнопениях, в древнейших житиях и наиболее ортодоксальных иконах, он интересен как мученик — римский офицер на рубеже III и IV в., казненный за приверженность христианству. Но для фольклора, для бытового, неофициального культа, для искусства и литературы позднего средневековья и Возрождения он важен как победитель дракона, охранитель коней, воплощение весны — яркая мифологическая фигура. Другой пример — Саваоф, т. е. первое лицо Троицы. В соответствии с ветхозаветной традицией, подтвержденной в Новом завете (1 Ио. 4, 12: «Бога никто никогда не видел»), христианская доктрина запрещала воображать и изображать его иначе как в облике Иисуса Христа, поскольку этот облик — единственное зримое явление людям незримого Бога. (Этот запрет, ставящий преграду мифотворческому воображению, повторен на 7-м Вселенском соборе в 787 г. и на Московском соборе в 1667 г.) И все же, начиная с эпохи зрелого средневековья, в католическом, а затем и в православном ареале распространяется иконография Саваофа как седовласого и седобородого старца,

позднее изображаемого восседающим на облаках: теология утверждала неизобразимость, мифология — изобразимость. Это принципиальное различие мифологии и теологии, отчетливое на уровне идеи, на уровне конкретных фактов выступает опосредованным и осложненным множеством моментов.

Социальная ситуация средневекового христианства до известной меры возвращала его — в противоположность раннему христианству — к характерной для мифа роли санкционирования «обычая». Наряду с освящением «обычая» агрикультурное общество заинтересовано в освящении круговорота времен года, которое всегда было функцией мифа. По мере перехода от раннего христианства к средневековому неуклонно развивалась система годовых праздников, «священного года», явившаяся мощным фактором мифологизации. Когда-то христианские мыслители горячо оспаривали цикличность мифологической концепции времени, подчеркивая неповторимость событий «священной истории»; но житейское сознание воспринимало эти события через возвращающийся цикл постов и праздников, соотносённый с другим циклом — циклом крестьянских работ. Для христианского феллаха в Египте крещение Иисуса Христа (как праздник богоявления) связано с обрядами и молитвами, имеющими целью вызвать разлив Нила, без которого урожай невозможен; для русского крестьянина — «Борис и Глеб сеют хлеб», «на Иоанна Богослова загоняй кобылицу и паши землю под пшеницу», «Илия-пророк на поле копны считает»; для рыбака в итальянском городе Бари вполне историческое событие — перенесение реликвий Николая Угодника в 1087 г. — мифологическая гарантия «благословения» моря и обеспечения на год хороших условий для тех, кто трудится в море. Фольклорный материал, из которого в различные эпохи и в различных странах строилась хри-

стианская мифология, весьма разнообразен, что обусловлено историческими судьбами христианства как религии.

Образы новозаветных повествований, трансформированные и опосредованные вторичной мифологизацией в апокрифической письменности и народных верованиях, оказали универсальное воздействие на художественное творчество. Вплоть до раннего средневековья включительно литература и особенно изобразительное искусство акцентируют мотивы царственно небесной славы (очень долго темы «страстей» Христа и страданий мучеников остаются редкими и трактуются условно). Позднее средневековье открывает эмоциональные возможности «подражания Христу» в его земном унижении, сочувствия страданиям девы Марии; на византийско-славянском Востоке проявляется новая чувствительность, например, в изображениях Голгофы

или оплакивания Христа, на Западе, особенно германском, она соединяется с резким натурализмом в изображении истерзанных тел Христа и мучеников. Замкнутая система образов и наглядной христианской мифологии средневековья дана на пороге Нового времени в «Божественной комедии» Данте. Начиная с эпохи Возрождения, в культуре Западной Европы впервые происходит сознательное использование христианской мифологии именно как мифологии, ее перевод на условный язык образов, заимствованный у классицистически истолкованного античного мифа. Так возникает, в частности, христианский эпос («Христиада» М. Дж. Види, XVI в.; «Потерянный рай» и «Возвращенный рай» Мильтона, XVII в.; «Мессиада» Клопштока, сер. XVIII в.). Эстетическое открытие своеобразия христианской легенды по сравнению с античной мифологией было осуществлено романтизмом.

Ислам

Ислам исповедуют главным образом в Азии (Ближний и Средний Восток, Индия, Пакистан, Малайзия, Индонезия) и в Африке (Северный и Центральной). Он возник в начале VII в. н. э. и является одной из самых молодых мировых религий. Ему присуща вера в того же самого единого и единственного Бога, которому поклоняются иудеи и христиане. Мусульмане относят их к категории «людей Писания», занимающих как бы промежуточное положение между неверующими язычниками и подлинно верующими — мусульманами.

Основной догмат ислама, символ мусульманской веры, многократно повторяемый каждым мусульманином в своих молитвах, гласит: «Свидетельствую, что нет никакого божества кроме Аллаха, и свидетельствую, что Мухаммад — посланник Аллаха!».

Аллах — это арабское имя единственного и единого Бога. Его единственность провозглашается во многих мусульманских стандартных, многократно повторяемых устно и письменно формулах, как, например: «Нет никакого божества кроме Аллаха, единственного, у которого нет никаких сотоварищей». Главным грехом ислам считает допущение, что могут существовать еще какие-то божества. Ислам полагает, что христиане отошли от истинных заветов Бога, обожествив человека — пророка Ису (Иисуса), поклоняясь троиче, впадая тем самым в завуалированное язычество. Одна из самых красивых сур (глав) священной книги всех мусульман — Корана — так формулирует этот догмат единобожия:

*Во имя Аллаха Милостивого, Милосердного!
Скажи: «Он — Аллах — един,
Аллах, вечный,*

*не родил и не был рожден,
и не был Ему равным ни один!»*

Аллах создал весь мир, создал человека и ежедневно управляет всем, что происходит в мире. Аллах перемещает ветры, позволяет траве расти, а человеку — дышать. Все поступки человеческой жизни определены Аллахом, и он движет мир к Судному дню. В этот день все люди воскреснут и будут судимы за свои дела. Те, кто веровал в Аллаха и жил благочестиво, попадут в рай, где будут блаженствовать в прохладных садах, окруженные уютом и роскошью и любовью прекрасных дев и мужчин. Те же, кто не веровал в Аллаха, попадут в ад-джаханнам, где будут вечно мучиться от страшной жары и безумного холода. Аллах творит жизнь людей, распоряжается ими и наказывает их.

Люди же должны осознавать свое ничтожество перед Аллахом, свою зависимость от него и постоянно, смиря гордыню, выказывать ему свою покорность. Собственно, слово «ислам» и означает «подчинение», «покорность», «изъявление покорности». Аллах же будет добр к тем, кто признал его власть, и может простить им их грехи. У Аллаха есть 99 «прекрасных имен», выражающих весь набор его качеств и свойств. Самые популярные из них: Милостивый и Милосердный. Все мусульманские тексты, священные или мирские, должны начинаться с формулы: «Во имя Аллаха, Милостивого, Милосердного!».

Милосердный к верующим Аллах суров и строг к отходящим от истинной веры. На протяжении всей истории человечества, начиная с самого первого человека — Адама, люди постоянно забывали заветы Аллаха, впадали в гордыню, начинали поклоняться ложным богам, забывая о единственном и едином — Аллахе. Тогда Бог посылал к ним пророков, посланников Аллаха. Это были простые люди, которые становились представителями Бога. Через них, их устами он говорил с человечеством,

со своими творениями. Таких пророков-посланников с момента сотворения мира было множество. Одним из самых первых и знаменитых был Ибрахим (библейский Авраам), впервые громко призвавший людей к единобожию и пострадавший за это. Пророком Аллаха был Муса (Моисей), через которого Аллах ниспослал людям Священное писание — Тору. Однако после смерти Мусы иудеи исказили смысл своего Священного писания и отошли от истинной веры. Пророком был и Иса (Иисус), который тоже передал людям от Аллаха Священное писание — Инджиль (Евангелие). И опять люди исказили божественный текст, а пророка, который был лишь человеком, объявили Богом. Много было и других пророков, которые пытались увещевать возгордившихся людей. Их не слушали, и тогда Аллах насылал на непокорных всякие страшные бедствия, уничтожившие неверующие народы. Именно из-за своего неверия исчезли с лица Земли многие великие народы и государства древности.

И наконец, пришло время последнего пророка, которого называют «печатью пророков». Как печать на документе, он подтверждает то, что было раньше, — слова прежних пророков. И как печать, он завершает ряд, после него уже больше не будет ни пророков, ни увещательных проповедей. Вера в божественную миссию этого посланника Аллаха, пророка Мухаммада, является второй частью мусульманского «символа веры». Пророк этот был послан ко всему миру, но начало его миссии было в Аравии, обращался он к арабам, и Священное писание, с которым его направил Аллах к людям — Коран, было ниспослано на арабском языке.

Аравия — пустынный полуостров — была на протяжении веков местом, где расцветали и погибали древние цивилизации. Большие территории то покрывались полями и садами, то вновь превращались в без-

водные и безжизненные пустыни. Люди в Аравии на собственном опыте хорошо знали, как преходяще всякое мирское благополучие, как легко оно может исчезнуть. На протяжении тысячелетий Аравия была местом, через которое проходили важнейшие торговые пути древнего мира, и потому жители ее всегда были хорошо знакомы с культурами, религиями и обычаями многих и многих стран. По всей Аравии, сменяя друг друга, многократно возникали и процветали, потом умирали крупные торговые города, центры международного общения.

Одним из таких городов в конце VI — начале VII в. н. э. стала Мекка. Она стоит и по сей день в западной части Аравии, в гористой области, называемой Хиджаз. Тут жили и богатые торговцы, водившие верблюжьи караваны по всей Аравии и за ее пределы. Они обеспечивали торговый обмен между богатыми Сирией, Палестиной, Месопотамией и Эфиопией. Здесь во второй половине VI в. н. э. в знатной, но небогатой семье у Абд Аллаха сына Абд ал-Мутталиба из рода хашим родился мальчик Мухаммад. Рано осиротев, он воспитывался в доме деда, принимал участие в торговых делах мекканцев, организовывал караваны. Ему было около 40 лет, когда пришло первое «откровение». Это было видение. Мухаммаду явился ангел Джibrил (Гавриил), который объявил ему, что единый и единственный Бог — Аллах — избрал его своим посланником и приказывает бороться против многобожия, распространившегося по всей Аравии. На протяжении всей своей дальнейшей жизни Мухаммад время от времени слышал, как к нему обращается Аллах или от имени последнего Джibrил. Звучали проповеди, разъясняющие суть истинной веры, упреки или похвалы самому пророку, советы о том, что и как говорить соотечественникам, как решать споры между ними. Все это перемежалось рассказами о предше-

ственников Мухаммада — древних пророках.

Все эти слова и речи, представляющие собой как бы прямую речь Аллаха, обращенную к Мухаммаду и через него ко всем людям, и составили Коран — священную книгу мусульман. Мухаммад все услышанное провозглашал многократно людям. Верующие запоминали эти слова, повторяли их другим. После смерти Мухаммада все это было записано, и только тогда Коран, что означает «Чтение вслух», приобрел форму записанной книги.

Исполняя приказание Аллаха, Мухаммад начал проповедовать своим соотечественникам, возглашая заветы Аллаха. Он пугал мекканцев, предупреждал, что им грозит страшная беда. За то, что они поклонялись многим ложным богам, считая Аллаха только одним из многих, за то, что они не боятся Бога и считают, что они сами создали блага своей жизни, за то, что они жестоки к беднякам и сиротам и думали только о приумножении богатств, — за все это их ждет страшное наказание, которое уже близко. Грядет Страшный суд, земля перевернется, мертвые восстанут из могил, и каждый даст отчет о своих делах.

Устрашая, он одновременно провозглашал и радостную весть — Аллах милостив, он дает людям последний шанс. Всякий, кто уверует, кто откажется от ложных богов, будет иметь в этой жизни радость истинной веры и знания истины, а в жизни будущей — спокойствие перед судом и блаженство в райских садах.

Мухаммад звал своих сородичей и к конкретным действиям — выбросить из храмов всех идолов, совершать молитвы, обращенные только к Аллаху, совершать благие дела, не брать проценты с должников, во всем слушаться посланника Аллаха.

Поначалу над Мухаммадом просто смеялись, но со временем вокруг него образовалась стойкая группа приверженцев. Их начали преследовать, и

многим пришлось бежать в Эфиопию. Мухаммада же защищали его ближайшие сородичи, но и они начали терять терпение. А Мухаммад все проповедовал. Из его уст неслись ниспосланные Аллахом рассказы о божеском могуществе, о том, как был сотворен мир и человек, трогательные повествования о древних праведниках, гонимых собственным народом, но спасенных Аллахом.

После долгих раздумий Мухаммад принял решение покинуть родной город. Он переселился на север Хиджаза в город Йасриб, жители которого согласились признать его пророком и вручить в его руки управление городом. Вместе с Мухаммадом в Йасриб, который стал называться Мединой, переселились его мекканские сторонники. Началась борьба между Мединой и Меккой. Происходили военные стычки, сражения, набеги, успех в которых был переменчив. Но постепенно чаша весов склонилась в сторону Мухаммада. В Медине возникла активная и стойкая община мусульман — людей, принявших ислам. Уважение к Мухаммаду и его вере распространялось постепенно по всей Аравии, и мекканцы сдались. Мекка признала власть своего соплеменника-изгнанника.

В центре этого древнего города издавна стояло святилище аль-Кааба. Коран утверждал, что его построил еще Ибрахим (Авраам), но потом аль-Кааба попала в руки язычников. Вокруг нее и в ней стояли идолы всех божеств, которым поклонялись арабийские многобожники, — мекканского Хубаля, трех богинь Аллат, Манат и аль-Уззы и многих других. Когда Мухаммад вернулся в Мекку, идолы эти были уничтожены, а сама аль-Кааба, очищенная от языческой скверны, стала главной святыней новой религии. Обряд паломничества к ней — самое богоугодное дело для всякого мусульманина. Исповедующие ислам каждый год съезжаются в Мекку, чтобы повторить церемонии поклонения Аллаху, которые когда-

то совершал Ибрахим, а потом Мухаммад.

Вся Аравия покорила Мухаммаду, а после его смерти, в 632 г., его преемникам — халифам (заместителям). Они начали серию завоевательных походов, в результате которых к началу VIII в. исламом оказались покорены весь Ближний и Средний Восток, север Индии, Северная Африка, Испания. Их объединило поначалу огромное единое государство — Халифат, которое быстро распалось, образовав множество государств, входящих в единый мир ислама. Мир этот един в своей культурной принадлежности, в основах своей веры.

Все самое святое для мусульманина воплощает Коран, который священен и сам по себе. Текст Корана разделен на 114 глав (каждая называется *сура*), которые, в свою очередь, делятся на *аяты* — фразы. Каждая глава имеет название по ключевым словам, связанным с главными эпизодами главы. Коран произнесен и записан на арабском языке и с момента своего создания стал идеалом языка и словесного изящества для всей арабской культуры. Он исполнен рифмованной и ритмизированной прозой, поэтому чтение сур вслух производит на слушателей большое впечатление. Чтение текстов Корана — едва ли не главная часть мусульманских религиозных ритуалов. Коран считается в исламе тем великим чудом, которое Аллах сотворил для людей в доказательство своего величия и правоты своего пророка.

Главы Корана расположены в порядке, примерно соответствующем их относительной длине. В начале идут самые длинные, потом — более короткие. Первая глава, правда, выбивается из этого ряда. Она называется «Ал-Фатиха» («Открывающая») и действительно открывает Коран кратким изложением основ мусульманской веры. Этот текст служит мусульманам в качестве их основной молитвы. Она гласит:

Хвала Аллаху, который миров Господин,
 Милостивый, Милосердный он один,
 Дня Страшного суда Властелин,
 Тебе мы поклоняемся.
 Помощь дается нам
 Тобою одним.
 Веди нас по пути тех, кто тобою
 водим,
 По пути тех, на кого простерлась
 милость твоя,
 На кого ты не гневаешься, кто не знает
 заблуждения кручин.
 (Перевод В. А. Эбермана)

Следующая глава-сура «Аль-Бакара» («Корова») — самая длинная в Коране. Последняя сура «Ан-Нас» («Люди») состоит лишь из шести аятов.

Все суры делятся на мекканские и мединские соответственно тому месту, где они были написаны. Существует специальная литература о том, когда и по какому поводу был дан Мухаммаду тот или иной стих. Соответственно можно примерно установить подлинную последовательность произнесения коранических аятов. Она оказывается примерно противоположной их расположению в книге. В конце попадают там самые ранние части, те самые, с которых Мухаммад начинал свою проповедь. Их отличают краткость, эмоциональность, сила образных выражений. В них крики-предостережения о грядущем суде, описания ужасов конца света, страданий грешников в аду, экзистенциальные призывы уверовать в Аллаха, отринуть ложных богов своих предков. Это самые поэтические и сильные по воздействию на слушателя и читателя части Корана. Постепенно в проповедях появляются более спокойные и продолжительные рассуждения об аде и рае, о могуществе Бога — Аллаха. Все чаще он называется одним из своих имен — Рахман (Милостивый). Появляются рассказы о пророках и народах, существовавших прежде ниспослания Корана.

После переселения в Медину проповеди становятся более спокойными. Они содержат большое количество законодательных и наставительных

текстов, правила, по которым должна была жить община, возглавленная Мухаммадом. Аллах разъяснял людям, как ими нужно управлять, как правильно торговать, делить имущество, вести себя с другими, чтобы быть угодными Богу. Коран — это собрание проповедей, призванных увлечь и убедить аудиторию. Поэтому в каждой из его глав перемежаются разные мотивы — доказательства могущества Бога, угрозы Страшным судом, истории древних пророков, проклятия многобожникам, наставления верующим и т. д. Проповеди эти были обращены к аудитории сородичей и имели в виду сюжеты, многие из которых были слушателям хорошо известны, а Кораном только по-иному объяснялись и толковались. В частности, истории о древних пророках и героях в Коране не рассказываются от начала до конца, а просто упоминаются или обозначаются как известные исторические примеры, которые должны подтвердить верность проповедуемых религиозных принципов.

Тем не менее из этих отдельных и многократно повторяемых эпизодов складывается определенная мусульманская картина мировой истории как целенаправленного процесса. Она в принципе сродни иудейской и христианской, преемником и исправителем которых ислам себя торжественно провозглашал.

Мир создан Аллахом, сотворившим природу, все живое и наконец человека Адама и его жену. Отказавшийся поклониться Адаму Иблис-Дьявол был низвергнут с небес и, мстя за это, совратил Адама и его жену, заставив их выказывать неповиновение Богу, за что они были наказаны изгнанием из рая. В поколениях их потомков один за другим сменялись великие пророки, отвергавшиеся собственным народом. Люди насмеялись над благочестивыми проповедями Нуха (Ноя) и были за то уничтожены потом. Народ по имени ад не слушал пророка Худа и был снесен ураганом, самуяне не поверили пророку Салиху

и были уничтожены так же, как и мадйаниты, соотечественники пророка Шуайба, и жители «перевернутых» городов, где жил праведник Лут (Лот).

Особое место в мусульманской священной истории занимает Ибрахим — Авраам. Юношей он восстал против многобожия и превратился в истинного верующего в Аллаха. Именно его чистую веру призван восстановить ислам. Считается, что Ибрахим вместе с сыном Исмаилом восстановил святилище Аллаха, мекканскую аль-Каабу и заложил в Аравии традицию той веры, которую проповедовал потом Мухаммад. Обряды мусульманского паломничества — хаджа — как бы восстанавливают события из жизни Ибрахима в пору его пребывания в Аравии. Именно там по приказу Бога Ибрахим был готов принести ему в жертву своего сына. Среди потомков Ибрахима был и прекрасный Йусуф (Иосиф), брошенный в пустыне братьями. Он попал в рабство в Египет, по злому навету был заточен в темницу, затем спасся оттуда, благодаря покровительству Аллаха, возвысился и призвал в Египет своих сородичей. Истории Йусуфа целиком посвящена одна из самых изящных по стилю сур Корана (12, «Йусуф»).

Поселившиеся в Египте сыны Израиля, т. е. потомки Йакова (Йакуба), уверовали в Аллаха позже благодаря проповеди своего собрата Мусы (Моисея), которого Аллах сделал своим пророком и через которого даровал людям Священное писание — Тору. Муса спас свой народ от преследований Фараона, переведя их посуху через Красное море. Однако люди оказались неблагодарными, оставили веру в Аллаха, как только миновала опасность, и стали поклоняться идолам, за что были наказаны многолетним блужданием по пустыне. Потом иудеи, внешне вернувшись в веру Мусы, исказили Священное писание и отошли от истинной религии.

Исказили слова Аллаха и христиа-

не, которые объявили богом другого пророка — Ису (Иисуса). Он чудесным образом был рожден девой Марьям, которую опекал Закария, отец Йахьи (Иоанна Крестителя). Иса проповедовал веру в Аллаха, совершал по его воле чудеса — оживлял глиняные фигурки птиц, лечил безнадежных больных, кормил голодных. Иудеи хвалились тем, что убили его, распяв, но на самом деле это только показалось им. Иса же был вознесен на небеса.

Коран упоминает и много других пророков и праведников. Среди них Идрис, вознесенный, как и Иса, на небо; таинственные аль-Йасаа и Зуль-Кифль, Илья (Ильяс), боровшийся с языческой верой в Баала. Рассказано там о попавшем в чрево кита Йунусе (Ионе) и о страстотерпце Аййубе (Иове), о чудесно спасенных от преследователей семи спящих отроках, о наделенных волшебной мудростью царях Дауде и Сулаймане, об уверовавшей в Аллаха царице южноаравийской страны Саба, о великом царе и завоевателе Зуль-Карнайне (Двурогом, Александре Македонском), который дошел до места, куда закатывается солнце, и до места, откуда оно восходит. Там воздвиг он стену, защищающую мир от страшного народа Йаджудж ва-Маджудж. Целый комплекс благочестивых наставлений вложен в уста древнего мудреца Лукмана.

Многие из этих историй восходят в конечном итоге к библейским сказаниям, но почерпнуты они из религиозного фольклора, окружавшего Мухаммада в Аравии. Известные всем сюжеты в Коране «отредактированы», чтобы нагляднее показать, что неверные всегда бывают наказаны за непослушание, а Аллах в конце концов всегда помогает своему посланнику. Эти мотивы должны были морально поддержать Мухаммада и устрашить тех, кто из его соотечественников упорно не хотел ему верить.

Этой же цели служили и немногочи-

сленные рассказы об эпизодах из относительно недавней истории Аравии, упомянутых в Коране. Там говорится о том, как царь Йемена, принявший иудаизм, казнил йеменских христиан. В суре «Слон» повествуется о том, как другой Йеменский царь захотел захватить Мекку, но Аллах чудесным образом спас город, наслав на врагов птиц, которые закидали их камнями. В назидание людям рассказано и о том, как погибла из-за гордости людей древняя цивилизация Йемена, когда по воле Аллаха прорвалась огромная Марибская плотина, орошавшая весь юг Аравийского полуострова.

Содержание и структура Корана многоплановы. Небольшие отрывки и отголоски мотивов переплетаются в единое целое, когда речь как бы беспорядочно перескакивает с темы на тему. Многие мотивы и даже фразы многократно повторяются. Многие темы и выражения имеют порой по несколько значений — от конкретных, увязанных с реальными бытовыми эпизодами жизни пророка до обобщающих догматических принципов. По существу, почти каждая глава Корана содержит в себе элементы всего Корана, все его содержательные и выразительные уровни. Вместе с ораторско-проповедническим характером текста все это делает Коран весьма трудным для понимания и не только для немусульман.

Мусульмане тоже изучают Коран с помощью многочисленных толкований-комментариев, объясняющих грамматические структуры, содержание и глубинный смысл почти каждой фразы Корана. Кроме комментариев, вокруг Корана сложилась обширная литература из разряда «коранических наук» — специальные трактаты о правильном чтении Корана нараспев, о хронологии аятов, о чудесных особенностях литературного стиля Корана и т. д.

После смерти Мухаммада Коран стал для мусульман главным источником не только принципов веры, но и

решений о практических делах в жизни общины. Вторым считавшимся тоже священным источником стала и остается по сей день *сунна* (путь), пример жизни и наставлений самого пророка. Практически сунна представляет собой некоторое количество сборников изречений Мухаммада и рассказов о его поступках и решениях в тех или иных ситуациях. Каждому сообщению предпослан иснад — цепочка имен передатчиков, список людей, сообщавших друг другу эти сведения: «А слышал от Б, что В сказал ему, слышав сам от Г» и так далее до человека, который был непосредственным свидетелем поступка или речения Мухаммада. Такие сообщения о Мухаммаде называются «хадис». Существует много сборников хадисов, шесть из которых считаются в суннитском исламе наиболее достоверными и надежными. У шиитов есть свои сборники хадисов, отличающиеся в первую очередь текстами, восхваляющими и возвышающими Али ибн Аби Талиба. Вокруг хадисов сложилась целая литература, призванная проверять их подлинность, выявляя главным образом степень надежности передатчиков. Хадисы составляют одну из важнейших сторон мусульманского образования, как начального, так и высшего. Они являются одним из источников, из которых мусульманское общество извлекает или должно извлекать религиозную и общественную мудрость, правила веры и жизни.

Перевод высказываний Священного писания и пророка на язык повседневной жизни с помощью различных логических приемов разработан особой мусульманской наукой — *фикхом*. Фикх — это религиозная наука о правилах поведения мусульманина и выработанный ею комплекс мусульманских социальных норм. Фикх — наука о *шариа* (шариате), «праведном пути», образце жизни доброго мусульманина. Фикх включает в себя и общие отвлеченные догматы религии и правила совершения религиозного

ритуала, молитвы и поста, а также правила наследования имущества, выкупа рабов, дележа доходов торговыми партнерами, правила ритуального очищения и принципы заключения торговых сделок, законы общения с единоверцами и с неверующими и т. д.

В исламе в принципе не существует разделения на светское и духовное. Каждая сторона жизни, каждый из ее элементов, пусть самый малый и прозаичный, имеет религиозное значение. Всякий поступок имеет религиозный смысл. Поэтому в том, что называют «мусульманским правом», сплетаются воедино самые разноплановые с точки зрения немусульманина вещи.

Мусульманское учение и ритуал строятся на пяти основных принципах, которые иногда называют пятью столпами ислама. Это прежде всего открытое исповедание основного догмата ислама о том, что Аллах есть единственный бог, а Мухаммад — его посланник. Второе — обязательная пятикратная в течение дня молитва (*сала*). Она состоит из произнесения символа веры, первой суры Корана и других ритуальных формул. Молящийся обращается лицом к мекканской аль-Каабе, совершает ряд ритуальных поклонов. Молитву можно совершать в любом месте, но лучше всего в мечети. Перед молитвой необходимо ритуальное омовение. Время молитвы провозглашается с минаретов мечетей *муаззинами*. Существуют еще и дополнительные молитвы (в частности, ночные), являющиеся признаком особого благочестия. Есть специальные «целевые» молитвы — для излечения от болезней, для безопасности в путешествии, молитвы при похоронах и т. д. Особое место занимает пятничная молитва. По пятницам все мусульмане должны собираться в большие (соборные) мечети и молиться вместе. За пятничной молитвой обычно следует торжественная проповедь (*хутба*).

Третье, что обязательно для мусульман, — это пост в месяц рама-

дан. Это один из месяцев лунного календаря, которые постоянно смещаются относительно календаря солнечного и могут попадать на различное время года. В течение этого месяца от восхода до захода солнца нужно держать полный пост — нельзя ни пить, ни есть, ни развлекаться. После захода солнца пост временно прекращается. Вечером люди едят праздничную еду. Месяц поста завершается праздником Ид аль-фитр, который является для мусульман вторым по значению днем в году.

Четвертый «столп» — *садака* и *закат* — обязательность выделения части своего имущества и доходов на нужды мусульманской общины в виде милостыни и дарений (*садака*) и в виде регулярного налога (*закат*). Особо благочестивым является передача доходного имущества (например, земли) в *вакф*, т. е. в пользование мусульманской общины. Вакфы — материальная основа для содержания мечетей, больниц, школ и прочих институтов, связанных с исламским культом.

Пятая основа ислама — участие мусульманина, хотя бы раз в жизни, в паломничестве в священную Мекку. Это требование не абсолютно и предполагает наличие материальных и физических возможностей для такого путешествия. Мекканская главная мечеть (Аль-Масджид аль-харам, «Заповедная мечеть») считается главным святилищем Аллаха. В ее центре находится аль-Кааба. В один из углов здания вмонтирован Черный камень, древний метеорит, по преданию, присланный еще Адаму с небес как символ могущества и благоволения Аллаха. Неподалеку находится священный источник Замзам. Паломничество совершается в месяц зу-ль-хиджжа. Участники церемонии совершают ритуальное очищение, надевают специальные «чистые» одежды — *ихрам*. Они семикратно обходят вокруг аль-Каабы, целуют Черный камень, пьют воду из Замзама. Затем происходит ритуальный бег между холмами Сафа

и Марва, после чего все отправляются в долину Арафат, где происходит *вукуф* — дневное «стояние» с молитвами и проповедями. Затем паломники посещают долину Муздалифа и долину Мина, где кидают камешки в столб, символизирующий дьявола. После этого проводится торжественное заклание жертвенных животных. Конец *хаджжа* — Ид аль-адха является главным мусульманским праздником и отмечается 10 зу-ль-хиджжа по всему мусульманскому миру. Ритуал хаджжа является символом покорности Аллаху и как бы напоминает о многих событиях жизни Мухаммада и его духовного предка Ибрахима.

Иногда среди главных принципов ислама называют *джихад*. Слово это означает отдачу человеком всех своих сил и даже жизни ради дела и торжества своей религии, веры. Частным вариантом этого является «священная война», которую в Европе привыкли ассоциировать с термином «джихад» прежде всего и исключительно. Однако на самом деле понятие включает в себя всякое жертвенное усилие, всякое подвижничество ради веры.

Это основные принципы и положения ислама. Есть еще много других более мелких. Есть и знаменитые запреты — не пить пьянящих напитков, не есть свинину, не играть в азартные игры, не вступать в брак с близкими родственниками и т. д.

В исламе существует множество течений и подразделений, которые в принципе все входят в ислам и все их приверженцы считаются мусульманами. В исламе нет ни облаченного особым святостью духовенства, ни официальных соборов, принимающих обязательные для всех решения. Общее мнение устанавливается на основе согласия, согласного мнения наиболее авторитетных ученых, но оно не носит абсолютно нормативного характера.

Главное деление мусульман связано с первыми годами жизни общины после смерти Мухаммада и носит вне-

шне сугубо политический характер. Однако за ним лежат различные подходы к кардинальному вопросу о взаимоотношениях и связях между Богом и человеком.

После Мухаммада во главе общины встали халифы (заместители). Они никоим образом не претендовали на пророческий сан, на то, чтобы быть подобными Мухаммаду. В принципе они были лишь исполнителями того, что завещано людям Аллахом и зафиксировано в Коране и Сунне. Однако возникли споры о том, кому должна принадлежать должность халифа. Течение большинства, получившее позднее название суннизма, исходило из того, что халиф избирается общиной, а точнее, наиболее авторитетными ее лидерами. Халифом же при этом подходе мог стать, опять же в принципе, любой мусульманин, отличившийся и знаменитый своим благочестием. На практике халифов избирали из ближайших соратников Мухаммада и из видных представителей знатных мекканских родов.

Тогда же возникло мнение, что наследовать власть Мухаммада должен Али ибн Аби Талиб, его двоюродный брат, муж его дочери Фатимы и отец его внуков — Хасана и Хусайна, составлявших все мужское потомство пророка. Это течение оформилось позднее как шиизм (от *шиаа* — «партия» Али) и исходило из того, что члены семьи пророка унаследовали от него некую «благодать», которая и дает им преимущественное право на верховную власть в общине. Шиизм стал на долгие века идеологией политической оппозиции, временами становясь и официальной идеологией государства египетских Фатимидов, иранских Сефевидов и т. д. Шиизм распался на большое количество различных течений. Среди них преобладает течение *иснашарийа*, проповедующее веру в 12 имамов — глав общины из потомков Мухаммада. Последний из этих имамов таинственно исчез и чудесно возвратится

накануне конца света. Для шиизма особенно характерно представление об аль-махди, спасителе человечества и борце с мировым злом, который явится перед Последним Судом.

Еще в самом начале религиозно-политического раскола в исламе от шиитов отделились *хариджиты*, отстаивавшие полную и прямую выборность халифа, занимавшие особо непримиримую позицию в отношении любых несогласных с ними мусульман. Под хариджитскими знаменами в средние века происходили многие массовые социально-политические движения, мятежи и восстания. Однако широкого распространения хариджизм не получил.

Суннизм является тем вариантом ислама, который исповедуют подавляющее большинство мусульман. Суннизм распадается на несколько толков религиозно-правового характера, которые не слишком различаются, расходясь главным образом в вопросах ритуала, права и бытовых правилах. Основные толки суннитского ислама — *ханафитство*, *шафитство*, *маликитство*, *ханбалитство*.

После смерти Мухаммада под знаменем ислама произошло завоевание огромных территорий, стран древней культуры, давних и прочных религиозных и политических традиций. Потребности организации жизни огромного государства, влияние прошлой культуры, внутренние стимулы развития — все это обусловило новое развитие, преобразование и новое формирование всей религиозно-философской системы ислама. В спорах с иноверцами и во внутренних диспутах друг с другом вырабатывалась особая религиозная философия — *калам*, дававшая философские обоснования и решения теологическим проблемам.

Особой стороной ислама является мистическая теория и практика. Наряду со стандартным путем благочестия и приближения к Богу — *шариа* — ислам признает возможность и другого, эмоционального,

пути познания божества — *тарика*. Это путь к Богу посредством мистического экстатического озарения. Теория и практика мистического ислама называется *суфизмом*. Мистический путь часто переплетался с обычной религиозной теорией и практикой. Он предусматривает различные ступени обучения, аскетического воздержания, экстатического транса, пройдя через которые человек может осязаемо узнать или почувствовать присутствие божества. В мистическом исламе огромную роль для достижения экстаза играют различные виды искусства. Именно в суфийских кругах получили особое развитие музыка, пение, поэзия, танец, считавшиеся помощниками на пути к Богу. По всему миру существуют суфийские братства, объединяющие людей духовным родством с каким-либо из уже умерших, но особо почитаемых мистиков, часть мудрости и благодати которых словно бы сохраняется среди его почитателей.

Мечеть ал-Азхар, внутренний двор.
X в. Каир, Египет

В этих многообразных и взаимопереплетающихся формах ислам существовал и существует по сей день. Он живет на своем высшем ученом уровне, одновременно существуя и на уровне бытовом как народная религия. В народном исламе те же основные догматы исповедуются в более простом виде, но главное место занимает ритуал молитв. Особо популярно поклонение местам захоронения суфийских святых. Очень распространены различные магические молитвы-обереги, талисманы, заговоры. Бытовые элементы исламского образа жизни по-разному выглядят в разных странах мусульманского мира, раскинувшегося от Запада Африки до

Китая, от Урала до Индонезии. По существу, ислам сегодня существует как единство его собственных локальных вариантов.

Ислам — мировая религия, умеющая отвечать многим чаяниям и простым людей, отягощенных ежедневным бременем жизни, и экзальтированных аскетов, и любителей благочестия и доходной торговли, и любящих игру ума философов. Ислам, одновременно простой и сложный, легко доступный и таинственно сокрытый, доказал свою живучесть, став в наши дни снова одной из главных идеологических сил современного мира.

4

Религии в современном мире

Выше в специальных разделах, посвященных крупным историко-культурным регионам, были рассмотрены важнейшие сложившиеся в них религиозные системы и связанная с этими системами мифология. В этом разделе мы постараемся в первую очередь сказать о распространении важнейших религий, численности их последователей, подразделении этих религий на более дробные деноминации.

Три религии — христианство, ислам и буддизм — обычно называют мировыми религиями, что связано с широким распространением их во многих регионах земного шара. Из них самой многочисленной и распространенной является христианство. Его исповедовало в 2000 г., по данным известного английского религиоведа Дэвида Б. Барретта, 2 млрд человек (большая часть приводимых ниже данных о численности последователей различных конфессий также основываются на материалах Д.Б. Барретта), т. е. 33% населения мира. Таким образом, каждый третий человек Земли — христианин. Христианство является основной конфессией во всех странах Европы, кроме Албании и европейской части Турции, во всех странах Америки, Австралии и Океании, во многих государствах Центральной, Восточной и Южной Африки, а также в четырех государствах Азии — в Грузии, Армении, на Кипре и Филиппинах.

В христианстве могут быть выделены пять основных направлений: православие, католицизм, протестантизм, монофизитство и несторианство, причем первые три направления намного превосходят по своему влиянию два последних.

Православие и католицизм близки по догматике и культу. Наряду со Священным Писанием (Библией) в них признается Священное Предание, под которым подразумеваются писания «отцов церкви» и постановления вселенских соборов (католическая церковь подводит под понятие «Священное Предание» также практику и постановления поместных соборов и папские распоряжения). В православии и католицизме признается особый — посреднический между Богом и людьми — статус духовенства, совершаются все семь христианских таинств (священных действий, призванных сообщить верующему Божью благодать): крещение, миропомазание (у католиков называется конфирмацией), покаяние (исповедь), причастие (евхаристия), брак, священство, елеосвящение (соборование). И православные и католики почитают Богородицу, ангелов, святых, у них получил развитие культ мощей и святых реликвий, распространено монашество.

Главное догматическое различие заключено в учении о нисхождении Святого Духа. Если православные считают, что Святой Дух исходит от

Бога Отца, то католики полагают, что он исходит и от Бога Сына. Для католицизма в отличие от православия характерно представление о сверхдолжных заслугах святых перед Богом, которыми церковь может свободно распоряжаться для отпущения грехов верующих. Католики верят в наличие промежуточного звена между раем и адом — чистилища, православные же существования чистилища не признают. Есть и ряд других, сравнительно небольших, догматических различий.

Невелики и культовые различия. При совершении таинства причащения у православных используется квасный хлеб, у католиков — пресный. Православные крестят детей путем троекратного погружения в воду, католики — посредством обливания водой. Миропомазание ребенка совершается в православии сразу же за крещением, в католицизме соответствующая ему конфирмация — в 7–12-летнем возрасте. Богослужения в православных храмах ведутся обычно на родном языке верующих (хотя часто это его архаичная форма) и сопровождаются хоровым пением, в католических храмах широко используется латинский язык, наряду с пением звучит органная музыка.

Более существенны различия в церковной организации. У православных крупные местные церкви являются независимыми друг от друга. Таких автокефальных, как их называют, церквей насчитывается пятнадцать: Константинопольская, Александрийская, Антиохийская, Иерусалимская, Русская, Грузинская, Сербская, Румынская, Болгарская, Кипрская, Элладская (Греческая), Албанская, Польская, Чешских земель и Словакии, Американская. Кроме того, имеются автономные православные церкви: Синайская, Финляндская, Японская и др. Первая из них зависима от Иерусалимской православной церкви, вторая — от Константинопольской и третья — от Русской. Македонская церковь объявила себя независимой

от Сербской, но ее самостоятельность не была признана. Попытки добиться автокефалии делались и группой руководителей Украинской православной церкви, порвавших связи с Русской православной церковью.

Имеется ряд православных церковных организаций, не признающих руководства автокефальных церквей. Особо следует отметить Русскую православную церковь за границей (так называемую карловацкую церковь), объединяющую часть русской эмиграции и не подчиняющуюся московскому патриарху. В 1990-е годы она начала действовать под названием Российской православной свободной церкви и на территории Российской Федерации, подчинив своему влиянию несколько церковных приходов (впрочем, вскоре между двумя этими организациями произошел разрыв, и последняя из них стала действовать самостоятельно).

Католицизм в отличие от православия в высокой степени централизован. Во главе всей Римско-католической церкви стоит римский папа, считающийся наместником Бога на Земле и преемником апостола Петра.

По численности последователей православие заметно уступает католицизму. В 2000 г. в мире насчитывалось около 175 млн православных и 1057 млн католиков. Таким образом, православные составляли 3% всего населения земного шара и 9% всех христиан, католики — соответственно 17 и 53%.

Православие является основной конфессией Российской Федерации. Его исповедуют подавляющее большинство верующих русских, карел, вепсов, саамов, коми, коми-пермяков, удмуртов, марийцев, мордвы, кряшен, чувашей, хакасов, шорцев, якутов, цыган, большинство верующих осетин, значительная часть алтайцев, многие представители малых народов Севера и Сибири. Православными являются и основная масса верующих из числа проживающих в

России украинцев, белорусов, молдаван, грузин. Православия придерживаются большинство верующих Украины, Белоруссии (Беларуси), Молдавии (Молдовы), Грузии (грузины, осетины, часть абхазов), а также Сербии, Черногории, Македонии, Болгарии, Румынии, Греции, Кипра. Православные имеются среди арабов Сирии, Ливана, Иордании, Палестины, Израиля. Они образуют 1/4 населения Албании. Немало православных и в странах, где есть значительные группы русских эмигрантов, прежде всего в США.

От Русской православной церкви в разное время ответвилось значительное число конфессиональных групп. Часть из них по вероучению практически идентична православию, другие существенно отделились от него.

Так, практически ничем не отличается по своему исповеданию от Русской православной церкви *Истинно православная (катакомбная) церковь*, выделившаяся в самостоятельную организацию в 1920-х годах в знак протеста против сотрудничества руководства Русской православной церкви с советской властью (позже она распалась на значительное число самостоятельных и враждующих друг с другом групп, имеющих сторонников в Москве и Московской области, Чувашии, на Северном Кавказе, в Западной и Восточной Сибири, в Белоруссии и некоторых других местах). По тем же причинам в 1930-х годах обособилась группа *истинно православных христиан*, отказавшаяся в отличие от Истинно православной церкви также от духовенства, храмов и большинства таинств. Наибольшее число истинно православных христиан имеется в областях Черноземного Центра и особенно в Тамбовской области. Имеются они также в Кировской, Брянской, Рязанской, Ростовской областях, республиках Коми и Адыгея и в других местах. Численность этих двух групп определить трудно. По весьма приблизительным данным, численность первой из них составляла 210 тыс., второй — 100 тыс.

От истинно православных христиан ответвилась секта *Основное звено Христа* (3 тыс. последователей), проповедующая аскетизм и безбрачие и руководимая «христами», «апостолами» и другими «святыми». Она получила распространение в Крыму и некоторых других районах.

В конце XIX — начале XX в. из православия выделились две секты — *иоанниты* и *иннокентьевцы*. Первая образовалась в 80-е годы XIX в., объявив известного православного религиозного деятеля священника Иоанна Кронштадтского чудотворцем, вторая была создана в начале XX в. иеромонахом Балтского монастыря Иннокентием, объявившим себя воплощением Святого Духа. Иоанниты (2,5 тыс.) сосредоточены в основном на Украине, а также в Воронежской области и Краснодарском крае, иннокентьевцы (5 тыс.) — в Молдавии. К иннокентьевцам близка сравнительно недавно возникшая *Церковь Божией матери преображающей*.

В результате происшедшего в середине XVII в. раскола Русской православной церкви от нее отделилась большая группа верующих, недовольная церковными реформами, проведенными патриархом Никоном. Поскольку реформы эти заключались в основном в изменении некоторых обрядов, то отколовшиеся от Русской православной церкви получили наименование *старообрядцев*. Старообрядцы подразделяются на две основные группы: поповцев и беспоповцев.

Поповцы по вероучению практически не отличаются от православных, невелики и отличия в обрядности (в Русской православной церкви земные поклоны во время богослужения заменены поясными, двуперстное крестное знамение — трехперстным, при совершении религиозных обрядов стали ходить не «по солнцу», а «против солнца» и т. д.). Вместе с тем поповцы, как видно из самого их названия, сохранили священство, сохранены также все семь таинств, практикуемых православными.

Из поповцев особенно близки к православию *единоверцы*, оставшиеся верными старой обрядности, но подчинившиеся руководству Русской православной церкви. Эта группа старообрядцев очень невелика по численности, и ее представителей можно встретить в Москве, Нижегородской области и некоторых других местах.

Самой крупной группой поповцев являются сторонники *Русской православной старообрядческой церкви (Белокриницкая иерархия)*, не подчиненные руководству Русской православной церкви. Численность их сейчас составляет свыше 1 млн человек. Наибольшее число сторонников имеется в Московской области и Москве, Санкт-Петербурге, Нижегородской, Костромской, Кировской, Саратовской, Волгоградской, Астраханской, Ростовской, Калужской, Брянской, Свердловской областях, Краснодарском и Ставропольском краях, Новосибирской, Томской областях, Хабаровском крае и в других районах Российской Федерации, в ряде областей Украины (Киевской, Винницкой, Одесской и др.), в Молдавии, на западе Казахстана, в Киргизии. Есть они в Румынии и других странах.

От старообрядцев Белокриницкой иерархии по вероучению и культуре практически не отличаются старообрядцы *Древлеправославной церкви* (бывшие беглопоповцы). Церковь эта имеет, по разным оценкам, от 300 тыс. до 400 тыс. сторонников. Особенно значительна численность ее последователей в Нижегородской и Читинской областях, есть они в Башкирии, Удмуртии, Бурятии, Иркутской, Кемеровской, Свердловской, Пермской, Волгоградской, Саратовской, Брянской областях, Красноярском крае и некоторых иных регионах России, в Белоруссии, Казахстане, на Украине, в Грузии и Румынии.

Старообрядцы-беспоповцы (около 1 млн) образуют ряд групп: часовенное согласие, поморцы, федосеевцы, филипповцы, спасовцы, бегуны.

Ближе всего к поповцам стоят старообрядцы *часовенного согласия*, которые выделились из числа беглопоповцев, заменив священников на уставщиков, и проводят богослужения в часовнях. Они имеются на Урале и в Западной Сибири, а также в Туве.

Крупной группой беспоповцев являются *поморцы*, или даниловцы, живущие в Западной Сибири (в Новосибирской, Томской, Тюменской, Кемеровской областях, Алтайском крае), на Урале (в Свердловской, Пермской, Челябинской, Оренбургской и Курганской областях), в Волго-Вятском районе (в Кировской и Нижегородской областях), в Поволжье (в Саратовской, Самарской, Ульяновской, Астраханской и других областях), на Северо-Западе (в Новгородской, Псковской областях и Санкт-Петербурге), на Севере (в Архангельской области, Республике Коми), на Дону (в Ростовской области), Северном Кавказе (в Ставропольском крае, Адыгее), Москве, а также в Белоруссии, Литве, Латвии, Молдавии, на Украине, в Казахстане, Киргизии. К поморцам близки *федосеевцы*, расселенные в Белоруссии, Литве, Латвии, Псковской и Новгородской областях России и в некоторых других местах. Ответвлением поморцев являются *филипповцы*, сосредоточенные в основном в Архангельской, Вологодской и Орловской областях, а также в Карелии.

Поморцы, федосеевцы и филипповцы упразднили ряд таинств, решив, что абсолютно необходимыми для спасения являются только крещение и исповедь. Они также заменили священников наставниками. Большая часть федосеевцев и филипповцев не признает брака.

Наиболее радикальные позиции среди старообрядцев-беспоповцев занимают *спасовцы* и *бегуны*, или странники, отказавшиеся от большинства или даже всех таинств. Спасовцы живут в Нижегородской, Саратовской и других областях Поволжья, а также во Владимирской области, бегуны — в Ярославской и Саратовской областях, на западе Казахстана и Белоруссии.

Гораздо сильнее отделились от православия так называемые *духовные христиане*: хлысты, скопцы, духоборцы, молокане.

Ранее других, в XVII в., появилась секта *хлыстов*, верящих в возможность непосредственного общения человека со Святым Духом и воплощения Бога в наиболее праведных сектантах, становящихся руководителями секты. Секта насчитывает сейчас около 10 тыс. человек и подразделяется на ряд течений: Старый Израиль, Новый Израиль, Искушенный Израиль, Духовный Израиль, малеванцы и др. Основные районы распространения — Тамбовская, Самарская, Оренбургская и Ростовская области, Северный Кавказ, Сибирь, Украина.

В XVIII в. от хлыстовства ответвилась секта *скопцов*, кастрирующая своих членов с целью преодоления блуда. Численность скопцов невелика, сосредоточены они главным образом на Украине, в устье Дуная.

Еще одна группа духовных христиан — *духоборцы* (духоборы) — возникла во второй половине XVIII в. (по другим данным — в XVII в.). Эта религиозная группа отвергла Библию (заменив ее Животной книгой, где изложено вероучение духоборчества), таинства, иконы, священников. В противоположность хлыстам духоборцы верят, что дух Божий может жить не только в руководителях секты, но и во всех верующих. Духоборцы живут сейчас в Канаде и США, куда они мигрировали из России, в Грузии, Азербайджане, на Украине, в Средней Азии, а также в ряде областей Российской Федерации: Ростовской, Тамбовской, Оренбургской, Тульской, Брянской и др. Духоборцев в России насчитывается 55 тыс.

Из духоборческой среды в 60–70-е годы XVIII в. вышли *молокане*, признающие в отличие от духоборцев Библию, но толкующие ее иносказательно. Эта секта распространена в Азербайджане, Грузии, Армении, на Украине, в Молдавии, а также в Тамбовской и Оренбургской областях

России. Есть молокане в странах Америки (США, Канаде, Аргентине, Боливии) и в Австралии. Общая численность — 300 тыс. человек, в том числе в России — 40 тыс.

Еще больше отошли от православия и от христианства в целом секты *субботников* и *иеговистов-ильинцев*, возникшие соответственно в конце XVII в. и в конце XIX в. Обе секты практикуют некоторые иудейские обряды, в частности обряд обрезания, празднуют субботу. Субботники живут в Тамбовской, Воронежской областях и некоторых других местах России, в Азербайджане; иеговисты-ильинцы — на Урале, Северном Кавказе, а также на Украине и в Казахстане.

Католицизм, краткую характеристику вероучения и культа которого мы дали параллельно с описанием догматических и культовых особенностей православия, является крупнейшей конфессией мира. Католики — самая крупная конфессиональная группа во многих странах Южной, Западной и Восточной Европы: в Италии, на Мальте, в Испании, Португалии, Франции, Бельгии, Люксембурге, Ирландии, Австрии, Венгрии, Хорватии, Словении, Чехии, Словакии, Польше, Литве, а также во всех «государствах-карликах» (Андорре, Монако, Лихтенштейне, Сан-Марино и, естественно, Ватикане). Кроме того, в Швейцарии католицизма придерживается несколько менее половины населения, в Германии и Нидерландах — свыше трети. Католики преобладают во всех странах Латинской Америки, они составляют 42% населения Канады, 21% населения США. Сторонники католицизма образуют большинство населения в ряде африканских стран: Кабо-Верде, Сан-Томе и Принсипи, Экваториальной Гвинее, Габоне, Анголе, Демократической Республике Конго (бывш. Заир), Руанде, Бурунди, на Реюньоне, Сейшельских Островах. В Республике Конго католицизм исповедует почти половина населения. В Азии имеется

только одна страна с католическим большинством — Филиппины. В океанийских странах католицизм преобладает на Северных Марианских островах, Гуаме, Федеративных Штатах Микронезии, Новой Каледонии, островах Уоллис и Футуна, а также Кирибати. Католики составляют треть населения Папуа — Новой Гвинеи и свыше четверти населения Австралии.

Подавляющее большинство католиков (более 98%) придерживается латинского обряда. Лишь 17 млн практикуют другие, восточные, обряды: византийский, халдейский, антиохийский, александрийский, армянский. Таких католиков иногда называют *униатами*, хотя это название и не является официальным. Среди приверженцев восточных обрядов наиболее значительную группу образуют католики, придерживающиеся византийского (константинопольского) обряда (*греко-католики*). Литургия у них в большинстве случаев совершается на старогреческом (византийском) или церковно-славянском языках (иногда в сочетании с другими языками). Крупнейшие группы греко-католиков образуют исповедующие католицизм украинцы, румыны и арабы (мелькиты). К католикам халдейского (восточносирийского) обряда относятся собственно *халдеи* (часть ассирийцев) и *сиро-малабарцы* (крупная конфессиональная группа южноиндийского народа малаяли). Антиохийского (западнисирийского) обряда придерживаются сосредоточенные в основном в Ливане *марониты* (часть арабов-христиан); живущие в Сирии и ряде других стран *сиро-католики* (другая группа арабов-христиан) и *сиро-маланкарцы* (сравнительно небольшая конфессиональная группа народа малаяли). Сильно уступающие по числу сторонников александрийский (египетский) и армянский обряды объединяют: первый — *коптов-католиков*, второй — *армяно-католиков*.

Кроме приверженцев Римско-католической церкви, имеются еще не-

римские католики — представители различных церковных групп, в разное время порвавших с Римом или отколовшихся от протестантских церквей и приблизившихся к католицизму.

Наиболее известны из них *старо-католики*, отделившиеся от Римско-католической церкви в 1870 г. после принятия догмата о непогрешимости папы (к ним примкнула так называемая Утрехтская церковь, созданная еще в 1724 г.) и заимствовавшие ряд элементов протестантизма (в частности, отказавшиеся от celibата духовенства). Число старокатоликов невелико (немногим менее 0,9 млн), и они сосредоточены в США, Польше (в обеих странах это главным образом последователи Польской католической церкви), Австрии, Германии, Швейцарии, Нидерландах.

Самую крупную группу неримских католиков (5 млн) образуют *реформированные католики*, также отвергшие руководство римского папы и внесшие в свое вероучение элементы протестантизма. Три их крупнейшие организации — Филиппинская независимая церковь (иногда называемая англиканской — по имени основателя, епископа Англии), Филиппинская независимая католическая церковь и Гуситская церковь Чешской Республики.

Еще одну группу неримских католиков образуют консервативные католики (4,5 млн) — приверженцы церковных организаций, сравнительно недавно отделившихся от Римско-католической церкви из-за недовольства принятыми ей либеральными нововведениями. Наиболее значительной из этих организаций является Бразильская католическая апостольская церковь.

Весьма своеобразной, по существу маргинальной группой являются *апостольские католики*, которых иногда называют ирвингитами (церковь основал в 1832 г. порвавший с протестантизмом шотландский проповедник Э. Ирвинг). Ирвингиты претендуют на

воспроизведение истинной апостольской церкви. Этой церковью руководят так называемые живые апостолы. Число ирвингитов превышает 8 млн. Наиболее крупные группы их имеются в настоящее время в Германии, ЮАР и Зимбабве. Появилась небольшая группа ирвингитов и в России.

Третье направление христианства — протестантизм — возникло значительно позже, чем православие и католицизм, — в первой половине XVI в. Это направление с самого начала появилось не как единая конфессия, а как совокупность течений, порой существенно отличающихся друг от друга, но имеющих ряд общих черт. Важнейшей чертой протестантизма, противопоставляющей его католицизму и православию, является то, что в нем единственным условием спасения человека считается личная вера в Бога (которая, согласно вероучению некоторых течений, заранее предопределена) и не признается посредническая роль церкви. Подавляющее большинство протестантов отвергают Священное Предание, а признающие его все же отводят ему по сравнению со Священным Писанием второстепенную роль. В протестантизме сильно упрощен культ.

Протестантов различных течений (без так называемых маргинальных протестантов) насчитывалось в 2000 г., по приблизительной оценке, 770 млн человек. Это составляло 39% всех христиан и 14% всего населения мира. Протестантизм придерживается подавляющее большинство населения всех стран Северной Европы: Финляндии, Швеции, Норвегии, Дании, Исландии. Значительную часть населения образуют протестанты и в некоторых странах Западной и Центральной Европы: Великобритании и Северной Ирландии (57%), Швейцарии (43%), Германии (35%), Нидерландах (30%). Протестантов много в США (52%), Канаде (25%) и Австралии (40%); они являются самой крупной религиозной группой в нескольких странах Африки: Намибии, ЮАР,

Малави, Кении, Центральноафриканской Республике, Гане, на острове Святой Елены. Протестантизм является основной конфессией большинства стран Океании: Новой Зеландии, Папуа — Новой Гвинеи, Соломоновых Островов, Вануату, Маршалловых Островов, Науру, Тувалу, Токелау, Самоа, Восточного (Американского) Самоа, Тонга, Ниуэ, островов Кука, Французской Полинезии, Питкэрна.

Старейшие течения протестантизма, возникшие еще в XVI в.: англиканство, лютеранство, кальвинизм, меннонитство.

Англиканство, появившееся в 1534 г., ближе к католицизму, чем любое другое протестантское течение. В нем сохранена церковная иерархия, не отвергается полностью помощь духовенства в спасении (главное значение все же придается личной вере). Некоторые англикане уделяют определенное внимание Священному Преданию, хотя основным авторитетом считается у них Священное Писание. В англиканских церквях сохраняется какое-то подобие мессы, облачения священнослужителей достаточно нарядны. В общем, можно сказать, что англиканство в определенной степени занимает срединное положение между протестантизмом и католицизмом, и поэтому некоторые религиоведы даже не считают его протестантской конфессией. Возникнув в Англии, англиканство распространилось и за ее пределами. Сейчас большие группы англикан имеются, кроме Великобритании и Северной Ирландии, в Австралии, Новой Зеландии, Канаде, США (Епископальная церковь), Нигерии, Уганде, Кении, Танзании, ЮАР, Судане и других африканских странах; англикане составляют значительную долю населения на многих Антильских островах. Однако нигде, кроме Англии и некоторых небольших островов, англикане не образуют большинства населения. Общая численность англикан в 2000 г. — 80 млн.

Хотя англиканская церковь в каждой отдельной стране имеет единое руководство, в ней имеется пять разных течений: англо-католики, высокая, низкая, широкая и евангелическая церкви. Англо-католики мало отличаются от Римско-католической церкви по вероучению и обрядности. От духовенства в этом течении требуют соблюдения celibата, верующие должны каяться в своих грехах на исповеди священнику. Придается большое значение ритуалу, во время богослужений используются ладан и святая вода. Англо-католики довольно большое значение придают Священному Преданию, считают, что духовенство может оказать существенную помощь в спасении, верят в существование какого-то подобия чистилища. Высокая церковь сходна с течением англо-католиков, отличаясь от него в основном некоторым упрощением обрядности. Низкая церковь не признает Священного Предания и полагает, что спасение человека достигается только глубокой личной верой, отрицает существование чистилища. Обрядность в этой церкви еще более простая, чем в высокой церкви. Широкая церковь стремится объединить все течения, в ней допускается критический подход к толкованию Библии. Евангелическое течение выделяется предельным упрощением обрядности, в нем не практикуется установка на алтаре крестов и свечей, не рекомендуются коленопреклонения во время богослужений.

Время возникновения наиболее распространенного течения протестантизма — *лютеранства*, названного так по имени своего основателя Мартина Лютера, обычно относят к 1517 г. Это течение гораздо радикальнее, чем англиканство, порвало с католицизмом. Так, лютеране без всяких оговорок отвергают посредническую помощь духовенства, не признают Священное Предание. В лютеранстве оставлены только два таинства из семи — крещение и причастие, на исповедь лютеране не выработали

единой точки зрения. И все же ряд «католических» черт в лютеранстве найти можно. Крещение лютеранами, как и католиками, считается непременным условием спасения. Не признавая икон, лютеранство допускает наличие в церквях настенной живописи на библейские сюжеты. Сохранены и священные облачения (хотя и более скромные, чем в англиканской и особенно в католической церквях).

Для лютеран характерен христocентризм — определенное предпочтение Сыну Божьему перед другими лицами Святой Троицы.

Происходя из Германии, лютеранство распространилось и в других странах мира, численность его последователей достигает 76 млн. Лютеране полностью доминируют в таких странах, как Швеция, Норвегия, Дания, Исландия и Финляндия, составляют самую крупную группу верующих в Эстонии. Много их и в Латвии. Значительные группы последователей лютеранства имеются в некоторых странах Америки: США, Канаде, Бразилии, Аргентине. Существенно число лютеран в ряде стран Африки: Эфиопии, Танзании, ЮАР, Намибии, на Мадагаскаре и др. Немало лютеран в Австралии и Папуа — Новой Гвинее.

Третье течение протестантизма — *кальвинизм*. Оно было создано в 30-х годах XVI в. французом Жаном Кальвином (Кальвином) и еще более отделилось от католицизма, чем лютеранство. Как и лютеране, кальвинисты не верят в способность церкви содействовать спасению людей. В отличие от лютеран кальвинисты считают, что оно целиком зависит от Божьей воли и заранее предопределено. Кальвинизм (как и лютеранство) полностью отвергает Священное Предание.

Для кальвинизма характерен богocентризм: некоторое преимущество среди трех ипостасей Троицы отдается Богу Отцу. Крещение и причастие рассматриваются частью кальвинистов как символические обряды, причем крещение не считается непременным условием спасения. В кальвинизме не

допускается настенная живопись в церквях, кальвинистские пасторы не надевают священных облачений.

Кальвинизм существует в трех формах: *реформатство*, *пресвитерианство* и *конгрегационализм*. Первые две формы практически тождественны и отличаются в основном местом возникновения: реформатство сложилось в Женеве, пресвитерианство — в Шотландии и Англии. Конгрегационализм сходен с первыми двумя формами кальвинизма по вероучению (хотя американские конгрегационалисты заметно отделились от «классического» кальвинистского вероучения), но имеет специфику в церковном управлении: у реформатов и пресвитериан несколько соседних общин возглавляются пресвитериями, состоящими из пасторов и пресвитеров (старейшин) этих общин, у конгрегационалистов каждая община (конгрегация) независима.

Общая численность реформатов и пресвитериан — 52 млн, конгрегационалистов — 3,4 млн. Основные страны распространения реформатства — Швейцария и Нидерланды, в первой реформаты составляют около двух пятых населения, во второй — четверть. Много реформатов в Венгрии, Румынии, Франции (в последней — это потомки гугенотов), в ЮАР, Камеруне и некоторых других африканских странах, Индонезии, США, Французской Полинезии. Пресвитерианство — государственная церковь в Шотландии, значительные группы пресвитериан есть в Северной Ирландии, США, Канаде, Республике Корея, Новой Зеландии, Австралии, некоторых латиноамериканских (Бразилия, Мексика и т. д.) и африканских странах (Гана, Камерун, Демократическая Республика Конго, ЮАР и др.), Вануату. Конгрегационализм, возникший в Англии, имеет сторонников также в США, ряде стран Африки (ЮАР и др.), на многих островах Полинезии (на Самоа, Восточном Самоа, Токелау, Тувалу, островах Кука, Ниуэ они образуют наиболее значительные

конфессиональные группы) и Микронезии (Кирибати, Науру, Маршалловы Острова, Федеративные Штаты Микронезии).

Этим трем течениям протестантизма по численности сильно уступает *меннонитство*, возникшее в 30-х годах XVI в. и названное по имени религиозного вождя Менно Симонса. Меннониты были умеренным крылом анабаптистов, занимавших радикальные позиции в протестантском движении. Как и анабаптисты, меннониты совершают крещение по вере (т. е. во взрослом возрасте), причем оно считается у них лишь обрядом, а не таинством. Характерны для меннонитов покаяние верующих друг перед другом в своих грехах и обряд взаимного омовения ног. Меннонитское вероучение запрещает служить в армии, давать присягу.

Численность меннонитов во всем мире составляет 2,1 млн человек. Наиболее значительные группы их имеются в Канаде, США и Индии. Меннониты есть и в других странах, в том числе в России и Казахстане.

В 1609 г. в результате своего рода синтеза меннонитства и конгрегационализма возник *баптизм*, ныне играющий видную роль среди протестантских конфессий. Крещение у баптистов, как и у меннонитов, совершается по достижении совершеннолетия и считается не таинством, а обрядом, символизирующим твердость веры человека. Второй баптистский обряд — хлебопреломление (так у баптистов именуется причащение). Для баптизма характерен прозелитизм — стремление обратить в свою веру возможно большее число людей, что привело к быстрому увеличению численности его последователей. Сейчас баптистов насчитывается (вместе с детьми) около 76 млн. Основная часть баптистов сосредоточена в США, где они составляют 19% населения и являются самой крупной протестантской группой этой страны. Немало баптистов в России и на Ук-

раине, в Бразилии, Канаде, Индии, Мьянме (Бирме), Нигерии, Демократической Республике Конго, Великобритании. Хотя бы небольшие группы баптистов имеются в большинстве стран мира.

Из баптистской среды вышел *адвентизм*. Он возник в 30-е годы XIX в. в США. Основным догматическим положением адвентизма является вера в скорое второе пришествие Иисуса Христа. Адвентистские обряды аналогичны баптистским. Подавляющее большинство адвентистов образуют конфессиональную группу *адвентистов седьмого дня*, празднующих вместо воскресенья субботу. Адвентисты седьмого дня отвергают такой важный догмат христианства, как бессмертие души. Как и баптисты, адвентисты ведут активную прозелитическую деятельность: сторонники адвентизма (общее число вместе с детьми — 11 млн) имеются в большинстве стран мира, хотя обычно численность их невелика. Наиболее крупные группы есть в США, Мексике, на Ямайке, в Бразилии, Перу, на Филиппинах, в Руанде, Демократической Республике Конго, Кении, Танзании. Есть последователи адвентизма на Украине (преимущественно в западных областях), в России, Молдавии.

С баптизмом имеет немало общего в обрядности течение, иногда называемое *реставрационизмом*. Речь идет о возникшей в США в 1809 г. конфессиональной организации, позже ставшей известной под именем *ученики Христа* и двух отделившихся от нее конфессиональных групп: *Церкви Христа* и *Христианские церкви и церкви Христа*. Все три церковные организации стараются целиком основывать свое вероучение на Новом Завете. В отличие от большей части баптистов реставрационисты придерживаются арминианской, а не кальвинистской доктрины, т. е. считают, что у человека есть свободная воля. Различия между ними заключаются в их отношении к надобщинным организациям и к ис-

пользованию во время богослужения органной музыки. Ученики Христа стоят за органную музыку и допускают существование организации, объединяющей самостоятельные общины. Церкви Христа отвергают то и другое (из-за отрицательного отношения к инструментальной музыке их иногда называют *неинструменталистами*). Христианские церкви и церкви Христа не против использования органной музыки, однако не признают какой-либо объединяющей организации.

Общая численность последователей реставрационизма — 6 млн. Основная их масса сосредоточена в США, хотя в результате миссионерской деятельности сторонники реставрационистских церковных организаций появились и в других странах. Например, большая группа учеников Христа имеется в Демократической Республике Конго.

Одной из крупных протестантских конфессий является *методизм*, возникший в первой половине XVIII в. как обновленческое движение в англиканстве, а в 1795 г. и формально отделившийся от последнего. Будучи близкими англиканам по вероучению, методисты в отличие от многих протестантов не придают догмам большого значения, уделяя главное внимание эмоциональному воздействию на верующих. Высшей целью человека, считают методисты, является достижение им святости еще при жизни. В методизме сильно упрощена обрядность, но сохранено жесткое централизованное руководство церковью.

В мире насчитывается 30 млн методистов. Наибольшее число их живет в США, где они составляют 9% населения. Немало методистов имеется в Англии, ЮАР, Демократической Республике Конго, Нигерии, Гане, Республике Корея, на Филиппинах, в Новой Зеландии, на Фиджи.

В конце XIX в. в методистской среде США возникло движение святости, которое привело к появлению новых течений в протестантизме — *перфекционизма* и *пятдесятничества*.

Главная цель в перфекционизме — достижение совершенства (откуда и название течения), очищение от всех грехов. Перфекционисты признают два христианских таинства — крещение и причастие (некоторые перфекционистские церкви считают их не таинствами, а обрядами). Сторонников перфекционизма 9 млн. Он подразделяется на ряд церквей, крупнейшие из которых — Церковь назарянина, Христианский и миссионерский альянс, Церковь Бога (Андерсон, Индиана). Большинство их сторонников живут в США. Есть перфекционисты на ряде островов Вест-Индии, в Республике Корея и в других странах. Сторонники Церкви Бога (Андерсон, Индиана) имеются в небольшом числе среди немцев Казахстана.

Пятидесятничество, возникновение которого формально приурочивается к 1901 г., отличается большим динамизмом и быстро увеличивает свои ряды. Оно образует несколько разновидностей: пятидесятники двух благословений, пятидесятники трех благословений, радикальные пятидесятники, апостольские пятидесятники, пятидесятники-унитарии. Одним из основных положений всех разновидностей пятидесятничества является догмат о крещении Духом Святым, внешним свидетельством чего обычно считается глоссолалия — говорение на ином языке. Для вероучения пятидесятников характерен так называемый духоцентризм: из трех лиц Божественной Троицы некоторое преимущество отдается Духу Святому.

Пятидесятники двух благословений признают благословениями обращение (принятие веры и освобождение в результате этого от индивидуального греха) и крещение Духом Святым. Пятидесятники трех благословений считают, что между этими благословениями имеет место еще одно благословение — освящение (полное очищение от всех грехов). Радикальные пятидесятники добавляют к отмеченным выше благословениям и

другие, в частности способность к исцелению, вознесение. Апостольские пятидесятники отличаются тем, что ими руководят «пророки» и «живые апостолы». Наконец, пятидесятники-унитарии крестят новообращенных только «во имя Иисуса Христа».

Пятидесятники двух благословений представлены в США Ассамблеями Бога (Собрание Божье), Международной церковью четырехугольного Евангелия, Американской пятидесятнической церковью Бога (негритянская) и прочими организациями, а на Украине, в России и некоторых других республиках бывшего СССР — Объединенным евразийским союзом христиан веры евангельской (связан с американскими Ассамблеями Бога) и евангельскими христианами пятидесятниками-сионистами.

К пятидесятникам трех благословений относятся в Америке Церковь Бога (Кливленд, Теннесси), Церковь Бога во Христе (негритянская), Церковь Бога во Христе, международная (также негритянская), Международная пятидесятническая церковь святости, Пророческая церковь Бога, а также субботаствующие пятидесятники на западе Украины и небольшая Церковь Бога, объединяющая группу немцев в Казахстане.

Радикальные пятидесятники сравнительно малочисленны. В США они образуют ряд церквей, наиболее известная — Независимые ассамблеи Бога. На Украине, в Белоруссии, Молдавии, Казахстане имеется одна организация этой разновидности пятидесятничества — евангельские христиане святые сионисты (мурашковцы).

Апостольские пятидесятники объединены в небольшие церковные организации, действующие в основном в США и некоторых других странах. Наиболее влиятельная — Апостольская церковь Великобритании.

Крупнейшей организацией пятидесятников-унитариев является функционирующая в США и ряде других стран Объединенная пятидесятническая церковь, международная. Ее ана-

лог в России и некоторых других республиках бывшего Советского Союза — конфессия евангельских христиан в духе апостолов (смородинцы).

В мире насчитывается 128 млн пятидесятников. Самые крупные группы имеются в США, Канаде, Мексике, Бразилии (24% населения), Чили (19% населения), Гане, Нигерии, Демократической Республике Конго, Кении, Зимбабве, ЮАР, Великобритании, Швеции. Есть пятидесятники на Украине, в России, Белоруссии, Казахстане и других республиках бывшего СССР.

Непосредственно из методистской среды вышла *Армия спасения*. Она была создана в 1878 г. в результате преобразования Христианской миссии, возникшей в 1865 г. и осуществлявшей благотворительную деятельность в Лондоне. Филантропическая работа наряду с проповедью Евангелия и сейчас является важнейшей функцией Армии спасения, которая придает моральной стороне христианства решающую роль. Организация построена на военный лад, в ней поддерживается строгая дисциплина, во время богослужений играет оркестр. Армия спасения отказалась от всех таинств и принятых другими христианскими конфессиями обрядов. Число ее сторонников — 2,5 млн человек (в США, Канаде, Великобритании, Норвегии, Индии, Индонезии, Республике Корея, Зимбабве, Кении и во многих других странах).

Английские корни имеют и *плимутские братья*. Конфессия возникла в 1828 г. Целью ее было стимулировать более радикальное, чем в кальвинизме и методизме, возрождение раннего христианства. В вероучении плимутских братьев заметны эсхатологические тенденции (вера в скорый конец света), хотя они и выражены в более умеренной форме, чем у адвентистов. Плимутские братья полностью отвергают духовенство и проводят собрания не в церквях, а на частных квартирах. В настоящее время среди плимутских братьев выделяют-

ся две группы: *открытых* и *замкнутых*.

Численность плимутских братьев — 3,4 млн человек. Они имеются в Англии, США, на ряде Антильских островов, в некоторых странах Латинской Америки (Аргентине и др.) и Африки, среди коренных жителей Австралии. С плимутскими братьями был связан лорд Г. У. Редсток, проповеди которого в России привели к созданию в ней конфессиональной группы евангельских христиан. В 1944 г. евангельские христиане организационно объединились с баптистами.

Сходное название «*братья*» имеет и другая конфессиональная группа (иные наименования — *данкеры*, *немецкие баптисты*). Она возникла в 1708 г. в Германии в реформатской среде и выступила против огосударствления церкви, секретных обществ, клятвенных заверений, в том числе присяги, судебных тяжб, мирской одежды. Крестятся данкеры во взрослом возрасте путем троекратного полного погружения лицом вперед в воду реки, откуда и происходит само их название. В числе обрядов, помимо крещения и причащения, — омовение ног, помазание больных маслом. Данкеры подвергались преследованиям властей, что заставило их эмигрировать в Нидерланды, а оттуда в США. Общая численность данкеров — 0,7 млн. В результате миссионерской деятельности сейчас их можно встретить не только в США, но и ряде других стран (так, большая группа имеется в Центральноафриканской Республике).

Пацифизм, помимо данкеров и меннонитов, свойствен и *квакерам*. Эта религиозная группа создана в 1652 г. в Англии. Квакеры считают необходимым непосредственное общение человека с Богом, которое достигается «внутренним озарением» верующего. Квакеры отказались не только от таинств, но и от обрядов. Нет у них духовенства и специальных молитвенных домов, моления совер-

шаются в абсолютно пустых комнатах. Квакеров насчитывается 440 тыс человек. Наиболее крупная группа имеется в США, есть они в Великобритании, некоторых странах Латинской Америки и Африки (Кении и др.).

Значительный интерес представляют две протестантские конфессии, возникшие еще в дореформационный период. Первая из них — *моравские братья* — образована в 1457 г. в Чехии. Из-за преследований моравские братья были вынуждены переселиться в Саксонию, где обосновались в поселении Гернгут (их второе название — гернгутеры). Они приняли лютеранское аугсбургское исповедание и отличаются сейчас от лютеран только по названию и обрядности. Так, моравские братья совершают обряд омовения ног, отсутствующий у лютеран. В мире насчитывается около 0,6 млн моравских братьев. Они живут в Чехии, Германии, на некоторых Антильских островах (Антигуа и Барбуда и др.), в Суринаме, ряде африканских стран (Танзании, ЮАР и др.).

Секта *вальденсов* возникла еще раньше — в 1173 г. Из семи католических таинств они оставили только два — крещение (совершается во взрослом возрасте) и причастие, отвергли почитание святых, отказались от икон, стали избирать своих духовных руководителей. Сейчас вальденсы сблизилась с реформатами и методистами. Вальденсов очень мало — 41 тысяча. Они живут в Италии, Уругвае, Аргентине и ряде других стран.

В XX в. в некоторых странах были созданы *объединенные церкви*, в состав которых вошли представители ряда протестантских конфессий, порой заметно отличающихся по вероучению. В 1925 г. канадские методисты, конгрегационалисты и часть пресвитериан создали *Объединенную церковь Канады*, ставшую самой крупной протестантской организацией страны и насчитывающую в настоящее время около 3,1 млн. В 1957 г. в США была образована *Объединенная церковь Хри-*

ста, в которую вошла большая часть конгрегационалистов и реформатов страны и которая имеет сейчас около 2 млн сторонников. В 1977 г. подавляющее большинство австралийских методистов а также большая часть конгрегационалистов и пресвитериан создали *Объединяющуюся церковь Австралии*, в которую входит 1,4 млн человек. Произошло объединение многих церковных организаций также в Индии, Пакистане, некоторых странах Африки (в Нигерии, Замбии, на Мадагаскаре и т. д.).

Обособленное положение среди протестантов занимают несколько течений и сект, сильно отделившихся от «классического» протестантизма, а иногда и от христианства вообще. Их часто называют *маргинальным протестантизмом*. Они в целом образуют сравнительно незначительную прослойку внутри протестантизма: к ним относится 27 млн человек (0,5% всего населения земного шара и 1,4% всех христиан). Крупнейшие из этих конфессий: свидетели Иеговы, мормоны и Христианская наука.

Свидетели Иеговы (конфессия возникла в 1872 г.) отвергают христианский догмат о Святой Троице, считая Иисуса Христа не Богом, а лишь лучшим Божьим творением. Святой Дух рассматривается как Божья невидимая сила. Не веря в бессмертие души и загробную жизнь, свидетели Иеговы утверждают, что скоро наступит Армагеддон — война между Богом и Сатаной, в ходе которой будут уничтожены все «плохие люди». Численность свидетелей Иеговы (вместе с детьми) сравнительно невелика — 11 млн, однако они широко рассеяны по миру, что связано с активной миссионерской деятельностью. Наибольшее число свидетелей Иеговы сосредоточено в США, где расположен их центр, есть они также в Канаде, Мексике, Бразилии, Велико-британии, Германии, Франции, Италии, Испании, Замбии, Нигерии, на Филиппинах, в Японии, на Украине, в Белоруссии, Молдавии, Литве, Латвии, Эстонии, России и т. д.

Еще больше отошли от главных догматических положений христианства *мормоны*. Общехристианское Священное Писание — Библию мормоны дополняют своей особой Книгой Мормона. Их вероучение вобрало в себя некоторые элементы ислама и буддизма. В некоторых мормонских организациях допускается многоженство. Основная организация мормонов — Церковь Иисуса Христа святых последних дней, созданная в 1830 г., фактически отошла от христианского монотеизма; менее многочисленная Реорганизованная церковь Иисуса Христа святых последних дней ближе стоит в этом вопросе к ортодоксальному христианству. Мормонов насчитывается 10 млн, они сосредоточены преимущественно в США, прежде всего в штатах Юта и Айдахо. Живут мормоны также в Канаде, Великобритании, во многих странах Океании (в Новой Зеландии, на Тонга, Самоа и др.), Латинской Америке (в Бразилии, Аргентине и др.), Африке, куда мормонство проникло в результате миссионерской деятельности. Появились мормоны и в России.

Христианская наука (официальное название конфессиональной организации — *Церковь Христа — ученого*), основанная в 1879 г., имеет мало общего с подлинным христианством. В ее вероучении утверждается, что материя не существует реально, а страдания, болезни и смерть являются плодом неправильного мышления. Выработка правильного мышления, молитва, дисциплинированное поведение могут исцелить любую болезнь.

Данные о числе сторонников Христианской науки в соответствии с существующим положением не публикуются, однако по приблизительным данным это число составляет около 1 млн человек. В США сосредоточено около половины последователей этой конфессии, остальные разбросаны по многим странам мира — Великобритании, Канаде, Австралии и др.

Два направления христианства — монофизитство и несторианство — сильно уступают по численности последователей православию, католицизму и протестантизму.

Монофизитство возникло в первой половине V в. Его духовным вождем был константинопольский архимандрит Евтихий. Монофизиты утверждали, что в Иисусе Христе было не два естества, а одно, так как божественная природа подавила природу человеческую (сами же монофизиты не признают присвоенного им наименования и отрицают, что они якобы сводят на нет человеческую природу Христа). По остальным догматическим положениям и по культу монофизитство очень близко православию. На Халкидонском вселенском соборе в 451 г. монофизитство было осуждено как ересь. Монофизиты делятся на несколько групп: армяно-григориане, копты, эфиопы, яковиты, которые несколько различаются по отдельным элементам обрядности.

Так, у *армяно-григориан* причащение детей совершается сразу же после рождения дотрагиванием до их губ элементов причастия. Вино как элемент причастия не разбавляется водой, хлеб не заквашивается.

В *Коптской церкви* особенно часто совершается литургия Святого Василия. Очень сильно развито почитание Богородицы, в честь которой в году предусмотрено более 30 праздников.

Эфиопская церковь отличается от предыдущих церквей тем, что для нее характерны некоторые иудаистские черты. Так, эфиопы празднуют наряду с воскресеньем субботу, признают в качестве святых и персонажей Ветхого Завета, соблюдают ряд ветхозаветных пищевых запретов.

У *яковитов* крещение совершается путем троекратного обливания. Тайная исповедь священнику не практикуется.

Общая численность монофизитов — около 40 млн человек. Монофизитами являются большинство верующих армян (армяно-григориане), основная масса египетских христиан (копты),

более трети населения Эфиопии и несколько менее половины жителей Эритреи, группа арабов-христиан и часть малайи в Южной Индии (яковиты).

Несторианство сформировалось в первые десятилетия V в., хотя взгляды, индентичные ему, высказывались еще в конце IV в. Основателем его был Несторий, занимавший с 428 по 431 г. пост константинопольского патриарха. Несториане считают, что Иисус Христос был не сыном Божиим, а человеком, в котором жил Бог. В соответствии с этим они не признают деу Марию Богородицей. По большинству других вопросов вероучения позиции несторианства близки православию. Некоторые отличия имеются в таинствах. Их так же, как и у православных, семь, однако не все из них совпадают. Так, у несториан не признаются таинства брак и елеосвящение, но зато считаются ими святая закваска (заквашивание используемого при причащении хлеба) и крестное знамение. В 431 г. на Эфесском вселенском соборе несторианство было осуждено как ересь.

Число несториан невелико — 243 тыс. человек. Несторианство исповедуют часть ассирийцев, живущих в Ираке, Иране, Сирии, Армении, Грузии, России, США и некоторых других странах (остальные ассирийцы — в основном униаты-халдеи). Небольшая группа несториан имеется в Южной Индии.

Вторая мировая религия — и с л а м — по числу последователей (1188 млн человек в 2000 г., или 20% всего населения мира) почти вдвое уступает христианству. Менее широко эта религия распространена и территориально. Преимущественно мусульманскими регионами являются Северная Африка, Юго-Западная Азия с прилегающей частью Южной Азии, Средняя Азия и частично Центральная Азия, часть Юго-Восточной Азии (прежде всего островная) и другие меньшие по территории районы.

В Северной Африке ислам господствует во всех странах, причем в каждой, кроме Египта и Судана, доля мусульман составляет от 96 до почти 100%. Но и в Египте и Судане мусульмане резко преобладают, образуя соответственно около шести седьмых и более двух третей населения.

Мусульманскими являются и две из четырех стран Африканского Рога (Северо-Восточной Африки) — Сомали и Джибути. В Эритрее мусульмане составляют несколько менее половины населения, в Эфиопии — около трети.

Ислам является господствующей конфессией и в ряде государств Западной Африки: Сенегале, Гамбии, Мали, Гвинее, Нигере, Чаде. В Нигерии ислам занимает второе место по числу сторонников, немногим уступая христианству. Почти сплошь мусульманское население имеют Коморские Острова.

В Юго-Западной Азии ислам преобладает во всех странах, кроме Кипра (где мусульмане составляют более одной пятой населения) и Израиля. Правда, много христиан и в Ливане.

В Южной Азии мусульмане преобладают в Пакистане, Бангладеш и Мальдивской Республике. В Индии ислам исповедуют 12% населения, но абсолютная численность мусульман очень велика — 123 млн (т. е. ненамного меньше, чем в Пакистане).

В Юго-Восточной Азии мусульманской страной обычно считают Индонезию, однако следует помнить, что на Яве наряду с исламом широко распространены также синкретические культы, представляющие собой синтез ислама с индуизмом, буддизмом, христианством и местными верованиями. Мусульманами являются также почти половина населения Малайзии, около двух третей населения Брунея.

Во всех среднеазиатских государствах большинство верующих составляют мусульмане. Много их и в Закавказье ислам господствует среди верующих Азербайджана.

В Европе мусульмане образуют большую часть верующих Албании и подавляющее большинство населения европейской части Турции. Кроме того, ислам является наиболее крупной конфессией Боснии и Герцеговины. Немало мусульман и в Болгарии.

В России сторонники ислама преобладают среди верующих во всех северокавказских республиках, кроме Северной Осетии, а также среди верующих Татарии (Татарстана) и Башкирии (Башкортостана).

В исламе еще с VII в. существуют три основных направления: *суннизм*, *шиизм* и *хариджизм*.

Сунниты, помимо священной книги всех мусульман — Корана, признают также в полном объеме Сунну (арабск. «обычай», «пример») — мусульманское священное предание, содержащее рассказы о поступках пророка Мухаммада и его высказываниях.

В суннизме в VIII–IX вв. сложились четыре юридическо-богословских толка, одинаково признаваемых правоверными: ханафитский, шафиитский, маликитский и ханбалитский. Ханафитский толк относительно либерален, шафиитский толк также позволяет свободно толковать Коран, гораздо более консервативны маликитский и особенно ханбалитский толки.

На основе ханбалитского толка в середине XVIII в. на Аравийском полуострове возникло движение *ваххабитов*, провозгласившее возврат к раннему исламу, отказавшееся от духовенства, осудившее культ пророка Мухаммада.

К очищению ислама призвал и появившийся в середине XIX в. в маликитской среде военно-религиозный орден *сенуситов*.

Шииты отличаются от суннитов прежде всего тем, что признают не всю Сунну, а только ее разделы, основанные на авторитете родственников пророка. Шиизму свойствен культ мучеников, из которых особенно почитаются халиф Али и его сын Хусейн. Шииты верят также в скрытого имама. Они считают, что послед-

ний, двенадцатый, имам, таинственно исчезнувший, не погиб и должен вернуться в качестве мессии.

У шиитов, так же как у суннитов, есть юридическо-богословские толки. Один из них — Усули, сторонники которого считают, что многие стихи Корана написаны столь ясно, что не нуждаются в толковании. Приверженцы второго толка — Ахбари — придают большое значение толкованиям Корана и признают свое особое шиитское священное предание — Ахбар.

Помимо ортодоксального шиизма, последователей которого именуют *имамитами*, или *двунадесятниками* (они признают лишь двенадцать имамов, являющихся кровными родственниками Мухаммада), есть еще многочисленные шиитские секты.

К имамитам довольно близка секта *шейхитов*, появившаяся в 20-х годах XIX в. Шейхиты верят в то, что скрытый имам, пользующийся у них особым почитанием, скоро вернется в качестве мессии. Они не признают священное предание имамитов.

Небольшая по численности последователей секта *эзелитов* является современным продолжением революционного религиозного движения бабидов, разгромленного в середине XIX в. Эзелиты отвергают Коран и шариат, мусульманскую обрядность.

Секта *зейдитов* возникла еще в VIII в. и занимает срединное положение между шиизмом и суннизмом. Зейдиты, как и сунниты, не верят в скрытого имама. В учении зейдизма имеются рационалистические элементы. Так, зейдиты отказываются верить в несотворенность Корана. Среди других мусульман зейдиты выделяются большой веротерпимостью. Ответвлением зейдизма являются *нуктавиты* — секта, сложившаяся в Иране в IX в. из бежавших туда зейдитов.

Сильно обособившимся течением шиизма стал *исмаилизм*, сложившийся во второй половине VIII в. Он испытал значительное влияние со стороны неоплатонизма, гностицизма и

буддизма. В частности, из буддизма заимствовано учение о переселении душ. Исмaилиты толкуют Коран иносказательно. Бог рассматривается ими как абсолютная истина.

Друзы представляют собой дочернюю исмаилитскую секту, появившуюся в XI в.; их вероучение вобрало в себя христианские и зороастрийские положения. Как и исмаилиты, друзы верят в переселение душ. Кроме того, они допускают возможность периодического воплощения Бога в людей. Фатимидский халиф Хаким признан ими живым Богом. Предписания шариата друзами не выполняются.

В X в. возникла другая исмаилитская секта — *нусайриты*, или *алавиты*. У нусайритов также распространена вера в переселение душ. Объектами культа является святая троица: Али, Мухаммад и Сальман. Многие в секте заимствовано из древних переднеазиатских верований и христианства. Как и в древних астральных культах, почитаются солнце, луна, звезды, утренняя и вечерняя заря, священные рощи, горные вершины. В нусайритской обрядности много христианских элементов.

В XIV в. появилась еще одна секта — *ахл-и хакк* («люди истины»), или *али-илахи* («обожествляющие Али»), в вероучении которой заметно влияние исмаилизма. Вошли в догматику секты и элементы христианства, доисламских переднеазиатских верований. Али-илахи не верят в загробную жизнь, полагая, что души людей находятся в постоянных перевоплощениях. Бог, олицетворяемый Али, также прошел семь стадий воплощения. В отличие от других мусульман али-илахи отвергают многоженство.

Особое положение в шиизме занимает секта *бекташи*, напоминающая своеобразный суфийский орден. Являясь в целом шиитской сектой, бекташи включили в свое вероучение ряд христианских и языческих элементов (так, от христиан было заимствовано причащение хлебом и вином).

Третье направление ислама — *хариджизм* — намного уступает первым двум по своему влиянию. Современной формой хариджизма является *ибадизм*. По взглядам ибадитов имам должен избираться, им может стать любой член общины. Сторонники ибадизма осуждают роскошь, запрещают музыку, игры, курение табака. По вероучению ибадиты сейчас приблизились к суннизму.

Особое место занимает *ахмадие* — специфическая конфессия, основанная в Британской Индии в 1889 г. Мирза Гуламом Ахмадом Кадияни. В ее вероучении сделана попытка примирить ислам, христианство и индуизм. Мирза Ахмад признается воплощением Мухаммада, Иисуса Христа и Кришны. Выйдя из недр суннизма, ахмадие приобрела черты синкретической религии. Ахмадие далеко отошла от ислама и по культовой практике. Во время богослужений звучит музыка, мужчины и женщины свободно общаются на молитвенных собраниях. Мусульмане не признают принадлежность ахмадие к исламу.

Из направлений ислама наибольшее число последователей имеет суннизм (84% всех мусульман), ему сильно уступает шиизм (14%). Хариджизм весьма малочислен, его придерживаются 1,6 млн человек (0,1% мусульман). Невелика и сильно обособившаяся от основных направлений ислама секта ахмадие, к которой принадлежит 8 млн человек (0,7% мусульман).

Большее половины суннитов (53%) являются ханафитами, значительны также шафиитский (24%) и маликитский толки (22%). Ханбалитов очень мало (лишь 0,9% всех суннитов).

Имамиты составляют примерно четверть всех шиитов. Исмaилитов — 24 млн, зейдитов — 8 млн, нусайритов — около 1,6 млн, ахл-и хакк — 1,5 млн, друзов — 0,8 млн, шейхитов — 0,5 млн, нуктавитов — 0,3 млн, эзелитов и бекташи — по 0,2 млн. Все приведенные цифры и проценты весьма приблизительны,

так как число сторонников различных направлений и сект ислама в отличие от численности последователей христианских конфессий обычно не определяется.

В большинстве мусульманских стран господствующие позиции занимает суннитское направление ислама. Лишь в Иране подавляющая часть населения придерживается шиизма. Составляют большинство (70%) среди мусульман шииты и в Азербайджане. В Ираке шиитами являются более трех пятых жителей, на Бахрейне — половина, в Йемене — три пятых (шиизм представлен здесь главным образом зейдитами). В Ливане шииты (вместе с друзами) образуют более половины всего мусульманского населения. В Омане большинство составляют хариджиты.

Из юридическо-богословских толков суннизма ханафитский толк преобладает в Албании, Турции, Афганистане, Пакистане, Джибути, среди мусульман Эритреи, в Узбекистане, Таджикистане, Туркмении (Тукменистане), Киргизии (Кыргызстане), среди мусульман Казахстана, среди суннитов Ирака и северной части Индии, а также в населенных мусульманами районах России. Шафитский толк занимает господствующие позиции среди суннитов Йемена, в Объединенных Арабских Эмиратах, среди мусульман Южной Индии, в Мальдивской Республике, Индонезии, Малайзии, Брунее, Сомали, на Коморских Островах. Маликитского толка в основном придерживаются жители всех стран Северной Африки, кроме Египта (где наряду с маликитами много шафиитов), а также большая часть мусульман-суннитов Кувейта и Бахрейна. Ханбалитский толк имеет наибольшее влияние среди населения Саудовской Аравии и Катара. Немало ханбалитов и в Кувейте.

Ваххабитское движение распространено в первую очередь в Саудовской Аравии, сенуситский орден пользуется влиянием в Ливии.

Из двух юридическо-богословских школ шиизма преобладает Усули. Ахбари распространена среди шиитов Индии, Бахрейна и южной части Ирака. Небольшая группа приверженцев Ахбари имеется и в Иране.

Сторонники шиитских сект ни в одной стране не составляют большинства населения. Исмаилиты рассеяны по 25 странам, но больше всего их в Индии, Пакистане, Таджикистане (там они сосредоточены в Горно-Бадахшанской автономной области), Афганистане, Иране, Кении. Друзы живут в подавляющем большинстве в Сирии и Ливане, нусайриты — в Сирии и Турции, ахл-и хакк — в Турции, Иране и Афганистане. Зейдиты в основном сконцентрированы в Йемене, их ответвление — нуктавиты — в Иране. Шейхиты расселены в Иране, Ираке и на Бахрейне, эзелиты — только в Иране, бекташи — в Албании, Турции и других странах.

Секта ахмадие получила некоторое распространение в Пакистане, Индии, ряде стран Юго-Западной Азии, а также в отдельных западноафриканских государствах (прежде всего в Гане и Нигерии).

Третья мировая религия — буддизм — по числу последователей (360 млн, или 6% всего населения мира) более чем в три раза уступает исламу. Основными районами ее распространения являются Юго-Восточная Азия (материковая часть), Восточная и Центральная Азия и в несколько меньшей мере — Южная Азия.

В Юго-Восточной Азии буддизм преобладает во всех странах Индокитая (исключая полуостров Малакку): Мьянме, Таиланде, Лаосе, Камбодже, Вьетнаме.

Из стран Восточной и Центральной Азии буддизм является основной религией только в Монголии; в Китае, Корее и Японии он делит свое влияние с другими конфессиями.

Наконец, в Южной Азии буддизм господствует только в двух сравни-

тельно небольших странах — Шри-Ланке и Бутане. В таких же странах-гигантах, как Индия, Пакистан, Бангладеш, а также в Непале, его исповедует относительно незначительное меньшинство населения.

В России буддизма придерживается часть населения Калмыкии, Тувы и Бурятии, а также Агинского Бурятского автономного округа Читинской области.

К I в. в буддизме сложилось два основных направления: *хинаяна* и *махаяна*. Хинаяна делилась на большое число школ, из которых сохранилась только *тхеравада* («учение отцов»). Ее сторонники не любят, когда их направление называют хинаяной.

Буквальный перевод термина «хинаяна» — «малая (или узкая) колесница». Это образное обозначение для предлагаемого в данном направлении «узкого пути спасения» (с обязательным прохождением через монашество).

Тхеравада сохранила пантеистический характер раннего буддизма. В ней основатель буддизма Сиддхартха Гаутама (Будда) почитается не как божество, а как великий учитель, кристальной моральной чистоты человек. Обрядность в тхераваде относительно проста и ограничивается проповедями, культом Будды, почитанием мест, где он жил, и поклонением ступам — сооружениям, являющимся местом хранения буддийских реликвий.

Махаяна переводится как «большая (или широкая) колесница», под чем подразумевается «широкий путь спасения». Прохождение монашества здесь не рассматривается как обязательное условие спасения. Сиддхартха Гаутама предстает в этом направлении как божество. Но он только один из будд, наряду с ним почитаются и другие будды. Имеются и иные объекты почитания: бодхисаттвы, архаты, пратьека-будды. Обрядность в махаяне намного сложнее, чем в тхераваде. Она заключается в поклонении большому числу будд и бодхисаттв, произнесении молитв и заклинаний.

От махаяны в VIII или IX в. христианской эры отпочковалась *ваджраяна* («алмазная колесница»), или *тантраяна*. Это направление не всегда считают самостоятельным и иногда рассматривают как течение внутри махаяны. По догматическим положениям ваджраяна действительно близка махаяне, но в ней верующему обещана возможность спасения в течение одной жизни. Кроме того, специфична культовая практика ваджраяны. В ней, в частности, очень большое значение придается магическим заклинаниям и медитации. Поскольку в основном районе распространения ваджраяны — Тибете и Монголии — особое развитие получила такая ее черта, как почитание духовного наставника — ламы, то эта форма буддизма нередко именуется *ламаизмом*.

Махаяны придерживается примерно 56% всех буддистов, тхеравады — 38%, ваджраяны — 6%.

Каждое из направлений буддизма имеет большое число школ и сект.

Многие из школ махаяны зародились в Китае, однако лишь одна из них хорошо сохранилась вплоть до наших дней. Речь идет о школе *Тяньтай*, основанной еще в VI в. и разработавшей учение о трех стадиях познания. *Дзэнская (чаньская)* форма махаяны, ставящая во главу угла медитацию и не придающая большого значения ни догматике, ни ритуалам, и *амидаистская* форма, проповедующая пиетизм, в самом Китае отошли на задний план, но проникли до этого в Корею и Японию.

В Корее синтез дзэнской (кор. *сон*) и амидаистской махаяны привел к возникновению секты *Чоге*, которая сейчас объединяет около четырех пятых буддистов Кореи. Иной характер имеет возникший в 1924 г. *вон-буддизм (Вонбультэ)*, который насчитывает ныне 1 млн последователей и в котором махаянистское вероучение подверглось сильной трансформации. Основатели секты объявили об «очищении» буддийской доктрины, разрешили монахам вступать в брак, допустили женщин к совершению богослужений. Бо-

гослужения в секте в какой-то мере имитируют христианскую службу.

В Японии ранние буддийские секты *Хоссо*, *Кэгон* и *Рицу*, основанные в VII–VIII вв., были очень близки к китайскому буддизму и чужды японской традиции, отчего и не смогли приобрести в стране значительного влияния. Они известны под именем сект группы Нара, причем если *Хоссо* и *Кэгон* — типичные махаянистские секты, то *Рицу* испытала очень заметное влияние тхеравады. Общее число приверженцев этих сект — около 200 тыс. человек. Больше число сторонников (3,5 млн) у проникшей из Китая в IX в. секты *Тэндай* (японская форма названия Тяньтай). Кроме того, в Японии получили распространение амидаистские секты *Юдзу нэмбуцу*, *Дзёдо*, *Дзёдо син*, *Дзи*, а также дзэнские секты: *Риндзай*, *Сото*, *Обаку*. Амидаизм и дзэн-буддизм проникли в Японию в XII в. и довольно быстро завоевали популярность (в настоящее время численность их сторонников составляет соответственно 19 и 3,3 млн человек). Очень успешной была и деятельность основанной в XIII в. школы Нитирэн (17,5 млн последователей), которая вобрала многие элементы синтоизма и поэтому стала привлекательной для японцев.

Секты имеются и в ваджраяне. В Центральной Азии это Ньингмапа, Кагьюдпа, Сакьяпа, Гелугпа, в Японии — Сингон. Древнейшей из них является *Ньингмапа*, которую обычно называют неререформированной. В вероучение этой секты вошло немало элементов древней религии Тибета — бон.

В XI в. возникли секты *Кагьюдпа* и *Сакьяпа*, которые близки друг другу и считаются полуреформированными. Кагьюдпа разделилась на подсекты *Кармапа* и *Дугпа*.

Гораздо позже, в начале XV в., выдающимся тибетским религиозным деятелем Цзонхавой была создана реформированная секта *Гелугпа*. В секте установлены гораздо более строгие правила поведения в монашеских об-

щинах, и ее монахи в отличие от монахов других сект не могут вступать в брак. Ламы носят в этой секте желтые головные уборы, в других сектах — преимущественно красные, и по этому признаку ламаизм иногда делят на желтошапочный и красношапочный.

Школа *Сингон* появилась в Японии в начале IX в. и до сих пор сохраняет там традиции ваджраяны.

Сингон в настоящее время имеет довольно значительное число приверженцев (13 млн). На все остальные, «ламаистские» секты ваджраяны приходится 8,5 млн человек, причем подавляющее большинство их являются последователями секты Гелугпа. Секты Сакьяпа, Кагьюдпа и Ньингмапа сравнительно малочисленны.

Сингон не ограничена только пределами Японии. Некоторое число сторонников этой секты имеется среди японцев, живущих на Гавайях и в других районах США.

Гелугпа распространена прежде всего в западных районах Китая (Тибет, Внутренняя Монголия, Синьцзян-Уйгурский автономный район, провинции Сычуань, Цинхай, Ганьсу), а также в Монголии и России (Бурятия, Тува, Калмыкия). Сакьяпа в основном сосредоточена в Тибете, Кармапа — в Тибете (включая Чамдо), Непале и индийском штате Сикким, Дугпа — в Бутане и в области Ладакх в Кашмире, Ньингмапа — в области Чамдо в Тибете, на западе Сычуани, в Непале и Сиккиме.

Немало сект и в тхераваде. В Шри-Ланке это *Сиам-никая* (сиамская секта), *Амарапура-никая* (верхнебирманская секта), *Раманния-никая* (нижнебирманская секта), в Мьянме — *Судхамма*, *Швегон*, *Двара-никая*, *Раманн* и др., в Таиланде, Лаосе и Камбодже — *Маханикай* и *Тхаммаютникай*.

Кроме мировых религий, ареал распространения которых очень велик, есть еще довольно большое число религий, ограниченных рамками региона, а иногда и одного этноса.

Несколько таких религий сложилось и до сих пор существует в Юго-Западной Азии, правда, некоторые из них распространились и за пределами региона. Это иудаизм, зороастризм, езидизм, мандеизм.

Иудаизм распространен почти исключительно среди евреев (общее число последователей — 14 млн). Исторические судьбы еврейского народа привели к рассеянию иудеев по всему миру. Однако лишь в Израиле, созданном в 1948 г. еврейском государстве, последователи иудаизма составляют большинство населения. В других странах они образуют лишь незначительное меньшинство населения. Наиболее крупные группы иудеев за пределами Израиля имеются в США, Канаде, Аргентине, Бразилии, России, на Украине, в Белоруссии, Франции, Великобритании. Значительная группа последователей иудаизма есть в ЮАР.

В некоторых из перечисленных стран, в том числе в Израиле, среди иудеев имеется значительное число сторонников *хасидизма* — возникшего в первой половине XVIII в. течения, отказавшегося от характерной для ортодоксального иудаизма строгой регламентации жизни верующих и не требующего от них тщательного изучения Библии и Талмуда.

Сектами иудаизма являются караимы и самаритяне. *Караимы* (24 тыс. человек), обособившиеся от ортодоксальных иудеев в VIII в. по Р. Хр., не признают Талмуда. Крупнейшая группа караимов находится сейчас в Израиле, есть они также в Турции, Иране, России, на Украине, в Литве и других странах.

Совсем малочисленная секта *самаритян*, встречающаяся в Израиле и Палестине (около 500 человек), как и караимы, отвергает Талмуд, а из книг Танаха (Ветхого Завета) признает лишь Тору и книгу Иисуса Навина.

Зороастризм, бывший некогда широко распространенной религией, имеет лишь 2,5 млн после-

дователей. Зороастрийцы живут в Иране, Афганистане, Индии, Пакистане.

Основанный в конце XI в. *езидизм* вобрал в себя элементы зороастрийских, христианских и мусульманских верований. Придерживаясь, как и зороастрийцы, дуализма, езиды в отличие от них почитают не доброе, а злое начало, олицетворяемое Мелек-Таузом. Священными книгами езидов являются Книга откровения и Черная книга. Езидов насчитывается 226 тыс., они живут в Ираке, Турции, Иране, Сирии, Армении и некоторых других странах.

Весьма древней религией является *мандеизм*, возникший, вероятно, в I–II в. по Р. Хр. Он, как и езидизм, заимствовал элементы различных верований: христианских, иудейских, древневосточных. Один из важнейших мандейских обрядов — водное крещение. Мандейцы признают Иоанна Крестителя своим пророком, и их иногда называют последователями Святого Иоанна (существуют и другие наименования этой конфессии — сабии, назореи). Священным писанием мандейцев является Великая книга. Мандейцев немного — лишь 39 тыс. человек. Основная часть их живет на юге Ирака, есть они и в пограничных районах Ирана.

В Южной Азии возникло несколько религий, сохранившихся вплоть до нашего времени. Это буддизм, индуизм, джайнизм и сикхизм. Буддизм, как известно, превратился в мировую религию, три других остались в основном местными религиями.

Одна из таких местных религий — *индуизм*, несмотря на ограниченный ареал своего распространения, объединяет очень большое число верующих — 811 млн человек (13% всего населения мира).

Основным районом сосредоточения индуистов является Республика Индия, где они образуют 74% населения. В Непале доля приверженцев индуизма еще более высока — 77%

населения. Много индуистов в Бутане (одна пятая жителей), Шри-Ланке (одна девятая) и Бангладеш (одна восьмая), а также в некоторых странах за пределами южноазиатского региона, куда законтрактрованные в Индии рабочие ввозились для работы на плантациях: на Маврикии (44% населения), Фиджи (одна треть), в Гайане (одна треть), на Тринидаде и Тобаго (одна четверть), в Суринаме (одна шестая), Малайзии (7%). Индуизм исповедуют и коренные жители индонезийского острова Бали.

В индуизме имеется три основных направления: *вишнуизм*, где главным объектом почитания является бог Вишну; *шиваизм*, где преобладает культ бога Шивы; *шактизм*, сторонники которого почитают женское начало. К вишнуитам относится 68% всех индуистов, к шиваитам — 27% и к шактистам — 3%. Остальные индуисты являются сторонниками реформированного индуизма и неоиндуизма.

Из конфессий, относящихся к реформированному индуизму, наиболее известны *Кабирпантх*, *Брахмо самадж*, *Арья самадж* и *Миссия Рамакришны*. Секта Кабирпантх объединяет последователей индийского поэта Кабира, проповедовавшего веру в единого Бога и осуждавшего кастовое неравенство. Брахмо самадж пыталась реформировать индуизм, выступив против политеизма и идолопоклонства. Арья самадж также ратует за «чистый» монотеистический индуизм и осуждает поклонение изображениям божества. Она требует отмены кастового строя, установления равноправия женщин. В отличие от Брахмо самадж, стремившейся к сближению разных религий, Арья самадж относится к другим религиям резко враждебно. Миссия Рамакришны, напротив, подчеркивает духовное родство всех религий и проповедует необходимость создания в мире единой религии.

Неоиндуистские конфессии (*Анандамарг*, *Международное общество сознания Кришны* и др.) весьма отда-

лились от ортодоксального индуизма и также пытаются создать на его основе новое универсальное вероучение.

Вторая религия Южной Азии — *джайнизм* — сильно уступает индуизму по числу последователей и широте распространения. Джайнов насчитывается 4,2 млн, и сосредоточены они в основном в индийских штатах Махараштра, Гуджарат и Раджастан. Эта религия, по преданию, основана в VI в. до Р. Хр. Махавирой Джнятрипутрой. Высшей субстанцией джайны считают индивидуальные души, обладающие бессмертием и подвергающиеся постоянным перевоплощениям. Джайны рассматривают аскетизм как средство спасения, настаивают на недопустимости насилия в отношении любого живого существа. Джайнизм подразделяется на несколько сект. Секта *Дигамбара* разрешает аскетам ходить голыми, секта *Шветамбара* требует от них носить белую одежду.

Значительно позже индуизма и джайнизма возник *сикхизм*. Религия эта была основана в XV — начале XVI в. Нанакм. Выйдя из недр индуизма, сикхизм провозгласил единое божие, отверг кастовый строй, запретил жертвоприношения, отказался от священнослужителей, не практикует публичные богослужения. Единственный объект поклонения у сикхов — их священная книга *Адигрантх*. Общая численность сикхов — 23 млн, они сосредоточены преимущественно в индийском штате Пенджаб. Много последователей сикхизма живет за границей, в частности в Канаде, США, Великобритании. Сикхи подразделяются на секты: *Миссия Ниранкари*, *Ниранкари дарбар*, *Намдхари*, *Удаси* и др.

В Восточной Азии, прежде всего в Китае и Японии, религиозная ситуация отличается большим своеобразием. Здесь широко распространено явление политеистического, когда один и тот же человек одновременно исповедует две и более религии. Поэ-

тому религии в этом регионе теснейшим образом переплелись между собой, проникли друг в друга, и определить число последователей каждой из них очень сложно.

В Китае подобный поликонфессиональный комплекс образовали три религии: конфуцианство, даосизм и буддизм, причем если первые две возникли на местной почве, то третья проникла извне. Последователи этой сложной системы, по очень приблизительным подсчетам, насчитывают 385 млн человек (6% всего населения мира), причем в их числе также весьма ориентировочно можно выделить примерно 2,7 млн наиболее ревностных сторонников даосизма (в основном на Тайване). Кроме того, в некоторых регионах, где столь тесного переплетения религий нет (прежде всего в Корее), конфуцианство исповедуют еще 12 млн человек.

В Японии поликонфессиональный комплекс образуют буддизм и национальная религия японцев — синтоизм. Когда официальные японские источники определяют количество приверженцев каждой из этих религий, то получается, что число как буддистов, так и синтоистов приближается к общей численности населения страны. Однако социологические исследования показывают, что большая часть японцев, выполняя обряды обеих религий, все же отдает предпочтение буддизму, а численность «чистых» синтоистов составляет всего около 3 млн человек, которые объединены в большое число сект.

Секты синтоизма очень разнородны. Так, среди них есть секты, близкие древним японским верованиям. Это прежде всего сравнительно малочисленные «горные» секты *Фусо* и *Дзикко*, объектом почитания в которых служат горы. Имеются секты, сильно отошедшие от ортодоксального синтоизма и называемые неосинтоистскими, например секта *Ананай*, вобравшая многие элементы христ-

анства. Некоторые из таких сект настолько отделились от синтоизма, что многие религиоведы считают их принадлежащими к так называемым новым религиям Японии (см. ниже). Наконец, большая группа синтоистских сект сравнительно близко стоит к ортодоксальному синтоизму (наиболее крупные из них: *Идзумо оясиро*, *Синсю*, *Онтакэ*, *Синри*).

В Корее наряду с буддизмом, конфуцианством и некоторыми другими религиями часть населения исповедует шаманизм в его развитой форме (свыше 10 млн человек).

В Азии значительным влиянием пользуются синкретические религиозные системы, обычно называемые новыми религиями. Число их последователей (не считая бахаистов) достигает 102 млн человек, что составляет около 2% всего населения мира. Странами, где сформировались новые религии, являются Япония, Корея, Китай, Вьетнам, Индонезия.

В Японии к новым религиям обычно относят конфессиональную группу *PL кёдан*, пытающуюся сочетать буддийские и синтоистские догматические положения и отрицающую резкую грань между людьми и богами, *Сэйтё-но из*, использующую идеи синтоизма, буддизма, христианства и других религий и утверждающую существование родственной связи между человеком и божеством, *Сэкай кюсэй*, поставившую целью соединение человека с божественными существами. Кроме того, некоторые религиоведы относят к японским новым религиям неосинтоистскую секту *Тэнри*, имеющую свое особое божество по имени Тэнри и полагающую, что в ее культовом центре находится центр Вселенной. К новым религиям Японии причисляют также *Нитирэн сёсю* (на основе ее создана очень влиятельная религиозно-общественная организация Сока гаккай), *Рэй ю кай* и *Риссё косэй кай*, являющиеся метабуддийскими сектами.

Из новых религий Кореи самой известной является *Чхондогё*, верование которой представляет собой синтез шаманистских, буддийских, конфуцианских и христианских элементов.

Две крупные новые религии Вьетнама — *Каодай* и *Хоахао*. Догматические положения Каодай являются синтезом буддизма и христианства с некоторыми элементами конфуцианства и даосизма. Хоахао также представляет собой синкретическую религию, возникшую в результате попытки реформировать во Вьетнаме тхераваду. Подавляющее большинство населения Индонезии формально исповедует ислам, однако на самом деле значительная часть жителей страны придерживается различных синкретических культов. На самом населенном острове Индонезии — Яве — более или менее ортодоксальный ислам (*агами ислам сантри*), распространенный преимущественно среди городского населения, заметно отличается от массового, распространенного в сельской местности ислама (*агами джави*), включающего в себя элементы индубуддизма и местных архаических культов. Значительное распространение получают на Яве и разновидности синкретического религиозного движения *Кебатинан*, преследующего цель духовного самосовершенствования.

На Филиппинах есть так называемая *Церковь Христа*, отошедшая от многих католических догматических положений и считающая, что Иисус Христос родился на Филиппинах.

Весьма своеобразной религией является *бурханизм*, возникший на Алтае в начале XX в. Объектом почитания в этой религии, вобравшей в себя элементы местного шаманизма и ламаизма, стал бог Бурхан.

К новым религиям иногда относят также *бахаизм*. Основанный во второй половине XIX в. в Иране в

шиитской среде как реформистский вариант бабизма — крайне радикального религиозного движения, он затем трансформировался в самостоятельную религию. Бахаисты (как и бабиды) отвергли Коран, шариат, мусульманскую обрядность, провозгласили посланниками Бога основателей крупнейших религий мира (Будду, Иисуса, Мухаммада и др.), призвали к миру между всеми слоями общества и к ликвидации национальных границ. Это привлекло к новой религии некоторое число верующих во многих странах мира, в том числе и в государствах Европы и Северной Америки, чему способствовала также широко развернутая миссионерская деятельность. Тем не менее в крупную религию бахаизм не превратился, и общее число его сторонников достигает только 7 млн человек. Самая значительная группа бахаистов имеется в Индии, немало их в Иране, Уганде, Кении, США, Боливии и некоторых других странах. В России, куда бахаизм проник в последние годы, численность его сторонников невелика — несколько тысяч человек.

В некоторых странах мира, и прежде всего в государствах Африки к югу от Сахары, продолжают сохраняться племенные верования. Общая численность приверженцев традиционных культов — 216 млн человек, т. е. они составляют менее 4% населения мира. Наиболее высокая доля сторонников племенных религий в Бенине — 52%. Традиционные культы имеют также много сторонников в Мозамбике (50%), на Мадагаскаре (48%), в Сьерра-Леоне (46%), Гвинее-Бисау (45%), Либерии (43% населения), Ботсване (39%), Того (38%), Кот-д'Ивуаре (38%), Буркина-Фасо (34%), Зимбабве (30%). Традиционные верования имеют большое число последователей и в одной азиатской стране — Лаосе (42% населения).

Краткий словарь

Автохтонный (об этносе, культурных, религиозно-мифологических и др. традициях) — не выходящий за пределы места своего происхождения; местный, аборигенный, противостоящий заимствованному, пришлому, инородному. Автохтоны в греческой традиции — название перво жителей какой-либо местности.

Адоптация — принятие в состав родственного сообщества, усыновление.

Амидаизм — течение японского буддизма, в центре которого стоит культ будды Амитабха (Амиды), создателя и владыки буддийского рая — «счастливой страны» Сукхавати.

Анимизм — одухотворение, одушевление объектов природы и культуры, религиозные представления о духах и душе.

Антропоморфность (антропоморфизм) — наличие человеческого облика у мифологического персонажа, объекта религиозного культа или ритуализированного быта.

Апокалипсис («Откровение св. Иоанна Богослова») — заключительная книга Нового завета, содержащая пророчества о конце мира, борьбе Христа и Антихриста и Страшном суде. См. *эсхатология*.

Апокрифы — в религиозных традициях тексты, не включенные в канон, не признанные подлинными, боговдохновенными.

Арианство — христианское учение (IV в.), отрицающее тождественность Христа-Логоса Богу-Отцу и утверждающее его «тварность»; Никейским собором (325 г.) признано еретическим.

Арии, арийцы — племена индоевропейской языковой семьи (в более узком смысле — индо-иранские).

Аскеза — тип религиозного поведения: подавление телесных желаний, воздержание, отказ от жизненных благ и удовольствий, безбрачие, изнурение («умерщвление») плоти и т. п. во имя достижения духовного и нравственного идеала.

Астральный (образ, сюжет, мотив и т. д.) — в религиозно-мифологических традициях относящийся к небесным телам (звездам, планетам); сюда же включаются солнце и луна, хотя иногда связанная с ними тематика (соответственно солярная и лунарная) рассматривается обособленно от собственно астральной, в узком смысле относящейся только к звездам, созвездиям и планетам.

Богиня-мать — один из центральных (и древнейших) религиозно-мифологических образов, соотносимый с землей и с женским природным производительным началом.

Время мифическое — начальная эпоха первотворения, к

которой приурочены события, описываемые в мифе.

Генеалогия — родословная; имеет большое значение в религиозно-мифологических традициях (Г. богов, их земных потомков и т. д.).

Гностицизм — религиозно-философское дуалистическое учение (с I в. н. э.), синтезировавшее элементы греческих, иудаистических, христианских, иранских, египетских, вавилонских мифологических и философских традиций.

Геомантика, геомантия — искусство гадания на песке, предсказаний по возникающим на песке узорам.

Глиптика — резьба по камню.

Демиург — бог-творец, один из древнейших типов центрального мифологического персонажа.

Демонология — комплекс представлений о религиозно-мифологических персонажах низшего уровня, духах; область науки, занимающаяся изучением этих представлений.

Дерево (древо) мировое, древо жизни — универсальный мифологический символ, важнейшее олицетворение «космической оси», объединяющей Вселенную по вертикали.

Докеты — раннехристианская секта (с конца II в.), исходящая из представления об иллюзорности человеческой природы Христа.

Дольмен — древнее погребальное сооружение в виде поставленного вертикального огромного камня, на который сверху положена каменная плита.

Доместикация — приручение («одомашнивание») диких животных человеком.

Доминанта — главная идея, главный признак, центральный элемент чего-либо (в том числе религиозно-мифологической традиции,

относящегося к ней текста, сюжета и т. д.).

Дуализм — в широком (не философском) смысле слова двойственность, двусторонность, двухкомпонентность; наличие двух, как правило, противостоящих начал в мифологической системе, религиозном учении и пр.

Евхаристия — причащение, таинство христианской церкви, ритуальное вкушение хлеба и вина, воплощающих в себе тело и кровь Христа.

Ессеи — одна из сект иудаизма (II—I вв. до н. э.), непосредственно предшествующая возникновению христианства; вероучение имеет мессианский, эсхатологический, дуалистический характер.

Зооморфность (зооморфизм) — наличие у персонажа (мифологии, фольклора, религии) или объекта ритуализированного быта облика животного.

Иконография — совокупность правил изображения персонажей в традициях религиозного искусства; совокупность самих изображений какого-либо персонажа мифа и религии.

Имитативные действия — магические обряды, долженствующие воздействовать на мир путем имитации желательного результата.

Имманентный — внутренний, присущий предмету (явлению и т. д.), проистекающий из его природы.

Инициация — система архаических ритуалов (имеющих мифологические соответствия), с помощью которых юношей и девушек переводили в возрастную класс мужчин и женщин.

Ипостась — форма проявления религиозно-мифологического персонажа; образ, в котором он воплощен; в христианстве — каждое из лиц Святой Троицы.

Канон — совокупность текстов, признаваемых церковью истинными, боговдохновенными; свод правил, относящихся к религиозной догматике или культу.

Канонизация — причисление к лику святых.

Конкубинат — добрачное или внебрачное сожительство мужчины и женщины.

Космогония — здесь: описание происхождения мира в религиозно-мифологических традициях.

Креационный миф — тип космогонического мифа, в основе которого лежит представление о сотворении богом мира из ничего.

Культурный герой — один из центральных (и древнейших) типов мифологического персонажа; он создает или добывает для людей блага культуры (огонь, культурные растения, орудия и пр.), учреждает обряды и нормы социальной организации, учит приемам различной полезной деятельности и т. д., а также участвует в сотворении мира.

Логос — созидательная сила божественного слова, посредующая между Богом, сотворенным им миром и человеком; в христианстве — Христос, второе лицо Троицы.

Магия — сверхъестественное воздействие на окружающий мир при помощи специальных обрядов с целью вызвать желательный результат.

Мезолит — средний каменный век (ок. 10—5 тыс. до н. э.) между палеолитом и неолитом.

Мессия — посланник Бога на земле, навсегда устанавливающий свое царство.

Метаморфоза — превращение.

Метемпсихоза — переселение души после смерти в новое тело.

Миксантропический — име-

ющий в своем облике черты человека и животного.

Мистерия — жанр религиозной постановки в средневековой Европе.

Мифологема — значимый элемент мифологической системы или традиции.

Моногамия — единобрачие.

Монотеизм — единобожие.

Монофелитство — христианское учение (нач. VII в.) о наличии у Христа двух сущностей (божественной и человеческой), но единой воли.

Монофиситство — христианское учение (V в.) о соединении во Христе природы Бога и человека путем поглощения человеческого начала божественным.

Неандертальцы — ископаемые люди раннего палеолита, жившие 200—35 тыс. лет назад.

Неолит — новый каменный век (8—3 тыс. лет до н. э.).

Неоплатонизм — школа античной философии (III—VI вв.), включающая учение о божественном сверхсущем Первоедином, от которого иерархически происходят (через эманацию — «истечение») прочие разряды бытия.

Неофит — новообращенный.

Несторианство — христианское учение (V в.) о наличии у Христа первоначально лишь человеческой природы и об обретении им только впоследствии божественной природы. Эфесским собором (431 г.) признано еретическим.

Ониромантия — гадание по сновидениям.

Онтология — учение о всеобщих основах и принципах бытия.

Оргиастическая религия — экстатические культы; культы, использующие состояния измененного сознания.

Орфики — последователи рели-

гиозного учения (Древняя Греция, VI в. до н. э.), включающего дуалистическое противопоставление души и тела, истолковываемого как темница для души.

Офиоморфизм — змеевидность.

Палеолит — древний каменный век (свыше 2 млн. лет назад — 10 тыс. лет до н. э.).

Пантеон — совокупность богов в религиозно-мифологической системе.

Парадигма — исходная схема, модель; логическое отношение элементов внутри системы (в отличие от синтагмы — отношение внутри их «линейного» разворачивания в речи, тексте, сюжете и т. д.).

Партикулярный — здесь: местный, отдельный — о церкви (в противоположность вселенской церкви).

Персонификация — представление отвлеченного понятия, явления, свойства в образе человека.

Петроглифы — наскальные изображения (высекавшиеся с конца палеолита до средневековья).

Пиктография — «рисуночное» письмо, способ передачи сообщения в виде последовательности рисунков.

Пифагореизм — философская школа в Древней Греции (с VI в. до н. э.), включающая учение о бессмертии души, метемпсихозе, о числе как основе всего сущего, о числовых пропорциях как об отражении мировой гармонии.

Платонизм — учение древнегреческого философа Платона (V—IV вв. до н. э.), включающая понятия о «мировой душе», о реальном существовании мира идей («эйдосов»), противопоставленных материи, о бессмертной душе человека и ее воспоминаниях о мире идей как основе познания и др.

Политеизм — многобожие.

Преанимизм — древнейшие представления, гипотетически существовавшие в эпохи, предшествующие возникновению анимизма.

Провиденциализм — истолкование исторического развития как осуществления Божьего замысла, провидения.

Продуцирующие обряды — обряды, призванные увеличить производительные потенции природы.

Прозелитизм — проповедничество, стремление обратить других в свою веру; горячая приверженность обращенного новому вероисповеданию.

Рудиментарный — остаточный, утративший свою функцию и постепенно исчезающий.

Саддукеи — иудейская религиозно-политическая группировка (II в. до н. э.), признававшая только писаный Закон и отрицавшая устное Предание; занимали умеренные позиции в вопросе о богоизбранности еврейского народа.

Сакральный — священный, ритуальный.

Синедрион — верховный суд в Иудее (I в. до н. э.).

Синкретизм — изначальная слитность, нерасчлененность (например, различных элементов первобытной культуры); соединение разнородных, часто противоречивых элементов (например, так называемые синкретические религии).

Солярный — солнечный (о религиозном культе, мифе и пр.).

Табу — религиозный запрет, нарушение которого неизбежно влечет за собой отрицательные последствия (прежде всего в архаических традициях).

Теизм — религиозно-философское учение о существовании Бога как

сверхъестественного существа (вне мира и над ним), по воле (и при непосредственном участии) которого происходит все в мире.

Теогония — родословная богов, цикл мифов об их происхождении.

Теология — богословие, приведенные в систему вероучения какой-либо религии; например, в христианстве Т. включает Священное писание и Священное предание, догматику, апологетику, этику, учение о церкви и др. разделы.

Таратологические мифы — мифы об уродливых существах.

Териоморфность — наличие у персонажа облика животного (см. зооморфность).

Теургия — магическое действие с целью подчинения себе потусторонних сил, духов, богов и воздействия таким образом на ход событий.

Тописка — темы и образы, которые могут кристаллизоваться в устойчивых языковых формах.

Топоним — географическое название.

Тотемизм — архаические представления о родстве групп людей с каким-либо животным, растением, а также явлением или объектом природы, лежащие в основе родоплеменных классификаций, обрядов, мифов и т. д.

Трансцендентный — находящийся за границами сознания и познания.

Трикстер — одна из древнейших форм мифологического культурного героя, его комический и (или) отрицательный двойник.

Фаллический — относящийся к архаическому культу мужского полового органа (фаллоса), символизирующего оплодотворяющие начала природы.

Фарисеи — иудейская религиозно-политическая группировка (II в. до н. э.), отличавшаяся особой строгостью в соблюдении обрядности, настаивавшая на непрекосновенности еврейской религиозной традиции.

Фетишизм — архаический культ фетишей, наделяемых сверхъестественными свойствами неодушевленных предметов.

Хтонический (культ, миф, образ и т. д.) — имеющий отношение к мифологизированному образу земли (прежде всего как начала и порождающего, и связанного со смертью).

Эзотерический — потаенный, сокровенный, предназначенный лишь для посвященных.

Эйдос — в древнегреческой традиции «образ», «вид», «форма»; отдельная от вещи, умопостигаемая «идея» (по Платону).

Экскоммуникация — исключение из конфессионального сообщества.

Эманация — истечение творческой энергии Божества как первопричина создания мира (в неоплатонизме, гностицизме).

Эон — бесконечно долгий период времени.

Эпоним — дающий чему-либо свое имя.

Эсхатология — религиозно-мифологические концепции конца мира.

Этиология — объяснение причин происхождения чего-либо (в частности, в мифологии).

Этногенетический, этногонический — относящийся к теме происхождения племени или народа.

Библиография

Что мы знаем о верованиях и обрядах человека доисторических времен

Ранние формы искусства. — М., 1972.

Токарев С. А. Религия в истории народов мира. — М., 1976.

Древние египтяне

Коростовцев М. А. Религия Древнего Египта. — М., 1976.

Липинская Я., Марциняк М. Мифология Древнего Египта. — М., 1983.

Народы Древнего Двуречья

Франкфорт Г., Франкфорт Г. А., Уилсон Дж., Якобсен Т. В преддверии философии: Духовные искания древнего человека. — М., 1984.

Оппенгейм Л. Древняя Месопотамия: Портрет погибшей цивилизации. — М., 1980.

Дьяконов И. М. Архаические мифы Востока и Запада. — М., 1990.

Финикийцы

Бернхардт К.-Х. Древний Ливан. — М., 1982.

Циркин Ю. Б. Финикийская культура в Испании. — М., 1976.

Циркин Ю. Б. Карфаген и его культура. — М., 1986.

Шифман И. Ш. Ветхий завет и его мир. — М., 1987.

Древние евреи

Амусин И. Д. Рукописи Мертвого моря. — М., 1960.

Косидовский З. Библейские сказания. — М., 1978.

Ранович А. Б. Очерк истории древнееврейской религии. — М., 1937.

Народы древней Малой Азии

Луна, упавшая с неба: Древняя литература Малой Азии. — М., 1977.

Гютербок Г. Г. Хеттская мифология // Мифология древнего мира. — М., 1977.

Ардинба В. Г. Ритуалы и мифы древней Анатолии. — М., 1982.

Древние греки

- К у н Н. А. Легенды и мифы Древней Греции. — М., 1975.
Л о с е в А. Ф. Античная мифология в ее историческом развитии. — М., 1957.
Т а х о - Г о д и А. А. Греческая мифология. — М., 1989.

Этруски

- Н е м и р о в с к и й А. И. Этруски: От мифа к истории. — М., 1983.

Умбры и римляне

- Н е м и р о в с к и й А. И. Идеология и культура раннего Рима. — Воронеж, 1964.

Иранские народы

- Авеста: Избранные гимны. — Душанбе, 1990.
Б о й с М. Зороастрийцы: Верования и обычаи. — М., 1988.
Д р е з д е н М. Мифология древнего Ирана // Мифология древнего мира. — М., 1977.
Р а п о п о р т Ю. А. Из истории религии древнего Хорезма. — М., 1971.

Скифы и сарматы

- Б е с с о н о в а С. С. Религиозные представления скифов. — Киев, 1983.
Р а е в с к и й Д. С. Модель мира скифской культуры. — М., 1985.

Нуристанцы

- Г р ю н б е р г А. Н. Нуристан: Этнографические и лингвистические заметки // Страны и народы Востока. — Вып. 10. — М., 1971.
Й е т т м а р К. Религия Гиндукуша. — М., 1986.

Народы Индии

- Б о н г а р д - Л е в и н Г. М., И л ь и н Г. Ф. Индия в древности. — М., 1985.
Т е м к и н Э. Н., Э р м а н В. Г. Мифы Древней Индии. — М., 1985.

Китайцы

- В а с и л ь е в Л. С. Культы, религии, традиции в Китае. — М., 1970.
Ю а н ь К э. Мифы Древнего Китая. — М., 1987.
Б о д д е Д. Мифы Древнего Китая // Мифологии древнего мира. — М., 1977.
М а л ь в и н В. В., К о ж и н П. М. Традиционные верования и синкретические религии Китая // Локальные и синкретические культы. — М., 1991.

Корейцы

- В о л к о в С. В. Ранняя история буддизма в Корее. — М., 1985.
Д ж а р ы л г а с и н о в а Р. Ш. Корейские мифы о культурных героях // Религия и мифология народов Восточной и Южной Азии. — М., 1970.
И о н о в а Ю. В. Обряды, обычаи и их социальные функции в Корее: Середина XIX — начало XX в. — М., 1982.

Японцы

- А р у т ю н о в С. А., С в е т л о в Г. Е. Старые и новые боги Японии. — М., 1968.

О в ч и н н и к о в В. В. Ветка сакуры. — М., 1971.

Айны

Н е в с к и й Н. А. Айнский фольклор. — М., 1972.

С п е в а к о в с к и й А. Б. Духи, оборотни, демоны и божества айнов. — М., 1988.

Тибетцы

Г е р а с и м о в а К. М. Традиционные верования тибетцев в культовой системе ламаизма. — Новосибирск, 1989.

К ы ч а н о в Е. И., С а в и ц к и й Л. С. Люди и боги Страны снегов. — М., 1975.

О г н е в а Е. Д. Тибетцы // Календарные обычаи и обряды народов Восточной Азии: Новый год. — М., 1985.

О г н е в а Е. Д. Тибетцы // Календарные обычаи и обряды народов Восточной Азии: Годовой цикл. — М., 1989.

Тибето-бирманские народы

Тайские народы

Мон-кхмерские народы

К о р н е в В. И. Буддизм и его роль в общественной жизни стран Азии. — М., 1983.

К о р н е в В. И. Буддизм и общества в странах Южной и Юго-Восточной Азии. — М., 1987.

Кхмерские мифы и легенды. — М., 1981.

Сказки народов Бирмы. — М., 1976.

С т р а т а н о в и ч Г. Г. Народные верования населения Индокитая. — М., 1977.

Ч е с н о в Я. В. Историческая этнография стран Индокитая. — М., 1976.

Вьетнамцы

Н и к у л и н Н. И. Мифоэпические сказания народов Вьетнама // Специфика жанров в литературах Центральной и Восточной Азии. — М., 1985.

С т р а т а н о в и ч Г. Г. Народные верования населения Индокитая. — М., 1978.

Народы Малайского архипелага

Р е в у н е н к о в а Е. В. Народы Малайзии и Западной Индонезии: Некоторые аспекты духовной культуры. — М., 1980.

Ч л е н о в М. А. Население Молуккских островов. — М., 1978.

Армяне

А б е г я н М. Х. История древнеармянской литературы. — Ереван, 1975.

О р м а н и а н М. Армянская церковь, ее история, учение, внутренний строй, литургия, литература, ее настоящее. — М., 1913.

Г а н а л а н я н А. Т. Армянские предания. — Ереван, 1979.

Грузины

Б а р д а в е л и д з е В. В. Древнейшие религиозные верования и обрядовое

графическое искусство грузинских племен. — Тбилиси, 1957.

В и р с а л а д з е Е. Б. Грузинский охотничий миф и поэзия. — М., 1976.

Народы Северного Кавказа и Дагестана

А б а е в В. И. Дохристианская религия алан. — М., 1960.

Д ю м е з и л ь Ж. Осетинский эпос и мифология. — М., 1976.

Кабардинский фольклор. — М.—Л., 1936.

М и л л е р В. Ф. Осетинские этюды. — Ч. II. — М., 1982.

Ш о р т а н о в А. Т. Адыгская мифология. — Нальчик, 1982.

Кельты

Похищение быка из Куальнге. — М., 1985.

Ф и л и п Я. Кельтская цивилизация и ее наследие. — Прага, 1965.

Германские народы

Б е о в у л ь ф. Старшая Эдда. Песнь о Нибелунгах. — М., 1975.

М е л е т и н с к и й Е. М. «Эдда» и ранние формы эпоса. — М., 1968.

С т у р л у с о н Снорри. Младшая Эдда. — Л., 1970.

С т е б л и н - К а м е н с к и й М. И. Миф. — Л., 1976.

Балтийские народы

Латышские народные предания. — Рига, 1962.

Цветок папоротника: Литовские мифологические сказания. — Вильнюс, 1989.

Славянские народы

З е л е н и н Д. К. Очерки русской мифологии. — Пг., 1916.

Н и д е р л е Л. Славянские древности. — М., 1956.

П о м е р а н ц е в а Э. В. Мифологические персонажи в русском фольклоре. — М., 1975.

Славянский и балканский фольклор. — Вып. 1—5. — М., 1978—1989.

Финно-угорские и самодийские народы

Мировоззрение финно-угорских народов. — Новосибирск, 1990.

Мифологические сказки и исторические предания энцев. — М., 1961.

Мифы, предания, сказки хантов и манси. — М., 1990.

М о к ш и н Н. Ф. Религиозные верования мордвы. — Саранск, 1968.

Рода нашего напевы. — Петрозаводск, 1985.

Сказки и предания нганасан. — М., 1976.

Ч а р н о л у с к и й В. В. В краю летучего камня. — М., 1972.

Я р ы г и н А. Ф. Современные проявления дохристианских верований марийцев. — Йошкар-Ола, 1976.

Кеты

А л е к с е е н к о Е. А. Представления кетов о мире // Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера. — Л., 1976.

И в а н о в В. С., Т о п о р о в В. Н. Комментарий к описанию кетской мифологии // Кетский сборник «Мифология, этнография, тексты». — М., 1969.

Древние тюрки

К л я ш т о р н ы й С. Г. Мифологические сюжеты в древнетюркских памятниках // Тюркологический сборник 1977. — М., 1981.

Тюркские народы Сибири

К а т а ш С. Мифы, легенды Горного Алтая. — Горно-Алтайск, 1978.

П о т а п о в Л. П. Алтайский шаманизм. — Л., 1991.

Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири: Пространство и время. Вещный мир. — Новосибирск, 1988.

Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири: Человек. Общество. — Новосибирск, 1989.

Тюркские народы, живущие в Средней Азии и к западу от нее

Домусульманские верования и обряды Средней Азии. — М., 1975.

С н е с а р е в Г. П. Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма. — М., 1969.

Р у д е н к о С. И. Башкиры: Историко-этнографические очерки. — М.—Л., 1955.

Монгольские народы

Б а н з а р о в Д. Черная вера, или Шаманство у монголов // Собр. соч. — М., 1955.

Ж у к о в с к а я Н. Л. Бурятская мифология и ее монгольские параллели // Символика культов и ритуалов народов зарубежной Азии. — М., 1980.

Д у ш а н У. Обычаи и обряды дореволюционной Калмыкии // Этнографический сборник. — Т. I. — Элиста, 1976.

Маньчжуры

Книга о шаманке Нисань. Пер. К. С. Яхонтова. — СПб., 1992.

Нишань самани битхэ (Предание о нишанской шаманке) // Памятники литературы народов Востока. Тексты. Малая серия. — Т. VII. — М., 1961.

Ш и р о к о г о р о в С. М. Опыт исследования основ шаманства у тунгусов. — Владивосток, 1919.

Тунгусо-маньчжурские народы

А в р о р и н В. А., Л е б е д е в а Е. П. Ороческие сказки и мифы. — Новосибирск, 1966.

А в р о р и н В. А., Л е б е д е в а Е. П. Ороческие тексты и словарь. — Л., 1978.

А н и с и м о в А. Ф. Религия эвенков. — М.—Л., 1958.

М а з и н А. И. Традиционные верования и обряды эвенков-ороченов. — Новосибирск, 1984.

Палеоазиатские народы

К р а ш е н и н н и к о в С. П. Описание земли Камчатки. — М.—Л., 1949.

Б о г о р а з В. Г. Чукчи. — Т. 2. Религия. — Л., 1939.

Сказки и мифы народов Чукотки и Камчатки. — М., 1974.

М е л е т и н с к и й Е. М. Палеоазиатский мифологический эпос. — М., 1979.

Эскимосы и алеуты

Эскимосские сказки и мифы. — М., 1988.

Индейцы Северной Америки

Ващенко А. В. Историко-эпический фольклор североамериканских индейцев: Типология и поэтика. — М., 1989.

Покуда растут травы...: Антология мифов, традиционной и современной поэзии, легенд индейцев и эскимосов США и Канады. — Якутск, 1988.

Феест Кристиан Ф. Искусство коренных народов Северной Америки. — М., 1985.

Индейцы Центральной Америки

Кинжалов Р. В. Культура древних майя. — Л., 1971.

Кнорозов Ю. Ф. Пантеон древних майя: VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук. — М., 1964. Вып. 8.

Индейцы Южной Америки

Березкин Ю. Е. Голос дьявола среди снегов и джунглей: Истоки древней религии. — Л., 1987.

Бразильские сказки и легенды. — М., 1962.

Легенды и сказки индейцев Латинской Америки. — Л., 1972.

Мифы, сказки, легенды Бразилии. — М., 1987.

Аборигены Австралии

Макконнел У. Мифы мункан. — М., 1981.

Дангло-Паркер К. Мифы и сказки Австралии. — М., 1965.

Берндт Р. М., Берндт К. Х. Мир первых австралийцев. — М., 1981.

Артемова О. Ю. Личность и социальные нормы в раннепервобытной общине (по австралийским этнографическим данным). — М., 1987.

Меланезийцы

Сказки и мифы Океании. — М., 1970.

Мифы, предания и сказки фиджийцев. — М., 1989.

Сказки и мифы папуасов киваи: Из сборника Г. Ландтмана. — М., 1977.

Путилов Б. Н. Миф — обряд — песня Новой Гвинеи. — М., 1970.

Микронезийцы

Сказки и мифы Океании. — М., 1970.

Полинезийцы

Те Ранги Хироа (П. Бак) Мореплаватели солнечного восхода. — М., 1959.

Сказки и мифы Океании. — М., 1970.

Луомала К. Голос ветра. — М., 1976.

Мифы, предания и легенды острова Пасхи. — М., 1978.

Мифы, предания и сказки Западной Полинезии. — М., 1986.

Халеле. Сказание о Лаиэ-и-ка-Ваи. — М., 1987.

Народы Африки южнее Сахары

Котляр Е. С. Мифы и сказки Африки. — М., 1975.

- Котляр Е. С. Эпос народов Африки южнее Сахары. — М., 1985.
Традиционные и синкретические религии Африки. — М., 1986.
Шаревская Б. И. Старые и новые религии Тропической и Южной Африки. — М., 1964.

Мировые религии

Буддизм

- Буддизм: Словарь. — М., 1992.
Джатаки. — М., 1978.
Буддизм: история и культура. — М., 1989.

Христианство

- Апокрифы древних христиан. — М., 1989.
Прот. Александр Мень. Сын Человеческий. — М., 1991.
Кубланов М. М. Возникновение христианства. — М., 1974.
От берегов Босфора до берегов Евфрата. — М., 1987.
Свенцицкая И. С. Раннее христианство: Страницы истории. — М., 1989.

Ислам

- Ислам: Краткий справочник. — М., 1983.
Массэ А. Ислам: Очерк истории. — М., 1962.
Питровский М. Б. Коранические сказания. — М., 1991.

Авторы: **Антонова Е. В.** (Что мы знаем о верованиях и обрядах человека доисторических времен); **Томашевич О. В.**, **Чегодаев М. А.** (Древние египтяне); **Афанасьева В. К.** (Народы Древнего Двуречья); **Циркин Ю. Б.** (Финикийцы); **Аверинцев С. С.** (Древние евреи. — Иудаизм; Христианство); **Мейлах М. Б.** (Древние евреи. — Каббала. Саббатизм. Франкианство. Хасидизм; Мандеизм; Езидейство); **Иванов Вяч. Вс.**, **Хачикян М. Л.** (Народы древней Малой Азии); **Лосев А. Ф.** (Древние греки); **Цымбурский В. Л.** (Этруски; Умбры и римляне); **Литвинский Б. А.** (Иранские народы. — Маздеизм. Зороастризм; Нуристанцы); **Смагина Е. Б.** (Митраизм; Манихейство); **Раевский Д. С.** (Скифы и сарматы); **Эрман В. Г.** (Народы Индии. — Брахманизм. Индийский буддизм. Джайнизм. Индуизм. Вишнуизм. Шиваизм); **Малявин В. В.** (Китайцы); **Джарылгасинова Р. Ш.** (Корейцы); **Садокова А. Р.** (Японцы); **Симонова-Гудзенко Е. К.** (Айны); **Огнева Е. Д.** (Тибетцы); **Чеснов Я. В.** (Тибето-бирманские народы; Тайские народы; Мон-кхмерские народы); **Никулин Н. И.** (Вьетнамцы); **Ревуненкова Е. В.** (Народы Малайского архипелага); **Арутюнян С. Б.** (Армяне); **Сургуладзе И. К.** (Грузины); **Алиева А. И.** (Народы Северного Кавказа и Дагестана); **Калоев Б. А.** (Осетинский нартский эпос); **Шкунаев С. В.** (Кельты); **Петрухин В. Я.** (Германские народы); **Иванов В. В.**, **Топоров В. Н.** (Балтийские народы); **Левкиевская Е. Е.** (Славянские народы); **Хелимский Е. А.** (Финно-угорские и самодийские народы); **Алексеевко Е. А.** (Кеты); **Кляшторный С. Г.** (Древние тюрки); **Сагалаев А. М.** (Тюркские народы Сибири); **Басилов В. Н.** (Тюркские народы, живущие в Средней Азии и к западу от нее); **Неклюдов С. Ю.** (Монгольские народы); **Яхонтов К. С.** (Маньчжуры); **Новик Е. С.** (Тунгусо-маньчжурские народы); **Мелетинский Е. М.** (Палеоазиатские народы); **Серов С. Я.** (Эскимосы и алеуты); **Ващенко А. В.** (Индейцы Северной Америки); **Кинжалов Р. В.** (Индейцы Центральной Америки); **Березкин Ю. Е.** (Индейцы Южной Америки); **Артемова О. Ю.** (Аборигены Австралии); **Путилов Б. Н.** (Меланезийцы); **Беликов В. И.** (Микронезийцы; Полинезийцы); **Котляр Е. С.** (Народы Африки южнее Сахары); **Жуковская Н. Л.** (Буддизм); **Пиотровский М. Б.** (Ислам); **Пучков П. И.** (Религии в современном мире).

Мифы и религии мира / Сост. и ред. С.Ю. Неклюдов. М.:
М 68 Российск. гос. гуманит. ун-т, 2003. 432 с.: ил.
ISBN 5-7281-0407-X

Чтобы понять другие народы, может быть, в первую очередь надо узнать, во что они верят, каким богам молятся. В этом томе читатель найдет короткие популярные рассказы о мифологии и религии народов мира, ныне живущих или существовавших прежде. Любопытные читатели могут приобщиться здесь к тому языку, на котором говорят национальные культуры, к образам и символам, лежащим в основе изобразительного и словесного искусства древности, Средневековья и Нового времени.

Авторы — как правило, крупнейшие (часто — единственные) специалисты в своих областях.

ББК 92

Научное издание

МИФЫ И РЕЛИГИИ МИРА

Художественный редактор
М.К. Гуров

Корректор
Н.П. Гаврикова

Технический редактор
Г.П. Каренина

Компьютерная верстка
Г.И. Гаврикова

ISBN 5-7281-0407-X

9 785728 104070 >

ИД № 05992 от 05.10.2001.
Подписано в печать 04.06.2004.
Формат 70×100 ¹/₁₆.
Усл. печ. л. 34,8 + 3,9 (вкл.).
Уч-изд. л. 39,0.
Тираж 1500 экз.
Заказ 10849

Издательский центр РГГУ
125267, Москва, Миусская пл., 6.
Тел. 973-4200
Отпечатано в ППП «Типография «Наука»
121099, Москва, Шубинский пер., 6.

